Всемирная История Экономической Мысли

1

Всемирная История Экономической Мысли

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

в шести томах

Главная редакционная коллегия:

В. Н. ЧЕРКОВЕЦ (главный редактор),
Е. Г. ВАСИЛЕВСКИЙ, В. А. ЖАМИН, И. П. ФАМИНСКИЙ (заместители главного редактора),
Ф. М. ВОЛКОВ, В. С. МОЛДАВАН, Р. М. НУРЕЕВ, Ю. Я. ОЛЬСЕВИЧ, В. В. ОРЕШКИН, Г. Х. ПОПОВ, В. В. РАДАЕВ, Ю. М. РАЧИНСКИЙ, Л. Н. СПЕРАНСКАЯ, Т. С. ХАЧАТУРОВ, А. Д. ШЕРЕМЕТ, А. Г. ХУДОКОРМОВ (ученый секретарь)

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Всемирная История Экономической Мысли

ТОМ I

От зарождения экономической мысли
до первых теоретических систем
политической экономии

Москва «Мысль» 1987

ББК 65.02
В84

РЕДАКЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

И. П. ФАМИНСКИЙ (ответственный редактор),
Р. М. НУРЕЕВ (зам. ответственного редактора),
Д. Н. ПЛАТОНОВ, Л. Н. СПЕРАНСКАЯ

Авторский коллектив:

Л. Б. АЛАЕВ, Ф. М. АЦАМБА, А. А. ВИГАСИН, Н. В. ВОРОБЕЙ, П. В. ГУГУШВИЛИ, Т. И. ДЕРЕВЯНКИН, В. В. ДРОЗДОВ, Л. А. КАРАСЕВА, Г. В. КИЛИКЯВИЧЕНЕ, И. А. КОЛПАКОВА, З. Г. ЛАПИНА, Й. МАКАЛ (ЧССР), В. И. МАРШЕВ, И. П. МЕДВЕДЕВ, М. С. МЕЙЕР, М. А. МИРОЛЮБОВ, М. В. НАУЧИТЕЛЬ, Р. М. НУРЕЕВ, В. В. ОРЕШКИН, Л. ПЕИЧ (СФРЮ), Я. Л. ПЕРКОВСКИЙ, Д. Н. ПЛАТОНОВ, Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ, В. П. ПУРОНАС, Х. Р. САБИРОВ, И. М. СЫРИЦЫН, М. М. СОЛОДКИНА, Л. Н. СПЕРАНСКАЯ, А. М. СТОЙКА, Д. Д. СТОЛЯРОВ, Х. СТРОДС, Н. Р. ТОВМАСЯН, И. П. ФАМИНСКИЙ, А. С. ФАРАДЖЕВ, А. Г. ХУДОКОРМОВ, С. ЦОНЕВ (НРБ), В. Н. ЧЕРКОВЕЦ, А. Д. ШЕРЕМЕТ

В научно-вспомогательный работе принимали участие Н. В. БОЧЕНКОВА, Г. Ю. ДУБЯНСКАЯ и П. А. ОТМАХОВ

Рецензент — д. э. н. В. В. ГОЛОСОВ

В $\frac{0603000000\text{-}028}{004(01)\text{-}87}$ подписное

© Издательство «Мысль». 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Экономическая мысль зарождается в глубокой древности. Уже первобытные люди обладали какими-то зачатками хозяйственных знаний. Постепенно возникали определенные представления об отношениях, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Первоначально экономические взгляды не выделялись в специальную область знаний, тем более в самостоятельную ветвь общественной мысли. Они были вкраплены в нерасчлененное (синкретическое) сознание, основу которого составляли религиозные верования, мифы, различные легенды и сказания. В них пытались описать хозяйственный опыт, дать советы или рекомендовать правила ведения учета, организации труда. Исподволь появляются элементы экономического мышления с попытками анализа и обобщения хозяйственных явлений. Это были уже предвестники формирования научного знания, которое дало начало развитию экономической науки, представляющей в наше время разветвленную систему отраслей обширного экономического знания, в центре которого находится политическая экономия.

Развитие экономической мысли постепенно формировало и науку о ее собственной истории. Фундаментальное значение для истории экономической науки имеют работы К. Маркса и Ф. Энгельса, в первую очередь «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»). В этом труде К. Марксом проанализированы не только основные направления предшествующей буржуазной экономической мысли, но и экономические работы более ранних эпох. Огромный вклад в марксистскую историю экономической науки внес В. И. Ленин. В дальнейшем советскими учеными и исследователями-марксистами за рубежом были созданы важные монографические работы, в которых раскрывается сущность революционного переворота, совершенного в экономической науке К. Марксом и Ф. Энгельсом, прослеживается процесс формирования марксистской политической экономии, ленинского этапа в ее развитии. Опубликованы многочисленные работы по истории классической буржуазной политэкономии, эволюции вульгар-

ной буржуазной политэкономии и ее кризиса в современных условиях. В Советском Союзе значительные успехи достигнуты в изучении русской экономической мысли, что нашло отражение в фундаментальном труде Института экономики АН СССР «История русской экономической мысли» (1955, 1958, 1966).

Вместе с тем все еще остаются недостаточно исследованными такие важные разделы истории экономической мысли, как мысль древнего Востока, античности, восточного средневековья. Более разностороннего освещения требуют экономические идеи буржуазных революций, а также революционно-демократическая мысль XVIII — XIX вв., так как в советской литературе представлена преимущественно русская мысль этого направления. Нуждается в более четкой марксистской трактовке история экономической мысли Китая, Индии, Японии, арабских стран, Латинской Америки.

Хотя проделана большая работа по исследованию формирования марксистско-ленинской экономической науки, не все задачи еще решены. Назрела потребность более всесторонне рассмотреть распространение экономических идей марксизма-ленинизма в мире. Многое еще предстоит сделать по написанию истории советской экономической мысли, исследованию развития экономической науки в социалистических странах, а также марксистско-ленинской экономической мысли в капиталистических и развивающихся странах.

Буржуазные экономисты искажают процесс развития марксизма, противопоставляя ранние работы К. Маркса и Ф. Энгельса поздним, сводят идеи «Капитала» к анализу абстрактных схем реализации и т. д. В их работах упорно отрицается ленинский этап в марксистской политической экономии, фальсифицируется идейное наследие В. И. Ленина. Разоблачить эти инсинуации помогает подлинная история марксистско-ленинской политической экономии. С нею неразрывно связан анализ революционного значения марксистской политической экономии, ее огромной роли в освободительном движении пролетариата, его победоносной борьбе за социализм. В работе «Три источника и три составных части марксизма» (1913) В. И. Ленин подчеркивал, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, не примиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета».

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала благотворное влияние на мировую экономическую мысль, развитие ее прогрессивных направлений. В гениальных трудах В. И. Ленина, обобщающих первый опыт социалистического переустройства общества, сделан важный шаг в становлении политической экономии социализма. Дальнейшее развитие она получила в партийных документах — решениях съездов, пленумов ЦК КПСС, в которых анализируются проблемы социалистического строительства в СССР. Несомненны успехи советской экономической науки в разработке экономических проблем социализма. После образования мировой системы социализма изучение его экономических проблем стало осуществляться во многих странах. Эти проблемы приобрели мировой характер и успешно решаются учеными всего социалистического содружества. Крупный вклад внесен ими в развитие политической экономии капитализма, изучение экономики капиталистических и развивающихся стран.

В настоящее время все большее значение приобретает объединение усилий братских стран в развитии марксистско-ленинской теории, изучении и использовании опыта социалистического строительства в разных странах. «Активизация коллективной мысли, постоянное расширение обмена духовными ценностями, сотрудничества в области науки и культуры служат,— как отмечается в новой редакции Программы КПСС,— дальнейшему углублению дружбы между социалистическими странами».

Выдающееся значение для развития экономической мысли приобрело мировое коммунистическое движение. Его представители опубликовали много исследований, посвященных критике капитализма и колониализма, развитию общего кризиса капиталистической системы, основным вопросам теории социализма, путей борьбы за него, экономике развивающихся государств.

В развивающихся странах идет острая идеологическая борьба, в ходе которой формируются революционно-демократические направления экономической мысли, противостоящие буржуазным концепциям развития этих стран, идеологической агрессии империализма.

Издание шеститомной «Всемирной истории экономической мысли» ставит своей целью подвести некоторые итоги исследований в отмеченных областях, показать растущее влияние марксизма-ленинизма на развитие экономической науки во всем мире, углубляющийся кризис буржуазной политической экономии.

Обобщающего исследования по истории экономической мысли нет до сих пор не только в нашей стране, но и за рубежом, хотя в ряде капиталистических государств (США, Великобритания, Франция, ФРГ и др.) нарастает поток изданий по этим вопросам, прежде всего учебных пособий. В этих работах, написанных с классово-буржуазных позиций, экономическая мысль прошлого и настоящего дается, как правило, в искаженном виде. Часто экономическая мысль древнего Востока подменяется изречениями из Ветхого завета, идеи античности излагаются односторонне, идейная борьба средневековья заслоняется суждениями одного Фомы Аквинского, игнорируются экономические идеи антифеодальных революций XVI—XVIII вв. и революционно-демократические направления экономической мысли XIX столетия, искажается история марксистско-ленинской политической экономии, умалчивается о развитии экономической науки в СССР и в других социалистических странах. В работах буржуазных историков экономической мысли апология капитализма является главной задачей. Хотя современная буржуазная политическая экономия переживает глубокий кризис, эти историки пытаются говорить о ее расцвете и возрождении.

Создание фундаментального труда по всемирной истории экономической мысли на основе марксистско-ленинской методологии чрезвычайно важно для разоблачения ее буржуазных фальсификаций, выяснения подлинного характера экономических идей и течений, их развития на протяжении тысячелетий, хода идейной борьбы вокруг экономических проблем.

Одной из задач исследования является критика современных буржуазных и мелкобуржуазных экономических концепций, экономических воззрений реформизма, ревизионизма, догматизма. «Важной задачей общественной науки,— подчеркивается в новой редакции Программы КПСС,— была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма».

Изучение всемирной истории экономической мысли призвано повысить теоретический уровень подготовки советских экономистов, улучшить преподавание экономических дисциплин, сыграть важную роль в идейной борьбе нашего времени.

Предмет науки. Предмет всемирной истории экономической мысли — исторический процесс возникновения, развития, борьбы и смены экономических взглядов основных классов и социальных групп в различных обществен-

но-экономических формациях. История знает разные формы организации и структуры экономических взглядов и идей. До сих пор преобладали работы по истории политической экономии. Однако экономическая мысль, конечно, шире, поскольку существовали и существуют многие экономические учения, в том числе менее зрелые течения экономической мысли, которые нельзя отнести к собственно политической экономии как науке теоретической. Между тем необходима развернутая картина экономических идей докапиталистических обществ, которые сыграли определенную роль в формировании всех экономических наук, в том числе политической экономии. Важно также показать революционное направление в истории экономических идей. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин проявляли большой интерес к разным течениям экономической мысли, если даже они выходили за рамки политической экономии.

Настоящее издание ставит своей задачей проследить развитие не только политической экономии, но и отдельных экономических идей и учений, предшествующих ей. Ее истоки надо искать в идеях отдельных мыслителей древности, их экономических платформах, проектах реформ, характере экономической политики государств и их правителей. В процессе исторического развития из аморфных идей возникали экономические учения, а на базе последних формировалась политическая экономия и другие экономические науки.

Родоначальниками политической экономии как науки явились У. Петти, П. Буагильбер, физиократы. В трудах классиков буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо она предстает уже как система экономических знаний. Создание пролетарской политической экономии К. Марксом и Ф. Энгельсом ознаменовало собой революционный переворот в политической экономии, экономической науке. Марксистско-ленинская политическая экономия является наукой об основных типах производственных отношений, присущих тем способам производства, которые известны истории.

Наряду с политической экономией в XVII — XVIII вв. начинается формирование других экономических наук. Эти науки изучают производительные силы, вопросы организации производства, особенности производственных отношений и экономическую политику в отдельных отраслях и сферах хозяйственной деятельности. Возникает наука и о методах экономических исследований (статисти-

ка). В дальнейшем, по мере развития и усложнения производства, появления новых методов исследований, система экономических наук становится более сложной, возникают новые экономические науки. Работы в области конкретно-экономических, организационно-управленческих и других экономических наук дополняют исследования современных проблем. Однако в центре всей системы знаний об экономике по-прежнему находится политическая экономия, которая дает для них методологическую базу.

Вместе с тем и после возникновения политической экономии и других экономических наук далеко не все экономические идеи и учения укладываются в их рамки. Изучение этих идей важно не только само по себе, поскольку их возникновение представляет собой сложный процесс развития экономической мысли, но и потому, что они в конечном счете находят отражение в экономической науке.

В условиях рабовладения и феодализма, основанных на натуральном хозяйстве, экономическая мысль носила по преимуществу локальный характер, все же миграция идей не исключалась. Достаточно сослаться на возникновение «мировых религий»— буддизма, христианства, ислама. Наиболее важные экономические идеи получают распространение и за пределами своих стран. Мысли Платона и Аристотеля были известны римлянам, а в средние века они стали достоянием многих стран Европы.

В эпоху капитализма вместе с развитием процесса интернационализации хозяйственной жизни необычайно усиливается циркуляция идей, развитие экономической мысли принимает все более всемирный характер. Так, классическая буржуазная политическая экономия, достигшая расцвета в работах А. Смита и Д. Рикардо, получает широкое распространение и оказывает влияние на развитие экономической мысли во многих странах мира. Поистине всемирный характер приобретает марксистско-ленинская экономическая теория. Уже с момента своего возникновения она оказывает огромное воздействие на весь ход развития экономической мысли в мире, становится практически во всех странах важным орудием в борьбе трудящихся с эксплуататорами, за построение социализма и коммунизма.

В исследовании всемирной истории экономической мысли особое место должно, естественно, занять изучение тех идей, учений и теорий, которые имеют наибольшее значение для поступательного процесса ее развития. Вместе с тем необходим анализ особенностей экономи-

ческой мысли в отдельных странах и регионах, связанных общностью исторических судеб.

Методология. Научная всемирная история экономической мысли может быть создана лишь на основе марксистско-ленинской методологии. Обоснованный Марксом и Энгельсом материалистический подход к анализу общественной мысли является единственно научным и плодотворным, обязывающим историка экономической мысли вскрывать ее «земные корни», материальную основу формирования и развития тех или иных идей.

Согласно марксистско-ленинской концепции истории экономических учений, источник развития экономических идей усматривается в изменениях и противоречиях самой хозяйственной жизни общества, в столкновении интересов различных классов и социальных групп и вместе с тем в противоречиях внутри самой теории.

Критериями прогресса в развитии всемирной экономической мысли выступают: защита исторически прогрессивного способа производства, передовых производственных отношений, обеспечивающих наибольший простор развитию производительных сил; обоснование наиболее эффективных методов хозяйствования, ведущих к максимально быстрому росту производительности труда и общественного богатства; защита интересов ведущего, передового класса данной эпохи; получение все более обширных и глубоких знаний об экономическом строе общества; все более полный анализ экономических законов и категорий, создание убедительной и стройной теории.

Существенное влияние на экономическую мысль оказывает господствующее в данную эпоху мировоззрение, общий уровень развития общественной мысли. Очевидно, что на экономические взгляды в эпоху зарождения классовых обществ не могло не оказывать влияние религиозно-мистическое восприятие мира. В то же время гуманистические идеи европейского Возрождения, отход от характерного для средневековья религиозного мракобесия послужили одним из факторов значительного прогресса экономической мысли, возникновения классической школы буржуазной политической экономии. Формирование пролетарской политической экономии стало возможным на базе диалектического и исторического материализма. Поэтому анализ экономической мысли на соответствующих исторических этапах необходимо вести на фоне общего процесса развития общественной мысли.

Для всемирной истории экономической мысли, как и других общественных наук, первостепенное значение имеет классовый анализ ее развития. Партии, выражая интересы классов, активно участвуют в идейной борьбе и защищают эти интересы. То же самое можно сказать относительно как отдельных экономистов, так и научных школ. Они в разной форме связаны с классами и в своих теориях и экономических проектах отражают их интересы.

В. И. Ленин, беспощадно разоблачая пресловутый объективизм П. Струве, маскирующий буржуазный апологетизм, писал в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», что нужно выяснение того, «какой именно класс определяет» необходимость развития социально-экономических процессов. В. И. Ленин отстаивал принцип партийности при трактовке социальных проблем и именно с пролетарских позиций оценивал различные течения экономической мысли.

Подлинно научное исследование истории экономической мысли невозможно вне материалистической диалектики, и прежде всего принципа историзма. Чтобы правильно судить о том или ином течении экономической мысли, надо учитывать исторические условия его возникновения, развития, распространения и упадка. Только оставаясь на позициях историзма, можно избежать модернизации экономических идей прошлого, столь обычной в буржуазной литературе.

Историзм помогает определить реальный вклад того или иного мыслителя в сокровищницу экономических идей. В. И. Ленин рекомендовал судить об этом вкладе не по тому, что мыслитель не успел решить, а по тому, что он дал нового по сравнению со своими предшественниками. Принцип историзма открывает широкие возможности для сравнительного анализа экономической мысли ряда стран и народов, причем на разных ступенях их развития.

Конечно, истории экономической мысли известна и филиация идей, их отпочкование от той или иной теории. Но и такое развитие не является чисто автономным и самостоятельным, ибо происходит в конкретных условиях исторической действительности, под ее влиянием, с участием представителей определенных классов. Например, вульгаризация буржуазной политической экономии была вызвана не только невозможностью объяснения идеологами буржуазии многих проблем на путях, предложенных классической школой, но и обострением классовых противоречий капитализма, развитием рабочего движения. Вот

почему необходимо выявить сочетание исторических и логических моментов в движении экономической мысли, ее прогрессе.

С принципиально иных методологических позиций подходят к фундаментальным проблемам истории экономической мысли представители буржуазной науки. Наиболее консервативная часть сторонников господствующих в буржуазной политэкономии течений продолжает придерживаться так называемого традиционного, или кумулятивистского, подхода. Развитие экономической мысли при этом представляется как простой процесс накопления знаний, а прогресс в ее развитии связывается с накоплением соответствующего экономического инструментария. Данная концепция чрезвычайно удобна для защитников традиционных буржуазных течений, так как предполагает, что вульгарная экономическая теория сможет и в будущем развиваться в установленном русле.

Особой разновидностью кумулятивистского подхода выступает концепция, характерная, например, для современного неолиберализма. В трудах неолиберальных теоретиков история экономических учений представлена как борьба сторонников двух «идеальных типов» хозяйства — свободного рыночного и централизованно-управляемого. При этом прогресс в развитии экономической науки, как правило, увязывается с защитой общества «независимых предпринимателей» и «свободной конкуренции» (т. е. капитализма) *, а вершиной экономического мышления изображается буржуазная политэкономия (в особенности само неолиберальное учение). Идеализм в истолковании проблем истории экономической мысли сочетается с откровенным антикоммунизмом, защитой отживающих общественных отношений.

Среди буржуазных ученых сформировался и другой взгляд на развитие экономической мысли, сторонники которого опираются на «теорию научных революций» американского историка Т. Куна. Важным понятием этой концепции служит «парадигма», под которой имеется в виду совокупность наиболее общих идей и методологических установок. Если «парадигма» принята научным сообществом, т. е. большинство ученых признают ее правильность, то имеет место так называемая нормальная

* В соответствии с таким подходом воззрения Аристотеля, Платона, Фомы Аквинского и других крупнейших мыслителей античности и средневековья трактуются всего лишь как незрелые или дилетантские буржуазные воззрения.

наука, целью которой становится не создание новых теорий, а лишь «наведение порядка в парадигме», выражающееся в шлифовке и приведении в четкое логическое соответствие старых представлений. Однако в конце концов появляются проблемы, которые невозможно решить в рамках господствующей «парадигмы». Тогда происходит научная революция, в результате которой старые представления полностью заменяются новыми.

Приложение идей Куна к истории экономической мысли привлекательно для буржуазных и мелкобуржуазных критиков традиционных вульгарных течений — институционалистов и «леворадикальных» теоретиков. Однако применение этой концепции дает противоречивые результаты в описании итогов развития экономической мысли. С одной стороны, признается возможность некоторого прогресса экономической теории (в связи с включением в состав «новой парадигмы» проблем, остававшихся ранее не освещенными). С другой стороны, поскольку очередная «парадигма» строится как полное и абсолютное отрицание предшествующих идей, в истории науки отрицается какая-либо преемственность, а следовательно, и долгосрочное приращение знаний: в перспективе каждая «парадигма» будет отвергнута последующей, и так без конца. Указанная концепция содержит своеобразное, хотя и неполное отражение кризиса вульгарной экономической теории. Однако, будучи распространена на мировую экономическую мысль в целом, она подводит к неправомерному отрицанию возможностей прогресса марксистско-ленинской экономической науки.

Только марксистско-ленинская методология — основа подлинно научного исследования истории экономической мысли, правильной оценки глубинных причин формирования экономических идей, их места в общем поступательном процессе ее развития.

Одной из важных методологических проблем является проблема периодизации истории экономической мысли. Надежную основу для научного решения этого вопроса дает марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Их смена сопровождается переворотом в социально-экономических отношениях, классовой структуре общества, его политической системе и идеологии. На сцену истории выступают новые классы, идейная борьба приобретает иной характер, происходит переоценка теоретических ценностей, дается импульс развитию экономической мысли на новой основе. Но периодизация

истории экономической мысли лишь по формациям недостаточна. В рамках каждой из них существуют классы, а это определяет появление разных направлений экономической мысли. Но и на базе одного и того же направления (например, буржуазного или мелкобуржуазного) неизбежно формируются разные школы и течения. Следовательно, критериями периодизации всемирной истории экономической мысли служат смена общественно-экономических формаций, появление новых классовых направлений экономической мысли, а внутри их — смена школ и течений.

В рамках одной общественно-экономической формации возможны такие события в истории экономической мысли, которые позволяют говорить о новом этапе в ее развитии. Таким переломным революционным событием в истории экономической мысли в эпоху капитализма свободной конкуренции стало возникновение экономического учения марксизма. Начало ленинского этапа в развитии пролетарской экономической мысли связано с переходом капитализма в империалистическую стадию развития. Качественные сдвиги в развитии экономической мысли в эпоху перехода от капитализма к социализму обусловлены изменениями в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, возрастанием его влияния на ход мировой истории и углублением общего кризиса капитализма.

При периодизации всемирной истории экономической мысли в настоящем издании основой служит ее принадлежность к определенной эпохе. Однако ввиду разного значения отдельных эпох в истории экономической мысли полного соответствия исторических эпох и отдельных томов нет. Первый том представляет экономическую мысль нескольких эпох — рабовладения, феодализма, а также периода разложения феодализма и генезиса капитализма. Экономическая мысль за это время проходит путь от своего зарождения до превращения в экономическую науку. Второй том включает экономическую мысль эпохи капитализма свободной конкуренции. Важное место в томе занимает революционный переворот в экономической науке, совершенный К. Марксом и Ф. Энгельсом. Третий том посвящен главным образом эпохе империализма. Его основу составляет анализ ленинского этапа в развитии марксистской политической экономии. Четвертый том содержит материал, относящийся к началу эпохи перехода от капитализма к социализму. В нем показаны влияние Великой Октябрьской социалистической революции на экономи-

ческую мысль во всем мире, становление советской экономической науки, развитие зарубежной марксистско-ленинской экономической мысли, немарксистская мысль на первом этапе общего кризиса капитализма. Пятый и шестой тома охватывают современную экономическую мысль, когда после второй мировой войны социализм превратился в мировую систему, а общий кризис капитализма продолжает углубляться. В пятом томе рассматривается современная марксистская экономическая мысль, в шестом — современная буржуазная экономическая мысль, а также революционно-демократическая мысль в развивающихся странах.

При изложении всемирной истории экономической мысли в рамках крупных исторических эпох возникает вопрос: каким образом располагать материал — по странам, течениям или проблемам?

В условиях докапиталистических эпох направления и течения экономической мысли носили национально ограниченный характер и являются, естественно, достоянием истории тех или иных стран. С усилением интернационализации идей начиная с эпохи капитализма, хотя и сохраняется специфика экономической мысли отдельных стран, структура изложения всемирной экономической мысли становится более сложной.

Весьма плодотворным представляется выделение направлений и течений экономической мысли, позволяющее показать их связь с экономической историей. Однако следует учитывать, что их формирование происходит не сразу, в разных странах они не совсем идентичны, даже одно и то же течение экономической мысли в них отличается рядом особенностей. Кроме того, эта мысль в некоторых странах решает преимущественно свои национальные экономические проблемы. В таком случае ориентация лишь на анализ направлений и течений мысли сузила бы объект исследования. Поэтому в настоящем издании признано целесообразным сочетать два принципа — по направлениям мысли и по странам. Особенно это касается тех периодов истории, когда экономическая мысль становится разнообразной и наиболее важные ее течения принимают интернациональный характер. В этом случае выделяются основные течения экономической мысли данного периода, рассматриваются их теоретические положения. В главах же по странам показывается соотношение и преобладание тех или иных направлений и течений мысли, причины распространения их в данной стране, а также

особенности их развития в трудах национальных экономистов.

* * *

Настоящее издание подготовлено на экономическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Инициатором этого издания был заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Ф. Я. Полянский (1907—1983), около четверти века возглавлявший кафедру истории народного хозяйства и экономических учений. Он внес большой вклад в формирование структуры издания, успел написать ряд глав для его первых томов.

Наряду с учеными МГУ в подготовке издания участвовали научные сотрудники Института экономики, Института мировой экономики и международных отношений и других институтов АН СССР, экономических институтов АН союзных республик, различных вузов страны. В подготовке глав о развитии экономической мысли в зарубежных социалистических странах приняли участие ученые этих стран.

К обсуждению структуры работы, ее важнейших глав привлекались специалисты из научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, других городов. Редакционная коллегия благодарит всех оказавших содействие в ее работе.

Главная редколлегия

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

Первый том «Всемирной истории экономической мысли» охватывает период древности, средневековья и начало нового времени. Каждая историческая эпоха выдвигала свои проблемы, искала пути их решения.

В период разложения первобытнообщинного строя и возникновения первых классовых государств на Востоке экономические взгляды в основном относились к вопросам организации государственного хозяйства фараонов, царей, деспотов, а также храмового хозяйства. Документы того времени носят нормативный характер и направлены на регламентацию хозяйственной деятельности. Это касается не только ведения натурального царско-храмового хозяйства, но и отношений между гражданами, развития торговли и т. д.

Наиболее развитая экономическая мысль эпохи рабовладения характерна для античного мира. Рост производительных сил в Древней Греции и Древнем Риме сопровождается появлением некоторых форм разделения труда, расширением торговли, товарно-денежных отношений. Появляются довольно крупные частные хозяйства, основанные на рабском труде. Обостряются классовые противоречия между рабами и рабовладельцами. Происходит имущественное расслоение и свободных граждан. В это время появляются экономические произведения не только нормативного характера, особенно в области земледелия, но и такие, в которых предпринимаются попытки с позиций своего времени осмыслить общие процессы экономического развития. В трудах Ксенофонта, Аристотеля, Платона речь идет уже о разделении труда, о натуральном и товарном хозяйствах, о существовании товарно-денежных отношений, о развитии торгового и ростовщического капитала. Древние римляне разрабатывали правовые вопросы частной собственности.

Переход от рабовладения к феодализму, сопровождавшийся ростом натурализации хозяйства, ослаблением связей между производственными единицами, привел на первых порах в известном смысле к регрессу экономической мысли. В документах раннего средневековья речь

идет о регламентации крестьянских повинностей, о ведении хозяйства феодала, ибо экономическая жизнь протекала главным образом в рамках этих атомизированных хозяйственных единиц.

В эпоху феодализма хотя товарно-денежные отношения не играли решающей роли, однако они оказывали определенное влияние на экономическое положение феодалов, церкви, и общественная мысль не могла их игнорировать. Они оценивались с позиций церковной канонической доктрины. Экономическое учение каноников, и прежде всего Фомы Аквинского, основывается во многом на взглядах Аристотеля. В арабской экономической мысли выделяется Ибн Хальдун.

Прогресс производительных сил, разложение феодализма и зарождение капиталистических производственных отношений выдвинули новые экономические проблемы. Углубляются процессы разделения труда, в том числе международного. Натуральное хозяйство подрывается. Великие географические открытия дают толчок росту международной торговли. Вместе с тем идет формирование внутренних рынков. Огромное значение торговли и повышение роли купечества в период первоначального накопления капитала обусловили появление экономических теорий, отражающих их интересы. Рост международных экономических связей способствовал распространению этих теорий в ряде стран, придав им международный характер. Представители нового направления экономической мысли — меркантилисты, отражая процессы зарождения буржуазных отношений, выступают активными сторонниками накопления денежного богатства. Они ратуют за развитие торговли, особенно внешней, которая при положительном торговом балансе, по их мнению, дает возможность накапливать деньги, т. е. увеличивать богатство.

С меркантилизмом связано превращение отдельных экономических взглядов, высказываемых теми или иными мыслителями, в экономическую теорию, начало формирования экономической науки. Маркс характеризовал меркантилизм как первую теоретическую разработку капиталистического способа производства. Но поскольку у меркантилистов преобладало описание явлений и источник богатства усматривался в сфере обращения, научной системы политической экономии ими создано не было. Их работы представляют собой ее предысторию.

В этот период появляются ранние произведения У. Петти. В них чувствуется влияние идей меркантилизма, от которых он затем отошел. Будучи экономистом уже мануфактурного периода капитализма, который в Англии начался в середине XVI в., Петти считал источником богатства не сферу обращения, а сферу производства. Он положил начало трудовой теории стоимости, став родоначальником классической буржуазной политической экономии. Во Франции трудовую теорию стоимости начал разрабатывать П. Буагильбер. С возникновением классической буржуазной политической экономии можно говорить о политической экономии как науке.

Во Франции в XVIII в. возникает новое направление классической политической экономии, представители которого — физиократы видят, как и Петти, источник богатства не во внешней торговле, а в производстве. Перенос центра тяжести экономической науки из сферы обращения в сферу материального производства — огромная заслуга физиократов. Но в силу исторических условий и состояния производительных сил они ограничивали производство лишь сферой земледелия. Правильно считая производительным только труд, создающий прибавочную стоимость, они относили к нему лишь земледельческий труд. Физиократы пытались проанализировать общественное воспроизводство. С их работами связано дальнейшее развитие классической политической экономии. Маркс назвал физиократов «настоящими отцами современной политической экономии».

Классическая политическая экономия, формирующаяся в период становления капиталистического способа производства и выражающая интересы буржуазии, которая в то время была прогрессивным классом, явилась ее теоретическим оружием в борьбе с феодализмом.

Таким образом, на каждом этапе исторического развития — рабовладения, феодализма, разложения феодализма и генезиса капиталистических отношений — экономическая мысль, а затем экономическая наука старались дать ответ на вопросы, возникавшие в процессе общественного производства. Именно эти проблемы находятся в центре внимания тома.

Как уже отмечалось, большое влияние на формирование экономических идей в каждую историческую эпоху оказывает общее состояние общественной мысли, господствующее мировоззрение. Экономические воззрения людей в древности, хотя и отражали накопленный ими опыт

общения в процессе производства, были неразрывно связаны с их религиозным мистицизмом, часто облекались в формы, порожденные религиями.

Экономическая мысль древневосточных обществ развивалась во многом в русле политеизма. В дальнейшем, в условиях перехода к феодализму и его расцвета, на мировоззрение людей, развитие общественной мысли, в том числе экономической, во многих странах большое влияние оказывали монотеистические религии: буддизм, христианство и ислам. Особенно велико было значение христианства. В средние века основные экономические проблемы в Европе решались с точки зрения христианской канонической доктрины.

Но объективный процесс развития производительных сил, нараставший кризис феодальной системы подготовили глубокие сдвиги в общественном сознании. Гуманистические идеи европейского Возрождения поставили под сомнение основы религиозной идеологии. Идеологи Реформации М. Лютер, Ж. Кальвин отражали взгляды нарождавшегося класса буржуазии. Критикуя официальную церковную доктрину, протестанты пытались сформулировать свой подход к экономическим проблемам.

Экономические воззрения, характерные для той или иной религии, сами по себе составляют предмет исследования истории экономической мысли, и им уделяется внимание в настоящем томе. При этом особо выделена эволюция экономических идей христианства на разных этапах исторического развития (экономические взгляды ранних христианских общин, каноническая экономическая доктрина, экономические идеи Реформации).

Прогресс естественных наук, с одной стороны, кризис церковной идеологии в условиях Реформации — с другой, создали предпосылки для подрыва идеалистического мировоззрения в XVI — XVII вв. Материализм Ф. Бэкона и Т. Гоббса в Англии, П. Гассенди во Франции, диалектика Р. Декарта и Б. Спинозы оказали огромное влияние на развитие общественной мысли, в том числе экономической. К. Маркс в «Капитале» ссылается на предисловие к книге Д. Норса, в котором говорится, что «метод Декарта, примененный к политической экономии, начал освобождать ее от старинных сказок и суеверных представлений о деньгах, торговле и т. д. Однако в общем ранние английские экономисты примыкают к философии Бэкона и Гоббса, между тем как впоследствии «философом» [по преимуществу] политической экономии для Англии, Фран-

ции и Италии стал Локк». У. Петти вводит метод естественных наук в политическую экономию, что получает дальнейшее развитие у Ф. Кенэ.

На протяжении всего исторического периода, рассматриваемого в томе, в развитии экономической мысли можно проследить два направления. Одно (преобладающее) отражает взгляды господствующих классов — рабовладельцев в условиях рабовладения, феодалов при феодализме, буржуазии в эпоху разложения феодализма и становления капиталистического способа производства. Представители буржуазной экономической мысли, выступая прежде всего против феодальной хозяйственной системы, вместе с тем пытаются обосновать необходимость перехода к новой, капиталистической системе организации общественного производства. Слом старой системы и переход к новой ускоряются в ходе буржуазных революций, с которыми связано появление экономических взглядов. Они, как правило, не составляют определенную теоретическую систему, испытывая на себе влияние господствующих в данный период направлений буржуазной экономической мысли. Но и они сами представляют интерес как самостоятельная форма развития экономических идей.

Другое направление экономической мысли отражает взгляды угнетенных классов. С момента появления классового общества, когда происходит его деление на угнетателей и угнетенных, последние в той или иной форме пытаются выразить свой протест против существующего положения, создать картины светлого будущего. Надежды на лучшую жизнь отражают, в частности, некоторые религиозные учения. В экономическом плане такие учения часто были направлены против существовавшего социального неравенства, но путь к его устранению они усматривали лишь в нравственном совершенствовании людей.

История классовой борьбы в эксплуататорских обществах знает много народных восстаний. Однако даже крупные движения народных масс — восстания рабов под руководством Спартака в Древнем Риме, крестьянские войны в средневековье, которые происходили под знаком борьбы с существующими формами эксплуатации, не имели позитивной экономической платформы. Лишь позднее требования крестьянских движений становятся более осознанными. Отчетливо антифеодальный характер имели программные требования крестьян во время Великой крестьянской войны в Германии (1524—1526), изложен-

ные в таких документах, как «Статейное письмо», «XII статей».

В условиях господства религии, характерного для средневековья, многие народные движения принимали характер церковных ересей: богомильство (Болгария), крестьянско-плебейское восстание Дольчино (Италия), гуситское движение (Чехия). Крестьянская война в Германии также началась под флагом Реформации.

Составной частью идеологии многих народных движений и в эпоху рабовладения, и в эпоху феодализма выступают идеи социального равенства, различные утопические проекты. Легенды о «золотом веке», распространявшиеся в той или иной форме во многих странах древности, можно рассматривать как отражение мечтаний угнетенных о бесклассовом обществе первобытнообщинной эпохи. Мысли об общечеловеческом равенстве, братстве и потребительском коммунизме высказывались в эпоху становления первоначального христианства, а несколько позднее в ходе народного движения маздакитов. Идеи своего рода уравнительного коммунизма проповедовали табориты во время гуситских войн в Чехии. Наконец, с яркой утопической программой социального равенства выступал вождь Крестьянской войны в Германии Т. Мюнцер. Особенностью народно-утопических взглядов была острая критика существующих порядков и вместе с тем смутное представление о будущем. Скорее в них проявлялась тяга к прошлому, к патриархальному равенству.

Лишь в XVI — XVIII вв. появляются специальные произведения, в которых мечты об обществе социального равенства получают развернутую форму, опираясь на идеи «общности имуществ». Огромная заслуга здесь принадлежит выдающимся мыслителям и писателям-гуманистам Т. Мору и Т. Кампанелле. Главное произведение Т. Мора «Утопия» дало название утопическому социализму. В его книге речь идет о преобразовании не только сферы потребления, но и сферы производства на основе общественной собственности.

Идеи Т. Мора получили дальнейшее развитие у Т. Кампанеллы в его «Городе Солнца», а также у Д. Уинстэнли, вождя диггеров во время Английской революции, который не только проповедовал равенство, но и пытался организовать колонию, основанную на этих принципах. На идеи «Утопии» Т. Мора опираются взгляды французских мыслителей XVIII в. Мелье, Морелли и Мабли. В их работах дана яркая критика частной собственности, в том чис-

ле и нарождающихся буржуазных отношений. Однако их утопии отличаются духом уравнительности, проповедью равенства потребностей. Несмотря на исторически ограниченный характер взглядов утопистов XVI — XVIII вв., они заняли важное место в истории социалистических идей, подготовили выход на историческую арену великих утопистов XVIII — начала XIX в. Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

За период, рассматриваемый в томе, экономическая мысль прошла три этапа, соответствующие рабовладению, феодализму, разложению феодализма и началу становления капиталистических отношений. Следует особо подчеркнуть, что исторические рамки господства той или иной общественно-экономической формации и ее смены другой довольно существенно различаются по странам. Так, феодализм продолжал существовать в Восточной Европе, в том числе и в России, и Азии намного дольше, чем в Западной Европе. Поэтому в этих странах в XVIII в., а подчас и в XIX в. развивалась еще феодальная экономическая мысль, в то время как в странах Западной Европы происходило становление и развитие буржуазной экономической мысли.

В условиях рабовладения и феодализма, несмотря на определенное сходство высказываемых в разных странах экономических идей, еще нельзя выделить направления или течения экономической мысли, хотя определенное взаимное влияние было. Поэтому экономическая мысль этой эпохи рассматривается по отдельным странам.

В период разложения феодализма и становления капиталистического общества впервые появляются направления экономической мысли, широко представленные в целом ряде стран. Это прежде всего меркантилизм и зарождающаяся классическая буржуазная политическая экономия. Вот почему рассматриваются сначала направления экономической мысли, а затем особенности их развития в отдельных странах.

С зарождением капиталистических отношений идет формирование и конкретно-экономических наук. Правда, вопросами организации учета и счетоводства, управления экономическими аспектами сельского хозяйства, финансов интересовались еще в рабовладельческих государствах Востока, в Древней Греции и в Древнем Риме. Появлялись работы по вопросам бухгалтерского учета, статистики, финансов и в эпоху феодализма. Однако прогресс общественной, в том числе экономической, мысли в усло-

виях первоначального накопления капитала значительно ускорил становление конкретно-экономических наук, которое анализируется в специальной главе тома.

В своем исследовании развития экономической мысли за весьма длительный период человеческой истории авторы опирались на работы классиков марксизма-ленинизма, советских и зарубежных ученых. Экономическая мысль этого периода изучена неравномерно. Наибольшее освещение получили меркантилизм, становление классической политической экономии. Серьезным вкладом в изучение экономической мысли России явилась «История русской экономической мысли» (том I, ч. 1, 2. М., 1955, 1958). Ряд исследований национальной экономической мысли рассматриваемого периода осуществлен в союзных республиках. Определенная работа по изучению ранних этапов развития экономической мысли проделана в социалистических странах.

Характерной особенностью настоящего тома является то, что большое внимание в нем уделяется всестороннему анализу истории экономической мысли периодов рабовладения и феодализма.

Исследование экономической мысли связано с изучением первоисточников — исторических документов, материалов, а в более поздние периоды — специальных работ экономического характера. Историками проделана большая работа по изучению древних текстов. Многие из них опубликованы на русском языке, что дает основу для расширения и углубления исследований экономических взглядов того времени. В СССР многократно издавались и издаются работы античных мыслителей, внесших вклад в развитие экономической мысли, особенно Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и др. Хуже обстоит дело с публикацией трудов мыслителей эпохи феодализма, хотя важнейшие фрагменты из работ Фомы Аквинского, Ибн Хальдуна включались в сборники.

Многие работы экономистов эпохи первоначального накопления капитала издавались неоднократно, в том числе и сравнительно недавно (У. Петти, Ф. Кенэ, А. Тюрго). Регулярно публикуются работы ранних социалистов-утопистов. Возможность познакомиться с первоисточниками позволяет читателю, заинтересовавшемуся тем или иным мыслителем, самостоятельно изучить эти работы.

Первый том «Всемирной истории экономической мысли» состоит из трех частей. Часть первая посвящена экономической мысли эпохи рабовладения, начиная с Древ-

него Египта и кончая античным Римом. Вторая часть охватывает эпоху феодализма. Третья — период разложения феодализма и генезиса капитализма.

Не претендуя на полное рассмотрение всех вопросов развития экономической мысли за столь длительный исторический период, авторский коллектив надеется, что проделанная им работа по обобщению и выявлению основных тенденций развития экономических взглядов, становления политической экономии и других экономических наук привлечет внимание широких читателей к этим проблемам, а также специалистов к их дальнейшему исследованию.

* * *

Текст тома написан: предисловие к изданию — Главной редколлегией; введение к первому тому — д. э. н. И. П. Фаминским; вводный раздел к части I, гл. 1, 2 — к. э. н. Р. М. Нуреевым; гл. 3 — к. э. н. Д. Н. Платоновым; гл. 4 — к. и. н. А. А. Вигасиным; гл. 5 — д. и. н. Ф. Я. Полянским, к. э. н. Д. Н. Платоновым; гл. 6 — д. и. н. Ф. Я. Полянским, к. э. н. Д. Д. Столяровым; гл. 7 — д. и. н. Ф. Я. Полянским и к. э. н. Д. Н. Платоновым (§ 1—4), к. э. н. Р. М. Нуреевым (§ 5); вводный раздел к части II — к. э. н. Р. М. Нуреевым; гл. 8 — д. и. н. Ф. Я. Полянским, к. э. н. В. В. Дроздовым; гл. 9 — д. и. н. И. П. Медведевым; гл. 10 — д. э. н. В. В. Орешкиным (§ 1, 2), к. э. н. Т. И. Деревянкиным и к. э. н. Я. Л. Перковским (§ 3), к. э. н. Н. В. Воробей (§ 4), к. и. н. Г. В. Киликявичене, В. П. Пуронасом и д. и. н. Х. Стродсом (§ 5); гл. 11 — проф. С. Цоневым (НРБ) (§ 1), И. А. Колпаковой (§ 2), к. э. н. В. В. Дроздовым (§ 3), к. э. н. А. М. Стойкой (§ 4), доц. Л. Пеичем (СФРЮ) (§ 5), проф. Й. Макалом (ЧССР) (§ 6); гл. 12 — д. и. н. Л. Б. Алаевым; гл. 13 — д. и. н. З. Г. Лапиной; гл. 14 — к. и. н. И. М. Сырицыным, М. А. Миролюбовым; гл. 15 — к. и. н. Ф. М. Ацамба; гл. 16 — д. э. н. Х. Р. Сабировым (§ 1), к. э. н. А. С. Фараджевым, д. э. н. Н. Р. Товмасяном и акад. АН ГССР П. В. Гугушвили (§ 2); гл. 17 — д. и. н. М. С. Мейером; вводный раздел к части III — к. э. н. Р. М. Нуреевым; гл. 18 — к. э. н. Р. М. Нуреевым (§ 1), д. и. н. Ф. Я. Полянским (§ 2, 3); гл. 19 — д. и. н. Ф. Я. Полянским, д. э. н. И. П. Фаминским; гл. 20 — к. э. н. Р. М. Нуреевым; гл. 21, 22 — к. э. н. Л. Н. Сперанской; гл. 23 — д. э. н. В. Н. Черковцом; гл. 24 — д. э. н. А. Д. Шереметом (§ 1), к. э. н. Л. А. Карасевой (§ 2), к. э. н. М. М. Солодкиной (§ 4), к. э. н. В. И. Маршевым

(§ 4); гл. 25 — д. и. н. Ф. Я. Полянским; гл. 26 — д. и. н. Ф. Я. Полянским, к. э. н. Д. Н. Платоновым; гл. 27 — д. э. н. М. В. Научителем, к. э. н. А. Г. Худокормовым; гл. 28 — д. э. н. В. В. Орешкиным.

Редакционная коллегия выражает благодарность докторам наук В. В. Голосову, В. П. Илюшечкину, В. И. Кузищину, Л. М. Мордуховичу, Г. Э. Санчуку, кандидатам наук Е. М. Медведеву, А. Л. Смышляеву, Н. Н. Трухиной, И. С. Филиппову, Н. И. Фоминой, чьи замечания и предложения были учтены при подготовке текста к печати.

Часть I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ РАБОВЛАДЕНИЯ

Современный читатель древних манускриптов встречается по меньшей мере с двумя объективными трудностями. Первая из них состоит в том, что, обращаясь к письменным текстам далекого прошлого, мы вынуждены признать, что в них очень мало того, что могло бы быть названо экономической мыслью в строгом смысле слова. Вторая трудность заключается в том, что читатель, имеющий дело, как правило, с переводами, постоянно чувствует, что глубинный, внутренний смысл этих документов оказывается недоступным, ускользает от него. Это прежде всего относится к экономической мысли древнего мира, которая предстает перед нами окутанной богатым воображением полупервобытного человека и религиозным мистицизмом.

Вначале остановимся на условиях возникновения и развития экономической мысли.

Наши далекие предки не противопоставляли четко общественные закономерности природным. Первобытный человек остро чувствовал свое единство, свою слитность с природой. Он нередко характеризовал естественные, природные процессы в терминах, заимствованных из обыденного языка, а общественные явления рассматривал как результат действия природных сил.

С течением времени происходило накопление производственного опыта. Он передавался из поколения в поколение, через родовую память. Память первобытных коллективов обладала богатым воображением, мысль переплеталась с эмоциями, рациональное мирно уживалось с иррациональным. Складывающиеся представления о мире, передаваясь из уст в уста, дошли до нас в мифах древних народов, в сказках и легендах, в устном народном творчестве. Серьезные исследования мифо-поэтического творчества первобытных людей, систем их представлений о мире, начались лишь в XX в. Однако при этом внимание ученых было обращено прежде всего на особенности

общественного сознания и законы мифологического творчества, взгляды древних народов на пространство и время, на отражение этих представлений в изобразительном искусстве. Анализ экономических представлений как составной части архаического мышления еще ждет своих исследователей. В настоящем издании эти вопросы анализируются лишь в той мере, в какой они нашли отражение в письменности. Последняя же является одним из атрибутов цивилизации, поэтому исследование экономической мысли начинается с анализа экономических представлений народов, у которых сложились первые классовые общества и государства.

В. И. Ленин в работе «Великий почин» определяет классы как сложное социальное явление, характеризующееся определенным набором признаков[1]. Исторически и логически становление отдельных признаков классов, в особенности таких определяющих, как отношение к средствам производства и роль в общественной организации труда, происходило неравномерно. В одних случаях становление собственности господствующего класса на средства производства опережало захват ключевых функций в общественном разделении труда, в других — наоборот. Не случайно Ф. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге» о двух принципиально отличных друг от друга путях возникновения классов. Первый из них он связывает с возрастающей самостоятельностью общественных функций по отношению к обществу, с монополизацией их роли в общественной организации труда[2]. Отношение к средствам производства выступает здесь как вторичный, производный момент. Собственность господствующего класса на средства производства (землю, воду и т. п.) закрепляется и оформляется позднее.

Второй путь образования классов Ф. Энгельс связывает с развитием собственности отдельных семей на средства производства и на рабочую силу — рабов[3]. Роль господствующего класса в общественной организации труда (а не организации частного производства) здесь вторична по отношению к средствам и условиям производства (характерный пример оформления подобного типа отношений — реформы Солона в Афинах и Сервия Туллия в Древнем Риме).

Страны первого пути становления классов являются обществами азиатского способа производства, а второго пути — обществами античного способа производства. Это предопределяет глубокие, принципиальные различия

в развитии народов древнего Востока, с одной стороны, и античного мира — с другой. Естественно, что характерные черты социально-экономического и политического развития древневосточных и античных обществ не могли не предопределить особенности развития их экономической мысли.

Письменные источники, позволяющие судить об экономической мысли древнего Востока, с известной долей условности можно разделить на две большие группы: непосредственно отражающие хозяйственную деятельность и представляющие попытку осмыслить эту хозяйственную деятельность.

В письменных источниках, относящихся к первому типу, фиксировались данные, необходимые для управления государственным хозяйством, и отражалась повседневная хозяйственная практика. Это переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупка земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т. д.).

Другой тип письменных источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифо-поэтического творчества. Чтобы понять суть этого явления, кратко охарактеризуем основные типологические особенности древневосточной духовной культуры.

Экономические представления жителей древнего Востока, как и представления первобытного человека, были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему взглядов. Древневосточная литература наполнена многообразными иносказаниями, символами. Это обусловлено не только общим уровнем развития культуры, но и самим характером письменности, которая была не фонетической, а иероглифической. Для того чтобы обучиться такому письму, требовались долгие годы. Поэтому письменность была уделом избранных, понимать таинственный характер знаков могли немногие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символичной. Неудивительно, что каждое древневосточное сочинение оставалось в некоторой степени иероглифом, сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер

(древнеегипетские «Поучения», древнеиндийские «Дхармашастры» и т. д.).

Характерной чертой древневосточной литературы является ее государственно-нормативный характер. В этом своеобразно отразился строй древневосточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных. Действительность в письменных источниках отражалась главным образом в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование ведется прежде всего от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Поэтому действительность в письменных источниках характеризуется с позиций этих привилегированных особ.

Важное место в древневосточных источниках занимают вопросы организации и управления государственным хозяйством («Артхашастра», «Гуань-цзы», свод законов «Тайхорё» и др.). Поэтому многие письменные источники носят нормативный характер, в них отразилась суровая дисциплина всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда, быта царских земледельцев и ремесленников и т. д.). Отсюда и дидактический настрой даже той литературы, которая формально имеет «частный» характер («Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи», конфуцианские «Беседы и суждения» и т. п.). Догматический характер древневосточной литературы состоит также в том, что для нее типичен как традиционализм формы, так и априорное, бездоказательное содержание. «...У мифа нет той универсальности и ясности, которая присуща теоретической формулировке. Он конкретен, хотя и претендует на неопровержимость своей правоты. Он требует признания от верующего и не претендует на оправдание перед судом критикующего» [4].

Глубокий и всесторонний символизм характерен не только для раннего периода развития экономической мысли древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет Древнего и Среднего царств, Шумер, Аккад и др.), но и для более позднего периода, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.).

На протяжении всей истории древнего Востока в центре экономической мысли находились проблемы, связанные с организацией государственного хозяйства и управлением им. Они включали в себя не только организацию собственно государственного (царско-храмового) натурального хозяйства, но и государственную регламентацию товарного хозяйства, возникшего в порах этого общества.

Организация натурального хозяйства предполагала учет условий производства (работников, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, создание страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте, Шумере и т. д.), а также заботу о расширенном воспроизводстве (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т. д.), так (что было гораздо реже) и с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становится частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить главным образом по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (законы Хаммурапи, среднеассирийские законы, хеттские законы и др.). Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследования.

К числу несомненных достижений древневосточной экономической мысли следует отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством («Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Артхашастра», «Гуань-цзы»), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе («Беседы и суждения», «Мэнцзы», «Фуго» и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового строя[5].

Значительны успехи древневосточной мысли и в становлении конкретных экономических дисциплин (учета и анализа хозяйственной деятельности, статистики, аграрной науки, управления), которые получили дальнейшее развитие в эллинистический и римский периоды. Наконец, не следует забывать, что именно в этих древних цивилизациях были заложены основы экономических воззрений ученых средневекового Востока, что именно их представи-

телями были сформулированы узловые положения, которые постоянно комментировались и развивались последующими поколениями.

Важнейшей предпосылкой развития античной культуры является возникновение античного полиса, своеобразного города-государства, основу которого составляла городская земледельческая (гражданская) община. Античный полис возник в Древней Греции и Древнем Риме в ходе борьбы мелких свободных производителей с родовой знатью. В результате этой борьбы было отменено долговое рабство для членов данной общины, которое стало отныне уделом иноплеменников. Полис представлял собой объединение частных собственников, направленное против рабов, неполноправных жителей (метеки в Афинах, периэки в Спарте, вольноотпущенники в Риме и т. д.) и внешнего варварского мира.

Феномен античного полиса объясняет многие характерные особенности античной культуры, предопределившей своеобразие развития экономической мысли. По сравнению с древневосточной античная культура носит более рациональный и демократический характер. Эту культуру создавали свободные граждане города-государства. Греки освоили и развили изобретенное финикийцами фонетическое письмо, что значительно облегчило широкое распространение грамотности среди граждан. Свободное, публичное обсуждение выдвигаемых идей, проектов предопределило светско-рациональный, доказательный характер экономической литературы. В этом обществе всесторонний характер развития личности граждан становится одной из важнейших целей производства, а личность выступает как главная форма богатства. «Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства,— писал Маркс, сравнивая античное общество с буржуазным,— кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»[6].

Источниками античной экономической мысли периода ее расцвета являются законы города-государства (законы Солона, так называемые законы Ликурга и др.), публичные выступления и трактаты философов, историков, знаменитых граждан. Лишь позднее появляются специальные, главным образом политические, произведения, в которых важное место занимают и экономические вопросы

(«Домострой» и «О доходах» Ксенофонта, «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» и «Афинская Полития» Аристотеля и др.).

Необходимой предпосылкой существования античного полиса было сохранение равенства между его гражданами как независимыми друг от друга частными земельными собственниками. Однако в условиях имущественного неравенства и рабства такая предпосылка часто нарушается. Между бедными и богатыми постоянно воспроизводилось противоречие, от которого античный полис никогда не мог освободиться. Время от времени возникали проекты перераспределения земельной собственности путем ограничения крупного землевладения и расширения мелкого (проекты спартанских царей Агиса IV, Клеомена III, Набиса; реформы братьев Гракх в Древнем Риме и др.).

Важным достижением античной экономической мысли явилась разработка основ натурального («Домострой» Ксенофонта) и элементов товарного хозяйства, в частности вопроса о форме стоимости («Никомахова этика» Аристотеля). Последовательное разграничение натурального и товарного хозяйств привело Аристотеля к созданию учения об экономике и хрематистике («Политика» Аристотеля). Основу греческого общества в это время составляло натуральное хозяйство, поэтому Аристотель исходит из экономики, к которой относит и розничную торговлю, поскольку в ней решающую роль играла потребительная стоимость. Аристотель критически относится к хрематистике, считая, что «искусство делать деньги», функционирование торгового (оптовая торговля) и ростовщического капитала имеет «источником богатства обращение». Вот почему хрематистика, с точки зрения Аристотеля, противоестественна.

В центре римской экономической мысли находились вопросы организации частного рабовладельческого хозяйства и управления им и частной собственности. Римляне отличались практическим складом ума, и их практицизм проявился прежде всего в скрупулезной выработке разнообразных рекомендаций по организации рабовладельческой виллы и управлению ею — типичным хозяйством средних размеров зажиточных граждан. Наиболее полное развитие эти вопросы получили в трудах римских агрономов Катона («Земледелие»), Варрона («Сельское хозяйство») и Колумеллы («Сельское хозяйство»), в энциклопедическом сочинении Плиния Старшего («Естественная история», книги XIV и XV). Тема частной собст-

венности разрабатывалась римскими юристами. «Римляне,— писал К. Маркс,— собственно, впервые разработали *право частной собственности*, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. *Римское частное право* есть *частное право* в его *классическом выражении*» [7].

Важнейшей проблемой, которой занимались ученые античности, было рабство. В трактовке рабства античное общество прошло длинный путь от оправдания его как «удела варваров», как «одушевленного орудия труда», как «имущества, приносящего доход» (в трудах Аристотеля) до критики этих положений и признания принципиального равенства между всеми людьми (в идеях первоначального христианства). Возникшее как религия отверженных, униженных и оскорбленных, раннее христианство впитало в себя мечты о равенстве и справедливости, о честной и трудолюбивой жизни. Христианская церковь явилась важным социальным институтом, способствовавшим становлению западноевропейского феодализма, сохранившим для него многие достижения античной культуры. Однако в гораздо более полном объеме античность была вновь открыта гуманистами, и ее экономическая мысль послужила важной идейной предпосылкой экономических взглядов нового времени — времени господства капитализма.

Раздел I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Глава 1

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

1. Материальные предпосылки возникновения и развития экономической мысли

Египет — одна из первых стран, на территории которых разложение первобытнообщинного строя привело к образованию государства. В результате объединения нижнеегипетского и верхнеегипетского царств в единое древнеегипетское в конце IV тыс. до н. э. возникло раннеклассовое общество, своеобразная государственная система земледельческих общин, для которой были характерны незавершенность процессов классообразования, коллективные формы эксплуатации. В качестве объекта эксплуатации выступает земледельческая община, в качестве субъекта эксплуатации — ассоциация рентополучателей, непосредственно совпадающая с государством (государство и класс эксплуататоров в этом обществе совпадают).

В Египте, как и в других странах древнего Востока, возникают три основные отрасли управления: «финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»[1]. Общественные работы были необходимы для постоянного регулирования режима Нила. Уже к началу III тыс. до н. э. была создана сложная общеегипетская система орошения, которую необходимо было постоянно поддерживать и улучшать. Ее организация явилась фактором, ускорившим формирование мощного бюрократического аппарата. В условиях большой централизации хозяйства, строгой регламентации процесса воспроизводства необходимы были многочисленные грамотные чиновники. Их подготавливали особые школы писцов, находившиеся при центральных ведомствах. Поэтому об экономических представлениях того времени мы можем судить прежде всего по произведениям, написанным государственными чиновниками.

Для того чтобы правильно понять место экономической мысли в общей системе древнеегипетских взглядов, необходимо хотя бы кратко остановиться на особенностях миросозерцания жителей Нильской долины. Прежде всего следует отметить, что экономическая мысль древних египтян была окутана религиозной оболочкой.

Главная особенность религиозного учения — вера в загробную жизнь. Значительная часть материальных и духовных ресурсов страны шла на «обеспечение» загробного существования (грандиозное строительство пирамид и заупокойных храмов, огромные затраты на содержание «дома вечности», расходы, связанные с обслуживанием заупокойного культа, и т. п.). Каждый маломальски зажиточный египтянин стремился еще при жизни построить себе гробницу (на что уходили годы и десятилетия). Кроме того, он обязан был поддерживать в надлежащем порядке гробницы предков, а также создавать специальный набор предметов, «необходимых» ему самому на том свете. Вполне понятно поэтому, что значительная часть дошедших до нас памятников письменности — это религиозная литература («Тексты пирамид», «Мемфисский богословский трактат», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга дыхания», «Книга прохождения вечности» и т. п.). Источники экономической мысли среди памятников письменности составляют ничтожное меньшинство. Основными из них являются: 1) для Раннего (ок. 3100 — ок. 2800 до н. э.) и Древнего царств (ок. 2800—2250 до н. э.) — биографии вельмож (псевдоавтобиографии); 2) для Первого переходного периода (ок. 2250—2050 до н. э.) —«Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Речения Ипусера» и «Пророчество Неферти»; 3) для Среднего царства (ок. 2050 — ок. 1750 до н. э.) и Второго переходного периода (ок. 1710—1560 до н. э.) — «Повесть о красноречивом жителе оазиса», «История пастуха», «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» и др.; 4) для Нового царства (ок. 1580—1085 до н. э.) —«Анналы Тутмоса III», дипломатический архив в Ахетатоне, должностные инструкции о служебных обязанностях верховного сановника, «Большой папирус Гарриса», «Папирус Вильбура», школьные поучения, юридические документы и др.; 5) для Позднего периода (ок. 1085—332 до н. э.) — архив арамейских документов из Элефантины, различные документы частного права (дарения земли храмам, договоры об аренде, найме и т. д.).

Задачей настоящей главы является не столько хронологический разбор отдельных памятников древнеегипетской мысли, сколько тематический, логический подход, основанный на выделении основных экономических проблем, которые были актуальны на протяжении всей истории Древнего Египта.

2. Вопросы организации и управления государственным хозяйством

Административно-хозяйственные документы, особенно хорошо сохранившиеся от эпохи Нового царства, являются важными памятниками экономической мысли. Они дают возможность глубоко и всесторонне охарактеризовать механизм управления государственным хозяйством в Древнем Египте, увидеть огромную бюрократическую машину в действии. Остановимся прежде всего на анализе тех документов, которые раскрывают особенности организации труда царских земледельцев и ремесленников — непосредственных производителей материальных благ.

В Древнем Египте осуществлялся строгий учет материальных и трудовых ресурсов. С этой целью периодически проводились переписи населения, составлялись земельные кадастры, учитывался скот и другие материальные ресурсы. Приведем в качестве примера стенную роспись гробницы писца войска, относящуюся к концу XV в. до н. э. Сопроводительный текст росписи гласит: «Учитывает всю страну пред его величеством [и] творит смотры ока каждого (т. е. всех людей) и численность *войска, жречества... хему царя, мастеров* всех страны всей целиком (а также крупного рогатого) скота, птицы [и] мелкого скота всего, писец войска...» [2]

Следует обратить внимание на то, что переписи населения осуществлялись по определенным разрядам: воины, жрецы, царские земледельцы и мастера. Истоки этой классификации восходят к эпохе первобытности, для которой было характерно деление на возрастные классы: дети (отроки), юноши, зрелые мужи, старики. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. «[Как] вышел человек из утробы матери своей,— читаем мы в школьном поучении (Анастаси II, 7, 3—4),— [так и] согнулся перед начальником своим: отрок сопровождает воина; юношу [отдают] в новобранцы; старика постоянно дают в земледельцы, [зрелый] муж (становится) воином»[3].

Каждый возрастной класс выполнял свои функции. Перевод в другой возрастной класс, распределение и перераспределение трудовых ресурсов по определенным профессиям являлись прерогативой представителей государственной власти. В ходе царских смотров часть прошедших соответствующую подготовку юношей становились чиновниками (писцами), часть пополняли ряды жрецов, часть становились воинами, часть — мастерами, оставшиеся превращались в царских земледельцев («старика постоянно дают в земледельцы»). Условием повышения социального статуса царских земледельцев было получение образования или профессии, поэтому важное значение для продвижения по службе имела грамотность.

В древнеегипетской литературе мы постоянно встречаемся с поучениями — произведениями, прославляющими карьеру писца. Наиболее известным из них является «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи». Появившееся еще в период Среднего царства, это сочинение пользовалось большой популярностью в последующие эпохи и дошло в списках иератических папирусов Нового царства времени правления XIX — XX династий. «...Неграмотность — ничто, она равносильна зависимости»,— утверждает Ахтой. Между тем «...[занятие писца] превосходит любое занятие; нет равного ему в Земле этой (т. е. в Египте). [Ведь] он (т. е. писец) начинает процветать еще ребенком...»[4]. Для обоснования этого тезиса профессия писца сравнивается с другими профессиями: медника, плотника, ювелира, гончара, строителя и т. д. Все они не идут ни в какое сравнение с профессией чиновника, писца. «Смотри,— заключает Ахтой,— нет занятий, свободных от начальников, кроме писца. Он — сам начальник... Смотри, нет писца, лишенного пропитания из имуществ Дома царя, да будет он жив, цел, здоров»[5].

«Поучение Ахтоя»— это не только обобщение житейской мудрости. Перед нами древнейшее описание социальной организации Древнего Египта. Дело в том, что противопоставление профессии писца другим профессиям, чиновничества — народу — не просто художественное сравнение или красивая метафора, направленная на приобщение молодежи к учебе и образованию. Ахтой показывает реальную альтернативу: если его сын не станет чиновником, ему придется заняться одной из указанных профессий. Как уже отмечалось, все население Древнего Египта было разбито на возрастные классы и социальные разряды, поэтому выбора — учеба или безделье, пости-

жение письма или праздное, беззаботное существование — не было. Чтобы занять высокое положение в государственном аппарате, мальчику необходимо было учиться. В противном случае его ожидала участь воина, жреца, ремесленника или земледельца.

В Древнем Египте учитывались не только трудовые ресурсы, но и материальные, прежде всего земля. До нас дошли документы, в которых представлены результаты периодически проводившегося учета государственных земель. Наиболее известным из них является «Папирус Вильбура»[6]. Это земельный кадастр, в котором в сжатой форме отразились результаты осмотра и обмера государственных (царско-храмовых) земель на левом берегу реки Нила в Среднем Египте, в 4-й год правления Рамсеса V (в июле — августе 1158 г. до н. э.). В «Папирусе Вильбура», составленном в период разлива Нила, даются оценки норм валового сбора зерна (эммера и ячменя) в зависимости от типов земли, величины засеянной площади, средних норм урожайности (для каждого типа земли) и числа ответственных за сбор урожая земледельцев. В этом папирусе выделяются три типа земли в зависимости от урожайности. Если урожайность худшей —«высокой» (каит) — земли взять за 1, то урожайность средней —«уставшей» (тени) — земли составит 1,5, а лучшей —«свежей, девственной» (нехеб) — земли — 2. Такое соотношение определяется степенью орошения и использования земли. Высокие (хуже орошаемые) земли составляют первую категорию, а низкие (хорошо орошаемые) земли делятся на две категории: старые и новые. Необходимо отметить, что часто ответственными за сбор урожая являлись не сами непосредственные производители, а специальные чиновники государственной власти —«агенты» фиска, которые осуществляли контроль за деятельностью царских земледельцев, следили за выполнением «семенного предписания». Важную роль в обеспечении государственных поступлений играли центральные и местные храмы. Сохранилась надпись, которая повествует о том, как Рамсес IX хвалит «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа «за исполнение», которое он «осуществил [в отношении] урожая, налогов, повинностей... людей дома Амуна-Ра, царя богов», находящегося под его контролем: «Ты доставлял их соответствующими их заданиям, ты передавал... то, что они производили, ты повелевал, чтобы образовывали они поступления сокровищниц, хранилищ, двойных житниц дома... Амуна-Ра, царя богов, за те поступле-

ния [с] голов [и] рук жителей хозяйства Амуна-Ра, царя богов... относительно которых ты распорядился, чтобы доставляли [их] фараону, твоему господину»[7]. По оценке советского египтолога И. А. Стучевского, за контроль над государственным (царско-храмовым) комплексом местные храмы получали 7,5 % урожая, тогда как централизуемая часть, поступающая в государственную казну, составляла 22,5 % [8]. Собранная с непосредственных производителей рента-налог использовалась в качестве материального обеспечения огромного культового строительства, осуществляемого государственной властью. На эти средства, в частности, содержались работники службы царского некрополя. О его функционировании можно судить по источникам второй половины II тыс. до н. э. из Дер эль-Медины (откуда до нас дошло свыше 19 тыс. древнеегипетских текстов). Документы царского некрополя рассказывают об особенностях планирования, организации и нормировании труда мастеров и вспомогательной рабочей силы (людей самдет). Как и все древнеегипетское население, работники царского некрополя были разбиты на возрастные классы и профессиональные категории. Каждая группа должностных лиц получала наряд на выполнение определенной работы в соответствии с общим планом. Существовали декадные и месячные нормы. Десятидневные нормы устанавливались, в частности, для горшечников, дровосеков, прачечников и т. д.; месячные — для садовников, рыбаков и др. Важную роль в организации труда непосредственных производителей материальных благ играли государственные чиновники — писцы царского некрополя. Они направляли на работу людей, устанавливали нормы труда, проверяли их выполнение, выдавали зерновой паек и другие продукты питания.

Такая сложная организация государственного (царско-храмового) хозяйства приводит к тому, что в центре внимания древнеегипетской литературы находятся вопросы управления. Среди них особое место занимают «Поучения»— своеобразные дидактические сочинения, в которых отразились вопросы управления государственным хозяйством на самых различных его уровнях. В древнеегипетских документах мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — чати (древнеегипетский предшественник средневековых арабских везирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские спо-

собности и высокие должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти. Рассмотрим их подробнее.

Экономические функции главы государства — фараона — особенно наглядно видны из «Поучения гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (XXII в. до н. э.). Фараон Египта обладал неограниченной экономической, политической и верховной религиозной властью, считался сыном и преемником бога Солнца (Ра) на земле. Согласно древнеегипетским представлениям, он рассматривался как деятельное начало, как конструктивная жизненная сила, действующая на благо государства. Поэтому идеальное представление о фараоне включало два аспекта. С одной стороны, он должен был контролировать жизнь страны и защищать ее от внешних врагов, с другой — он должен был заботиться о своих подданных, как «пастух о стаде» (характерно, что пастушеский посох выступал как один из самых ранних знаков отличия фараона). Конечно, это представление о деспоте как о власти карающей и милосердной сильно идеализирует реальную действительность. И это наглядно видно из «Поучения гераклеопольского царя»— наставлений старого царя молодому. Из его рекомендаций отчетливо проступает классовый характер древнеегипетской власти. «Подавляй толпу, уничтожай пламя, которое исходит от нее,— поучает отец сына.— Не возвышай [человека] враждебного. Тот, кто беден,— он враг. Будь враждебен к бедняку... Возвышай твоих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам. Не пристрастен тот, кто богат в своем доме, он владыка вещей и не нуждается... Велик царь своими вельможами. Могуч царь-владыка, велик он богатством своих вельмож... Награждай вельмож податными списками, жрецов — участками земли. Работают для тебя, как один отряд. Не будет мятежников среди них»[9].

Египтяне на протяжении всей своей истории чувствовали относительную обособленность Верхнего и Нижнего Египта. Эта обособленность отразилась в двойственности административной системы. В Древнем Египте было два верховных сановника (чати), два казначея, а нередко и две столицы.

Важную роль в древнеегипетском государстве играл верховный сановник (чати). Уже в эпоху Древнего царства документы рисуют чати как главного помощника фара-

она по управлению страной, которому подчиняются архив, судебные ведомства («6 судебных палат»), государственная сокровищница. Еще более расширяются его функции в эпоху Нового царства. Сохранились предписания о служебных обязанностях верховных сановников Рехмира, Усера, Аменемопета — современников фараонов XVIII династии (XVI—XV вв. до н. э.). Эти сановники обладали огромной властью: распоряжались земельным фондом и оросительной системой, назначали и смещали чиновников, контролировали деятельность центральной (царской) канцелярии и местного управления. Им принадлежала высшая военная и судебная власть. Они следили за соблюдением церемониала во дворце и т. д.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. «Ему будут докладывать все дела,— говорится в списке из гробницы верховного сановника Тутмоса III — Рехмира.— Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастбища, каждого храмового хозяйства, каждого владения... Это он будет назначать всех подлежащих назначению в судебное присутствие. К нему будут поступать из дворца все дела. Это он будет слушать каждый приказ. Это он будет допрашивать о недоимках каждого храмового хозяйства... Это он будет взимать подати в пользу... управлений»[10]. Из этой должностной инструкции, как и из многочисленных биографий вельмож, сохранившихся на стенах их гробниц, видна высокая централизация управления. В то же время для нее характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становятся гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинают выполнять функции военных. В древнеегипетском обществе главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти. Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице. Это наглядно видно из жизнеописания вельможи Уны (XXV — XXIV вв. до н. э.). За свою жизнь он сменил самые разнообразные должности при трех фараонах VI династии — Тети II, Пиопи I, Меренра I: «[Я был

юноша], опоясавшийся поясом [зрелости] при величестве Тети, причем должность моя была начальник дома шена (мастерские или амбары.— *Авт.*). Я был смотрителем дворцовых хентиу-ше (вероятно, арендаторы царских земель.— *Авт.*). ...Старейшина дворца при величестве Пиопи. Его величество возвел меня в сан друга и смотрителя жрецов города при своей пирамиде. Когда должность моя была... его [величество назначил меня] судьей и устами Нехена (судейская должность.— *Авт.*), так как он полагался на меня больше, чем на любого другого своего слугу... Его величество посылал меня пятикратно водить [это] войско и усмирять страну бедуинов каждый раз, как они восставали... Когда я был дворцовым ачет (придворная должность или чин.— *Авт.*) и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, мой господин, который да живет вечно, назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере, так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня»[11] и т. д.

В обществе, которое не знало свободной личности, где не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники приобретают особое значение. Представители государственной власти имеют прямые и дополнительные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращаются в своеобразную синекуру, обеспечивающую безбедное и беззаботное существование. Характерно, что в «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» ничего не говорится о содержании выполняемых прямых должностных обязанностей, но говорится о привилегиях, независимости, почете. Любопытно отметить, что уже в период обучения (а оно начиналось с пятилетнего возраста и продолжалось 12 лет) знатные школьники получали звания и чины, еще не выполняя никаких обязанностей по службе.

О привилегиях должности писца говорится и в многочисленных школьных поучениях, дошедших до нас от эпохи Нового царства (папирусы Саллье I, Анастаси II — V и др.). И хотя научиться грамоте в Древнем Египте было нелегко, тем не менее эти усилия (утверждается в этих школьных поучениях) окупятся в дальнейшем сторицей. Поэтому последовательно и методично проводится мысль о том, чтобы будущий чиновник поменьше пьянствовал

и танцевал в период учебы, а был прилежным и послушным учеником[12].

Не случайно еще в Древнем царстве появляется специальное сочинение о том, как выбиться в люди,— своеобразное (древнеегипетское) пособие для будущего карьериста. Оно предусмотрительно сообщает, как следует вести себя с начальством, с равными по положению коллегами и подчиненными. Предусмотрен «кодекс поведения» не только на службе, но и в домашней обстановке, показывается, как следует вести себя с родными и близкими. Суть сочинения — воспитание толкового чиновника, умело приспосабливающегося к иерархической древнеегипетской государственной системе управления.

Важными документами социально-экономической мысли являются «Речения Ипусера» (дошедшие до нас в более поздней копии, ок. 1300 г. до н. э.) и «Пророчество Неферти» (также известное по копии ок. XV в. до н. э.). Они описывают социальный переворот, происшедший, по мнению большинства современных исследователей, в Первый переходный период. Характер описания не вызывает сомнений в том, что изображены реальные, имевшие место в действительности события. Ипусер, в частности, дает глубокую и образную характеристику этому перевороту: «...земля перевернулась, подобно гончарному кругу... простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими». Автор детально описывает разрушение централизованной системы управления, уничтожение податных деклараций, свитков законов судебной палаты и т. д. «Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов. Воистину: [чиновники] убиты. Взяты их документы. О как скорбно мне из-за бедствий этого времени!— причитает Ипусер.— Воистину: писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием. Воистину: свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках»[13].

Однако возникает вопрос: почему сообщение о событиях, имевших место в XXIII — XXI вв. до н. э., донесли до нас документы, написанные несколько веков спустя? Возникает естественный вопрос и о социально-классовой природе документов. В этой связи целесообразно обратить внимание на тех, кто наибольшим образом пострадал от описываемых событий. Чаще всего в роли пострадавших в «Речениях Ипусера» упоминаются «неджесы» и «серы»— представители совершенно определенного слоя гос-

подствующего класса. Это служилые люди, чиновники государственного аппарата, которые больше всего пострадали от разрушения государственной централизованной машины. Характерно, что высшим выражением бедствий страны, описываемых во второй части «Речений Ипусера», является нарушение строгой регламентации хозяйства, отсутствие контроля за деятельностью непосредственных производителей и бездействие писца. «Смотрите: сильным [знатным] не [докладывается положение] народа. [Все] приближается к гибели. Смотрите: все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. [Смотрите: тот, который собрал] жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал [для] себя, получает жатву. [Жатва] созревает, [но] о ней не доносит [никто]. Писец сидит [в своей канцелярии], руки его бездействуют в ней»[14].

Ненависть народных масс была умело направлена сепаратистской номовой аристократией против представителей централизованной власти. В союзе с внешними врагами Египта они сумели разбить централизованную государственную машину. В «Речениях Ипусера» и «Пророчестве Неферти», наоборот, всячески отстаивается идея единого древнеегипетского государства — надежной основы порядка в стране и стабильности доходов служилой администрации. «Речения Ипусера» не случайно заканчиваются призывами к уничтожению «врагов благородной столицы», к восстановлению религиозного культа и описанием будущего благополучия и военной мощи страны. Поэтому «Речения Ипусера» и «Пророчество Неферти» как произведения, восхваляющие идею централизма, были чрезвычайно популярны в среде чиновников.

В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля за деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью. Об этом наглядно свидетельствуют «Повесть о красноречивом жителе оазиса», «История пастуха» и др. Взяточничество и коррупция были настолько велики, что это нашло отражение в «Указе Хоремхеба»: «Я наставлял их по пути жизни и направил я их на правду. Мое наставление для них: «Не якшайтесь с другими, не берите взятку от другого... На что это похоже, чтобы один из вас якшался с другими? Пристало ли вам творить неправду против праведного!»»[15] Однако одними благими указами, не подкрепленными никакими экономическими санкциями, искоренить это зло было невозможно.

3. Представления египтян о частной собственности, товарно-денежных отношениях и рабстве

Уже в Древнем царстве наряду с царско-храмовым комплексом существовали хозяйства вельмож, занимавших высокие должности в государственном аппарате. Большое вельможное хозяйство включало в себя главную усадьбу, а также ряд владений, разбросанных по всей территории страны. Его обслуживали работники, получавшие довольствие и другие средства существования со складов господина. Вельможное хозяйство состояло из личного хозяйства и хозяйства, которым вельможа владел по должности. Именно оно составляло основу его благосостояния. Поэтому древнеегипетское понятие «собственность» (джет) включало не только предметы, находящиеся в личной собственности, но и те, которыми египтянин мог пользоваться или владеть благодаря своей службе. Необходимо отметить, что даже государственную собственность египтяне рассматривали не как личную собственность фараона, а как своеобразное должностное владение царя, как государственное достояние.

Понятие «собственность» возникло в Древнем Египте далеко не сразу. Первоначально, в эпоху Древнего царства, оно употреблялось не для обозначения отношений собственности как таковых, а для выражения принадлежности более общего порядка, в смысле пользования вещью определенным человеком. Важно отметить, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственности и противопоставления ей.

Источники позволяют проследить соотношение государственной и частной собственности в отдельные периоды существования древнеегипетского общества. Было бы ошибкой представлять этот процесс как однолинейный: постепенное и последовательное сокращение государственной формы собственности за счет частной собственности должностных лиц. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частной собственности собственностью государственной.

Несомненно одно: в эпоху Нового царства существует уже довольно сложная процедура доказательства прав частной собственности на тот или иной объект. Об этом свидетельствуют материалы из Дер-эль-Медины, относя-

щиеся ко второй половине II тыс. до н. э. Важно то, что эти материалы отражают экономическую деятельность царских ремесленников (мастеров) и земледельцев — непосредственных производителей материальных благ в древнеегипетском обществе.

В состав должностного владения древнеегипетских мастеров входили: постоянный дом в поселке, временное жилище в Долине Царей, гробница, место для отдыха (беседка?) и кладовая. Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда. Для того чтобы тот или иной предмет стал личной (частной) собственностью, необходимо было выполнение следующих условий. Во-первых, чтобы он был сделан своими руками и в свободное от служебных обязанностей время, в период, когда мастер не работал над сооружением царских объектов (в нерабочее время). Во-вторых, необходимо было доказать, что предмет (постройка, гробница) был сделан из собственного материала (а не из сырья, полученного с царских складов), и причем собственными, а не принадлежащими царю орудиями труда. В-третьих, и это прежде всего касалось различных строений, что сооруженный объект находится не на царской, а на собственной или ничьей земле[16].

Таким образом, мы видим, что древнеегипетской экономической мыслью была выработана довольно стройная система взглядов не только на то, как вести сложное государственное хозяйство, обеспечивая его рабочей силой, средствами производства, а работников — продовольствием, но и на то, как преследовать расхитителей государственного имущества.

Экономические вопросы ведения частного хозяйства и организации рабского труда не были детально разработаны в эпоху Древнего и Среднего царств в силу неразвитости рабовладельческого уклада. По мере развития товарно-денежных отношений рабство находит все большее отражение в древнеегипетских документах, особенно начиная с эпохи Нового царства. В них говорится о куплепродаже рабов, найме рабов, отпуске их на волю, а также о преследовании беглых рабов. В документах, рассказывающих о покупке рабов, акцент делается на доказатель-

стве того факта, что рабы приобретены в оплату за продукты, созданные самим покупателем.

Древнеегипетское хозяйство было в основном натуральным. Для ведения государственного (царско-храмового) хозяйства деньги были не нужны, поэтому меновая торговля возникает прежде всего между отдельными производителями. Уже со времен Древнего царства известны случаи продажи движимого и недвижимого имущества и рабов. В древнейшем Египте преобладала меновая торговля. Постепенно отдельные товары стали фигурировать в торговле чаще других. В качестве наиболее распространенных эквивалентов сначала выступают зерно (ячмень, эммер) и медь, а позже — серебро. Исследование голландским ученым Й. Янсеном товарных цен эпохи Рамессидов (XIV — XI вв. до н. э.) показало, что стоимость товаров, как правило, выражалась в меди (72 %), зерне (15 %) и серебре (12 %). Лишь в период Позднего царства серебро в Египте становится всеобщим эквивалентом.

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений и рабства приводит к тому, что нередко выплатой долга служила отдача внаем (обычно на несколько дней) рабов или рабынь. Об этом, в частности, говорят документы из архива пастуха Дома Аменхотепа III Меси[17]. Однако высокая плата за наем раба (за месяц она достигала обычно средней рыночной цены раба) препятствовала широкому развитию такого рода отношений. А «чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение,— писал К. Маркс в «Капитале»,— тем больше расцветает ростовщичество»[18]. Справедливость этих слов К. Маркса наглядно подтверждают документы эпохи Нового царства и Позднего периода, раскрывающие условия функционирования капитала, приносящего проценты. Долговые обязательства заключались как в натуральной, так и в денежной форме. Долг возвращался в размере, в 1,5—2 раза превышающем ссуду. Приведем типичное долговое обязательство. Оно относится к XXII династии (X—VIII вв. до н. э.): «(Дата) Год 13,1 месяц шему, день 11 *. (Условия займа) Педихонсу, сын Джедхонсуифанха, сказал жрецу Амона, начальнику сокровищницы фараона Анхефенхонсу, сыну Наутаифнахта: «Ты ссужаешь мне

---

* Летосчисление в Древнем Египте велось по царствованиям фараонов, а сельскохозяйственный год делился египтянами на три части: ахет (половодье), перет (всходы) и шему (засуха) — по четыре месяца в каждой.

5 дебен * серебра из [сокро]вищницы [бога] Хоршефи. Я верну тебе их 10 [в] 14 году, первом месяце шему, 11 день, не споря с тобой ни одним словом». (Имя нотариуса) Учинена (буквально: «из рук».— *Авт.*) изготовителем документов, писцом Горсаиси, сыном Джедумонтуифанха, сыном Оефенмут (ниже идет перечень имен семи свидетелей займа)»[19]. Данное обязательство свидетельствует о том, что долг в 455 г серебра будет возвращен ровно через год в двукратном размере (910 г), т. е. норма процента составляет 100 %. За каждый просроченный месяц в Древнем Египте добавлялось обычно еще 10 %. Нередко обеспечением таких займов служило имущество должника (его зерно, скот, рабы, поле, серебро и т. д.). В случае его смерти долг должны были уплатить наследники. Высокая норма процента (50—100 %) и достаточно жесткие условия предоставления ссуды свидетельствуют о неразвитости обращения и господстве натурального хозяйства в стране фараонов в этот Поздний период. Действительно, «ростовщический капитал развивается тем больше,— пишет К. Маркс,— чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью»[20].

Подведем итоги. В древнеегипетской литературе нашли отражение многие вопросы организации и управления государственным хозяйством. Периодически проводились переписи населения с учетом возрастных и профессиональных особенностей, составлялись земельные кадастры, осуществлялся расчет материальных и трудовых ресурсов, необходимых для грандиозного ирригационного и культового строительства. Благодаря налаженной системе планирования труда, оперативному перераспределению трудовых ресурсов стало возможным функционирование сложной системы государственного хозяйства. Была создана сложнейшая бассейновая система ирригации, значительные оросительные сооружения, построены грандиозные храмы и величественные пирамиды, которые греки причислили к величайшему из чудес света. В то же время этот огромный производственный потенциал, использовавшийся «для обслуживания» заупокойного мира, не способствовал дальнейшему экономическому развитию страны.

Важным достижением духовной культуры Египта было накопление и передача общих и специальных знаний, про-

* Дебен = 91 г.

фессионального мастерства, производственного опыта. Однако мелочная государственная регламентация деятельности, преклонение мастеров перед каноном с течением времени стали главным препятствием для творческого труда. Фискальные интересы государства мешали повышению роли частной инициативы, индивидуальной заинтересованности в качестве, количестве и результатах труда. Чинопочитание, зависимость от больших и малых начальников препятствовали развитию личности непосредственного производителя. Высокая централизация хозяйства тормозила разработку экономических вопросов частного хозяйства и товарно-денежных отношений. Организация рабского труда не получила значительного развития в древнеегипетской экономической мысли.

Глава 2

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Одним из древнейших очагов цивилизации является плодородная долина двух рек — Тигра и Евфрата — Двуречье, названное греками Месопотамией. В VII — IV тыс. до н. э. здесь шло разложение первобытнообщинного строя, возникало раннеклассовое общество. В отличие от Египта Передняя Азия представляла собой конгломерат непрочных государственных образований, враждовавших между собой и нередко становившихся жертвами соседних кочевых племен. Имеющиеся в настоящее время источники не позволяют проанализировать экономическую мысль всех этих государственных образований с одинаковой степенью глубины и полноты. Поэтому в данной главе мы остановимся на характеристике наиболее известных памятников. К их числу, безусловно, относятся многочисленные документы хозяйственной отчетности Древней Месопотамии, законы Вавилонии, Хеттской державы и Ассирии, а также Ветхий завет Библии.

1. Древний Шумер: учет как основа организации государственного хозяйства

С начала III тыс. до н. э. появляются первые города-государства в Шумере (Урук, Киш, Эреду, Лагаш, Ур, Шуруппак, Умма, Исин, Ниппур, Ларса и др.). Позднее происходит возвышение Аккада и образование пер-

вого крупного государства (XXIV — XXII вв. до н. э.), которое, однако, просуществовало сравнительно недолго и пало под натиском кочевников-кутиев. Но и их власть оказалась непрочной. В конце XXII в. до н. э. возникает новое Шумеро-Аккадское царство с центром в Уре (III династия Ура).

Основным условием земледелия в Древней Месопотамии являлась ирригация. Работы по созданию и очистке каналов требовали больших, коллективных усилий. Если в Древнем Египте разливы Нила происходили ежегодно примерно в одно и то же время и их последствия можно было более или менее точно предсказать, то разливы Тигра и Евфрата происходили нередко внезапно, нанося большой урон. Опасность непредсказуемых разливов усиливали морские приливы, возникающие под влиянием ветра с Персидского залива. Не случайно именно в Древней Месопотамии возникли истоки библейской легенды о «всемирном потопе». Справиться с разбушевавшейся стихией древние люди могли, лишь объединив свои усилия. Поэтому одной из материальных основ государственной власти в Древней Месопотамии было регулирование водоснабжения. Все население страны привлекалось к общественным работам по созданию и очистке каналов. Налаженная система ирригации способствовала получению высоких урожаев, обеспечивала накопление прибавочного продукта в руках господствующего класса.

Центрами социально-экономической и общественно-политической жизни шумерских общин в III тыс. до н. э. являлись храмы, в которых и сосредоточивалась основная масса прибавочного продукта. В каждом городе-государстве был храм, посвященный главному богу. Наряду с главным храмом города-государства существовали храмы супруги главного бога, их детей и других богов, так или иначе связанных с главным богом. В результате труда зависимого от храма населения в храме накапливался резервный фонд, который нередко использовался для обмена на металл, камень, строительный лес. Постепенно храмовые земли отделяются от общинных земель. Храм становится крупным земельным собственником, центром ремесленного производства, организатором ирригационных работ.

Храмовая земля состояла из трех частей. Ее первую часть составляли земли, обрабатываемые рабами, разорившимися общинниками и другими зависимыми от храма людьми, которым за работу выдавалось натуральное до-

вольствие. Доходы с этой земли шли на нужды культа и храма. Вторую часть образовывали служебные наделы, являвшиеся своеобразной платой должностным лицам храма, ремесленникам и обслуживающему персоналу. Они владели этой землей без права отчуждения и наследования. Наконец, третью часть составляли земли, сдаваемые в издольную аренду за сравнительно невысокую плату. Обычно она не превышала $^1/_5$ урожая.

С укреплением государственной власти главной формой становится хозяйство верховного жреца и правителя города-государства — энси. Он руководит строительством ирригационных сооружений и храмов, организует работы во всем храмовом комплексе, осуществляет сбор налогов, утверждает отчеты по всем видам деятельности, является главнокомандующим. Более высокий уровень объединения храмовых хозяйств был достигнут при III династии Ура (конец XXII — начало XX в. до н. э.). В это время государственное хозяйство включает не только царское хозяйство столицы государства, но и энсиальное хозяйство местных центров. Отдельные энсиальные хозяйства являлись по существу филиалами единого государственного хозяйства. Многие храмовые хозяйства попадают в прямую зависимость от государственного.

Современный исследователь Древней Месопотамии располагает письменными источниками четырех видов: хозяйственными архивами, памятниками древнейшего законодательства, дипломатическими документами и текстами исторического содержания (надписями летописного характера и т. п.). Для анализа экономической мысли Древней Месопотамии III тыс. до н. э. наибольшее значение имеет первая группа.

Хозяйственные архивы Урука, Джемдет-Насра, Ура, Лагаша, Гирсу, Шуруппака позволяют проследить основные этапы развития храмового, энсиального и государственного хозяйств. Они содержат в себе прежде всего многочисленные документы хозяйственной отчетности. Хотя каждый документ несет весьма скромную и ограниченную информацию, тем не менее, взятые в целом, они позволяют с определенной точностью восстановить механизм функционирования экономического строя.

В рамках государственного хозяйства велся тщательный учет рабочей силы и средств производства. Периодически производились обмеры обрабатываемых полей, что находило отражение в специальных земельных кадастрах, в которых указывался не только перечень полей, но и ка-

чество обрабатываемой земли, а также особенности ее местоположения. Рабочая сила также оценивалась с точки зрения ее качества и количества. В частности, выделялись работники полной и половинной силы, а в Ниппуре и Пуприждагане, как показал академик А. И. Тюменев, встречаются даже работники, которых оценивают в 1, $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ и $^1/_6$ рабочей силы[1]. В государственном и храмовых хозяйствах эксплуатировался труд зависимых и рабов. Кроме того, помимо труда постоянных работников (зависимых и рабов) в государственном и храмовых хозяйствах применялся наемный труд. Объем выполненных работ исчислялся в человеко-днях.

В хозяйственных документах отражалось также движение материальных ценностей — средств производства и предметов потребления (выдача сырья, инструментов, поступление готовой продукции). Кроме этого осуществлялся ежемесячный и ежегодный учет хранящихся на центральном и местном складах материальных ресурсов. Выдача продовольствия, прежде всего зерна, храмовому персоналу производилась регулярно — раз в месяц. Периодически выдавались другие виды продовольствия (рыба, хлеб, растительное масло, финики, пиво и другие напитки), а также ткань или шерсть (на одежду) и даже небольшое количество денег (серебра).

Такое громоздкое государственное хозяйство просуществовало сравнительно недолго. С падением III династии Ура оно исчезло совсем. Однако крах жесткоцентрализованной системы организации государственного хозяйства не означал полного прекращения вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Оно проявляется в форме высшего государственного контроля и регламентации за деятельностью непосредственных производителей. Эти новые формы получили свое классическое выражение в законах Старовавилонского царства (XIX — XVI вв. до н. э.).

2. Старовавилонское царство: формы государственного контроля экономической деятельности населения

Ликвидация крупного государственного хозяйства и раздача царско-храмовых земель (в качестве должностного пожалования либо для неотчуждаемой аренды царскими людьми) способствовала укреплению

частной собственности, распространению аренды и субаренды. Общинники все в большей мере втягиваются в товарный обмен. Некоторые из них попадают в сети ростовщиков, разоряются и становятся рабами. Возникает достаточно многочисленный слой неполноправных (зависимых) людей. Он пополняется за счет военнопленных и разорившихся свободных общинников. Все острее становится необходимость государственного регулирования частноправовых отношений с целью защиты свободных общинников от ростовщиков (охраны их собственности, законодательного оформления условий торговли, аренды, найма и т. д.). Были предприняты попытки решить эти задачи с помощью законодательства. С точки зрения экономической мысли наибольший интерес представляют законы царя Эшнунны (XX в. до и. э.), законы Липит-Иштара (XX—XIX вв. до н. э.) и законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.).

Текст законов из Эшнунны начинается установлением твердых цен на основные продукты: «1 гур (мера объема, равная, по одним данным, 300, по другим — 252,6 л.— *Авт.*) ячменя [должен продаваться] за 1 сикль (8,4 г.— *Авт.*) серебра... 3 ка (1 ка равен 0,84 л.— *Авт.*) первосортиого масла [должно продаваться] за 1 сикль серебра. 1 сут (5 л, по другим данным — 8,4 л.— *Авт.*) и 2 ка кунжутного масла [должны продаваться] за 1 сикль серебра...»[2] и т. д. и т. п. В первом параграфе устанавливаются цены на ячмень, масло, шерсть, соль, медь и другое в серебре (продукты берутся в таком объеме, чтобы стоимость их равнялась 1 сиклю); во втором параграфе даются цены на различные виды масла в ячмене. Таким образом, в качестве основного всеобщего эквивалента выступает серебро, в качестве дополнительного — ячмень. Причем между этими эквивалентами устанавливается строгое соответствие. Не случайно первой является цена ячменя, выраженная в серебре (§ 1). Утверждение твердых цен позволяет составителям законов определить уровень наемной и арендной платы, размеры штрафов (§ 3—11, 14 и др.), норму процента (§ 18а), плату за воспитание, хранение и т. д. Норма процента составляла 20% годовых в серебре и $33^1/_3$% в зерне. Напомним, что в Древнем Египте даже более позднего времени (X—VIII вв. до н. э.) норма ростовщического процента нередко достигала 100% (см. гл. 1). Более скромная норма процента в Старой Вавилонии не только свидетельствует о вмешательстве государства в хозяйственную жизнь страны, но и отра-

жает более развитый характер товарно-денежных отношений. Древнеегипетская экономика, несомненно, в большей степени, чем ближневосточная, была натуральной. Таким образом, перед нами не просто акт произвола нового царя, а попытка увязать платные услуги в соответствии с ценами, установленными на основные товары.

Законы из Эшнунны допускают и продажу недвижимости. Тем не менее они предусматривают преимущественное право покупки дома со стороны предыдущего владельца в случае повторной продажи его (§ 39). Эта статья свидетельствует о сохранении традиционных, полупервобытных представлений об особом характере связи между собственником и собственностью[3].

Наибольшую известность приобрел сборник законов, подготовленный при шестом царе I вавилонской династии — Хаммурапи (1792—1750 до н. э.). Он не только воспроизвел ряд более древних правовых норм, но и стремился упорядочить социально-экономические отношения, сложившиеся к XVIII столетию до н. э. в Древней Месопотамии.

Законы Хаммурапи высечены на черном базальтовом столбе, в верхней части которого изображен бог Солнца и справедливости Шамаш, вручающий законы царю Хаммурапи. Текст законов состоит из введения, основной части, включающей, согласно принятой ныне классификации, 282 статьи, и заключения. На первый взгляд он кажется бессистемным сборником отдельных судебных казусов. Действительно, для большинства его статей характерна недостаточно абстрактная форма, многие из них носят частный характер. К тому же в сборнике не проводится четкого разделения частного и публичного права, уголовных и гражданских дел. Тем не менее говорить об отсутствии какой-либо системы нельзя. Другое дело, что в основу этой системы положен непривычный для нас ассоциативный принцип построения. Одна тема как бы незаметно переходит в другую[4].

Хотя законы Хаммурапи не отражают всего многообразия правоотношений в старовавилонском обществе (например, в них отсутствуют статьи о налогах и сборах, о политических и религиозных преступлениях граждан, об умышленном убийстве и т. д.), тем не менее они являются подлинной энциклопедией жизни жителей Вавилонии XVIII в. до н. э. В них отражены реальные случаи отношений между людьми во всей их конкретности и своеобразии.

Наиболее интересными для характеристики экономической мысли жителей Месопотамии XVIII столетия до н. э. следует признать группы статей, в которых рассматриваются вопросы защиты собственности вавилонских граждан, аренды, ростовщичества и найма.

Главным лейтмотивом законов является защита собственности граждан Вавилона, или, как демагогически говорится во введении к законам, создание условий, при которых бы «сильный не притеснял слабого». При этом особое внимание уделяется защите собственности дворца и храма, а также вавилонских граждан и государственных служащих, прежде всего воинов: редум и баирум (§ 26—41). Законы Хаммурапи запрещают продажу их наделов, как и вообще служебных наделов. «Поле, дом и сад, принадлежащие редуму, баируму или плательщику дохода,— говорится в § 36,— не могут быть проданы за серебро»[5]. Более того, вавилонские граждане, будучи куплены в качестве рабов за пределами своей страны, обретают свободу по возвращении на родину (§ 280).

Большая группа законов направлена против произвола ростовщиков (§ 66—96 и др.). В случае неурожая разрешалось продление долга на один год (без уплаты дополнительных процентов) (§ 48). Законы Хаммурапи запрещают ростовщикам самим, без разрешения должника, забирать урожай в счет уплаты долга (§ 113). Они строго регламентируют норму процента в денежной (20 %) и натуральной ($33^1/_3$ %) формах (§ 51).

В кодексе Хаммурапи предусмотрено даже наказание ростовщиков (в том числе и в законодательном порядке) за плохое обращение с заложником (§ 116). Однако главным фактором, препятствующим широкому развитию ростовщичества, было ограничение долгового рабства тремя годами. «Если долг одолел человека и он продал за серебро его жену, его сына и его дочь или отдал их в кабалу,— говорится в § 117,— [то] три года они должны обслуживать дом их покупателя или их закабалителя, в четвертом году им должна быть предоставлена свобода»[6]. Непоследовательный характер законодательства против ростовщичества выражается, однако, в том, что освобождение должника не предусматривает наделение его средствами производства или существования. Не имея никаких средств, освобожденный должник должен был снова обращаться к ростовщику.

Законы Хаммурапи составлены с учетом трех категорий населения: полноправных свободных граждан (ави-

лум), неполноправных свободных (мушкенум) и рабов. Классовый характер кодекса проявляется в том, что за один и тот же проступок для этих категорий установлены разные меры наказания: наименьшие — для свободных, наибольшие — для рабов (§ 196—208, 221—223 и др.). В рамках класса свободных также существует градация: на высших по положению и низших (§ 202). Необходимо, однако, обратить внимание не только на социальное неравенство, конкретные проявления которого отразились в законодательстве, но и на то обстоятельство, что мушкенум и рабы также обладали определенными правами. Мушкенум, в частности, могли иметь свое хозяйство, рабов и т. д. Рабы имели семью, разрешались браки свободных с рабынями и дворцовых рабов и рабов мушкенумов со свободными, причем их дети признавались свободными. Более того, оговаривались случаи, когда дети, появившиеся у свободного от рабыни, могут быть признаны законными наследниками движимого имущества наряду с родившимися от свободной женщины (§ 170). Сохранение элементов правоспособности у рабов свидетельствует о недостаточно высоком уровне развития рабовладения.

Большое внимание в законах Хаммурапи уделяется регулированию отношений найма. Рассматриваются самые разнообразные его формы (§ 215—277), и даже регламентируется размер оплаты за наемный труд (§ 274). В то же время, как и более ранние памятники законодательства, законы Хаммурапи не проводят различий между наймом людей и наймом движимого имущества.

Таким образом, в законах Старовавилонского царства предусмотрены различные формы государственного регулирования и контроля экономической деятельности населения. Развитие товарно-денежных отношений допускается в таких пределах, которые ограничивают процессы массового разорения свободных граждан, а также ставится надежный заслон на пути отчуждения недвижимой собственности царских служащих и работников. Однако защита частной собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства. Не следует преувеличивать и степень воздействия законодательства на ход реальных экономических процессов. В настоящее время трудно судить о том, насколько последовательно законы Хаммурапи проводились в жизнь. Кодекс Хаммурапи представлял из себя скорее всего свод идеальных рекомендаций, а не практическое пособие каж-

дого судьи, требовавшее от него строгого и неукоснительного выполнения всех его статей.

Тем не менее законодательство Старовавилонского царства оказало большое влияние на экономическую и правовую мысль других стран Передней Азии, прежде всего на законодательство Хеттского государства, Ассирии и Палестины.

3. Хеттское общество: государственная регламентация экономической жизни страны

В XVIII в. до н. э. в восточной части Малой Азии возникает объединение хеттских племен — Хеттское государство. Главной отраслью их хозяйства было скотоводство, а особое значение имели овцеводство и коневодство. Земледелие (в том числе с применением искусственного орошения в долинах рек) играло подчиненную роль. В Хеттском государстве добывалось серебро, свинец, медь и железо, делали бронзовые и железные орудия труда и оружие. Верховным собственником всей земли считался царь, хотя сами царские владения составляли лишь часть территории страны. Основной формой царского хозяйства были религиозно-хозяйственные комплексы, возникшие вокруг «каменных домов» (т. е. склепов умерших царей). Укрепление царского хозяйства наблюдается в древнехеттский (XVIII—XVI вв. до н. э.) и особенно в новохеттский период (XIV — начало XII в. до н. э.), когда эти хозяйства поглощают храмовые хозяйства, существовавшие до этого изолированно от него.

Важнейшим памятником экономической мысли является свод хеттских законов (XVI в. до н. э.). Хеттское законодательство складывалось под большим влиянием Древней Вавилонии, тем не менее хеттский кодекс заметно отличается от законов Хаммурапи как своей структурой, так и более дробной, более тщательной разработкой многих собственно экономических вопросов. В частности, в судебнике содержится развернутая характеристика государственных повинностей, которые несло основное население страны, большое внимание уделяется вопросам регламентации условий торговли, найма, фиксации товарных цен. В то же время вопросы, связанные с ростовщичеством, детально разработанные в кодексе Хаммурапи, не получили здесь такого отражения.

Если в законах Хаммурапи практически отсутствовала характеристика обязанностей земледельцев и ремесленни-

ков перед государством, то в хеттских законах им посвящено несколько специальных параграфов (39—41, 46—56, 112). Все население страны выполняло определенные повинности перед государством. «Если житель селения,— читаем мы в § 39,— завладеет полями другого [человека], [то] он должен нести повинность, [связанную с обладанием этими полями]. Если [эти] поля он оставит в запустении, то другой [человек] может взять поля [себе], но он не может продать их»[7]. Обладание земельной собственностью было связано с выполнением определенных повинностей, а несение повинностей являлось непременным условием владения наделом. Государство запрещало продажу земли, хотя земля могла переходить другим лицам при условии несения повинностей. Такое положение распространялось также на ремесленников и их помощников (§ 40).

Бегство налогоплательщика влекло за собой необходимость обработки поля и уплаты соответствующего налога жителями данного поселения. Кроме того, за царем оставалось право заселять пустующие земли людьми из числа военнопленных при условии, что они будут выполнять соответствующие обязанности. Это предусматривает и § 112 с тем лишь уточнением, что военнопленный начинает платить повинности с четвертого года. Первые три года составляют льготный период, необходимый, видимо, для организации собственного хозяйства.

Повинности определялись характером надела. Поэтому при дарении земли и ее покупке на нового владельца распространялись повинности, связанные с этим участком земли (§ 46—56). Характер повинностей определялся царем, он же обладал правом подарить землю, освободив от несения повинностей (§ 47). Существование такой практики подтверждают «иммунитетные грамоты» и царские дарственные на землю.

Хеттскими законами предусмотрена широкая регламентация условий купли и найма (§ 145—165). Кроме этого значительное число статей посвящено фиксации конкретных цен движимого и недвижимого имущества. Законодательство устанавливает твердые цены на различные виды скота, мяса, продуктов питания, одежды, тканей и даже земли (§ 176 Б — 186). Мы видим, что в хеттском обществе существует денежная форма стоимости и в качестве основного всеобщего эквивалента выступает серебро (§ 176 Б — 185 А). Масштабом цен является заимствованная из Древней Месопотамии денежная

единица — сикль серебра. Наряду с серебром сохраняется еще и такой эквивалент, как овца. В отдельных случаях, в частности при продаже мяса, в качестве всеобщего эквивалента выступает овца (§ 185 Б — 186), цена которой, согласно хеттскому законодательству, равнялась 1 сиклю серебра (§ 179). Сохранение второго эквивалента свидетельствует о пережитках развернутой формы стоимости. В законодательстве определены также размеры платы за обучение профессиям плотника, кузнеца, ткача, кожевника и валяльщика (§ 200 Б).

Хеттские законы являются важным источником и для характеристики социально-экономической структуры общества. Они свидетельствуют о сохранении круговой поруки не только в рамках большой патриархальной семьи, но и в рамках сельской общины. За совершенное преступление несли ответственность как общинник, так и то объединение, к которому он принадлежал (§ 49). В хеттском обществе существовали рабы. Часть из них (военнопленные) пополняла ряды войска, получая при этом земельные наделы (§ 40, 112). Другая часть, из числа покоренного мирного населения, становилась рабами, труд которых использовался главным образом в царском (§ 52) и храмовом хозяйствах. О социальном неравенстве свидетельствует, например, факт различной ответственности за совершенное преступление свободным и рабом (§ 1—4, 7—8, 11—18 и др.). В то же время рабы обладали некоторыми правами. В частности, допускались браки свободных и рабов (§ 31—32), т. е. предполагалось, что раб может дать выкуп за свободную женщину (§ 34) и даже за свободного юношу, если возьмет его в качестве зятя (§ 36).

Таким образом, мы видим, что хеттское законодательство сделало дальнейший шаг к еще большей регламентации экономической жизни населения, подчинив его целям создания военной монархии. Государство с рациональной деловитостью и мелочной заботливостью пресекает становление частной собственности, определяя строгие границы для развития товарно-денежных отношений. Регламентация цен, с одной стороны, отражает неразвитость товарно-денежных отношений, фиксирует давно сложившиеся натуральные пропорции обмена, с другой — препятствует стихийному развитию рыночного механизма. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими судить о том, насколько объявленные цены соблюдались в повседневной практике. Ясно одно, что возникаю-

щие экономические проблемы Хеттское государство пытается решить главным образом административным путем. Об этом же свидетельствуют дошедшие до нас своеобразные служебные инструкции, которыми должны были руководствоваться царские чиновники («господа», «главные» и т. д.)[8]. В то же время отсутствовали попытки объединить страну с помощью экономических мер. Вопросы экономического управления страной также не получили необходимого развития в хеттской литературе. Новый шаг в этой области был сделан создателями Великой ассирийской державы.

4. Ассирия: вопросы управления военной державой

Возникнув еще в III тыс. до н. э., ассирийское государство прошло долгий путь исторического развития, в рамках которого для нас наибольший интерес представляют среднеассирийский (XV — XI вв. до н. э.) и новоассирийский (X — VII вв. до н. э.) периоды.

Ведущей отраслью хозяйства в Ассирии было земледелие. Искусственное орошение здесь играло более скромную роль, чем в Вавилонии. Тем не менее жители страны использовали периодические разливы Тигра, прокладывали каналы для орошения полей, садов и огородов. Большое значение имела транзитная торговля, так как Ассирия находилась на пересечении важнейших торговых путей. Ассирийские купцы вели активную торговлю с соседними народами, о чем свидетельствует «Торговый устав» малоазийской фактории купцов в Канише (XIX в. до н. э.).

Власть ассирийских царей постепенно усиливалась. На царские решения первоначально оказывали сильное влияние жреческая верхушка и военная аристократия, а позднее и бюрократический аппарат. Характерно, что среднеассирийские законы (XV — XIV вв. до н. э.) являются не судебником царя, как кодекс Хаммурапи, а волеизъявлением общины города Ашшура. До нас дошли 14 таблиц и фрагментов с текстами законов. То, что сохранилось,— это главным образом семейное право (табл. А, § 1—59), закрепляющее неограниченную патриархальную власть мужа внутри семьи. Да и в целом наказания, предусмотренные законами, отличались чрезвычайной жестокостью.

В судебнике есть ряд статей, характеризующих поземельные отношения. Они свидетельствуют о сохранении общинных традиций. В частности, предусмотрена доста-

точно сложная процедура продажи общинной земли (табл. B+O, § 6), а также суровое наказание за нарушение большой (между общинами) и малой (внутриобщинной) межи (табл. B+O, § 8—9). В то же время законы отразили развитие отношений купли-продажи и рабства (табл. C+G, § 2—4 и др.). В отличие от кодекса Хаммурапи в среднеассирийских законах отсутствуют статьи, ограничивающие произвол ростовщиков, хотя развитие товарно-денежных отношений разлагало ассирийскую общину. Об этом, в частности, говорят юридические и хозяйственные документы среднеассирийского периода. Закабаление разоряющихся общинников происходило в форме так называемого усыновления, в результате которого должник («усыновленный») подпадал под патриархальную власть кредитора («усыновителя»). Хотя формально «усыновленный» оставался свободным, реально он оказывался на положении раба. Это наглядно видно, например, из следующего документа: «Накиду — сын Эриш-или. Согласно табличке его настоящего отца, Эриш-или, которая была им написана Кение об усыновлении [Накиду] с его полем, и его домом, и всем его имуществом, Накиду — сын, Кения — его отец. В поле и внутри поселения он [Накиду] должен работать на него [Кению]. Накиду как с отцом, а Кения как с сыном [букв.: сыновьями] должны обходиться друг с другом. Если Накиду на Кению не будет работать, без суда и спора он [Кения] может обрить его (т. е. поставить знак раба, так как рабам в Ассирии сбривали часть волос на голове.— *Авт.*) [и] за серебро продать его»[9].

Наряду с «усыновлением» в Ассирии существовали другие виды закабаления. Например, достаточно широкое развитие получили случаи так называемого оживления в бедственном положении. Их сущность заключалась в том, что отец, не будучи в состоянии прокормить свою дочь, продавал ее своему кредитору («оживителю»). Находясь экономически на положении рабыни, девушка юридически считалась ассириянкой (т. е. свободной гражданкой ашшурской общины) и могла выйти замуж за свободного, который уплатит за нее брачный выкуп[10]. Продажа своих детей спасала обедневших общинников от полного разорения. Поэтому не случайно в Поздней Ассирии была распространена пословица: «Богач живет своими доходами; бедняк — ценой своих детей (т. е. проданных в рабство)»[11].

Наибольшего подъема Ассирия достигла в X — VII вв. до н. э. Ее армия покоряет соседние государства, Ассирийская военная держава превращается в «мировую» империю, безраздельно господствующую в Передней Азии, а государство в VIII в. до н. э. приобретает характерные формы восточной деспотии с разветвленным бюрократическим аппаратом. Сохранившийся от времени Асархаддона (680—669 до н. э.) список чиновников содержит перечисление 150 должностей.

Главным источником экономической мысли становятся надписи исторического характера, летописи и анналы ассирийских царей, доклады царских наместников, договоры, письма, донесения. Экономическая мысль, как и духовная культура в целом, была поставлена в этот период на службу деспотической власти. Поэтому наибольшее значение приобретают вопросы управления военной державой.

Политическому и экономическому укреплению страны способствовали реформы управления, осуществленные Тиглатпаласаром III (744—727 до н. э.). Реформы были направлены на усиление контроля центральной власти, организацию стабильного управления покоренными территориями. С этой целью были разукрупнены наместничества и создано более 50 провинций. Провинции управлялись наместниками, главными функциями которых были не только военно-полицейские (поддержание внутреннего порядка, охрана важнейших дорог и т. п.), но и финансово-экономические (прежде всего сбор налогов и дани). Налоги устанавливались на основании переписей населения и имущества. Население страны не только платило подоходно-поземельный и храмовый налоги, но и выполняло строительные, ирригационные и другие повинности. Подати и дань собирались в натуральной форме. Кроме того, начиная с Тиглатпаласара III, ассирийские цари практикуют массовое переселение покоренных народов. По оценкам современных исследователей, оно охватывало обычно около $^1/_3$ населения присоединенных стран[12]. Освободившиеся территории заселялись другими народами. Такая политика преследовала две основные цели: во-первых, предотвращение восстаний и смут и, во-вторых, создание социальной опоры в лице переселенцев, и прежде всего воинов-колонистов.

Большое внимание в Ассирийской державе уделялось строительству дорог. Они были жизненно необходимы как для военных и торговых целей, так и для оперативного уп-

равления страной. Поэтому охрана дорог, обеспечение их бесперебойного функционирования являлись важнейшей обязанностью наместников провинций.

Достижения ассирийской экономической мысли, конечно, не следует преувеличивать. Не экономические методы управления были главной причиной стабильности и процветания страны. Ассирийская империя держалась прежде всего силой оружия. Военные поражения ассирийской армии в борьбе с Вавилоном и Мидией привели к распаду некогда великой державы.

5. Нововавилонское царство: рождение первых банков

Свое наивысшее развитие товарно-денежные отношения в Древней Месопотамии получили во времена Нововавилонского царства (626—539 до н. э.). В этот период были достигнуты крупные успехи в материальном производстве. Вавилонянам удалось обуздать Евфрат, подчинив себе эту капризную реку. Благодаря реконструкции ирригационной системы непредсказуемые разливы Евфрата прекратились, а часть его паводковых вод была отведена в Тигр. Большое распространение получает садоводство. Основу аграрного строя составляет мелкое и среднее частное землевладение. Развивается аренда и субаренда. Долговое рабство для граждан Вавилона было отменено, поэтому задолженность арендаторов становится важным способом удержания их в данном хозяйстве.

Важнейшими источниками экономической мысли являются хозяйственные и юридические документы. Правда, от законов Нововавилонского царства сохранились лишь фрагменты (около 20 статей). Зато богатую информацию содержат судебные протоколы и решения, свидетельские показания, а также арендные контракты, купчие, расписки, накладные, бухгалтерские счета, векселя, письма делового и частного характера. Они характеризуют экономическое мышление не только господствующего класса древневосточного общества, но и широких слоев населения, включая рабов.

Документы, дошедшие от этой эпохи, свидетельствуют как о купле-продаже рабов, так и об обучении рабов различным профессиям[13]. Более того, все чаще и чаще встречаются сделки, заключенные рабами со свободными. Находясь на пекулии,рабы арендуют помещения для органи-

зации собственного дела, а также для жилья. Любопытно и то, что вырабатывается универсальная форма договора для выражения самых разнообразных дел: займа, платежа ренты или квартирной платы, заказа у ремесленника или купца, оплаты приданого, налогов или каких-либо других пошлин. Приведем в качестве примера договор об аренде жилья, заключенный между свободным и рабом:

«Дом Бел-иддина, сына Набу-этира, [а именно] южную [и] восточную [части] и верхний этаж, Амату добровольно сдала на четыре года Ки-Набу, рабу Арад-Набу, для жилья за 12 лепешек в день и $^1/_2$ сикля серебра в год. Кто нарушит [контракт], тот будет оштрафован на 10 сиклей серебра. [Документ составлен] в присутствии Куллы, ее (т. е. Амату.— *Авт.*) дочери. Свидетели (имена трех человек) и писец (имя). Урук, 28-й день месяца шабату 22-го года Навуходоносора (т. е. 584 г. до н. э.— *Авт.*), царя Вавилона»[14].

Необходимо отметить, что, несмотря на широкое развитие товарно-денежных отношений, в вавилонском обществе не возникло монетной формы денег. В обращении были не знаки стоимости, а серебро, которое, как видно из документа, принималось по весу даже в тех случаях, когда речь идет о сравнительно мелких сделках ($^1/_2$ сикля серебра = 4,2 г).

Ссуда денег давалась как под залог имущества, так и без него. В качестве залога мог выступать раб, дом, какое-либо имущество, участок земли. Жители Древней Месопотамии различали два вида залога. В первом случае залог оставался у должника и переходил кредитору лишь в случае неуплаты ссуды. Во втором случае залог переходил кредитору, пользование им или доходом от него рассматривалось как проценты за ссуду.

Развитие ростовщического и купеческого капитала приводит к возникновению «деловых домов», выполнявших функции своеобразных первых банков (дом Эгиби, дом Иддин-Мардука, дом Мурашу и др.)[15]. Они осуществляли прием и выдачу вкладов, предоставляли кредит, производили учет векселей, оплату чеков, осуществляли безналичный расчет между вкладчиками, финансировали внутреннюю (дом Мурашу) и внешнюю (дом Эгиби) торговлю. Вкладчики получали 13 % годовых на свой капитал, заемщики обычно платили 20 %. Следует, однако, подчеркнуть, что собственно банковские операции составляли лишь часть многообразной деятельности «деловых домов».

С покорением Нововавилонского царства державой Ахеменидов, несмотря на льготы, предоставленные персидскими царями Вавилону, происходит постепенное сокращение товарооборота и заметно усиливаются натурально-хозяйственные тенденции в экономике Месопотамии.

6. Ветхий завет: борьба с ростовщичеством и долговым рабством

Важным историческим памятником, по которому можно судить об экономических представлениях жителей Восточного Средиземноморья, является древнейший раздел Библии — Ветхий завет. Он интересен не только как документ, отразивший экономические воззрения людей, живших в I тыс. до н. э., но и как сочинение, канонизированное позднее христианством, из которого черпали социально-экономические идеи как угнетенные, так и угнетатели в эпоху поздней древности, в средние века и даже в новое время. Ветхий завет представляет собой сборник произведений, созданных с XIII по II в. до н. э. Это было время, когда еврейские племена, жившие за рекой Евфрат, вторглись на территорию Палестины, подчинив себе расположенные там города-государства. В ходе борьбы с филистимлянами еврейский племенной союз постепенно оформляется в государство. Первым царем становится Саул (ок. 1030 до н. э.). Его зять Давид (ок. 1004—965 до н. э.) присоединяет к царству Иерусалим и делает его столицей государства. Его младший сын Соломон (ок. 965—928 до н. э.) построил в Иерусалиме храм в честь бога Йахве (Яхве, Ягве, Иегова). По числу племен Израильско-Иудейское царство состояло из 12 округов, которые по очереди круглый год обеспечивали царский двор всем необходимым. Кроме того, покоренное население, а позднее и сами израильтяне должны были выполнять трудовую повинность четыре месяца в году. Рост налогообложения привел к восстанию, в результате которого произошел раскол страны. На севере возникло новое Израильское царство, центром которого с IX в. до н. э. стал город Самария. В 722 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II разгромил Израильское царство и переселил в Мидию и Месопотамию 27 тыс. израильтян. С падением Ассирии восстанавливается самостоятельность Иудейского царства. Проводится ряд реформ, важнейшими из которых являются утверждение единобожия и возобновление дей-

ствия старого закона об ограничении долгового рабства шестью годами. Палестина становится объектом борьбы между Египтом и Нововавилонским царством. В 609 г. до н. э. Иудея была покорена египетским фараоном Нехо II, а в 586 г. до н. э.— войсками вавилонского царя Навуходоносора II. Кончилось «вавилонское пленение» израильтян в 538 г. до н. э., когда разгромивший Нововавилонское царство Кир разрешил евреям вернуться на родину и восстановил Иерусалим как храмовый центр. Таковы вкратце социально-экономические и политические условия создания Ветхого завета.

Ветхий завет состоит из трех частей. Первая часть называется Закон («Тора»). Она включает Пятикнижие (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие). Вторую часть составляют Пророки («Невиим»). Эта часть состоит из книг «старших», «младших» и 12 «малых» пророков. В третью часть входят Священные, или агиографические, писания («Кетубим»).

Вопросы экономической мысли не являются главными в Священном писании древних евреев. Тем не менее различные стороны экономической жизни израильтян не могли не найти отражение в этом сложном и многогранном произведении.

Через все произведение проходит развернутая критика ростовщичества, являющегося причиной разорения и долгового рабства соплеменников (Исх., 21: 1—7; Лев., 25: 39—41; Втор., 15: 12—18 и др.). «И был велик вопль народа и жен их к их братьям иудеям. Одни говорили: «Сынов наших и дочерей наших мы закладываем, чтобы купить нам зерна, есть и жить». Другие говорили: «Поля наши, виноградники наши и дома наши мы закладываем, чтобы купить зерно во время голода». Были и такие, которые говорили: «Серебро мы взяли в долг [под залог] полей наших и виноградников наших для уплаты налога царского». А ведь одной мы плоти с братьями нашими, как их сыновья — сыновья наши, и вот мы вынуждены отдавать сынов наших и дочерей наших в рабство; и среди наших дочерей уже имеются порабощенные, и нет средств у нас [для выкупа], в то время как поля и виноградники наши находятся в чужих руках»» (Неем., 5: 1—5) [16].

В Библии, тем не менее, нет характеристики ростовщичества и рабства как противоестественных социальной природе человека явлений, не содержится призыв к их полной ликвидации, установлению подлинного социального равенства. Предлагаются лишь паллиативные меры.

В частности, в уста бога вкладываются утверждения о том, что земля не должна отчуждаться и если она все же продана, то должна вернуться своему владельцу в юбилейный (пятидесятый) год (Лев., 25: 23—28).

Долговое рабство в Библии ограничивается шестью годами и указывается на целесообразность патриархального отношения к рабам, прежде всего из числа соплеменников, а также к метекам и поденщикам. «Если обеднеет [букв.: опустится] брат твой и ослабеет [букв.: пошатнется] рука его,— читаем мы в Библии,— то поддержи его как метека, и пусть продолжает жить с тобой. Не бери у него процентов, бойся Господа твоего, и пусть брат твой живет с тобой. Серебро свое не давай ему под проценты и пищу не давай ему в рост [или: за процентную надбавку].

Если обеднеет [букв.: опустится] брат твой и продастся тебе [в рабы], не заставляй его работать как раба; как наемник и как поселенец пусть будет он при тебе, до юбилейного года пусть работает у тебя» [17] (Лев., 25: 39—40). В Библии осуждается и притеснение поденщиков (Втор., 24: 14—15), неоднократно подчеркивается мысль о необходимости отпуска на волю рабов со средствами к существованию (Втор., 15: 1—5, 7—11 и др.).

Большое место уделяется социальным обличениям в пророческой литературе: «Я знаю, как многочисленны ваши преступления и как тяжки ваши грехи: вы притесняете правого, берете взятки, а нищего, ищущего правосудия, гоните от ворот» (Ам., 5: 12) [18]. «Малые» пророки осуждают произвол, критикуют роскошь и богатство, ратуют за возврат к патриархальной жизни, призывают к восстановлению традиционных норм и обычаев. Однако в условиях развития товарно-денежных отношений и рабства утопизм таких пожеланий очевиден. В то же время стремление к «праведной жизни», критика различных форм угнетения, обвинения в социальной несправедливости не могли не встретить сочувствие угнетенных народных масс и рабов, что явилось в дальнейшем одной из важных причин возникновения и распространения раннего христианства.

Экономическая мысль Передней Азии прошла долгий и содержательный путь. К числу важнейших достижений относится разработка вопросов учета, организации и управления государственным хозяйством. Были найдены различные формы государственного контроля за экономической деятельностью населения, получившие яркое во-

площение в законах из Эшнунны, Хаммурапи, Хеттской державы и Ассирии. Важное значение имела защита населения от произвола ростовщиков в Вавилонии и Палестине. Протест населения против долгового рабства и ростовщичества нашел образную форму выражения в Ветхом завете Библии. В Нововавилонском царстве была выработана простая и универсальная форма обязательства для оформления товарно-денежных отношений, появились «деловые дома», выполнявшие функции первых банков.

В то же время экономическая мысль переднеазиатских государств еще не вычленилась в самостоятельную отрасль знания. Статьи, регулирующие экономические отношения в древних судебниках, переплетаются со статьями об уголовных делах, гражданское право причудливо соединено с семейным, информативное начало господствует над обобщением. Государство препятствует развитию частной заинтересованности и инициативы, тщательно контролируя экономическую деятельность своих граждан, осуществляя мелочную регламентацию условий торговли и найма, фиксацию товарных цен и т. д. Постоянные вторжения кочевников разрушают развитые экономические центры, надолго задерживая прогрессивное экономическое развитие наиболее цивилизованных народов.

Глава 3

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ДРЕВНЕМ ИРАНЕ

Первое государственное объединение древних иранцев — Мидийское царство существовало в VIII—VI вв. до н. э. Как государство Мидия представляла собой достаточно непрочный союз племен. Большую роль в истории древнего Востока сыграла «мировая» Персидская держава Ахеменидов (VI — IV вв. до н. э.), объединившая в своих границах все ближневосточные государства, включая Египет. В I тыс. до н. э. в Древнем Иране происходил сложный процесс формирования классового общества. Социальное и имущественное расслоение свободного населения порождало первые формы неравенства и угнетения. Происходила консолидация государства, постепенное складывание деспотического типа правления. Важные социально-экономические сдвиги нашли отражение в идеологии.

Крупнейшим письменным памятником Древнего Ирана является «Авеста». Это свод священных текстов приверженцев зороастризма — религиозного учения, названного по имени его основателя (пророка) Заратуштры. «Ясна»— наиболее архаическая часть «Авесты», куда входят гимны Заратуштры.

Важной характерной чертой зороастризма было представление о дуализме мира. Этот дуализм выражался в противоборстве сил Добра и Света во главе с Ахура-Маздой с силами Зла и Тьмы, возглавляемыми духом-разрушителем Анхра-Майнью. К «лагерю Тьмы» относились дайвы (дэвы) — бывшие боги, персонифицировавшие такие отрицательные черты, как лень, зависть, ложь, а также злые духи, колдуны и пэри, которые вредили огню, земле, воде, скоту. Бог Добра, Ахура-Мазда, сотворил жизнь, свет, тепло, предупреждал людей о бедствиях, а дух-разрушитель, Анхра-Майнью, сеял смерть, сотворил зиму, холод, зной, вредных животных. Подобные наивные представления древних иранцев свидетельствовали о большой зависимости их хозяйственной деятельности от естественной среды обитания. Однако на протяжении всей истории зороастризма важное место в нем отводилось человеку.

Зороастризм предоставлял человеку выбор встать на любую сторону в борьбе Добра и Зла. Деятельность человека Добра должна была основываться на трех заповедях: добрая мысль, доброе слово, доброе деяние. К добрым деяниям в мирской жизни относилось прежде всего преумножение материальных благ. Не случайно в текстах «Авесты» не только нашли отражение черты натурально-хозяйственного строя древних иранцев, их общественные идеалы, но и содержатся практические советы.

Заратуштра (что означает «имеющий золотистых верблюдов») выступал против бессмысленности массовых жертвоприношений скота, главного богатства кочевников. Ранний зороастризм — своеобразная и уникальная в своем роде идеология пастушеских племен. «Пусть скот тучнеет нам на пищу»— одна из центральных идей «Авесты». Поэтому каждый должен оберегать скот от жестокости, «чтобы скот имел благо мирской пастьбы и подобающий ему уход». «Славословить Ахура-Мазду и давать корм скоту,— заявлял Заратуштра,— это мы считаем самым лучшим».

Ранний зороастризм выражал представления той части иранских племен, которые прекратили военные набеги на

соседей и вели мирную, полуоседлую жизнь скотоводов. Заратуштра подчеркивал, что дэвы (злые боги) порождены «дурными делами тех, кто является врагом мирной и оседлой пастушеской жизни».

Заратуштра выступил как сторонник сильной власти. «Душа скота,— провозгласил он,— желала бы иметь покровителем могущественного правителя, который бы помог Заратуштре вооруженной рукой». Зороастризм наставляет кочевника отречься от «хищений и захвата скота», от разорения селений, и тогда победит Добро. В этом случае Заратуштра обещал обеспечить «свободное движение и свободную жизнь тем хозяйствам, которые содержат на земле скот». По-видимому, проблема «свободного движения» скотоводов в условиях естественной ограниченности пастбищ стояла остро и приводила к всевозможным столкновениям. В этих условиях Заратуштра призывал даже иноверцев поклясться «прекратить военные набеги, сложить оружие, заключить браки между своими»[1].

Стремление полуоседлых кочевников к сильной власти и стабильности получало отражение в авестийском пантеоне богов. Особое место в нем отводилось всевидящему Митре, богу порядка, «хранителю законности»[2]. Не случайно синоним Митры —«многопастбищный», поскольку обилие пастбищ — важное условие экстенсивного скотоводства. «Авеста» выступала против нарушения договоров зороастрийцев с единоверцами и другими людьми. На языке «Авесты» договор означал не только взаимозависимость между его субъектами, но в первую очередь обязанность материальной поддержки друг друга или партнера. Подобные договоры отражали, по-видимому, архаичность отношений взаимопомощи, характерную для общинного строя. Гимн Митре даже перечисляет субъектов — носителей этих отношений: друзья, члены общины, супруги, ученик — наставник, зять — тесть, братья, отец — сын, страны. Это свидетельствует о живучести патриархальных отношений в древнеиранском обществе, о стремлении зороастризма к их определенной консервации.

Но происходило дальнейшее перерождение родового строя и образование каст. В «Ясне» упоминаются 4 касты: жрецы, воины, скотоводы, ремесленники[3]. Такое социальное деление характерно для многих раннеклассовых обществ.

В зороастризме определенным образом отразились социальные идеалы кочевых иранских племен, их стремление найти такое место на земле, «где много варят пищи, полу-

чают большие куски, где фыркают кони, звенят колеса, где взмахивают плетью, где много жуют, где припрятаны яства, где прекрасные ароматы, [где] в кладовых по желанию хранят в обилии все, что надо для хорошей жизни»[4]. «Авеста» поощряла создание страховых фондов пищи на случай стихийных бедствий, что являлось одной из важных черт общинного производства.

Как свидетельствуют тексты «Авесты», более поздние по происхождению мифологические сюжеты не только содержат в себе значительные элементы утопических представлений древности, но и являются попыткой объяснить реальные события. В этом отношении интересна авестийская легенда о Йиме, «устроителе» скотоводов, правителе мира в период «золотого века». Богатырь Йима трижды, каждый раз через «триста зим», когда больше «не находилось места для мелкого и крупного скота и людей», «раздвигал» землю. Возможно, этот миф своеобразно отражает стремление господствующей верхушки разрешить социально-экономические противоречия путем захвата сопредельных земель. Йима, спасая от сильных морозов, снега, наводнения скот и людей, построил «вару»— усадьбу (или крепость), провел в нее воду и снес туда «семя мелкого и крупного скота, людей, и собак, и птиц, и огней красных, пылающих»[5], и семена всех растений. Правитель построил жилище для людей и загон для скота. Легендарные деяния Йимы не что иное, как мифологическое отражение появления у части иранских пастушеских племен элементов оседлости.

Третья глава книги «Вендидад»— настоящий гимн земледелию и земледельцу. В ней отдается еще некоторое предпочтение скотоводству, когда «муж праведный соорудил дом, снабженный огнем, молоком, супругой, детьми, добрыми стадами». Но на земле приятно там, «где в наибольшей мере засевая, возделывают хлеба, травы, плодоносящие растения, где обводняют безводное место, где осушают место с избытком воды», и там, «где в наибольшей мере дают навоз, мелкий скот и крупный скот».

Книга «Вендидад» превозносит земледелие, и особенно хлебопашество. Авторы книги подчеркивали, что сущность зороастризма проявляется тогда, «когда усердно возделывают хлеб». Именно хлебопашец «продвигает вперед... веру». Без земледелия нет изобилия. «Если кто обрабатывает эту землю... левой рукой и правой, правой рукой и левой, тот несет ей выгоду»[6]. Среди всех отраслей хозяйства хлебопашество ставилось на самую высокую сту-

пень. Чтобы избежать нищеты, зороастризм призывал проводить активную политику по развитию земледелия, освоению новых земель. Но если человек забрасывает землю, то он будет вечно стоять «у чужих ворот среди тех, кто попрошайничает», а яства «понесут в дома, где и без того обилие богатств»[7]. Зороастризм прямо осуждал аскетизм, который ослабляет человека в его борьбе со Злом: «Ни один из тех, кто не ест, не способен ни к усердному занятию делами праведности, ни к усердному занятию [сельским] хозяйством, ни к усердному занятию произведением сыновей»[8]. Благим делом зороастризм считал заботу о продлении рода. Сыновья приумножали богатство семьи, содействовали победе Добра.

«Авеста» рисует сложную картину экономической жизни Древнего Ирана I тыс. до н. э. Кочевое хозяйство сочеталось с ирригационным земледелием, существовало ремесленное производство. У общинного населения сохранились родовые связи, существовало домашнее рабство. В шкале поручительств по договорам раб как материальная ценность ставился уже выше скота.

В условиях многоукладного экономического базиса, господства земледельческо-скотоводческих общин, ведущих замкнутое натуральное хозяйство, зороастризм стал идеологией деспотической власти. Не случайно со временем в этой религии отчетливо прослеживается тенденция к монотеизму, т. е. единобожию. Зороастризм с его культом Ахуры-Мазды получил широкое распространение в Древнем Иране лишь на рубеже VI — V вв. до н. э., в период царствования Дария I. В его знаменитой Бехистунской надписи говорится, что именно Ахура-Мазда дал Дарию I царство, помог подавить мятежи самозванцев[9]. Как отмечал Ф. Энгельс, «единство бога, контролирующего многочисленные явления природы... есть лишь отражение единого восточного деспота...»[10]. По мере становления государственной власти в Древнем Иране все проявления деспотических форм правления объявлялись «волеизъявлениями бога». Среди социальных ценностей зороастризма на первом плане стоит послушание. «Пусть одолевают в этом доме (т. е. в Иране.— *Авт.*),— замечает «Авеста»,— послушание — непослушание, мир — ссору, щедрость — скаредность, вера — неверие...»[11]

В начале сасанидского периода истории Ирана (III — VII вв. н. э.) зороастризм становится государственной религией и активно насаждается в покоренных странах. В это же время (III в. н. э.) в Иране появляется новая рели-

гия — манихейство. «Апостол Света» Мани стремился создать «универсальную» религию, приемлемую не только для Ирана, Ближнего Востока, но и для других восточных стран (включая даже Китай). Идеи Мани в религиозной форме выражали чаяния народных масс, протестовавших против эксплуатации и деспотизма.

Новый пророк считал, что силы Зла, одержав временную победу, растворили во тьме эманации Света. Светлое начало человека было поглощено Тьмой. Поэтому Мани ставил задачу освобождения «искры божьего света» в душе человека. «Там, где нет любви, все деяния несовершенны»— таков символ веры Мани. Если зороастризм санкционировал социальное неравенство, рабство и деспотизм, то манихейство проповедовало человеколюбие. Однако «царства Света» пророк советовал достичь с помощью аскетизма. Манихеям нельзя было убивать ни себе подобных, ни животных, есть мясо. Мани, отрицая любые активные действия, пассивно протестовал против социальной несправедливости.

Мани оставил поэтическое описание «Земли Света»: «Ее божественная поверхность — из алмазного вещества, которое никогда не разрушится. Все прекрасное порождено землею: холмы нарядные, красивые, сплошь покрытые цветами обильными; деревья, плоды которых не падают, не гниют и не знают червоточины; ключи, вечно точащие божественную влагу, исполняющую все царство Света, луга и рощи; бесчисленные дома и дворцы, троны и ложа, которые существуют бесконечно, от века до века»[12]. Эта несколько утопическая картина рая была бы не совсем полной, если бы Мани не утверждал, что «Драгоценная Земля Света беспредельна, искать ее край и берег бесполезно; поистине, она свободна от малейшего угнетения, в ней нет нужды и убытка; здесь каждый движется, как хочет, и живет по своей вольной воле»[13]. Подобные экономические идеи были прямо направлены против рабства и всех видов угнетения. Не случайно зороастрийское жречество боялось пророка, приписывая ему проповеди, призывающие заниматься грабежом чужого имущества и скота. Прогрессивные идеи Мани развивали «правоверные манихеи», появившиеся в III в. н. э. Их лидер Бундос отстаивал требования справедливого распределения материальных благ между людьми, уничтожения имущественного неравенства. Эгалитарные идеи радикального течения манихеев воспринял Маздак, выступивший в V в. н. э. с резкой критикой эксплуататорского общества.

Идеи Мани и его последователей отражали кризис раннеклассового общества Древнего Ирана с его сословным неравенством, рабством и деспотизмом. На смену старому способу производства шла новая общественно-экономическая формация — феодализм.

Глава 4

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

1. Древнейший период. Зарождение экономических взглядов

Древнейшая в Южной Азии цивилизация называется индской, так как возникла она в районе реки Инд в Северо-Западной Индии (ныне в основном территория Пакистана). Она датируется примерно XXIII – XVIII вв. до н. э. Через несколько веков после запустения величественных индских городов, в конце II тыс. до н. э., на этой территории появились индоевропейские племена (так называемые арии). Быт и верования ариев известны благодаря ведам — составленным в их среде сборникам гимнов и заклинаний. Уже в первой трети I тыс. до н. э. была создана обширная литература толкований текстов вед и описаний ведийского ритуала, которые служат основными источниками для изучения общества в начальный период становления классической индийской цивилизации.

От ранневедийской к поздневедийской эпохе происходили радикальные изменения в экономике, социальном и политическом строе Северной Индии. Место племенных союзов постепенно занимали ранние государственные образования.

Социальное и политическое развитие Индии конца II — начала I тыс. до н. э. привело к образованию замкнутых сословий (варн). Наследственный статус представителей каждой из четырех варн определял их занятия, место в обществе и религиозный долг: на брахманов возлагались обязанности жрецов и учителей, кшатрии должны были воевать и править, вайшьи — трудиться, а шудры — смиренно служить трем высшим варнам. Эта схема общественного строя прилагалась ко всем областям, где распространялась индийская культура, несмотря на многообразие социальной действительности того или другого региона. Местное жречество, знать и

т. д. неизменно рассматривались как элементы все тех же сословий, как проявление общей варновой структуры. Сословно-кастовая идеология варн, развившаяся в поздневедийский период, стала отличительным признаком Индии, намного пережив ту эпоху, когда в целом она правильно отражала реальную социальную структуру страны. Концепция варнового строя легла в основу представлений древних индийцев об обществе.

Наибольший интерес представляет тема об отношении авторов поздневедийских произведений к имуществу, о восприятии ими собственности. Накопление ни в коей мере не рассматривалось как самоцель. Имущество считалось необходимым для совершения жертвоприношений. По представлениям индийцев, зерно, масло или мясо жертвенных животных вместе с дымом костра поднимается к небесам и затем в виде дождя их живительные силы возвращаются от богов на землю. Часть собранного урожая считалось столь же необходимым принести в жертву богам, как и другую часть вновь бросить во вспаханную землю — без этих действий не будет урожая и не произойдет всеобщего и неизменного «круговорота материи». Дошедшие до нас жреческие тексты уделяют этой теме особое внимание. И можно сказать, что рисуемая в них ведийская экономика является «экономикой жертвоприношений».

Представители знати, по заказу которых жрецы совершали многодневные, дорогостоящие до расточительности обряды, стремились к обогащению — об этом постоянно говорится в молитвах и заклинаниях. Богатый человек — тот, кто пользуется расположением богов, а убогий — тот, кто лишен их милости. Но богатство рассматривалось вовсе не как накопление капитала — оно выполняло иные важные общественные функции. Вожди и правители нуждались в обогащении для того, чтобы «распространялась их слава». Представители аристократии питались, конечно, лучше, чем простонародье, но в целом потребности знати (да и возможности их удовлетворения) оставались весьма ограниченными. Военная добыча, дань, добровольные приношения подданных и регулярные подати — все шло на дарения, жертвы и увеселения, на содержание все более обширного штата слуг. Чем значительнее была царская свита, чем пышнее пиры, тем больше «распространялась слава» царя, увеличивался его престиж среди народа и укреплялась поддержка со стороны сородичей и дружины. Богатство сосредоточивалось в руках знати,

но оно не накапливалось, а раздавалось с целью в конечном счете увеличения власти (хотя обладание властью, конечно, также способствовало обогащению).

Еще один важный момент обращает на себя внимание в древнеиндийских представлениях о собственности. Последняя не рассматривается как нечто внешнее по отношению к личности владельца. В «Брихадараньяка-упанишаде» (I. 5. 15), например, личность (атман) уподобляется ступице колеса, а имущество — ободу со спицами. Этот характерный образ потом не раз повторялся в индийских текстах, называвших имущество «внешним членом тела» человека. Справедливо отмечалось, что «восприятие собственности как частицы себя... было характерной чертой общественной психологии Древней Индии»[1].

В ведийской литературе взимание налогов царем осмыслялось как «еда», способствующая росту его «тела» (царства). Метафора еды вообще является одной из основных для описания общественных отношений. «Едоком» именуется царь, «поедающий» всех подданных (кроме жрецов-брахманов), «низшие» характеризуются как «еда» высших, жена — как «еда мужа» и т. д. Но главным образом неоднократно повторяется, что для знати «едою» служит народ, который должен платить налоги (например, «Тайттирия-самхита» VII. 1. 1. 5: «Как коровы среди животных, так вайшьи среди людей являются едою»).

2. Собственность и социальная структура в произведениях буддизма и брахманизма (середина I тыс. до н. э.)

Отличительными чертами периода, относящегося к середине I тыс. до н. э., являются интенсивное строительство городов, распространение частной собственности и рабовладения. Показателем развития товарно-денежных отношений служит появление монетной чеканки. При династии Маурьев в III в. до н. э. была создана первая общеиндийская держава.

Письменные источники об этом периоде делятся в основном на две группы: первую составляют тексты, связанные с возникшей в середине I тыс. до н. э. религией буддизма, вторую — литература, принадлежащая религии брахманизма (индуизма). В последней категории следует особо выделить дхармасутры — книги о религиозном долге. На их основе в начале нашей эры создавались довольно обширные обобщающие своды, среди которых необхо-

димо упомянуть так называемые «Законы Ману»— правила благочестивого поведения, приписываемые прародителю людей Ману.

Ранние буддийские тексты составлялись в среде монахов и предназначались главным образом для чтения в монастырях. Вполне естественно поэтому, что их авторы не проявляют какого-либо интереса к хозяйственной деятельности. Напротив, всячески подчеркивается, что мирские страсти ведут к страданиям, а для окончательного освобождения от страданий и цепи перерождений необходим отказ от семьи, привязанностей и имущества. В буддийском служебнике «Пратимокша-сутра» подробно перечисляются различные проступки, связанные с алчностью,— получение золота, серебра, кладов или мена золота и серебра, или продажа и покупка и т. п. Буддийский монах должен был обладать лишь желтым одеянием (чиварой) и чашей для подаяния. Но и относительно этих предметов предлагалась строгая регламентация: нельзя было взять другую чашу, если первая еще не разбилась, нельзя иметь слишком дорогую чивару, нельзя брать деньги на покупку чивары и т. д. Правда, все эти грехи принадлежали к числу «отпускаемых», т. е. прощаемых. Кроме того, довольно рано монахи стали обходить правила, получая пожертвования не для себя лично, а для всей общины. Это и позволило впоследствии буддийским монастырям обзаводиться не только движимым, но и недвижимым имуществом.

Однако принцип отказа от собственности был весьма важен для идеологии первоначального буддизма. Только освободившись от имущества как «внешней оболочки тела», человек мог достичь конечного спасения — нирваны. В известном полемическом буддийском произведении «Тевидджасутта» (сутра о трех ведах) резкому осуждению подвергаются брахманы, которые надеются на слияние с «мировым духом», не отказавшись предварительно от жен и имущества. Собственность воспринималась как основная характеристика личности, и только отказ от нее позволял человеку раствориться во Вселенной, перестав быть обособленным индивидом.

Обращает на себя внимание еще одна примечательная черта буддийской (и не только буддийской) фразеологии. Как правило, наряду с имуществом речь идет о женах (иногда также о детях). Дело, очевидно, не в простой ассоциации хозяйства с семьей. Причина скорее заключается в том, что древние индийцы не проводили четкой грани

между собственностью на неодушевленное имущество и властью над людьми.

Буддийское учение о спасении, доступном только монахам, отказавшимся от собственности, вовсе не исключает экономической деятельности мирян. Напротив, так как буддийские монахи должны жить подаянием, наличие хозяйства последних прямо предполагается. Однако занятия мирян мало интересуют религиозных проповедников — для достижения нирваны это почти безразлично. Не вмешивается буддизм и в социально-экономические отношения. Рабство рассматривается как препятствие к вступлению в монашескую общину, и, таким образом, духовное спасение оказывается возможным лишь для тех, кто обладает личной свободой. Долговая кабала признается страшным злом, однако речь при этом идет не об осуждении частной собственности, а о том, что необходимо всячески избегать задолженности и стремиться к своевременной уплате долга. Беды человека, как и в других индийских религиях, объясняются кармой — воздаянием за его греховные поступки в прежнем рождении.

В брахманских книгах о дхарме, и в особенности в «Законах Ману», излагается целая концепция социальной структуры, основу которой составляют понятия варны (касты-сословия) и ашрамы (стадии жизни). Индуистское общество разделено на четыре замкнутые варны. Представители трех высших варн считаются «дваждырожденными», так как проходят в детстве обряд посвящения, дающий им право на совершение ведийского ритуала. Люди четвертой варны — шудры — не могут ни участвовать в ведийских жертвоприношениях, ни читать тексты вед. Жизнь «дваждырожденных» (главным образом брахманов) распадается на четыре стадии. Первую стадию они проходят в детстве — это изучение вед и воспитание в доме учителя-гуру (торжественный ввод мальчика в дом учителя и уподобляется второму рождению). Пройдя посвящение, ученик собирает милостыню и приносит ее в дом гуру, он также прислуживает учителю, например пасет его коров. Плата за обучение категорически запрещается, но, расставаясь с учителем, он может преподнести ему религиозный дар (обычно корову).

После окончания ученичества и заключения брака «дваждырожденный» становится домохозяином. Когда же «появляются морщины и седины», у его детей рождаются дети, следует уйти в лес и стать отшельником (либо оставив жену на попечение сыновей, либо взяв с собой в лес-

ную обитель). Живя в лесу, он питается лишь дикими плодами и ягодами и дает разнообразные обеты (пост, продолжительное бодрствование, стояние, молчание и т. п.). Наконец, в самом конце жизни «дваждырожденный» может покинуть это пристанище, превратившись в странствующего аскета, собирающего подаяние.

Хотя в первой стадии жизни человек приобщается к священному знанию, а в последних совершает аскетические подвиги, обычно подчеркивается особая роль стадии жизни домохозяина. В «Законах Ману» говорится: «Так как принадлежащих к трем (другим) стадиям жизни поддерживает ежедневно знанием и пищей именно домохозяин, то домохозяин — самый почтенный из них» (III. 78; ср.: III. 77; VI. 87, 89—90).

Во многих индуистских текстах развивается концепция трех целей жизни человека — религиозного долга, материальной выгоды и чувственной страсти (каждой из этих целей посвящена целая литература: наиболее известной книгой о долге (дхарме) являются «Законы Ману», о выгоде (артхе) —«Артхашастра» Каутильи, о которой пойдет речь далее, а о любви (каме) — «Камасутра» Ватсьяяны). Хотя «Законы Ману» на первое место ставят исполнение религиозного долга, но подлинным счастьем считают достижение всех трех целей (II.224). Таким образом, приумножение богатств и материальное благополучие получают в индуизме религиозную санкцию.

Большое значение придавалось жизни домохозяина и потому, что именно он совершал жертвоприношения. То имущество, которое принадлежало человеку, совершающему жертвоприношения, рассматривалось как собственность богов, а имущество не приносящего жертв — как собственность противников богов (Ману XI. 20). Разновидностью жертвоприношений считалось и дарение имущества, в особенности передача его брахманам (кормление брахмана уподоблялось жертве, сжигаемой в священном огне его живота). Неизменно проводился общий принцип, что имущество предназначено для жертв. Именно поэтому при известных обстоятельствах санкционировалось даже изъятие чужой собственности (например, Ману XI. 19: «Кто, забрав собственность у порочных, передает ее добродетельным, тот, превратив себя в судно, спасает и тех и других»). Речь, конечно, идет о «порочных» и «добродетельных» в сословно-кастовом смысле — имущество царь может отнять у шудр и подарить его брахманам. «Законы Ману» часто резко осуждают воров-

ство, рассматривая посягательство на чужую собственность как проявление моральной деградации и упадка религии-дхармы. Но это вовсе не распространяется на те случаи, когда нарушаются собственнические права низших каст ради высших (X. 129; XI. 13 и др.).

Сословно-кастовые принципы получают в эпоху дхармасутр и «Законов Ману» дальнейшее развитие по сравнению с поздневедийским периодом. Речь идет уже не только о четырех сословиях — варнах, но и о более мелких, многочисленных местных кастах — джати. Многие из этих каст носят этнические наименования. Особенно низкое положение занимали те касты, которые сложились на основе включения в индуистское общество отсталых «племен джунглей». Именно они обычно рассматривались в качестве «вневарновых» и «неприкасаемых».

Согласно брахманским книгам, сама природа каст различна и место в обществе каждой из них твердо определено благодаря присущим им профессиональным занятиям. Все дела каждой касты должны были решаться ее представителями между собой, и браки должны были заключаться лишь внутри касты (Ману X. 53). Перемена занятий возможна только при особых обстоятельствах, вынуждавших лиц высших каст добывать себе пропитание занятиями, их касте несвойственными. Низшим кастам безусловно запрещены были более почетные и выгодные профессии. Но и брахман, обратившийся к занятию земледелием или торговлей, переставал рассматриваться как брахман — он уподоблялся вайшье или даже шудре (Ману X. 93 и др.). Грозили ему и страшными карами в следующем существовании, ибо он подрывал таким образом основы кастового строя. Общий принцип этого строя с классической ясностью формулировался в «Законах Ману» (X. 97): «Лучше свое дело, плохо исполненное, чем хорошо исполненное чужое дело» (речь идет, конечно, об исполнении именно кастового долга).

Определяя круг занятий, подобающих той или иной варне, «Законы Ману» в целом воспроизводят старинную традицию, восходящую к поздневедийской литературе. Экономика рассматривается как сфера деятельности вайшьев (I. 90; IX. 326, X. 80, XI. 236). Она представляется в виде скотоводства (буквально: «охраны коров»), земледелия, торговли и ростовщичества. В соответствии с древними представлениями порой даже особый упор делался именно на «охрану коров», имевшую важный религиозный смысл. В обрядности постоянно подчеркивалось занятие

вайшьев основными видами хозяйства (воин-кшатрий, скажем, прикасался к оружию, а вайшья — к стрекалу — Ману V. 99, III. 44 и др.). Развитие имущественной дифференциации проявлялось в том, что богатство давало право на особое уважение, причем только в среде вайшьев (Ману II. 155, ср. 154).

Необходимо отметить, впрочем, что отношение к вайшьям как к основным труженикам в сельском хозяйстве и «дваждырожденным», обладающим значительно более высоким статусом, нежели шудры, во многом является данью традиции. Косвенные свидетельства тех же «Законов Ману» показывают, что уже к началу нашей эры бóльшая часть земледельческих вайшийских каст занимала положение, сходное с шудрами. Выделились отдельные разбогатевшие, преимущественно торгово-ростовщические касты — в средние века только их и стали считать настоящими вайшьями, а прочих не отличали от шудр. Так же, следуя поздневедийской традиции, занятием шудр объявляется «услужение» высшим варнам. Это вовсе не обязательно понимать как рабскую службу (хотя именно так иногда толкуется положение шудр в брахманской литературе). Из различных отраслей экономики с шудрами неизменно связывалось ремесло как разновидность обслуживающего труда. Дело явно заключалось в том, что изготовление ремесленных изделий на заказ рассматривалось как платная услуга, а работа на свободный рынок, очевидно, не была распространена. Шудринскими считались и всевозможные артистические профессии — танцоров, скоморохов, канатоходцев и т. п. Труд в сельском хозяйстве в качестве арендаторов-испольщиков, наемных работников и т. д. также связывался с шудрами.

Общественным идеалом была хозяйственная самостоятельность, что четко формулируется в «Законах Ману»: «Все зависящее от чужой воли — зло, все зависящее от своей воли — благо; необходимо знать это краткое определение блага и зла» (IV. 159—160, ср.: IV. 4—6). Очевидно, экономическая независимость была одним из основных условий свободы и полноправия человека.

В индуистской литературе хорошо прослеживается отношение к различным сферам экономики. Тексты содержат обширные списки лиц, которых не следует приглашать на поминки (шраддху), привлекать в качестве свидетелей, принимать у них дары или пищу и т. п. (Ману III. 112, 181—182 и др.). Почти во всех таких списках непременно присутствуют ростовщики, обычно перечисля-

ются также некоторые категории ремесленников, люди, занятые нечистым промыслом (игроки, продавцы мяса, проститутки). Любопытно, что здесь же порою встречаются лица, казалось бы, высокого статуса, например царские слуги (Ману III. 64). Видимо, даже служба при дворе считалась противоречащей требованиям брахманской «чистоты» и идеалу свободного, полноправного, экономически независимого домохозяина.

3. Учение об управлении и государственных доходах в «Артхашастре»

Несмотря на политическую раздробленность во II в. до н. э.— III в. н. э., этот период можно охарактеризовать как время расцвета экономики Древней Индии.

Основным источником для изучения хозяйства, социального строя и экономической мысли Древней Индии данного периода является знаменитый трактат «Артхашастра». Составлена была «Артхашастра» в первые века нашей эры, но с широким использованием более ранних произведений этого жанра. Трактат состоит из 15 книг. В первой даются предписания относительно образа жизни царя, вторая посвящена деятельности руководителей различных государственных ведомств, в третьей и четвертой рассматриваются вопросы суда и наказания преступников, далее речь идет о методах внешней политики, о секретной службе, об организации армии и т. п.

Как явствует из самого названия, трактат посвящен артхе — материальной выгоде, которую автор ставит на первое место и предпочитает дхарме — религиозному долгу и каме — наслаждению. Для царя (а в «Артхашастре» речь идет только о государственных делах) артхой является приобретение «земли, населенной людьми» (XV. 1. 1) *. Конечной целью всякой политики считается расширение власти правителя над окружающими территориями. В результате завоеваний (или применения дипломатических средств) царь получает возможность приобретать новых налогоплательщиков. Захват территорий приводит к пополнению казны, казна же позволяет содержать значительное войско, опираясь на которое царь продолжает завоевательную политику, пока не станет «владыкой мира». Этот общий принцип неоднократно повторяется

* Все ссылки даются по критическому изданию текста: *Kangle R. P.* The Kautiliya Arthaśastra. V. I. Bombay, 1960.

в «Артхашастре» и является стержнем «науки политики». Остальные предписания трактата сводятся лишь к конкретным рекомендациям для достижения главной цели, ибо «основой всех дел является казна» (II. 8. 1).

Уже в самом начале «Артхашастры» говорится о том, что царю необходимо изучать четыре «науки». Первую составляет «учение вед», затем идут философия (или логика), наука об управлении (власти, наложении наказаний), а также экономика. «Экономика» (вартта) раскрывается далее как земледелие, скотоводство и торговля (I. 4. 1). Если первые дисциплины преподавались учеными-брахманами и царскими советниками, то авторитетами в «экономике» являлись главы различных хозяйственных ведомств (I. 5. 8), деятельности которых посвящена вторая, самая обширная книга трактата. Таким образом, «экономика» была учением не о хозяйстве вообще, а только о государственном хозяйстве, о пополнении казны.

Построение трактата в целом соответствует древнеиндийской концепции «семи членов царства». В первой книге речь идет о первых двух элементах — о самом царе и его главном советнике. В начале второй книги рассматриваются третий и четвертый элементы — сельская территория и укрепленные города. Все последующее изложение этой книги посвящено пятому элементу — казне. Недаром сразу же после рассказа о крепостях идет глава о казначее. Деятельность всех представителей администрации рассматривается лишь под одним углом зрения — какие виды доходов они могут и должны доставить в казну.

Внимательный анализ содержащейся в «Артхашастре» схемы городского поселения приводит к интересному выводу. Автор перечисляет главным образом те сооружения, которые принадлежат царской резиденции и связаны с обслуживанием двора. Об основной территории города он говорит лишь в нескольких общих словах.

Нечто аналогичное мы замечаем и в описании всей экономической жизни государства. В своем фундаментальном исследовании немецкий индолог Б. Брелер[2] пытался доказать, что практически все отрасли экономики Древней Индии были монополизированы царем. Концепция эта опровергнута новейшими исследованиями[3], однако ее появление стало возможным лишь благодаря тому, что «Артхашастра» концентрирует внимание именно на царском хозяйстве.

Среди рабочей силы в царском хозяйстве неизменно упоминаются рабы. Предписывается использование рабов

в земледелии (II. 23), рабынь в прядильных и ткацких мастерских (II. 24). Царские предприятия, однако, не были основаны только на рабском труде — рекомендовалось привлекать работников самых разных категорий. Некоторые из них, видимо, были близки по своему положению к рабам, например те, кто в рудниках «отрабатывал штраф», или «нищенки», трудившиеся в прядильных мастерских. Прядение и ткачество под надзором царского чиновника могли быть и формой «социального обеспечения» вдов, сирот, престарелых женщин и т. п. (что, впрочем, не мешает и здесь говорить об эксплуатации работников). В большинстве ремесленных специальностей труд рабов не мог получить широкого распространения: контроль за ними представлял бы излишние сложности. Кроме того, мастеров необходимо было заинтересовать и в производительности, и, главное, в качестве труда. Поэтому бóльшую часть их «Артхашастра» рекомендует брать из лиц, работавших по найму (кармакаров). Для них устанавливались натуральное содержание и денежная плата, порой также дополнительные вознаграждения по случаю праздников или в качестве премий за хорошую работу.

Размер оплаты зависел от профессии и квалификации, но в целом бóльшая часть наемных работников, очевидно, влачила жалкое существование. Не случайно перечисляются они обычно вместе с рабами. Социальное происхождение этих наемных работников прямо не указывается, но нет никаких сомнений, что они должны были принадлежать к наиболее низким кастам, часто к таким, которые считались отверженными и неприкасаемыми.

Основные доходы фиска составляла, однако, не прибыль от казенных предприятий, а налоги, взимаемые с населения. Любопытную деталь содержит глава о «надзирателе за земледелием». Крестьяне обязаны были в качестве «водного налога» предоставлять часть воды из своих колодцев и прудов для орошения «царских полей» (сита) (II. 23). Ясно, что вода из частного колодца может быть использована для орошения царского поля лишь в том случае, если последнее находится в непосредственной близости от поля хозяина колодца. Предполагается, таким образом, не обширное царское поместье, а чересполосица царских и частных полей.

Обычно упоминаемые ирригационные сооружения принадлежали частным лицам (III. 9 и др.) или общинным объединениям (в последнем случае земледельцы должны были пользоваться ими, строго соблюдая оче-

редность). Иногда речь идет и о создании больших сооружений по приказу царя. На строительстве их должно было трудиться все население местности, но затем каждый землевладелец получал известную долю дохода (II. 1).

Царские ремесленные мастерские представляли собой скорее исключение, чем правило. Даже работавшие на царя прядильщицы и ткачихи нередко трудились на дому, получая сырье и отдавая готовую продукцию. Деятельность царского «золотых дел мастера» проходила на торговой улице (II. 14. 1), среди других мастеров, которые не принадлежали непосредственно царскому хозяйству. В случае опасности войны и т. п. на царские пастбища могли временно принять чужих коров (II. 29), что указывает на наличие стад в индивидуальной собственности. Даже рудники, которые представляли известные сложности для разработки, «надзирателю за рудниками» рекомендовалось передавать частным лицам.

Налоги обычно рассматривались как содержание, даваемое царю в вознаграждение за то, что он охраняет страну от внешней опасности и внутренних смут. Длинные перечни налогов свидетельствуют как о большой изобретательности чиновников, так и о том, что основные отрасли хозяйства вовсе не являлись царской монополией. Регулярный сельскохозяйственный налог традиционно составлял $^1/_6$ урожая, однако нередко взималось и больше. Кроме того, были поборы религиозного характера и разного рода экстраординарные взносы (по случаю торжественных событий в царской семье и т. п.). Иногда речь идет о повинностях в виде принудительного труда, постоя войск и многого другого. Встречаются указания также на то, что делались попытки собирать одни и те же налоги дважды. «Артхашастра» достаточно красноречиво свидетельствует о нередких выступлениях крестьян против сборщиков налогов. Рекомендуется даже нарочно отправлять неугодного вельможу в разоренную поборами область, чтобы возмущенное население его уничтожило (I. 13. 19).

Постоянное освобождение от налогов в трактате предлагается даровать лишь брахманам, причем не всем, а только жрецам, учителям и т. п. Представители же высшей варны, занимавшиеся производственной деятельностью, приравнивались к простому народу. Временные налоговые льготы предоставлялись с целью поощрения предприимчивости тем, кто возделывал целину, восстанавливал заброшенные оросительные сооружения и т. д. Налоговый иммунитет для земель, передаваемых

в «кормление» чиновникам государственного аппарата, означал для них лишь право все собираемые подати оставлять себе. Система таких «кормлений» связана с господством натурального хозяйства. Перечень продуктов, хранящихся на царских складах, также ярко свидетельствует о том, что бóльшая часть податей собиралась не деньгами, а продуктами.

С ремесленных объединений (шрени), так же как и с сельских общин, «Артхашастра» рекомендовала регулярно собирать сведения об их доходах. Предполагалось обложение налогами и всяких иных промыслов, в том числе торговли алкогольными напитками, проституции и азартных игр. Они должны были находиться под особым надзором царских чиновников, организовывавших игорные дома и т. п. Торговлю крепкими напитками «Артхашастра» также считала целесообразным сосредоточить в специально отведенных местах (II. 25).

Имея в виду распространенное среди торговцев мошенничество, «Артхашастра» говорит о них как о «ворах, которые не носят названия воров». В этой связи царям советовалось ввести строгий государственный контроль за мерами и весами (который приносил также известный доход казне), следить за качеством товаров. Автор трактата перечисляет самые разнообразные пошлины за ввоз и вывоз товаров, переправы и т. п. и называет строгие кары за контрабанду или продажу товара не на рынке, а в месте его изготовления. Рекомендуется государственная политика в области торговли, которая включала бы запрет ввоза некоторых товаров, привлечение иноземных товаров посредством освобождения их от пошлин, вывоз своих товаров, несмотря даже на временную их убыточность, ради последующей выгоды и т. д. Признавалась необходимость регулировать отношения и на внутреннем рынке: в целях воспрепятствовать разорению торговца мог быть, например, издан указ, запрещавший продажу аналогичного товара, пока он не распродаст свой; царю давался совет строго наказывать купцов, заключавших между собою соглашение о повышении или понижении цен (II. 22). Рыночные надзиратели с помощью экспертов могли устанавливать «справедливую цену» товара, а в случае аукциона взимать возникшую между рыночной и объявленной ценой разницу в казну (II. 21 и др.). Кстати, здесь прослеживается различие (в том числе терминологическое в санскритском тексте) между рыночной ценой (мулья) и «сто-

имостью» (аргха) вещи. Впрочем, развития эта тема в трактате не получила.

Хотя в экономической политике государство преследовало разнообразные цели, основной оставалось пополнение казны. «Артхашастра» содержит предписания о многочисленных «утонченных методах», применяемых не только для того, чтобы расправиться с политическими противниками или соперниками, но и для того, чтобы поправить свои финансовые дела. Помимо объявления о дополнительных обязательных податях могут быть использованы такие способы, как обвинение богатых людей в преступлениях и их казнь с конфискацией имущества. Рекомендуется также устраивать фальшивые чудеса в храмах и святилищах и собирать деньги с доверчивых паломников. Наконец, могут быть объявлены добровольные сборы в казну, а специальные платные агенты при этом делают самые большие взносы и укоряют тех, кто проявляет недостаточную щедрость. Различные виды штрафов, налагаемые в судебном и внесудебном порядке, составляли одну из важнейших статей государственных доходов.

Предписания «Артхашастры» об оформлении делопроизводства отражают высокую степень разработки бюрократической отчетности, в частности бухгалтерской документации со сложными вычислениями доходов, расходов, актами списания, подведением годового баланса и переносом остатка на будущий год и т. д. Необходимо отметить, что математические трактаты индийцев раннего средневековья обнаруживают несомненную связь с финансовой документацией предшествующего времени.

Наиболее сложной задачей, которая стояла перед государственной администрацией, была борьба с казнокрадством. Перечислив 40 способов хищения казенного имущества, «Артхашастра» приводит по этому поводу весьма малоутешительные стихотворные сентенции, смысл которых сводится к тому, что легче угадать путь птиц в небесах, чем уловки хитроумных чиновников. «Так же как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие в ней рыбы, нельзя определить, присваивают ли имущество чиновники, приставленные к делам» (II. 9. 33). Приходилось прибегать к косвенным доказательствам, таким, как чрезмерные траты, не соответствующая жалованью роскошь жизни и т. д. Чиновников рекомендовалось почаще менять, чтобы они не освоили способы злоупотреблений и не обзавелись собственной кликой (II. 9. 31). За каждым чи-

новником должен был следить другой чиновник, за тем — третий и т. д. В сущности основным средством борьбы с финансовыми нарушениями становится в «Артхашастре» слежка при помощи тайных агентов и платных осведомителей (II. 9. 12). Доносчик получал известную долю имущества, конфискованного у лица, осужденного за должностные преступления (II. 8).

Как уже было сказано, «Артхашастра» не содержит специальных рекомендаций по ведению частного хозяйства. Представления автора по этому вопросу можно выяснить, только анализируя его терминологию и предлагаемые решения по различным имущественным тяжбам.

Один из юридических разделов книги посвящен взаимоотношениям внутри деревенской общины. Принципиально сходными с нею признаются и другие объединения — такие, как каста, клан, торговая или ремесленная корпорация. Таким образом, в «Артхашастре» не только подчеркивается близость структуры данных организаций, но и предлагается своего рода типология древнеиндийской общины.

Налоги взимались в виде доли урожая, поэтому обработка участка была непременным условием прав на него землевладельца. Продажа недвижимости обставлялась особыми условиями и ограничениями. Древние индийцы не считали возможной покупку земли, например, представителем низшей касты, ибо это являлось бы нарушением кастовой иерархии и заставляло бы членов высших каст общаться с неприкасаемыми. Экономические проблемы владения имуществом, источников доходов, хозяйственных занятий в древнеиндийском обществе были теснейшим образом связаны с общественным и ритуальным статусом человека, прежде всего с общинной организацией и кастовой иерархией.

Сельскую общину «Артхашастра» никогда не называет «собственником» земли (если речь не идет, скажем, о деревенских угодьях, принадлежавших нераздельно всем полноправным общинникам). О том, что она и не должна рассматриваться в качестве собственника, свидетельствует переход выморочного имущества в распоряжение не общины, а государства. В то же время все участки землевладельцев составляли в совокупности общинную территорию и нарушение межи между частными полями в пределах одной деревни казалось значительно меньшим проступком, нежели передвижение пограничных знаков между территориями разных сельских общин.

Царь нередко уподоблялся отдельному домовладыке (и наоборот), и различие между частной и публично-правовой властью отчетливо не проводилось. Глава государства так же именовался «хозяином» своей территории и подданных, как домовладыка — своего имущества и семьи. В теоретическом плане проблема верховной собственности царя на всю землю государства в древнеиндийской литературе отчетливо не ставилась (а когда затрагивалась, то не получала однозначного решения). «Артхашастра» показывает, однако, что на практике ясно различались царские земли, на которых хозяйственная деятельность проходила под управлением царского «надзирателя за земледелием», и владения частных лиц, обязанных лишь исправно платить налоги. Стремление к усилению налогового гнета и укреплению власти над простым народом могло приводить к декларативным заявлениям о том, что царь — владыка и собственник всего, что находится в его государстве. Однако подобные представления редко проявляются в памятниках древнеиндийской литературы и не находят отражения в «Артхашастре».

Специальные главы трактата о рабстве и наемном труде содержат уникальные характеристики этих социально-экономических явлений. В «Артхашастре» ясно выражена идея, что раб — лицо, приобретенное любым из тех способов, какими приобретается собственность, т. е. по существу дается определение раба как собственности в точном значении слова. В то же время термин, обозначающий раба, нередко употреблялся и в более широком смысле, охватывая множество категорий личной зависимости. При всем сходстве положения кабальных должников и статуса раба «Артхашастра» справедливо отмечает между ними различия. Она уподобляет должника, отрабатывающего долг в доме кредитора, вещи, отданной на время в залог с правом пользования. Если раб рассматривался как собственность своего хозяина, то кабальный должник считался временным владением кредитора. Полное порабощение таких должников автор «Артхашастры» стремился всячески ограничить и объявлял рабство естественным состоянием лишь для представителей низших каст и иноземцев-варваров.

На уже упомянутой схеме города в «Артхашастре» обращает на себя внимание следующая деталь: в торговых рядах продаются лишь разного рода съестные припасы да благовония; что же касается изделий ювелиров, кожевников, кузнецов, ткачей и т. п., их можно приобрести только

в тех кварталах, где жили ремесленники этих специальностей. Таким образом, составитель «Артхашастры» представлял ремесло главным образом как работу не на рынок, а на заказ. Об этом говорят и предписания, касающиеся «надзора за ремесленниками»: в них предусматриваются штрафы за невыполнение работы к установленному сроку, за хищение материала, переданного для обработки, и т. д. Не случайно поэтому о ремесленниках речь идет наряду с наемными работниками (договор о выполнении заказа являлся в значительной степени сделкой найма). Ремесленный труд считался не особой сферой экономики, а лишь разновидностью обслуживающего труда (в какой-то мере даже близкого рабской службе).

Внешняя торговля, очевидно, была более развита, чем внутренняя. При крайне слабом развитии товарного производства торговцы, отправлявшиеся в далекие страны, очевидно, вынуждены были также прибегать к системе заказов на ремесленные изделия. Подобные операции не только способствовали обогащению отдельных купцов, но и подчас ставили ремесло в зависимость от торгового капитала.

«Артхашастра» предусматривает различные виды организации торговых предприятий, в частности договоры товарищества для снаряжения судов или караванов. Специально разбирались взаимоотношения между купцом и торговцами — комиссионерами. Автор трактата полагает, что в том случае, если убыток произошел не по вине самих торговцев, а вследствие, например, непредвиденного падения цен, потери хозяину товара возмещаться не должны (III. 12).

Договоры хозяина с наемными продавцами предлагалось заключать в соответствии с общими правилами о найме. В этой связи интересно отметить, что, если величина заработной платы не была оговорена заранее, она устанавливалась специалистами, определявшими время, необходимое для выполнения работы (III. 14; ср.: II. 23.7; II. 22.5).

Основным предметом судебного разбирательства считались дела о возвращении долга. Однако далеко не всегда речь при этом шла о задолженности в результате обнищания. Почти все имущественные обязательства оформлялись как долговые. Размер процентов зависел от характера ссуды. Если обычный размер роста определялся в 1,25% в месяц, то ссуда на торговые операции давалась исходя из 5, а в случае особо опасных путешествий —

10 и даже 20 % для заморских экспедиций (III. 11.1). Из текста «Артхашастры» ясно, что повышение ссудного процента зависело от степени риска кредитора, но очевидно, что при этом учитывалась и степень прибыльности дела. Когда речь шла не о денежных, а о натуральных ссудах, также часто имелись в виду торговые операции.

Кредит, как правило, предоставлялся либо под поручительство, либо под залог. «Артхашастра» различает два вида залога в зависимости от прав кредитора на его использование. В одном случае это простая гарантия сделки, в другом — способ извлечения прибыли кредитором. Иногда само пользование залогом в течение известного срока должно было обеспечить погашение долга и возвращение заложенной вещи должнику. В этой связи в «Артхашастре» употребляется такое понятие, как «чистая прибыль» (шуддха-аджива) (III. 12).

Достаточно распространенным явлением были различные способы извлечения прибыли посредством передачи имущества во временное владение или пользование другого лица — аренда за установленную плату или, скажем, из доли урожая, передача прав долевого участия (пая), залог с правом пользования и т. п. В экономической и правовой мысли Индии проводилось четкое различие между временным владельцем и подлинным собственником.

Не следует, конечно, модернизировать «Артхашастру». В основе своей это традиционный трактат, исходящий из идеальных схем, полный схоластических классификаций, порой далекий от действительности. И все же этот замечательный памятник древнеиндийской культуры демонстрирует не только довольно высокий уровень общественного развития, но и наиболее характерные черты экономической мысли Древней Индии.

Произведения религиозной литературы Индии эпохи становления первых государств (начало 1 тыс. до н. э.) содержат богатый материал, позволяющий судить о специфике восприятия ряда экономических понятий и категорий, в частности имущества, собственности. В основе древнеиндийских представлений об обществе лежали концепции сословной иерархии и кастовой определенности профессиональных занятий. Проблемы экономики в целом не стали предметом научного анализа, они, как правило, облекались в религиозную форму и были подчинены решению других — социальных и политических — задач.

Тем не менее в «Артхашастре», составленной в период расцвета древнеиндийской цивилизации в начале нашей эры, с одной стороны, нашли отражение практические познания в области ведения хозяйства, с другой — были даны самые общие рекомендации по управлению идеальным государством, и прежде всего по организации налогообложения и другим аспектам финансовой политики.

Глава 5

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Одним из ранних центров мировой культуры в древности стал бассейн реки Хуанхэ, где возникла цивилизация Китая. Во II тыс. до н. э. в Китае шел процесс разложения первобытнообщинного строя и формирования раннеклассовых отношений. В дальнейшем (X — III вв. до н. э.) происходило складывание антагонистического общества, для которого характерно сочетание государственной системы эксплуатации земледельческого населения с неразвитыми формами частного рабовладения. В империи Цинь (III в. до н. э.) деспотические формы правления достигли своей крайней степени. В дальнейшем (III в. до н. э.— III в. н. э.) происходило совершенствование сложившегося экономического строя, выработка оптимальных методов управления колоссальной империей.

Как и в других странах древнего Востока, основными формами эксплуатации местного населения были налоги и трудовые повинности общинного крестьянства в пользу государства. Поэтому одной из проблем древнекитайской экономической мысли был вопрос о такой государственной регламентации налогов и повинностей, в результате которой не были бы подорваны натурально-хозяйственные устои экономики. Но мыслители Древнего Китая видели свои социальные идеалы не в будущем страны, а в ее прошлом, в «мифической» истории, в реставрации старых социально-экономических институтов.

Экономическая мысль Древнего Китая возникла и развивалась в рамках общих направлений философских и политических учений. Основные течения древнекитайской общественной мысли — конфуцианство, даосизм, моизм, легизм — оформились в VI—III вв. до н. э., но лишь первые два перешагнули рубеж древности.

1. Экономические воззрения древнего конфуцианства

Огромную роль в истории докапиталистического Китая сыграло конфуцианство. Став государственной идеологией, оно выработало ряд социальных стереотипов, которым старый Китай следовал на протяжении почти двух тысячелетий. Основоположником этой идеологии был Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.). Он родился в княжестве Лу в знатной, но обедневшей семье. Свое учение Конфуций излагал в форме бесед. Позже они были записаны его учениками и составили сборник «Лунь юй» («Беседы и суждения»).

Конфуций жил в сложный период истории Китая. Появление в VI — V вв. до н. э. наследственных наделов подрывало патриархально-общинные устои китайской деревни. В то же время происходило падение роли родовой знати в условиях становления централизованной власти, опирающейся на растущий административно-бюрократический аппарат. Учение Конфуция защищало интересы родовой знати.

Становление классовых отношений и деспотической власти часто происходило в крайних формах и вызывало массовое недовольство. В целях стабилизации социально-экономического строя Конфуций стремился к определенной консервации тех традиционных отношений внутри большесемейных общин (старшие — младшие; отец — сын; старшие братья — младшие братья), которые стали разрушаться. Он хотел использовать сохранившиеся архаические институты (так называемые возрастные классы) для обеспечения устойчивости нижних этажей социальной пирамиды древнекитайского общества.

Конфуций создал учение о совершенном человеке — благородном муже. Последний почтителен к родителям и уважителен со старшими братьями, он не будет «выступать против вышестоящих». Уважение к старшим — одна из основных черт идеального человека Конфуция. Такой человек гуманен и обладает чувством долга. Его гуманность проявляется в скромности, справедливости, сдержанности. Он относится ко всем одинаково. «Благородный муж знает только долг,— подчеркивал Конфуций,— а низкий человек знает только выгоду». Человек, обладающий чувством долга, привержен высшим принципам, которые он постигает, изучая мудрость древних. В повседневной жизни ему достаточно «немного пищи и воды, скромное жилище».

Мыслитель не порицал стремления людей к богатству, а также к знатности. Но заслужить их надо честно, руководствуясь высшими моральными принципами. Поэтому «человек не должен печалиться, если он не имеет [высокого] поста; он должен лишь печалиться о том, что он не укрепился [в морали]»[1].

Конфуций полагал, что моральное совершенствование человека является той основой, на которой должно строиться управление государством. Поэтому когда мыслителя спросили, почему он не занимается управлением, то он заметил, что проявление сыновней почтительности и дружбы с братьями и есть управление. Конфуций считал, что регламентация патриархально-семейных отношений — основа стабильности общественного строя. Не случайно он рассматривал государство как большую семью, а правителя — как «отца народа».

Конфуций создал образ идеального правителя, который должен быть прежде всего совершенной личностью. Государю следовало «соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях». Конфуций призывал правителей сначала сделать народ богатым, а затем уже его воспитывать. В этой связи он выдвинул целую социально-экономическую программу. Власти должны быть «озабочены не тем, что у них мало людей, а тем, что [богатства] распределены неравномерно, озабочены не бедностью, а отсутствием мира [в отношениях между верхами и низами]. Когда богатства распределятся равномерно, то не будет бедности; когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир [в отношениях между верхами и низами], не будет опасности свержения [правителя]». Но «выравнивание богатств» он связывал с существовавшей социальной иерархией населения. Недовольство низов можно предотвратить и путем государственной регламентации сельскохозяйственного производства: использовать «народ на общественных работах должным образом»[2], не нарушая сезонности земледельческих работ. Он предлагал правителям облегчить также бремя налогов.

Этические нормы, провозглашенные Конфуцием, способствовали в дальнейшем расцвету культа семьи и клана в старом Китае. В результате большие семьи, включавшие главу дома, несколько женатых сыновей, внуков и других родственников, стали характерным явлением на протяжении всей истории страны. После смерти родителей большие семьи делились и старший сын становился главой рода. Возникал мощный клан сородичей, где новые большие

семьи, основанные младшими братьями, находились в зависимости от старшего брата. Таким образом, идеи Конфуция об упорядочении патриархально-семейных отношений имели свои основы и способствовали определенной стабилизации социально-экономического строя докапиталистического Китая.

Другим крупнейшим представителем древнего конфуцианства был Мэн-цзы (372—289 до н. э.), или учитель Мэн. Мыслитель жил и творил в период «борющихся царств» (V — III вв. до н. э.). Усиление произвола деспотической власти, военный разбой подрывали хозяйственные устои Китая, обостряли классовые антагонизмы. В этих условиях Мэн-цзы считал даже возможным пойти на уступки народным массам.

Согласно Мэн-цзы, гуманный правитель, осуществляющий «веление Неба», должен заботиться об «управлении народом», предупреждая его возмущение и бунт. Мыслитель признавал даже, что «народ является главным [в государстве], за ним [следуют] духи земли и зерна, а государь занимает последнее место». Мэн-цзы пытался доказать «естественное» право знати вечно господствовать над простым народом. «Те, кто напрягает [свой] ум, управляют людьми,— подчеркивал мыслитель,— а те, кто напрягает [свои] мускулы, управляются [другими людьми]. Управляемые содержат тех, кто ими управляет. А те, кто управляет людьми, содержатся теми, кем они управляют. Таков всеобщий закон в Поднебесной»[3]. Так Мэн-цзы, выдвинув концепцию управляющих и управляемых, санкционировал отношения господства и подчинения.

Выступая за четкое деление китайского общества на «управляющих и управляемых», Мэн-цзы полагал, что Небо предписало простым людям кормить господствующее сословие. Чтобы выполнить эту задачу, мыслитель предложил возродить старые, общинные формы производства.

Мэн-цзы сообщал о существовании в период Инь (XVIII — XII вв. до н. э.) совместной обработки крестьянами земли и отношений взаимопомощи. Тогда крестьяне вносили подати, составлявшие $^{1}/_{10}$ урожая. Мэн-цзы критиковал такую систему налогообложения, при которой взимание податей в неурожайные годы приводило к истощению крестьянского хозяйства. При этом он сообщал, что в древности существовали «общественные поля», или — позднее —«поля гуна» (правителя), которые обрабатывались сообща несколькими семьями.

Мэн-цзы предложил правителям Китая ввести систему «колодезных полей». Хозяйственной единицей этой идеальной системы должна была стать деревенская община, состоящая из восьми дворов, а ее основой — размежевание общинной земли на девять равных участков, восемь из которых закреплялись за отдельными семьями. Девятый участок —«общественное поле»— находился как бы в центре земельного клина. Он обрабатывался крестьянами совместно, а урожай с него шел в распоряжение чиновников и государства. Расположение полей напоминало иероглиф «колодец»— отсюда и название системы[4].

Согласно Мэн-цзы, реставрация ряда общинных форм производства должна была проходить одновременно с регламентацией поземельного налога. Совершенномудрый правитель должен быть умеренным при взимании налогов, не отнимать у земледельца время, необходимое для работы на своем поле.

Идея активного вмешательства государства в хозяйственные дела и регулирование поземельных отношений открывала для конфуцианства новые возможности. Происходило определенное усиление этатических черт экономической доктрины.

Мэн-цзы ратовал за развитие товарообмена между земледельцами и ремесленниками. Он выступал против таксации цен на внутреннем рынке, так как это может вызвать хаос в Поднебесной. «Если большие и маленькие башмаки будут одинаково стоить,— резонно замечал мыслитель,— то кто же станет делать [большие]?» Он отметил ограниченные возможности государственной регламентации торговли в масштабах страны. Так, Мэн-цзы высказал предположение, что одни и те же потребительные стоимости могут заметно отличаться затратами труда на их производство. Он опасался, что регулирование цен «приведет к взаимному обману. Как можно будет тогда управлять государством?»[5]

Выдающимся представителем конфуцианской идеологии в Древнем Китае был Сюнь-цзы (ок. 313 — ок. 238 до н. э.). Как материалист, Сюнь-цзы отрицал «волю Неба», божественность природы. Он объявил человека наряду с небом и землей творцом всех вещей. Управление государством он рассматривал как необходимую закономерность общественного развития. Оно в конечном счете определялось природой человека. Но в отличие от своих предшественников Сюнь-цзы исходил из «злой природы» человека. «Ныне человек,— сетовал мыслитель,— рожда-

ется с инстинктивным желанием наживы; когда он следует этому желанию, то появляется желание оспаривать и грабить, и исчезает желание уступать»[6]. Но его добродетельность порождается лишь практической деятельностью. Чтобы человек стал культурным, на него нужно воздействовать посредством закона и воспитания. Сюнь-цзы отбросил все представления Конфуция о человеческих добродетелях, существовавших в патриархальной семье. Подобная рационализация учения была связана с тем, что заметно активизировался процесс распада больших семей, а раздел их земли приводил к столкновению интересов.

Сюнь-цзы не осуждал стремление людей к богатству. Если бедный, действуя в рамках закона, становился богатым, он считал это признаком добродетели. Но поскольку вещей мало, это приводит к соперничеству. Вещи, которыми наслаждается один человек, создаются трудом многих людей. Каждый человек «не может одновременно владеть искусством всех [ремесел]». Сюнь-цзы подчеркивал, что, если люди не будут «опираться друг на друга, это приведет к нищете; но если даже они и будут жить вместе, но между ними не будет разделения [обязанностей], возникнут раздоры»[7]. По его мнению, необходимо было разделить должности и дела, иначе люди будут делать то, что выгодно. Поэтому мудрецы и создали различия между людьми.

Важным в учении Сюнь-цзы стало понятие ритуала. «Ритуал [предполагает] ранги, [различающие] знатных и низких [людей], различия между старшим и младшим [по возрасту], соответствие этим рангам и различиям в бедности и богатстве, почитании и презрении»[8]. Люди разных рангов должны носить разную одежду. Для управления господствующим сословием нужно применять ритуалы и музыку, а для простолюдинов — законы. Сюнь-цзы считал, что правитель — главный управляющий «разделения обязанностей» в государстве. Так авторитет деспотической власти — «устроительницы» древнекитайского общества — был поднят на самую высокую ступень.

После того как все обязанности в государстве «справедливо» распределены между людьми, путь к богатству был открыт. По мнению Сюнь-цзы, экономическая политика государства должна была основываться на трех главных принципах: экономии в расходах, обеспечении достатка народу и необходимости сохранять излишки. Экономию можно было обеспечить соблюдением ритуалов, соответствующих социальному рангу человека. Кресть-

яне должны жить экономно, согласно санкционированному государством сословному этикету. Тогда в стране появятся излишки. Поэтому Сюнь-цзы связывал понятие «достаток» не с обогащением вообще, а с удовлетворением того уровня потребности, который соответствовал социальному рангу человека. Он выступил с неприкрытой апологией эксплуатации, призывая государство регламентировать не только производство и распределение общественного продукта, но и его потребление. А регулирование последнего становилось важным стабилизирующим фактором экономики. Регламентация потребления низших слоев населения приводила к появлению «излишков». Сюнь-цзы советовал их накапливать и хранить[9].

Учение Сюнь-цзы сформировалось под влиянием легизма. Более того, произошел своеобразный синтез основных направлений общественной мысли. Это заложило основу для превращения конфуцианства с начала периода Хань в официальную идеологию императорского Китая.

2. Экономические идеи легизма

Идеология легизма (VI — III вв. до н. э.) по-своему отражала новые тенденции хозяйственного развития Древнего Китая, связанные с усилением экономической роли государства и формированием императорско-бюрократической системы управления. Легисты выступали за управление страной посредством законов, были приверженцами политической централизации и объединения страны.

Возникновение школы легистов относится к VI — V вв. до н. э. и связано с именами крупных политических деятелей того периода Цзы Чаня и Ли Куя. Будучи первым министром царства Чжэн (543—522 до н. э.), Цзы Чань ввел ряд законов, подрывающих власть родовой знати. Однако подлинным родоначальником легизма был Ли Куй — первый министр правителя царства Вэй (424—386 до н. э.). Ли Куй собрал все имевшиеся до него законы и составил их «Свод», который стал основой законодательства периодов Цинь и Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.). До нас не дошли сочинения Ли Куя, но великий историк Древнего Китая Сыма Цянь приводит сведения о разработке мыслителем учения «о наиболее полном использовании сил земли». В его основе лежала идея государственного регулирования хлебного рынка. Резкие колебания рыночных цен, по мнению Ли Куя, наносили ущерб как всему наро-

ду, так и земледельцам. Поэтому государство должно следить за урожаем зерновых культур и стремиться выравнивать цены на рынке. Для этого была разработана система рациональных закупок зерна в урожайные годы. Недостаток продовольствия в голодные годы покрывался за счет продажи хлеба из государственных амбаров по нормированным ценам. Идеи Ли Куя оказали огромное влияние на развитие экономической мысли и хозяйственной практики Древнего Китая. Был поставлен вопрос о государственном регулировании «рынка». Ли Куй предложил оригинальное решение этой проблемы на основе использования традиционной амбарной системы, которая подстраховывала земледельцев в годы стихийных бедствий и голода. Он пришел к идее регулирования товарных цен посредством выброса по твердым ценам на рынок больших масс продовольствия.

Взгляды Ли Куя на важную роль земледелия в укреплении государства развил крупнейший представитель школы легистов Гунсунь Ян (390—338 до н. э.), известный в истории Китая под именем Шан Яна — правителя области Шан в царстве Цинь. Экономические взгляды Шан Яна изложены в «Книге правителя области Шан», составленной его учениками в конце IV — первой половине III в. до н. э.

В концепции Шан Яна сельскому хозяйству, а точнее, хлебопашеству отводилась невиданная доселе роль. Его проект перестройки всего государства был поставлен в зависимость от решения зерновой проблемы. Перед правителем ставилась задача накопления больших запасов продовольствия для подкармливания чиновников и ведения завоевательных войн. Шан Ян подчеркивал, что «государство добивается процветания [при помощи двух средств]: земледелием и войной»[10].

Через весь трактат Шан Яна проходит мысль о запущенном состоянии сельского хозяйства тогдашнего Китая. Мыслитель сетовал, что многие земли заброшены из-за злоупотреблений корыстных чиновников, которые затягивали время выполнения крестьянами трудовых повинностей и не соблюдали закон о налогах. Обуздать чиновников — важная задача правителя. Для этого Шан Ян предлагал провести в стране всеобщую подворную перепись крестьянства и законодательно оформить введение единого налога с количества собранного зерна.

Шан Ян показал, что государство с помощью законов должно проводить активную политику «возвращения

к земле». Для этого необходимо было привлечь к земледелию «нахлебников», «кутил», «бродячих бездельников». Легист выступил против крестьянской торговли сельскохозяйственными продуктами и деятельности крупных торговцев. «Пусть торговцы,— считал он,— не имеют возможности скупать зерно, а земледельцы продавать его [купцам]». Будучи противником скупки зерна по дешевой цене и спекуляции им в неурожайные годы, Шан Ян предлагал резко повысить пошлины на заставах и рынках, что привело бы к падению доходов купечества. Торговцы утратили бы предприимчивость и занялись земледелием. Шан Ян советовал произвести учет купцов, их людей, а также принадлежащих им рабов и всех привлечь к выполнению государственных повинностей.

Шан Ян показал, что действенной мерой повышения цен на вино и мясо будет введение на них высоких налогов. В этом случае «[в стране] станет меньше торговцев, земледельцы не станут наслаждаться обильными возлияниями, а высшие сановники не смогут бражничать и чревоугодничать»[11]. Крестьяне вернутся к своим полям, а чиновники — к исполнению государственных дел.

Легист был обеспокоен последствиями разложения свободного общинного крестьянства, переходом обедневших общинников под покровительство аристократии и чиновников-землевладельцев. Он был противником превращения свободного податного населения в арендаторов, наемных работников и рабов. Стремясь поставить под государственный контроль податное сельское население, Шан Ян выступал за определенную консервацию деревенской общины. Он предлагал запретить выход из общины бедных и малоземельных крестьян, которые уходили на заработки или переселялись в города, а также освободить от зависимости «младших сыновей» бедных семей, попавших в кабалу к крупным землевладельцам. «Младших сыновей» предлагалось поставить на довольствие и использовать при отработке государственных повинностей. Шан Ян предложил ввести в деревне, кроме того, «систему взаимной ответственности за преступления». Интересно, что система круговой поруки и была введена Шан Яном в царстве Цинь в 351 г. до н. э.

Шан Ян являлся сторонником государственной монополии на добычу и производство соли и железа. Причем эта идея была осуществлена и проводилась в жизнь многими династиями старого Китая.

В противовес Конфуцию Шан Ян выступил как ярый противник культуры во всех ее проявлениях. Если люди не любят ученость, подчеркивал он, они считают, что важнее всего заниматься земледелием. Легист призывал уничтожить ряд «паразитов»: книги, музыку, нормы этики конфуцианцев, почитание старых порядков, острый ум. Одновременно в разряд «паразитов» он зачислил и стремление беспечно жить на склоне лет, пристрастие к роскоши, красивой одежде и вкусной пище, стяжательство, пренебрежение своими обязанностями. В «простоте» народа, а точнее — в его невежестве, Шан Ян видел основу успешного управления государством. «Если люди глупы,— заявлял он,— их легко принудить к тяжкому труду, а если они умны, то принудить нелегко...»

Могущество государства Шан Ян видел не в народе, а в армии. На государство, почитающее силу, трудно напасть. Суровые наказания признавались одним из главных инструментов государственной политики. Поэтому необходим «[правитель, который] внушает трепет, одним [усилием] добивается десятикратной [выгоды], одним звуком своего голоса добивается успеха»[12]. Война должна служить укреплению личной власти императора.

Выступая против родовой аристократии, Шан Ян проповедовал принцип «равных возможностей» при выдвижении людей на административные посты. Но в его схеме централизованного управления чиновникам отводилась роль простых исполнителей воли правителя, «учетчиков богатства».

Другим представителем школы легистов был Хань Фэй (ум. 233 до н. э.). Трактат «Хань Фэй-цзы», написанный самим Хань Фэем и его учениками, представляет собой сочинение, обобщающее все теоретические достижения легизма. Большое значение при этом имела выдвинутая Хань Фэем концепция прогрессивного развития общества. Он считал, что главная причина изменений в обществе — это рост населения. В древности земных плодов и кореньев было много, поскольку людей было мало.

Яркое представление о развитии экономической мысли Древнего Китая дает трактат «Янь те лунь» («Рассуждения о соли и железе»), отражающий дискуссию между легистами и конфуцианцами (81 до н. э.) по вопросу монополии государства на добычу соли и производство железных изделий. Дело в том, что введение в 120 г. до н. э. императором У-ди этой монополии привело к ухудшению качества железных орудий. Кроме того, стали богатеть чи-

новники, контролирующие эти отрасли. Все это позволило конфуцианцам выступить с критикой государственной политики. Они *настаивали на* реставрации *такой системы*, где земледелие являлось бы основным занятием народа. По их мнению, нельзя проводить политику усиления «побочных занятий»— ремесла и торговли. Конфуцианцы требовали упразднения государственных монополий и «системы рыночного выравнивания». Они подчеркивали, что «рыночное выравнивание» не исключает спекуляции и злоупотреблений чиновников.

Легисты, представлявшие интересы государственной власти, видели причину нехватки продовольствия в стране в недостаточном снабжении земледельцев орудиями труда. Поэтому изъяны экономической системы следовало, по их мнению, искать не в ослаблении земледелия, а в развитии ремесла и торговли. По их мнению, государственные монополии были введены для ограничения прибылей торговцев. Легисты считали, что богатства приобретаются не благодаря тяжелому физическому труду, а за счет манипуляций на рынке. Кроме того, железные орудия и военное снаряжение крайне важны для страны, государство не может допустить, чтобы они попали в частные руки.

Таким образом, легисты отдавали предпочтение углублению общественного разделения труда между сельским хозяйством и ремеслом. Нехватка орудий несомненно отрицательно сказалась бы на агрикультуре. Однако легисты ничего не могли противопоставить доводам конфуцианцев о низком качестве сельскохозяйственной техники. При этом конфуцианцы высказывали плодотворную идею о необходимости производства более совершенных орудий, соответствующих характеру почвы. «Рассуждения о соли и железе» свидетельствуют о высоком уровне древнекитайской экономической мысли, о том, что практика становилась основой проверки и отбора идей.

Легизм дискредитировал себя в условиях террористического режима империи Цинь (III в. до н. э.). Однако многие идеи, получившие свое воплощение в ходе создания централизованной империи, отразились в господствующей идеологии.

3. Трактат «Гуань-цзы» о государственном регулировании экономики

Трактат «Гуань-цзы» занимает особое место в истории общественной мысли Китая. В начале IV в. правитель могущественного царства Ци основал своего рода

академию —«Дворец наук у западных ворот», где работало несколько тысяч ученых. Ученые академии написали более 500 сочинений, которые были объединены одним общим названием «Гуань-цзы». До нас дошло лишь 76 глав этого поистине энциклопедического труда. Среди ученых академии, по-видимому, были и экономисты. По крайней мере в трактате достаточно глубоко для своего времени разработана целая система государственного регулирования хозяйства.

Авторы трактата, изучив действие товарно-денежных отношений, предлагали использовать их при создании механизма стабилизации натурального хозяйства. В трактате остро ставилась проблема защиты хозяйства от рыночной стихии посредством выравнивания товарных цен. «Рынок — это то,— отмечалось в «Гуань-цзы»,— по чему узнают порядок и беспорядок [в состоянии хозяйства]». Если правитель «сам держит в руках возможности для регулирования хлеба, денег и металлов, то тогда вся страна может быть в устойчивом состоянии»[13].

В «Гуань-цзы» подчеркивалось, что важнейшим условием стабилизации экономики является «усиление земледелия», а также создание государством постоянных хлебохранилищ. Однако ни ремесло, ни торговля не считались бесплодными занятиями. В трактате было предложено провести широкую регламентацию труда и жизни служилого люда, земледельцев, ремесленников, торговцев. Эти «четыре группы народа» должны были не менять занятия, а передавать свои знания, навыки и обычаи младшим.

Для стабилизации положения основной социальной группы населения — земледельцев необходимо было провести ряд мероприятий. Чтобы «управлять землей», государству нужно знать ее природные свойства. В трактате делалась попытка установления шкалы качества земли. При «выравнивании земли» должно учитываться плодородие почвы.

В «Гуань-цзы» подчеркивалось, что следует более равномерно распределять посевные участки и не отвлекать крестьян во время земледельческих работ. Более гибкой следует сделать и податную систему: уровень налогообложения должен соответствовать качеству земли. Таким образом, речь идет о создании земельного кадастра. В «Гуань-цзы» предлагалось ввести количественные нормы повинностей и изменять их исходя из ситуации в стране. Интересно, что в трактате есть идея построения

государственных финансов без прямых налогов. Для этого следует заменить налоговые поступления в казну прибылью от эксплуатации природных ресурсов. Согласно «Гуань-цзы», для управления государством лучше всего взять в казну «горы и моря», а надбавки к цене соли и железа должны заменить налоговые сборы. Помимо этих мер авторы трактата предлагали также произвести «выравнивание как труда, так и получаемых земельных участков». Чтобы достичь устойчивости хозяйства, необходимо, по их мнению, дать точные количественные соотношения между числом производителей и «едоков», учитывая также продуктивность земли. Трактат ставил перед государством одну важную задачу — регулировать цены одинаково по всей стране. Это должно было «пресечь [возможность перехода контроля над ценами в руки торговцев, спекулянтов и пр.]».

В «Гуань-цзы» был выдвинут «принцип уравновешивания хозяйства». Для этого у правителя должно накапливаться до половины всего хлеба. Он «распоряжается продовольствием [своих подданных], управляет их средствами потребления, регулирует их избытки и контролирует их недостатки». Весь механизм регулирования состоит в том, что «искусный правитель пускает в обращение то, в чем народ испытывает недостаток, и держит у себя то, что у народа в избытке». Государство должно накапливать фонды в период дешевизны продуктов и пускать их в товарооборот в период дороговизны, получая в казну большие прибыли. Для аккумуляции продовольствия и продуктов оно делает закупки дешевых товаров.

В целях поддержания экономического равновесия «Гуань-цзы» предложил применять количественные нормативы регламентации производства. «Вместо того чтобы уравновешивать при помощи налогов,— советовали авторы трактата,— нормируйте при помощи денег». Государство, зная об избытке хлеба (сверх нормы потребления) у крестьян плодородного района, устанавливало норму выпуска денег, с помощью чего происходила закупка излишков зерна. Спрос на продовольствие со стороны государства способствовал бы росту хлебных цен. Зная о недостатке хлеба в горных районах, государство предоставляло бы населению денежные кредиты для закупки продовольствия, цена которого выросла. В результате такой операции государство концентрировало бы в своих руках огромные денежные ресурсы. В этих условиях «деньги будут дороги, а вещи будут дешевы» и государст-

во вновь может повторять предложенную форму товарообмена с населением. Однако выгодная для казны операция приостанавливается «[лишь тогда], когда [деньги] начинают подниматься [по стоимости]»[14].

«Гуань-цзы» удалось установить некоторые закономерности развития денежного хозяйства в условиях простого товарного производства. Авторы трактата пришли к выводу, что рост товарных цен приводил к удешевлению денег. В этих условиях государству для нейтрализации торгово-ростовщического капитала необходимо было повышать продовольственные цены.

Трактат «Гуань-цзы» сыграл огромную роль в становлении экономической мысли Древнего Китая. Многие его идеи были использованы в хозяйственной практике. В нем была выдвинута плодотворная мысль о возможности количественного анализа экономических явлений, выработки нормативов для организации натурального хозяйства. Представляло большой интерес исследование денежного хозяйства. Авторы трактата не только открыли противоположное движение цены товаров и денег, но и предлагали применять для стабилизации хозяйства нормируемую эмиссию денежных знаков.

4. Социальные утопии

В Древнем Китае возникали социальные утопии, отражавшие в той или иной мере чаяния народных масс. Особое место в истории древнекитайской идеологии занимает даосизм, который получил широкое распространение и оказал большое влияние на формирование китайской культуры. Основоположником даосизма был Лао-цзы (VI — V вв. до н. э.) — современник Конфуция. Считается, что Лао-цзы является автором «Дао дэ цзина»— канонической книги даосов. Основная категория этого сочинения — дао. Это понятие означало у Лао-цзы естественный (соответствующий их природе) путь вещей, который не допускал какого-либо внешнего вмешательства. С этих позиций Лао-цзы выступал против достижений цивилизации, которые нарушают дао. Излишние богатства знати Лао-цзы объявлял разбоем и бахвальством, считал нарушением дао. «Нет большего несчастья,— отмечал мыслитель,— чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]»[15].

Что же означало следовать дао, или естественности? Прежде всего Лао-цзы советовал соблюдать принцип недеяния, уменьшить личные желания и освободиться от страстей. Он предлагал в управлении страной не опираться на знания, отменить запретительные законы, поскольку, когда их много, народ становится бедным. «Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны»,— замечал Лао-цзы. По его мнению, возврат к естественному состоянию приводит к уравнению имущества: «Небесное дао отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же дао — наоборот»[16]. Более того, Лао-цзы призывал вернуться к первобытным временам: снова начать плести узелки и применять их вместо письма, не использовать имеющиеся орудия труда.

Социальная утопия Лао-цзы, безусловно, содержала элементы реакционности — полное отрицание достижений материальной культуры. Но она по-своему отражала протест народных масс, когда достижения цивилизации служили средством их эксплуатации. Отсюда стремление отказаться от элементов культуры и вернуться в «естественное» состояние первобытного мира.

Другим крупнейшим представителем даосизма был Чжуан Чжоу (369—286 до н. э.), или Чжуан-цзы. Он полагал, что нельзя считать умными людей, собирающих богатства для «большого вора». «Укравшего поясную пряжку казнят,— говорил он,— а укравший государство становится правителем». Чжуан-цзы считал, что воровство становится все более изощренным при применении знаний и измерительных приборов. Необходимо отказаться от знаний и культурных ценностей, «и тогда люди в Поднебесной начнут обретать собственное мастерство в труде»[17], а великое мастерство естественно.

Известной философской школой Древнего Китая был моизм, основанный Мо Ди (Мо-цзы), который жил в V в. до н. э. (479 — 400 до н. э.). Основным источником моизма является дошедшая до нас книга «Мо-цзы». Она представляет собой труд коллектива философов, написанный в III — II вв. до н. э.

Моисты принадлежали к прослойке «служилых», но их идеи отражали настроения трудовых низов китайского общества — ремесленников, земледельцев, мелких торговцев. Мыслители считали, что высшая ценность — это народ. Воля Неба и воля народа совпадают. Небо — образец для государя, поэтому он должен любить народ. Но пока знатные люди развлекаются колокольным звоном

и барабанным боем, где простой люд возьмет пищу и одежду?

Социальный идеал моистов основывался на ряде важных положений. Первое условие достижения счастья — усердный труд. «Кто опирается на усилия [в труде],— подчеркивалось в книге,— тот живет». Моисты наивно полагали, что господствующие сословия перестанут вести паразитический образ жизни.

Но высшими принципами учения моистов были «всеобщая любовь» и «взаимная выгода». По их мнению, Небо не различает ни знатных, ни бедных. Все люди — слуги Неба, и оно кормит всех. Так моисты выражали идею естественного равенства людей. Но Небо не только кормит, но и питает всеобщую любовь ко всем живущим. Оно желает, «чтобы люди взаимно любили друг друга и приносили друг другу пользу».

Мо Ди и его сторонники считали, что беспорядки в стране происходят оттого, что люди не любят друг друга. Но и просто любви для поддержания порядка было недостаточно. Злые люди питают «отдельную любовь», и лишь «всеобщая выгода и всеобщая любовь приносят Поднебесной большую пользу»[18]. Моизм поставил важную проблему о соотношении общего и частного интересов. «Всеобщая любовь» не исключает любви к себе, но нужно одинаково любить других людей и себя. Поздние моисты представляли всеобщую любовь как равноправные отношения между людьми, а всеобщую пользу — как сумму отдельных интересов. Поэтому взаимосвязь любви и пользы они рассматривали как стремление принести конкретному человеку такую пользу, которая полезна именно ему.

В III в. до н. э. с проповедью идей равенства выступил Сюй Син, наиболее крупный представитель школы аграрников. Идеалом мыслителя было общество без эксплуатации человека человеком. Ссылаясь на авторитет древности, Сюй Син считал, что «мудрый [правитель] должен вместе с народом обрабатывать землю и кормиться этим, готовить себе пищу и одновременно править»[19].

В конфуцианском трактате «Ли цзи» («Книга установлений»), составленном в IV — I вв. до н. э., изложена идея утопического общества «датун» (великое единение). В этом обществе должны быть общность имущества, равное участие в распределении общественного продукта, равноправие в управлении государством, равноправие женщин и мужчин, установление отношений благожела-

тельности и взаимопомощи, раскрытие способностей людей на благо общества, забота о детях, престарелых и больных. В обществе «датун» мы видим существенные элементы утопического социализма. Идея «золотого века», нашедшая отражение в «датун», ставила народные массы в оппозицию строю классового угнетения. Но «датун» было обращено в прошлое страны. Однако к этой идее впоследствии обращались многие мыслители Китая.

Раздел II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АНТИЧНОСТИ

Глава 6

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1. Экономические воззрения раннего рабовладельческого общества

Значительное развитие экономическая мысль получила в античной Греции. Ее эволюция прошла ряд этапов, связанных с развитием рабовладельческих отношений.

К XX — XVII вв. до н. э. относится возникновение раннерабовладельческих государств на греческих островах Эгейского архипелага (Лемнос, Мелос, Сирос). На материковой Греции разложение общинного строя происходило медленнее. Лишь с XVII в. до н. э. началось формирование раннерабовладельческих государств ахейцев — Микен, Тиринфа, Пилоса и др. В XVI — XIII вв. до н. э. здесь значительного прогресса достигли земледелие и ремесла. Ахейцы вели обширную заморскую торговлю. Их цари становятся крупными рабовладельцами. Для этого периода характерны постоянные междоусобные войны, в том числе Троянская (ок. 1240 до н. э.), которые вели к упадку экономики и культуры ахейских государств.

В конце XII — начале XI в. до н. э. на материковую Грецию вторгаются новые греческие племена дорийцев, живших в условиях родового строя, что привело к оживлению родовых отношений. В разных греческих государствах шел процесс порабощения местного населения, становившегося собственностью родов завоевателей. Так, в Спарте членам общины завоевателей — спартиатам противостояли лично свободные, но лишенные политических прав периэки — коренное население Спарты — и илоты — покоренное спартиатами земледельческое население Мессении и других областей.

К периоду раннего рабовладения относятся первые проявления экономической мысли древних греков. Они обнаруживаются, в частности, в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» (X — VIII вв. до н. э.), где отражается переходный период, когда в рамках общинного строя уже начинало развиваться рабовладение. Хотя гомеровский эпос

защищает общинный строй, родовые связи, тут же мы находим примирение с рабством, наблюдаем выделение знати, ее обогащение военной добычей. Сказывается культ войны, воспевается поход греков на Трою. В поэмах осуждаются происки иноземных купцов, покушающихся на натуральное хозяйство, прославляется сельское хозяйство как плодотворное занятие, достойное свободных людей. Богатство понимается автором в натурально-хозяйственном смысле, как скопление металлов, хлеба, скота, запасов всякого рода[1]. Патриархальный характер рабства, натуральный характер хозяйства непосредственно сказывались на экономических воззрениях, нашедших отражение в греческом эпосе.

Такого же рода идеи характерны для воззрений древнегреческого поэта Гесиода (VIII — VII вв. до н. э.) в поэме «Труды и дни». Идеализируя прошлое, излагая легенду о «золотом веке», Гесиод фактически идеализировал общинный строй и выражал нужды обреченного на бедность и тяжелый труд беотийского крестьянина после наступления «железного века», когда «богатство — сила», «честь следует за богатством». Но в то же время Гесиод допускал симбиоз крестьянского хозяйства с патриархальным рабством. Первостепенным для крестьянского хозяйства он считал сооружение дома, приобретение вола, инвентаря, рабыни. Оставаясь идеологом крестьян, Гесиод воспевал труд, советовал «трудом добывать пропитание». Сбыт продукции он считал правомерным, но осуждал увлечение торговлей и судоходством[2].

Переходный характер отношений, неразвитость рабовладения нашли отражение в экономической мысли Спарты того же периода. Это объяснялось тем, что на ее территории со времен завоевания Мессении утвердилось коллективное рабовладение военной касты, сохранявшее аграрный и натурально-хозяйственный характер. Земля оставалась общим достоянием господ, а илоты (рабы) были по своему положению близки к крепостным, поскольку имели семьи и свое хозяйство. Экономические идеи, порожденные этим строем, нашли отражение в знаменитых законах Ликурга *, считавшегося основоположником таких порядков.

---

* О жизни и деятельности Ликурга не сохранилось никаких достоверных свидетельств. Многие из современных историков считают его вымышленной личностью (см.: История древнего мира, т. II. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 90).

Историческая традиция относит деятельность полулегендарного мудреца Ликурга к IX — VIII вв. до н. э. Ему приписываются раздел всей земли на 9 или 10 тыс. наделов (клеров), предоставление каждому спартиату равного участка (25—30 га) в наследственное пользование, прикрепление илотов к земле, запрет их продажи, установление совместных трапез для господ, переведение их на лагерный режим, создание жесткой системы воспитания молодежи, запрещение торгово-ремесленных занятий, введение железных денег, исключение поездок в другие страны. Следовательно, имела место ориентация на общинное (в дальнейшем — государственное) рабовладение, землевладение и даже потребление, на военный, террористический режим господства над илотами, на утверждение натурального хозяйства.

Развитие производительных сил в греческих государствах в VIII — VI вв. до н. э., приведшее к отделению ремесла от земледелия, способствовало расширению торговли, росту городов. В городах сосредоточивались обезземеленные крестьяне. Увеличивалась потребность и в рабах. Средством смягчения классовых противоречий стала колонизация.

В этот же период в Греции происходит развитие особой формы социально-экономической и политической организации общества — полиса (города-государства) как коллектива свободных граждан (демоса), противостоящего рабам и другим категориям зависимого населения, а также чужеземцам — метекам. Принадлежность к полису предоставляла гражданам право на землю и рабов.

Особенностью периода VIII — VI вв. до н. э. была борьба основной массы свободного населения против родовой аристократии и долгового рабства. Отражением этой борьбы были реформы Солона. Избранный в Афинах в 594 г. до н. э. на должность первого архонта с правами законодателя, он осуществил ряд реформ, направленных на преодоление острых противоречий в развитии рабовладельческого общества.

Наиболее важной была коренная реформа долгового права («сейсахтейя»— стряхивание бремени, т. е. снятие долговых камней с земельных участков бедноты). Солон объявил все долги и накопившиеся на них проценты недействительными, отменил долговое рабство. Проданные в рабство за долги афиняне были выкуплены и возвращены на родину.

Реформы Солона свидетельствуют о понимании им острых проблем развития рабовладения, об опасности порабощения основной массы земледельческого населения, что сузило бы социальную базу рабовладельческого строя. Характеризуя последствия реформ Солона, Ф. Энгельс писал: «Вместо того чтобы по-старому жестоко эксплуатировать собственных сограждан, теперь стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей афинских товаров вне Афин»[3]. Реформы способствовали ликвидации пережитков родового строя и господства родовой аристократии, развитию товарно-денежных отношений.

Хотя реформы Солона и подорвали власть родовой знати, подавить ее сопротивление было возможно лишь с помощью насилия. В этих условиях в Афинах возникает режим единоличной власти — тирания, установленная путем вооруженной борьбы и опиравшаяся на крестьянскую бедноту, торговцев и ремесленников. Писистрат, захвативший власть в Афинах и ставший тираном на длительное время (560—527 до н. э. с перерывами), проводил политику в интересах крестьянства и торгово-ремесленных слоев демоса. Писистрат ввел государственный кредит на льготных условиях, снизил налоги с крестьянских хозяйств, организовал строительство дорог, уравнительный раздел земель завоеванного острова Саламина. Полученные участки крестьянам запрещалось сдавать в аренду, продавать, менять, закладывать. Не разрешалось даже уходить в города [4]. Одновременно Писистрат поощрял рост городов, развитие торговли и промышленности. В Афинах было начато обширное строительство. Мероприятия Писистрата были направлены на поиски компромисса между крестьянским хозяйством и рабством.

Таким образом, экономическая мысль греческих государств X — VI вв. до н. э., нашедшая отражение в литературных произведениях, экономической политике, законодательстве, свидетельствует о переходном характере общественных отношений от родового строя к рабовладению. По мере развития последних происходит отказ от родовых традиций, создание условий для развития товарно-денежных отношений, расширения эксплуатации рабов иноземного происхождения. Это ярко проявилось в реформах Солона, в деятельности Писистрата.

2. Экономическая мысль классического периода

К V в. до н. э. относится начало классического рабовладельческого периода в истории греческих государств. Отчетливое представление об экономической мысли этого времени дает экономическая политика полиса, которая носила рабовладельческий характер, ибо таковым было само государство. Полис был своеобразной общиной рабовладельцев, которая по отношению к рабам сохраняла «естественно возникшую форму ассоциации»[5]. Однако происходило разорение городского демоса, и политика раздач становилась искупительной жертвой сохранения господства над рабами. Это была борьба за подавление оппозиции, сохранение социальной базы рабовладельческого строя. Возникали проекты закупки рабов за государственный счет (в 50-х годах IV в. до н. э.). Поощрялись торговля и ремесло, форсировалась колонизация.

Весьма показательна экономическая программа Перикла, который целых 15 лет (443—429 до н. э.) являлся фактически правителем Афин. Его деятельность приходилась на период возвышения Афин, наибольшей демократизации политического строя, расцвета экономики и культуры. Перикл верно служил классу рабовладельцев. Он ограничивал состав гражданства потомками афинян, поощрял торговлю, создавал колонии за пределами Аттики, строил флот, добивался владычества на море, устраивал празднества и угощения для граждан, строил прекрасные храмы. Таким образом, Перикл ориентировался на всемерное развитие городов, промышленности, торговли.

Памятником истории экономической мысли этого периода является сочинение «Афинская полития» («Государственное устройство Афин»). Оно упоминается среди трудов Ксенофонта, но было написано другим автором (в 428 или 425 до н. э.) и ярко выразило рабовладельческие мотивы экономической мысли того времени. Автор осуждал излишний демократизм афинской политической системы, «распущенность» рабов и метеков. Он мечтал об укрощении свободного населения, установлении террористического режима для рабов.

В социальных идеях древнегреческих философов тоже нашли отражение некоторые черты экономической мысли. Так, Демокрит (ок. 470 или 460 до н. э.— ум. в глубокой старости) доказывал, что первобытное общество не заслуживает идеализации, ибо тогда «люди сражались го-

лыми руками». Он считал создание государства «великим достижением». Демокрит полагал, что «во всем прекрасно равенство», но защищал частную собственность, осуждая лишь излишества в ее накоплении, так как «нельзя назвать бедным того, кто доволен своей долей» и «нельзя назвать богатым того, кто недоволен тем, что имеет». Уничтожение же частной собственности казалось ему несовместимым с естественной борьбой за существование. Фактически Демокрит мирился с рабством, заботился лишь о повышении производительности труда рабов, рекомендовал пользоваться их услугами, «как частями тела — каждым по своему назначению».

Вместе с тем Демокрит выступал против непомерного роста крупного землевладения, считая его подобным «самой ужасной язве — саркоме». Это положение распространялось им и на неограниченное накопление денег, ибо «жажда к деньгам не находит предела в своем удовлетворении», дурные прибыли «приносят потерю чести», а «переносить бедность с достоинством — признак здравомыслия»[6]. Оставаясь идеологом рабовладельцев, великий философ предвосхищал социальную демагогию христианства о добродетелях бедности, иллюзорности богатства, его ненадежности и старался укрепить социальную базу рабовладельческого режима среди свободного населения, доказывая, что бедняки должны «довольствоваться малым», не завидовать богачам, мириться с частной собственностью. Богачам же предписывалась лишь умеренность.

Экономические воззрения философов-софистов (Протагора, Горгия, Гиппия, Антифонта и др.) оказались весьма противоречивыми: одни из них объявляли закон высшим благом, другие допускали неподчинение, некоторые софисты считали кредит весьма полезным, а другие издевались над скрягами, ибо человек не должен быть рабом своих денег. Развивался потребительский взгляд на богатство, отрицались привилегии наследственной аристократии, признавалось равенство всех людей по происхождению. Такое признание было радикальным для рабовладельческого режима.

В 30-х годах V в. до н. э. началась в Афинах деятельность Сократа (469—399), проповедовавшего тезис «Познай самого себя». Вся экономическая деятельность связывалась Сократом с нравственными добродетелями, поскольку для приобретения богатства нужны энергия, настойчивость, благочестие, а для его сохранения — воздержанность. Человек должен умело пользоваться богатст-

вом и обходиться без него, ибо оно относительно, и тот богат, кто доволен немногим. Материальные блага даже препятствуют моральному усовершенствованию человека. Сократ склонялся к идеализации спартанских порядков, осуждая стремление к наживе, обычное для афинских рабовладельцев. В то же время великий мудрец успокаивал народные массы, призывая их довольствоваться немногим, связывая приобретение и сохранение богатства с нравственными добродетелями. Борьба за социальное равенство им исключалась. Зато богачам он рекомендовал лишь умеренность в обращении и потреблении.

Правда, Сократ осуждал экономическую деятельность в целях наживы (как несовместимую со стремлением к добродетели), физический труд он не считал позорным для свободного человека. Здесь сказывалось то, что Сократ выражал (как и софисты) в значительной степени настроения интеллигенции.

В трагедиях Еврипида (ок. 480—406 до н. э.) тоже отразились экономические воззрения V в., причем он находился под большим влиянием софистов, и особенно Сократа. Еврипид облагораживал некоторые виды труда, не всякого раба считал рабом по происхождению, но все же уделом порабощенного признавал непрестанный труд. Он выступал защитником собственности против притязаний демоса, уступал власть «лучшим гражданам», противопоставлял крепкого крестьянина городскому пауперу, добродетели земледельческого труда — бесчестью ремесленного. Осуждая деспотический режим Спарты, великий драматург все же оставался на позициях рабовладения, хотя и видел обострение противоречий рабовладельческого строя.

3. Экономическая мысль периода кризиса полисной системы. Ксенофонт и Платон

Начало нового этапа в истории экономической мысли Древней Греции относится к IV в. до н. э., периоду обострения противоречий рабовладельческого режима и возникновения глубокого кризиса полисной системы, ее демократии. Стремление Афин превратить своих союзников в подданных, ограничение свободы их торговли, взимание податей, карательные экспедиции, борьба Афин со Спартой за гегемонию в Греции привели к Пелопоннесской войне (431—404 до н. э.), которая закончи-

лась полным поражением Афин. Начался период гегемонии Спарты в Греции.

Война обострила противоречия рабовладельческого общества. В городах усилились имущественные контрасты. Дальнейшее развитие рабства, обмена, ремесла стало подрывать устои государственной общины (полиса), которая базировалась на мелком и среднем землевладении. В этот период возникли новые проблемы. Вопросы ориентации экономического развития, преимуществ натурального и товарного хозяйства, частного и коллективного рабовладения, промышленности и сельского хозяйства приобрели актуальное значение. Особенно острым стал вопрос о сохранении социальной базы рабовладения. Экономические проблемы становятся объектом специальных исследований в работах Ксенофонта, Платона, Аристотеля. Экономическая мысль греков в IV в. до н. э. достигла небывалого расцвета.

Наглядное представление об этом дают сочинения Ксенофонта (ок. 430—355 или 354 до н. э.), современника Платона и предшественника Аристотеля. Ксенофонт происходил из аристократических кругов афинского полиса. Прожив долгую жизнь, он активно участвовал в бурных политических событиях. Получив от спартанцев земельный участок в Скиллунте (в Элиде, близ Олимпии), Ксенофонт занялся сельским хозяйством и литературным трудом. Свои экономические воззрения он излагал во многих работах, но главным образом в сочинении «Домострой» в форме беседы Сократа и Критобула. Время написания этого сочинения остается неизвестным. В решении проблем, порожденных обострением противоречий рабовладельческого строя, Ксенофонт обнаруживает теоретическую зрелость, обширную эрудицию, наблюдательность и последовательность. Служа верхушке правящего класса, Ксенофонт оказывался идеологом рабовладельцев и в своих экономических взглядах.

Он идеализировал политический деспотизм Персии, уверяя, что государство Кира было «самым великолепным и самым могущественным из государств Азии»[7]. Но особенно характерным для него было восхищение законами Ликурга, спартанскими порядками, которые противопоставлялись полисной демократии Афин. В небольшом сочинении «Лакедемонское государство» Ксенофонт одобрял сисситии (общие трапезы спартиатов), поскольку никто «не оказывается рабом пищи» или вина, считал полезным запрет того, «что имеет отношение к прибыли»,

поддерживал введение железных денег, которые нельзя скрыть «ни от хозяина, ни от рабов». Одобрялись им также штрафы за хранение и накопление золота и серебра, в результате чего обогащение доставляло «гораздо более неприятностей, чем удовольствий». Лагерная жизнь и жестокая дисциплина спартанцев вызывали восхищение Ксенофонта. Зато он огорчался, что законы Ликурга начинают терять значение и если раньше спартанцы «боялись показать деньги», то теперь даже гордятся ими[8].

В сочинении «Агесилай» дан образ идеального спартанского царя, а в «Киропедии»— персидского. Персидские порядки трактовались на спартанский манер, рабы приравнивались к спартанским илотам, а господа — к спартиатам. В то же время Ксенофонт допускал некоторые различия между Персией и Спартой. Персидские господа получали земельные наделы от царя, а не от общины граждан[9].

Все это отчетливо характеризует экономическую платформу Ксенофонта, его ориентацию на коллективные формы рабовладения и потребления, как нейтрализующие некоторые противоречия рабовладельческого режима, устраняющие борьбу внутри господствующего класса. Сплоченная община господ противостоит рабам как нечто целое, меньше зависит от поведения промежуточных слоев населения. Он формулировал целую программу выхода из кризиса полисного строя, преодоления противоречий частного рабовладения. Зато Ксенофонт умалчивал о террористическом режиме в Спарте, от которого страдали илоты.

Правомерность существования рабства не вызывала сомнений у Ксенофонта. Более того, он давал конкретные советы об организации производства и наилучших методах эксплуатации рабов. В заслугу Киру он ставил заботу о том, чтобы «рабы всегда охотно продолжали оставаться рабами». В «Домострое» господам рекомендовалось увещевать их, раздавать обещания лучше кормить. Ксенофонт писал, что полезны и похвалы со стороны господина[10]. В условиях обострения противоречий рабовладельческого строя эти советы были весьма характерны. Ксенофонт искал выход в более гибком и предусмотрительном обращении с рабами, в использовании некоторых элементов социальной демагогии и материальных стимулов.

Если Перикл гордился тем, что богатства многих стран стекаются в Афины, то Ксенофонт ратовал за натуральное хозяйство как более устойчивое и надежное. Пелопоннес-

ская война показала нестабильность полисной, торгово-промышленной экономики Афин. Расхваливая натуральное хозяйство Ликурговой Спарты, Ксенофонт фактически рекомендовал для всей Греции эти, т. е. натурально-хозяйственные, пути экономического развития.

С этим была связана и идеализация сельского хозяйства. В сочинении «Охота» Ксенофонт даже утверждал, что горожане обогащаются «благодаря гнусной наглости», путем победы над друзьями [11]. В «Киропедии» богатый перс Феравл гордится тем, что в молодости участвовал в земледельческом труде. В «Домострое» Ксенофонт восхвалял сельское хозяйство, как дающее плоды, пригодные даже для жертвоприношений, тренирующее физически крестьян, делающее их отличными воинами, толкающее людей на путь взаимопомощи, обеспечивающее их всем необходимым. Земля учит и справедливости, ибо дает больше тому, кто усерднее трудился. Летом и зимой жить предпочтительнее в деревне, и сам персидский царь работал в своих садах. По мнению Ксенофонта, «земледелие — мать и кормилица всех профессий». Он рекомендовал обучаться земледелию, садоводству, виноградарству, но презрительно относился к труду ремесленников, обрекаемых на сидячий образ жизни[12]. В этих рассуждениях, очевидно, отражалось и влияние кризиса полисной экономики Греции, противоречий ее системы рабовладения, основанной на ремесле. Ксенофонт искал более прочную базу для экономики, выражал ненависть к городскому демосу, ориентировался на использование крестьянства для стабилизации рабовладельческого режима.

Натурально-хозяйственные воззрения сказывались и на трактовке богатства. В сочинении «Воспитание Кира» осуждался тот, кто приобретал «богатства больше, чем достаточно», а затем зарывал его в землю, караулил. Излишки следовало использовать для помощи другим, приобретения друзей, безопасности, славы[13]. В «Домострое» давалось много советов по ведению домашнего хозяйства, содержались призывы к бережливости, отмечалась важность строительства полезных зданий, говорилось, как обращаться с рабами[14]. Богатство получало чисто потребительское толкование.

Правда, Ксенофонт затрагивал также вопросы товарного производства, признавая полезность разделения труда, которое дает большой эффект даже в поварском деле и бóльшие возможности в крупных городах, чем в малых. В «Киропедии» Ксенофонт пишет: «Ведь в небольших го-

родах один и тот же мастер делает ложе, дверь, плуг, стол, а нередко тот же человек сооружает и дом, причем он рад, если хоть так найдет достаточно заказчиков, чтобы прокормиться. Конечно, такому человеку, занимающемуся многими ремеслами, невозможно изготовлять все одинаково хорошо. Напротив, в крупных городах благодаря тому, что в каждом предмете нужду испытывают многие, каждому мастеру довольно для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части этого ремесла: так, один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую. А иногда даже человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что шьет заготовки для башмаков, другой — тем, что вырезает подошвы, третий — только тем, что выкраивает передки, а четвертый — не делая ничего из этого, а только сшивая все вместе. Разумеется, кто проводит время за столь ограниченной работой, тот и в состоянии выполнять ее наилучшим образом»[15]. Ксенофонт, как отмечал К. Маркс, «с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской». Но, говорит К. Маркс, внимание его обращено «исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка»[16].

Хотя некоторые буржуазные авторы трактовали Ксенофонта как теоретика стоимости, усматривая в нем предшественника Бем-Баверка, в действительности основной проблемой для него были поиски путей преодоления противоречий рабовладельческого строя. О стоимости у Ксенофонта имеются лишь отдельные замечания, к тому же толкующие ее с позиций потребительского хозяйства. В «Домострое» указывалось, что «ценность есть нечто хорошее», зависит от полезности вещей, умения пользоваться ими. Друзья полезнее и ценнее волов»[17]. Тем самым в понимание ценности вносился этический момент.

Ксенофонт не мог в условиях Греции игнорировать роль денег, но трактовал их в «специфической определенности формы в качестве денег и сокровища». К. Маркс приводит цитату из работы Ксенофонта «О налогах», где говорится, что «денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался» [18].

Важно отметить, что в работах Ксенофонта имелись элементы анализа процессов ценообразования. Колебания

цен ставились в зависимость от изменений предложения товаров (меди, железа, продовольствия). В результате падения цен земледельцам приходилось даже менять свои занятия[19]. Однако Ксенофонта, как и других авторов классической древности, обращавших внимание исключительно на качество и обилие потребительных стоимостей, не интересовал вопрос о природе меновой стоимости. У них «ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров»[20].

Видное место в истории экономической мысли Древней Греции занял Платон (427—347 до н. э.) — философ и ученый, создавший систему объективного идеализма, боровшийся с материализмом и выступавший с программой реформ социально-экономических порядков в интересах рабовладельцев. Платон происходил из семьи афинской землевладельческой знати, получил хорошее образование, много путешествовал (в Египет, Сиракузы и т. д.), затем создал свою философскую школу в Афинах (Академию), с которой были связаны последние 20 лет его жизни. Им написано много сочинений философского, социально-политического и другого содержания, отличающихся высокими литературными достоинствами и интересными идеями. Проблемы экономического характера исследовались в его сочинениях «Государство» и «Законы».

Платон, как и Ксенофонт, жил в эпоху кризиса греческого полиса, обострения классовой борьбы между аристократией и демократией, между богатыми и бедными, рабами и рабовладельцами, между демократическими Афинами и олигархической Спартой. Это нашло отражение и в работах Платона. Он вошел в историю экономической мысли античности как один из ее выдающихся представителей. Оценку вклада древнегреческих мыслителей, в том числе и Платона, в историю экономической науки дал К. Маркс, указывая, что «исторически их воззрения образуют... теоретические исходные пункты современной науки», ибо «обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях» [21].

Политические и философские позиции Платона характеризовались антидемократизмом. Сопоставляя формы государства, Платон признавал демократию наиболее «испорченным», «анархическим» строем. С тревогой он говорил о борьбе за передел земли и отмену долгов в демократических Афинах. С нескрываемым презрением он клеймил представителей торгово-ростовщического капитала, стяжателей денежного богатства, разлагающих весь

общественный строй и душу людей, делая при этом меткие, исторически верные наблюдения над социально-экономической действительностью античного мира. Платон ратовал за реставрацию консервативных, отживших олигархических порядков, существовавших в Спарте, на Крите, надеясь, что его проекты спасения классического полиса от окончательного краха найдут поддержку со стороны таких правителей, как тиран Дионисий в Сиракузах.

Платоном была создана концепция «нового», или «идеального», государства, изложенная им в сочинении «Государство». Коренной порок государства состоит в том, писал Платон, что в нем нет единства, оно раскалывается борьбой за материальные интересы и в результате существует два государства — богачей и бедняков. При этом алчная погоня за богатством делает богатых бездеятельными паразитами, а бедных лишает возможности вести хозяйство. Качество продукции ухудшается, ремесло деградирует. По мнению Платона, для предотвращения этой борьбы необходимо прекратить ненасытное стяжательство, остановить рост имущественного неравенства среди господствующего класса и свободного населения.

Платон считал, что неравенство коренится в природе людей и потому неустранимо, но каждый человек должен получать свою долю сообразно природным способностям. Это и будет справедливо. Каждый от природы приспособлен к выполнению лишь одного дела и должен заниматься только им. Тогда можно легче и больше создать продукции. Это значит, что разделение труда у Платона анализируется с точки зрения потребительной стоимости. Основное положение Платона «состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику». В разделении труда Платон видел не только «основу распадения общества на сословия», но также «основной принцип строения государства» [22].

Платон считал, что государство должно состоять из трех сословий — правителей (философов), стражей и земледельцев, ремесленников и торговцев. Нравственная природа каждого из сословий не одинакова. В обществе существует огромное количество разнообразных потребностей, удовлетворение которых даже в отношении одного человека требует приложения многих видов труда. Следовательно, разделение труда связывает людей в общество и позволяет разрешить противоречие между разнообразием потребностей и ограниченностью способностей отдель-

ного человека. Но в государстве это возможно. Поэтому К. Маркс назвал гениальным «для своего времени изображение разделения труда Платоном, как естественной основы города (который у греков был тождественен с государством)» [23].

В силу своей классовой позиции Платон считал необходимым освободить философов и стражей от производительного труда, возложив его только на рабов, ремесленников и крестьян. Чтобы страсть к обогащению не овладела поведением господ, им рекомендовалось отказаться от собственности, жить в лагерях, питаться совместно, не иметь индивидуальных жен. Платон хотел бы создать замкнутую кастовую аристократию, тщательно подобранную и вымуштрованную, не занимающуюся торговлей, не прикасающуюся к золоту и серебру. Лишь низшему сословию, занятому ремеслом, торговлей, земледелием и т. д., у Платона разрешалось пользоваться деньгами.

По мнению Платона, торговля необходима потому, что она обслуживает разделение труда внутри города и между городами. Но для торговли необходимы деньги. Платон уделил специальное внимание деньгам, но он не понял их сущности. По его мнению, деньги имеют только две функции: меры стоимости и средства обращения. Они должны служить только для обмена. Платон крайне отрицательно относился к функции денег в качестве сокровища, называя «грязными» тех людей, которые из всего выжимают прибыль, выковывают сокровище. Платон требовал также запретить куплю-продажу в кредит, т. е. выступал против использования денег как средства платежа.

Как подчеркивал К. Маркс, Платон в своем «Государстве» хочет «насильно удержать деньги в рамках простого средства обращения и меры [стоимости], чтобы не дать им стать деньгами как таковыми» [24]. Лишь тогда государство сохранит свою устойчивость, когда оно будет ориентироваться на натуральное хозяйство. Фактически Платон воспроизвел с известными поправками архаическую структуру экономики Спарты с сохранением рабства [25]. По существу это была рабовладельческая утопия, не доступная пониманию современников. По словам К. Маркса, государство Платона «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя» [26].

Второй проект наилучшего государства был разработан Платоном в произведении «Законы», написанном в глубокой старости. Этот проект более реалистичен, лучше отражал тогдашнюю действительность, чем «Государ-

ство». В нем Платон выступает от лица аристократических кругов античных рабовладельцев. Он рекомендует «очищать» государство от неимущих путем переселения их в колонии, продолжает изобличать алчных стяжателей золота, призывает к постепенной кассации части долгов, к «добровольному» разделу некоторой доли имущества. Понимая, что нельзя повернуть старые греческие города на иной путь развития, он формулировал принципы организации новых городов. Они должны отстоять от морского побережья на 80 стадий (16 км), располагаться на местности скорее гористой, чем равнинной, производить достаточное количество продукции и быть подальше от соблазнов торговли. Общее число хозяйств, обеспеченных земельными наделами (клерами), должно быть 5070, верховный собственник наделов — государство. Число и величина наделов должны быть неизменными. Наделы никогда не продаются и передаются по наследству только одному сыну. Стоимость одного надела является пределом бедности и не может быть уменьшена. В центре государства создается город, а вся территория разбивается на 12 равноценных по своей экономической значимости частей. Учитывается неодинаковое плодородие почвы. Они будут меньше, если земля хорошая, и наоборот. Каждый надел составляется из близкого и дальнего участков; при возрастании населения создаются новые города-колонии; при уменьшении — привлекается дополнительное население со стороны. При равенстве наделов у разных граждан может быть неодинаковое имущество, а это дает основание для разделения населения на 4 имущественных класса с возможностью перехода из одного в другой в зависимости от увеличения или уменьшения имущества. Если стоимость имущества превысит стоимость надела в 4 раза, то избыток подлежит передаче государству или богам-покровителям. Должности, подати устанавливаются по величине ценза, и поэтому среди граждан не возникнет раздоров, поскольку не будет ни богатых, ни бедных.

Однако сам Платон сомневался в возможности осуществления своего проекта, поскольку вряд ли найдутся люди, которые будут согласны с таким устройством государства, станут соблюдать установленные законы, откажутся от обладания золотом и т. д. В «Законах» даже больше, чем в «Государстве», подчеркивалась необходимость сохранения рабства, рекомендовался ряд мер для усиления эксплуатации рабов. Основой платоновского го-

сударства являлась аграрная экономика, в которой запрещалось захватывать чужие угодья, водные источники и т. д. Полученная продукция (зерно, овощи, продукты скотоводства и т. д.) должна делиться на 12 частей, а каждая двенадцатая — на три части: одна для свободных, вторая для рабов, третья для иностранцев (на продажу). Таким образом, распределением продуктов питания управляют свободные, а производят продукты рабы.

Ремесленников Платон проектировал расселить по всей стране в 12 филах и в городе. Особые чиновники должны были следить за всеми процессами распределения и обращения. Некоторое внимание уделялось у Платона проблеме товарно-денежных отношений и государства. Имея наделы, граждане не могли владеть драгоценными металлами. Но это не исключало чеканки монеты для повседневного обмена, который совершают ремесленники. Монетой можно платить наемникам, иностранцам. Она нужна для внутреннего обращения. Для целей внешних сношений Платон предлагал использовать общеэллинскую монету, которую государство выпускало для внешней торговли.

В государстве Платона запрещалось прибегать к ссудам под проценты, покупать товары в кредит. Пошлины за ввоз и вывоз товаров никто не платил. Не допускался ввоз товаров, в которых нет необходимости, и вывоз тех, которые нужны государству. Продажа товаров строго регламентировалась по отдельным видам для каждого месяца. Закон устанавливал пределы колебаний цен. Нельзя назначать две цены на товар в один день. Платон допускал существование мелкой торговли, но считал, что заниматься ею недостойно для свободнорожденных земледельцев. Крупная торговля с целью наживы им осуждалась, а метеки и иностранцы ставились под неослабный контроль государства. Строгие законы должны существовать в государстве Платона для регулирования ремесла. Все заказы должны быть выполнены в срок и добротно, изделия реализованы по действительной стоимости, исключающей наживу для производителя.

Провозглашая государство верховным собственником земли, который распределяет наделы, обеспечивает коллективное потребление, регулирует товарно-денежные отношения, Платон отдавал дань натуральному хозяйству. Он провозглашал незыблемость частной собственности и писал: «Пусть никто по мере возможности не касается моего имущества и не нарушает моей собственности, даже

самым незначительным образом, раз нет на то всякий раз моего особого разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой собственности, пока я в здравом уме» [27]. Он хотел устранить злоупотребления частной собственностью, но не задавался целью ее уничтожения, как показывает второй проект идеального государства.

Требуя установления единства в обществе, полного единомыслия его членов и воспитания граждан в духе подчинения государству, Платон отнюдь не являлся теоретиком социализма или коммунизма. Буржуазная легенда о нем как родоначальнике коммунизма явно фальшива.

4. Экономические взгляды Аристотеля

Наиболее глубоким исследователем экономических проблем Древней Греции был Аристотель (384—322 до н. э.). К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин считали его величайшим мыслителем древности, который, несмотря на ограниченность мировоззрения, в силу логики научных исследований пришел к необходимости изучения экономической стороны жизни общества. Маркс и Ленин дали непревзойденные образцы научного анализа философских и экономических взглядов Аристотеля. В. И. Ленин, показав колебания древнего мыслителя между материализмом и идеализмом, отметил его поиски научных истин, первую постановку вопросов огромного значения и попытку дать ответы на них.

Аристотель был учеником Платона, являясь в течение 20 лет (367—347 до н. э.) участником платоновской Академии. В 343 г. был приглашен македонским царем Филиппом в качестве воспитателя его сына — будущего великого полководца древности Александра Македонского. Вернувшись в 335 г. в Афины, Аристотель основал свою школу (Ликей). Труды Аристотеля весьма обширны и касаются различных отраслей знаний: философии, логики, этики, физики, биологии и др. Его основные социально-политические сочинения — «Политика» и «Афинская полития».

Аристотель был одним из первых мыслителей, пытавшихся исследовать экономические законы в современной ему Греции. Не случайно Маркс видел в нем экономиста-теоретика рабовладельческого общества.

Формирование экономических взглядов Аристотеля происходило в период дальнейшего углубления кризиса полисной организации и обострения противоречий рабо-

владельческого строя. В этих взглядах обнаружилось стремление найти средства для сохранения и укрепления экономики и общественного строя полисов. Ключ к укреплению классовых позиций рабовладельцев Аристотель видел прежде всего в усилении экономической и политической роли среднего рабовладельца.

Аристотель разрабатывал «науку рабства», не отказываясь при этом приводить в обоснование этой науки софизмы. Он давал экономическую характеристику рабства, полагая, что ни производство, ни жизнь не могут обойтись без рабов. Орудия не могут сами работать, их должны приводить в движение рабы как особый вид говорящих орудий. Рабы — орудия, занимающие первое место среди всех других. Собственность включает в себя рабов как объект первой необходимости; они предназначены судьбой и своей природой удовлетворять потребности господина, тратить силы на «активную деятельность». Рабы представляют лишь одушевленную и отдельную часть тела господина, которая обслуживает его. Орудия, инструменты в собственном смысле слова в отличие от одушевленных орудий — рабов выполняют другого рода работу — создают материальные блага, предметы пользования в ходе «продуктивной деятельности». Итак, по Аристотелю, «есть два рода деятельности», отличающиеся друг от друга: потребление (активная деятельность), требующее предметов первой необходимости (средств существования), и труд рабов, производство (продуктивная деятельность).

Жизнь, представляющая, по Аристотелю, стремление к благу, не может проходить без рабов. Поэтому рабство существует в силу экономической необходимости. Рабы способны воспринимать указания господина, но не способны руководить хозяйственной жизнью. Господство и подчинение — это «общий закон природы», необходимый для «взаимного самосохранения». В производстве, где имеют место «продуктивная деятельность» и физический труд, человек (ремесленник) становится рабом даже в том случае, если он юридически свободен. Обучать людей физическому труду — значит уподоблять их рабам. Свободные потому и признаются свободными, что они не знают физического труда. Поэтому у Аристотеля разделение на рабов и свободных объявляется вполне естественным.

Эти положения Аристотеля непосредственно отразили экономическую закономерность в развитии общества на

той его стадии, когда рабство было основой производства. Назначение гражданина состоит, по мнению Аристотеля, в том, чтобы развивать свой интеллект, быть свободным от физического труда, принимать активное участие в государственной жизни. Вся тяжелая физическая работа должна выполняться рабами.

Основу богатства и главный источник его увеличения составляли рабы. Аристотель назвал рабов «первым предметом владения». Поэтому прежде всего надлежит заботиться о приобретении хороших рабов путем войны.

В Греции в IV в. до н. э. наблюдалось обострение противоречий рабовладельческого строя. Однако Аристотель не видел отрицательного влияния рабовладельческих отношений на развитие производительных сил. Более того, им разделялось общее предубеждение о недопустимости для свободных граждан, в том числе ученых, посвящать себя делу усовершенствования орудий производства, техники, сочетания «чистой науки» с «низменной» практикой. Это означало бы низведение свободных до положения рабов, ремесленников.

Внеэкономическое принуждение, являясь атрибутом рабовладельческих производственных отношений, помимо насилия, включало целую систему норм, законов, прав, традиций, обычаев. Аристотель, как и другие мыслители и государственные деятели того времени, всячески оправдывал систему внеэкономического принуждения, разрабатывая проблему контроля за трудом рабов. При всем своем пренебрежении к труду Аристотель пытался дать развернутое оправдание методов рабовладельческой эксплуатации. Полемизируя с противниками рабства, отрицавшими его тезис о том, что природа одних обрекла на положение рабов, а другим предоставила роль господ, Аристотель только углублял свою антиисторическую точку зрения. В этом состояла классовая ограниченность взглядов Аристотеля на рабство, предопределившая ряд ошибок в его экономическом анализе.

Раб — имущество, приносящее доход. Все производимое рабом рассматривалось как приращение имущества. Рабство стирало грани между человеком и вещью, накладывало печать несвободы на труд. Это было подчеркнуто Аристотелем. Поскольку раб был собственностью рабовладельца, сам труд раба представлялся целиком как труд на рабовладельца. Фактически же труд раба распадался на необходимый и прибавочный. Аристотель не в состоянии был, однако, прийти к такому выводу.

Аристотель не разделял точки зрения купеческих, ростовщических элементов, выступавших за превращение рабовладельческого хозяйства в источник неограниченного обогащения. Он был против того, чтобы перейти от хозяйства, рассчитанного на производство продуктов, к хозяйству, рассчитанному на безудержное обогащение.

Исследуя способы использования благ, Аристотель открывает в них по существу две стороны товара: потребительную стоимость и меновую стоимость, назвав первую использованием вещи в соответствии с ее назначением, а вторую — использованием вещи в не присущем ей назначении. Использование блага как потребительной стоимости было охарактеризовано Аристотелем как «естественное»; использование же блага в виде меновой стоимости — как «неестественное». Это свидетельствует о том, что Аристотель вступил на плодотворный путь исследования явлений товарного обмена. Для продавца потребительная стоимость товара сводится к его меновой стоимости.

Нужда, т. е. экономическая необходимость, «связывает людей в одно» и приводит к обмену, в основе которого лежит факт общественного разделения труда. Он подчеркивал исторический момент в понятии блага, придя к выводу, что люди образуют его в соответствии со своей жизнью. В связи с общественным разделением труда и историчностью блага Аристотель трактует и причины образования блага. Материальные блага, или потребительные стоимости, возникают, по Аристотелю, под воздействием разных причин. Так, для создания статуи требуется медь и ваятельное искусство, т. е. труд в его определенной форме. Разделение труда оказывается непреложным законом жизни людей. Оно есть лишь особая форма выражения общественных потребностей и служит средством их реализации.

Аристотель исследовал исторический процесс зарождения и развития меновой торговли, превращения ее в крупную торговлю, целью которой стала нажива. Ему была ясна экономическая необходимость обмена и торговли. Они оказывались силой, способствующей образованию государства. Очевидно, Аристотель признавал, что товарное обращение предназначено обслуживать рабовладельческий полис, государство. Впоследствии мелкая торговля закономерно, «вполне логически» привела к возникновению крупной торговли, к «искусству наживать состояние», к получению наибольшей прибыли [28].

Аристотель с большим упорством стремился понять законы обмена. Он доказывал, что постепенно обмен привел к появлению таких предметов, которые сами по себе представляли ценность как определенные слитки взвешенного металла и стали обслуживать обмен. Он по существу констатировал здесь зарождение функции денег как средства обращения. Ему было ясно, что возникновение денег не есть нечто случайное. Он писал: «В силу необходимости, обусловленной меновой торговлей, возникли деньги». Стало быть, Аристотель довольно отчетливо выделял товарную природу денег и их «естественное» происхождение. Это дало Марксу основание сделать вывод о том, что Аристотель был первым исследователем формы стоимости[29].

Аристотель ставил перед экономической наукой задачу открыть сущность соизмеримости обмениваемых благ. Несомненно, что здесь мы имеем материальную трактовку Аристотелем проблемы происхождения денег. Но она не доведена до конца. Он сомневается в том, что деньги, монета — это воплощенное в вещи выражение товарной стоимости, «ибо она по природе не таковая». Тот факт, что монетную систему можно изменять, что деньги в качестве средства обращения легко поддаются взаимообмену,— о чем Аристотель хорошо знал из истории денежного обращения Афин и других государств — привел его к выводу, что «деньги — простой знак», «вещь вполне условная». Это свидетельствует о том, что Аристотель принимал явление за сущность, отдал дань идеалистическому взгляду на природу денег, колебался между научной и ошибочной трактовкой их сущности. За эту ошибочную трактовку денег Аристотелем много позднее ухватились представители субъективного направления в буржуазной политической экономии, даже пытаясь объявить Аристотеля основоположником субъективной школы в политической экономии.

Если товары и деньги соизмеряются друг с другом, это значит, что они имеют нечто общее между собой. То же относится к товарам как таковым. Аристотель знал, что из товарных отношений возникли деньги, появилось денежное выражение стоимости товара — его цена. Для Аристотеля «стоимость» и «достоинство»— категории тождественные, они измеряются деньгами. Стало быть, деньгам присуща функция меры стоимости. Но о стоимости как о категории товарного хозяйства, о ее субстанции Аристотель не имел понятия. Он начал исследо-

вание форм стоимости, но не дошел до исследования субстанции стоимости.

Обмен, по Аристотелю, есть особая форма «уравнивающей справедливости», где проявляется принцип равенства, эквивалентности. К. Маркс цитирует Аристотеля в «Капитале»: «Обмен... не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости». Но здесь, как отмечает К. Маркс, он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. ««Однако в действительности невозможно... чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности»» [30]. Дальнейший анализ товара стал для него невозможен ввиду отсутствия понятия стоимости.

Устанавливая факт постепенного перехода от случайного, единичного обмена к массовому, постоянному, стремясь открыть закон, управляющий обменом товаров, Аристотель поднимался от явлений к сущности, от единичного к общему, разрабатывал экономические категории (понятия) товарного производства.

Аристотель не мог открыть субстанции стоимости не потому, что тогда она не существовала, а потому, что общественные условия рабовладельческого строя исключали возможность формирования такой абстракции. «Но того факта,— подчеркивал К. Маркс,— что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд,— этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил» [31]. Вот почему в работах Аристотеля не была выявлена связь между трудом и стоимостью. При господстве натурального хозяйства сами товарные отношения были далеки от своего полного развития. Чтобы признать, что в обмене товаров проявляется их общая основа — стоимость, а эту последнюю свести к общему, равному, одинаковому человеческому труду, для этого Аристотелю необходимо было согласиться с тем, что труд рабов, метеков и граждан ничем не отличается один от другого и измеряется лишь его продолжительностью. В рабовладельческом обществе не могла господствовать мысль о равенстве труда социально неравных людей и возникнуть научное понятие стоимости.

Напротив, Аристотель был глубоко убежден в бесполезности поисков равенства в труде. В то же время в составе издержек производства Аристотель придавал наибольшее значение труду. Буржуазные экономисты затушевывают это очень важное для анализа взглядов Аристотеля положение.

Аристотель считал, что товары сами по себе несоизмеримы, но становятся таковыми через посредство денег, поскольку это необходимо для практических потребностей [32]. По существу Аристотель правильно ставил проблему денег как меры стоимости. Если товары соизмеряются деньгами, то они и по существу должны быть соизмеримы. Однако, признав, что в отношениях товаров проявляется равенство, Аристотель содействовал анализу общественной меры товарной стоимости.

Аристотель одобрительно относился к тому виду хозяйствования, который преследовал цель приобретения благ для дома и государства, назвав ее «экономикой». Но деятельность торгово-ростовщического капитала, направленную на обогащение, он характеризовал как противоестественную, назвав ее хрематистикой. К. Маркс в «Капитале» приводил следующие слова Аристотеля: «Товарная торговля»... «по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих» (покупателей и продавцов). Поэтому... первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться в... товарную торговлю, а эта последняя... превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги... «Для нее обращение есть источник богатства... Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена... Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично» [33]. Аристотель пытался выяснить природу этих явлений, определить их историческое место. На этом пути он первый смог установить различие между деньгами как простым средством обращения, и деньгами, ставшими капиталом. Он понимал, что экономика незаметно, но необходимо переходит в хрематистику.

Аристотеля не могла удовлетворить формула «процент есть деньги от денег» или «порожденное подобно породившему», поскольку она указывает лишь на тождество формы существования первоначального и вновь полученного денежного богатства, но не отвечает на вопрос об источ-

нике процента. Из обмена не могут возникнуть новые деньги, поскольку он, по мнению Аристотеля, строится на принципах эквивалентности. Аристотель ясно видел, что процент есть прибыль, «выгода» за счет должника, которую присвоил ростовщик и тем обогатился, и это присвоение есть выражение позорной алчности, порочной скупости. Ростовщик присвоил процент несправедливо, ибо он его не создавал, а вынудил отдать себе. Он сделал деньги источником приобретения новых денег, встав на путь коренного извращения их природы. Недопустимо и недостойно гражданина превращать деньги в предмет собственности, накапливать их. Они предназначены только для обслуживания обращения. В торгово-ростовщическом капитале Аристотель видел силу, которая расшатывает рабовладельческий полис и натуральное хозяйство, разлагает «средний класс», деморализует граждан. Тревога за судьбу рабовладельческого государства, боязнь обострения внутриполитических противоречий между богатыми и бедными — вот что было основным мотивом критики Аристотелем представителей денежного богатства.

В противоположность тем, кто требовал установления имущественного равенства внутри общины свободных, Аристотель выдвигал тезис, что распределение благ должно строиться на принципах «справедливости», т. е. «по достоинству». Это значит, что имущественное неравенство должно сохраниться, но не допускается ни крайнего обогащения, ни обнищания. «Средний достаток из всех благ лучше всего». В принципе распределения «по достоинству» сказывалось стремление идеологов античного мира закрепить сословные и классовые привилегии рабовладельцев [34].

Аристотель считал, что истинное богатство состоит из предметов первой необходимости в хозяйстве со средним достатком, что оно по природе не может быть бесконечным, а должно ограничиваться определенными рамками, достаточными для обеспечения «благой жизни». Хотя торговля возникла в силу необходимости и государство не может обойтись без нее, в то же время недопустимо, чтобы она господствовала. Деньги представляют одну из форм, но не абсолютную форму богатства, так как иногда они обесцениваются и не имеют тогда никакой пользы в житейском обиходе.

Классики марксизма-ленинизма высоко оценивали научные исследования Аристотеля, в том числе по экономи-

ческим вопросам. К. Маркс отвергал тенденциозное утверждение Дюринга, будто древним грекам были доступны только совершенно обыденные идеи [35]. По мнению Маркса, «гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства» [36].

В целом экономическая мысль Древней Греции была своеобразной и довольно зрелой. Она развивалась на первых этапах под влиянием разложения общины и генезиса рабства, а затем в условиях усиления его противоречий в период расцвета и кризиса. Трактовка проблемы рабовладения занимала центральное место. Речь шла о его реабилитации, определении методов эффективной эксплуатации рабов.

На экономическую мысль большое влияние оказывало развитие городов и связанный с этим рост ремесла и торговли. Мыслители Древней Греции понимали значение разделения труда. В период расцвета экономической мысли ее представители пытались анализировать товарно-денежные отношения, условия обмена, деньги. Речь шла не только о советах, как вести хозяйство, но и о попытках теоретического осмысления экономических процессов. Здесь прежде всего следует назвать Аристотеля, который, однако, не смог подняться до анализа проблемы стоимости. У большинства древнегреческих авторов преобладал натурально-хозяйственный подход к экономическим проблемам.

Глава 7

ДРЕВНИЙ РИМ

В экономической истории Древнего Рима выделяются периоды: становления античного полиса и формирования рабовладельческих отношений (V — III вв. до н. э.), расцвета классического рабства (II в. до н. э.— II в. н. э.), а также последний этап римской истории (III — V вв. н. э.), связанный с кризисом рабовладельческого строя, его разложением и феодализацией экономического базиса.

1. Социально-экономические проблемы античного полиса

Социально-экономической основой античного полиса была городская земледельческая община — объединение свободных и равноправных частных земельных собственников. К. Маркс отмечал, что история Рима до падения республики «явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством» [1]. Эта борьба нашла свое отражение в законах, аграрных проектах, произведениях литературы, которые являются важными источниками по истории экономической мысли.

Большое значение в истории Рима имели реформы Сервия Туллия (середина VI в. до н. э.). На основании переписи население делилось на шесть имущественных разрядов. Критерием деления была величина земельной собственности. Люди, не имевшие земли, назывались пролетариями. Реформа была использована для распределения воинской повинности. Но причина ее проведения коренилась в борьбе между патрициями и плебеями. Последние, хотя стали составлять основу римского войска, не имели прав доступа к земле.

Событием в истории Древнего Рима явились разработка (451—450 до н. э.) и обнародование «Законов XII таблиц». Эти законы закрепили право частной собственности, санкционировали правовые различия свободных и рабов, патрициев и плебеев, патронов и клиентов. Плебеям удалось добиться понижения уровня ссудного процента. Однако патриции ввели очень суровую систему долгового права, по которому кредитор распоряжался не только свободой, но и жизнью должника. В 367 г. до н. э. по предложению народных трибунов Секстия и Лициния были приняты важные аграрные законы. Они запрещали патрициям занимать более 500 югеров (125 га) земли и значительно уменьшили задолженность с помощью новой системы уплаты процента. Долги по процентам вычитались из основной суммы долга, а разница выплачивалась в течение трех лет. Принятые законы наносили удар по привилегиям патрициев. Малоземельные плебеи стали переезжать в колонии, разбросанные по всей Италии. Наконец, в 326 г. до н. э. был принят закон Петелия, отменивший долговое рабство. По этому закону римляне отвечали за задолженность только своим имуществом.

Борьба свободных сословий в республиканском Риме (VI — III вв. до н. э.) привела к ликвидации остатков родового строя. Уравнение в правах патрициев и плебеев изменило социально-экономическую структуру римского полиса. Произошло растворение «патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных военной службой крестьян...»[2]. Но это случилось позже — во II—I вв. до н. э. В тот период происходило перерождение римского полиса, связанное с разорением мелких земельных собственников. Римское ополчение пополнялось в основном за счет владельцев мелких парцелл, а победоносные войны давали Риму рабов. В этих условиях выдвижение аграрных проектов и проведение реформ стали велением времени.

Видное место в истории Римской республики принадлежало аграрным проектам братьев Гракх. В 134 г. до н. э. народным трибуном был избран Тиберий Гракх (162—133 до н. э.), который внес законопроект о земельной реформе. Проект подтверждал закон Лициния — Секстия о норме аренды государственной земли (не более 500 югеров). Но если у землевладельца были взрослые сыновья, то двум из них разрешалось отводить дополнительно по 250 югеров каждому. Таким образом, общий земельный фонд римской семьи не должен был превышать 1 тыс. югеров пашни. Все излишки должны были быть возвращены государству. Эти земли составляли новый земельный фонд, из которого безземельные и малоземельные граждане Рима могли получить участки по 30 югеров.

После ожесточенной борьбы законопроект об аграрной реформе был принят. Но сложилась мощная оппозиция, которая пыталась сорвать проведение реформы в жизнь. В 133 г. до н. э. Тиберий Гракх погиб. Однако крупным землевладельцам не удалось отменить аграрного закона Тиберия. Аграрная комиссия продолжала работу, наделяя крестьян землей.

Новый подъем реформаторского движения в республиканском Риме был связан с политической деятельностью младшего брата Тиберия — Гая Гракха (153—121 до н. э.). Чтобы смягчить аграрные противоречия, Гай проводил политику основания новых колоний на государственных землях в Италии и Северной Африке (Карфаген), но в тех провинциях, где крупное землевладение не укоренилось. Однако деятельность Гая Гракха была парализована, а в 121 г. до н. э. он погиб.

Определенный интерес представляют экономические идеи римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.). Одна из вершин его творчества — поэма «Георгики»— своеобразный гимн сельскому хозяйству и крестьянскому труду. Четыре книги поэмы посвящены соответственно земледелию, плодоводству и виноградарству, скотоводству, пчеловодству. Описывая сельскохозяйственные заботы крестьян Италии, давая ценные агрономические советы, Вергилий повсюду обосновывает свою идею о том, что только через труд человек ощущает свое единство с природой. Однако поэт считал, что «недобрый труд все победил» (Георгики, 145—146). Неустанный труд человеку в тягость, а для природы он — насилие. В то же время лишь тяжкий крестьянский труд ведет людей к общему благу. Поэтому Вергилий полагал, что мелкие земледельцы уже живут в золотом веке, не догадываясь об этом. Счастье, по его мнению, заключается в свободе от мнимых благ, корысти, тщеславия и похоти. Поэт мечтал об обновлении жизни.

2. Об организации рабовладельческого хозяйства

Во II — I вв. до н. э. в древнеримской экономике происходят серьезные изменения. Процесс концентрации крупной земельной собственности стал основой перехода от мелкого парцеллярного производства к крупному хозяйству рабовладельческого типа. По сравнению с крестьянской парцеллой организация поместного хозяйства крайне усложнилась. В поместьях широко использовался труд рабов, а также наемных работников. Многие хозяйства были связаны с рынком, зависимы от городского спроса. В этих условиях возникли проблемы рациональной организации рабовладельческих хозяйств. Появились писатели-аграрии, пытавшиеся решить эти сложные вопросы.

Марк Порций Катон (234—149 до н. э.) написал трактат «О земледелии». Это было практическое руководство для хозяина среднего поместья. Катон считал занятие земледелием наиболее достойным делом для свободного гражданина. Из земледельцев выходили «самые верные люди и самые стойкие солдаты»[3]. Земледелие приносит «чистые доходы», которые не вызывают зависти.

Катон рекомендовал приобрести имение в 100 югеров (25 га с небольшим) «с хорошей землей, которая сама родит». Местность, где расположено имение, должна иметь хороший климат, в округе должны быть рабочие руки,

а поблизости — богатый город и средства сообщения (река, море, дорога). Будущий хозяин должен посмотреть, много ли в усадьбе прессов, а также сосудов для хранения земледельческой продукции. Необходимо, «чтобы оборудования было поменьше и чтобы тебе (будущему владельцу.— *Авт.*) не израсходоваться на имении». По мнению Катона, самое лучшее имение должно обладать следующими угодьями: виноградником, поливным огородом, ивняком, масличным садом, лугом, хлебной нивой, лесом и т. д. и т. п. Позднее комментаторы этого места трактата считали, что Катон отобразил шкалу доходности отраслей сельского хозяйства. Это не лишено определенных оснований, поскольку писатель обращал внимание на условия торговли и количество прессов, а на первое место в списке культурных угодий поставил виноградник, а не масличный сад.

Катон был сторонником натурального хозяйства, хотя рекомендовал «продавать вообще все лишнее». Писатель выступал за самообеспеченность поместья, поскольку «хозяину любо продавать, а не покупать». Как рачительный хозяин, Катон советует продавать масло, если оно в цене, тем самым предлагая при организации хозяйства выделять доходные отрасли. Так, на пригородных виллах он рекомендовал возделывать виноград[4]. Однако хозяйственные советы Катона в отношении коммерции звучат робко. Автор трактата как бы нащупывал, исходя из натурально-хозяйственных принципов, те отрасли земледелия, которые потенциально могли стать коммерческими. Эта противоречивость воззрений Катона на характер организации средней рабовладельческой виллы была очень типична для начала II в. до н. э., когда специализация поместий только начиналась.

Катон давал рекомендации и по организации подневольного труда. Каждый раб получал в поместье «задание»— работу определенного вида и ее объем. Подобные «уроки» были стандартными и варьировались в зависимости от местности и личных качеств раба. По данным римских агрономов, раб обрабатывал мотыгой от $^3/_5$ до $^3/_4$ югера в день, косил 1 югер, пахал по тяжелой земле югер за три дня, а по легкой — двое суток. Система «уроков» позволяла рабовладельцу установить, как шла работа в его отсутствие. Рабы должны были работать в дождь и даже по праздникам. Катон советовал подыскивать среди рабов надзирателя (вилика) и ключницу. Вилик должен вести расчет «уроков», разбирать тяжбы

рабов и наказывать виновных. У хорошего вилика рабы всегда в работе. Он «первым встанет с постели и последним ляжет в постель». Вилик должен отчитываться перед хозяином. Работая, он узнает, что у рабов «на уме, и они будут покладистее в работе». Катон устанавливал даже сезонные нормы натурального довольствия рабам, рассчитывал норму соли, определял образцы одежды. Практика ведения рабовладельческого хозяйства показывала, что, непрерывно занимая рабов, необходимо было сокращать и нормы их довольствия.

Помимо рабов Катон предусматривал использование работников, нанятых за деньги или долю урожая. Они могли собирать упавшие маслины и виноград, косить сено. Однако вилику давалась инструкция не задерживать наемных работников в поместье более одного дня.

Как экономист-практик, Катон пытался установить оптимальные пропорции «элементов» производства специализирующихся рабовладельческих хозяйств. По его мнению, оливковую виллу в 240 югеров могли обслуживать 13 работников (вилик, ключница, 5 работников, 3 пахаря, погонщик ослов, свинопас и овчар). Катон скрупулезно перечислял весь набор инструментов и предметов домашнего обихода, вплоть до лоскутных одеял рабов. В винодельческом хозяйстве в 100 югеров может трудиться 16 работников. При этом средства производства и предметы быта представлены гораздо шире, чем в других виллах. Виноградарство было более интенсивным типом агрикультуры.

Значительное внимание Катона к набору средств производства и даже бытовых предметов объясняется стремлением автора повысить доходность имения. Пригородное имение, по его мнению, хозяин «должен устроить и засадить так, чтобы оно было как можно прибыльнее»[5]. Катон первым в экономической мысли Древнего Рима поставил проблему эффективности рабовладельческого хозяйства, связав ее с организацией производства и обмена. Уже в самом начале трактата Катон предостерегает землевладельца от «большого оборудования». Катон стремился достичь соответствующего эффекта через регламентацию не только средств труда, но и самого процесса производства. Огромная роль отводилась хозяину поместья, который должен хорошо знать календарь земледельческих работ и все необходимые агротехнические приемы. Таким образом, рентабельность подневольного труда ставилась в зависимость от множества факторов. В трактате Катона

просматривается идея видеть рабовладельческое поместье не просто формой натурального хозяйства, а организацией производства с определенной рыночной ориентацией.

Известным экономистом-аграрником был Марк Теренций Варрон (116—27 до н. э.), принадлежавший к сословию всадников. До нас дошли три книги его трактата «О сельском хозяйстве», написанные уже в преклонном возрасте. В отличие от Катона Варрон никогда не занимался сельским хозяйством, и его основными источниками были книжные материалы. Композиционно три книги представляют соответственно земледелие, животноводство и приусадебное хозяйство (птицеводство, рыболовство и пчеловодство).

Согласно Варрону, «земледельцы должны стремиться к двум целям: к пользе и удовольствию». Но «польза требует того, что доходно; а удовольствие — того, что приятно; на первом месте скорее стоит полезное, чем приятное». Однако прежде, чем бросать семена в землю, Варрон советует изучить основные элементы Вселенной: воду, землю, воздух и солнце. По его мнению, следует не только хорошо знать свойства местной почвы, но и выяснить, «какое в этом имении оборудование требуется и какое должно иметь для его обработки».

Первая книга Варрона посвящена организации рабовладельческого хозяйства, и преимущественно полеводству. К садоводству и виноградарству автор трактата обращается редко. Хлебные нивы поместий были, по-видимому, немалыми, поскольку Варрон советовал «продать сбор колосьев» после жатвы. Он скептически относился к катоновским принципам подбора оптимального рабовладельческого поместья по размерам угодий и товарной специализации. Облик поместья, по его мнению, определяет агрикультура, а в конечном итоге — свойства почвы. Поэтому ценность имения могут определять не виноградники, как полагал Катон, а хорошие луга. Причем Варрон соглашался с теми, кто считал, что «виноградник сам пожирает свои доходы»[6]. Варрон сомневался в эффективности рабовладельческого хозяйства, практикующего интенсивную культуру винограда.

Для Варрона основная ценность имения — земля. Главное — знать, «какова земля и для чего она хороша или нехороша». Эта идея пронизывает весь труд экономиста-агрария. Влияние природного фактора на аграрную экономику докапиталистических обществ весьма существенно. Не случайно К. Маркс отмечал, что «во всех фор-

мах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой»[7].

Проблема размещения виллы тесно связывается Варроном с ее внутренней организацией. «Имения,— резюмирует он,— у которых по соседству есть места, куда удобно ввозить и продавать произведения своего хозяйства и откуда выгодно ввозить то, что требуется для собственного хозяйства, такие имения уже по этой причине доходны». Так проблема эффективности рабовладельческого хозяйства ставится в зависимость от рыночной ситуации. Организация варроновского хозяйства оказалась несколько более «открытой» для влияния рынка. Варрон в отличие от Катона уже признавал определенную ограниченность натурально-хозяйственных возможностей рабовладельческой виллы, ибо владельцы должны прикупать даже то, что у них производится, но чего не хватает (хлеб, вино). Интересно, что Варрон ориентировался не только на городской, но и на сельский рынок, где можно было выгодно реализовать излишки, даже такие, как колья, жерди и тростник. Несмотря на предлагаемую им более «глубокую» коммерческую ориентацию рабовладельческого имения, Варрон не смог до конца отказаться от натурально-хозяйственных принципов организации производства. Он по существу выделял два типа рабовладельческого хозяйства: пригородные имения и отдаленные поместья. Рыночная ситуация могла сложиться так, что «невыгодно иногда даже разводить что-нибудь у себя в имении, хотя бы ты (хозяин.— *Авт.*) и мог это сделать»[8]. Поэтому идея Варрона о доходе «от излишка» сочеталась с мыслью о влиянии рынка на организацию хозяйства.

Касаясь средств, «которыми возделывают землю», Варрон выделял «орудия говорящие, бессловесные и немые». «Говорящие орудия»— это рабы, «бессловесные»— волы, рабочий скот, а «немые»— телеги, грабли, корзины и т. д. Трактат Варрона был написан после восстания Спартака: хозяину приходилось организовывать малоэффективный рабский труд в новых условиях. Поэтому Варрон считал, что «рабы не должны быть ни робки, ни дерзки». Он отговаривал рабовладельцев использовать бич, если желаемого можно добиться словом. Варрон рекомендовал применять более гибкие методы принуждения к труду. По его мнению, «не следует покупать много рабов одной и той же народности». Варрон советовал даже совещаться с прилежными рабами. Рабы лучше работают, если «хозяин щедрее оделяет их пищей, не скупится на

одежду, позволяет отдохнуть и дает некоторые льготы, например разрешает в имении пасти свою скотину и т. д.». Перед нами уже не катоновский образ раба с относительно скудными нормами довольствия, а раб сытый, экипированный и обладающий некоторым имуществом.

Варрон советовал помимо вилика найти среди рабов грамотного и сведущего в хозяйстве распорядителя, которого следовало «наградить» рабыней. Как рачительный хозяин, Варрон задумывался и над проблемой естественного воспроизводства рабов. В трактате он намекал на возможность появления у рабов семей, потомство которых будет привязано к поместью.

По мнению Варрона, на больших сельскохозяйственных работах — сбор винограда, жатва — лучше использовать труд наемных работников. Римский ученый хорошо понимал ограниченные возможности рабского труда.

Эффективность работы рабовладельческого хозяйства зависела от его внутреннего устройства. В этой связи Варрон подверг критике катоновские нормы соотношения культурной площади и ее рабской обслуги. По его мнению, количество рабов нужно определять в соответствии с характером местности, агрикультуры и размером имения. Большое значение при этом имел опыт предков и практика. Варрон указывал, что обычная величина обширных имений (латифундий) — это 200 югеров земли. Ученый скептически отнесся и к катоновским нормам тяглового скота на единицу площади. Он подчеркивал необходимость содержания домашних животных, «которые обычно даются в собственность рабам, чтобы им легче жилось и они были бы прилежнее». За счет смягченных форм рабства Варрон стремился решить многие проблемы организации рабовладельческого хозяйства. Определенная натурально-хозяйственная ориентация поместья просматривалась и при решении проблемы воспроизводства «немых» орудий труда. Варрон настоятельно советовал не «покупать того, что могут сделать свои же люди (рабы.— *Авт.*) и из материала, который растет в имении...»[9]. Покупать следует хорошие, но и самые дешевые инструменты. Их набор и количество должны соответствовать характеру производства и размерам хозяйства.

Варрон жил в период, когда происходило развитие товарно-денежных отношений. Рост товарности рабовладельческих хозяйств сопровождался интенсификацией агрикультуры. Однако достичь подобного в условиях малоэффективного рабского труда было трудно. Не случайно

Варрон сомневался в рентабельности винодельческого поместья — хозяйства наиболее интенсивного типа. Отсюда его стремление создать условия, чтобы у раба была «охота к работе». Варрон не забывал и о натурально-хозяйственных возможностях рабовладельческого имения. Он по существу показал, что в Риме II — I вв. до н. э. господствовали рабовладельческие хозяйства полунатурального-полутоварного типа.

С I в. н. э. в организации рабовладельческого производства происходили существенные изменения. Упадок средних рабовладельческих поместий интенсивного типа сопровождался определенным подъемом латифундий, переходивших к колонатному земледелию. Труд колонов был производительнее рабского. Сдвиги в сельском хозяйстве нашли прямое отражение в экономической мысли того периода.

Важное место в истории римской экономической мысли принадлежит Юнию Модерату Колумелле, написавшему 12 книг о сельском хозяйстве. Труды Колумеллы не поддаются точной датировке, но третья книга относится к 62—65 гг. н. э. Колумелла был глубоким знатоком сельскохозяйственной литературы и хорошим практиком. Он был свидетелем кризисных явлений рабовладельческой экономики: происходило падение производительности рабского труда, многие культурные земли в Италии не возделывались и превращались в пастбища.

Уже в предисловии к первой книге Колумелла вступил в полемику с теми представителями римской науки, которые видели причины определенного упадка хозяйства в бесплодии земли и плохом климате. Главное, по его мнению, то, что сельское хозяйство отдается, «как палачу, на расправу самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом»[10]. Колумелла сознавал ограниченные возможности рабского труда, но его рецепты исходили из факта существования рабовладения. Колумелла призывал рабовладельцев избавиться от «негодных», нерадивых рабов, «организовывать их трудолюбие». Сделать это было крайне трудно. Поэтому в истории римской экономической мысли фигура Колумеллы выглядит в определенной мере драматично.

Для перестройки рабовладельческого хозяйства Колумелла предложил целую систему мероприятий. Как рабовладелец-практик, он выступил решительно против экстенсивного пути развития рабовладельческого поместья.

Если Катон и в определенной мере Варрон пытались установить нормы земельной площади рабовладельческого хозяйства, то Колумелла отказался от этого. Для него «несомненно, что огромное худо возделанное пространство дает меньше, чем маленький прекрасно обработанный участок». Главное, есть ли у покупателя имения деньги. И при занятии сельским хозяйством «недостаточно знать или хотеть, если нет требуемых на работу денег». А при наличии необходимых средств «с сельским хозяйством можно управиться без тонкостей, но оно не терпит и глупости». Эта антиномия Колумеллы полна глубокого смысла. Экономист понимал, что даже при использовании «прилежных» рабов трудно применить «тонкости». В то же время все книги Колумеллы указывают на необходимость самого тщательного ведения хозяйства в условиях рабовладения.

Колумелла считал, что основная цель покупки имения — получение дохода. Но «разумный человек не станет покупать землю в любом месте, поддавшись на соблазн плодородия или красивого местоположения». По его мнению, хороший хозяин сможет сделать доходным всякий участок, а его усердие сможет победить и бесплодие земли. Настоящий хозяин земли добьется того, «чтобы выращивать на ней как раз то, что пойдет там всего лучше». Колумелла вел открытый спор с экономистами-аграриями, придававшими слишком большое значение естественному плодородию почвы. По существу Колумелла первым в античной мысли поставил проблему интенсивного пути развития рабовладельческого хозяйства. Он разработал целую систему искусственного удобрения почвы, смело выступил за проведение агротехнических опытов, призывая хозяев не скупиться на эксперименты. При таком способе ведения хозяйства любые земли принесут землевладельцу доход.

Советуя рабовладельцам интенсифицировать хозяйства, Колумелла считал при этом необходимой реорганизацию рабского труда. Одна из основных его идей — специализация рабов. В новых условиях ведения агрикультуры Колумелла рекомендовал привлекать квалифицированный рабский труд. Так, он советует не останавливаться перед уплатой 8 тыс. сестерциев за опытного раба-виноградаря. Колумелла рекомендовал добиваться естественного воспроизводства рабов прямо в хозяйстве, предлагая освобождать многодетных рабынь от работы и даже предоставлять им вольную. Он признавал правильными все ме-

тоды принуждения для превращения негодных рабов в прилежных работников: от поместной тюрьмы в подвале до «обмена» шутками с рабами. Это, по мнению Колумеллы, вместе с совместным обсуждением новых работ, «заботой» о жизни рабов, разрешением им жаловаться на жестокое обращение способствует росту производительности труда. Однако Колумелла понимал, что организация работы рабов, даже в присутствии приказчика и надсмотрщиков, могла быть некачественной. Раб, «чтобы набрать то число, которое ему заказано приказчиком, работает невнимательно и недобросовестно...». Колумелла видел ограниченные возможности рабовладения, но все же надеялся компенсировать их совершенствованием агрикультуры с помощью раба-специалиста, опытного вилика и, наконец, строгого и квалифицированного хозяина имения. Не случайно «хозяйский глаз» является важнейшим фактором организации труда в поместье. И Колумелла советует приобретать имения в пригороде, чтобы чаще туда наведываться.

Понимая, что перестроить рабовладельческое хозяйство будет трудно, Колумелла предлагал сдавать землю в аренду свободным колонам. Он даже советовал заменить ими рабов-приказчиков. Тем самым Колумелла перечеркивал свою идею об определенных возможностях рабского труда при интенсивном рабовладельческом производстве.

Современником Колумеллы был Гай Плиний Старший (23—79 н. э.). Он не написал специального агрономического трактата. Но этот энциклопедически образованный человек создал обширный труд —«Естественную историю»— в 37 книгах. Его сочинение охватывало все отрасли современного ему знания.

Если у Колумеллы были еще какие-то иллюзии относительно рабовладения, то Плиний прямо осуждал рабовладельческие отношения. Он вспоминал прежние времена, когда в Риме считали «вредным» гражданина, «которому семи югеров недостаточно». Земля была плодородна, так как тщательно возделывалась руками даже самих полководцев. «А ныне,— отмечал Плиний,— те же поля возделывают скованные ноги, осужденные руки, клейменые лбы...» Поэтому стоит ли удивляться, «что плоды работы порабощенных узников не те же, что были у победоносных полководцев». Плиний осуждал не только рабство, но и крупное землевладение. По его мнению, «латифундии погубили Италию», поскольку «в старину полагали, что

прежде всего надо ограничивать размеры имения, считая, *что лучше меньше сеять и лучше пахать».*

Плиний снова ставит вопрос об эффективности земледельческого труда. Он считал, что наилучшая обработка земли убыточна, поскольку она вызывает большие расходы. Но «хорошо обрабатывать землю все же необходимо». Поэтому Плиний советовал возделывать угодья «и плохо и хорошо», подразумевая под «плохо» только «наибольшее сокращение расходов». Так Плиний выступил антиподом Колумеллы, который советовал проводить агротехнические эксперименты, не считаясь с издержками производства. Плиний призывал землевладельцев к умеренности. По его мнению, плох хозяин, который покупает то, что можно получить в своем имении. Он вновь предложил аграриям использовать натурально-хозяйственные возможности в организации производства.

Плиний не одобрял чрезмерную интенсификацию хозяйства, которая невозможна и даже убыточна в условиях рабовладения. Но он отмечал, что «земледелие основано на труде, а не на расходах, а поэтому предки наши и говорили, что самое полезное для поля — хозяйский глаз». Поэтому необходимы выхоленные рабы, железные орудия превосходной работы, сытые волы[11]. Плиний понимал, что для организации труда нужны затраты, и немалые. Это противоречило его концепции экономного ведения хозяйства, тем более что при Плинии произошло существенное совершенствование многих орудий земледелия. Очевидно, что новая, более дорогая земледельческая техника не могла найти применения в условиях рабовладения. Рабам больше соответствовали грубые, неуклюжие орудия труда, не подверженные порче.

Плиний Старший представлял другое, нежели Колумелла, направление экономической мысли, которое стремилось приспособиться к хозяйственной ситуации и сохранить достигнутый уровень интенсивности производства. Он выступал за натурализацию хозяйства, пропагандировал «прилежный» рабский труд новыми, но самыми дешевыми орудиями. Однако в новых условиях это привело бы к падению эффективности рабского труда, поскольку повышение издержек производства было бы неизбежным. Поэтому римский ученый в конце концов отдал предпочтение колонату — форме производства, переходной от рабовладения к феодализму.

3. Цицерон и Сенека о рабовладельческом строе

К I в. до н. э. произошло существенное перерождение античного строя. Аграрные отношения определялись господством крупного землевладения, которое поглощало мелкие крестьянские парцеллы. «Социальный мир» внутри гражданской общины был нарушен. Нарастали негативные явления и в рабовладельческой организации производства. Римская республика вступила в период заката, обострения борьбы за власть.

Экономические и социальные проблемы развития рабовладельческого строя этого периода находят отражение в трудах крупного политического деятеля, адвоката и знаменитого оратора Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.). Он был представителем сословия всадников, тесно связанного с римской знатью.

В диалоге «О старости» Цицерон резко критиковал паразитический образ жизни знати, предававшейся плотским наслаждениям. Зато необычайную радость, по его мнению, доставляет занятие земледелием. Для Цицерона «хорошо обработанную землю ничто не может превзойти ни по доходности, ни по красоте». Земледельческий труд приносит человеку изобилие. «У хорошего и рачительного хозяина всегда полный винный погреб, кладовая для масла, как и кладовая для припасов, а в усадьбе полный достаток...» Цицерон считал полезными труды Ксенофонта, посвященные сельскому хозяйству, особенно «Домострой». В молодости знаменитый оратор перевел эту книгу на латинский язык. Цицерон выступал как активный сторонник натурально-хозяйственной концепции, полагая, что занятие земледелием приводит к «полному изобилию всего того, что нужно для жизни и для служения богам»[12].

Рим представлял для мыслителя идеальную модель мира с самым правильным укладом жизни. Разрушение, уничтожение римского полиса означало для Цицерона «гибель и уничтожение всего этого мира». Поэтому он не сомневался, что «государство должно быть устроено так, чтобы быть вечным»[13]. Политический кризис I в. до н. э. был результатом глубоких изменений в экономическом базисе «вечного города». Свободный античный полис представляли неравные в экономическом отношении сословия. Процесс концентрации земельной собственности в руках знати, развитие рабовладельческих отношений привели к перерождению гражданской общины Рима.

Основным политическим кредо Цицерона стал лозунг «согласия сословий». Он полагал, что государство, «с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию самих исходных начал; тем, что музыканты называют гармонией в пении, в государстве является согласие, эта теснейшая и наилучшая связь, обеспечивающая безопасность в каждом государстве и никоим образом невозможная без справедливости»[14]. Цицероновский проект «равенства» на основе различий (имущественное положение, «достоинства») выглядел по меньшей мере утопично. Но градация свободных «по достоинству» считалась Цицероном справедливой.

Цицерон был идеологом республиканского строя того периода, когда началась агония демократических институтов полиса. Будучи убежденным сторонником «сенатской республики», он считал «мир сословий» необходимым условием поддержания господствующих классов.

Вершиной творчества Цицерона стал его последний трактат —«Об обязанностях», представляющий собой оригинальное сочетание политико-правовых, философских и экономических идей. В нем автор пытался нарисовать образ идеального гражданина Рима безотносительно к его сословной принадлежности. По мнению Цицерона, любой области деятельности соответствуют свои обязанности, исполнение которых и является нравственным смыслом жизни. Высшее благо не имеет отношения к удобствам, и только нравственно-прекрасное должно стать предметом стремлений гражданина. Цицерон считал нравственно-прекрасными четыре основные добродетели: познание истины, справедливость-благотворительность, величие духа и умеренность. С экономической точки зрения интерес представляет «двуединая» добродетель: справедливость-благотворительность. Понятие «справедливость» было одним из стержневых в концепции государства Цицерона: именно на ее основе достигается искомое «согласие сословий». Цицерон подчеркивал, что «первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием; затем — в том, чтобы пользоваться общественной собственностью как общественной, а частной — как своей». Цицерон обратил внимание на то, что частной собственности от природы не бывает, что она — результат оккупации свободных земель вследствие побед в войнах или посредством

законов, соглашений, жеребьевок. А поскольку «частная собственность каждого из нас образуется из того, что от природы было общим,— пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества». Идея Цицерона о «справедливости» собственности основана на неравенстве распределения последней. Он оправдывал захватнические войны, оккупацию государственных земель знатью, «законное» поглощение крупным землевладением мелких парцелл крестьян. В то же время интересы людей как частных земельных собственников определенным образом связывали разные сословия в единое гражданское общество. Цицерон ближе всех из римских мыслителей подошел к пониманию этой существенной черты античного полиса.

Но в мире, по убеждению Цицерона, была и несправедливость. Она проявлялась в страхе, корыстолюбии, жажде славы. Забота о своем имуществе, если она не вредит другому, вовсе не порок. Таким образом, высшая справедливость, которой должен следовать гражданин,— это неприкосновенность собственности. Поэтому его первейшая обязанность — охрана этой неприкосновенности. Вот почему Цицерон всегда оставался ярым противником всяких аграрных законов, кассаций долгов и любых вторжений в «священное царство» собственности.

Цицерон полагал, что справедливость необходима и по отношению к рабам. Поэтому «правы те, кто советует обращаться с ними как с наймитами: требовать от них труда, предоставлять им все положенное»[15]. Рассуждая о рабстве, Цицерон отмечал, что противозаконие совершается либо в результате насилия, либо с помощью обмана. Тем самым он косвенно разоблачал рабовладение. Он сомневался и в справедливости рабского состояния работников, советуя предоставить им статус свободных наемников.

Другой важной чертой добродетельного гражданина, по мнению Цицерона, должна быть благотворительность. Он считал ее более всего соответствующей человеческой природе. Люди живут в обществе и обязаны помогать друг другу. При этом Цицерон указывал на необходимость благочестивого отношения к отечеству, семье и близким друзьям.

Кризисные явления в рабовладельческой экономике I — II вв. н. э. нашли наибольшее выражение в учении римских стоиков. Стоики проповедовали политическую

пассивность, индивидуализм, этику нравственного самосовершенствования. Их идеи полны пессимизма. Наиболее ярким представителем идеологии римского стоицизма был Луций Анней Сенека (около 4 до н. э.— 65 н. э.). Он советовал человеку избрать такую линию поведения, которая обеспечит ему «блаженную жизнь». Нравственная цель личности определялась совершенствованием разума. В условиях рабовладельческого строя Сенека отстаивал идею духовной свободы и равенства всех людей. Согласно его представлениям, поработить можно только телесную оболочку человека, но никак не его душу, разум. «Он раб! — замечал Сенека.— Но, быть может, душою он свободный». Согласно Сенеке, рабы по сути своей равны другим людям, которые обладают теми же душевными качествами. Свободный дух раба неподвластен купле-продаже, как его тело. Сенека считал, что рабы для рабовладельца должны быть прежде всего людьми. Они —«соседи по дому», «смиренные друзья», «товарищи по рабству», поскольку над всеми одинакова власть фортуны. Равным образом любой мог стать и свободнорожденным, и рабом. Поэтому только величие души делает человека благородным, который из любого состояния может подняться выше судьбы.

С рабами нельзя обращаться как со скотом. Сенека советует: «Обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобой обращались стоящие выше». И моралист призывал «наказывать» рабов словами. Но Сенека, резко критикуя рабство, не видит нужды в освобождении рабов. Если рабы благородны духом, то они сами возвысятся над своим рабским состоянием, в противном случае свободу можно обрести через смерть. По Сенеке, нравственное чувство может подсказать человеку, когда самоубийство — лучший вариант свободы. Здесь моралист логически завершает свою этическую концепцию рабовладения. Нравственное пробуждение раба могло привести к пониманию безысходности его положения, а значит, к моральному оправданию самоубийства. Критикуя рабовладение, Сенека не находил никакой альтернативы. Его взгляд на участь раба был полон пессимизма.

Концепция рабства Сенеки имела еще одну важную сторону: и невольники и свободные — рабы фортуны. Но кроме «поголовного рабства» от судьбы есть и «добровольное рабство» от пороков. «Покажи мне, кто не раб,— призывал Сенека.— Один в рабстве у похоти, другой — у скупости, третий — у честолюбия и все — у страха»[16].

Сенека стремился доказать, что раб — не «говорящее орудие» или быдло, а человек. Эти взгляды выглядели крайне радикально и предшествовали идеям раннего христианства.

4. Экономическая политика римских императоров

Кризис республиканского строя в Риме и гражданские войны I в. до н. э. привели к торжеству императорской власти. Первым императором (принцепсом) Рима стал Октавиан Август (63 до н. э.— 14 н. э.). Август проводил политику «умиротворения» империи, т. е. стабилизации рабовладельческого строя. В первые годы нашей эры был издан закон, запрещающий отпуск рабов на волю ранее 20 лет со дня их покупки. Господин, объявлявший рабам волю, был обязан платить 5%-ный налог с его стоимости. По предложению Августа был восстановлен древний закон, санкционировавший казнь всех рабов и вольноотпущенников, которые находились в доме в момент убийства хозяина. Он задабривал плебейские слои, раздавая дешевый хлеб, деньги и устраивая для них массовые зрелища. Август сконцентрировал в своих руках финансы и военную силу государства. Внешняя политика императора была направлена на расширение территории государства и захват рабов. Эту политику проводили и другие императоры.

Кризис III в. н. э. потряс основы рабовладельческого строя Древнего Рима. Наблюдался упадок сельского хозяйства, свертывалась торговля, расстроилось денежное обращение. Большое распространение получил колонат. В этих условиях император Диоклетиан (284—305 н. э.) встал на путь реформ. Он пытался стабилизировать денежное обращение. В 286 г. была прекращена чеканка низкопробной монеты. В обращение были пущены новые полноценные золотые, серебряные и медные монеты. Но реформа была недостаточно продумана. Так, например, рыночная стоимость золота оказалась выше стоимости новой золотой монеты. И новые деньги стали быстро исчезать из обращения, а государству пришлось возобновить выпуск низкопробных монет. Была изменена система налогообложения. Большая часть податей стала взиматься не деньгами, а в натуральной форме. Для этого в 289—290 гг. была проведена всеобщая перепись населения. Величина налогов рассчитывалась на пять лет, а затем пересматривалась. Податная система устанавливала единые

размеры налогов. Вводилась поголовная подать для всех жителей империи. Горожане платили подушный налог. Раскладка налогов происходила на основе строго составленных описей — кадастров. За поступление налогов с рабов и колонов отвечали землевладельцы, а с горожан — члены городских курий. Реформа способствовала прикреплению трудящегося населения империи к месту жительства.

Диоклетиану так и не удалось упорядочить денежное обращение. Рост товарных цен в империи отражался на поступлении налогов. В 301 г. император издал эдикт о твердых ценах и о твердых ставках заработной платы. Для борьбы со спекулянтами на многих рынках были сооружены плахи, и «дежурные» палачи могли без проволочки привести приговор в исполнение. Но твердые цены и ставки заработной платы, указанные в законах, были приняты произвольно, не учитывали хозяйственную ситуацию отдельных частей государства.

Реформы Диоклетиана продолжил император Константин (306—337). При нем удалось наконец более точно вычислить рыночную стоимость золота в слитках. Но в отличие от Диоклетиана новый император ввел монометаллизм. В обращение был пущен золотой солид весом $^1/_{72}$ римского фунта. Из серебра чеканили только мелкую разменную монету. Но, несмотря на некоторый успех реформы, в обращении наряду с солидами продолжали находиться слитки золота и серебра.

Венцом экономической политики Константина стал специальный закон «О беглых колонах», изданный в 332 г. н. э. Уход колонов приводил не только к свертыванию сельскохозяйственного производства на местах — не действовала вся система налоговой эксплуатации трудящегося населения, поскольку подати могли взиматься лишь при условии обработки земли. Закон призывал возвращать беглецов в поместье, а в наказание — заставлять работать в цепях. Колоны прикреплялись к своим участкам навечно. Политика закрепощения колонов свидетельствовала об углублении процесса феодализации экономики Древнего Рима.

5. Экономические идеи первоначального христианства

Возникшее в Римской империи христианство — самая распространенная религия, господствующая до сих пор во многих странах мира. Изучение экономи-

ческих идей этой религиозной доктрины важно не только для характеристики идеологии Римской империи, но и потому, что многие экономические концепции поздней античности, средневековья и нового времени имели религиозную окраску, развивались в рамках христианского мировоззрения, апеллировали к христианским нормам морали и права.

В данном параграфе будут рассмотрены лишь экономические воззрения первоначального христианства (I — II вв. н. э.), которое в дальнейшем за короткий промежуток времени превратилось из учения иудейской секты в государственную религию Римской империи.

Христианство возникло в условиях экономического, политического и морального кризиса римского общества. Результатом римских завоеваний стало нивелирование национальных и культурных различий входящих в империю народов. На передний план все более выступали не национальные и этнические особенности отдельных народов, а пропасть между бедными и богатыми гражданами. Именно в это время возникает острая потребность всех классов в такой религии, в которой можно было бы «спастись» от господствовавшей в обществе социальной несправедливости. Старые религии были разрушены или пришли в упадок вместе с падением культивировавших их государств. Новой религии необходимо было подняться над этнической ограниченностью и сословными предрассудками. Религия должна была стать простой и понятной верующим, способной указать решение возникших проблем. Этим требованиям удовлетворяло учение, родившееся на почве иудаизма и вобравшее в себя многие элементы восточных религий (почитание иранского божества Митры, египетского культа Исиды и Осириса и т. д.) и античных философских течений (учение стоиков, а позднее — неоплатонизм и др.).

Главной идеей христианства является идея греха и спасения человека. В существующих порядках повинны все люди, начиная от Адама и Евы, совершивших «первородный» грех. Умерший мученической смертью Христос искупил этот грех и тем указал путь к спасению. Вера в Иисуса Христа — этого «великого божественного спасителя»— условие очищения от греха. Раскаяние в грехах и благочестивая жизнь — необходимое условие достижения царства небесного после смерти. Грешникам и стяжателям уготован ад на том свете, а на этом — второе пришествие Христа и Страшный суд. «...Общераспространен-

ному чувству, что люди сами виновны во всеобщей испорченности,— писал Ф. Энгельс,— христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя христианство создало легко понятную форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились»[17].

Хотя раннее христианство первоначально было религией отверженных и угнетенных, оно не было ориентировано на какой-либо богоизбранный народ, социальную группу или определенный класс. Оно было обращено ко всем людям, ко всем, кто проявлял веру в божественного спасителя (Мессию), в Христа, в его искупительную жертву.

Выражая интересы разных классов и социальных групп, христианство с самого начала было глубоко и внутренне противоречиво. Экономические воззрения христианства, как и вероучения в целом, сформировались в борьбе различных течений. В результате одни произведения были признаны «истинными» и канонизированы, другие не были канонизированы, а третьи осуждены как ереси. Лишь 27 произведений (написанных во второй половине I — начале II в. н. э.) в IV в. были канонизированы, составив Новый завет. В него входят четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), Деяния святых апостолов, 21 послание (14 из которых приписываются святому Павлу, 3 — Иоанну, 2 — Петру, а также Иакову и Иуде) и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). Кроме канонизированных текстов раннехристианская литература включает Священное предание: Учение двенадцати апостолов (Дидахе), Пастырь Герма и др.— и неканонизированные тексты: некоторые Евангелия (Истины, от Петра, Фомы), апокрифическую апокалиптику и др.

Важное социально-экономическое значение имела христианская проповедь равенства. И хотя она доказывалась теологически (основой равенства людей является то, что все они грешны перед богом), идея равенства была направлена не только против племенных и этнических различий, но и против рабовладельческого строя. Это особенно ярко выражено в Посланиях к Колоссянам и к Галатам, приписываемых апостолу Павлу. «...Нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного...» (Кол., 3:11; Гал., 3:28). Равенство людей перед богом выступает как основной вид равенства, от которого все другие виды производны. Для экономической мысли важное значение

имело утверждение необходимости поступать друг с другом по справедливости. «...Какою мерою мерите,— говорится в Евангелиях от Марка, Матфея и Луки,— такою отмерено будем вам» (Мк., 4:24; Мф., 7:2; Лк., 6:38).

С идеей равенства тесно связано утверждение всеобщей обязанности трудиться. «Если кто не хочет трудиться,— написано во Втором послании Павла к Фессалоникийцам,— тот и не ешь» (2 Фес., 3:10). Труд является основой жизни людей, поэтому и распределение должно осуществляться по труду. «...Каждый,— утверждается в Первом послании Павла к Коринфянам,— получит награду по своему труду» (I Кор., 3:8). Моральному осуждению в раннехристианской литературе подвергается не только воровство (Еф., 4:28), но и социальное неравенство, в частности разделение людей на богатых и бедных. Богатство рассматривается в Первом послании Павла к Тимофею как «корень всех зол» (I Тим., 6:10).

Раннехристианская литература осуждает ростовщичество и запрещает взимать ростовщический процент. «Взаймы давайте,— говорит Христос в Евангелии от Луки,— не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Богатым нет места в «Царстве Божием». «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,— утверждается в Евангелиях от Матфея и Марка,— нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф., 19:24; Мк., 10:25). Что же делать тогда с богатством? «Если хочешь быть совершенным,— написано в Евангелии от Матфея,— пойди продай имение твое и раздай нищим» (Мф., 19:21).

Отказ от частной собственности приводил наиболее радикальных представителей раннего христианства к идеям коллективизма и обобществления имущества. Элементы коллективизма имели широкое распространение в предхристианских (кумранских) общинах ессеев (конец II до н. э.— I н. э.)[18]. «Следы общности имущества, которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии,— писал Ф. Энгельс,— объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве»[19].

Попытки обобществления собственности в условиях Римской империи не могли не иметь утопический характер. Вскоре они были окончательно преодолены трансформирующейся христианской церковью. Для нас они важны потому, что радикальные моменты раннего христианства явились идейными истоками крестьянско-плебейских ересей средневековья и даже утопического социализма.

В раннем христианстве же постепенно нарастали консервативные тенденции. Они были связаны не только с изначально присущей внутренней противоречивостью нового учения, но и со стремлением превратить его в господствующую религию. Усиление этих консервативных тенденций связывают обычно с деятельностью апостола Павла и его последователей. Меняются акценты. Внимание верующих переключается с критики социальных порядков на обличение соперничающей религии — иудаизма и осуждение многочисленных сект и философских течений (арианства, манихейства, неоплатонизма и т. д.). Усиливается признание и оправдание существующих порядков, перенесение требований о вознаграждении за терпение и страдание с этого мира на мир потусторонний, загробный. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван,— говорится в Первом послании Павла к Коринфянам.— Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед Богом» (I Кор., 7:20—24). Оправдывается рабство и существующая политическая власть. Более того, рабов призывают повиноваться рабовладельцам. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Еф., 6:5). Предпринимаются попытки оправдать богатство, от богатых ждут теперь не только раздачи милостыни бедным, но и крупных пожертвований в пользу церкви (2 Кор., 8:14; I Тим., 6:17—18). Перерождающееся христианство подготавливает идейные предпосылки феодальной формации.

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

Новый этап в развитии экономической мысли связан с эпохой феодализма. В этот период складываются европейские народности и образуются централизованные государства, растет материальная и усложняется духовная культура. Усиливается неравномерность в развитии экономической мысли отдельных стран и регионов. В этом сказывается не только влияние античного наследия, но и особенности господствующего социально-экономического строя.

Главными моментами генезиса феодального способа производства были превращение свободных производителей материальных благ и рабов в феодально-зависимых крестьян и образование крупного феодального землевладения. Эти процессы были подготовлены феодальными тенденциями, возникшими в процессе разложения первобытнообщинного строя и античного общества.

После падения Западной Римской империи (V в. н. э.) в появившихся на ее территории варварских королевствах происходил синтез феодальных элементов, существовавших в порах античного общества и первобытнообщинного строя германцев и кельтов. Ранее свободные общинники попадают в личную, поземельную и судебно-административную зависимость от феодалов — владельцев феодов — условной наследственной земельной собственности. Складываются феодальная иерархия и система вассалитета. Наиболее быстро феодализм возникал там, где эти элементы гармонически дополняли и ускоряли друг друга (в Северной Франции). Там же, где доминировало античное наследие (в Византии и в странах Южной Европы), темпы феодализации замедлялись. Сильное государство, развитые частная собственность и товарно-денежные отношения, длительное сохранение рабовладельческой формы эксплуатации стали факторами, препятствовавшими генезису классического феодализма. Более медленными были темпы феодализации и там, где феодализм склады-

вался в основном на базе разлагавшегося первобытнообщинного строя (например, в Британии, Скандинавии, у западных и восточных славян), а влияние античности было более слабым и непоследовательным. Это проявилось в длительном сохранении свободного крестьянства, некомпактности феодальной вотчины, пережитках догосударственных форм управления.

Постепенно в феодальном обществе оформляются четыре класса-сословия: крестьян, светских феодалов-рыцарей, церковных феодалов-священнослужителей и горожан-бюргеров. Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свою идеологию, имело свои экономические представления. Однако, прежде чем проанализировать эти особенности, отметим общие черты, типичные для феодального мировоззрения в целом.

Феодальная экономика носит аграрный характер, господствует натуральное хозяйство, «главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа*»[1]. Человек был подавлен в борьбе с природой, производительность его труда была результатом не только его личных усилий, но и естественных производительных сил, его деятельность зависела от биологических циклов природы. Не будучи в силах объяснить природные процессы, человек средневекового общества постоянно боялся разорительных стихийных бедствий: неурожая, наводнения, засухи и т. д., наивно верил в сверхъестественное и пытался отгородиться от него строгим соблюдением обрядов, различного рода ритуалов, заклинаний и молитв. Он опасался нововведений и ориентировался на старину, апеллировал к традиционным нормам морали и права. И при всем при том был сравнительно молодым (средняя продолжительность жизни в эпоху средневековья была относительно невысока).

Гарантией от последствий стихийных бедствий и непредвиденных обстоятельств была принадлежность к какой-либо общине, коллективу, с интересами которого средневековый человек соотносил свою деятельность, поступки, мысли. В этом проявлялась всеобщая личная зависимость, которая распространялась на отношения не только между антагонистическими классами, но и внутри их. «...Мы находим здесь людей,— писал К. Маркс, характеризуя «мрачное европейское средневековье»,— которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального

производства, так и основанные на нем сферы жизни»[2]. Вертикальные связи иерархического типа в этом обществе дополнялись горизонтальными связями, представленными различного рода корпорациями, такими, как соседские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские братства, рыцарские ордены.

Мышление средневекового человека носило телеологический характер. Ведущую роль в Европе играла христианская церковь. Это предопределило двойственность, своеобразный дуализм феодальной культуры. Латынь стала универсальным языком образованной части западноевропейского общества, сохранившим, хотя и в трансформированном и переосмысленном виде, наследие античного мира. Однако наряду с латынью, знание которой было уделом лишь немногих, развиваются национальные языки, пробивающие себе дорогу среди обилия диалектов и наречий. Раннесредневековая культура носила в основном устный характер. Записи фиксировали текущие события, делались «для памяти». Не следует забывать и о синкретизме средневековой духовной культуры, из которой экономическая мысль еще не вычленилась в самостоятельную область знания. То, что может быть отнесено к экономической мысли, проникнуто духом «практицизма». Средневековые трактаты переполнены конкретными хозяйственными советами, различного рода практическими рекомендациями, в них мало места занимают теоретические обобщения или попытки осмысления социально-экономических процессов. Занятый войнами, охотой, любовными похождениями и личным самоутверждением, средневековый рыцарь, как и класс светских феодалов в целом, мало интересовался экономическими проблемами, управлением своей вотчиной или поместьем. Он был представителем тех, кто потребляет богатство.

Аграрный характер феодальной экономики, господство натурального хозяйства, неразвитость ремесла и торговли в эпоху раннего средневековья (V—XI вв.) остро ставили перед светскими феодалами лишь одну экономическую проблему — проблему получения денег для покупки поступающих с Востока экзотических предметов роскоши, для ведения безбедного и беззаботного образа жизни. «Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину,— пишет К. Маркс,— тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым,

всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях»[3]. Денежный голод испытывали не только отдельные представители господствующего класса, но и само феодальное государство, периодически занимавшееся порчей монеты. Попытки оправдания этой практики мы находим в сочинениях средневековых юристов, стремившихся обосновать номиналистическую теорию денег. Однако их объяснения были так же далеки от науки, как и «теории» средневековых европейских алхимиков, занятых поисками философского камня, с помощью которого можно было бы превратить любой металл в золото. Богатство, награбленное в ходе войн и набегов, ценилось в среде феодалов выше накопленного путем сбережения, рационального хозяйствования, методичной эксплуатации крестьян. Богатство, раздаренное подданным, растранжиренное в целях престижного потребления, поднимало социальный статус выше, чем богатство, использованное в производительных целях. Неудивительно поэтому, что не только раннее, но даже развитое западноевропейское средневековье (XI — XV вв.) не оставило для нас сколько-нибудь серьезных теоретических сочинений по экономике, написанных представителями светских феодалов. Разработка экономических вопросов с позиций господствующего класса стала уделом священнослужителей — церковных феодалов.

Духовенство было самым организованным сословием феодального общества. Обладая строгой иерархией, оно входило и в светскую систему вассалитета. Это было открытое сословие феодального общества, включавшее в себя не только феодалов, но и наиболее одаренных представителей других классов. Общественные науки являлись в этот период простыми отраслями богословия и трактовались с позиций Священного писания. Поэтому цитаты из Библии выступали как основные аргументы в споре, а компиляции из древних текстов — как способ выражения собственных взглядов. При этом авторов нисколько не смущало, что прошлое описывалось в категориях современности, а древним мыслителям приписывались средневековые экономические представления, феодальная система ценностей. Библейские тексты широко использовались, например, для осуждения ростовщичества как противоестественного средства обогащения, как явления, губящего человеческую душу. Христианское вероучение стало важным «теоретическим подспорьем» и для преодоления

характерного для античности презрительного отношения к труду. Труд в эпоху средневековья все больше рассматривается не только как наказание за грехи, но и как путь к спасению человечества.

Вопросы управления вотчинным хозяйством получили определенное развитие в произведениях монахов. Монастыри выступали как организаторы крупного, нередко хорошо налаженного сельскохозяйственного и ремесленного производства, что нашло отражение, например, в Сен-Жерменском полиптике, Фульдском полиптике, других произведениях этой эпохи.

Нарастающее социальное неравенство, бесправное положение народных масс, правовые аспекты крепостничества фиксируют юридические памятники средневековья («Салическая правда», «Византийский земледельческий закон», «Русская правда», «Саксонское зерцало» и др.), которые являются также важными источниками экономической мысли.

Экономические воззрения народных масс дошли до нас в религиозной оболочке. Христианство освящало господствующий строй, поэтому нападки на феодальную эксплуатацию не могли не иметь форму богословской ереси. Однако в отличие от господствующего класса представители народных масс апеллировали не к современному им, а к первоначальному христианству, идеи которого донесли до них тексты Священного писания. Опираясь на них, Дольчино в Италии, Ян Гус в Чехии не только использовали идеи равенства, проповедуемые ранним христианством, но и придали им антифеодальную направленность. Антифеодальную направленность носят и экономические требования, сформулированные в ходе крестьянских войн под руководством Уота Тайлера, Дьердя Дожи, Степана Разина и др.

Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда способствовали отделению ремесла от земледелия, города от деревни. В X—XIII вв. складывается особый социальный слой феодального общества — горожане. Будучи закономерным порождением феодального строя, бюргерская культура заметно отличалась от культуры других сословий феодального общества. В сравнении с церковной и рыцарской культурой она носила более скромный характер, обусловленный как экономическими, так и социальными причинами. Богатство этого сословия зависело уже не от земельной собственности, а прежде всего от его трудовых усилий. Это предопределило прак-

тический склад ума и рациональную рассудительность горожанина. По сравнению с культурой крестьянских масс городская культура отличалась более высоким уровнем. Цивилизованность горожанина проявляется и в более широком использовании товарно-денежных отношений для ведения хозяйства, и в большем динамизме ее развития, в ее более светском характере, и в повышении роли грамотности и письменной культуры в целом, и в пробуждении познавательного интереса к окружающему миру. Горожанин более критично относится к себе и к другим сословиям феодального общества, любит посмеяться над слабостями и недостатками других классов и социальных групп.

Экономические представления средневековых бюргеров нашли отражение в цеховых уставах и городском праве. Цеховой строй был своеобразной феодальной организацией городского ремесла. Цеховой мастер не только работает сам, но и эксплуатирует труд учеников и подмастерьев, однако цель его эксплуатации скорее феодальная, чем капиталистическая. «*Соответствующее его сословному положению существование,*— а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое,— выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда»[4]. Феодальными были и средства достижения этой цели. Цеховые уставы осуществляют мелочную регламентацию производства каждого из членов корпорации. Они регулируют качество и количество выпускаемой продукции, число подмастерьев и учеников, технологию производства и т. д. Все эти меры принимаются с целью ограничить конкуренцию как внутри самого цеха, так и со стороны деревенского и другого нецехового ремесла. Это способствует унификации ремесла, распространению профессиональных навыков работы, стабилизации рынка, однако в то же время ограничивает капиталистические потенции цехового строя, тормозит действие закона стоимости. Поэтому в дальнейшем цеховые уставы стали препятствовать экономическому развитию.

Цехи стремились к установлению монопольных условий производства и реализации своей продукции на местном рынке. К созданию монопольных условий торговли стремились и купеческие гильдии. Укрепление городского строя, с одной стороны, и постепенный переход крестьян с барщины на натуральный, а позднее и денежный оброк — с другой, обострили противоречие между городом и деревней. «Если в средние века деревня эксплуатирует

город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии,— пишет К. Маркс в «Капитале»,— то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»[5]. Соотношение цен между городскими ремесленными и деревенскими сельскохозяйственными товарами отражало столкновение классовых интересов. Поэтому стала актуальной разработка учения о «справедливой цене», т. е. такой цене, которая, по мнению средневековых исследователей (Фома Аквинский и др.), не только бы возмещала издержки производства и обращения, но и обеспечивала соответствующее каждому сословию существование.

Особенностью развития экономической мысли Византии и стран Восточной Европы является ее ярко выраженный государственный характер. Многие экономические сочинения пишутся с позиций государства или апеллируют к нему (Георгий Плифон, Виссарион Никейский в Византии, И. Пересветов, А. Л. Ордин-Нащокин и др. в России). Этому способствовала и античная традиция, и более слабая (чем в Западной Европе) сословная расчлененность общества, и высокая централизация всех сфер духовной деятельности, и особенности православия, для которого характерна подчиненность церковной власти светской, и осознание национальных интересов в борьбе с иноземными захватчиками. Наряду с этими общими моментами существовали и глубокие различия. Лучшие памятники византийской экономической мысли были тепличными созданиями высокообразованной элиты и не отражали, как в России, интересов достаточно широких слоев общества. К тому же большинство памятников русской экономической мысли относятся уже к более поздней эпохе, отражают более сложные социально-экономические условия, острее осознают проблемы, вставшие перед Русским централизованным государством.

Главной особенностью развития экономической мысли средневекового Востока является то, что она продолжала разрабатывать те же проблемы, что и в древности. Преемственность развития экономической мысли объясняется прежде всего преемственностью социально-экономического строя, названного основоположниками марксизма системой сельских общин или азиатским способом производства [6]. Для него характерны: сохранение сельской зем-

ледельческой общины в качестве основы социально-экономической структуры, незавершенность процессов классообразования, ведущая роль государственной собственности на землю, отсутствие домениального хозяйства, барщины и крепостного права, городов как центров ремесла и внутренней торговли. Города возникают здесь как военные ставки, места религиозного паломничества и пункты внешней торговли. В них концентрируются высшие ремесла, обслуживающие изощренные интересы господствующего класса. В центре экономической мысли средневекового Востока оказываются поэтому вопросы управления страной, налогообложения населения и обогащения государства. При этом ученые стремятся предложить такую систему мер, которая, удовлетворяя интересы господствующего класса, обеспечивала бы нормальное течение воспроизводства, мир и спокойствие в стране.

Изучение памятников экономической мысли средневекового Востока связано не только с трудностями изучения восточных языков и постижения сложных религиозных систем (индуизма, буддизма, конфуцианства, легизма, даосизма, ислама). Оно связано прежде всего с самим специфическим, символическим характером восточной культуры, обладающей известной иносказательностью, «недосказанностью», требующей особой встречной духовной работы. В Индии к этому добавляется множественность и параллельность культур, связанных с существованием кастового строя. Однако богатство и сложность формы здесь нередко сочетаются с традиционностью содержания. Поэтому экономические трактаты воспринимаются как вариации на одну и ту же тему, то обрастая все более новыми мотивами, то возвращаясь к первоначальной простоте.

Особенностью экономической мысли Китая было то обстоятельство, что ее основным автором был человек или находящийся на государственной службе, или стремящийся получить должность. Государственный чиновник выступает здесь как главный создатель духовной культуры. Неудивительно поэтому, что ведущей темой экономических сочинений по-прежнему остаются вопросы управления государством, поощрения земледелия как главной сферы производства и ремесла и торговли как дополняющих его сфер.

Большое воздействие на развитие экономической мысли Ближнего Востока оказал ислам. Арабы в ряде областей знания выступают как прямые наследники анти-

чности. Однако из ее духовного мира они усвоили больше рациональное, чем гуманистическое, начало. Поэтому мусульманская культура ближе к древневосточной культуре, чем к античной. С древневосточной литературой сочинения мусульманских авторов роднят ориентация на традиционные темы, подражание предшественникам, дидактический настрой литературы, любовь к «фундаментальным» произведениям — своеобразным энциклопедиям средневековых знаний. В этих сочинениях нередко содержатся гениальные догадки и суждения (например, в работах Ибн Хальдуна), однако, к сожалению, они не получают дальнейшего развития в трудах последующих ученых.

Сравнительное изучение экономической мысли феодальной Европы и средневекового Востока позволяет понять причины их различных исторических судеб в Новое время — эпоху становления и утверждения капитализма.

Раздел I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Глава 8

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

1. Раннее средневековье

В V в. н. э. под натиском германских племен пала рабовладельческая Западная Римская империя и на ее территории образовались варварские королевства. Эти государства имели несравненно более простую, чем империя, экономическую и политическую организацию, и в ней отчетливо проявлялись остатки родового строя. Романо-германский синтез, происходивший на значительной части территории Западной Европы, в конечном счете привел к возникновению крупной феодальной земельной собственности и основных классов средневекового общества — феодалов и зависимых от них крестьян.

Необходимо отметить, что работ, специально посвященных экономическим вопросам и написанных в период раннего средневековья, нет. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, уровень экономического развития германских государств был невысок. Повсеместно господствовало натуральное хозяйство, земледелие являлось основной отраслью экономики, а денежное обращение не имело существенного значения. Во-вторых, господствующей формой идеологии в варварских королевствах стала христианская религия. Влияние церкви на духовную жизнь средневекового общества было настолько сильным, что все рассуждения по экономическим вопросам, как правило, облекались в религиозно-этическую форму. В-третьих, сказывался известный регресс в области научной мысли, а также то, что экономические вопросы в тот период еще не выделились в самостоятельный объект исследований.

Однако это не означает, что экономическая мысль в раннее средневековье не развивалась. В этот период появились экономические проблемы, которых не знал античный мир и которые требовали своего осмысления. Так, крушение рабовладения заставило изменить отношение к физическому труду, по-новому поставить вопрос о поло-

жении различных групп людей в обществе. Важные проблемы возникали и в связи с разложением общины, и в связи с генезисом феодальных отношений.

Трактуя экономические вопросы, авторы VI — XI вв. в качестве важнейших аргументов приводили положения, содержащиеся в Библии и в сочинениях отцов христианской церкви (патристика). Такой подход проявлялся, в частности, при решении проблемы отношения к богатству. Как известно, в Древнем Риме в аристократических кругах проповедовались принципы гедонизма. В период средневековья господствовала другая точка зрения, согласно которой стремление к обладанию богатством порочно, ибо мешает поиску царства божия и является доказательством отсутствия истинной веры. В отличие от античных авторов, которые считали неравенство людей естественным и вечным, средневековые мыслители при решении этого вопроса исходили из положения христианства о том, что все люди равны перед «божественной благодатью». В античном мире господствовало презрительное отношение к физическому труду, который считался уделом прежде всего рабов. Напротив, в средние века, и в частности в период раннего средневековья, утвердилась точка зрения, по которой труд должен быть единственным источником средств существования в соответствии с библейским принципом: «В поте лица твоего ешь хлеб твой». В то же время церковь, демагогически провозглашая себя посредником между имущими и неимущими, обязывала христиан делиться результатами своего труда с бедными, подавая милостыню[1].

В исторических документах раннего средневековья нашли отражение проблемы, связанные с разложением общины и генезисом феодализма (отношение к общине и закрепощению крестьянства, экономическая организация раннефеодальной вотчины, хозяйственные возможности натурального производства и др.). Наиболее полное истолкование этих вопросов содержится в источниках, относящихся к Франкскому королевству.

Так, вопрос об отношении к общине нашел отражение в знаменитой «Салической правде» — кодексе обычного права салических франков, составленном при Хлодвиге (481—511) и впоследствии пополнявшемся капитуляриями других королей. Составители «Салической правды» признают верховное право общины на пахотную землю, защищают суверенитет общины от покушения пришлых элементов. Так, титул 59 «Правды» свидетельствует о том,

что земельные наделы (аллоды) еще не стали частной собственностью отдельных семей. Параграф 5 этого титула запрещает передавать землю по наследству лицам женского пола («Земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу...»)[2]. Если не было наследников мужского пола, то земля переходила к общине. «Салическая правда» защищает верховное право общины на луга, пустоши, леса, болота и другие угодья. Так, согласно § 19 титула 27, рубка леса разрешалась всем общинникам, если только на деревьях не было пометок, сделанных менее года назад («Если кто возьмет дерево, помеченное более года назад, в этом нет никакой вины...»). Охраняя права общины на земельные угодья, «Правда» устанавливала серьезные ограничения для поселения в деревнях пришлых элементов. Так, в титуле «О переселенцах» говорилось, что, «если кто захочет переселиться в виллу к другому и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться...»[3].

Вместе с тем составители «Салической правды» были вынуждены считаться с фактом разложения общины и развития частного хозяйства на ее землях. Поэтому в этом юридическом памятнике содержатся законы, охраняющие индивидуальное хозяйство франков (титулы «О краже изгороди», «О различных покражах», «О поджогах», «О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту» и др.)[4]. Признавая наличие пережитков родовых отношений (о чем свидетельствует, в частности, титул «О рейпусе»), «Салическая правда» в то же время отразила процесс их постепенного изживания. Так, составители включили в этот сборник законов титул «О горсти земли», в соответствии с которым зажиточные родственники могли отказаться от уплаты штрафов за своих бедных сородичей. Титул «О желающем отказаться от родства» допускал возможность выхода из большой семьи.

Процесс классообразования в период «Салической правды» еще только начинался, поэтому все свободные франки считались равными перед законом и защищались вергельдом (штрафом за убийство) в 200 солидов. Однако происходивший в VI в. процесс социального расслоения франкского общества нашел свое выражение в установлении тройных вергельдов за убийство графов, коро-

левских дружинников [5] и пониженных вергельдов — за полусвободных крестьян (литов). Весьма характерно, что составители «Салической правды», как и античные авторы, считали рабов имуществом господина. Это проявилось в том, что жизнь рабов не защищалась вергельдом. Убийство посторонним человеком раба рассматривалось как утрата господином своего имущества, за что полагалась лишь соответствующая компенсация.

«Салическая правда» исходит из факта господства натурального хозяйства и поэтому не уделяет внимания товарно-денежным отношениям. Хотя штрафы устанавливаются в денариях и солидах, тем не менее последние являются лишь счетными единицами. В § 6 титула 35 упоминаются ремесленники. Однако, поскольку титул называется «Об убийствах и ограблении рабов», в данном случае речь идет о несвободных лицах, обслуживающих хозяйства своих господ.

Важнейшим источником по истории экономической мысли раннего средневековья является «Капитулярий о поместьях», изданный в начале IX в. Карлом Великим или его сыном Людовиком Благочестивым. По этому памятнику можно судить об экономических взглядах и экономической политике феодалов-вотчинников. Составитель «Капитулярия» исходит из того, что владелец поместья является монопольным собственником земли, а поместное хозяйство должно обслуживать его «собственные нужды»[6]. Весьма характерно, что в «Капитулярии» не упоминается община, так как к этому времени она перестала быть формой землевладения. Судя по «Капитулярию», население каролингской вотчины было в основной своей массе крепостным, хотя имелись и свободные. Представители господствующего класса понимали, что феодальное хозяйство предполагает экономически дееспособных непосредственных производителей. Выражая эту мысль, король предписывал, чтобы с крестьянами «хорошо обращались и чтобы никто не доводил их до разорения».

Идеалом хозяйства для составителя «Капитулярия» является натуральное хозяйство. Формулируя принципы образцового ведения хозяйства, он предписывал взимать оброки натурой, создавать запасы, «чтобы не было надобности где-нибудь просить... или занимать», развивать различные виды производства [7]. Так, в «Капитулярии» говорилось о том, что управляющие поместьями должны иметь «в своем ведении добрых мастеров, именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, сапожников, токарей,

плотников, оружейников, рыболовов, птицеловов, мыловаров, пивоваров... хлебопеков... людей, хорошо умеющих плести тенета для охоты и сети для рыбной ловли и ловли птиц, а также и других служащих, перечислять которых было бы долго...»[8]. Провозглашался принцип, в соответствии с которым управляющие должны были иметь в своих поместьях все необходимое[9].

Судя по «Капитулярию», феодалы считали, что продавать следует излишки, а покупать продукты, которые не производятся в вотчине. Так, например, управляющим предписывалось покупать высококачественные семена, простое вино и продавать не отправленные во дворец яйца и кур, а также рыбу из садков, если она была предназначена для короля и его свиты, а король в вотчину не приехал. В статье 33 этот принцип формулировался в более общем виде: «После того как все будет распределено, употреблено на семена и иным путем израсходовано, все, что останется от этого из всего продукта... хранить до нашего (короля.— *Авт.*) распоряжения... чтобы оно, согласно приказу нашему, или продавалось, или оставалось в запасе...»[10]

На экономической политике франкских королей сказывалось сильное влияние церкви и экономических взглядов папской курии и епископата. Так, обосновывая необходимость помогать неимущим и одновременно преследуя свои материальные интересы, церковь требовала от прихожан уплаты десятины. Это требование нашло отражение в законодательстве Карла Великого (768—814). В «Саксонском капитулярии» (последняя четверть VIII в.), например, он предписывал «всем, согласно повелению Божию, давать церквам и духовенству десятую часть своего имущества и заработка». Обязанность каждого платить церковную десятину обосновывалась тем, что «все христиане без изъятия должны возвращать Господу часть того, что Он каждому дал»[11].

На протяжении всего средневековья церковь вела лицемерную борьбу против взимания процентов за ссуды. Уже в период раннего средневековья ей удалось распространить в обществе отрицательное отношение к проценту и добиться издания законов, запрещающих ростовщичество. Негативное отношение королевской власти к взиманию процента проявилось, в частности, в законах Карла Великого. Так, в одном из них говорилось о запрете «давать что бы то ни было с целью роста. Не только духовные, но и светские христиане не должны требовать за

ссуду процента». По мысли законодателя, ростовщичество недопустимо потому, что взимание процентов «есть требование того, что не было дано...», поэтому «самым законным было бы брать с должника только размеры ссуды...». Карл Великий заявлял, что тот, «кто во время жатвы или сбора винограда покупает зерно или вино не ради нужды, но из жадности, покупает, напр., за два денье меру и выжидает времени, когда он может продать ее за четыре денье или больше», получает «преступную прибыль»[12].

Проблемы, которые нашли отражение в источниках по истории экономической мысли Франкского королевства, в большей или меньшей степени затрагиваются в документах, характеризующих социально-экономические отношения в других романских странах Западной Европы (в Остготском и Вестготском королевствах, в государстве лангобардов). Однако романизация этих государств была более сильной, чем Франкского королевства. Поэтому одной из наиболее важных проблем, с которыми сталкивалась экономическая мысль Италии и Испании в период раннего средневековья, был вопрос об отношении к формам эксплуатации, унаследованным от Римской империи, в частности к колонату. Государственные и церковные деятели этих государств рассматривали колонат как важную форму крепостной зависимости, вполне отвечавшую интересам земельных собственников. Так, архиепископ Севильи Исидор (ок. 560—636) в своих «Этимологиях» подчеркивал, что колоны находятся под властью землевладельцев, являются держателями господских земель и выполняют в пользу земельных собственников различные повинности[13]. Второй церковный собор в Гиспалисе, состоявшийся в 619 г., подтвердил крепость колонов земле[14].

Однако отношение к колонату в период раннего средневековья претерпело изменения по сравнению с античностью. Римские юристы рассматривали эту форму эксплуатации как институт, тесно связанный с государственным тяглом, а в отношениях колонатной зависимости на первый план выдвигали прикрепленность к одному и тому же участку земли. А потому разрешали продавать колонов только вместе с парцеллами. Напротив, согласно § 142 «Эдикта» остготского короля Теодориха Великого (493—526), владельцам имений разрешалось «отчуждать, уступать, продавать, дарить» колонов «без земельного участка»[15]. Колонат уже больше не рассматривался как институт, тесно связанный с податной системой государства. С точки зрения господствующего класса он принци-

пиально не отличался от других форм феодальной зависимости.

Развитие феодальных отношений в Англии происходило медленнее, чем во Франции, Италии и Испании. Англосаксонские королевства не унаследовали римские формы эксплуатации, вследствие чего община оказалась здесь более устойчивой. Судить об экономических воззрениях в англосаксонский период можно прежде всего по правовым источникам. Важнейшими из них являются Судебник кентского короля Этельберта (начало VII в.), «Правда» короля Инэ (ок. 690), «Правда» уэссекского короля Альфреда (вторая половина IX в.), а также сочинения монаха и летописца Беды Достопочтенного (672 или 673 — ок. 735).

Англосаксонские источники отразили процесс социальной дифференциации крестьянства и усиления королевской власти. Стараясь замаскировать тот факт, что королевская власть защищала интересы феодалов, Беда Достопочтенный выдвинул идею о том, что короли заботятся о благополучии всего народа. Однако он вынужден был признать разделение общества на бедных и богатых. Факт социальной и имущественной дифференциации крестьянства и распадения родовых отношений признается и в юридических источниках. Так, в законах Инэ проводилась мысль о том, что свободный человек и его несвободный сородич не связаны какими-либо обязательствами помогать друг другу. Исходя из различий в социальном статусе людей, англосаксонские «Правды» устанавливали различные вергельды. Королевская власть защищала новые формы зависимости и способствовала их распределению. Так, закон Этельстана предписывал, чтобы родственники безглафордных людей «сделали их поселенцами» и нашли им глафордов. В то же время короли пытались регламентировать эксплуатацию зависимого населения феодалами[16].

Источники англосаксонского периода дают представление и об отношении королевской власти к торговле. С одной стороны, короли, считая торговлю одним из основных источников доходов казны, покровительствовали торговым операциям, а с другой — пытались их регламентировать. Как свидетельствует «Установление о купцах» короля Альфреда, торговцы пользовались уважением законодательства, хотя находились под надзором властей. Короли неоднократно издавали законы, разрешавшие

торговлю лишь в определенных местах. В то же время они осуществляли жесткий контроль за чеканкой монет[17].

2. Классическое средневековье

На развитие экономической мысли классического средневековья огромное влияние продолжала оказывать католическая церковь. В работе «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс назвал церковников представителями «идеологии средневекового феодализма»[18]. Во введении к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» он указывал, что католическая церковь в средние века являлась «крупным интернациональным центром феодальной системы» и «окружила феодальный строй ореолом божественной благодати»[19].

Большое влияние на экономическую мысль средневековья оказывала каноническая доктрина, которая разрабатывалась церковными юристами, интерпретаторами церковного права. Канонисты трактовали и экономические вопросы, часто с позиций античной традиции, воззрений Аристотеля. Но решающее значение имели классовые интересы феодалов, специфические мотивы самой церкви, претендовавшей на социальные привилегии.

Важнейшим источником, по которому можно судить об экономических взглядах каноников, является «Свод канонического права», составленный в середине XII в. болонским монахом Грацианом. По утверждениям канонистов, идеалом для всех, кто желает выполнять нормы церковного права, должна быть общая собственность. В то же время они заявляли, что частная собственность необходима как наказание за «людское жестокосердие». По мысли канонистов, человек должен смотреть на свою собственность как на благо, за распоряжение которым он ответит перед богом. Провозглашалась необходимость подавать милостыню беднякам, которым, по утверждениям церковных юристов, бог оказывает особое покровительство. Истинными факторами производства они считали лишь землю и труд. Исходя из этого, занятиями, вполне достойными христианина, канонисты объявляли земледелие и ремесло, неодобрительно относились к торговле, целью которой было получение барыша, и осуждали ростовщичество[20].

Классическое истолкование канонической доктрины дал Фома Аквинский (Аквинат) (1225 или 1226—1274) — итальянский монах, аристократ по происхождению, объявленный церковью святым (1323) и до сих пор

весьма популярный среди буржуазных философов. Созданный Фомой Аквинским знаменитый трактат «Summa theologiae» стал своего рода энциклопедией католицизма, приобрел широкую известность. В своих политических и экономических воззрениях автор опирался в основном на Аристотеля, но развивал и ряд собственных положений. Он ратовал за централизацию власти, указывая, что над Вселенной стоит бог, в теле доминирует сердце и даже у пчел есть царица. При этом он подчеркивал, что королям следует подчиняться римскому папе.

Свои экономические взгляды Фома Аквинский излагал в виде постановки ряда вопросов[21], которые иногда оказывались надуманными. Так, обсуждалось: «свойственно ли природе человека владение вещами», «позволяется ли кому-нибудь владеть вещью как собственностью». Методика ответов носила казуистический и схоластический характер. В оправдание того или иного явления приводились аргументы, затем им противопоставлялись тексты Священного писания, мнения отцов церкви, Аристотеля. После этого следовало компромиссное заключение. Понятно, что научное решение поставленного вопроса оказывалось невозможным.

Аквинат решительно осуждал стремление к социальному равенству, общество мыслилось им как иерархическое и сословное. Он уверял, что «подняться выше своего сословия грешно», так как деление на сословия «установлено богом». Высшим благом для человека объявлялось «созерцание бога», а не накопление богатства. Вслед за Аристотелем и в соответствии с догмами «евангельского христианства» Фома Аквинский оправдывал рабство, усматривая его корни в естественном различии людей, их греховности. Рабы обрекались на роль пчел, которые собирают мед для господ. При этом Аквинат ссылался на полезность рабовладения, хотя и признавал (вслед за римскими юристами), что оно не имеет «естественного основания». Крепостничество воспринималось им как бесспорное явление.

В соответствии с давними традициями христианства труд у Фомы Аквинского получал позитивную оценку как необходимый для жизни, избавления от праздности, укрепления нравственности, раздачи милостыни. Однако физический труд третировался им как «рабское занятие». Аквинат оправдывал социальный паразитизм, защищал феодальную ренту, которая, по его словам, дает возможность

избранным заниматься духовным трудом «во имя спасения остальных».

Апология феодальной эксплуатации не могла обойтись без защиты частной собственности. Фома Аквинский отдавал дань фразеологии о том, что все вещи по природе общие и принадлежат самому богу, а человек может ими только пользоваться. В то же время он заявлял, что частная собственность необходима ради общей пользы, самого дела, личного интереса. Повторяя аргументацию Аристотеля в защиту частной собственности, Фома Аквинский писал, что сама «природа создает животных и растения для людей», и подчеркивал, что в рамках необходимых нужд собственность естественна, ибо обязывает раздавать милостыню, лучше заботиться о своих делах, устанавливать отношения с людьми на мирной основе. Посему «каждый должен охранять свое». Только при «добровольной бедности» (ради созерцательной жизни) допускалась общность имущества. Весьма характерно, что, оберегая сословные привилегии знати, Фома Аквинский выступал против излишне щедрой раздачи милостыни, ибо, по его словам, собственник должен «вести жизнь в правильном соответствии своему сословию».

Собственнические вожделения и сословные претензии крепостников находили в этих рассуждениях благочестивое выражение, сдобренное значительной дозой фарисейства. Частное присвоение оправдывалось даже полезностью милостыни. Фома Аквинский игнорировал тот факт, что частная собственность использовалась и для эксплуатации людей.

В целом доминиканский монах придерживался натурально-хозяйственных воззрений, считая, что государство должно быть самообеспеченным и все необходимое получать со своей территории, чтобы не зависеть от купцов. Характерно и деление богатства на естественное и искусственное (золото, серебро). Последнее, по мысли Аквината, не делает человека счастливым, а приобретение такого богатства не может быть целью, так как она должна состоять в нравственном усовершенствовании. В этих сентенциях сказывались отголоски суждений Аристотеля и влияние натурального хозяйства XIII в. Но важно отметить, что Фома Аквинский отчасти порывал с натурально-хозяйственными воззрениями. Он оправдывал обмен и даже считал город с его сословным делением населения совершенной формой общества.

Вопросы товарного производства занимали второстепенное место в рассуждениях Фомы Аквинского. Но он высказывался о справедливой цене (justum pretium), поскольку учение канонистов о ней оказалось в противоречии с хозяйственной жизнью городов, практикой монастырей и церковников. Шла идейная борьба вокруг толкования такой цены: горожане понимали под ней эквивалентность обмена, а канонисты с помощью нее оправдывали претензии знати на привилегии, утверждая, что цена должна гарантировать людям приличествующее их сословию благосостояние. Комментируя «Этику» Аристотеля, Фома Аквинский признавал, что обмен обуви на дом должен производиться в пропорции, в которой строитель «превосходит сапожника в затратах труда и расходах». В «Summa theologiae» он, казалось, склонялся к пониманию «справедливости цены» в том смысле, как ее толковали горожане. Но завышенная цена оправдывалась, если она не была связана с обманом и покупатель получал пользу. Аквинат подчеркивал, что сама справедливая цена «не определена до точности, но состоит более в некоторой оценке». Он различал два вида справедливости в обмене. Один из них определял отношения участвующих в нем сторон, гарантируя цену «сообразно вещи», второй — отношение «части к целому» и обеспечивал больше благ тому, кто «больше значит для общественной жизни». Процесс ценообразования он ставил в зависимость от социального статуса участников обмена. Однако социальный статус ни к чему не обязывал продавцов и покупателей. Каждому из них было безразлично, кто покупает или продает тот или иной товар. Классовый смысл рассуждений Фомы Аквинского состоял в защите привилегий феодальной знати.

Аквинат признавал необходимость денег как меры стоимости и средства обращения. В этой связи он писал, что «монета — вернейшая мера материальной жизни в торговле и обороте, подобно тому как милостыня — лучшая мера жизни духовной»[22]. В то же время, ссылаясь на Аристотеля, он подчеркивал, что «деньги не могут порождать деньги», т. е. не могут использоваться для получения барыша.

Трактуя вопрос о ценности денег, Фома Аквинский склонялся к точке зрения, согласно которой ценность денежных знаков (монеты) может устанавливаться государем, хотя при этом разница между «номинальной ценностью» и «внутренней ценностью» не должна быть зна-

чительной. Исходя из этого, он выступал против порчи монет и сравнивал ее с изменением мер длины и веса[23].

Фома Аквинский считал, что торговать с целью получения прибыли «само по себе постыдно», но зато это «дозволяется всем ради приобретения средств к существованию». Торговая прибыль оправдывалась тем, что она «сама по себе не вносит ничего порочного» в экономическую жизнь, поскольку может быть использована для «честной цели» (поддержка семьи, помощь бедным, общественному делу). К тому же купец, по мысли Аквината, может стремиться к прибыли «не как к цели, но как бы к плате за труд», и прибыль становится такой при продаже вещи, «измененной к лучшему». Предлагалось учитывать и влияние транспортных затруднений. Фома писал, что «занимается торговлей не всякий, кто продает дороже купленное, но только тот, кто покупает для того, чтобы дороже продать». Таким образом, знаменитый богослов одобрял торговлю и оправдывал торговую прибыль. При этом он смешивал торговлю купцов со сбытом ремесленниками и крестьянами своей продукции.

В соответствии с традициями католической церкви Фома Аквинский осуждал ростовщичество, называя его «постыдным ремеслом» (в письме герцогине Брабантской). Он считал греховным даже обложение налогами ростовщиков, как соучастие в их доходах. Трактуя 78-й вопрос своего сочинения, Фома Аквинский называл взимание процентов продажей того, что не существует, ибо нельзя продавать вещь и затем ее употреблять. Деньги изобретены для обмена, поэтому нельзя брать плату «за пользование деньгами».

Однако в то же время он пытался найти лазейки для оправдания процента как «бескорыстного подарка» в виде взаимности, доброжелательства, любви, а также как формы возмещения убытков (за счет выгоды должника), совместного дележа прибыли от финансирования торговых операций. Если должник получал доходный дом или участок земли, то, по мысли Фомы Аквинского, доходы с них должны поступать заимодавцу. Тем самым он приводил оба традиционных аргумента в пользу взимания процента как возмещения непосредственного ущерба (damnum emergens) в результате задержки денег у должника, и ущерба, возникающего из-за недополучения кредитором возможного дохода от них (lucrum cessans). Корректируя осуждение процента «отцами церкви» (Василием, Григорием Нисским, Иоанном Златоустом, Амв-

росием, Иеронимом), Фома Аквинский явно лукавил и искал предлог для оправдания процента. Впоследствии, в XV в., когда канонические строгости потеряли значение, взимание процента было признано законным как возмещение упущенных доходов кредитора.

Выступая в качестве защитника интересов господствующего класса, Фома Аквинский признавал правомерность получения земельной ренты. Он утверждал, что в виде ренты земельному собственнику поступает часть продуктов, которая производится силами природы. Тем самым скрывался эксплуататорский характер ренты, получали оправдание повинности, которые несли по отношению к церковным феодалам крепостные крестьяне.

Одной из важных проблем, которые привлекали внимание светских авторов, был вопрос о происхождении крепостничества. Эта проблема трактуется, в частности, в «Кутюмах Бовези», составленных Филиппом Бомануаром (1250—1296) и являющихся важнейшим источником по истории средневековой Франции. Бомануар признает, что «по естественному праву все свободны», хотя на самом деле многие крестьяне находятся в зависимости от сеньоров. По мысли Бомануара, личная зависимость возникла несколькими путями. Так, в старину, когда крестьяне уходили на войну, «тех, кои без уважительной причины оставались (дома), обращали навеки в крепостных вместе с их потомством...». Некоторые земледельцы вступали под патронат церкви, «побуждаемые великим благочестием», а также попадали в зависимость от светских феодалов, пытаясь «оградить себя от других сеньоров или от вражды, некоторыми людьми к ним питаемой» и решить материальные проблемы. Такое объяснение происхождения крепостничества является вполне реалистичным. Весьма характерно также, что Ф. Бомануар признает неблаговидность некоторых методов закрепощения крестьян. Например, говоря о вступлении земледельцев под патронат церкви, он подчеркивает, что церковные управляющие «изо дня в день ухищрялись взимать с них больше и больше», так что «в конце концов то, что было сделано по доброй воле и благочестию, обращалось во вред и в умаление состояния потомков» [24].

Вопрос о происхождении крепостничества рассматривается и в знаменитом «Саксонском зерцале» (первая половина XIII в.), автором которого был Эйке фон Репков, один из передовых людей средневековой Германии. Он проводит мысль о том, что «бог создал человека по своему

подобию и своими страданиями освободил одного так же, как и другого». Э. фон Репков пишет, что он «не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого». Положение о том, что крепостничество существовало всегда, ему представляется неубедительным, так как в период расселения германцев в Европе все люди были свободными. Поэтому, по мысли автора «Саксонского зерцала», «воистину крепостная зависимость имеет своим источником принуждение, и плен, и несправедливое насилие, что с древних времен выводится из неправедного обычая и теперь хотят возвести в право»[25]. Это высказывание Э. фон Репкова свидетельствует о том, что он осуждал крепостничество, считая этот институт несправедливым и установленным насильственным образом. Для средневекового автора подобный образ мыслей был довольно радикальным.

В период классического средневековья предпринимались попытки теоретического истолкования монополии феодалов на землю. В XI—XIII вв. производится запись феодальных обычаев, где четко формулируются претензии феодалов. Комментируя такие записи, уже упоминавшийся Ф. Бомануар выдвигал принцип, согласно которому «нет земли без сеньора». Это означало, что любой клочок ее должен принадлежать феодалу и может принадлежать только ему. Самостоятельное крестьянское землевладение исключалось. На долю серва (крепостного) оставался лишь манс (тяглый надел).

Вместе с тем сформировалось весьма четкое понимание содержания крепостничества. Во Франции сервом считался крестьянин, державший тяглый надел, плативший формарьяж (свадебную пошлину), произвольную талью (поместный сбор), подчинявшийся «праву мертвой руки», поместным баналитетам (запретам некоторых видов хозяйственной деятельности), сеньориальной юрисдикции. В это определение включались весьма существенные моменты, характеризующие крепостничество. Предусматривалось, что серв может лишь пользоваться землей, и обязательно тяглой, его имущество не имеет юридических гарантий, он не в состоянии передать его без выкупа по наследству «И если крепостной умирает, нет у него иного наследника, кроме сеньора, а дети крепостного ничего не получают, если не заплатят выкупа сеньору, как это делали бы люди посторонние»[26],— писал Ф. Бомануар. Серв был обязан молоть зерно на господских мельницах, выпекать хлеб в печах, принадлежавших феодалу, давить виноград на

господских прессах. Во всех трех случаях ему приходилось терять часть своей продукции. Подобная трактовка серважа Бомануаром раскрывала все бесправие крепостных.

Аналогичное понимание крепостничества характерно и для «Семи партид»— кодекса феодального права Леона и Кастилии (Испания), составленного в 1256—1265 гг. В одном из его законов говорится, что «сеньор имеет полную власть над своим крепостным, чтобы делать с ним все, что захочет. Но при всем этом он не должен ни убивать его, ни оскорблять, даже если для этого будет повод, за исключением приказа местного судьи...»[27].

В Англии юрист Брактон в XIII в. тоже давал довольно краткое и четкое определение крепостничества, заявляя, что вилланом (крепостным) является человек, не знающий вечером того, что он будет делать утром. Таким образом, признаком вилланства считалось подчинение господскому произволу. Поскольку в системе феодальной эксплуатации внеэкономическое принуждение играло очень важную роль, подобное определение выражало суть вилланства.

В XI — XIII вв. поместная политика феодалов становится более разносторонней. Особенно усердствовали монастыри, превратившиеся в крупные центры феодальной эксплуатации. Так, в «Поэме о версонских вилланах» (середина XIII в.) Эсту ле Гоз — служилый человек монастыря св. Михаила в Нормандии — подчеркивал, что монастырские «вилланы постоянно повинны службой» и «обязаны барщиной», которую «не следует забывать». Свои повинности они должны выполнять «без споров и сопротивления»[28].

В поместьях составлялись описи тяглых наделов и повинностей крепостных. В монастырских поместьях (манорах) Англии XIII в. такие описи (экстенты) стали массовым явлением, играя роль юридического документа крепостничества, вилланства. Для новых поколений крепостных эти регламенты были «седой стариной», обладающей непререкаемым авторитетом. Они санкционировали их бесправие, являясь фактором эксплуатации, организации производства. Вместе с тем многие повинности передавались на усмотрение лорда.

Поместной экономической мысли были свойственны натурально-хозяйственные черты[29]. Хотя английские лорды торговали хлебом, овсом, ячменем, овечьей шерстью, в организации производства они ориентировались на натуральное хозяйство. Взимались самые разнообразные

натуральные оброки. Да и виды барщины были очень многочисленны. Тем самым достигалось самообеспечение манора множеством видов продукции, в том числе железными изделиями.

В XIV — XV вв. во всей Западной Европе наблюдался массовый переход от барщинной к оброчной системе. Исчезли некоторые элементы личного крепостничества. Возникла проблема более полного использования поземельной зависимости и преимуществ феодального поместья.

Своеобразие экономической мысли западного средневековья сказывалось также в экономической политике королей. Она опиралась на сеньориальную систему и служила ей. Экономическая роль государства возросла. Хозяйственное законодательство королей, герцогов и князей начинало играть важную роль в развитии феодальной экономики. Предпринимались экономические реформы, которые были вызваны противоречиями феодального режима.

С первого взгляда королевская политика кажется бессистемной, поскольку сводилась к эпизодическому вмешательству в экономическую жизнь, часто вредному для нее. Так, французские короли во времена династии Капетингов (987—1328) издавали десятки ордонансов, регулирующих развитие торговли и промышленности, ввоз и вывоз товаров, деятельность ростовщиков и иностранных купцов, сбор пошлин и налогов, потребление предметов роскоши и даже количество блюд обеда в обычные и «постные» дни. Ограбление и изгнание евреев тоже были темой королевского законодательства.

Однако в этом хаосе мер и приказаний прослеживается определенная закономерность. Фискальные повинности были экономической необходимостью, ибо наличие финансовой базы являлось непременным условием самого существования централизованного государства. Запреты горожанам владеть экипажами или носить одежду, отороченную горностаем, представляли собой попытку отстоять монополию феодалов на предметы роскоши и социальные привилегии.

С конца XI в. начался экономический подъем западноевропейских городов. Они внесли много новых моментов в развитие экономической мысли. В ней произошел, можно сказать, своего рода переворот. Впервые она освобождается в значительной мере от натурально-хозяйственной ориентации и признает приоритет товарного производства. В XII — XIII вв. развернулись «коммунальные революции» под знаменем свободы. Возникли коммуны в Италии,

Франции, Нидерландах, вольные и имперские города в Германии. В последней получил признание принцип, согласно которому «городской воздух делает свободным человека», прожившего один год и один день на городской территории.

В ходе «коммунальных революций» формировались ремесленные цехи, которые тоже внесли новые моменты в экономическую мысль средневековья. Они возрождали общинные традиции, и центральным пунктом цеховой системы стало «равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами»[30]. Но эти традиции оказывались действительными лишь среди мастеров. Ученики и подмастерья находились в подчинении у хозяев мастерских. Цеховой эгалитаризм породил сложную регламентацию производства и сбыта, ученичества и найма подмастерьев. Принцип принудительного членства применялся неукоснительно. Первоначально цехи вели борьбу с крепостничеством, но в XIV — XV вв. они не принимают крепостных крестьян в свой состав. Вместе с тем эгалитаризм был непоследовательным. С середины XIV в. проявляются прокапиталистические тенденции (в ярмарочной торговле, эксплуатации «вечных подмастерьев» и т. д.).

Юридическим закреплением успехов горожан в борьбе с феодалами за свою самостоятельность стало так называемое магдебургское право, сложившееся в одноименном немецком городе в XIII в. Особое место в нем занимали нормы, регулировавшие торговлю и ремесла, деятельность цехов и купеческих гильдий, порядок налогообложения.

Магдебургское право предоставляло городу самоуправление и собственный суд, право земельной собственности и освобождение от большей части феодальных повинностей. Оно было затем (с XIV в.) воспринято многими городами Восточной Германии, Восточной Пруссии, Силезии, Чехии, Венгрии, Польши и Литвы, а позже (с XVI в.) распространилось в Галиции и Белоруссии.

Специфические вопросы товарного производства мало освещались в источниках по истории экономической мысли западного средневековья. Правда, велись поиски «справедливой цены», но это не означало научного анализа товарного производства. Сказывалось давление натурального хозяйства. Исключением был «Трактат о происхождении, природе, юридическом основании и изменении денег», написанный (видимо, позже 1360) во Фраиции Никола Оремом (Оресмом) (ок. 1323—1382). В этой ра-

боте анализировалось происхождение денег и утверждалось, что они возникли в результате соглашения людей, когда обнаружились неудобства прямого товарообмена. В качестве денег стали функционировать золото и серебро, поскольку они при малом объеме содержат большую стоимость, к тому же они транспортабельны. Так, по мысли Орема, возник «искусственный инструмент, изобретенный для облегчения обмена естественного богатства», причем сами деньги относились автором к разряду искусственного богатства. Н. Орем являлся одним из первых представителей металлистической теории денег. Раскрытие общественной природы денег, анализ форм стоимости оставались для него недоступными. Однако важно то, что золото и серебро трактовались им на домонетной стадии как обычные товары, которые лишь постепенно приобрели привилегии денежного металла.

При трактовке функционирования денег автор высказал новые и прогрессивные идеи, смело выступил против порчи монеты королями, квалифицируя это как худший вид ростовщичества, достойный «тирана, а не государя». Он подчеркивал, что деньги не принадлежат королю, хотя и чеканятся с его портретами. Деньги «реально принадлежат тем, кто владеет естественным богатством». Однако, понижая содержание металла в монете, да еще под предлогом того, что это «необходимо для общего благополучия», король присваивал имущество своих подданных. Н. Орем писал, что порча монеты подрывает торговлю и кредит, обесценивает доходы короля и знати, годовые пенсии, вклады и долги [31].

Как видим, Н. Орем высказывал реалистические идеи, когда доказывал бессилие королей перед рыночной стихией. Он отметил наличие объективных закономерностей в денежном обращении, хотя и не мог раскрыть их. Опасаясь обесценения оброков, пенсий и окладов, Орем обнаружил свою классовую позицию как защитник интересов феодалов.

3. Экономические идеи народных масс и экономические требования крестьянских восстаний

Сохранились сведения и об экономических воззрениях народных масс. Они носили антифеодальный характер и проявлялись в различного рода ересях. Их распространение было неизбежным, поскольку католи-

ческая церковь стояла на страже феодального режима, оправдывая феодальную эксплуатацию. В виде мистики, ереси, восстания революционная оппозиция феодальному строю проходит через все средневековье[32], хотя в городах часто лишь как оппозиция «церковному феодализму». Об этом свидетельствуют выступления Арнольда Брешианского (Италия), альбигойцев (Южная Франция), Уиклифа (Англия), Гуса и чашников (Чехия). Но когда в движении участвовали городские низы и крестьяне и дело доходило до восстаний, то выдвигались требования восстановления раннехристианского строя. При этом из «равенства сынов божиих» выводилось «гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью»[33].

Конечно, ереси были весьма разнородны, но неизменно содержали антифеодальный элемент. Так, в Византии VIII в. развернулось иконоборческое движение, которое не сводилось только к распре между императором и церковниками. В нем отразились и антифеодальные настроения народных масс. В середине XI в. монах Арнольд громил в своих проповедях (в Милане) обогащение и роскошь церковников, находя отклик в сердцах горожан. В начале XIII в. популярной в Италии стала ересь катаров (чистых), требовавших возврата к принципам «евангельской бедности». Эта ересь проникла и в города Южной Франции, где катары (или альбигойцы) вслед за манихеями, павликанами, богомилами отрицали видимый мир со всеми его богатствами, роскошью, нищетой, страданиями. Он клеймился как порождение дьявола. Движение приобрело столь опасный для церкви характер, что в 1208—1216 гг. папа Иннокентий III объявил крестовый поход против альбигойцев, сопровождавшийся жестокими погромами.

Более отчетливо экономические чаяния народных масс отразились в требованиях крестьянских восстаний. Так, на территории Саксонии в 841—842 гг. возникло восстание «детей древнего закона» (Стеллинга) под лозунгом возврата к свободной общине, ее старинным обычаям. Восстание явилось протестом крестьян против феодализма, насаждаемого франкскими королями.

В период классического средневековья по Западной Европе прокатилась широкая волна крестьянских восстаний большого исторического значения. К ним прежде всего относится восстание 1304—1307 гг. в Северо-Западной Италии под руководством Дольчино (беглого послушника францисканского монастыря). Он проповедовал общность имущества, отказ от частной собственности, поскольку она и обогащение отдельных лиц являются первопричиной всех бедствий. Однако Дольчино был казнен, восстание подавлено в результате крестового похода, организованного папой Климентом V[34].

Знаменитая Жакерия пронеслась в 1358 г. по территории Франции, как ураган. Это восстание крестьян возглавлял Гильом Каль. Оно носило антифеодальный характер, сопровождалось избиением дворян, разгромом их замков, сожжением сеньориальных документов, в которых фиксировались повинности сервов и вилланов.

Восстание английских крестьян под руководством кровельщика Уота Тайлера (1381) особенно примечательно тем, что были выдвинуты две программы антифеодального характера. Майл-Эндская программа, представленная королю Ричарду II, предусматривала отмену крепостничества, барщины и установление земельной ренты в 4 пенса с акра. К этому добавлялось провозглашение свободы торговли и амнистирование повстанцев. Смитфильдская программа была выдвинута крестьянами Кента и не ставила задачи ликвидации крепостничества (поскольку они были лично свободными). Зато она требовала раздела церковных земель, возврата деревням общинных земель (захваченных лордами), уравнения сословий в правах, отмены «рабочего законодательства». В ходе восстания громились маноры и монастыри, сжигались манориальные документы. Все это свидетельствует об антифеодальных и общинных чаяниях английского крестьянства XIV в. Идеологом движения был проповедник Джон Болл, осуждавший крепостничество и привилегии лордов, ратовавший даже за общность имущества. Доказывая бесполезность дворянства, Болл задавал слушателям знаменитый вопрос: «Когда Адам пахал и Ева пряла, где был дворянин?»

К 1549 г. относится восстание английских крестьян под руководством Роберта Кета. Их программа из 29 пунктов требовала ликвидации остатков крепостничества и манориальных судов, снижения налогов, запрета переводить фригольды (свободные держания) в копигольды (оброч-

ные), отмены огораживаний и запрета лордам пользоваться общинной землей.

Как видим, крестьянские восстания были разнородны, их идеологическая зрелость оказывалась неодинаковой. Так, Жакерия 1358 г. была настоящим бунтом, не имевшим общей программы. О требованиях восставших можно судить лишь по их действиям. Но многие восстания имели продуманную и оформленную программу антифеодального характера, иногда предвосхищавшую ряд требований буржуазных революций. Некоторые восстания имели своих идеологов (Джон Болл и др.). Во всех программах осуждался в той или иной мере феодализм как антинародная эксплуататорская система.

Глава 9

ВИЗАНТИЯ

Византийская империя, история которой насчитывает более тысячелетия (с конца IV в. до захвата Константинополя турками в 1453 г.), познала на пути своего развития как периоды наивысшего расцвета, когда она превращалась в гигантскую державу, широким кольцом охватывавшую весь бассейн Средиземного моря, так и периоды глубокого упадка. В последние века своего существования она представляла собой уже в политическом отношении расчлененное, «остаточное» государство, которому на Балканах принадлежали лишь некоторые незначительные, разрозненные территории. Как государство Византия сохранила и продолжила римскую систему выборной, ненаследственной (по крайней мере вначале) и централизованной монархии, что резко выделяло ее во всем средневековье. У Рима же она заимствовала и развитое писаное право, покоящееся на принципе частной собственности.

В экономике Византии преобладало натуральное хозяйство, но было развито и товарное хозяйство. Сочетание товарно-денежных отношений с чисто средневековыми, феодальными формами ведения хозяйства и эксплуатации составляло, пожалуй, наиболее характерную ее черту. В сфере финансов господствовала монометаллическая система на золотой основе, а византийская золотая номисма была общепризнанной международной расчетной единицей, игравшей роль своеобразного «доллара средне-

вековья»[1]. Соответственно в Византии (особенно раннего периода) наблюдался сравнительно высокий уровень банковского дела. Стремясь способствовать развитию банков, византийское правительство (например, при императоре Никифоре Фоке, 963—969) боролось с тенденциями к изъятию денег из обращения, к их тезаврации. В сборнике уставов ремесленных корпораций X в. содержится запрет копить деньги «на время нужды», не сдавая их на хранение трапезитам[2]. Стабильности денежного обращения, устойчивости валюты придавал особое значение и Лев VI Мудрый (886—912), в 52-й Новелле которого «удобные для обращения деньги» названы «нервом всех дел»[3].

Понятие «справедливая цена», которое, как и на Западе, имело хождение в Византии, не было в условиях развитого рыночного обмена проблемой чисто теоретической или принципом морального воздействия. Оно отражало конъюнктуру рынка, применялось к ценообразованию на городском рынке. Будучи легализованным нормами действующего права, понятие «справедливая цена» использовалось и на практике, в частности получало свое отражение в актах купли-продажи.

В общем и целом экономические воззрения византийцев складывались под влиянием классической традиции, суждений античной хрематистики, а также христианских норм, отраженных как в каноническом, так и в гражданском праве. Поэтому вплоть до последних веков существования империи не появилось ни одной сколько-нибудь оригинальной концепции в этом отношении. Даже в XIV в. в работах выдающегося византийского государственного деятеля, ученого и писателя Феодора Метохита (1260—1332) экономические идеи принимают форму абстрактных рассуждений об улучшении управления финансами, об экономном и умеренном их расходовании, об умножении общественного богатства, которое ассоциируется у Метохита с денежным богатством, и т. д. Общими положениями классической традиции руководствуется в своей критике финансовой и налоговой политики правительства, в попытках обосновать необходимость более широких реформ и другой византийский ученый этого времени Фома Магистр (ок. 1270 — ок. 1325)[4]. А видный церковный деятель эпохи Григорий Палама (1296—1359), явно находясь под влиянием Аристотеля, высказывает не лишенные интереса мысли о назначении денег как всеобщего эквивалента и посредника в сфере товарного обращения. «Один человек,— говорит Палама,— не может быть одно-

временно ученым и земледельцем, портным, ткачом, строителем, сапожником, врачом и сведущим в каждом из других искусств. И так как каждый в одиночку не может сам удовлетворять свои потребности, а во всем подобном непременно имеет нужду, то изобретено средство — деньги, с помощью которых с выгодой для жизни и избыток устраняется, и недостаток восполняется. Земледелец отдает свои излишки не занимающимся земледелием и, взяв за них плату, на нее покупает дом, например, или ткань, возмещает потребность в недостающем ему. И таким взаимным общением всех нас устраивается жизнь наша: от этого возникают поселения и государства, и человек есть общественное животное»[5].

Как и в феодальной Европе, византийские церковные теоретики в соответствии с положениями канонического права активно боролись с ростовщичеством (каноническое право осуждало как тяжкий грех дачу денег под проценты исходя из принципа «деньги не могут порождать деньги»). Эти представления проникали в светское законодательство. Эклога (византийский законодательный свод VIII в.) вообще не упоминает займа в рост, что было интерпретировано как запрет. Знаменитая 67-я глава юридической компиляции «Земледельческий закон» не запрещает дачу займа в рост, но предписывает, чтобы после семи лет доходы с земли, удерживаемой в качестве залога, были отнесены на счет должника[6]. И это с полным основанием было понято как желание ограничить широкую дачу займов в рост[7]. Законодательный сборник IX в. «Исагога», автором которой был патриарх Фотий, требовал упразднить всякий процент и запрещал крестьянам отдавать свои поля в качестве залога, «так как в действительности это вовсе не дача в залог его поля, но разрушение его жизни»[8]. Враждебную по отношению к ростовщичеству позицию продемонстрировал в XIV в. константинопольский патриархат в ряде своих судебных решений, а ученик и последователь Григория Паламы, видный византийский богослов Николай Кавасила (ок. 1320—1363/91) в двух своих трактатах —«О ростовщичестве» и «Против ростовщиков»— развивает эти идеи применительно к той критической ситуации, в которой оказалась в это время Византия. Вдохновляясь библейскими текстами, Кавасила выдвигает тезис об обязательности труда для всех, ибо «не следует получать доход тем, кто не трудится». Именно поэтому ростовщичество не может считаться нравственным, ведь «процента никто не получает трудом»[9]. Труд в интер-

претации Кавасилы предстает в качестве не экономической категории, а моральной. И все призывы во имя абстрактной справедливости и христианской любви к ближнему запретить деятельность богачей-ростовщиков были в период зарождения элементов биржи и коммерческого кредитования (о чем так красноречиво свидетельствует книга счетов венецианского купца Джакомо Бадоэра) делом не только бесполезным, но и реакционным.

Наиболее своеобразно, полно и оригинально экономические воззрения и идеи проявились в рамках гуманистического течения, которое развивалось в Византии в XIV — XV вв. и было прежде всего связано с именем выдающегося деятеля византийской культуры, философа-неоплатоника Георгия Плифона (ок. 1360—1452)[10]. Греческая историография наших дней рассматривает Плифона как «провозвестника и зачинателя экономической науки», «великого социолога и финансиста», утверждая, что уделом других национальных школ на протяжении веков оставалось лишь «развивать и аналитически излагать его воззрения, разрабатывая таким образом теорию»[11]. Некоторые современные буржуазные ученые находят тождественными воззрения Плифона и таких школ, как физиократы и смитианство, по важнейшим разделам политэкономической науки. Они усматривают наличие прямой «материальной» связи между ними, бездоказательно утверждая, что «по крайней мере наиболее значительные представители названных школ (Ж. Боден, Ж. Кольбер, Ф. Кенэ, А. Смит и др.), должно быть, имели перед глазами плифоновские тексты»[12].

В чем же состоит с точки зрения истории экономических учений сущность плифоновских идей? Правда, те главы его знаменитого трактата «Законы», в которых были изложены все его экономические взгляды (судя по оглавлению, это были частично вторая и главным образом третья книги), не сохранились. Но возможность составить о них довольно четкое представление есть, поскольку до нас дошли речи Плифона с предложением реформ. Одна из них адресована византийскому императору Мануилу II Палеологу, вторая — правителю Пелопоннеса Феодору Палеологу. Разумеется, в трактате Плифона еще не было и не могло быть теоретической разработки тех проблем, которые ему иногда приписываются, нет четкого понимания таких экономических категорий, как стоимость, товар, цена и т. д. Но им выдвинуты проекты ряда поистине ра-

дикальных для того времени реформ, пусть и облеченных в одежду античных реминисценций.

Исходным пунктом в системе экономических воззрений Плифона было его положение об общественном богатстве как совокупности плодов земли, а более конкретно — как результате сельскохозяйственной деятельности. Это сугубо «вещественное» богатство возникает, по мысли Плифона, посредством сочетания трех составных элементов — труда, средств производства и управления. Мысль о труде как источнике богатства постоянно подчеркивается Плифоном. Он выделяет его из других факторов производства и тем самым дает повод некоторым буржуазным авторам говорить о зарождении у него трудовой теории стоимости. Однако Плифон не видел и не мог еще видеть труда в его стоимостной форме, как труда абстрактного, выражающегося в затрате общественно необходимого рабочего времени. Ведь, согласно представлению автора, общественный производительный труд всего лишь конкретный труд, затрачиваемый в сельском хозяйстве. Обращает на себя внимание также тот факт, что, хотя земля занимает у Плифона особое место как сфера приложения труда, она не включена в понятие средств производства, в число активных факторов создания общественного богатства. Благодаря этому он избежал ошибки, столь типичной для физиократов.

Главный тезис Плифона, проходящий красной нитью через все его проекты реформ,— необходимость защиты трудящегося человека, прежде всего земледельца, пастуха или виноградаря, труд которых рассматривался им в качестве основы экономического благосостояния государства, был весьма прогрессивным. Плифон призывал возможно лучше относиться к непосредственным производителям, «этим всеобщим кормильцам», не только защищать их от внешней опасности, но и облагать лишь единым, справедливым натуральным налогом. В иерархии сословий, на которые должно делиться общество, именно земледельцы-налогоплательщики поставлены на первое место. На втором оказались воины, освобожденные от налогов и обязанные защищать государство, на третьем — правители, чиновники во главе с самим императором.

Не менее прогрессивен в обстановке господства феодальных отношений и тезис Плифона о том, что «вся земля, как это дано природой, должна быть общей для всех живущих и никто не должен превращать ее в личную собственность... Каждый должен считаться хозяином воз-

делываемого им участка до тех пор, пока он не оставляет работы на нем: он никому не должен ничего платить и никто не может вредить ему или препятствовать, кроме того только, кто раньше его получил (этот) участок для обработки,— как устанавливается законом в отношении общей, а не частной собственности»[13]. Конечно, в этом нельзя усматривать требование «обобществления земли», а в авторе — предшественника не только утопического, но и научного социализма, как это делает большинство буржуазных исследователей[14]. Трудно согласиться и с мнением, которое объясняет отрицание Плифоном частной собственности на землю его «капиталистическим» мышлением, приписывает ему антифеодальную направленность идей. Ведь, ратуя за то, чтобы земля была «общей», т. е. государственной (что для Плифона одно и то же, а термин «koine», которым он пользуется, может иметь оба этих значения), Плифон выступает как служилый мелкопоместный человек, как прониар, не имеющий крупной родовой земельной собственности и с ненавистью (а возможно, и с вожделением) взирающий на земельные владения родовой византийской знати. Отсюда беспощадная критика всевозможных «динатов» и «архонтов», крупнейших землевладельцев — вотчинников, носителей сепаратистских тенденций, которых прониарское сословие, связанное с императорским двором, считало своим врагом.

Характерны также рассуждения Плифона о распределении годового совокупного продукта производства по различным общественным группам населения ради осуществления социальной справедливости. Когда плоды трудов подсчитаны и земледельцам возвращены затраты на семена, писал он, подчеркивая тем самым необходимость производственного потребления, то затем весь доход следует разделить на три части и отдать первую часть тем, кто производит работу (т. е. земледельцам), вторую — тем, кто вкладывает в производство свое имущество (т. е. собственникам средств производства), а третью — на содержание государственного аппарата[15]. Зато Плифон категорически отказывал в праве на участие в распределении общественного дохода паразитическим прослойкам общества, прежде всего монашеству. Только принимая во внимание конкретные взаимоотношения между прониарским и монастырским землевладением в Византии XIV — XV вв., частые перераспределения земельного фонда между этими двумя категориями византийских феодалов, можно понять ту страсть, с которой Плифон призывал ли-

шить этот, по его выражению, «рой трутней» доли в общественном богатстве как прослойку населения, не имевшую никаких обязательств перед обществом. Выступая против стяжательства монастырей, Плифон подчеркивал, что подобные явления «не согласуются с учением тех, кто первоначально установил этот (т. е. монашеский) образ жизни». Государство терпит ущерб из-за того, что удовлетворяются требования на бесконечные дарения из государственных запасов «людям, не имеющим никаких обязанностей»[16].

Многие планы плифонских реформ были навеяны внешней опасностью, грозившей Византии в XV в. Отсюда его тезис о необходимости замены наемного войска местной регулярной армией, ориентации на протекционистскую политику для ограждения ремесла и торговли Пелопоннеса (именно ему Плифон отводил роль «экспериментального цеха» своих реформ) от конкуренции иноземных, в первую очередь итальянских, купцов. Этот протекционизм, вытекающий из представлений Плифона об автаркическом государстве, о создании замкнутого хозяйства, обособленного от экономики других стран, диктовался также насущной необходимостью спасения местного производства и объективно отвечал интересам торгово-ремесленного населения страны.

Взгляды Плифона оказали большое влияние на его последователей и учеников. Некоторые из них, наиболее известные, не ограничивались теоретическим усвоением его экономических воззрений, а стремились провести их в жизнь.

В этом отношении особенно показательно письмо выдающегося деятеля Византии и итальянского Возрождения кардинала Виссариона Никейского (1403—1472) Константину Палеологу (тогда еще деспоту, позднее — последнему византийскому императору)[17]. По существу вся политическая, экономическая и военная программа, изложенная в письме Виссариона, основывалась на идеях его учителя — Плифона. Это явствует из самой терминологии Виссариона: когда он предлагает разделить население на сельскохозяйственный производительный класс и на военное сословие, то это лишь простое повторение соответствующих положений Плифона. Понимание законов хозяйственной деятельности, роли государства в этом процессе также зиждется на идеях Плифона. В частности, автор письма считал, что для нормального функционирования хозяйственного организма необходимы

охрана общественного богатства (а оно, видимо, понималось тоже как вещественное, как масса потребительных стоимостей), вывоз и реализация излишков продукции общественного производства, сохранение того, чего в стране нет в изобилии, наконец, ввоз тех товаров, в которых страна нуждается.

Однако в своих предложениях по оздоровлению экономики Византии Виссарион гораздо более практичен, чем Плифон. Будучи хорошо знаком с промышленным развитием Запада, и особенно Италии, Виссарион остро чувствовал экономическую отсталость страны. Поэтому свои теоретические положения и практические предложения он стремился подкрепить примерами из жизни итальянских городов. Именно под влиянием итальянской практики Виссарион в значительной мере отошел от взглядов своего учителя на земледелие как основу общественного производства и на земледельческий труд как на единственно производительный. Указывая Константину на наличие на Пелопоннесе железорудных месторождений и настоятельно рекомендуя систематически разрабатывать их для того, чтобы избежать импорта железа из-за границы, автор тем самым признавал роль промышленности как существенной составной части общественного производства. Речь при этом шла не только о добывающей промышленности, но и о перерабатывающей. По мнению Виссариона, производство железа «столь полезно и столь необходимо людям, что без этого невозможно добиться успеха ни в военных, ни в мирных, ни в государственных делах». В качестве практической меры он советовал Константину послать в Италию для обучения необходимым ремеслам молодых людей, добавляя, что такое непосредственное освоение ремесел на итальянских мануфактурах позволит легко и в короткий срок изучить их[18]. Все эти положения знаменуют собой качественный скачок в представлениях византийцев, отход от ориентации на философскую традицию, на античность и характеризуют Виссариона как самостоятельного мыслителя.

Таким образом, экономическая мысль Византии отражала особенности становления отдельных феодальных институтов, своеобразие развития византийского феодализма в целом. Это была идеология общества, экономика которого в силу некоторых особых исторических условий сочетала натурально-хозяйственную основу с элементами развитого товарно-денежного хозяйства. Социальная тенденция византийских мыслителей состояла в том, чтобы

способствовать консолидации феодализма, упрочению классовых основ византийского государства. Народные массы, восстаниями которых полна история Византии, имели на этот счет свою собственную стихийную «политическую экономию», в которой скорее преобладали настроения и чувства, чем идеи и осознанные программы. В наиболее организованных выступлениях народных масс, каким, например, было восстание зилотов в Фессалонике в XIV в., на первый план как будто выступает элемент отрицания авторитета собственности, прерогатив имущих классов. Но и здесь классовое самосознание затемняется различного рода легитимистскими и религиозными предрассудками, не получая своего адекватного выражения. И в этом отношении экономическая мысль и социальная практика Византии вполне соответствовали уровню развития страны, были типичными для эпохи средневековья.

Глава 10

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НАРОДОВ РОССИИ (IX—XVII вв.)

В истории формирования мировой духовной культуры России принадлежит важное место. В отличие от народов Востока, Средиземноморья (Греции, Рима) восточные славяне не имеют столь древнего культурного наследия. Но уже в средние века Русь освоила обширные пространства, расширила площадь агрикультуры, дала миру оригинальные произведения искусства, а позднее Россия встала во главе социального прогресса человечества.

1. Период Древней Руси

Общественная мысль народов России уходит своими корнями в историю Древней Руси. Ее народы уже в IX в. образовали феодальное Киевское государство. Киевская Русь положила начало государственности у восточных славян. Русь не знала рабства. Основную массу населения составляли крестьяне. Одни из них находились в личной и экономической зависимости от крупных землевладельцев (смерды), другие были независимы и вели свое хозяйство на общинной земле. Со временем общинная земля стала собственностью великого князя.

Хозяйство Киевской Руси носило преимущественно натуральный характер. После принятия христианства (988—989) в Киевской Руси стало складываться монастырское и церковное землевладение. Возникали сложные взаимоотношения между светской властью великих князей, бояр, стремившихся к независимости и самостоятельности, и церковью, монархической властью Киева, между господствующими силами феодальной иерархии и порабощенными земледельцами на селе и ремесленным людом в городах. В ткань классовых противоречий постепенно вплетались интересы купцов.

Рост крупного феодального землевладения и усиление крепостничества вели к обострению классовых противоречий. Возникало много различных экономических и политических проблем в ходе становления, формирования и развития Древней Руси. В связи с этим в той или иной форме рождались экономические идеи. К источникам, по которым можно судить об уровне развития этих идей Древней Руси, следует отнести государственные документы, правовые акты, договоры, грамоты великих князей, летописи, сказания (фольклорное творчество). Особенно ценны летописи. В них отразились вопросы экономики (размеры дани, сборов, налогов), торговой политики, пошлин, чеканки монет, социального статуса населения и характера землевладения.

Выдающимся памятником общественной мысли Киевской Руси является Русская правда, первые сведения о которой относятся ко времени правления князя Ярослава Мудрого (1019—1054). Дальнейшее развитие она получила в период княжения его сыновей и внука — Владимира Мономаха (1113—1125).

Русская правда представляет собой свод юридических законов, касающихся имущественных отношений и ответственности за нарушение права феодальной собственности. Русская правда носила классовый характер, защищала частную собственность феодалов, торговцев, ростовщиков.

Речь шла прежде всего об охране собственности князей, феодальной знати на землю, закрепощенных крестьян, о праве получать с них налоги, натуральные повинности. Ограждались интересы ростовщиков, взимавших высокие проценты по займам. К социальным аспектам Пространной Русской правды относятся статьи, регулирующие отношения феодалов с холопами и особенно с закупами (смердами, попавшими в долговую зависимость

к господину). Так называемый Устав о закупах определял обязанности закупа, объем прав господина и его ответственность за превышение своих прав над закупом. Русская правда отражала процесс формирования феодальных производственных отношений в Киевской Руси, принципы экономической политики государства. В тексте употребляются термины, выражающие такие экономические понятия, как «истое» (ростовщический капитал), «рез» (*процент*), «вервь» (*сельская община*), «*тов*ар» и др. Конечно, эти понятия не экономические категории, но они фиксировали существовавшие в то время определенные имущественные и социальные отношения.

Важную роль в развитии феодальных отношений играло христианство, принятое на Руси в период княжения Владимира I. Монастыри и церкви были крупными землевладельцами, собиравшими огромные подати с живших на их землях крестьян. Церковь требовала от них полного повиновения богатым, покорности, смирения и неустанного труда на феодалов. Правда, христианская церковь способствовала распространению грамотности на Руси и культуры, была противником крайностей крепостничества, ратовала за умеренное взимание ростовщиками процентов за ссуды. Она наблюдала за точностью торговых мер и весов. Эталоны этих единиц хранились в церкви.

Взгляды угнетенных масс Киевской Руси нашли отражение в былинном творчестве, где воспевался труд земледельца, его трудолюбие, верность Руси, любовь к простому народу. Экономические идеи Киевской Руси лежали в основе возникновения и развития русской экономической мысли. Киевская Русь как мощное государственное образование просуществовала до середины XII в. Рост крупного феодального землевладения — княжеского, боярского, церковного — вел к расширению закабаления смердов, к захвату их общинных земель. Экономические интересы крупных землевладельцев требовали усиления их власти над порабощенными крестьянами. Это вызывало стремление феодалов к самостоятельности, к получению полной политической и административной власти над подчиненными им землями. Так на месте бывшей Киевской Руси в середине XII в. возник ряд самостоятельных феодальных княжеств. Начался период феодальной раздробленности. Русский народ вступил в сложный период своего развития, полный междоусобиц, раздоров, борьбы за власть, за территорию. Раздробленности Киевской Руси способствовал и рост крупных городов, усиление их эко-

номического и политического влияния. Такие города, как Псков и Новгород, стали самостоятельными центрами новых государств-республик.

Феодальная раздробленность ослабила мощь Русского государства, и в XIII в. русский народ подпал под иго монголо-татарских завоевателей. Стране был нанесен большой материальный и моральный урон: сельское хозяйство было разорено, пришли в расстройство ремесла, в упадок — промышленность и торговля. Страну стали грабить Ливонский и Тевтонский ордены и шведы. Но народ Руси не встал на колени и, разбив в 1240 и 1242 гг. под руководством Александра Невского шведов и немцев, отвел угрозу окончательного порабощения страны. Торговые связи русских земель переместились на юг. Великий Новгород, Псков, Москва вели широкую торговлю с западными странами и Азией. По-прежнему острыми оставались внутренние классовые противоречия, ибо главную тяжесть монголо-татарского ига несли крестьяне, ремесленники городов. К этому добавлялся гнет ростовщического и торгового капитала.

Период феодальной раздробленности характеризуется новым этапом в развитии экономической мысли. Это нашло отражение и в светской литературе XII—XV вв., представленной такими памятниками, как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина», «Моление Даниила Заточника».

В «Слове о полку Игореве» содержатся высказывания о земледельческих работах, о подневольном, почти рабском труде. Борьба русского народа с монголо-татарским нашествием отражена в «Слове о погибели Русской земли» и «Задонщине». В «Молении Даниила Заточника» выражено отрицательное отношение безымянного автора к образу жизни монахов, к сытой жизни богатых и сочувствие к жизни бедных.

Для характеристики экономической мысли юго-западных княжеств Русского государства важным источником является Галицко-Волынская летопись, содержащая описание событий с начала XIII в. до 1292 г. В ней рассказывается об экономической политике галицких и волынских князей, поощрявших развитие ремесел, торговли и торговых путей. С этой целью строились города (например, Львов), оказывалась помощь горожанам в их борьбе с боярами. Горожане высоко оценивали деятельность Даниила Галицкого как покровителя промышленности. Он приглашал в свое княжество умелых ремесленников, тор-

говых людей, что способствовало развитию производительных сил. Галицко-Волынская летопись содержала характеристику военной политики, наказы по использованию пленных и захваченного имущества[1].

2. Экономическая мысль на этапе образования централизованного Русского государства

В эпоху феодальной раздробленности прогрессивные общественные идеи служили объединению Руси. Этому способствовало изменение экономических условий хозяйствования, когда общественное разделение труда потребовало новых, устойчивых экономических связей различных частей страны, экономической и политической централизации государства. Объединение феодальных сил необходимо было и для борьбы с внешним врагом. Уплата огромной дани в пользу Золотой Орды требовала развития производства, торговли в вотчинных хозяйствах, расширения товарно-денежных отношений и экономических связей между княжествами. Политическая централизация стала настоятельной потребностью. Ведущая роль в деле объединения Русского государства выпала на долю Московского княжества, ставшего со времени Ивана Калиты (1325—1340) основой централизации разобщенных княжеств.

Несмотря на глубокие классовые противоречия между феодалами и закрепощенными крестьянами, русский народ нашел в себе силы для решительной борьбы против монголо-татарского ига. В 1380 г. на Куликовом поле русское воинство под руководством Дмитрия Донского нанесло решающее поражение иноземным захватчикам, а в 1480 г. Русское государство окончательно освободилось от монголо-татарской зависимости.

Централизация Русского государства, начавшаяся еще при Иване Калите, закончилась при Иване IV Грозном (1530—1584). Особенно же активный процесс объединения русских земель приходится на период царствования Ивана III (1462—1505). Именно при нем начинает складываться централизованный аппарат власти, получает развитие поместное землевладение, сильно возрастает политическое значение дворянства. В этот же период наблюдался подъем земледелия, развивались товарно-денежные отношения. Натуральный оброк частично был заменен денежным, получила распространение денежная рента. Промышленность по-прежнему была тесно связана

с земледелием, перерабатывая его сырье. Развивалась внешняя торговля. Расширение Русского государства сопровождалось ростом классовых противоречий, восстаниями крепостных крестьян и бунтами городских низов. Иван IV юридически оформил окончательное прикрепление крестьян к земле, что еще более усилило их протест и явилось как бы прелюдией крестьянских войн в XVII в. Социальные противоречия существовали и внутри господствующих сил. В среде феодалов появилась служилая прослойка землевладельцев — дворян, несущих военную службу московскому государю.

Развитие русской экономической мысли в XIII — XV вв. было неотделимо от экономической и политической жизни государства. С одной стороны, происходит процесс дальнейшего закрепощения крестьянства феодалами, с другой — московские князья стремятся подчинить себе как можно больше светских феодалов, монастырей и церковных уделов, чтобы реально объединить русские территории. Эти идеи четко выявляются в многочисленных жалованных грамотах великих князей светским феодалам, монастырям и церкви с предоставлением им различных льгот и привилегий, минуя местные княжеские власти и тем самым как бы через голову последних подчиняя их себе. Раздача таких грамот особенно характерна для XIV и XV вв.[2]

Жалованные грамоты способствовали укреплению феодального строя и усилению эксплуатации крестьян. В них определялся объем прав феодала, уровень податного обложения или оброчных сборов с монастырей и церкви. Предоставляя феодалам всю полноту власти, они укрепляли их политические позиции по отношению к населению, усиливали крепостную зависимость крестьян. Экономическая политика князей преследовала цель расширения и укрепления феодальных отношений.

Междукняжеские договорные грамоты регламентировали экономические связи разных земель, прокламировали строгое невмешательство в дела друг друга, уважение суверенитета каждого, отказ от покупки или приема беглецов из числа крепостных крестьян чужого княжества, совместную борьбу против восставших крестьян (проведение единой социальной политики). Статьи определяли условия торгово-экономических связей между княжествами, размеры пошлин и сборов, порядок охраны торговых путей, устройство ярмарок, выработку единых условий торговли иностранных купцов. Важное место в междукня-

жеских договорных соглашениях занимали вопросы финансовой политики, монетной системы. Как правило, каждое княжество имело собственную чеканку монет.

Важным источником по истории экономической мысли того периода является церковная литература. Церковные догматы по-прежнему требовали повиновения крепостных крестьян своим господам, осуждали лишь высокий ростовщический процент и обман в торговле. Церковная идеология последовательно выступала в защиту феодально-крепостнических отношений.

Экономическая мысль периода создания централизованного Русского государства способствовала преодолению феодальной раздробленности. Это выражалось, например, в обосновании экономической политики Ивана III, служившей созданию и упрочению централизованного государства. Этой идее подчинены все мероприятия «государя всея Руси» в области землевладения, финансов, торговли, установления взаимоотношений между феодалами и крестьянами. Ставилась задача подорвать экономическую основу (наследственное боярское землевладение) крупных княжеских владений, стремившихся к сепаратизму, противопоставить боярской земельной собственности поместную систему землевладения. Это явилось главной причиной объединения поместных дворян вокруг государя, давшего им землю. Помещик мог существовать как хозяйствующий субъект и как деятель политически господствующего класса лишь под покровительством государя — главы централизованного государства. Верховным собственником земли поместного дворянства считался государь. Дворянам она давалась на период их службы царю и по наследству не передавалась. Служилые дворяне были социальной опорой московских князей в их борьбе против других князей, бояр, внешних врагов и восставших эксплуатируемых масс.

Финансовая политика Ивана III также способствовала созданию и укреплению единого государства. Сбор податей в государственную казну стал осуществляться централизованно. Податной единицей обложения стала «соха», т. е. семья, состоящая из двух работающих членов. Политика в области внутренней торговли была направлена на создание единого рынка. При Иване III развивались ремесла, горнодобывающая промышленность, пушечное литье и др. Московский государь активно вел внешнюю торговлю, забрав в свои руки ее организацию и регламен-

тацию, что также способствовало объединению всех княжеских земель вокруг Москвы.

К этому времени относится сочинение Афанасия Никитина «Хожение за три моря» (1466—1472). В нем давалось первое в европейских письменных памятниках экономико-географическое описание Индии, ее природы, населения, городов, хозяйства, торгов, товаров, цен, таможенных сборов, торговых путей, дорог (сухопутных и морских), международных торговых связей.

Ценным документом, свидетельствующим о характере экономической политики, является Судебник 1497 г., которым устанавливался единый порядок судопроизводства для всего Русского государства. В ряде статей определялись имущественные отношения, положение крестьян, холопов, условия найма («наймитов») на работу, условия выдачи займов и т. д. Судебник усиливал закрепощение деревни, предоставляя крестьянам срок отказа от землевладельцев — одну неделю до и одну после Юрьева дня (26 ноября), когда можно было переходить от одного владельца к другому. При этом крестьянин обязывался выплатить феодалу определенную сумму «пожилого», т. е. сумму денег за пользование двором (хозяйственными постройками и жильем). Судебник 1497 г. был первым кодексом феодального права на Руси периода формирования централизованного государства, защищавшим интересы феодалов.

В конце XIV — начале XV в. появляются ереси. Как известно, глубинные причины ересей лежат в социально-экономических противоречиях феодализма. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье,— писал Ф. Энгельс.— Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[3]. В России ереси хотя и не имели большого значения, но тоже были формой борьбы против феодальной эксплуатации, прикрытой религиозной оболочкой. В конце XIV — начале XV в. возникает движение стригольников (суконщиков). Их ереси были направлены против господствующей феодальной церкви. Особенно широко они были распространены в Новгороде и Пскове. Стригольники выступали против всяких поборов в пользу церкви, против попов и лихоимства, критиковали феодальные порядки. Ереси стригольников зародились среди городских низов и были выражением протеста не только против церковной системы, но и против всякой феодальной эксплуатации.

Идеологи церкви рьяно обрушились на стригольников, требуя подавления их движения, даже физического уничтожения. Они решительно отстаивали теорию неприкосновенности церковных имуществ и доходов.

В конце XV — начале XVI в. в России обострилась борьба вокруг монастырского землевладения. Ее начали еще еретики в предшествующие периоды. Экономическое содержание идей новых еретиков сводилось к борьбе против монастырского землевладения, паразитической жизни монашества. Эту борьбу поддерживали социальные низы городов — посадские люди (ремесленники, мелкие торговцы), крестьяне. Ее направленность против феодальной эксплуатации очевидна и объективно носила прогрессивный характер. Но к этому течению общественной мысли присоединились те представители господствующего класса, высшего духовенства, которые хотели использовать это движение народных масс против централизации государства, что было реакционно. Церковные соборы 1490 и 1504 гг. осудили еретиков. Их заточали в монастыри, жгли на кострах.

В конце 50-х годов XVI в. Россию вновь охватило движение еретиков. Выразителями антифеодального направления этого движения были мелкий дворянин Матвей Башкин и холоп Феодосий Косой. Так, М. Башкин замечал противоречия между церковными догмами и реальной жизнью, осуждал эксплуатацию труда холопов и предлагал заменить его трудом вольнонаемным, за что был осужден и заточен в Волоколамский монастырь. Бежавший от своего господина Феодосий Косой постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, но стал непримиримым врагом церкви и ее догматов. О взглядах Косого можно судить лишь косвенно — по критике его русским церковником Зиновием Отенским. Косой осуждал и категорически отрицал не только внешние атрибуты церкви — иконы, молитвы, обряды, храмы, но и правомерность существования церкви вообще, указывая на обман народа, выступал решительным противником церковного и монастырского землевладения, срывал покровы святости с них. Косой смело выступал против феодальной эксплуатации, заявляя, что «не подобает же повиноваться властям и попам» (как свидетельствовал Отенский)[4]. В самом обществе не должно быть ни бедных, ни богатых, утверждал Косой. Он стремился к имущественному равенству людей, так, как этого требовало раннее христиан-

ство. Косой отражал мечты эксплуатируемых народных масс, хотя иногда, правда, и в наивной форме.

Упорное отрицание права монастырей на владение землей сближало еретиков с нестяжателями — особым течением среди части русских церковников, направленным против монастырского землевладения в России в конце XV — начале XVI в. Против централизации государства активно выступали и бояре-вотчинники. Чтобы отвести удары от вотчин, они стремились направить царскую политику захвата земель для нужд поместного дворянства в сторону монастырских владений, против стяжательства сторонников монастырского землевладения — монахов, использования монастырских привилегий на землю и труд крепостных крестьян. Основоположником движения нестяжателей был Нил Сорский (1433—1508), постригшийся в монахи боярский сын, написавший в ските на реке Соре ряд сочинений («Предание ученикам», «Устав о жительстве скитском» и др.). Он резко выступал на соборах против монастырского землевладения и стяжания монахами плодов труда монастырских крестьян. Монастыри не должны пользоваться трудом крестьян, поучал он, монахи сами обязаны добывать себе средства к существованию, работать. Его сподвижником был Вассиан Патрикеев (Косой), выходец из боярского рода, а последователем — Максим Грек (1480—1556), образованный для того времени человек, знавший философию, богословие, античную литературу, историю и прибывший по приглашению великого князя Василия Ивановича (Василия III — 1479—1533) в Москву (1518 г.). Его перу принадлежит более 150 сочинений, написанных в защиту крестьян. Он был противником накопления богатства, роскоши и нетрудовых доходов монастырей, церкви и их ростовщической деятельности. В истории экономической мысли нестяжатели известны как защитники натурального хозяйства, противники развития товарно-денежных отношений, сторонники замкнутости и местничества.

Идейным вождем стяжателей был настоятель Волоколамского Успенского монастыря Иосиф Волоцкий (1439—1515), родом из дворян, автор более 40 публицистических сочинений. Особую известность получил его трактат «Просветитель»[5]. И. Волоцкий и его сторонники выступали за сильную власть московского князя, видели в нем защитника церкви и ее богатств, развивали идею о божественном происхождении царской власти. Выступление стяжателей против бояр, за объединение русских

земель вокруг московского государя имело прогрессивное значение.

О русской экономической мысли XVI в. можно судить по трудам идеологов поместного дворянства И. С. Пересветова и Ермолая-Еразма, выдающихся представителей общественной мысли того времени. И. Пересветов прибыл в Москву из Литвы в 30-х годах XVI в., выразив желание служить московскому царю. Для Ивана Грозного он написал ряд произведений: «Сказание о царе Константине», «Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-салтане», «Предсказания философов и докторов», «Первая челобитная», «Вторая челобитная» и др.[6] Они были созданы в середине XVI в.

В своих работах Пересветов дает советы московскому царю опираться на мелких и средних служилых дворян, а не на бояр и знатных вельмож. Последние инертны и жадны, от них государство оскудевает. Он выступает за неограниченную власть царя-самодержца. Это совпадало со взглядами Ивана IV. В сочинениях Пересветова нет места заботам о крестьянах. Он считал эксплуатацию дворянами крепостного крестьянства нормой общественной жизни, но холопство осуждал, опираясь на моральные принципы и Священное писание. Главная цель этого осуждения — экономическое ослабление боярства, ибо труд холопов использовался преимущественно в боярских вотчинных хозяйствах. В вопросах торговой политики Пересветов был на стороне дворянства, предлагал царю регламентировать торговлю, устанавливать твердые цены, карать нарушителей. Пересветов чутко улавливал противоречия между дворянами и боярами, между дворянами и купцами. В интересах же дворянства выдвигались и предложения в области внешней политики. Проектировался поход на Казань, обещавший большие и плодородные земли, что было необходимо служилому дворянству. В трудах Пересветова были предвосхищены и обоснованы реформы, которые позднее осуществил Иван Грозный в области финансов, торговли и землевладения.

Среди церковной литературы, защищавшей интересы поместного дворянства, известный интерес представляют работы бывшего священника московской дворцовой церкви Ермолая-Еразма (середина XVI в.). Бóльшая часть его произведений посвящена богословию и нравственности, но в них ставились и социальные вопросы. Он был противником боярских центробежных тенденций, направленных на ослабление единства Русского государства. Вместе с тем

Ераэм выступал за независимость церкви от государства, доказывал превосходство духовной власти над царской. В его взглядах на богатство проскальзывает нравственное осуждение, источник обогащения усматривается в присвоении феодалами чужого труда, так как «вельможа (ничто же) имеюще от своего труда, но изъядающе и одеяниа носящ людская труды». Ераэм резко осуждал обогащение торговцев, ростовщиков. Религиозная терминология рассуждений Ераэма не исключала его сочувствия крестьянам, намерения ослабить крепостнический ярем, лежащий на них.

В своем произведении «Благохотящим царем правительница и землемерие», являющемся первым в России специальным экономико-политическим трактатом, он давал советы царю: чем руководствоваться в управлении государством, как учитывать и измерять землю. Его рекомендации были направлены на уменьшение и законодательное установление размеров повинностей крестьян (с тем чтобы положить конец произволу феодалов), утверждение определенного порядка поступления средств в царскую казну, упорядочение ямских повинностей, изменение системы измерения земли. Ермолай-Ераэм считал, что крестьянин, зависимый от феодала-землевладельца, должен отдавать ему только $^1/_5$ добываемого им натурального продукта и при этом должен быть освобожден от всяких денежных уплат как землевладельцу, так и в царскую казну. Для получения средств, необходимых государю, он предлагал выделить в разных частях страны определенное количество земли, обрабатывая которую крестьяне, зависимые от государя, должны отдавать также $^1/_5$ урожая в царскую казну. Это было значительно меньше, чем платили крестьяне в середине XVI в. землевладельцам в виде оброка. Оставаясь на позициях защитника натурального хозяйства, Ераэм в то же время допускал, что землевладельцы и царь будут иметь необходимые им деньги путем продажи полученных от крестьян продуктов на рынке городским жителям. Предлагая освободить крестьян от ямской повинности, он хотел ее возложить на городских торговых людей, которые богатеют на купле-продаже товаров. Зато торговые люди городов должны быть освобождены, по его мнению, от пошлин и других платежей[7]. Конечно, значение этих мер не следует переоценивать. Они не упраздняли феодальный гнет, но все же могли бы уменьшить тяжесть эксплуатации, устранить ее крайности.

Реформа единицы измерения земли, предлагаемая Еразмом, также преследовала цель снять с крестьян обременительные расходы, связанные с работой царских землемеров. Интересные соображения высказывал Еразм и в отношении наделения дворян землей и крестьянами. Он рекомендовал трактовать это наделение только как материальное обеспечение службы дворян государству, привязывающее поместное дворянство к государю, причем наивысший надел земли не должен восьмикратно превышать низший. Ермолай-Еразм понимал требования времени, поскольку мельчали вотчины и поместья. Его предложения противоречили интересам боярства. Еразм обходил вопрос о монастырском землевладении. Это была его молчаливая поддержка монастырей.

Хотя Ермолай-Еразм осуждал наличие у крупных феодалов огромных земельных владений и богатств, его экономические взгляды не выходили за рамки крепостнических отношений. Он считал, например, нормальным явлением феодальную эксплуатацию крепостных и несение ими повинностей в пользу государства. В трактовке ряда экономических проблем Еразм был реалистом, а иногда — утопистом, особенно в проектах защиты интересов крестьянства. Примирить экономические и политические интересы дворян и крестьян было невозможно, ибо они носили классовый антагонистический характер. Этого Еразм не понимал. Нельзя определенно утверждать, что Иван Грозный в своей политике руководствовался идеями Еразма, но тем не менее некоторые экономические реформы царя (расширение поместной системы) созвучны его проектам. Еразм выступал как идеолог поместного дворянства и создал произведения, которые являются оригинальным памятником русской экономической мысли.

Заслуживают внимания принципы экономической политики Ивана Грозного (1547—1584), направленной на завершение феодализации деревни, упрочение единства Русского государства, укрепление самодержавной власти царя. Это не было проявлением субъективных стремлений московского царя, а отражало объективные потребности исторического развития России. Формирование русского феодализма в XVI в. вступило в новый этап. Настал конец миграции крестьян, их «праву на выход». Разграбление «черных земель» необычайно ускорилось. Об экономических воззрениях русского царя можно судить по царскому Судебнику 1550 г., многим указам, уставным и таможенным грамотам, а также по литературным произве-

дениям, из которых наибольшее значение имеют послания царя князю А. М. Курбскому (1564), английской королеве Елизавете (1570) и в Кирилло-Белозерский монастырь (1573)[8].

В системе экономических мероприятий Ивана Грозного следует выделить реформу в области крупного феодального землевладения. Она была направлена на укрепление позиций служилого дворянства путем «верстания поместьями». Смысл этой реформы состоял в том, чтобы законодательно закрепить связь военной службы государству с землевладением, ослабить боярство.

Иван Грозный предусматривал и перераспределение земли между вотчинниками, чтобы размер их вотчин соответствовал степени и значению государственной службы владельца. Эту реформу он провел в 50-х годах XVI в., чем и завершил создание поместной системы землевладения. По отношению к землевладению церкви и монастырей царь проводил умеренную политику, хотя бояре требовали секуляризации монастырской земельной собственности. Церковь была его союзницей. Он лишь сдерживал рост ее землевладения. Конечно, земельные реформы Ивана Грозного сопровождались усилением крепостничества и ухудшением положения крестьянства, задавленного налогами, поборами, повинностями. Отмена в 1581 г. Юрьева дня, т. е. права перехода крестьянина от одного владельца к другому, еще более закрепостила их. Крепостничество стало юридически узаконенным.

В вопросах торговой политики Иван IV придерживался идеи подчинения ее интересам государства и внешней политики. России нужны были свободные морские пути на Запад. Он всячески пытался привлечь Англию к союзу для борьбы с Прибалтийскими государствами, для чего установил право беспошлинной торговли английских купцов в России. Не достигнув цели, Иван IV отменил это право, ввел хлебную монополию, запретил вывоз денег и благородных металлов за рубеж, что было созвучно теории ранних меркантилистов (монетаристов) на Западе.

Иван IV ревниво относился к городам, стремясь подчинить их своей власти, получать налоги с посадских ремесленников и кустарей в пользу казны. Московский царь понимал важную роль купеческого капитала. Он всячески возвышал богатое купечество, привлекал его к участию в деятельности Земского собора.

Финансовая политика была подчинена решению основных задач государства. Иван IV изменил налоговую

систему, отменил систему «кормлений» (поборы в пользу наместников, волостелей). Вместо «кормлений» был установлен определенный сбор, передаваемый местными властями в государственную казну. Было введено множество временных налогов, связанных с расходами на войны и походы, а также изменена податная единица. Вместо разнообразных единиц податного обложения Иван IV ввел единую для всей страны так называемую большую московскую соху — земельную площадь, подлежащую податному обложению. Размер ее устанавливался с учетом качества земли и ее владельца (бояре, дворяне, церковь). Монастырские земли облагались больше, чем поместные. В области кредитных отношений законодательство Ивана IV преследовало цель искоренить кабальные отношения между ростовщиками и заемщиками. Однако это ему не удалось осуществить. Была проведена и реформа монетной системы. Строгое установление веса денежных единиц — рубля, полтины, гривны, алтына — помогло очистить денежное обращение от поддельных и неполноценных монет.

Русская экономическая мысль в XVII в. формировалась под воздействием многих экономических и политических факторов. В это время Россия окончательно утвердилась как единое централизованное государство[9].

Рост производительных сил и общественного разделения труда способствовал становлению единого всероссийского рынка, развитию товарно-денежных отношений, возникновению торговых центров, росту промышленных сел (родоначальники первых мануфактур в России) и увеличению городов, накоплению торгового капитала и усилению влияния в общественной жизни купеческого сословия. Одновременно усиливается крепостничество. В принятом при царе Алексее Михайловиче (1645—1676) Соборном уложении 1649 г. было установлено, что беглые крестьяне могли быть возвращены помещику независимо от срока их побега. Таким образом, крестьянство было окончательно закрепощено. Все это происходило на фоне сложной для Русского государства внешней обстановки начала XVII в. Многочисленные войны со шведами, с польской шляхтой, турецкими завоевателями привели страну к глубокому экономическому кризису. Боярство, воспользовавшись интервенцией Польши, посадило на русский трон Василия Шуйского (1606—1610). После изгнания народным ополчением интервентов дворяне возве-

ли на престол Михаила Романова (1613). Дом Романовых царствовал в России более 300 лет (до марта 1917 г.).

Экономическая мысль России этого периода отражала сложное переплетение экономических и политических интересов дворянства, боярства, купечества и крестьянства. Поместное дворянство добилось права наследования пожалованных за службу государю земель, превращения их в вотчинные владения. Соборным уложением 1649 г. закреплялось это право дворян при условии возобновления воинской службы, разрешалось увеличивать размеры земельных владений или менять их на вотчинные имения. В политической области Соборное уложение содействовало упрочению абсолютистской монархии, наиболее приемлемой формы власти для дворян. Это важный для понимания сущности дворянской экономической мысли документ и свидетельство победы дворянства, укрепившего свое господствующее экономическое и политическое положение в стране.

В середине XVII в. такие государственные деятели России, как Б. И. Морозов, А. С. Матвеев, А. Л. Ордин-Нащокин и др., поднимали ряд насущных для страны экономических проблем. Для передовых мыслителей этого времени был характерен широкий подход к судьбам хозяйственного развития России. Их волновали вопросы ликвидации экономической отсталости страны и сохранения политической независимости Русского государства. Главный рычаг решения этих задач они видели в развитии промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли, в создании собственного торгового флота, водных и сухопутных путей сообщения. Но это не могло быть осуществлено без активного вмешательства государства в дела хозяйственного развития страны. Однако такой широкий государственный подход к решению насущных задач сочетался и у передовых деятелей России с идеей сохранения крепостной системы хозяйства, с упрочением абсолютистской монархии. Это и стало основной причиной исторической ограниченности их экономических воззрений.

Б. И. Морозов (1590—1661) — боярин, воспитатель царевича Алексея Михайловича, фактический глава правительства в 1645—1648 гг. Активно содействовал развитию торговли и промышленности, возвышению купцов, развитию городов, ориентировался в вопросах государственных финансов. Имея большое влияние в правительственных кругах, Морозов добился отмены привилегий

иностранных купцов в России. В развитии торговли он видел один из источников пополнения государственной казны. Будучи начальником Большой казны, Морозов провел ряд мероприятий, укрепляющих государственные финансы и денежное обращение в стране. В целях мобилизации денежных средств в царскую казну он ограничил доходы монастырей, ввел косвенные налоги.

А. С. Матвеев (1625—1682), приближенный царя Алексея Михайловича, принял ряд мер по упорядочению работы Монетного двора. Возглавляя с 1671 г. русскую дипломатию, способствовал расширению торговых связей с зарубежными странами и организовал одну из первых экспедиций в Китай.

Видным представителем русской экономической мысли XVII в. был выдающийся государственный деятель, дипломат и политик А. Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605—1680) *.

В оппозиции к дворянству по-прежнему находились идеологи боярства. В работах Ивана Тимофеева, Авраамия Палицына, И. М. Катырева-Ростовского и др. выдвигался ряд реакционных идей, предлагавших возвращение России на путь патриархальной старины во главе с феодальным монархом, опирающимся на боярство. В историко-политическом трактате «Временник Ивана Тимофеева», в «Повестях» Катырева-Ростовского и «Сказании» Палицына содержались обвинения Ивана Грозного в том, что он привлек к управлению государством дворянство, чем вызвал раскол в правящем классе феодалов. Дворянству ставили в вину возникновение крестьянских восстаний, неспособность управлять государством. Перед опасностью иностранного порабощения страны в начале XVII в. часть бояр заняла патриотическую позицию и поддерживала борьбу народа за независимость Русского государства. Но их стремление установить феодальную монархию, опирающуюся на боярство, носило реакционный характер, шло вразрез с историческими потребностями развития России.

Экономические взгляды растущего социального слоя — купечества России отражены в челобитных посадских торговых людей, в правительственных актах и постановлениях, в Соборном уложении 1649 г., в Торговой уставной грамоте 1654 г. и в Новоторговом уставе 1667 г. Торговые люди требовали избавить их от притеснений со

* А. Л. Ордин-Нащокин являлся одним из первых меркантилистов; его экономические взгляды рассматриваются в гл. 19.

стороны крупных феодалов (города находились, как правило, на боярской земле), ставили вопрос о предоставлении им монопольного права на занятие ремеслами и торговлей, настойчиво высказывались против сохранения «тарханов» (монополий и привилегий), которые предоставлялись правительством крупным монастырям, богатым вотчинникам, группам «гостей» и иностранным купцам. Особенно остро стоял вопрос об упразднении привилегий иностранных купцов, которым были предоставлены льготы в транзитной торговле и в торговле внутри страны, что отрицательно сказывалось на развитии торговли русских купцов.

Для создания благоприятных условий, нужных для торгово-промышленной деятельности русского купечества, его идеологи требовали выделить посадское население городов в особое податное, или «тяглое», сословие, разрешить купцам наем вольных людей, ликвидировать «белые слободы» и закладничество.

Усиление закрепощения крестьянства, его феодальной эксплуатации вело к обострению классовых противоречий, особенно между феодалами и крестьянами. Сопротивление крестьян растущей эксплуатации выражалось в разных формах. Одной из них являлись многочисленные восстания: под руководством Ивана Болотникова (1606—1607), Василия Уса (1666), Степана Разина (1670—1671). Обострялись противоречия в городах, о чем свидетельствовали «соляной бунт» (1648) и «медный бунт» (1662) в Москве. Все это нашло отражение и в экономической мысли. Об экономических требованиях восставшего крестьянства можно судить по содержанию «Листов» (призывы Болотникова), «Прелестных писем» и «Грамот» Степана Разина[10]. Они свидетельствуют, что основная цель крестьянских восстаний заключалась в уничтожении крепостничества, хотя у их вождей и не было разработанной и оформленной в особом документе цельной и четкой экономической и политической программы.

Забитое и неграмотное крепостное крестьянство было не в состоянии сформулировать программу классовой борьбы. Она носила стихийный характер. Зато основным был вопрос об уничтожении крепостной зависимости. С этой целью сжигались кабальные грамоты в поместьях, писцовые книги в городах, долговые обязательства, захватывались монастырские земли, имущество казненных бояр и дворян, которое делилось между бедными крестьянами, упразднялись налоги, повинности, поборы. В осво-

божденных районах крестьяне отпускались на волю, а власть передавалась казацкому «кругу». Каков будет строй без «насильников и грабителей»— бояр и дворян, у вождей крестьянского движения не было представления. Их политическая программа оставалась неясной. Но, несмотря на стихийность крестьянских восстаний, они свидетельствовали о глубоких противоречиях крепостнического строя России. Экономические и социальные требования восставшего крестьянства в XVII в. оказали влияние на развитие общественной мысли последующих поколений.

3. Экономическая мысль Украины

Нашествие в 1239—1240 гг. монголо-татар на южнорусские земли привело к их опустошению, разорению Переяслава, Чернигова, Киева, других городов. Усилилась феодальная раздробленность. Воспользовавшись этим, крупные соседние государства, и прежде всего Великое княжество Литовское и Польша, в середине XIV в. завладели большей частью южнорусских земель (Чернигово-Северщиной, Подолией, Киевщиной, Волынью и Галичиной). Однако, находясь в условиях иноземного господства, украинские * земли сохраняли связи с основными русскими княжествами.

На рубеже XIII — XIV вв. формируется украинский язык, выделяющийся из древнерусской языковой основы. Это время можно считать и временем образования украинской народности из древнерусской этнической основы. С этого момента можно говорить об украинской экономической мысли. Староукраинский язык XIV — XV вв. богат экономической терминологией. Она отражает сословно-социальную структуру населения, систему феодальных повинностей, некоторые моменты денежного обращения, торговли, развития ремесел, роста городов и сдвиги в сельскохозяйственном производстве. Документами XIV в. давалось определение вотчинной формы собственности, при которой земля жаловалась вместе с тяглым населением в наследственное владение (с разрешением обмена, сделок, дарения, продажи имения). Владелец (вотчины) должен был выставлять воинов от своего владения. В ряде жалованных грамот обусловливалось изъятие вотчины

* Украина (от слова «край») — исторнческое самоназвание отдельных юго-западных земель Руси; впоследствии распространилось на все земли, где сформировался украинский народ.

у владельца в пользу государства, однако с предоставлением денежной компенсации, которая заранее фиксировалась в жалованной грамоте на право владения вотчиной[11].

От XV в. до нас дошли актовые материалы, свидетельствующие о развитии учета доходов и имущества, сохранились в ряде случаев статистические записи типа инвентарей и люстраций. Экономическая мысль свидетельствовала о развитии ростовщичества. Заемные грамоты показывают, что кредитные операции производились под залог имущества, в том числе земельных владений. XVI век оставил довольно большое количество инвентарей и люстраций. В них мы черпаем сведения не только об обложении повинностями в пользу государства мещан, крестьян, светских и церковных феодалов, но и о единицах счета и обложения. Как показывают статистические записи XV — XVI вв., основными единицами обложения в различных украинских землях были плуг, рало, двор, дворище в сельской местности, дым, дом в городах. Это означало сохранение старинных мер обложения, применяемых еще во времена Киевской Руси.

Фискальные проблемы находили традиционное отражение в экономической мысли. Несмотря на захват территории Украины в XIV в. Польшей и Литвой, вплоть до начала XV в. сохранялась монетная автономия Галицкой Руси, где чеканились так называемые русские, или львовские, монеты. При князе Владимире Ольгердовиче (XIV в.) долгое время чеканилась в Киеве оригинальная монета с самостоятельной метрической характеристикой. Экономическая мысль господствующего класса феодалов на значительной части территории Украины нашла отражение в литовских статутах. Они юридически оформили и закрепили диктатуру магнатов, их ведущее место в системе социально-экономических отношений в ущерб другим классовым и сословным группам Литвы, Белоруссии и Украины, санкционировали распространение барщинно-фольварочной системы хозяйства, закрепощение значительной части крестьянства.

С XIV в. на Украине начало действовать магдебургское право, которое представляло собой свод постановлений, утверждавших определенное самоуправление городов. Роль магдебургского права на Украине в период польско-литовского владычества была неоднозначной. С одной стороны, это право позволяло укрепиться в городах иностранным колонистам, которые стали там оседать со времени вхождения украинских земель в состав Польши и Литвы. С другой

стороны, магдебургское право в крупных центрах торговли и ремесел (как, например, в Киеве, где господствовало экономически сильное украинское мещанство) способствовало защите городского ремесленного и торгового населения от произвола светских и церковных феодалов.

Во второй половине XV в. формируется новая социальная группа населения феодальной Украины — казачество, пополнявшееся беглыми крестьянами и мещанами, оседавшими на малозаселенных или пустынных землях, в основном около Днепра. Значительно позже, в XVI в., зажиточная верхушка казачества на периферии Речи Посполитой оформляется в особое сословие — реестровое казачество. Привилегии, полученные им, не были милостью польских королей, ибо фиксировали социально-экономические требования нового сословия украинского средневекового общества. К числу этих привилегий относились жалованье деньгами и натурой, свобода от уплаты податей и повинностей, свобода винокурения и т. д. Однако такие привилегии получила лишь небольшая часть казачества. Основная масса, не попавшая в «реестры», была даже юридически исключена из состава казачества. Борьба продолжалась, и рядовые казаки с оружием в руках отстаивали свободу от уплаты податей и несения обременительных повинностей, подчинения власти светских и церковных феодалов на местах. На Украине это стало фактически новой нормой права.

Конец XVI — начало XVII в. ознаменовались на Украине ростом крестьянско-казацких восстаний, волнений в городах против иностранных феодалов-поработителей и украинских помещиков. Хорошо осведомленный о положении широких народных масс на Украине современник-мемуарист П. Шевалье отмечал, что «крестьяне Украины и соседних провинций как бы рабы так же, как и в большинстве других частей Польши: они обязаны работать конно или пеше три-четыре дня еженедельно для господ. К тому же они отягощены разными арендными платами зерном и домашней птицей за земли, которыми пользуются; обязаны платить десятину от баранов, поросят и всяких земных плодов, а также возить дрова и выполнять другие тяжелые работы...»[12]. Возникали народные восстания, в ходе которых выдвигались антифеодальные требования. Именно в них отражалась экономическая мысль народных масс.

С целью сбить волну народного протеста против социального угнетения и дискриминации верхушка украинских

и белорусских феодалов пошла на сговор с правящими кругами Польши и Ватиканом, заключив унию православной церкви в пределах Речи Посполитой с папским престолом (Брестская церковная уния, 1596). Борьба украинского народа против унии имела четко выраженную экономическую подоплеку, поскольку уния содействовала усилению эксплуатации крестьян и мещан.

Идеологическая борьба против унии породила плеяду украинских публицистов-полемистов, труды которых сыграли важную роль в развитии самосознания украинского народа, в пропаганде дружбы с русским и белорусским народами. Среди украинских публицистов-полемистов были выразители социально-экономических интересов различных групп общества: шляхты, православного духовенства, мещан, казаков и крестьянства (Г. Смотрицкий, С. Зизаний, Ф. Ортолог, И. Вишенский, З. Копыстенский, И. Борецкий, М. Смотрицкий, П. Могила и др.).

Выдающееся место среди украинских публицистов-полемистов занимает выразитель интересов широкой плебейской (городской бедноты) оппозиции И. Вишенский (ок. 1550—20-е XVII), произведения которого наиболее радикальны. Он выступал не только против национального угнетения, но и против социального гнета польских и украинских феодалов, светских и церковных. Являясь проповедником теории социального равенства, Вишенский гневно разоблачал социальную несправедливость, что было открытым вызовом иерархическим концепциям феодальной идеологии. В целом деятельность украинских публицистов-полемистов явилась идеологической подготовкой освободительной войны украинского народа под руководством Б. Хмельницкого в 1648—1654 гг.[13]

Эта война открыла новый этап формирования социально-экономических идей в украинском обществе. Об этом свидетельствуют договоры, которые заключались правительством Б. Хмельницкого с польским королем в ходе войны.

Особое значение для понимания социально-экономических взглядов правящего класса Украины представляют «Статьи Б. Хмельницкого», направленные русскому царю и утвержденные в марте 1654 г. (мартовские статьи). Они имели программное значение для определения социально-экономической политики казацкой старши́ны на долгие десятилетия. Этим документом санкционировались привилегии казачьего сословия в отношении собственности. В документе декларировалось: «Именей казатцких чтоб

никто не отнимал: которые землю имеют и все пожитки с тех земель чтобы при тех имениях доброволно владели. Вдов, после казаков осталых, чтобы и дети их такие ж волности имели, как предки и отцы их»[14]. Таким образом, земля утверждалась в качестве частной собственности казачьих семей и передавалась по наследству, так же как и принадлежность к казачьему сословию.

В «Статьях...» выдвигалось требование издания двух специальных универсалов — одного для обеспечения привилегий шляхты, другого — для закрепления социальных привилегий казачества, чтобы «кто казак, тот будет волность казацкую иметь, а кто пашенной крестьянин, тот будет должность обыклую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего»[15].

«Статьи Б. Хмельницкого» закрепили привилегированное положение монастырей и епископских кафедр, провозгласив прежде всего неприкосновенность их имущества. Интересы посполитого крестьянства не получили никакого обеспечения в договорных статьях украинской старшины с царским правительством, хотя де-факто положение крестьян на Украине после победоносной освободительной войны 1648—1654 гг. значительно улучшилось.

Казацкая старшина стремилась изолировать и поставить на угодное ей место в обществе не только крестьян и мещан, но и рядовых казаков, «очистить» казачье сословие от враждебных ее господству элементов[16].

В 1666 г. гетман И. Брюховецкий дал согласие на то, чтобы царское правительство провело на Украине перепись хозяйств посполитого населения, мещан и крестьян, для обложения сборами на содержание регулярного войска[17]. Перепись 1666 г.— единственный сохранившийся памятник украинской статистической мысли второй половины XVII в., зафиксировавший глубокую имущественную дифференциацию и классовые различия среди населения Левобережной Украины.

В статьях гетманам — преемникам Б. Хмельницкого главное внимание уделялось расширению прав старшин и казачества. Так, в статье 5 гетману Ю. Хмельницкому (младшему сыну Богдана Хмельницкого) были гарантированы казачеству весьма важные привилегии, ибо «государевым ратным людем» разрешалось «на дворех ставитца у всяких жителей, опричь реестровых казаков». Реестровым казакам разрешалось «держать вино и пиво, и мед, а продавать вино бочкою на ранды и куды кто похочет, а пиво и мед вольно ж продавать гарнцом». В то же время

старши́на с целью укрепления своих имущественных позиций в украинском обществе настойчиво проводила курс на «очищение» казачьего сословия от неугодных ей демократических элементов.

В 1687 г. в «Статьях» гетману И. Мазепе верхушка старши́ны добилась фиксации особой привилегии, подчеркивающей ее господствующее положение на Левобережной Украине. В этом документе говорилось, что «генеральной старши́не и знатных и заслуженых особ маетностям ото всяких войсковых поборов быть свободным и ничего с них в скарб войсковой не имать». Вместе с тем в «Глуховских статьях» Д. Многогрешному (1669) монастырские имения получали значительную льготу — освобождались от поборов на содержание казачьего войска. Кроме того, было предписано из монастырских владений «мужиков в реестр в казаки не писать и не принимать»[18].

Откровенно и настойчиво защищали экономические интересы церкви духовные феодалы. В этом плане следует отметить взгляды одного из наиболее видных деятелей православной церкви Левобережной Украины второй половины XVII в.— черниговского архиепископа Л. Барановича, который понимал, что общая пауперизация подданных не отвечает интересам феодалов. В письме игумену Максаковского монастыря И. Ширкевичу он вразумлял потерявшего всякую меру в эксплуатации крестьян настоятеля монастыря: «свои они, крестьяне, не на один раз они и нужны, вы владелец, а не воин... Овец так должно стричь, чтобы не затронуть за живое и чтобы шерсть опять росла. Что следует... то надобно и взять, а болше не извольте, потому что несносно»[19]. В то же время Л. Барановичне шел ни на какие компромиссы, когда дело доходило до покушений на церковную собственность. Однако Л. Баранович не замыкался в тесной скорлупе узкосословных интересов. Убежденный сторонник воссоединения Украины с Россией, он выступал против кровавых междоусобиц феодалов.

Социально-экономическая мысль народа Украины второй половины XVII в. получила яркое выражение в творчестве К. Зиновиева. Стихотворный цикл автора — своеобразная энциклопедия жизни украинского народа, в которой прославлялся труд ремесленников и крестьян, подчеркивалась необходимость просвещения народа. Поэт поднимал такие важные вопросы того времени, как повышенная подвижность трудового населения —«мужи-

ков», искавших лучшей жизни и уходивших на слободы, ухудшение качества монеты, находившейся в обращении, «справедливый» расчет с наемными работниками. В его книге показано отношение рядового мещанства к системе кабальных аренд, распространявшихся на Левобережной Украине во второй половине XVII в., после недолгого перерыва, вызванного освободительной войной 1648—1654 гг. Он давал положительную оценку социальной роли казачества и крестьянства, а также части духовенства в украинском обществе. Однако в этих произведениях не содержится позитивной оценки старши́ны, что весьма характерно для мировоззрения мещанства, которому приходилось вести борьбу с наступлением украинских феодалов на привилегии горожан.

К. Зиновиев значительное внимание уделял демографическим проблемам украинского народа. Он решительно осуждал насильственное принуждение родителями своих детей к слишком ранним или поздним бракам, а также разновозрастные браки, выступал за повышение рождаемости, одобрял приезд на Украину из других стран нужных ей людей, которых он называл аллегорически «пчелами»[20].

Победа в освободительной войне 1648—1654 гг. и воссоединение значительной части Украины с Россией способствовали развитию производительных сил на освобожденной от иностранного ига территории. Одновременно развивались процессы социальной дифференциации, поляризации интересов различных общественных групп. Это обусловливало заметный подъем экономической мысли, повышало уровень ее зрелости и классового размежевания.

4. Экономическая мысль Белоруссии

Процесс формирования белорусской народности происходил в XIV — XVI вв. К числу первых документов, отражавших ее экономическую мысль, относятся торговые и другие договоры отдельных княжеств, существовавших на территории Белоруссии (Полоцкое, Турово-Пинское, Витебское и др.), между собой или с соседними Прибалтийскими и Русским государствами. Более определенно можно судить о белорусской экономической мысли начиная с XVI в., когда Белоруссия входила в состав польско-литовского государства — Речи Посполитой.

Экономическая мысль Белоруссии в XVI — XVIII вв. была составной частью общественно-политической мысли. Наиболее видными представителями общественно-политической, в том числе и экономической, мысли Белоруссии являлись тогда Ф. Скорина, С. Будный, С. Полоцкий, Г. Конисский и др.

Франциск Скорина (до 1490 — до 1551) — основатель белорусского книгопечатания, талантливый ученый — выступал за предоставление белорусским городам магдебургского права, за установление самоуправления. Скорина был сторонником социально-экономических изменений в Белоруссии в духе прогрессивных идей эпохи Возрождения — процессов, происходивших в передовых странах Западной Европы. Но одновременно он считал естественной эксплуатацию крестьян помещиками.

Симон Будный (1530—1593) — идеолог прогрессивно настроенной белорусской шляхты и горожан. Обличал непомерный деспотизм и паразитизм феодалов, жестоко эксплуатировавших крестьян. «А тое все (богатство) от поту,— писал Будный,— або родней крови убогих людей мусить господар або силою, або хитростью вылупити». Будный не выступал против существовавшего тогда государственного устройства и крепостничества, а только ратовал за ограничение феодального самовластия, за равенство всех сословий перед законом. Он осуждал агрессивную политику феодалов, считал мир основным условием развития ремесла и торговли.

Симеон Полоцкий (1629—1680) выражал интересы укреплявшегося служилого дворянства и растущего купечества. Однако он развивал передовые для того времени взгляды: выступал за установление «вечного мира», поощрял торговцев, хотя слишком идеализировал возможность существования «просвещенного» государя. Им не замечалось, что укрепление централизованного дворянского государства и рост «всеобщего блага разумных людей» происходили за счет постоянного усиления жестокой эксплуатации крестьянства. Его требования ограничивались предложением господствующим классам уменьшить эксплуатацию, «отбросить свою алчность и жадность, стричь только шерсть, но не резать у бедных людей и кожу и тело и раздавать милостыню»[21]. Причина противоречий и всех зол феодального строя усматривалась им в низком уровне образования и невежестве. Отсюда «просветительский подход» к решению социальных проблем. Утвержда-

лось, что люди избавятся от всех недостатков и пороков при помощи просвещения.

Георгий Конисский (1717—1795) являлся сторонником воссоединения Белоруссии с Россией, идеологом средних слоев православной шляхты, которая была заинтересована в ограничении могущества крупных феодалов. Конисский ратовал за такие преобразования в Белоруссии, какие были сделаны Петром I в России. Но, защищая крепостной строй, он одновременно осуждал произвол феодалов, мужика призывал к терпению. Он требовал лишь смягчения феодальной эксплуатации, упразднения наиболее вопиющих жестокостей, утверждения правопорядка и законности в интересах самих же помещиков, чтобы предотвратить опасность народных выступлений.

Экономические требования купечества и ремесленников периода XVI — XVIII вв., составлявших сословие городского мещанства, нашли отражение в актах о предоставлении многим городам Белоруссии самоуправления (так называемого магдебургского права), в уставах цехов. В них отражалась противоречивость классовых интересов различных социальных групп: верхушки купечества, мелких торговцев, мастеров и подмастерьев.

Экономические идеи крепостного крестьянства находили выражение в основном в произведениях народного творчества — в сказках, народных песнях, пословицах и поговорках, которые создавались и передавались из поколения в поколение. Основным содержанием хозяйственных интересов крестьян были протест против барщины и других форм феодального угнетения, требование социального равенства и справедливости, соблюдения обычаев.

В конце XVIII в. в жизни белорусского народа произошло выдающееся прогрессивное событие — Белоруссия была воссоединена с Россией. Хотя и сохранялся произвол польских феодалов и пришедших им на смену русских помещиков, ее экономика втягивалась в обширный общероссийский рынок, белорусский народ приобщался к родственной русской культуре. На развитие общественной, в том числе и экономической, мысли в Белоруссии большое влияние стала оказывать русская прогрессивная мысль.

Литва. Экономическая мысль Литвы периода раннего феодализма нашла отражение в летописях, а также в договорах, привилегиях и письмах великих князей. В более позднее время экономическая политика находит свое концентрированное выражение в правовых актах, в хозяйственной деятельности феодальной администрации, в религиозных и общественно-политических течениях, в литературных произведениях, в трудах гуманистов, просветителей и ученых.

В централизованном Великом княжестве Литовском великий князь считался главой феодальной иерархии и был верховным распорядителем всех земель. Экономическая политика великих князей в значительной степени определялась необходимостью торговли с соседними странами, а также обусловливалась состоянием казны. Письма Гедиминаса (великий князь в 1316—1341) показывают, что союз и договоры Литвы с Ригой в начале XIV в. были продиктованы взаимными интересами. В экономической политике Гедиминаса важное место отводилось развитию ремесел и торговли. Это подтверждается разосланными в разные страны письмами, в которых приглашались переселиться на постоянное жительство в Литву ремесленники и торговцы. Переселенцы освобождались от многих сборов и налогов. О развитии ремесла и торговли заботились и другие правители Литвы, особенно великий князь Витаутас (ок. 1350—1430). Великие князья жаловали крупным городам Литвы магдебургское право, а ремесленникам и торговцам — различные льготы и привилегии.

Характерны жалованные грамоты, которые выдавали городам великие князья. Такие грамоты предоставляли некоторые свободы в области торговли и льготы по сборам. Купцы Вильнюса и Каунаса, например, получали большие доходы от права склада. Великие князья давали право торга местечкам. Поскольку устьями некоторых судоходных рек владел Тевтонский орден, то с ним заключались двусторонние торговые договоры, определявшие статус купцов и условия транспортировки товаров. Промышленные заведения открывались с разрешения великого князя. Поощрялись строительство мельниц, выплавка железа, развитие лесных промыслов для производства пиломатериалов.

Под влиянием Кревской унии с Польшей (1385) и местного боярства великие князья расширяли права феодалов. Особенно важные изменения произошли в первой половине XV в. Великие князья роздали большое количество земель в качестве дара боярам, расширили их права в распоряжении собственностью, освободили от дани (дякло), денежных сборов (серебрщины) и других повинностей. Санкционировалось закрепощение крестьян.

Стремление увеличить доходность поместного хозяйства привело к аграрной реформе. Волочная помера (аграрная реформа) Жигимонта Августа проводилась на государственных (великокняжеских) землях, а потом распространилась и на другие феодальные владения. «Устав на волоки» (1557) объявлял великокняжескими все земли, которые до этого не принадлежали монастырям, церкви и феодалам. Ставилась задача обмерить государственные земли, отделить их от земель других феодалов и установить границы; крестьян переселить в деревни, выделить каждой семье отдельный участок — волоку; провести качественную оценку земли; установить повинности крестьян; закрепить трехпольную систему, создать фольварки; повысить материальную заинтересованность в доходности хозяйства управляющих фольварками; расширить площадь обрабатываемой земли путем осушения болот и уничтожения кустарников, упорядочить государственное лесное хозяйство. Каждой крестьянской семье было выделено по волоке земли (около 21 га) с расчетом, что, обрабатывая участок, семья сможет прокормиться и выполнить установленные повинности. Фольваркам * оставлялись лучшие земли. Для их обработки кроме тяглых дворовых привлекались и «волостные люди». Предусматривалось, что фольварочную волоку должны обрабатывать 7 крестьянских дворов (волок), жертвуя каждый по два барщинных дня в неделю. Фольваркам предписывалось интенсифицировать сельскохозяйственное производство, расширять животноводство, огородничество. Чтобы заинтересовать управляющих (врадников) в повышении доходности фольварков, им давалось право на $^1/_3$ урожая и 3 волоки в селе. Одновременно была создана система контроля за финансовой, хозяйственной и административной деятельностью управляющих. В 1559 г. был произве-

* Фольварк (в переводе с немецкого — хутор) — польское наименование помещичьего хозяйства, связанного с барщиной как основной формой феодальной ренты.

ден обмер великокняжеских лесов, составлена их опись, изменено управление ими.

Волочная помера коснулась также местечек и городов, не имевших магдебургских прав, т. е. прав на самоуправление. Здесь также была обмерена земля, поделена на волоки и с них установлен чинш. Усадебная земля, не входившая в волоку, делилась на участки и огороды. Одновременно производилась перепланировка в связи с образованием в центрах местечек и городов базарных площадей. Проверялось право дворян на занимаемую ими землю. На государственных землях помера была окончена в 1570 г. Следуя примеру Жигимонта Августа, частные феодалы тоже разделяли свои владения на волоки. Реформа не только уравняла имущественное состояние крестьянских хозяйств, но и еще более прикрепила к земле крестьян. Свободными остались только те, которые отказались от волок. Там, где не было барщины, таковой не вводилось, а крестьянский двор должен был платить установленный чинш. Реформа оправдала экономические расчеты князя. Доходы казны значительно возросли. Реформа существенно изменила социальный облик села и ухудшила правовое положение крестьян, усилила их эксплуатацию, гнет крепостничества.

Важным документом экономической мысли феодальной Литвы являются статуты. Этот свод законов Великого княжества Литовского был подготовлен в трех редакциях: в 1529, 1566 и 1588 гг. Они обеспечили укрепление социально-экономического строя феодализма. Второй и третий статуты провозглашали налоговую, юридическую и административную неприкосновенность феодалов. Статуты подтвердили право собственности феодалов на наследственные земли — вотчины вместе с проживающими на них крестьянами. Не признавая за последними права на земельную собственность, они тем самым прикрепили крестьян к земле и феодалу. Правда, в первом статуте феодалам было разрешено отчуждать лишь $^1/_3$ своей вотчины с тем расчетом, что другие $^2/_3$ обеспечивали возможность отправлять военную службу. Но в 1566 г. дополнение к статуту предоставило феодалам право свободно распоряжаться всем недвижимым имуществом.

Статуты устанавливали регламентацию некоторых сторон хозяйственной деятельности, в особенности в области использования природных богатств. Поскольку дворяне добивались права беспошлинного экспорта продуктов собственных имений, это было разрешено вторым ста-

тутом. Он же установил общегосударственные цены и меры. Третий статут, отражая дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, предоставил феодалам право основывать города.

Существенную роль в развитии экономических наук и распространении экономических идей в Литве сыграл Вильнюсский университет, основанный в 1579 г. Профессора университета М. Смиглецкий, А. Олизаровиюс критиковали систему феодализма, предлагали заменить барщину денежной рентой. Трактат М. Смиглецкого «О ростовщическом проценте» (1596) является наиболее ярким трудом, характеризующим экономическую мысль Литвы XVI в. В работе рассматриваются категории ссудного процента, прибыли, цены, земельной ренты. Источник ренты автор видел в труде крестьян. Крестьянский вопрос занимал большое место и у А. Олизаровиюса. Его работа «О политическом союзе людей»[22] получила широкую известность в Европе. В ней были использованы труды Аристотеля, Плутарха, Эразма Роттердамского, Т. Мора и др.

Экономические отношения между землевладельцами и крестьянами оба профессора предлагали установить на основе договора. За пользование землей крестьянин обязан отработать, но не должен лишаться личной свободы. Именно такие отношения, по их убеждению, были бы наиболее благоприятны для народного хозяйства Литвы.

Критика крепостного строя в Литве имела давние традиции. Это подтверждается письменными источниками и многочисленными крестьянскими волнениями и восстаниями. Широкий резонанс в Литве получили социально-экономические идеи различных течений церковной Реформации. Представители радикального направления Реформации (С. Будный, П. Гонезий, М. Чехович) высказывались против крепостного гнета, осуждали социальное неравенство. Идеи экономического развития Литвы, противодействия самоуправству феодалов выражали гуманисты XVI в. А. Ротундас, М. Лиетувис (Михалон Литвин) и др.

Родоначальник светской литературы в Литве Миколас Лиетувис (ок. 1490 — ок. 1560) в своих мемуарах «О нравах татар, литовцев и москвитян» остро критиковал несправедливость распределения богатств, укорял дворян за склонность к роскошной жизни, высказывался за экономное расходование средств государственной казны, предлагал ввести налоги для всех сословий в зависимости от количества земли у плательщиков. Реформаторское дви-

жение породило полемическую литературу. В своих выступлениях П. Скарга, М. Смиглецкий и другие также высказывали некоторые суждения и предложения по «усовершенствованию» крепостного строя.

Суровое обвинение крепостничеству предъявил классик литовской литературы Кристионас Донелайтис (1714—1780) в своей всемирно известной книге (поэме) «Времена года». В ней содержится идея, что труд является основой внутреннего превосходства трудового народа над паразитирующими слоями общества. Во многих местах поэмы подчеркивается несоответствие крепостнических порядков человеческой природе.

Антикрепостнические идеи содержала и обширная литература просветителей конца XVIII в. (М. Карпович, Т. Княжевич, В. Калиньский, Я. Снядецкий, Д. Пильховский и др.). Многие среди них были выходцами из Белоруссии. Признавая земельную собственность за дворянами, они предлагали последним строить свои отношения с крестьянами на договорных началах, защищали личные права крестьян и свободу их хозяйственной деятельности, выступали за просвещение трудового народа.

Латвия и Эстония. Феодализм в Латвии и Эстонии утверждается примерно с X в. Более быстро этот процесс проходил в восточных районах Латвии, что объясняется влиянием соседних русских княжеств. Экономическая мысль в Латвии и Эстонии зародилась еще в период раннего феодализма, о чем свидетельствуют, хотя и скудные, письменные источники X — XII вв. Несколько обогащает представление об экономических идеях раннего феодализма фольклорное творчество латышского и эстонского народов. В период феодализма народные песни были единственным видом творчества, в котором находили свое отражение взгляды народа. Так, в латышском фольклоре высказывается мысль, что создателем ценностей является труд и трудящийся человек. Особенно высоко ценился труд в земледелии (выше, чем в рыболовстве, охоте, ремеслах), так как без земледелия люди не могут существовать. Труд земледельца менее опасен и обеспечивает более постоянные средства его существования и доходы. В целях увеличения доходов рекомендовалось делать подсеку в дубовых, кленовых лесах, т. е. на лучших землях, унавоживать поля, использовать чистое зерно для посева. Подчеркивалась необходимость соблюдения сроков сева и уборки хлеба в зависимости от места посева, особенно в условиях подсечного земледелия. В целях получения

полноценной пищи и сырья для одежды рекомендовалось больше заниматься животноводством, рыболовством. Работа рыболовов оценивалась как тяжелая и опасная. Охота изображалась в качестве подсобного промысла.

Фольклор, в котором отражается социальная дифференциация населения (бояре — люди, холопы — нелюди), критически, сатирически высмеивает бояр (лабиеши), обладающих властью и богатством и ненавидящих бедных. Характерными чертами богачей считались жадность, физическая слабость, неспособность ориентироваться в практической жизни. Народ порицал скудость и жестокость богачей.

Дальнейшее развитие феодализма в Прибалтике связано с немецкой феодально-католической агрессией в конце XII в., представлявшей собой одну из задач захватнической политики крестовых походов. Вождями агрессивных походов были немецкие епископы, основавшие вначале Орден меченосцев, а затем Ливонский орден. Несмотря на упорное сопротивление местного населения, к концу XIII в. в Латвии установилось экономическое и политическое господство немецких феодалов, эксплуатировавших латышское крестьянство.

Агрессия немецких феодалов распространилась и на Эстонию. Средневековая Эстония долго не имела феодального государства; ее земли постоянно захватывались соседними более сильными государствами, ее развитие шло медленно, а сопротивление завоевателям велось разрозненно. Долгая борьба с крестоносцами закончилась порабощением эстов. Северная Эстония в 1238 г. была закреплена за короной Дании, а оставшаяся часть оказалась в руках Ливонского ордена. С XIII в. по 1561 г. территория Латвии и часть Восточной и Южной Эстонии входили в состав Ливонии — конфедерации духовных княжеств, созданных в Прибалтике крестоносцами, а во время Ливонской войны (1558—1582) бóльшая их часть попала под власть Речи Посполитой.

Документы XIII — XIV вв. свидетельствуют о том, что процесс закрепощения крестьянства не был завершен. В XIV в. было зафиксировано большинство древних крестьянских прав, по которым крестьяне не считались крепостными (имели право носить меч и т. д.). Очевидно, такие права существовали еще в XIII в. До $^1/_3$ параграфов крестьянских прав Рижского архиепископства, курземских и ливонско-эстонских прав защищали физическое состояние крестьян как главной производительной силы.

Законы защищали неприкосновенность самого производства. Так, строго карались подсека и вспашка чужого поля, запашка меж между своим и чужим полем, а также покушение на частную собственность (скот, сено). В курземских правах имелась специальная статья, ограничивающая права крестьян на поля, луга и пасеки, которые муж не имел права передавать своей жене. Надо полагать, что поля, луга и пасеки здесь принадлежали общине. Защищалась общинная собственность на леса, мельницы, дикорастущий хмель. Феодалы посягали на общинную собственность. Община оказывала им сопротивление.

Основной целью ливонских рыцарских прав XIV в. стало сохранение и увеличение феодальной собственности сословия рыцарей-землевладельцев и усиление эксплуатации крестьян. Если в западном средневековье большое внимание уделялось наилучшей организации крупного барщинного хозяйства, то в Латвии и Эстонии эти проблемы в XIII — XIV вв. еще не существовали. Здесь отсутствовали предпосылки для организации крупного барщинного хозяйства, феодалы пока были вынуждены довольствоваться в основном сбором натуральных оброков. Долгое время оброчная система оказывалась весьма эффективной. Стремление к увеличению оброка нашло отражение в правовом решении вопросов наследования феодального имущества и распрей о принадлежности крестьян пограничных зон. Так как в процессе расширения феодальных владений часто возникали споры по поводу пограничных местностей, то древнейшее рыцарское право пыталось регулировать отношения феодалов между собой, между феодалами и деревнями, а также между деревнями.

Как относились к новым господам крестьяне? Покорение Латвии и Эстонии проходило под знаменем христианства, и порабощенным приходилось принимать христианскую веру. Сразу возникали повинности и подати в пользу новых властителей. Однако новые господа были вынуждены считаться с местными законами, прежними обычаями. Крестьянство выступало против чужевластия и иноверия, было особенно заинтересовано в сохранении своих прежних земельных владений. Крестьяне были против того, чтобы за счет их владений основывались мызы — поместья феодалов. Возможно, что именно интенсивное основание мыз в Эстонии привело к восстанию крестьян в 1343 г. в уезде Харьюмаа, одному из самых крупных средневековых выступлений эстов. Это восстание отразило экономические требования крестьян. Согласно пересказу

Реннером ливонской рифмованной хроники, восставшие сожгли все дворянские мызы, прошли вдоль и поперек всю страну и уничтожили всех немецких феодалов, которых застали. Первоочередной целью восставших крестьян было уничтожение мыз, а также монастыря в Падизе. И это осуществлялось настолько основательно, что большинство разрушенных мыз прекратили дальнейшее свое существование. Известно, что у монастыря были также обширные владения и свои мызы, в которых эксплуатировались крестьяне не меньше, чем в мирских феодальных имениях.

Несмотря на различие взглядов историков относительно восстания крестьян 1343 г., его можно рассматривать как движение, основной целью которого было восстановление их относительной свободы до завоевания крестоносцами. Восстание в Харьюмаа вначале было направлено против мызного землевладения, позднее же — против установленного феодального порядка вообще. Антифеодальные воззрения крестьян проявились весьма отчетливо.

Заслуживают внимания экономические взгляды горожан XVI в. Города Латвии и Эстонии, в которые переселились немецкие ремесленники и купцы, вводившие там присущие феодальной Германии формы хозяйственной и политической организации (цехи, магистраты и пр.), стали крупными центрами ремесла и торговли. В городах господствовал купеческий патрициат, принимавший активное участие в эксплуатации крепостного крестьянства. Однако его интересы далеко не во всем совпадали с интересами феодалов. Это нашло отражение, например, в «Хронике Ливонии», написанной пастором эстонского прихода в Таллине Бальтазаром Руссовом (Рюссовом) (ок. 1542—1602). В его произведении (1578) с классовых позиций бюргерства дается первая критическая характеристика общественных нравов и привилегий дворянства Ливонии. Б. Руссов осуждал уничтожение крестьянских хозяйств феодалами, в результате чего страдают и города, ратовал за бережливость и накопление денег. Важнейшим требованием бюргеров было ограничение и даже уничтожение крепостничества, признание городского бюргерского права. Бережливость, по мнению Б. Руссова, должно особенно проявлять бюргерство, которое тоже увлекается излишествами в одежде и во время праздников. Хотя Б. Руссов и признавал, что крестьяне в Ливонии живут и питаются хуже собак, он не скрывал своего пренебрежительного отношения к народу, считая подобный образ жизни для него вполне подходящим. Критика произвола

феодалов и крайностей крепостного права в Ливонии встречается и в «Космографии» Себастиана Мюнстера (1550, 1552).

Ливонские феодалы не скрывали своей заинтересованности в усилении и дальнейшем развитии крепостничества как основы экономической и политической силы. Ливонское бюргерство в свою очередь добивалось для себя доли крестьянского прибавочного продукта. Этой цели оно пыталось достичь то путем использования королевской власти, стремившейся к ограничению мощи крупных феодалов, то путем демонстрации общности интересов бюргерства и дворянства, то объявлением религиозной терпимости, дававшей возможность торговать и с католической Польшей, и с православной Россией, и с протестантской Швецией.

Натуральное хозяйство, будучи основной формой ведения феодального поместья, защищалось феодалами. В то же время бюргерство, как видно из хроники Б. Руссова, отстаивало товарное производство с помощью дипломатии городов и с оружием в руках, так как именно такое производство считало предпосылкой своей независимости. По мнению Б. Руссова, торговля с вражескими городами, если она доходна, оправданна. Б. Руссов поощрял стремление к самостоятельности ливонских городов, особенно Таллина, ибо самостоятельность ремесленных цехов и купеческих гильдий обеспечивала увеличение их доходов. Для лифляндского рыцарства после разгрома Ливонского ордена в 1561 г. было безразлично, кому из королей принадлежать, лишь бы обеспечить свою неограниченную власть над крестьянами. Кроме соучастия в эксплуатации крестьян, развития торговли и ремесел важным источником увеличения доходов Б. Руссов считал военный грабеж на суше и на море. Стародавняя борьба крупных и мелких собственников-земледельцев превращалась в борьбу между феодализмом и первыми зачатками нефеодальных форм мелкотоварного производства.

Руссов первым показал, что рост дворянских привилегий и закрепощение крестьян есть две стороны одного и того же исторического процесса. Несмотря на свою ограниченность, он обрисовал классовые противоречия, наблюдавшиеся в Ливонии XV — XVI вв., разоблачал насилие феодалов в отношении крестьянского населения. «Хроника» Руссова приобрела большое значение, так как в ней впервые была нарисована правдивая картина тяжелого положения крепостного крестьянства. В ней критико-

вались крайности крепостничества и привилегии помещиков. «Хроника» Руссова сразу же после ее появления вызвала гнев немецких феодалов в Прибалтике. Защитники их интересов выступили с нападками на нее, пытаясь уменьшить ее воздействие на общественность. Им не удалось опровергнуть верные наблюдения Руссова и в более поздней хроникальной литературе. Кристиан Кельх, пастор из Северной Эстонии, писал в своей хронике «Лифляндская история...» (1695), что Эстония и Ливония небо лишь для помещиков, рай для попов, золотое дно для чужих и ад для крестьян.

Любопытны проявления феодальной экономической мысли, пытавшейся решить проблемы мызного хозяйства феодального имения. Трудности развития в Латвии сельскохозяйственного производства вследствие господства крепостничества, экономических и природных условий заставили рижского врача Захария Стопиуса в начале XVII в. написать трактат «Лифляндская экономика». Этот трактат до наших дней не сохранился, но был использован сунтажским пастором Соломоном Губерти для написания в 1645 г. трактата «Экономическая стратегия, или Сельский студент». Сочинение многократно переиздавалось. В 1662 г. был издан трактат И. Х. Нейденбурга «Лифляндский сельский хозяин». Он переиздавался многократно на немецком языке в XVII—XVIII вв. и был переведен М. В. Ломоносовым на русский язык. В этих трактатах уделялось большое внимание увеличению денежных доходов от сельского хозяйства. С. Губерти для этой цели рекомендует создавать в имениях корчмы и торговать там пивом и другими товарами, ввести урочную систему барщины, т. е. что производить, в каком объеме и в какие сроки («у́рок»— задание), или денежную ренту вместо барщины, организовать скотоводческие фольварки. На основе этих трактатов герцогом Яковом в 1663 г. было издано «Мызное положение», которое предписывало часть продукции (пенька, шкуры, мясо) ежегодно продавать за границу или сдавать в герцогские мануфактуры для дальнейшей обработки. С целью увеличения доходности мызного хозяйства рекомендовалось переходить на четырехпольную систему севооборота, создавать запруды, укреплять урочную барщину, заменять некоторые натуральные подати (шерсть) денежным оброком, увеличивать денежные налоги с крестьян. Это свидетельствовало, что вся тяжесть феодальной эксплуатации все больше ложилась на плечи крестьян.

Идеи увеличения денежных доходов получили дальнейшее развитие в инструкции по ревизии герцогских имений в 1665 г., в которой предписывалось во всех хозяйствах развивать корчмарство, взимать с крестьян только крупные деньги, овец, собранных в качестве оброка, немедленно продавать и т. д.

Крепостничество и барщинная система находили своих защитников и в Эстонии. Эстонские и ливонские провинции после их завоевания в XVII в. превратились в «амбары» Швеции. Уделом Прибалтики стала специализация на производстве зерна. На развитие других производственных отраслей не обращалось достаточного внимания. С этой целью создавалось множество новых поместий (мыз) и изыскивались средства для усиления эксплуатации крестьян.

Точки зрения относительно увеличения привилегий помещиков и закрепощения крестьян высказывались многими влиятельными лицами. Так, асессор таллинского суда Филипп Крузиус составил в 1650 г. рыцарское и земельное право Эстляндского герцогства, предусматривавшее запрет самовольного ухода крестьян из поместья. Лифляндский помещик Энгельбрехт фон Менгден составил «Земельное право Лифляндии», по которому крестьянин признавался лишь пользователем земли. Помещик мог отобрать эту землю по своему усмотрению. Обе работы были написаны по заказу помещиков и выражали их экономические интересы. Этими принципами руководствовались и судебные органы. В 1668 г. генерал-губернатор Лифляндии Глас Тотт опубликовал распоряжение земельной полиции, в котором указывалось, что крестьяне являются полностью крепостными и останутся таковыми впредь. При бракосочетании людей из различных поместий женщина и ее дети переходили в распоряжение поместья, в котором числится мужчина. Поселившийся на хуторе пришлый свободный человек становится соответственно крепостным землевладельца с того самого момента, как только «выпустил свой первый дыман», т. е. построил свой дом, который и облагался крепостническими обязательствами.

Основанный в 1632 г. в Тарту университет под названием Academia Gustaviana распространял и экономические знания. Соответственно конституции (уставу) университета профессор истории в числе других предметов должен был читать и курс экономики. Задачей профессора математики было и чтение бухгалтерского учета, сообраз-

но тому как его вели в королевской камере. Первый профессор математики Иоахим Варнеке выделялся как способный экономист и дипломат. Когда в 1638 г. его избрали ратгерром и несколько месяцев спустя бургомистром, Варнеке начал добиваться для Тарту таких привилегий, которые помогли бы оживить в нем торговлю. В 1646 г. он получил от королевы Кристины ряд привилегий для Тарту, которые составили на протяжении двух столетий важнейшую основу городского строя. Иоахим Варнеке требовал расширения торговых связей с Россией, насколько этого разрешали шведские власти, под верховным правлением которых с конца XVI в. оказалась Северная Эстония.

Глава 11

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В период становления развитого феодального общества в юго-восточной части Европы существовало несколько государств. Среди них — Болгария, Валахия, Молдова, Трансильвания, Венгрия, Сербия, Босния, Хорватия, Чехия. Если в экономической мысли правящего класса этих стран главными были вопросы обоснования правомерности феодальной эксплуатации и некоторые проблемы организации феодальной экономики, то экономическая мысль народных масс имеет противоположную направленность, что находит отражение в требованиях движений, выступавших против феодального гнета и принявших форму ересей,— богомильства в Болгарии, гуситского движения в Чехии.

На дальнейшее общественное развитие Балканских стран весьма отрицательно повлияла турецкая экспансия. К началу XVI в. в составе Османской империи оказались Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, а позднее и Хорватия. Вассальными от Турции государствами стали Молдова, Валахия, Трансильвания.

Турецкая опасность постоянно нависала над Венгрией, Чехией, Словакией, которые вели с Османской империей борьбу. В начале XVI в. они вошли в состав многонациональной монархии Габсбургов. Феодалы тем самым стремились укрепить свои позиции в борьбе с Турцией, но для крестьянства это означало усиление феодального угнетения. Начался экономический упадок городов. Габсбурги

служили опорой католицизма в его борьбе с Реформацией. Все эти процессы не могли не отразиться на развитии экономической мысли рассматриваемых стран.

1. Болгария

Зарождение экономической мысли в Болгарии относится к периоду раннего феодализма. Уже с IX — X вв. намечаются два направления в болгарской экономической мысли: одно, отражающее интересы феодалов, другое, отражающее взгляды народных масс, страдающих от феодального гнета.

Главное место в идеях укреплявшего свое господство класса феодалов занимали оправдание и защита разделения общества на господ и подчиненных. Обосновывалась правомерность взимания оброчных платежей и налогов, неприкосновенности частной поземельной собственности, невмешательства публично-правовой власти в вопросы, касающиеся охраны урожая, скота, а также интересов участвующих в торговых сделках. Эти принципы ярче всего отражены в юридических памятниках — законодательстве Крума (803—814) и «Законе судном людям» (IX в.).

Важную роль в идеологическом обосновании феодальных порядков в этот период играли церковники, причем часто они выражали свои взгляды в борьбе с богомильской ересью, которая возникла в Болгарии уже в начале X в. Так, пресвитер Козьма (X в.) в своей «Беседе о новоявленной богомильской ереси», ссылаясь на церковные авторитеты, пытался обосновать божественное происхождение феодальных порядков, выступая горячим сторонником частной собственности. Для него богатство само по себе не зло, если тот, кто им обладает, милосерден, знает меру накопления, использует его разумно и проявляет милосердие, помогая нуждающимся. «Богатство не зло, если хорошо им управлять».

Церковь не отрицала и права на торговую прибыль и процент. Пресвитер Козьма не считал прибыль запрещенной даже для священнослужителей, нужно только, чтобы последние не «лакомились прибылью» и делали свое дело с «любовью». Такие суждения свидетельствовали о проникновении товарно-денежных отношений в феодальную экономику, об упрочении экономического положения церкви в Болгарии X в.

С позиций защиты феодального строя выступал и монах Иван Рильский (ум. 946). Сам Рильский прославился

аскетическими подвигами и был сторонником реформы церкви. По его мнению, золото и серебро — главные враги монахов, хотя он и не отрицал богатства, накопленного светскими лицами. Он учил монахов не пренебрегать физическим трудом, отказываться от всего мирского. В своем завещании Иван Рильский писал ученикам-инокам: «Ручной работой не пренебрегайте и не расставайтесь с работой, а молитва... должна быть всегда на ваших устах». Таким путем он надеялся поднять авторитет церкви в глазах народа, сделать ее более активным фактором централизации государственной власти.

В конце X — начале XI в. Болгария была феодально раздроблена, что привело к ослаблению страны и ее завоеванию Византией, под властью которой она оставалась до конца XII в.

В период Второго Болгарского царства (1187—1396), когда феодализм достиг расцвета, экономические взгляды царей, церкви и светских феодалов получили дальнейшее развитие. Но и в эту пору экономические проблемы рассматривались преимущественно в этико-догматическом аспекте. В XIII в. наиболее интересные сведения об экономико-социальных взглядах «отцов церкви» в Болгарии приводятся в «Синодике Борила», созданном в связи с созывом в 1211 г. по инициативе царя Борила в Тырнове * собора против богомилов. В «Синодике» защищалась не только церковная феодальная собственность, но и любая частная собственность.

В XIV в. типичным выразителем церковных социально-экономических идей был патриарх Евфимий Тырновский. В своих религиозных сочинениях он выступал за укрепление феодальной власти и порядка. Идеям и взглядам Евфимия в своих трудах следовали многие церковные писатели — Григорий Цамблак (в дальнейшем стал митрополитом в Киеве), Киприан (стал московским митрополитом), Константин Костенчский и др. Все они были выразителями феодального консерватизма. В отличие от идеологов западной церкви болгарские теологи XIII — XIV вв. не искали оправдания торговой прибыли: исходя из собственных интересов, болгарская церковь давно приняла ее как нечто естественное и советовала действовать умеренно. Церковные отцы давали высокую оценку «разумным» и «искусным торговцам». В Житии Феодосия Тырновского (одного из предшественников Евфимия на посту патриар-

* Город Тырново был столицей Второго Болгарского царства.

ха в Тырнове), чтобы подчеркнуть его особенно правильные поступки, за которые он заслуживал получить «многоценный бисер по божественному евангельскому голосу», они сравнивались с деятельностью «разумного и искусного торговца».

Экономическая мысль народных масс находит выражение в требованиях, направленных против феодализма в Болгарии. Так, еще во времена царствования Петра (927—969) оформилось социально-религиозное движение — богомильство[1].

Богомильство в Болгарии имело длительную историю. Если его зарождение относится к началу X в., периоду Первого Болгарского царства, то закат — к концу XIV в., когда Болгария была завоевана Турцией. Источниками для изучения богомильства являются прежде всего сочинения, написанные самими богомильцами. Но их дошло до нас очень немного, поскольку церковь, ведя жестокую борьбу с еретиками, расправлялась не только с ними самими, но и с их сочинениями. Другую, значительно более обширную группу источников составляют сочинения и документы, написанные противниками богомилов. К ним относятся упоминавшиеся «Беседа о новоявленной богомильской ереси пресвитера Козьмы», «Синодик Борила», Житие Иллариона Мыгленского, написанное патриархом Евфимием, Житие Феодосия Тырновского и др.

Богомильство было религиозным учением, в котором сильны аскетические элементы, призыв к человеку отказаться от земных удовольствий, уйти от мира. Эти взгляды, порожденные крайне тяжелыми условиями феодальной Болгарии и являвшиеся преломлением этих условий в религиозном сознании эксплуатируемого сельского населения, представляли собой бесплодную, реакционную сторону богомильского учения.

Богомильство, отражая настроения прежде всего крепостных крестьян, защищало социально-экономические интересы эксплуатируемых — и в этом его прогрессивное значение. Оно отвергало феодальные производственные отношения, вело борьбу против накопления богатства и не признавало право на существование за феодальной собственностью. Богомильство отрицало частную собственность, но только для желающих стать «совершенными». Обыкновенных последователей и сторонников учения это не касалось. Богомилы допускали частную собственность лишь в ее семейной, трудовой форме, признавали и поощряли общую собственность в рамках своих

общин-братств. Богомилы вели борьбу против внеэкономического принуждения, подчинения господам и эксплуатации. Отрицая труд на господ, они выдвигали принцип, согласно которому труд — всеобщая обязанность. Тот, кто не совершал полезную для коллектива работу, не мог состоять в богомильской общине. Все считались равными чадами одного отца и должны были трудиться. Распределение продуктов производства практиковалось как частное, индивидуально-семейное и как общинное, характерное для родового строя, в целях совместного потребления. Питая ненависть к феодализму и исходя из евангельских этических норм, богомилы выступали против роскоши, дорогой одежды, обильной пищи, веселья, призывали каждого зарабатывать только на хлеб насущный, ибо все, что в избытке, шло «от лукавого». Осуждалась торговая деятельность.

Хотя богомильские экономико-этические идеи трактовались как «божье откровение», в жизни они настраивали угнетенных на борьбу против угнетателей. Богомильство содержало оппозиционное феодализму экономическое учение, которое своей острой критикой подрывало позиции феодализма. Богомильство захватило Византию, распространилось в Сербии и Боснии, поскольку греческим и сербским крестьянам, находившимся в таком же угнетенном положении, как и в Болгарии, антифеодальные идеи богомилов были близки и понятны.

В XIII — XIV вв. богомильство стало распространяться и в городах. Богомилы продолжали быть последовательными в развитии своих идей о равенстве и демократии, отрицали богатство и восхваляли бедность, скромность. Их идеалом продолжала быть раннехристианская община, в которой все были равны и не было социальных противоречий. Они прославляли труд. Но, проникнув и в города, богомильство не отрицало полезности труда торговцев, правомерности торговой прибыли и процента.

Богомильство отвергало существующий феодальный земной порядок. Однако это учение не было чисто негативным, как стремятся представить его некоторые буржуазные авторы. Оно имело и позитивную программу. Богомилы боролись против феодального строя, «созданного сатаной», чтобы восторжествовал мир, отвечающий «истинному завещанию Христа», в виде раннехристианской общины. Своей критикой феодального порядка и феодальных господ богомильство активизировало народные массы в борьбе против угнетателей, за социальную спра-

ведливость и равенство. Поэтому, несмотря на свой утопизм и религиозность, оно и во времена Второго Болгарского царства сыграло положительную роль[2].

После завоевания Болгарии турками в конце XIV в. болгарская общественная мысль пришла в упадок. Литературная деятельность в Болгарии в XV — XVI вв. носила почти исключительно религиозный характер. Но болгарский народ не смирился с турецким игом. Самой распространенной формой освободительной борьбы в Болгарии было гайдуцкое движение. Неоднократно возникали и восстания против турецких завоевателей (например, в Тырнове в 1598 г.). Несмотря на политику ассимиляции, проводимую турецкими завоевателями, болгарский народ сохранил свою национальную самобытность, что создало предпосылки для возрождения болгарской культуры, в том числе и общественной мысли, начавшегося со второй половины XVIII в.

2. Валахия, Молдова и Трансильвания *

Зарождение экономической мысли в феодальных княжествах Валахии, Молдове и Трансильвании относится к XIII — XIV вв. Экономическая мысль периода консолидации феодализма в этих княжествах (XIV — XVII вв.) носила преимущественно эмпирический характер, в основном лишь описывая экономические процессы. Социальный протест народа против феодальной эксплуатации нашел отражение в произведениях устного народного творчества, апокрифической литературе, требованиях крестьянских восстаний. Однако монополия господствующего класса на образование обусловила преобладание феодального направления экономической мысли на протяжении всего средневековья. Экономические идеи долгое время оставались отрывочными, разрозненными, тесно связанными с юридической, религиозной и исторической литературой.

Одной из наиболее ранних форм проявления экономической мысли стали мероприятия экономической политики верховных властителей. В многочисленных грамотах молдовских господарей XIV—XV вв., например, своеобразно

* Валахия, Молдова, Трансильвания — феодальные княжества, сформировавшиеся на рубеже XIII и XIV вв. и существовавшие раздельно до середины XIX в. После объединения в 1862 г. Молдовы и Валахии и присоединения к ним в 1918 г. Трансильвании образовалось государство Румыния.

отразились различные аспекты налоговой политики (ориентация на сбор десятины с производителей винограда, меда, вина), внешней торговли (регламентация вывоза товаров в русские и польские города). Обнаруживались попытки регулирования рыночных связей. Политика в области землевладения была направлена на укрепление позиций феодализма. Так, на территории Трансильвании в 1247 г. монахам-иоаннитам был выдан диплом, дававший им право суда и поборов на подчиненной территории.

В XV — XVI вв. как реакция на феодальный произвол и под влиянием гуманистических идей в Трансильвании возникло антифеодальное течение общественной мысли, известное под названием гуманизма. Наиболее крупным представителем этого направления был Н. Олахус (1493—1568) — известный политический и церковный деятель, друг и последователь Эразма Роттердамского. В своих исторических произведениях — «Венгрия и Атилла», «Хроника» и др.— он уделял внимание также экономическим вопросам. Экономика Трансильвании сравнивалась с экономикой Бельгии, Франции, Италии, сопоставлялись качество товаров и цены на них. С особым интересом описывалась торговля скотом, экспорт быков из Трансильвании, которыми «питаются Италия, Австрия и Германия до Рейна», определялись приблизительные размеры этого экспорта. Осуждалось ограничение разработок месторождений соли и руд. Характерным для воззрений Н. Олахуса было сочувствие к угнетенным массам, осуждение поведения и нравов знати[3].

Важное место в истории экономической мысли Молдовы и Валахии занимает Н. Г. Спафарий (Н. Милеску) (1625—1714). В 1653—1671 гг. он находился на службе у молдовских и валашских господарей, а с 1671 г.— в России как переводчик Посольского приказа. В 1675—1678 гг. он возглавлял русское посольство в Пекине. В своем произведении «Описание первой части Вселенные, именуемой Асии, в ней же и состоит Китайское государство» (1695) Н. Спафарий рассказал об экономике этой страны, ее торговле и т. д. Исследование экономических отношений на примере Китая позволило Н. Г. Спафарию сделать ряд правильных выводов о принципах рационального ведения сельского хозяйства, об организации ремесла, торговли. Важно подчеркнуть, что автор усматривал источник богатства современного ему Китая в чрезвычайно благоприятных природных условиях, с одной стороны, и в большом трудолюбии и искусном ведении хо-

зяйства китайским народом — с другой, причем последнее он считал решающей причиной экономического процветания. «Здешние люди зело трудолюбивы в земледелании, чего ради и земля плодовита есть»[4],— писал он.

Большой вклад в развитие экономической мысли внес Д. Кантемир (1673—1723), господарь Молдовы, ученый-энциклопедист. С 1711 г. он жил в России, был советником Петра I. В своих произведениях, особенно в историческом очерке «Описание Молдовы» (1716), он рассматривал также экономические вопросы. В трактовке некоторых из них (о происхождении феодальной собственности и крепостничества в Молдове) ясно проявилась принадлежность Д. Кантемира к классу феодалов. Возникновение феодальной собственности обусловлено, по его мнению, «подарками господаря» своим слугам, крепостничество же в Молдову привнесено извне, закрепощенные крестьяне не являются молдаванами. Вместе с тем Д. Кантемир вынужден был признать, что часть крепостных составляли «мелкие землевладельцы, у которых по причине бедности отторгнуто их наследственное имение, и они насильно вовлечены в иго рабства»[5]. Как истинный феодал, Д. Кантемир считал положение закрепощенного крестьянства вполне естественным и нормальным, усматривая причину бедности его в прирожденной лени. Вместе с тем Д. Кантемир выступал против крайностей феодальной эксплуатации, что свидетельствует о влиянии гуманистических воззрений на его взгляды.

Прогрессивные экономические идеи высказывались им при исследовании структуры, характера и перспектив развития экономики Молдовы. Кантемир находил две причины хозяйственного отставания страны: грабительская политика турецких завоевателей и неправильная экономическая политика господарей. Выход он видел в уничтожении турецкого ига и во всемерном поощрении торговли. Он высоко оценивал роль купечества в развитии экономики, а торговлю считал средством накопления значительного количества денег как лучшей формы богатства. Из этого следует, что на взгляды Д. Кантемира наложили отпечаток идеи раннего меркантилизма.

В конце XVIII в., в условиях разложения феодализма и постепенного зарождения капиталистических отношений, под влиянием идей французского Просвещения в княжествах возник «иллюминизм» (просветительство) как течение антифеодальной и антиклерикальной мысли. Представители этого направления в Трансильвании (И.

Мику, С. Мику, Г. Шинкаи, П. Майор) критиковали экономические привилегии церкви, феодальные пережитки во всех сферах хозяйственной жизни. Идеи «иллюминизма» в Молдове и Валахии содержались в законодательстве периода разложения феодализма, как свидетельствуют «Книга правил» (1780, Валахия), «Уложение Караджи» (1818, Молдова), «Кодекс Калимаки» (1819, Молдова). В них отражались буржуазные взгляды на развитие обмена, мануфактуры, ремесел[6]. Но «иллюминизм» не осуждал существование феодальной земельной собственности, ограничиваясь лишь критикой отдельных сторон и учреждений феодального общества, борьбой за распространение знаний и т. д.

В первой половине XIX в., в условиях глубокого кризиса феодальной системы, экономическая мысль господствующего класса в этих княжествах была представлена двумя течениями: консервативным и либеральным.

В концентрированной форме экономическая мысль консервативного боярства нашла отражение в статьях феодальных конституций Валахии и Молдовы — Органических регламентов (1831/32—1851), касающихся аграрных отношений. В них было зафиксировано уменьшение земельной площади, получаемой крестьянами (в 2—3 раза), и увеличение их крепостнических повинностей, особенно барщины. В то же время по Органическим регламентам $^1/_3$ боярских поместий освобождалась от всяких видов феодальных повинностей[7]. Все это дало основание К. Марксу охарактеризовать Органические регламенты как «кодекс барщинных работ», который «был, конечно, продиктован самими боярами»[8].

В то же время в других разделах Органических регламентов нашли отражение прогрессивные экономические идеи. Например, уничтожались внутренние таможни, подчеркивалось, что «торговля является подлинным источником общественного благополучия» и купечеству следует предоставить права «более широкие и соответствующие той пользе, которую торговцы приносят государству и обществу». Статья 158 предусматривала поощрение развития мануфактур и ремесел[9].

Взгляды крупного боярина Б. Катарджиу (1807—1862) характерны для консервативного течения экономической мысли. В своем трактате «Собственность в молдовалашских княжествах» (1857) и в парламентских речах (1859—1862) он отрицал существование в этих княжествах аграрного вопроса, объявляя его «выдумкой

коммунистов», выступал против наделения крестьян землей за счет экспроприации части земли у бояр, ратовал за сохранение крепостнических отношений, доказывая, что барщина и оброк есть не что иное, как квартплата[10].

Представителем либерального направления феодальной экономической мысли был Д. Фотино (1777—1821) — историк, мелкопоместный боярин. Экономические вопросы он рассматривал в «Истории Дакии, теперь Трансильвании, Валахии и Молдовы» (1818—1819). Он заметил, что состояние «глубокой летаргии», в которой находится экономика румынских княжеств, связано с господством феодальных производственных отношений, с их «разрушительным гнетом». Находясь на позициях либерального боярства, Д. Фотино не требовал уничтожения феодального строя, а предлагал серию экономических мер, направленных на улучшение положения народных масс, развитие экономики, рекомендовал более справедливую фискальную систему, основанную на прогрессивном налоговом обложении сельскохозяйственной продукции, обязательном для всех (включая бояр, духовенство). Основным средством преодоления экономической отсталости Д. Фотино считал развитие торговли, которую называл «главным источником обогащения и усиления государства, высшим видом деятельности самых искусных умов»[11].

Другой представитель либерального крыла — Д. Голеску (1777—1853) считал, что для преодоления экономической отсталости стране необходимо развивать национальную промышленность. Он указывал на то, что «очень невыгодно для страны добытый необработанный материал продавать в другие страны по дешевой цене» и потом покупать готовые продукты «в 30 и более раз дороже»[12]. В сочинении «Заметки моего путешествия» (1821) он предлагал государству стимулировать феодалов вкладывать свои деньги в развитие промышленности. Однако на концепции развития промышленности Д. Голеску сказалась его классовая принадлежность. Выражая интересы крупного боярства, втянутого во внешнюю торговлю, он подразумевал под этим развитием лишь промышленную переработку сельскохозяйственной продукции, идущей на внешний рынок.

Интересна позиция либерального боярина Л. Раду. Она отражена в проекте конституции заговора конфедератов, организованного им в 1839 г. в Молдове. Среди мер, направленных на ускорение экономического развития страны, Л. Раду наиболее важной и срочной считал со-

здание национальной промышленности, причем прежде всего добывающей и обрабатывающей. В проекте конституции предусматривалось проведение протекционистской политики, чтобы «не упускать денег из страны и дать толчок открытию фабрик»[13].

Ускорение темпов экономического развития румынских княжеств в 30—40-х годах XIX в. интенсифицировало развитие экономической мысли, что обусловило ее выделение в самостоятельную форму общественной идеологии. Первым экономистом, занимавшимся широкой публицистической деятельностью в Молдове, был Н. Суцу (1798—1871) — политический деятель, крупный боярин. В своих произведениях «Краткий взгляд на экономическое положение Молдовы» (1838), «Статистические заметки о Молдове» (1849) и других Н. Суцу с позиций либерального боярства описывал и анализировал весь комплекс проблем, связанных с национальной экономикой, разрабатывал принципы и мероприятия экономической политики.

Н. Суцу критиковал основные положения меркантилистов и физиократов, противопоставляя им следующие положения: 1) «Только потребление предметов роскоши является непроизводительным; 2) каждая страна может получать товары, предназначенные для потребления, оттуда, где они стоят дешевле, не опасаясь ущерба от того, что они ввозятся из-за границы; 3) страну обогащает не импорт денег, не благоприятный коммерческий баланс, а развитие обмена, процветание торговли и рост производства, который является одновременно причиной и следствием экономического развития». Эти принципы, взятые у классиков буржуазной политической экономии, он использовал при разработке мер экономической политики. Он выступал против протекционизма, за свободу торговли, утверждая, что для развития экономики «единственным средством является оставить природу вещей действовать по своему усмотрению». Характеризуя тогдашнее состояние Молдовы как страны «сугубо аграрной», Н. Суцу признавал необходимость ограниченного развития промышленности. При этом он считал возможным создание только таких промышленных предприятий, которые выпускали бы товары с издержками производства более низкими или примерно равными тем издержкам, с которыми они производятся в европейских странах. Исходя из этого, он утверждал, что в Молдове может развиваться только промышленность, перерабатывающая сель-

скохозяйственную продукцию. По мнению Н. Суцу, не следует стремиться к преобладанию промышленного производства в экономике. «Чем более равной является пропорция между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей,— пишет он,— тем более прочным становится богатство нации»[14]. Этот тезис, заимствованный Н. Суцу у Ж.-Б. Сэя, в наибольшей степени отражает интересы той группы боярства, которая хотела увеличить доходы от поместья путем промышленной переработки некоторых продуктов и в то же время обеспечить продажу за границей сельскохозяйственной продукции. Таким образом, Н. Суцу пытался примирить развитие капитализма с интересами боярства. Теоретические формулировки и концепции Н. Суцу противоречивы, но они отражают реальные противоречия, существовавшие в тот период в экономике страны.

В практическом плане Н. Суцу дал правильные рекомендации для экономического развития страны. Так, он обосновал необходимость и разрабатывал проекты создания быстрых и надежных путей сообщения, особенно железных дорог, кредитных институтов, организации профессионального обучения и т. д. Важным вкладом Н. Суцу в развитие экономической мысли было применение впервые статистического метода исследования, сбор большой статистической информации об экономике Молдовы.

Таким образом, если представители консервативного течения экономической мысли господствующих классов занимались оправданием существующих феодальных порядков, то представители либерального течения пытались найти пути преодоления состояния глубокой экономической отсталости княжеств. Однако, поскольку они не желали ни в коей мере ущемить интересы крупных землевладельцев, все разработанные ими предложения были нереальными или в лучшем случае малоэффективными.

3. Венгрия

В феодальной Венгрии, как и во многих других странах, в период средневековья не было создано каких-либо целостных экономических теорий. Экономические учения появляются здесь лишь во второй половине XVIII в. Экономическая мысль более раннего периода нашла свое выражение главным образом в законодательстве, политике феодального государства, в требованиях крестьянских восстаний.

К концу X в. у венгров сложилось раннеклассовое государство, а в XI в. утвердилось феодальное землевладение. В XIII в. произошло окончательное разделение венгерского общества на классы феодалов и зависимых от них крестьян. Важнейшим памятником экономической мысли этого периода является «Золотая булла» (1222) короля Эндре II.

«Золотая булла» фактически представляла собой конституцию феодальной Венгрии. Принятие этого закона было связано с усилением магнатов и ростом недовольства мелких дворян. «Золотая булла»— типичный памятник феодального права, целиком и полностью выражающий интересы дворянства, прежде всего мелкого и среднего. Подписав по настоянию дворянства этот документ, король Эндре II тем самым признал, что в период его правления в Венгрии сложилось такое положение, когда земельные магнаты приобрели реальную экономическую и политическую власть и притесняли даже дворян. Поэтому в «Золотой булле» торжественно провозглашалось, что король и его преемники не будут заключать в тюрьму дворян (служилых людей) и конфисковывать их имущество «в угоду желаниям какого-либо властителя», если дворяне не будут перед этим осуждены «судебной камерой».

Этот закон имел большое значение для укрепления феодального иммунитета венгерского дворянства. В «Золотой булле» король обязывался не собирать налогов с людей, проживающих в поместьях его вассалов, не приезжать «в их дома или поля иначе как по приглашению». Налоговый иммунитет дополнялся судебным. Провозглашалось, что графы округов «не будут иметь судебных прав в пределах имений служилых людей, за исключением дел о монете и о десятине». Король запрещал конюшим, псарям и сокольничим «заезжать и находиться на полях служилых людей». Даже свиньи короля, согласно «Золотой булле», не могли пастись в лесах и полях дворян, если последние не давали на это согласия.

Натурально-хозяйственные тенденции экономической жизни Венгрии не могли не отразиться в экономической идеологии, которая в свою очередь оказывала большое влияние на законодательство. Венгерские крестьяне с трудом могли добыть деньги для уплаты налогов и оброков. Поэтому в «Золотой булле» провозглашалось, что «десятина не будет собираться деньгами и будет уплачиваться вином или зерном...».

Гарантировалась неприкосновенность дворянской земельной собственности. Провозглашался принцип, согласно которому «никто не будет никогда лишен имения, которое он приобрел честной службой». За участие феодалов в походах король обязан был платить. Вместе с тем правящий класс осознал политическую опасность пожалований магнатам больших территорий, что стало обычной практикой при Эндре II. Поэтому король брал на себя обязательство не жаловать впредь округа и важные должности.

Правда, в «Золотой булле» содержались положения, которые формально защищали крестьянство. Так, запрещалось порабощать и закрепощать переселенцев любой национальности, собирать десятину деньгами и до того, как созреет урожай; знатные люди во время путешествий, охоты и т. д. не имели права «притеснять и грабить бедных». Однако многие из таких положений не выполнялись. Кроме того, их включение в текст «Золотой буллы» было продиктовано заботой господствующего класса о сохранении экономической дееспособности крестьянского хозяйства[15].

«Золотая булла» короля Эндре II, равно как и булла 1231 г., определившая привилегии церковных феодалов, является ярким примером того, как феодальная надстройка способствовала упрочению феодального базиса. В то же время эти буллы создали благоприятную основу для роста могущества феодальной знати, что привело к феодальной раздробленности Венгерского королевства.

Важным документом, позволяющим получить представление об экономической идеологии господствующего класса Венгрии XVI в., является «Трипартитум» (свод обычного права в трех частях) венгерского юриста и государственного деятеля Иштвана Вербёци (1458—1541). Этот кодекс (1517) подтверждал прикрепление крестьян к земле, насаждал систему государственного крепостничества. Формально венгерские крестьяне сохраняли свободу перехода до 1514 г. Однако Декретом VII короля Владислава II (1514), изданным в связи с восстанием куруцев (подробнее о нем будет сказано дальше), крестьяне прикреплялись к земле владельца имения «навсегда и полностью», не могли без разрешения переселяться в другие места.

Кодекс Вербёци ставит вопрос об источниках и причинах крепостничества. Отвечая на него, автор кодекса усматривает причину крепостного состояния в неповинове-

нии крестьян дворянству, раз они приняли участие в восстании против феодалов под руководством Дьёрдя Дожи (1514). Поэтому, считает Вербёци, крестьяне «оказались навсегда виновными в измене» и были «прикреплены навечно к земле своих хозяев». Вербёци не понимает экономической обусловленности крепостничества и не учитывает то обстоятельство, что фактически оно существовало задолго до своего юридического оформления. Даже использование феодалами «права меча» по отношению к крестьянам свидетельствовало о бесправии, личной зависимости последних от своих господ.

Знаменитый венгерский юрист настоятельно проводит мысль о том, что «крестьяне не имеют никакого вечного права на земли господина», а «власть над всей землей принадлежит господину имения». Этот тезис является весьма важным для определения места крестьянства в социально-политической системе феодализма. Фактически Вербёци обосновывает положение о том, что при феодализме крестьяне являются не собственниками, а держателями земли. Крестьяне имеют весьма низкий социальный статус. Они именуются чернью, в то время как феодалы — народом. Власть феодалов Вербёци считает справедливой, даже если она была завоевана силой. Он призывает укреплять господство дворян, феодальное право, ибо в противном случае «государства превратились бы в огромные разбойничьи гнезда»[16].

В своем труде Вербёци стремится показать, что существует единый класс дворянства, противостоящий крестьянству, а деление на магнатов и немагнатов искусственно. По вопросу о происхождении дворянства он придерживается тенденциозной точки зрения, полагая, что дворянами становились лица, несшие военную службу, а отказавшиеся от нее якобы и образовали сословие крестьян. Вербёци активно выступал против мнения, согласно которому человек, получив в дар землю, мог стать дворянином. Наоборот, он всячески подчеркивал военное происхождение дворянства, ссылаясь, в частности, на то, что дворянин может не иметь земли. Весьма характерно, что Вербёци был против расширения церковного землевладения и дарений земли монастырям и церкви[17]. В таком подходе нашло отражение исконное соперничество светской и духовной знати.

Важнейшей составной частью экономической мысли феодальной Венгрии являются экономические требования крестьянских восстаний. Крестьяне протестовали против

закрепощения и усиления феодальной эксплуатации. Так, восстания 1046 и 1061 гг. проходили под лозунгом возвращения к общинному строю. Позже лейтмотивом крестьянских выступлений стала борьба против притеснений со стороны дворян и даже за полное освобождение.

Особенно грандиозным было крестьянское восстание в 1514 г. под руководством мелкого дворянина Дьёрдя Дожи, вошедшее в историю под названием «восстание куруцев». Во многих отношениях оно приобрело антифеодальный характер, вылилось в настоящую войну.

В одной из своих речей Дожа говорил, что больше всего крестьяне страдают от крепостной зависимости, барщины, денежной ренты. Именно требование ликвидации крепостничества и непомерно больших повинностей определило содержание основных лозунгов участников крестьянской войны 1514 г. Восставшие ставили перед собой задачу уничтожения всех дворян. Дожа заявлял, что «не должно быть никаких господ». О таких же намерениях крестьян сообщал австрийский дипломат Иоанн Куспиниан. В посланиях руководителей восстания к крестьянам говорилось: «Благо будет тем, кто овладеет дворянским имуществом и истребит вероломно проклятых помещиков»[18]. Но, выдвигая такие революционные требования, крестьяне продолжали верить в добродетели короля. Венгерские дворяне, подавив восстание, учинили жестокую расправу над его участниками, использовав крестьянский протест как повод для окончательного закрепощения крестьянства.

В 1703—1711 гг. в Венгрии развернулось широкое движение за освобождение страны из-под власти австрийских Габсбургов, которое возглавил Ференц Ракоци II (1676—1735). В воззвании Ракоци и Берченьи к восставшим говорилось о притеснении со стороны иноземных поработителей, указывалось на тяжелое положение крепостных крестьян, хотя и запрещалось нападать на представителей господствующего класса. Среди крестьян ходили слухи о том, что Ракоци обещал освободить от крепостной зависимости всех, кто вступит в его армию. Участник восстания Тамаш Эсе писал, обращаясь к Ракоци: «Те крепостные, которые верно служат с оружием в руках вашей милости, крепостными после этого не будут... ведь борьба началась против угнетателей бедного люда». Согласно донесению русского посла в Вене, Ракоци обещал предоставить крестьянам «вольность и свободность навеки», а также отменить «пошлины в деньгах». Такое же обеща-

ние содержится в патенте за подписью Берченьи (1704). Однако сам Ракоци, защищая интересы дворянства, ограничился лишь освобождением крестьян от повинностей во время службы в армии. Надежды крестьян не сбылись, что явилось одной из причин поражения национально-освободительной войны.

Во второй половине XVIII в. в Венгрии развиваются товарно-денежные отношения, ликвидируется крепостничество (при Иосифе II), правительство проводит меркантилистскую политику. Создаются условия для возникновения экономических учений (прежде всего в работах М. Шкерлеца, Г. Берзевицы, И. Сеченьи, Л. Кошута).

4. Польша

Феодальный способ производства зарождается в Польше в VI — VII вв. и особенно интенсивно развивается в X — начале XI в. К этому времени феодальные отношения составляют уже ведущий уклад в хозяйственном строе страны. В широких масштабах осуществляется закрепощение крестьян и формирование крупной земельной собственности.

Утверждение феодального способа производства базировалось на медленном, но неуклонном росте производительных сил, обусловленном, в частности, распространением трехполья и внутренней колонизацией (освоением новых земель). Ремесло и торговля, начавшие интенсивно развиваться еще в IX — XI вв., достигли впоследствии весьма высокого уровня. К XIV в. феодалы переходят уже от натурального оброка, взимаемого с крестьян, к чиншу, уплачиваемому натурой и деньгами. При этом роль денежной ренты все более возрастает, что было проявлением и фактором усиления развития товарно-денежных отношений, расширения внутреннего рынка.

Эти прогрессивные процессы были прерваны формированием в конце XV— начале XVI в. и последующим утверждением фольварочно-барщинной системы. Обесценение чиншовых платежей, вызванное широко практиковавшейся порчей монеты и влиянием «революции цен», сделало для феодалов выгодным создавать собственную запашку (фольварк) за счет экспроприации общинных земель и крестьянских наделов. Перевод крестьян с денежной ренты на отработочную позволил феодалам выгодно сбывать на рынке товары, произведенные трудом крепост-

ных. Эта их деятельность привела к экономическому и политическому упадку городов.

Необычайная прочность барщинно-крепостнической системы и вызванная ею значительная заторможенность всего социально-экономического развития страны, неограниченное могущество магнатов и шляхты, слабость городов — этими специфическими особенностями феодальная Польша отличалась от таких стран, как Россия, Венгрия и др.

Вместе с тем общность многих процессов социально-экономического и духовного развития феодальной Польши с соседними странами в наибольшей мере проявилась прежде всего на землях современной Литвы, Латвии и Эстонии. Первая из них в результате Люблинской унии 1569 г. объединилась с Польшей, образовав единое многонациональное государство — шляхетскую Речь Посполитую. Преобладающая же часть территории Латвии и Эстонии сравнительно длительное время находилась в прямой или вассальной зависимости от этого государства.

Безудержное наступление феодалов на крестьянство и города обусловило глубокий и длительный кризис Речи Посполитой, ее упадок во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Представление об экономических взглядах периода раннего феодализма в Польше дают отдельные замечания по экономическим вопросам, содержащиеся в различных письменных источниках той эпохи,— в появляющихся с XII в. хрониках, затем в локационных грамотах, законодательных актах, житиях святых и т. п. Господство теологии и средневековой схоластики сказывалось также в воззрениях на вопросы хозяйственной жизни. Церковники рьяно защищали свои интересы. Так, осуждая порчу монеты, в результате которой уменьшались реальные платежи в пользу папского престола, краковский епископ В. Каблубек в своей «Хронике» (XIII в.) отрицал право монарха произвольно устанавливать металлическое содержание монеты. Он доказывал необходимость равенства этого содержания номиналу, поскольку лишь в этом случае монета может быть хорошим посредником обмена; за монархом признавалось право на доход лишь от чеканки монеты[19]. Попыткой согласовать церковные доктрины с новыми явлениями экономической жизни был, в частности, статут архиепископа Н. Тромбы (1420), в котором

допускалось отступление от положения о греховности ростовщичества[20].

Важную роль в борьбе против средневековой схоластики и церковной идеологии сыграло распространение в Польше во второй половине XV— первой половине XVI в. идей гуманизма и Реформации, выражавших объективную необходимость развития производительных сил. Одним из первых польских гуманистов, в творчестве которого значительное место занимали экономические вопросы, был Ян Остророг (1436—1501). Выражая интересы польской шляхты и взгляды чешского гуситства, он в своей работе «Мемориал об устройстве Речи Посполитой» выступал за независимость Польши от папы и за отмену всех платежей в его пользу, возмущался ростовщической деятельностью и вымогательством церкви, ее освобождением от налогов и требовал, чтобы все ее богатства принадлежали стране. Радикальным для того времени было требование Остророга ввести единую систему судопроизводства для всех сословий. Доказывая необходимость укрепления централизованной власти и защиты естественных богатств страны, Остророг осуждал такое к ним отношение, «как будто все страны составляют одно государство». Этот разрыв со средневековым космополитизмом был связан с его критикой экономической раздробленности страны, требованием ликвидации внутренних таможенных барьеров, поскольку «воистину недостойным делом есть в свободном королевстве с соотечественников и обитателей пошлины взыскивать»[21]. Заботой об устранении старых форм производства было продиктовано предложение Остророга о ликвидации цехов. Требуя установления высоких ввозных пошлин на импортные товары, Остророг подчеркивал, что условием правильного обмена являются полноценные деньги, и высказывался за установление их твердого курса. Выражая беспокойство по поводу роста численности людей, оставшихся без средств к существованию, Остророг ратовал за запрет нищенства, пьянства.

Большой вклад в развитие экономической мысли внес великий астроном и мыслитель Н. Коперник (1473—1543). Содержащаяся в его сочинениях «Об оценке монет» (1519), «Трактат о чеканке монет» (1526), а также в письмах теория денег во многих отношениях значительно превосходила достигнутый тогда уровень понимания денег и закономерностей их обращения. Н. Коперник решительно порывает с номиналистической теорией денег,

согласно которой их достоинство определяется волею монарха. Если реальное содержание благородного металла в монете меньше номинально указанного, то цены всех товаров повышаются, так как купцы продают свои товары по стоимости серебра и золота, а не по оценке монеты, «скудость которой возмещают числом»[22]. Реальное достоинство монеты определялось, следовательно, количеством содержащегося в ней благородного металла. Коперник указывал, что возникновение денег было объективно обусловлено, только позднее возникла потребность их обозначения печатью с указанием веса и названия. Решительно осуждая практику порчи монет, Коперник показывал, что временные выгоды этой практики для казны впоследствии многократно перекрываются превосходящими потерями и ущербом для хозяйства страны. В частности, «худшая» монета вытесняет из обращения «лучшую», которая в переплавленном виде вывозится за границу. Наряду с этой утечкой благородных металлов из страны порча монеты ведет к росту дороговизны и общему разладу хозяйственной жизни. Закономерность вытеснения «лучших» денег «худшими», известная в науке под названием закона Грешема, была открыта еще Коперником.

Коперник требовал введения полноценных денег как главного условия прочной и стабильной монетной системы, что в свою очередь необходимо для успешного экономического развития. Хотя в деньгах Коперник видел только техническое средство, облегчающее обмен, но он понимал, что цена всякого товара является как бы отражением его стоимости в металлическом содержании денег. Эта их функция меры стоимости рассматривается при этом в единстве с функцией средства обращения. Количество денег в обращении, указывал Коперник, должно быть строго определенным. Кроме того, ему были известны также функции средства платежа и мировых денег.

Обоснованию необходимости социально-экономических преобразований значительное место уделял А. Моджевский (1503—1572), один из наиболее выдающихся мыслителей польского Просвещения. Он осуждал засилье католической церкви в духовной жизни, выступал против привилегий шляхты и ее монополии на землю, ратовал за обложение всех сословий и их равенство перед законом. В духе учения Кальвина им рекомендовалась детальная регламентация общественной жизни, осуществляемая «смотрителями нравов». В отношении нищих предлагалась система принудительного труда. Признавая необхо-

димость развития торговли, Моджевский решительно осуждал спекулятивную торговлю шляхты хлебом, требовал ограничения экспорта продовольствия, «чтобы наши земли не становились урожайными для иностранцев и бесплодными для нас самих», поскольку чрезмерный экспорт ведет к росту дороговизны в стране. Моджевский осуждал также импорт «товаров, придуманных для роскоши и мишуры», оплата которых ведет к вывозу благородных металлов, что обедняет страну[23].

Интересы городского патрициата и богатых купцов выражал поэт С. Ф. Клёнович (1545—1602). Он указывал на отрицательные последствия для городов шляхетской торговли сельскохозяйственными продуктами, доказывал безосновательность пренебрежительного отношения шляхты к купцам и ремесленникам, а также к физическому труду. Одновременно Клёнович выражал распространенный в то время взгляд, согласно которому сельское хозяйство является самой главной отраслью хозяйства, так как земля приносит «процент», за счет которого живет все общество.

В целом аналогичные взгляды высказывал врач и философ С. Петрыцы (1554—1626), который еще более решительно защищал интересы зарождающейся буржуазии. Он подчеркивал хозяйственное значение городов и требовал, чтобы шляхта занималась только сельским хозяйством, оставив торговлю мещанам.

Настроения левого крыла польской Реформации нашли выражение в распространившемся в 50—60-х годах XVI в. движении «польских братьев» (ариан), родственном в идейном отношении новгородской ереси конца XV — начала XVI в. Его идеологи — выходцы из крестьян и городских низов — требовали равенства людей и ликвидации феодальной эксплуатации. Однако это движение имело сравнительно небольшое влияние. В условиях засилья феодалов и слабости торгово-ремесленных слоев все движение Реформации было в Польше главным образом выражением борьбы между светскими и церковными феодалами. Крестьянство же в своей массе оставалось равнодушным к нему как к чисто шляхетскому движению.

Выразителем экономических интересов шляхты, обогащавшейся на экспорте сельскохозяйственных продуктов и стремившейся к упрочению крепостнических отношений, был шляхтич А. Гостомский (1508—1588). В своей книге «Хозяйство» (1588) наряду с организационно-техническими вопросами сельского хозяйства он детально рассмат-

ривал способы усиления крепостнической эксплуатации и максимального увеличения доходов. Цель хозяйства, по Гостомскому, «как можно более денег получить... оными же распоряжаться соответственно условиям», причем затраты не должны превышать «пользу», т. е. выручку. Для этого рекомендуется, в частности, вести четкое счетоводство, составлять бюджет «на неделю, на месяц, на год». Гостомский давал советы, как спекулировать хлебом, когда отбирать его у крестьян и когда продавать купцам. Высоко оценивая роль экспорта, он не пренебрегал и внутренним рынком. Отмечались преимущества крупного производства над мелким, достоинства специализации внутри фольварка. Деньги Гостомский рассматривал не как средство тезаврации, а как капитал, указывая, что они «плодятся»[24].

В условиях усиливающегося с начала XVII в. кризиса феодальной системы хозяйства идеологи шляхты выдвигали проекты реформ, которые призваны были преодолеть этот кризис. В этом направлении В. Гостковский, А. Цесельский и другие формулируют идеи, близкие к взглядам А. Л. Ордин-Нащокина. Для улучшения материального положения шляхты и усиления ее государства предлагается прежде всего запретить польским купцам выезжать за границу, тем самым ограничить вывоз денег из страны и улучшить ее платежный баланс. Иностранные купцы сами должны приезжать за товарами и, как писал один из авторов, «будут тратить в Польше деньги на содержание, на них ляжет бремя пошлин, и заплатят они за товары не фиктивными, а хорошими и достойными деньгами»[25]. Этот проект основывался на почти всеобщем тогда наивном убеждении в существовании монополии продуктов фольварка на мировых рынках. «Наши товары настолько заморским жителям необходимы,— писал П. Грабовский,— что без них они не могут существовать». Вторым средством преодоления невыгодного соотношения цен во внешней торговле и улучшения торгового баланса считалось повышение курса мелкой отечественной монеты по отношению к крупной (талеру и дукату), т. е. восстановление прежнего валютного курса административным распоряжением. Важным элементом предлагаемых проектов было требование завоевания и колонизации новых земель, поскольку «другие народы распространяются и упрочиваются широко по свету...»[26]. Страх перед крестьянскими восстаниями склоняет большинство идеологов шляхты

к морально-этическому осуждению чрезмерной эксплуатации крестьян, к призывам ограничить их повинности.

Значительный шаг вперед делал епископ С. Заремба в своей работе «Взгляд на расходы в королевстве» (1623). Критически оценивая рассмотренные выше проекты, он выдвигал на первый план среди методов достижения положительного торгового баланса развитие польской промышленности и городов, необходимость «порядок сделать и свободы ремесленникам лучшие предоставить»[27], освободить их от налогов и притеснений со стороны шляхты. Осуждая в духе времени импорт продуктов роскоши как разорительный для страны, он одобрял ввоз промышленного сырья как условие последующего экспорта промышленных товаров.

Еще более последовательно эта программа излагалась Я. Гродвагнером в его работе «Рассуждения о цене денег и о некоторых последствиях ее» (1632). В отличие от Зарембы он отмечал незначительную эффективность простых запретов на ввоз готовых изделий и вывоз промышленного сырья. Единственным радикальным средством достижения положительного торгового баланса он считал развитие польской промышленности и остро критиковал практику, когда сырье «через моря широкие» вывозится в другие страны, а затем снова ввозится в виде готовых изделий и иностранные купцы «от нас деньги вывозят»[28]. Выступая против утечки благородных металлов из страны, он в то же время допускал целесообразность вывоза их, если это способствует развитию ее экономики. Тем самым он полностью порывал с отождествлением богатства с золотом.

Необходимость развития городов ради повышения экономического и военного потенциала шляхетского государства обосновывал анонимный автор «Рассуждений об умножении городов в Польше» (1648). С широкой программой социально-экономических преобразований, направленных на преодоление экономического и политического упадка страны, выступил писатель и политический деятель К. Опалиньский (1609—1655) в своих «Сатирах» (1650). Осуждая эксплуатацию крестьян, он показывал ее многообразные формы и отрицательные последствия для самой шляхты, требовал перехода от барщины к оброку. Для роста экономического могущества страны предлагалось всемерное развитие городов, расширение ремесла, торговли, прекращение ввоза из-за границы таких готовых изделий, которые можно производить в стране, предоставление свободы и помощи городам, освобождение их от

чрезмерных налогов, сооружение дорог и каналов, соблюдение принципа экономии. Одобрялись «скудная и ровная жизнь», стремление к прибыли (которое является «фундаментом всякого дохода»), приглашение в страну ремесленников и т. д.[29]

Крупный вклад в развитие экономической мысли Польши в XVII в. внес политический деятель А. М. Фредро (1620—1679). Анализируя причины экономического упадка страны, он обращал внимание прежде всего на то, что многие представители шляхты «снижают уровень земледелия тем, что запускают обработку земли, или тем, что чрезмерно обременяют крепостных». В связи с этим предлагалась принудительная опека над такими дворянами. Однако основной отраслью экономики Фредро впервые в польской литературе называл не сельское хозяйство, а промышленность, торговлю и «коммуникацию», являющиеся «кратчайшим и одновременно самым легким путем к обретению богатства». Указывая, что «мы, поляки, почти у всех народов покупаем готовые изделия по цене, которая в четыре раза выше той, за которую мы продаем сырье»[30], Фредро выступал за всемерное развитие отечественной промышленности и торговли, строительство широкой сети путей сообщения (особенно каналов), за создание торговых компаний, введение пошлин на импорт предметов роскоши.

В XVIII в. публицист и педагог С. Конарский (1700—1773) предлагал перевести крестьян на оброк, высказывался за ускорение экономического развития страны и превышение экспорта над импортом. Воевода и публицист С. Гарчиньский (1690—1755) выступал за равномерное развитие всех отраслей экономики, активизацию хозяйственной деятельности всех сословий, развитие промышленности, строительство дорог и каналов, усиление экономической роли государства в хозяйственной жизни. При этом резкой критике он подвергал чрезмерную эксплуатацию крестьянства, обусловливающую сокращение внутреннего рынка.

Прогрессивные взгляды высказывал в это время польский король С. Лещинский (1677—1766). Он предлагал обложить налогами духовенство, отменить освобождение шляхты от таможенных сборов, ввести единый налог, который заменил бы прежние поборы и позволил создать государственные промышленные предприятия. Лещинский призывал шляхту ослабить притеснение крестьян во избежание бунтов и для повышения трудолюбия народа.

Все эти прогрессивные, враждебные барщинно-крепостнической системе хозяйства взгляды являлись реакцией главным образом наиболее передовых представителей господствующего класса на экономический упадок и были направлены на поиски выхода из него в рамках существующей общественно-экономической системы. Эти взгляды, формулируемые в значительной мере под влиянием западноевропейской мысли, в условиях царившей в Польше феодальной анархии не могли, естественно, быть реализованы.

5. Сербия, Хорватия, другие югославянские страны

Возникновение экономической мысли в Сербии и других югославянских странах относится к средним векам. Это можно проследить по источникам примерно второй половины XII в. Разработку отдельных экономических проблем, некоторые идеи и концепции практического и теоретического характера мы находим в королевских грамотах о даровании монастырям земельных владений и привилегий, в уставах городов, частично в средневековой литературе и законодательных актах.

Интересную группу источников представляют торговые договоры сербских правителей с Дубровницкой республикой и другими государствами (торговля для Сербии имела большое значение). Так, по договору 1186 г., заключенному Стефаном Неманей, дубровчане получали право свободно торговать в сербских землях при условии уплаты ими определенных ежегодных сумм вперед, носивших различные названия и представлявших по существу импортные и экспортные пошлины. Торговые привилегии купцам из Дубровника были закреплены в договорах, заключенных Стефаном Первовенчанным, королем Урошем I, его сыном королем Милутином (1302). Ряд грамот предоставлял им широкие юридические права в Сербии: обеспечивались возмещение причиненного ущерба и защита от неправильного взимания пошлин, несправедливости властей; они имели собственный суд.

Важнейшим источником по истории средневековой экономической мысли Сербии является Законник благоверного царя Стефана (Законник Стефана Душана). Принятый в 1349 г. на саборе в Скопле, он спустя пять лет был дополнен некоторыми новыми статьями. В Законнике, юридически закреплявшем господствующее положение феодальных землевладельцев, были выражены экономи-

ческие взгляды класса феодалов. Главное место в нем занимали проблемы натурального хозяйства и крепостничества, собственности и эксплуатации крестьян.

Иерархическая структура феодального общества и его классовое деление, санкционированное Законником, требовали обеспечения достаточного объема производства в целях присвоения феодальной ренты. Поэтому усиливалось прикрепление крестьян-меропхов к земле, фиксировались обязанности крестьян как в отношении производства, так и в отношении податей — натуральных и денежных. Производство на феодальной основе регулировалось посредством прикрепления меропхов к земле и их физического принуждения (§ 174). Помимо того, стимулировалось разделение труда на монастырских и светских землях с целью повышения эффективности производства и степени эксплуатации крепостных крестьян. Проблема разделения труда нашла отражение как в Законнике Стефана Душана, так и в монастырских грамотах.

Разделение труда в крупных поместьях осуществлялось посредством специализации крестьян на отдельных сельскохозяйственных работах. Выделялись группы пахарей, виноградарей, пчеловодов, рыболовов, сокольничих, пастухов и т. д. Отроки (рабы) выполняли самые тяжелые и утомительные работы. В королевских грамотах были точно установлены обязанности крестьян и феодалов по выполнению этих работ[31].

Главные положения Законника Стефана Душана были направлены на закрепление феодальных отношений производства. Определялись классовые отношения феодалов, меропхов, свободного крестьянства (себров), которые составляли большинство населения. В параграфах 39—63 утверждалась наследственность феодальной собственности вплоть до третьего колена. Это характерно также для многочисленных грамот и других документов времен правления Душана и после его смерти. Таким путем была усилена феодальная эксплуатация крестьян со стороны правителей и монастырей. Надежность владения должна была обеспечить стабильность производства и феодальной ренты, налогов. Кроме наследственной феодальной собственности в Сербии насаждалась Законником так называемая прониарная система, перенесенная из Византии (§ 43, 45, 48 и др.). Эта система вела к ослаблению государства и центральной власти правителей. Хотя прониары (обычно отслужившие военные) получали лишь право держания земли, это владение быстро стало называться

феодом, а владельцы — рыцарями (витязями). Они закрепощали окрестное население, обременяя его феодальными повинностями. Старое владение воина было мелким и обязывалось военной службой, чем отличалось от пронии (пожалования), которая представляла собой крупное владение и не облагалась налогом. Прония не могла быть продана в отличие от феодального надела (§ 59). Поэтому прония приводила к самостоятельности феодалов и созданию вассальной системы, которая вела к междоусобным войнам, что способствовало падению средневекового сербского государства.

Согласно Законнику, к себрам относились мелкие земледельцы, свободные крестьяне, а также городское население (§ 174, 94, 42). Они имели почти свободные владения. Но во время правления царя Душана число свободных крестьян сократилось, в том числе под влиянием политики государя. Увеличилось число зависимых крестьян — меропхов, обязанных обрабатывать феодальные земли, работать на строительстве дорог, платить подати, сборы. Обязанности крепостных были расширены. В Законнике Стефана Душана прикрепление крестьян к земле получило полное юридическое оформление. В нем запрещалось под страхом высшего наказания принимать чужого человека, определялась суровая кара меропхам, бежавшим в города. Крестьянам не разрешалось переселяться в город. Положение крепостных и даже свободных крестьян было очень тяжелым, а усиление феодальной эксплуатации обостряло классовые противоречия. Все это вместе с феодальными распрями после смерти царя Душана создало возможность легкого завоевания Сербии Оттоманской империей.

В Законнике Стефана Душана нашла отражение и торговля. Содержащиеся в нем положения лишь кодифицировали более раннюю практику торговых договоров с Дубровником и сербское средневековое гражданское право, торговую политику страны. О праве свободной торговли и ее защите говорилось во многих параграфах. В § 118 подчеркивалось, что никто, даже феодал, не смеет мешать купцу в его деятельности и отнимать у него товар, а всякий, кто силой отнимет товар, должен помимо его возврата платить штраф в размере 100 перперов. В § 119 крупным и мелким купцам гарантировалось беспрепятственное передвижение по стране и право купли-продажи. В § 120 говорилось, что царские таможни не могут задерживать купцов и принуждать их к продаже товаров

за бесценок; § 157 регулировал охрану дорог и обязывал феодалов или сельских старшин обеспечивать ночлег купцам[32]. Пошлины были очень низкими, они носили фискальный характер. Получать их мог только царь. В противоположность либерализму во внешней торговле Законник Стефана Душана санкционировал очень сильное государственное вмешательство в сферу финансов и производства. Финансовая политика и финансовые институты средневековой Сербии отражали усиление центральной власти монархов. Для поддержания ее требовались большие расходы на содержание войска и администрации. Государственный налог (сок) платил каждый мужчина в размере кабала зерна или одного перпера денег. Эта подать должна была уплачиваться в определенный срок, в противном случае она удваивалась. В Законнике Стефана Душана эти и другие сборы занимают важнейшее место. Помимо налоговых поступлений Законником предусматривались и другие обязанности населения — трудовая повинность на строительстве дорог и укреплений, сельскохозяйственные работы на королевской земле, но главным образом феодальные повинности (кормление королевских соколов, лошадей, сокольничих и конюхов, содержание купцов, подати за пользование государственной пашней и лесом, платежи в пользу духовенства).

Чеканка монет закреплялась исключительно за государством и правителями (§ 169), золотых дел мастерам под угрозой тяжкого наказания запрещалось изготовление денег, а также работа вне городов (§ 168). Это должно было воспрепятствовать «порче» денег, а монарху обеспечить значительный доход. Законником были определены цены на основные продукты (мясо, зерно, скот и т. д.). Государственный контроль был установлен также над добычей полезных ископаемых и производством изделий из них.

Тяжелое положение крестьянства вызывало его протест. Сопротивление широких притесняемых слоев народа выразилось в так называемой богомильской ереси, которая возникла в X в. в Болгарии и очень быстро распространилась в средневековой Сербии. Поскольку Стефан Неманя в конце XII в. огнем и мечом преследовал богомилов, они перешли в Боснию, где следы богомильства сохранялись долго, даже после турецких завоеваний. В Сербии богомилы выступали против феодальной эксплуатации, на основе идей раннего христианства отвергая богатство и роскошь.

К более позднему периоду, после битвы при Косове (1389), когда средневековая Сербия попала под иго турецких завоевателей, относится закон о рудниках деспота Стефана Лазаревича. Он касался отношений купли-продажи, кредитно-денежных проблем и в дальнейшем послужил юридическим документом для Порты в ее стремлении оживить горное дело в Османской империи в XVI в.[33]

Вопросы разделения труда и организации финансов нашли отражение в различных законодательных актах и других документах Хорватии. Самым значительным, несомненно, является известный Закон винодольский 1288 г.[34] Как свидетельствует этот документ, главной задачей винодольской городской общины была защита хозяйственных и общественных интересов ее членов. Регулировались правила пользования общинными угодьями, отвода пастбищ и рубки леса. Общинники сами определяли характер севооборота, время посева и жатвы хлебов, косьбы трав, сбора винограда. Община заботилась о состоянии дорог, берегов и русел рек, принимала меры на случай низвержений горных потоков, которым был всегда подвержен Винодол. В силу феодальных отношений крепостные крестьяне обязаны были выполнять различные работы в господских имениях, на княжеских виноградниках, лугах и т. д. Крепостные должны были распахивать княжеские пашни, собирать урожай, доставлять в Винодол рыбу, пригодную для вывоза. Следует упомянуть переписку и записи крупных хорватских феодалов Зриньских и Франкопанов (которым принадлежал г. Винодол) о состоянии их владений. В них характеризуется положение сельского хозяйства, торговли с позиций крупных феодалов.

Очень интересен и Устав города Сеня (1388). В нем затрагивались вопросы разделения труда и городских финансов. Регулировались вопросы торговли, купцам предоставлялись крупные привилегии. С помощью многочисленных мер пресекалась спекуляция, обеспечивались постоянные резервы продовольствия для того, чтобы цены не поднимались во время его нехватки или плохого урожая. Устав Сеня касался и городского сословия, а не только феодальных отношений, как в прежних законах и городских уставах Хорватии[35]. В уставах других далматинских городов эти вопросы регулировались подобным же образом.

Турецкое завоевание Сербии и Боснии изменило ход их общественного развития. Экономическая мысль этих государств, по крайней мере когда речь идет о классе феодалов, развивалась под турецким влиянием. Главной задачей турецких законов было обеспечение государственных доходов из всех возможных источников.

Представляют интерес взгляды сараевского летописца XVIII в. Мустафы Шефки Башеские (1731—1804), который оперировал статистическими сведениями и по-своему рассчитывал рост численности населения в последующие годы. Башеские было хорошо известно влияние изменений спроса и предложения на цену товара. Он считал, что нехватка продуктов питания ведет к их удорожанию, что ударяет по беднякам[36].

Все сказанное свидетельствует о том, что средневековая экономическая мысль югославянских стран была весьма своеобразной, развивалась под влиянием экономических противоречий и классовой борьбы, исторических условий и религиозных воззрений.

6. Чехия

Социально-экономическое развитие Чехии в XIII — XIV вв.— значительные успехи в развитии земледелия и ремесленного производства, сопровождающиеся распространением товарно-денежных отношений, экономический подъем городов и существенный рост внутренней и внешней торговли — создало объективные предпосылки для ликвидации феодальной раздробленности. Этому способствовала политика королевской власти в Чехии во второй половине XIV в., что сказалось на внутреннем укреплении и усилении внешнеполитических позиций Чехии при Карле I, ставшем германским императором (1346—1378).

Об экономических взглядах самого Карла I (германского императора Карла IV) и его окружения — идеологов королевской власти — дает основание судить внутренняя и внешняя политика.

В основе экономической политики королевской власти находилось, несомненно, содействие товарному производству и торговле в чешских землях. Выход Чехии на широкую международную арену, непосредственное ознакомление монарха с состоянием экономики таких стран, как Италия и Франция, способствовали уяснению отсталого положения Чехии и принятию, в частности, мер (при Карле I), содействовавших усилению роли Чехии в междуна-

родной торговле. Королевская власть стремилась устранить препятствия на этом пути (в то время основные торговые пути не проходили через чешские земли, в торговле ввоз очень сильно превышал вывоз; дефицит выравнивался вывозом отечественного серебра в форме слитков и монет).

Принимаются меры, направленные на устранение внешних затруднений, на изменение международных торговых путей. К сожалению, из-за сильного сопротивления феодалов других европейских стран эти меры оказались тщетными. Однако сама попытка (Карла I) свидетельствует о продуманном подходе чешской королевской власти и ее идеологов к преодолению растущей изоляции страны и отсталости феодального хозяйства. Именно в это время осуществляются меры по радикальному улучшению транспорта внутри Чехии, регулированию рек Лабы и Влтавы, строительству речных пристаней и судов.

Характерны мероприятия королевской власти по стимулированию развития различных отраслей хозяйства, особенно земледелия, что содействовало вывозу чешских зерновых продуктов в северные и южные страны. Именно в это время получило распространение сочинение итальянца Петра де Кресцентия из Болоньи о преимуществах деревенского хозяйства, написанное на латинском языке.

В последней четверти XIV в. стали проявляться, однако, первые признаки стагнации в развитии чешского феодального общества. В Чехии продолжало существовать превышение ввоза, которое вместе с вывозом серебра ограничивало спрос на отечественную продукцию. Чешские ремесленники в конкуренции с ремесленниками более развитых европейских стран проигрывали. Усиливалась социальная дифференциация общества. К росту социальных противоречий вели усиление эксплуатации чешского крестьянства со стороны духовных и светских феодалов, коррупция католической церкви, возраставшее немецкое засилье в деревне и городе, значительный удельный вес немецкого патрициата. Социальный протест народных масс против светских и церковных угнетателей находил наиболее яркое выражение в ересях.

Все чаще появляются проповедники, выступающие против взглядов официальной церкви. Большой популярностью стали пользоваться выступления Яна Милича из Кромержижа (год рождения неизвестен — умер в темнице в Авиньоне в 1374 г.), требовавшего секуляризации церковного имущества и реформы церкви. Эти идеи успешно

развил выдающийся просветитель Томаш Штитны (1325—1409). Рассуждения Штитного, изложенные прекрасным общедоступным языком, отличались образностью и доходили до широких кругов общества. Сочинения его были написаны на чешском языке в отличие от традиционной религиозной литературы на латыни. Из экономических идей Томаша Штитного особо выделялся его взгляд на развитие торговли. По его мнению, торговля должна быть свободной, не ограничиваться различными феодальными сборами и пошлинами и т. д., так как это вредит людям и наполняет сундуки феодалов. Штитны понимал функцию денег как посредника в товарном обращении и утверждал, что низкая покупательная способность — причина медленного и небольшого оборота товаров.

Экономические взгляды Томаша Штитного были представлены в религиозном облачении, как это было тогда принято. Однако в его соображениях содержится рациональное зерно о необходимости развития торговли и обмена изделиями, о повышении роли городов в системе феодального хозяйства. Штитны явился, таким образом, глашатаем интересов тех слоев общества, которые высказывались за разумную реформу феодального общественного устройства, рост значения городов и ремесел.

Наиболее ярким выразителем и идеологом народного движения против немецкого засилья и католической церкви в Чехии явился чешский священник и магистр, выдающийся представитель реформационного движения Ян Гус (1371—1415). В 1402—1403, 1409—1410 гг. он был ректором Карлова университета в Праге. С 1402 г. стал проповедником Вифлеемской часовни. В проповедях, читаемых на чешском языке и собиравших массы народа, Ян Гус резко критиковал злоупотребления церкви: ее богатство, сбор многочисленных пожертвований у верующих, продажу индульгенций, симонию (продажа и покупка церковных должностей), развращенность клира и т. д. Ян Гус считал, однако, возможным разрешение всех противоречий феодального общества на путях возвращения к принципам раннего христианства.

Непосредственный контакт Гуса с бедным населением, знание его трудностей вызвали у него стремление исправить все плохое на земле, чтобы люди могли жить достойно и честно. Вначале Ян Гус выступал только с толкованием основ христианства, в последующие годы он подчеркивал необходимость морального возрождения духовенст-

ва и, наконец, потребовал всеобщей реформации церкви. Причину всех пороков католического духовенства он видел в том, что церковь владела собственностью и сосредоточила в своих руках чрезмерные богатства. Чешская Реформация, возглавляемая Яном Гусом, ожидала обновления церкви и общества со стороны людей, благословенных божьим словом, т. е. при помощи королевской власти.

Ян Гус выступал против десятины, постоянные сборы которой не имели, по его мнению, законного основания в Священном писании. Такие взгляды нашли широкий отклик среди крестьянства.

Казнь Яна Гуса 6 июля 1415 г. вызвала возмущение и всеобщий взрыв недовольства в Чехии, вылившиеся в широкое антифеодальное и народно-освободительное гуситское движение (1419—1437).

В гуситском движении с самого начала образовались два крыла, которые отличались друг от друга экономическими взглядами,— умеренное (чашники) и радикальное (табориты). Чешские феодалы и богатые горожане рассматривали движение как средство освобождения от господства немцев и католической церкви и путь к овладению их богатством и землей. Крестьяне и городская беднота ставили перед собой иные цели.

В ходе развития гуситского движения произошло оформление новых экономических концепций. Новые взгляды стали основой идеологии крестьянско-плебейского крыла гуситов, находившихся в городе Таборе. Они имели много общего с народной ересью, возникшей еще до Яна Гуса. Но идеи и взгляды, относящиеся к периоду размаха волнений бедноты в Таборе, обрели качественно новую форму, и именно в этом заключается мировое значение их радикализма. Экономические представления радикальной части таборитов формировались под влиянием революционных действий народных масс, интересы которых они выражали.

Радикальный рационализм таборитов состоял в отрицании мистики и иррациональной мечтательности, в формулировании реалистической программы революционного переустройства феодального общества. Гуситский рационализм явился отражением интересов крестьянской бедноты и сводился в экономической области к ликвидации феодальной частной собственности на землю, крепостной зависимости и установлению равенства и свободы людей. Это было проявлением взглядов наиболее радикальной и последовательной части движения — неимущей бедно-

ты, которая стремилась реализовать эти идеи в революционном Таборе. Одновременно среди идеологов революционного Табора преобладали взгляды, что намеченная программа может быть осуществлена только в результате революционных действий народных масс, путем борьбы народа против господства церковных и светских феодалов.

Объективная обреченность этих взглядов в условиях того времени сказалась на дальнейшей судьбе таборитов. В руководство радикальным направлением проникли сторонники умеренного крыла. Произошла расправа с левыми таборитами, выражавшими интересы бедноты.

Гуситское революционное движение было не только национальным движением. Оно стало движением угнетенных классов против угнетателей, а потому нашло широкий отклик во всей Европе. Против гуситов поднялись все реакционные силы. Гуситская революционная армия, состоявшая в основном из крестьян и городской бедноты, сумела отразить и разгромить пять крестовых походов. Сторонники Яна Гуса начали рассылать по всей Европе манифесты, в которых разъясняли свои основные идеи.

Враги гуситов использовали противоречия между левым и правым крылом движения. Умеренные гуситы после вытеснения немцев и захвата церковного имущества стали бояться революционного движения. Героическая борьба чешского крестьянства и городской бедноты, которая продолжалась многие годы, окончилась поражением в битве у Липан (1434). Конфискация имущества церкви и вытеснение немцев из муниципалитетов принесли выгоды только чешским феодалам и богатым горожанам.

Экономические взгляды гуситов — равенство, ликвидация частной собственности, господства церкви и феодальных повинностей — далеко опередили свое время и оказали огромное влияние на развитие социальных движений того времени в Европе. Гуситские идеи отвечали интересам и чаяниям крестьянских и городских масс, звали их на борьбу с феодализмом и католической церковью.

Экономические взгляды умеренных таборитов нашли отражение в работах Петра Хельчицкого (ок. 1390 — ок. 1460): «Сеть веры», «Постилла», «О трояком народе» (дословный перевод; речь идет о трех общественно-социальных группах). Автор искал и находил доводы для подтверждения своего положения о том, что все люди равны, поскольку, как он говорил, все они сыновья и дочери Бога, т. е. все они братья и сестры. Однако общество не следует божьей воле. Человек средневековья, находящийся в пле-

ну религиозного мышления, ищет объяснения этого противоречия в религии. Хельчицкий разделяет мир на две половины: одни идут за Христом и являются его орудием при осуществлении справедливого общественного устройства —«царства божьего» на земле; другие служат Антихристу, поддерживают несправедливое общественное устройство —«правительство Антихристово». Сочинения Хельчицкого — страстное обличение «Антихристова устройства»— феодального общества — в защиту нового устройства —«царства Христова на земле».

В идеальном обществе, по мнению Хельчицкого, нет налогов и другого бремени, там нет места для жадности, страсти к богатству и ростовщичеству. Хельчицкий не согласен с официальным утверждением, будто каждый слой общества заранее предопределен: одни люди созданы для того, чтобы молиться (священники — очи), другие — бить (господа — руки), а третьи — работать (земледельцы — ноги), чтобы первые и вторые помыкали земледельцами и жили за счет пота и горя бедняков. Церковь защищает эту несправедливость из эгоистических соображений, злоупотребляя Библией. По мнению Хельчицкого, это является причиной того, почему нужно бороться за справедливое толкование Священного писания, против монополии церкви на него.

Некоторые абзацы работ Хельчицкого содержат превосходный анализ общества его времени, прежде всего критику духовенства и светских феодалов. Он считал, что единственным сословием, которое самим своим существованием не втянуто в сети дьявола, является барщинное крестьянство — самый важный производительный класс того времени. Хельчицкий страстно защищает равенство всех людей, во имя которого отвергает правовую основу подчиняемости, подданности. По своим взглядам Хельчицкий опередил не только других представителей церковной Реформации своего времени, но и многих из тех, которые выступали позже его. Он стремился доказать, что нельзя покупать человека, что никто никому не принадлежит. Человек, говорит Хельчицкий, принадлежит только богу. Но самое главное, предупреждает он, землю нельзя держать в частной собственности, так как она также принадлежит богу. В своих высказываниях Хельчицкий выступает как представитель левого крыла гуситского движения, самого радикального народного движения в Чехии XV в.

Идеалом устройства человеческого общества должно быть, по мнению Хельчицкого, общество равноправных людей, сыновей и дочерей божьих, братьев и сестер, общество, основанное на общности имущества, так как бог является единственным владельцем всего богатства на земле, а люди — его управляющими на земле. Он утверждал, что в раннехристианской общине все было общим и к этому состоянию общество снова вернется в подобии «царства божьего на земле».

Путем достижения этого идеала Хельчицкий считал перевоспитание людей в «настоящих христиан». И здесь он не в состоянии отрешиться от заповеди Библии «не убий!», от всепрощающей проповеди любви к врагам, как к своим ближним. Он отрицает восстание, военное насилие, а сопротивление, согласно его представлениям, может найти выражение только в виде страданий. Христианин, который стремится переделать общество, должен слушаться своего господина, если его приказы не противоречат приказам божьим; если они идут вразрез с приказом божьим, он должен отказаться их выполнять. Хельчицкий знает, что этот путь нелегкий, однако верит в успех такой борьбы. В отрицании насилия как средства изменения общества заключается главное противоречие между учением Хельчицкого и взглядами радикального крыла гуситского движения.

С конца XV в. в чешских землях начался процесс постепенного перехода ко «второму изданию крепостничества». Стремление феодалов расширить поставки сельскохозяйственных продуктов на рынок приводило к росту крестьянских повинностей. Все большее значение, особенно с середины XVI в., приобретает барщина.

На базе идей Хельчицкого возникает «Община чешских братьев»— организация, ставшая затем сущностью чешской Реформации. Но и эта организация вынуждена будет впоследствии обратиться к оружию в борьбе против габсбургской монархии.

На рубеже XV и XVI вв. выдающийся чешский юрист Викторин Корнелиус из Вшегрд (1460—1520) в работе «Девять книг о правах земли чешской» признает, что национальное благополучие зависит от политического могущества народа. Он выступает против войн, в частности против войн гражданских, так как они тормозят, по его представлению, экономическое развитие. Корнелиус подчеркивает, что основой благополучия является обра-

зованность. Автор выступает против такой торговли, которая ведет к сосредоточению богатства в руках немногих.

Во времена чешского короля Йиржи из Подебрад (1458—1471) появился оригинальный экономический труд, автор которого Антонин Марини пытался ответить на шесть вопросов короля, среди которых представляли особый интерес следующие: 1) как можно поднять уровень горного дела в Чехии? 2) как можно проследить объем ввоза и вывоза в Чешское королевство и кому будет служить эта внешняя торговля (в пользу Чехии или иностранцев)? 3) как можно возродить былой уровень торговли в Чехии?

Марини советует королю восстановить прежде всего законность в стране; такова, по его мнению, первая предпосылка хозяйственного развития. Король должен централизовать чеканку монет и поддерживать кредит. По мнению Марини, хороший купец должен соблюдать пять правил: не держать свой капитал вне хозяйственной деятельности, не вкладывать капитал в одно предприятие, выполнять обещания, не надеяться на большую удачу и не мошенничать. Король Йиржи из Подебрад, руководствуясь некоторыми его советами, провел денежную реформу, которая призвана была укрепить чешскую валюту.

В период правления иноземной династии Габсбургов и борьбы чешского народа против нее появилось несколько трудов, которые содержали экономические идеи. Даниил Адам из Велеславина (1546—1599) написал ряд экономических работ, в которых призывал отечественные полезные ископаемые обрабатывать в своей стране, а за рубеж вывозить по возможности готовую продукцию. Он выступал против обогащения феодалов; боролся, как и некоторые другие мыслители средневековья, против ростовщичества; утверждал, что предоставление ссуд является ростовщичеством даже в том случае, если проценты небольшие; выступал в защиту тех церковных мыслителей, которые считали, что деньги не должны порождать деньги.

В трудах Марини и Адама из Велеславина нашли отражение новые явления, на развитие которых оказывали влияние возникающее товарное производство в городах и расширение международных торговых сделок. Чешские мыслители начинают понимать значение денег, которые сосредоточивались в руках горожан и постепенно превращались в так называемый купеческий капитал. Горожане

постепенно добивались экономического превосходства над дворянством.

Феодалы, чтобы удержаться экономически и политически у власти, должны были в своих поместьях расширять производство товаров, с тем чтобы получать деньги. В Чехии такое классическое преобразование феодального способа производства в капиталистический выразилось не так отчетливо, как, например, в Англии. Признаки первоначального накопления капитала в чешских землях проявились в конце XVI в. Следовательно, этот процесс в Чехии проходил на 100 лет позднее по сравнению с некоторыми странами Южной и Западной Европы. Очевидно, его замедлили гуситские войны первой половины XV в., укрепление власти дворянства и, наконец, угроза нашествия со стороны турок.

Весьма отрицательно на экономическое развитие чешских земель повлияла Тридцатилетняя война. Сильно сократилась численность населения (почти в 2 раза) в результате как военных действий, так и большой эмиграции, основу которой составляло дворянство. Новыми владельцами поместий стали в большинстве случаев иностранцы, которые поддерживали Габсбургскую династию во время войны, и католическая церковь. В результате сокращения числа крепостных на их плечи легло огромное бремя постоянно растущих налогов. Рентой за землю все в большей степени становилась барщина, а не деньги. Крестьяне оказались прикрепленными к земле, на которой работали.

Тридцатилетняя война имела неблагоприятные последствия и для городов. При подавлении восстания в Чехии против габсбургского господства была ликвидирована политическая власть городов. Военные действия настолько нарушили хозяйство городов, что они перестали быть носителями новых производственных отношений и их экономический подъем затянулся до конца XVII в.

Раздел II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава 12

ИНДИЯ

В Индии в средние века господствовали, по мнению советских историков, феодальные отношения, характеризовавшиеся особой ролью двух взаимосвязанных институтов — сельской общины и касты. В экономике страны сосуществовали два связанных, наложенных друг на друга, но автономных уклада — деревенский и городской. Городской уклад потреблял средства, поступавшие из села безвозмездно в качестве налога.

Ядром сельской (общинной) системы служили отношения землевладельцев (их называли собственниками — мирасдарами, арбабами, маликами, позже — заминдарами) с обслуживавшими их группами кабальных батраков, зависимых арендаторов, ремесленников. Даже торговцы в сельской местности подчинялись власти общины заминдаров и платили ей дань. Наиболее яркой формой внутриобщинных отношений был обмен услугами и продуктами между лицами разных каст, носивший разные названия, а в современной литературе чаще всего называемый системой джаджмани. В этой форме большей частью выражалась эксплуатация низших слоев деревни со стороны «собственников», хотя в их распоряжении были и другие виды эксплуатации. Община, охватывавшая часто не одну деревню, а несколько десятков, представляла собой своеобразное поместье во главе с коллективным феодалом.

Вторая экономическая система надстраивалась над первой. Ее составляли прежде всего отношения сельских собственников с государством и его налоговым аппаратом, чиновниками и военачальниками, его армией. Отношения по сбору налога, переводу его в денежную форму, распределению, перераспределению, обмену, потреблению, в том числе производственному потреблению в городском ремесле, составляли верхнюю, непосредственно осязаемую господствующим слоем экономику. Она-то преимущественно и привлекала внимание тогдашних мыслителей, задумывавшихся над экономическими вопросами.

Экономическая мысль в Индии вплоть до Нового времени не выделялась из комплекса воззрений, охватывавших религиозные и политические вопросы, и играла побочную роль в морально-этических рассуждениях. Жизнь понималась как включающая и загробный мир, поэтому «экономические» выкладки учитывали потусторонние факторы. В средние века подчиненность экономических взглядов религиозным даже возросла по сравнению с предшествующим периодом, что нашло отражение в затухании традиции артхашастры (науки о выгоде) и ее растворении в дхармашастре (науке о благочестии).

Средневековые экономические взгляды в Индии базировались на двух религиозных традициях. Соответствующие две школы до некоторой степени развивались хронологически последовательно и территориально разобщенно. Индусская мысль, заимствовавшая основные свои положения из древней традиции дхармашастр, господствовала до XII в., а затем продолжала существовать главным образом на юге Индии. Общественные воззрения иранотюрко-афганской прослойки господствующего класса, составлявшие часть исламского идеологического комплекса, получили распространение с XII — XIII вв. главным образом в Северной Индии. Обе школы продолжали служить, конечно не без определенных модификаций, теоретическим обоснованием практических мероприятий прежде всего потому, что реальная экономика средневековой Индии на известном уровне абстракции могла рассматриваться по тем же параметрам, что и древнеиндийская или ближневосточная. Отмечая существование двух школ, мы тем не менее будем рассматривать их вместе, так как сходство между ними было глубже, чем различия.

Лишь отношения по сбору налога осмыслялись учеными средневековья, общинная же система функционировала чисто эмпирически, без теории, на основе обычая. Даже когда создавались (довольно редкое явление в санскритской словесности) трактаты, посвященные деревне или земледелию, они выглядели как умничанье городского жителя по поводу того, что ему известно о деревне. Следует напомнить, что санскрит был достоянием узкой прослойки, прежде всего брахманов, которые, как правило, не занимались сельским хозяйством.

«Теорией» внутриобщинных экономических отношений служили социальные нормы, связанные с функционированием кастовой системы. Каста и сельская община составляли нерасторжимое целое. Все кастовые правила должны

представляться существующими от века и потому оставаться на уровне обычая, подчиняться лишь принципу «так принято».

Средневековая Индия унаследовала от древности учение о делении всех людей на 4 варны и об их иерархии, но представления об иерархии видов труда изменились. Если в древних дхармашастрах обязанностью варны вайшьев объявлялась «экономическая деятельность» в целом, охватывающая земледелие, скотоводство и торговлю, а шудрам предписывалось заниматься «услужением» (включая ремесло), то в средние века распространяется убеждение, что дело вайшьев лишь торговля и ростовщичество, а земледелие, скотоводство и ремесло — занятия шудр. Произошло, таким образом, падение престижности земледелия и скотоводства как занятий. Другими словами, подавляющее большинство населения представлялось как люди низкого статуса. Это было связано, по мнению ряда исследователей, с процессом закрепощения сельских хозяев в первые века нашей эры. Однако затем восстанавливается община типично индийского типа во главе с привилегированным слоем, многие представители которого сами не работали. Он состоял из раджпутов (кшатриев по варне), брахманов, а также из каст, считавшихся шудринскими. Это вызывает как новое переосмысление статуса земледелия, так и очередное «уточнение» варновой системы.

«Парашара-смрити», одно из последних сочинений типа дхармашастр (VII — IX вв.), специально останавливается на вопросе о допустимости для брахмана заниматься земледелием и решает этот вопрос положительно, но при условии, что брахман сам не будет вспахивать землю и будет платить сборы: кроме $^1/_6$ урожая в пользу государя еще $^1/_{21}$ — в пользу храмов и $^1/_{30}$ — в пользу остальных брахманов (Парашара II. 12; III. 81; V. 118). Это и другие сочинения средневековья показывают, что произошло расщепление понятия «земледелие» на два: руководство земледельческими работами, которое довольно почетно (даже брахман может им заниматься), и непосредственная работа на земле, которая не престижна и даже оскверняюща. Вообще презрение к физическому труду, довольно типичное для докапиталистических обществ, в Индии получило особенно широкое распространение именно потому, что разделение труда было религиозно санкционировано в виде кастовой идеологии. Число

каст, по-видимому, резко возросло, достигнув нескольких сот или тысячи, и их иерархия стала усложняться.

Эксплуатация неприкасаемых была фундаментом, на котором развивались другие виды внутриобщинной эксплуатации: чисто рабская, арендная, по системе джаджмани и т. п. «Теорией» экономической организации сельской общины служила, во-первых, идея неизменности данного вида разделения труда, идея наследования профессий и неравенства социальных статусов. Во-вторых, конкретно освящаемая кастовыми правилами, иерархия оказывалась в каждый момент приближенной к реальностям данной общины. Наконец, каста оформляла специфически индийскую форму общинной собственности на землю. Каждый полноправный член доминирующей касты (домохозяин) был практически собственником своего участка. Частные права ограничивались до некоторой степени правом преимущественной покупки земли членом того же коллектива. Но главным проявлением общинного характера землевладения было не это, а неразрывная связь самого факта индивидуального землевладения с принадлежностью индивида к некоему сообществу. Приписывание кастам определенных профессий играло скорее роль общей теории, в которую на практике можно было вносить существенные поправки.

Верхняя экономическая подсистема в отличие от нижней получила определенное отражение и осмысление в письменных источниках двух упомянутых выше школ.

Индусская традиция представлена прежде всего комментариями на дхармашастры, из которых наиболее известны комментарии Куллуки на «Манавадхармашастру» и Виджнянешвары (под названием «Митакшара», XI в.) и Апарарки на «Яджнявалкьясмрити». Новым явлением в средние века было также создание нибандх — обширных компендиумов, классифицировавших все высказанные в дхармашастрах и комментариях к ним мнения. Наиболее известный из таких компендиумов —«Критьякалпатару» Лакшмидхары (XII в.). Интересующие нас сюжеты трактуются также в сочинениях, посвященных государственной политике.

Персоязычная мусульманская литература XIII — XVIII вв. перенимает у санскритской индусской практически те же сюжеты и предлагает идентичные рецепты. Серьезным источниковедческим отличием «мусульманского» периода является большое число хроник, в которых впервые исследователь находит сведения о реальной эко-

номической политике конкретных султанов, шахов и их министров, а следовательно, о воззрениях, господствовавших при дворе. Наконец, в могольский период (XVI — XVIII вв.) появляются административно-налоговые инструкции, а также сочинения, пытающиеся обобщить индусскую и мусульманскую политическую (в том числе экономическую) мысль и разработать ее с учетом индийских реалий.

Политическая теория, ставившая во главу угла фигуру правителя (раджи — в индусских или падишаха, султана — в мусульманских сочинениях), определяла его центральную роль и в экономических размышлениях. В трактатах по политике — от раннесредневековых до «Айин-и Акбари» Абу-л Фазла (XVI в.) — подробно рассматривается вопрос о структуре двора и государева хозяйства, в котором предусматривались помимо прочего сады, скотные дворы, рудники и мастерские. Реальное существование всех этих заведений большей частью сомнительно, но во всяком случае в Делийском султанате и Могольской империи в столице было до сотни кархане (государственных мастерских), в том числе оружейных, ткацких и т. п.

В известной степени сохранилось от древности понимание государства как единого хозяйства, руководимого государем, хотя оно и тускнеет. Отзвуком такого представления о мистической связи облика и деятельности государя с процветанием подданных служит заявление Калханы, автора «Раджатарангини», о том, что правитель страны «обеспечивает пищей все 64 варны» (VIII. 2407)*. Рассуждения о благосостоянии народа продолжают сводиться к описанию мер, которые должен принять государь. Основными проблемами, обсуждаемыми в этой связи, были: как побудить налогоплательщика (который полагался крестьянином) расширить запашку и сколько с него брать в качестве налога, чтобы и ему, и правителю, и городскому люду было хорошо.

Через всю средневековую литературу проходит мысль о необходимости расширения обработки и подъема заброшенных земель, привлечения новых поселенцев (даже из соседних стран), о предоставлении налоговых льгот поселенцам или старожилам, взявшимся за подъем целины или залежи. В указе Аурангзеба (конец XVII в.) говорится, что налоговый чиновник может употреблять все средства, вплоть до телесных наказаний, для принуждения

* В данном случае выражение «64 варны» обозначает «всех».

крестьян обрабатывать землю, помимо того что малик, не обрабатывавший землю, теряет на нее права. В то же время нет советов по улучшению пахоты, по внедрению новых культур, распространению улучшенных орудий, ни даже об орошении. Для восточных стран вообще было характерно экстенсивное развитие производительных сил.

Значение воды для выращивания культур и для всей жизни в Индии было понято еще в глубокой древности. В средние века представления о мистической связи качеств государя с обилием земных и небесных вод исчезли. Строительство государем ирригационных сооружений стало пониматься не как обязанность, а как его милостивое деяние. Надписи, сообщающие о таких строительствах (а их очень много), нередко ничего не говорят о том, сколько земли оказалось орошенной, поднялось ли плодородие почвы, но обязательно указывают, на чей «счет», самого государя или его родителей, надо записать «религиозную заслугу» (пунья).

Несколько изменилось отношение к строительству каналов в Делийском султанате, при Моголах, а также в современной им державе Виджаянагар в Южной Индии. Каналы, построенные Фируз-шахом Туглаком во второй половине XIV в., уже ассоциировались непосредственно с увеличением урожайности.

В целом в сочинениях и инструкциях того времени ирригации уделялось сравнительно небольшое внимание. Гораздо большее значение придавалось привлечению и сохранению населения на земле. Это считалось настолько важным, что государство готово было пойти на значительные расходы. Нуждающимся «крестьянам», не имевшим семян, скота или плуга, рекомендовалось выдавать краткосрочные (на год или два) беспроцентные ссуды. Иногда в количестве таких ссуд, выданных из казны, видели свидетельство рачительности и хозяйственности монарха.

Вторым вопросом экономической теории и практики был вопрос о том, сколько брать с «крестьянина». «Крестьянин» рассматривался собственником земли, он должен был платить налог не потому, что был держателем государственного надела, а потому, что государь «защищал» его. Эта теория «защиты» возникает в древности, затем очень стойко сохраняется в средние века, одинаково как в индусских, так и в мусульманских источниках.

По вопросу о величине налога средневековая мысль сначала основывалась на древних установлениях, что

нужно брать $^1/_6$ урожая, хотя дхармашастры отнюдь не налагали запретов на более высокие налоги: и в $^1/_4$, и в $^1/_3$. В начале XIV в. в Северной Индии Ала-уд-дин Хильджи (1296—1316) стал собирать, по словам хрониста, половину урожая, но, насколько это было реально, неизвестно. Во всяком случае после смерти Ала-уд-дина налоги были снижены. Акбар во второй половине XVI в. исходил из необходимости изымать денежный эквивалент $^1/_3$ урожая. В XVII в. при Аурангзебе запрещалось брать более половины урожая.

Как показывают эти данные, налоги в Индии значительно превышали уровень, обычный для других стран Востока, но их нельзя принимать буквально. До раздела урожая между «крестьянином» и правительством из урожая изымали зерно на оплату общинной верхушки, ремесленников, пахарей, в семенной фонд, в общинный фонд, так что при ставке в $^1/_3$ при Акбаре, так же как и при ставке в $^1/_2$ позже, из деревни в казну реально поступала только $^1/_4$ урожая.

Высокий уровень налогообложения обосновывался либо особой плодородностью земли Индии, либо заботой о нравственности крестьянина. Абу-л Фазл, автор «Айин-и Акбари», дал общие положения, близкие к учению о дифференциальной ренте: «А поскольку условия правления и прерогативы государства различаются, а почвы разные — одни производят много при небольших усилиях, а другие — наоборот — и существует разница в отдаленности или близости воды от обрабатывающихся полей, то правительство каждой страны должно все эти обстоятельства учесть и установить соответственно свои требования».

Довольно распространенным было мнение, что сельское население должно довольствоваться прожиточным минимумом и следует весь излишек из деревни забирать. Калхана, автор «Раджатарангини», вкладывает в уста кашмирского правителя VIII в. Лалитадитьи следующую сентенцию: «Нужно следить за тем, чтобы у крестьян не было зерна больше, чем требуется на год, и больше быков, чем нужно для обработки земли... Крестьяне не должны приобретать одежду, украшения, шерстяные одеяла, пищу, лошадей, женщин, жилища, которые подобают городу» (IV. 347—349). Ала-уд-дин Хильджи, вводя свой громадный налог, оправдывал это тем, что верхи деревни слишком разбогатели и ведут неподобающий образ жизни. Кстати, это хороший пример того, как представители вер-

хнего слоя господствующего класса замечали, что им противостоит не «крестьянин», а гораздо более влиятельная фигура, только тогда, когда хотели повысить налог.

Итак, при дворе твердо считали, что следует брать из деревни максимум того, что она может дать. В противном случае крестьяне «портятся». Однако при этом надо быть умеренным, не устанавливать чрезмерные налоги, защищать «крестьянина» от незаконных поборов и от лихоимства сборщиков.

Попытки на практике осуществить теоретическое положение о высоком, но необременительном обложении делались Шер-шахом (XVI в.), Акбаром и Маликом Амбаром, главным министром малозначащего государства Ахмаднагар в 1604—1626 гг. Однако чаще всего на протяжении доколониальной истории размер налога определялся гораздо проще: «от достигнутого». Сумма, собранная за прошлый год, увеличивалась, если это было возможно, или уменьшалась, если заминдарам удавалось убедить или подкупить сборщика. Состояние постоянной борьбы-торга между общиной и сборщиком стало особенно распространенным в Маратхской конфедерации и других государствах в XVII — XVIII вв.

Количеством средств, которые можно было собрать в качестве налога, определялись и другие вопросы экономической политики: сколько земли оставить в ведении казны, а сколько раздать в военные лены; следует ли оставлять ленникам прежние владения или переводить их на новые; не следует ли сократить количество земель, освобожденных от налога; затевать ли захватническую войну.

Политика индийских государей в отношении городов отчасти напоминала политику в деревне. Города и торговля рассматривались как источники дохода, и потому считалось необходимым основывать новые города, рынки, строить дороги и караван-сараи. Абу-л Фазл отдельно в этой связи упоминает о привлечении «умелых» иностранных мастеров с их «улучшенными методами работы». «Амуктамальяда» в Южной Индии призывает махараджу уделять внимание морским портам, способствуя тем самым увеличению ввоза лошадей, слонов, драгоценных камней, сандалового дерева, жемчуга, устанавливать дружеские отношения с иностранными купцами (почти наверняка имеются в виду португальцы), даровать им деревни, роскошные дома в столице, аудиенции, подарки, чтобы те ввозили слонов и лошадей в это государство, а не

в соседние. Частные лица, построившие рынок или караван-сарай, получали освобождение от пошлин на некоторый срок.

Около 80 % доходов и государь, и основные его вассалы тратили на содержание армии. Армия была важнейшим потребителем товаров. Поэтому необходимость получения средств из деревни именно в денежной форме стала ощущаться раньше, чем товарные отношения охватили сельскохозяйственное производство. В Южной Индии денежный налог стал преобладать с начала XIV в., в Северной Индии — с середины XVI в. Абу-л Фазл поместил в своем сочинении целый панегирик деньгам, несколько наивно преклоняясь перед их могуществом. Погоня за деньгами пронизывала общественную жизнь верхов Могольской империи. Ради накопительства они не считали зазорным участвовать в торговле, пытаясь привнести в нее, правда, феодальные методы. Торговля, и по мусульманским представлениям, и по варновой индусской теории, имела довольно высокий статус. Благодаря этому участие феодалов в торговле приобрело в Индии особенно широкий размах.

Ростовщичество в Индии благодаря влиянию индуизма также занимало вполне благопристойное место даже среди мусульманских воззрений. Многие вельможи не гнушались давать деньги в рост, совмещая это занятие с феодальным грабежом.

Накопление денег и драгоценностей рассматривалось как одна из обязанностей правителя. В индусских дидактических сочинениях рекомендовалось, чтобы царь откладывал в сокровищницу $^1/_4$ своих доходов. Страсть к накопительству не могли остудить даже непременные конфискации в казну значительной части наследства вельмож после их смерти. Конфискации тоже служили накопительству, но уже в руках правителя. Феодальный характер этого накопительства ярко проявлялся в том, что оно органично сочеталось с мотовством, раздачей даров, подчеркнуто щедрой благотворительностью.

Денежная ориентация господствующего слоя не означала полного преобладания меновых отношений даже в его среде. Многие свои потребности представители этого слоя могли удовлетворить лишь в натуре. Даже такой поборник денег, как Абу-л Фазл, оговаривался, что налог не должен собираться весь в деньгах, но также и в натуре, «чтобы воспрепятствовать нехватке продовольствия (в городах), а также чтобы кормить царских животных»,

т. е. слонов и лошадей, и с этой целью советовал строить зернохранилища в провинциальных городах.

Концентрация средств в натуральной форме в столице и главных городах имела в виду еще одно важное направление экономической политики — поддержание низких цен на продовольствие. Низкие цены в хрониках Делийского султаната и Могольской империи служат показателем экономического процветания и правильной политики султана (падишаха). Наиболее всеобъемлющее законодательство по регулированию цен было принято при Ала-уд-дине Хильджи. Хронист Зия-уд-дин Барани объясняет эту меру политическими факторами: нападения монголов на северо-западную границу заставляли содержать огромную армию. Чтобы прокормить ее, султан уменьшил жалованье солдатам и военачальникам и заставил снизить цены на продовольствие на рынках. По другому источнику эта мера была чисто благотворительной: султан решил, что должен сделать нечто такое, что облагодетельствует всех и каждого в его империи. Как говорилось выше, был введен высокий налог в натуре. Зерно, полученное в счет налога, складывалось в государственные амбары. Султан сам установил максимальные цены на все товары, исходя из «стоимости производства». Ежедневно он получал из трех независимых источников сведения о состоянии цен. Если торговцы поднимали цены выше установленного максимума, они подвергались страшным наказаниям. Но одновременно султан выбрасывал на рынок зерно по твердым ценам, чем наказывал их также экономически. «Пока Ала-уд-дин был жив, приходил муссон или не приходил муссон, все равно не случалось ни малейшего повышения цен. Постоянство цен на рынке зерна было чудом века». Позже к таким мерам султаны и падишахи не прибегали, хотя их право и обязанность регулировать цены признавались.

Экономическая мысль в средневековой Индии, насколько она отразилась в политических и религиозных воззрениях и в экономической политике, не касалась вопросов организации сельскохозяйственного производства. Предполагалось, что это производство будет развиваться само собой, по заведенному порядку, коль скоро будет в наличии «земледелец», организатор хозяйства. Отношения хозяина со своими домочадцами (включая зависимых и рабов) перестали привлекать внимание мыслителей, если только последние не занимались комментированием древних источников, где этим сюжетам уделено заметное

место. Напротив, вопросы, связанные с налогообложением: о размере и форме налога, о способах его фиксации, о распределении между казной и ленниками-военачальниками, о связи налогового сбора со снабжением городов (и армии) продовольствием и другими товарами, с состоянием цен и т. п.— разрабатывались детально, хотя нередко тоже в отрыве от реальной ситуации.

В целом экономическая мысль Индии была направлена на стабилизацию строя восточной деспотии. Стороны же экономики, непосредственно не связанные с процветанием господствующего (управляющего) слоя, оставались в тени.

Глава 13

КИТАЙ

Основу средневекового китайского общества составляла аграрная экономика, а его хозяйство носило натуральный характер. Значительная устойчивость государственной земельной собственности определялась повышенной ролью государства в развитии средневекового Китая. В III — VIII вв. феодальные отношения формировались в рамках надельной системы, при которой государственная казна выступала как главный эксплуататор основных производителей.

В VIII в. борьба между государством и частным землевладением, возникшая еще в раннем средневековье, завершилась победой частнособственнического начала. Регрессивная тенденция в аграрных отношениях, связанная с ростом крупного частного землевладения в ущерб среднему и мелкому, постепенно замедляла социально-экономическое развитие страны.

Преобладающей формой эксплуатации непосредственных производителей при надельной системе были налоги и повинности в пользу государства, а позднее — издольная аренда земли у частного землевладельца. Происходило дальнейшее развитие города, повышалась роль мелкого товарного производства, значительно вырос удельный вес торгового капитала, выполнявшего также ростовщические функции. Близким к положению крестьян было положение горожан. Цеховые организации (ханы и туани) испытывали сильный экономический и политический гнет феодального государства.

Источниками экономической мысли Китая являются разделы династийных историй и энциклопедий «Продовольствие и товары» (шихо); сборники императорских указов, в которых нашли отражение принципы экономической политики государства; географические описания, содержавшие сведения о столицах и других городах Китая; собрания сочинений отдельных авторов и, наконец, разного рода компиляции источников, составленные по тематическому принципу. Как правило, сведения о частных хозяйствах, об экономических требованиях народных масс не находили отражения в официальных трудах и потому весьма отрывочны.

Наиболее типичными носителями экономических знаний в средние века были реформаторы, настаивавшие на решении неотложных проблем. Из своей среды бюрократия выдвигала политических деятелей, проявивших немалые способности в осуществлении государственного регулирования экономической и хозяйственной жизни. Наиболее яркими из них были Фань Чжунъянь (989—1052), Ли Гоу (1009—1059), Оуян Сю (1007—1072), Су Ши (1036—1101), Ван Аньши (1021—1086), ученые Е Ши, Шэнь Ко (1031—1095) и мыслители XVII в. Хуан Цзунси, Гу Яньу, Ван Чуаньшань и др.

Как и во всем мире, экономическая мысль в Китае в средневековье не являлась обособленной сферой интеллектуальной деятельности. В отсутствие профессионального экономического языка весь его «словарь» «вписывался» в понятия и категории целостной нерасчлененной культуры того времени. Экономическая мысль выступала как составная часть учения об управлении миром и вспомоществовании народу (цзин цзи), сформировавшегося в трудах средневековых теоретиков конфуцианского толка. Это учение творчески восприняло идеалы древности и ставило своей целью предотвратить мятеж, обеспечить социальное спокойствие в стране. Учение «цзин цзи» на донаучном уровне сочетало различные отрасли знания: экономическую политику, законодательство, военное дело, этику, идеологию и т. п., способствовавшие лучшему управлению страной.

Восприятие задач управления, в том числе в экономической сфере, как функций мудрого правителя имело истоком воззрения древних мыслителей на природу мироустроительной власти императора. Перерабатывая положения конфуцианских канонов — кладезь многовекового опыта в делах управления, ученые пытались в соответст-

вии с идеями древних воздействовать на общество. В экономических воззрениях как части учения об управлении отразилось представление о единстве интересов общества (выступавшего в сознании конфуцианцев в виде организованного государства) и «народа»— всех подданных.

Экономическая область знания в сложном понятийном узле «цзин цзи» обозначалась как «обогащение государства», «управление финансами» и представлялась ученым и политикам ведущей темой в науке управления. Они доказывали важность материальной стороны жизни общества, необходимость активной хозяйственной деятельности казны. «Просвещенные правители и ученые, знающие толк в цзин цзи,— утверждал Ли Гоу,— прежде всего начинали с обогащения своего государства»[1]. Экономическая деятельность в их представлениях была не самоцелью, а средством выполнения общих задач управления.

Основные источники обогащения страны идеологи и политики видели прежде всего в развитии земледелия. Выдвигая проекты его поощрения, они следовали тезису традиционного учения: «Земледелие — ствол (основное), торговля и ремесло — ветви (второстепенное)» или «Пренебрегать торговлей, обращать главное внимание на земледелие». Мыслители разных эпох, считая развитие земледелия залогом хорошего правления и гарантией общественного порядка, требовали, чтобы правители заботились о нем, осуждали все, что мешало его процветанию.

В условиях разорения крестьянского хозяйства, дефицита государственного бюджета, резкого обострения классовых и социальных противоречий в стране средневековые ученые использовали традиционную теорию «земледелие — ствол, торговля и ремесло — ветви» как основу для критики современной им политики в экономической области.

В средневековой трактовке теории «о главном и второстепенном» сказалось влияние древних мыслителей как конфуцианского, так и легистского толка, и особенно ханьского конфуцианства. Вобрав в себя основные аспекты воззрений древних (противопоставление земледельческого населения неземледельческому, подчеркивание неразрывной связи земледельцев и государства), эта теория приобрела конкретные черты, характерные для своего времени. В форме традиционного учения формулировались идеи о соблюдении должных пропорций между основной производительной отраслью хозяйства (земле-

делием) и торговлей как источниками обогащения казны, о государственном регулировании хозяйства и ограничении частной деятельности, «выравнивании» крайностей в экономической сфере.

Средневековые авторы заимствовали древнее представление о стратификации китайского общества по профессиональному принципу, согласно которому «народ» (минь), или население страны, делился на чиновников-ученых (ши), земледельцев (нун), торговцев (шан) и ремесленников (гун). Нередко к «народу» причисляли лишь представителей трех последних занятий, а порой лишь земледельцев.

Под многогранным термином «нун» в различных контекстах мог иметься в виду и земледелец — непосредственный производитель, и землевладелец. Отнесение их к одной категории налогоплательщиков выражало специфику экономического знания в Китае, имеющего для казны сугубо практическое применение.

Эта тенденция проявилась и в представлениях средневековья о формах землевладения и землепользования. Традиционное деление на земли государственные и частные (букв. народные), установленное казной, служило лишь одной цели — определить фискальные обязанности «народа». Хотя на различных этапах средневековья степень обладания земельной собственностью со стороны казны была различна, по традиции суверенная собственность государства на землю считалась непреложной.

Носители экономических знаний, стараясь подчеркнуть значение земледельцев, презрительно относились к другим профессиям. Одна из излюбленных тем традиционной историографии — раскрытие противоречий между земледельцами и торговцами. Выступая против эксплуатации сельского населения торговцами и ростовщиками (с которыми у казны были свои счеты), средневековые идеологи утверждали тезис о единстве земледельцев и государства.

Идеальное воплощение теории «земледелие — ствол, торговля и ремесло — ветви» китайские авторы видели в обществе, изображенном в древних трактатах «Чжоу ли» и «Мэн-цзы», повлиявших на формирование различных идеологических течений. Многие средневековые авторы были почитателями утопической системы «цзин тянь» (так называемых колодезных полей), при которой якобы каждый земледелец имел участок земли и сам его обрабатывал. Они рассматривали систему «цзин тянь» как весьма совершенный инструмент для проведения в жизнь уче-

ния «об основном и второстепенном»: она якобы идеально обеспечивала бесперебойность налоговых поступлений и социальную гармонию в обществе.

Средневековые авторы были идеологами натурального хозяйства, в котором торговля и ремесло были сведены до минимума. Не допуская чрезмерного развития товарного хозяйства, подтачивающего извечную опору правителя — патриархально-феодальные отношения в стране, они стремились упрочить всю систему производственных отношений.

Вместе с тем большинство авторов экономических проектов, считая невозможным восстановить прошлое, предлагали лишь действовать в духе древней системы и выдвигали весьма конкретную программу решения финансовых проблем. Она содержала традиционные меры по развитию земледелия «вширь» и «вглубь». Во-первых, поддержание в должном порядке ирригационных сооружений для борьбы с последствиями засухи и наводнениями; во-вторых, освоение целинных земель, предусматривающее как предоставление различных льгот (например, расширение частных владений путем освоения нови, награждение особо отличившихся почетными титулами и т. п.), так и принудительные меры; в-третьих, отмену наиболее тяжелых повинностей, отвлекавших земледельцев от их труда; в-четвертых, временную отмену налогов и недоимок в районах, пострадавших от стихийных бедствий, военных действий, и выдачу продовольствия и семян на льготных условиях из казенных фондов.

Но наиболее важным звеном этой программы были мероприятия, способствовавшие переливу «сил народа» из «побочных» занятий в «основные». Они предусматривали множество аспектов: уменьшение численности торговцев и ремесленников, приобщение их и «дармоедов»* к сельскому хозяйству, наделение землей безземельных крестьян.

Наряду с этим предлагались проекты переселения малоземельных хозяйств из густонаселенных районов в места, где имелись большие массивы нови, приобщения

* Так, Ли Гоу относил к «дармоедам» буддийских и даоских монахов, корыстолюбивых чиновников, разного рода бродяг, шаманов, гадателей, лекарей, бродячих артистов (Чжицзян ли сян шэн вэньцзи. Цзюань 16. Л. 7б—9б), а его современник Оуян Сю — буддийских монахов и воинов (Оуян юншуцзи — в серии «Госюе цзибэнь цуншу». Б. м., б. г. Кн. 3. Цзюань 9. Л. 64).

к земледелию ссыльных и осужденных, которых следовало снабдить минимумом производительных средств.

Осуществление этих мер было немыслимо без решения острых аграрных проблем, и особенно без пресечения чрезмерной с точки зрения казны концентрации земли в руках частных лиц, посягавших на доходы государства. Через все средневековье проходит тенденция к ограничению норм размеров частного землевладения, намеченная еще ханьским ученым Дун Чжуншу (II в. до н. э.). Смысл этих предложений заключался в ликвидации крайностей эксплуатации путем сокращения размеров частных земель и увеличения прослойки надежных налогоплательщиков из мелких и средних крестьянских хозяйств. Эти проекты не затрагивали решения коренных проблем, связанных с эксплуатацией крестьян землевладельцами.

Предлагаемые или проводимые меры трактовались как проявление заботы правителя о «народе». Одновременно в них прослеживается вторая, но главная линия — стремление во всем действовать на благо казны. Типична в этом аспекте фраза из указа минского императора: «Каждый человек, привлеченный государством для пахоты, может прокормить... несколько человек, а в этом заключена польза государству»[2].

Та же идея первостепенности интересов государства была типична для экономической мысли средневековья применительно к сфере, связанной со «второстепенным занятием». Когда речь шла о необходимости пренебрегать торговлей и ремеслом, то имелось в виду, что эти отрасли хозяйства вслед за земледелием должны быть побочным источником доходов казны. Практически это означало, что следует развивать казенные торговлю и ремесло, а частные — всячески ограничивать.

Мотивом выдвижения таких проектов было то, что частные торговцы и ремесленники отвлекают «выгоду» из государственного кармана в свой собственный. При этом отношение к различным категориям торговцев и ремесленников, в частности мелким и крупным, было неоднозначным. Существование первых не представляло прямой угрозы интересам государства, а претензии к ним объяснялись лишь стремлением приобщить их к земледелию. Деятельность же крупных торговцев рассматривалась как наносившая урон доходам казны. Отсюда выдвижение программы «подавления» крупного купечества, включавшей ряд мер, ставивших его деятельность в определенные рамки, часто в унизительную зависимость от государства

(официальный запрет торговать отдельными видами товаров, разнообразная система налогов и поборов, мелочный контроль, принудительные закупки товаров по заниженным ценам и т. п.). Более того, мероприятия, ущемлявшие крупное купечество и выгодные казне, трактовались как защита интересов мелких торговцев*.

Особо осуждались на всем протяжении средневековой истории Китая торговая, ростовщическая и предпринимательская деятельность высших слоев господствующего класса: представителей аристократии, сановников, военных чинов. Их коммерческая инициатива пресекалась административными мерами.

Именно в торговой и предпринимательской сфере особенно отчетливо противопоставлялись интересы казны, как справедливые, законные (гун), и частных лиц, как корыстные и порочные (сы). Средневековые ученые, утверждая, что двигатель частной деятельности — стремление к выгоде**, строили отношения казны с «частным сектором» не только на мерах принуждения, но и с учетом человеческой психологии.

Одной из главных черт программы государственного контроля экономики стал принцип равновесия (цин чжун), заимствованный у идеологов древности и получивший дальнейшее развитие в средневековье. Суть его состояла в правительственном контроле над рынком при помощи формирования запасов зерна, в установлении «справедливых» цен на товары во время их удорожания или обесценения и т. п.[3]

В средневековье были восприняты идеи древних мыслителей о том, что товары соизмеримы посредством денег, что серебро и золото имеют не только потребительную, но и меновую стоимость. Утверждая, что деньги были созданы в древности совершенными, средневековые ученые призывали современных правителей налаживать и регулировать их обращение для усиления власти «сына Неба», обеспечивавшей превалирование государственного начала над частным. Весьма показательно, что в равной мере и Ли Гоу (XI в.) и Гу Яньу (XVII в.) аргументировали

---

* Именно так обосновывал необходимость проведения торговой реформы, направленной против крупного купечества и рассчитанной на увеличение доходов казны, Ван Аньши (см.: Хрестоматия по истории средних веков. Т. II. М., 1963. С. 52—54).

** Под термином «ли» (выгода, прибыль, доход) подразумевалась погоня за личной наживой — качество, противопоказанное «благородному мужу»— конфуцианскому идеалу личности.

подобные взгляды ссылкой на высказывание ханьского советника Цзя Шаня (201—169 до н. э.): «Деньги — это не вещь, имеющая конкретное применение, но с их помощью можно стать богатым и знатным. Богатство и знатность — это то, что является кормилом власти правителя»[4].

Средневековые авторы заимствовали тезис древних о важности института монополии на традиционные товары (соль, железо, а позже и чай) как об одном из источников пополнения государственной казны. Ученые развивали идеи о том, что государство должно стать монопольным производителем продукта или неусыпно контролировать его сбыт (закупая товары у частных лиц). И в сфере экономической мысли, и в практической политике монополия выступала в самых разнообразных формах, и главной ее целью оставалось обеспечение «казенной выгоды»[5].

Часто среди ученых возникали споры по поводу того, что наиболее важно для обогащения казны — дальнейшее усиление сферы производства (земледелия, казенных ремесла и торговли) или сокращение уровня потребления населения, начиная от представителей правящего дома, включая императора, и кончая простолюдинами.

Тезис о необходимости уменьшения потребительских трат и расходов все убывающих финансов страны, как и многие другие экономические проблемы, был представлен в экономической мысли преимущественно в категориях поведенческой этики императора и народа. Так, традиционным стало утверждение об обязанности правителя проявлять умеренность в расходах на свою особу и нужды двора, а народа — быть бережливым.

В осуждении расточительства двора и мотовства всех слоев населения Поднебесной прослеживается тенденция к осмыслению этого феномена и в плане чисто экономическом. Призыв к экономии, обращенный к императору и его окружению, был вызван ухудшением финансового положения страны. Естественно, что речь шла лишь о том, чтобы несколько снизить траты двора, сохранив в целом уровень потребления, приличествовавший «верхам»[6].

Потребление же для низов было сведено к минимуму. В обстановке всеобщего расточительства выдвигались проекты приобщения населения к бережливости. Все без исключения ученые в соответствии с конфуцианскими представлениями настаивали на соблюдении уровня потребления каждым подданным в зависимости от его места в обществе. При этом решалась задача не только эконо-

мического характера — как при крайне скудном обеспечении народных масс избежать взрыва их недовольства.

Экономическая мысль Китая и комплекс проведенных мероприятий в средние века были нацелены на поддержание экономики страны на определенном уровне. Ориентированные на усиление власти правителя, они отразили поиски наиболее рациональных способов эксплуатации населения не только в сфере производства, но и в сфере потребления, стремясь ликвидировать опасные тенденции разного рода крайностей.

Эти взгляды особенно четко проявились в XI в. в реформаторских проектах и деятельности в экономической сфере их авторов Фань Чжунъяня и Ван Аньши. Последний, поощряя «главное занятие», предложил предоставлять крестьянам денежную ссуду под залог будущего урожая, оградив их от чрезмерного гнета ростовщиков; облегчить выполнение трудовых повинностей; регулировать взимание поземельного налога. Программа же «подавления второстепенного» свелась к нововведениям в области торговли: мелким торговцам, как и крестьянам, казна должна была выделить денежные ссуды под небольшой процент, чтобы они могли противостоять конкуренции крупных торговцев. Вся торговля в стране должна была вестись под контролем государства через специально созданные казенные управления. Трудовая повинность ремесленников была заменена денежным взносом.

Несколько ущемляя интересы ростовщиков, крупных торговцев, крупных земельных собственников, реформаторы стремились прежде всего укрепить экономические позиции государства.

Несколько отличалось по характеру реформаторское движение в минском Китае в XVI — XVIII вв. Сторонники преобразований пошли дальше традиционных конфуцианских принципов, распространяющихся и на область экономики, выдвинув требование ликвидации казенных предприятий, государственной монополии на соль, на добычу и обработку руд.

Резкие нападки вызывали казенное ткацкое дело, препятствовавшее развитию ремесла и частных ткацких мануфактур, многочисленные внутренние таможенные заставы. Еще более остро эти требования были сформулированы в программе группировки академии Дунлинь в XVII в. Требование ликвидации государственных прав на разработку недр и отмены внутренних пошлин, на передачу казенных фарфоровых и ткацких мастерских част-

ным лицам отразило интересы групп феодальной интеллигенции, которые были тесно связаны с купечеством, владельцами крупных ремесленных мастерских и мануфактур в наиболее развитом районе Китая. Группировке Дунлинь удалось осуществить ряд проектов, в частности взимание налогов с горнорудного производства.

Один из аспектов экономической мысли Китая — мировоззрение идеологов крестьянства, для которого характерна устойчивая эгалитарная традиция на всем протяжении средневековья.

Глухо и лишь эпизодически эта тенденция проявилась в восстании «желтых повязок» 184 г. и сопутствовавших ему народных выступлениях; затем в восстании под главенством даоского проповедника Ли Баня в начале IV в. в Сычуани, где был провозглашен «принцип великого уравнения того, что принадлежит вану», включая «распределение поровну пахотных земель»; в выступлении 486—487 гг. во главе с Тан Юйчжи на юго-востоке страны; в крестьянской войне 874—901 гг.; в восстании 940 г. в уезде Хуанмэй (пров. Хубэй).

X — XII века особо отмечены как бы серийной вспышкой выдвижения уравнительных требований. Так, лозунг «уравнения бедных и богатых» в восстании 993—997 гг. отразил представление крестьян о неправедности богатства феодалов — источнике их страданий — и экспроприации этого богатства (зерна, денег, продовольствия, одежды, утвари и т. п.). Требования восставших не затронули сферу аграрных отношений, а лишь выразили их стремление распределить поровну захваченное имущество среди бедняков. Идея имущественного уравнения материальных благ отразила чисто потребительский идеал, который мыслился достичь посредством насильственного устранения разрыва между богатством и бедностью. Лозунг провозглашал экономическое равенство и отрицал правомерность нетрудовой собственности феодалов.

Самое крупное в Сунской империи восстание 1120—1122 гг. под руководством Фан Ла (на западе пров. Чжэцзян) выдвинуло лозунг: «Равноправие — отсутствие верхов и низов — таков справедливый принцип». Это был преимущественно негативный и для того времени утопический идеал*, сводившийся к утверждению строя свободных общин, которые являлись не только религиозными,

* Та же тенденция проявилась в восстании 1130—1135 гг. в провинциях Хунань и Хубэй, возглавлявшемся Чжун Сяном, а затем Ян Яо.

но и хозяйственно-экономическими объединениями. Члены общины освободились от обычных повинностей в пользу феодалов и явочным порядком уплачивали налоги не казне, а самой общине.

Однако позитивная сторона социальных чаяний крестьян в конечном счете оставалась несостоятельной, исторически бесперспективной. Даже во время самой крупной в истории Китая крестьянской войны XVII в. повстанцы не сумели воплотить в жизнь идеалы равенства и справедливости, в частности смутно выраженную ими идею уравнительного передела земли.

Отмечая специфику донаучного экономического мышления в целом, можно говорить о приближении в некоторой степени мыслителей Китая к пониманию объективных процессов в обществе. Многочисленные реалистические высказывания, разнообразные проекты, умозрительные схемы и хозяйственная деятельность свидетельствовали об адекватной оценке действительности. Вместе с тем этим воззрениям были присущи специфические черты. Общество в понимании мыслителей средневековья было прежде всего духовным организмом, вследствие чего экономическая деятельность рассматривалась средством достижения моральных целей. При таком подходе экономика вообще не являлась в их представлениях самостоятельной реальностью, поскольку ее назначение они видели лишь в рамках более широкого идеального целого, а экономические категории выражались в категориях поведения правителя.

Средневековые мыслители стремились осмыслить реальные производственные отношения, чтобы повлиять на них и решить вопросы экономики в свете метафизической системы ценностных ориентаций.

Глава 14

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФЕОДАЛЬНОЙ ЯПОНИИ

Возникновение экономической мысли в Японии связано с фискальными нуждами раннефеодального государства, стремлением эксплуататорской верхушки укрепить свое социально-экономическое положение. Административная статистика появилась в Японии еще в III — IV вв. н. э., а в 569 г. для учета рабочей силы во владениях

государя Киммэй (540—571) в Сираи проводилась подворная перепись (хэ-но фумуда) крестьянских дворов (ко) корейско-китайских иммигрантов. В переписи впервые употребляется термин «полевые дворы» (тако), которые юридически оформляются как податная единица. Этот подворный принцип учета податного населения в результате реформ Тайка (645 — нач. VIII в.) распространяется на всю страну и наиболее отчетливо проявляется в переписях 702 и 721 гг., в своде законов «Тайхорё» 702—718 гг.

Процесс развития феодальных отношений в стране характеризовался тем, что уже начиная с VIII в. надельная система, связанная с государственной собственностью на землю, стала разлагаться, начали возникать вотчины (сёэн) — частные владения аристократии и храмов.

Исторические материалы и практическая деятельность правящих кругов в период раннего средневековья свидетельствуют о том, что государство, активно вмешиваясь в распределение земли, крестьянских наделов, ускоряло экспроприацию общинных земель в пользу феодалов. Однако уже в VIII в. власть имущие круги стали опасаться чрезмерного усиления храмового землевладения буддийской церкви. В 708 и 768 гг. последовали первые конфискации земельных владений у двух храмов — Ситэннодзи (на северо-западе от современного города Осака) и Кандзэондзи (о. Кюсю). Позднее, в 795 г., был издан специальный указ, запрещавший передавать земли храмам. Однако он не соблюдался, и буддийская церковь превратилась в крупнейшего феодального земельного собственника.

Таким образом, уже в период раннего средневековья земля рассматривалась как основа экономического, а в конечном счете и политического влияния. Эта тенденция характерна для всего периода феодализма, когда правящие круги стремились увеличить собственные земельные владения за счет своих противников.

В начале VIII в. наблюдается тенденция законодательным путем стимулировать развитие товарно-денежных отношений. Но эта попытка оказалась тщетной, поскольку тогдашняя Япония по уровню экономического развития значительно отставала от Кореи и Китая.

Тяжелое материальное положение крестьян и социальное неравенство детей бедняков и богачей привлекли вни-

мание выдающегося поэта Яманоэ Окура (659– 733)*. Он был первым поэтом-мыслителем, затронувшим социально-экономическую тему в своем знаменитом «Диалоге бедняков» и в стихотворении «Ответ». Тяжелое положение крестьян усугублялось непомерными трудовыми повинностями, отвлекавшими их от работы на поле в страдную пору, и в особенности воинской повинностью, при которой сам рекрут был обязан экипировать и содержать себя. В поэтической антологии VIII в. «Манъёсю» имеются целые разделы плачей о погибших странниках-крестьянах, возвращавшихся после отбывания трудовой и воинской повинности, и песен пограничных стражей.

Экономическая необеспеченность и слабость военной системы побудили правителей обратиться к своему окружению с вопросом: «Что предпринять для улучшения положения в стране?»

Сугавара Митидзанэ, придворный сановник, в докладе императору в 894 г., описав голод и военную слабость страны, высказал опасение, что в случае нападения противника Япония будет не в состоянии дать отпор. Он предложил заблаговременно закрыть страну, что и было сделано в следующем, 895 г. Однако эта мера, естественно, не способствовала улучшению внутреннего положения, что хорошо видно из докладной записки Миёси Киёюки (Киёцура) (847—918). Он был известным ученым и государственным деятелем эпохи Хэйан. Единственное дошедшее до нас в полном виде произведение Миёси «Памятная записка из 12 статей» представляет собой своеобразный отчет о положении в государстве и мерах по исправлению недостатков. Она интересна не только как документ, содержащий важные фактические данные о разложении надельной системы в X в., но и тем, что знакомит нас с некоторыми экономическими взглядами представителя раннего японского средневековья[1].

Воззрения Миёси в этой области весьма традиционны. Идеалом для него было государство, основанное на надельной системе (хандэн). Ярко рисуя богатство и мощь этого государства, Миёси видел «причину прочности в том, что обычаи были благородными, налоги — низкими, повинности — необременительными, правители проявляли милосердие к подчиненным, подчиненные почитали правителей». В соответствии с этим главную причину неполадок

* В главе принят японский порядок написания фамилии на первом месте, имени — на втором.

в государстве в современный ему период Миёси находил в том, что надельная система перестала должным образом функционировать. Но Миёси не мог, естественно, понять, что распад надельной системы носит объективный необратимый характер. Для него корень зла кроется в противозаконных действиях отдельных лиц, в результате чего «земли переходят в чужие руки, богатые семьи умножают свои владения, думают только о своей выгоде. Этим наносится ущерб государству». Вместе с тем указывалось на небрежное отношение к своим обязанностям государственных чиновников, а подчас и на коррупцию среди них, поскольку «губернаторы издают указы, исключающие из податных списков богатые и могущественные семьи, и включают туда неживущих людей, подлежащих якобы обложению налогами». Отсюда вытекали и меры по упорядочению экономики, предлагаемые Миёси. Если ограничить произвол богатых, исправить земельные реестры в соответствии с действительным положением дел, наладить четкий контроль администрации, тогда положение коренным образом изменится, финансы государства улучшатся и «поступления в 3 раза превысят то, что сейчас собирается с крестьян».

Правильному функционированию государственного аппарата Миёси вообще придавал первостепенное значение, уделяя много внимания подбору способных, талантливых и неподкупных людей для замещения административных вакансий. Особо отмечалась важность правильной подготовки кандидатов на государственную службу, ибо «для управления страной нужны мудрые, знающие люди. Знания людям дают книги. Книги изучаются в школах». Поэтому Миёси предлагал ряд мер по улучшению преподавания в школах и их материального обеспечения.

Значительное место уделял Миёси положению крестьянства. По его мнению, крестьяне составляют основу государства («Страна существует, опираясь на народ. На что может опереться страна, если она безлюдна?»). Однако крестьяне интересовали Миёси не сами по себе, а как объект налогового обложения. Вместе с тем он выступал за то, чтобы крестьяне не подвергались чрезмерному налоговому бремени, осуждал существующее положение, когда «одни люди обрабатывают свои земли и платят непомерные налоги, а другие тайком продают наделы и уклоняются от повинностей». Это приводит к резкому сокращению налоговых поступлений, подрывая тем самым экономическую основу государства.

Миёси рекомендовал бороться против стихийных бедствий, ибо прекращение засух и наводнений не только укрепит экономику страны, но и приведет к успокоению народа, обеспечив его пищей. Но меры, предлагаемые Миёси для защиты от стихийных бедствий, выглядят чрезвычайно наивными, соответствуя уровню мышления того периода. Единственным средством является правильное отправление религиозных обрядов и церемоний. Тогда «молитвы будут услышаны, бедствия прекратятся, доходы уподобятся высоким холмам, дожди будут идти каждые 10 дней и народ будет радостно петь, собирая обильный урожай».

Миёси был сторонником максимального ограничения государственных расходов, рекомендовал борьбу с роскошью и расточительностью. Именно непроизводительные расходы на строительство храмов и дворцов, по его мнению, сильно подрывали экономическое благосостояние Японии («На постройку храмов в 7 провинциях ушла $^1/_2$ доходов государства»). Поэтому Миёси выступал не только за прекращение затрат на строительство и восстановление храмов и дворцов, но и за максимальное сокращение раздутого государственного аппарата, ликвидацию дорогостоящих штатов императорских танцовщиц и т. д. Чрезмерная роскошь, по его мнению, имеет и другую отрицательную сторону. За верхами тянутся низы, стремясь подражать им в пышности одежды и обильности пищи. В результате это ведет к разорению, многие «семьи запутываются в долгах, дети становятся бродягами, младенцы теряют крышу над головой и умирают голодной смертью». Предлагаемые Миёси меры по строгой регламентации одежды и пищи должны были ограничить расточительность и улучшить материальное положение людей.

Миёси с тревогой следил за экономическим усилением церкви («Все, от знатных семей до простолюдинов, строят храмы, тратя все имущество, жертвуя земли храмам, делают многих честных людей рабами при храмах»). Многие крестьяне, чтобы спастись от непосильного налогового обложения, принимают монашеские обеты, пополняя и без того многочисленные ряды монахов. Однако эти «монахи собираются в шайки, разбойничают, попирая законы». Усиливающаяся мощь церкви создает угрозу для центральной власти, а шайки монахов препятствуют нормальному управлению страной. Поэтому Миёси требует прекратить практику пожертвования земельных наделов, чтобы остановить сосредоточение земель в руках церкви.

Можно предположить, что Миёси придавал большое значение развитию торговли. Во всяком случае былое процветание Японии связывается у него, в частности, с постоянными посещениями страны «чужеземцами с сокровищами». Необходимостью обеспечения нормальных условий для торговли диктуются и рекомендации по очищению страны от разбойников. Он ставил также вопрос о восстановлении старых и строительстве новых морских портов, необходимых для водного транспорта.

В целом экономические воззрения Миёси Киёюки носят двойственный характер. Некоторые частные предложения по упорядочению финансов и транспорта, безусловно, должны были принести значительную пользу. Однако рекомендации, направленные на возврат к старым условиям, оказывались невозможными и неосуществимыми на практике. Его взгляды отражали экономические проблемы раннефеодальной Японии.

В конце XII в. усилилось влияние северо-восточных феодалов, провозгласивших в 1192 г. своего вождя Минамото Ёритомо правителем страны. С этого времени его звание сёгун (полководец) стало обозначением правителя Японии, а влияние императорской династии было ослаблено. Сёгунат опирался на военно-феодальное дворянское (самурайское) сословие, особенно на личных вассалов сёгуна.

Стабилизация положения восточных самураев юридически была закреплена в 1232 г. сводом законов из 51 статьи (Дзёэй сикимоку). Свод был составлен для решения судебных дел самурайского сословия. Не опубликованный официально, он представлял собой скорее предписание властей для служебного пользования и вместе с последующими дополнениями довольно точно отражал социально-экономическое положение страны в XIII в. Этот юридический памятник свидетельствует о наличии еще развитой не полностью наследственной ленной системы, при которой земельная собственность подразделялась на собственно ленную землю (рёти, тигё), подпадавшие под понятие ленного владения земли синтоистской и буддийской церкви и неленные земли крупных землевладельцев и провинциальной администрации. И хотя неленные земли продолжали именоваться «казенными полями», они уже не являлись собственностью императорского дома. Кроме того, существовала поднятая новь, так называемые именные поля (мёдэн) — расчищенные под пашню владения отдельных лиц, получившие имя первого корчевателя,

и находившиеся в собственности феодалов леса, пастбища и водные угодья.

При императорском дворе в Киото продолжало существовать свое законодательство для невассалов сёгуна. Подобно самурайскому, оно предусматривало свободную волю главы семьи в выборе наследника и при разделе владения между несколькими наследниками. Однако киотоское законодательство отрицало правомерность внесения изменений, тогда как самурайское признавало право пересмотра завещания, изменения наследника.

Экономическая политика сёгунов из дома Минамото, а затем правителей из дома Ходзё сводилась к обеспечению материального благополучия дворянского (самурайского) сословия и пополнения вечно пустующей государственной казны. В 1297 г. Ходзё издал указ (Токусэйрё) об аннулировании задолженности самураев представителям торгово-ростовщического капитала. Эта мера объяснялась тем, что обедневшее мелкое дворянство закладывало свои земли ростовщикам, продавало землю для покрытия долгов. Тем самым подрывалась экономическая основа существования социального слоя, составлявшего опору государственной власти. С середины XV в. Токусэйрё использовалось и для пополнения казны, поскольку задолженность аннулировалась в том случае, если должник вносил в казну от $^1/_{10}$ до $^1/_5$ ее суммы. Вместе с тем в период правления Ходзё наблюдаются некоторые попытки поощрения торговли, о чем свидетельствует указ 1226 г., запретивший употреблять ткани вместо денег.

В условиях развитого феодализма (с XV в.) в Японии усиливается тенденция к феодальной раздробленности, что связано с распадом вотчин и возникновением княжеств, владельцы которых стремились освободиться от власти сёгуна. В XVI в. сёгуны из дома Асикага практически потеряли власть над страной. Однако постоянные крестьянские восстания заставляли феодалов стремиться к объединению. В этом направлении действовало и развитие товарно-денежных отношений, заинтересованность верхушки города в стабильном рынке.

Нехватка средств определяла экономическую политику первых объединений страны во второй половине XVI в. Усиление налогового гнета, реквизиция продовольствия для снабжения войск, установление контактов с отдельными представителями торгово-ростовщического капитала были характерны для того периода. В наиболее концентрированном виде эта политика проявилась у Тоётоми Хи-

дэёси (1536—1598), стремившегося увеличить податное население.

Основная цель проведенной им переписи населения заключалась в определении, закреплении и увеличении количества податного населения путем включения в категорию «основные крестьяне» (хомбякусё) и таких лиц, которые к ним до этого не относились, поскольку были менее состоятельны, чем «основные крестьяне». Хидэёси проводил политику разоружения крестьян (указ 1588 г.), усилил налоговый гнет, для чего в 1598 г. им была уменьшена единица норм обложения. В результате налоговый гнет крестьян увеличился более чем на 20 %. Хидэёси повсеместно ввел единую меру жидких и сыпучих тел, равную около 1,8 л.

Период позднего феодализма в Японии (XVIII — первая половина XIX в.) связан прежде всего с завершением объединения страны, которое осуществил после смерти Хидэёси феодал Токугава Иэясу, провозгласивший себя в 1603 г. сёгуном. Экономическая политика правителей из дома Токугава на практике сводилась к ограничительным законам против роскоши, перечеканке монет с целью увеличения их количества. Подобную политику проводил и временщик, бывший советник сёгуна Танума Окицугу (1719—1788). От также осуществил работы по осушению болот, намеревался приступить к освоению земель на о. Хоккайдо, интересовался западными науками, просил голландцев прислать из Батавии плотников, чтобы обучить японцев строительству более крупных судов, организовал обучение японских моряков управлению голландскими судами. Кроме того, он ограничил потребление морских продуктов, направлявшихся на экспорт, и в результате некоторого развития внешней торговли добился притока в Японию из-за границы золота и серебра.

Мацудайра Саданобу (1758—1829), который был регентом при XI сёгуне Иэнари, помимо проведения ограничительных законов против роскоши, стремился восстановить полноценную монету, путем дефляции пытался снизить цены на рис.

Нельзя сказать, что экономическая политика правящих кругов не встречала определенной критики со стороны дворянского сословия. Но обычно это была умеренная критика отдельных аспектов, не посягающая на социальные устои токугавской Японии и предлагавшая свои «рецепты» в интересах самурайского сословия в целом. Так, например, обедневший самурай (ронин) Ямасита Конан

считал ошибочной ограничительную политику правительства против излишеств. Он утверждал, что роскошь может принести пользу, поскольку деньги, уплаченные ремесленникам за изделия роскоши, будут способствовать увеличению денежного обращения. Причина запрета изготовлять золотую и серебряную фольгу усматривалась в «твердом убеждении правительства, будто излишество порождает нищету и тратить фольгу на такие бесполезные предметы, как детские игрушки,— значит понапрасну расходовать золото и серебро. Но ведь люди, готовые дорого заплатить за такие изделия, не бедняки — они знатны и богаты, и, таким образом, продажа подобных изделий способствует обращению денег». Конфуцианский ученый Араи Хакусэки в «Кратком сообщении о металлических деньгах» (ок. 1708) высказал беспокойство по поводу оскудения запасов золота, серебра и меди, приписывая это непомерному их вывозу. Однако такие критические замечания среди самурайского сословия были крайне редки.

В период Токугавы существовала группа ученых-экономистов, рассматривавших экономические явления с точки зрения интересов самурайского (дворянского) сословия. Они находились под влиянием конфуцианской концепции добропорядочности верхов и аморальности низов, считая самурайство образцом добродетели, умеренности, честности, прямодушия. Некоторые авторы, как Кумадзава Бандзан, сочувствовали тяжелому положению крестьян. Но в целом эти ученые смотрели на крестьян прежде всего с позиций эксплуататорского самурайского сословия, призывая крестьян «работать больше, расходовать меньше».

Конфуцианский подход проявился у них и в отрицательном отношении к купечеству, которое аргументировалось отсутствием честности у торговцев, что явилось якобы причиной всех бед. Критика купечества усилилась в конце XVIII в. Вот что писал, например, Хаяси Сихэй: «Единственная функция горожан состоит в том, чтобы выкачивать самурайские рисовые пайки». Тогда довольно широкое распространение имело утверждение, что купец —«жучок-вредитель государства». В то же время усиливались экономические позиции торгово-ростовщического капитала, что определило возникновение школы экономической мысли купеческого сословия, так называемого «учения сердца» (сингаку), основоположником которого явился Исида Байган (1685—1744). Это было эклекти-

ческое учение, сформировавшееся на основе буддизма, синтоизма и находившееся под сильным влиянием конфуцианства. Равенство всех людей перед деньгами, или, используя выражение К. Маркса, «всеобщая нивелирующая сила денег», являлось основополагающим тезисом этого учения[2]. Утверждалось также, что великодушие свойственно и купцам, которым якобы чуждо стремление к наживе.

Среди конфуцианских экономистов оригинальностью мышления выделялся Хонда Тосиаки (1744—1821), родившийся в семье самурая в провинции Этиго. Путешествуя, Хонда везде видел страшную нищету, горе, убийства новорожденных и пришел к выводу, что устранить все эти беды, стабилизировать экономику способна лишь торговля, которая дала бы возможность «получить то, чего у нас нет, в обмен на то, что у нас есть». Между тем как в одном районе избыточный урожай риса гнил на корню, в другом свирепствовал голод. Хонда полагал, что необходимо расширить русла рек, устранить пороги при помощи взрывчатых веществ, построить недостающее количество судов. Это создаст условия для развития внутренней торговли, что в конечном счете облегчит положение крестьян, приведет к росту населения и устранит причины детоубийства. Но если даже каждый клочок земли будет возделываться, то все равно, по мнению Хонды, продовольствия на всех не хватит, поскольку размер земли ограничен, а население увеличивается каждые 33 года в 19,75 раза. Следовательно, писал Хонда, необходимо увеличивать пригодные для сельского хозяйства земли путем захвата территорий других государств. Хотя Хонда был противником конфуцианства, он не смог полностью преодолеть конфуцианский образ мышления. Он полагал, что самураям свойственна врожденная честность, и именно поэтому ратовал за то, чтобы самураи стали торговцами. Считая бесполезным призывать нечестных купцов к добродетели, Хонда предлагал поставить торговлю под государственный контроль, наивно веря, что правительство будет действовать в интересах населения, доставляя на судах рис из сельскохозяйственных районов к потребителю. Правительству рекомендовалось оказывать покровительство ремесленникам, поскольку такая политика способствовала бы обращению денег и увеличению экспортной продукции.

Он мечтал о Японии, которая экспортировала бы готовые изделия на своих судах. Хонда тосковал о временах, когда японские корабли посещали страны Юго-Восточной

Азии, был противником закрытия страны, что погубило ее торговое мореплавание. Первым шагом к возобновлению внешней торговли Хонда считал налаживание торговых связей с Россией, поскольку «Япония стоит на месте, в то время как Россия стремится вперед». Обосновывая необходимость колонизации о. Хоккайдо (Эдзо — наименование того времени), Хонда в 1792 г. писал, что там Япония «получит земли, где... рудники обогатят страну ценными металлами; земля, распаханная и обработанная, даст обильные урожаи зерна, которые спасут от голода Японию в случае недорода; лес, растущий в Эдзо, может быть использован для строительства кораблей»[3]. Хонда Тосиаки рассуждал как прагматик меркантилистского толка, поборник научных знаний и развития торговых отношений с Россией.

Совершенно особое место в истории социально-экономической мысли Японии периода позднего феодализма занимает Андо Сёэки (ок. 1707 — ок. 1763) — сын обедневшего самурая, проживавший главным образом в городах Хатиноэ и Акита, где эксплуатация городского населения и крестьян отличалась особой жестокостью. Обычно с крестьян взимали в виде налога 40 % урожая, тогда как в Акита — 60 %.

В условиях полицейского сыска и широко практиковавшихся доносов Андо приходилось скрывать и зашифровывать свои взгляды и сочинения. Для мировоззрения Андо была характерна резкая критика существующих социальных порядков, ненависть к токугавскому режиму, именуемому им не иначе как «противоестественным миром узаконенного беззакония». Противоестественность Андо усматривал в имущественном и социальном неравенстве, в результате чего «в верхах царит роскошь, а в низах — крайняя нищета». В действительности же люди, по мнению Андо, являются продуктом природы, «естественности» и, следовательно, одинаковы во всех частях света. Единство с природой способен дать человеку только труд, лишь «работающие и производящие» имеют право на питание. Труд человека, его физическая сила, как считал Андо, обеспечивает существование людей и определяет развитие общества, именно люди труда «обладают истинной моралью», а тунеядцы «лишены морали, безнравственны». Андо утверждал, что социальное неравенство определялось религией, влиянием буддизма и конфуцианства, а поэтому он едко высмеивал в образе птиц и животных служителей культа, эксплуататоров.

Андо выступал против распространявшегося синтоистами и неоконфуцианцами тезиса о божественности, исключительности японцев и японского государства. Он утверждал, что борьба между «господствующими верхами и подавленными низами» составляет суть исторического процесса любого народа на Востоке и Западе, где тираны и угнетатели пожирают «возделанное чужими руками». Упразднение эксплуататоров и социального неравенства необходимо осуществить, по мнению Андо, не насильственным образом, а с помощью сознательного возвращения людей «к природе» путем отказа от буддийско-синтоистско-конфуцианских предрассудков в процессе обязательного для всех труда по совместной обработке земли. Лишь в этом случае может быть создано общество людей труда без паразитов и «миллионы людей будут жить как один человек, когда не будет таких, которые обжирают и обирают других...»[4].

Андо был не только выдающимся мыслителем. Он пытался реализовать свои идеи, будучи, вероятно, связанным с тайной антитокугавской организацией, представители которой имелись в ряде городов. Однако завеса тайны над этой стороной его деятельности еще не приоткрыта.

В своей радикальной программе Андо Сёэки был социальным утопистом, выражая чаяния крестьян. По-видимому, ему не были чужды и нужды части разорившихся самураев-дворян (ронинов) и городского плебса, особенно его низов. Андо отчасти предвидел условия освобождения японского народа.

Таким образом, экономическая мысль феодальной Японии отражала противоречивое развитие общества. В период раннего и развитого феодального общества экономическая мысль правящего класса, находившая выражение в экономической политике правителей, документах государственных деятелей, касалась главным образом проблем землевладения и налогообложения, являвшегося экономической основой деятельности государства. Длительное время феодальная экономическая мысль отрицательно относилась к развитию товарно-денежных отношений и соответственно к купечеству и ростовщикам. Лишь под влиянием роста товарного производства, особенно в условиях позднего феодализма, правители стали уделять большее внимание проблемам денежного обращения. Появляются работы, защищающие интересы купечества, призывающие к развитию торговли, в том числе и внешней. Обострение классовых противоречий в Японии

в период позднего феодализма вызвало к жизни учения и антифеодального характера, что ярко проявилось в сочинениях Андо.

Глава 15

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АРАБОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Экономические представления арабов неразрывно были связаны с теми изменениями, которые происходили в аравийском обществе. В Аравии феодальные отношения возникли в результате разложения первобытно-общинных отношений на большей части полуострова и кризиса рабовладельческого уклада. В древности в Аравии (на юге) существовали государства, где рабство играло определенную роль. Однако главная масса непосредственных производителей была представлена свободными общинниками, занимавшимися земледелием, основанным на искусственном орошении.

Особенности физико-географических условий Аравийского полуострова, преобладание пустынь и полупустынь определили существование и развитие кочевого и отгонного скотоводства. Внутри племен происходил процесс имущественного расслоения. Во время перекочевок многие семьи оседали в оазисах, устанавливая собственность на землю. В Мекке, Ясрибе, Тебуке, Тайфе, Неджране, Босре и других городах сложилась влиятельная прослойка крупных купцов, ведших караванную торговлю с отдаленными районами полуострова, с соседними государствами, с Индией и странами Дальнего Востока. Крупное купечество занималось также ростовщическими операциями.

Идеи объединения Аравии высказывались задолго до возникновения ислама. Но ислам дал идеологический лозунг объединению — учение о единственности бога. В VII в. все бедуинские племена впервые оказались включенными в единую политическую систему — общеаравийское государство — вместе с оседлыми земледельцами и горожанами. В последующий период в результате завоеваний были созданы обширные империи, простиравшиеся от Атлантического океана до Индии.

Арабские империи существовали недолго: примерно с IX в. начинается их распад на отдельные наместничества, а затем и государства. В 1258 г. монголы, завоевав

Багдад, положили конец Арабскому халифату. После падения халифата арабские территории развивались или самостоятельно, или входили в состав какого-либо усилившегося в данный момент государства. В XVI в. почти все арабские страны были захвачены и включены в состав Османской империи с различным политическим статусом.

1. Экономические представления арабов до образования халифата. Коран

В Аравии переход к феодальным производственным отношениям и создание единого государства совпали с возникновением новой единобожной религии — ислама. Глава первого общеарабского государства Мухаммед носил сан пророка, осуществляя и светскую и духовную власть. Это соединение светского и духовного начал наложило отпечаток на все последующее развитие мусульманских стран, на идеологию, историографию, правоведение, экономическую мысль и т. д.

Экономическую мысль арабов в период возникновения раннефеодального государства отразили Коран[1] и жизнеописания Мухаммеда[2]. Коран (на русский язык переводится как «чтение») содержит проповеди Мухаммеда, его высказывания по тем или иным вопросам в период 610—632 гг. Эти высказывания записывались его сподвижниками и после его смерти были сведены воедино. Самые ранние сохранившиеся списки Корана относятся к рубежу VII — VIII вв.

Наиболее часто Мухаммед упоминает богатых и бедных, обращается к проблемам имущественного положения и неравенства, пытается дать объяснение неравенству. Однако главная мысль — божественное происхождение имущественного и социального неравенства. Именно аллах якобы дал «преимущество одним пред другими в жизненном уделе. Но те, которым дано преимущество, не вернут своей доли тем, кем овладела их десница, чтобы они оказались в этом равными». В Коране противопоставлены раб и богач, пользующийся «хорошим уделом». Отношения между богатыми и бедными определяются их имущественным положением. Богатые берут в услужение бедных, и это зависимое положение бедняков тоже предопределено богом. Признается святость самой зависимости одних от других. И это признание было направлено на предотвращение социальных конфликтов. Мухаммед призывал к повиновению всех власть имущих: «Повинуйтесь

Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас»[3].

В Коране земля объявлена принадлежащей богу и не каждый может рассчитывать на ее получение или же сохранение за собой земельной собственности. Но Коран утверждает принцип неприкосновенности частной собственности, подчеркивая недопустимость присваивать чужое имущество, входить в чужие дома «с задней стороны» или входить без разрешения. Строгое наказание грозило ворам; им следовало отсекать руки «в воздаяние за то, что они приобрели». Хотя Мухаммед порицает скупых, любящих богатство, золото, серебро, тем не менее проявляет большую заботу о сохранении богатства, выступает против расточительства, излишней траты средств, призывает к бережливости. Правоверным рекомендуется не поедать «достояний меж собой попусту» и не отдавать его судьям, ибо «съесть часть достояния людей преступно», но давать родственнику «должное ему», и бедняку, и путнику [4].

Все верующие обязаны были тратить часть своего имущества «на пути божьем», уплачивая очистительную милостыню. Милостыня в понимании Корана не обычная, добровольная благотворительность. Это своего рода единое обложение всех принявших ислам, благотворительность, возведенная в степень общерелигиозного и общегосударственного обязательства.

Мухаммед обличал тех, кто рассматривал милостыню как пеню. Обязательная милостыня в условиях Аравийского полуострова выступала как общегосударственный налог, который вводился впервые для всех районов, населенных и оседлыми и кочевыми племенами. Ее утверждение потребовало немало времени. И хотя в Коране неоднократно подчеркивалось, что милостыня предназначается только бедным, сиротам, путникам, на практике на благотворительные цели выделялась лишь $^1/_5$ поступавших средств. Благотворительность, объявленная общегосударственной политикой, маскировала по существу принудительный характер обложения, была направлена на смягчение социальных противоречий. В связи с этим большой интерес представляет отношение Корана к рабам. Милостыня предназначена не только для бедных, нищих, но и на выкуп рабов, в помощь должникам. Основным источником пополнения числа рабов были пленные, но, согласно Корану, они подлежали освобождению после окончания войны за выкуп или без выкупа. Отпуск рабов на волю объявлялся богоугодным делом, признаком бла-

гочестия. Согласно Корану, первоначально военная добыча переходила в руки Мухаммеда, ибо «добыча принадлежит Аллаху и посланнику». Однако в дальнейшем, еще при жизни Мухаммеда, $^4/_5$ ее стали делить между участниками похода[5].

В Коране большое внимание уделяется проблемам экономической жизни, часто упоминаются торговые сделки по наличному или безналичному расчету. Аллаху приписывается разрешение торговли. При ведении торговых операций Коран требует строгого соблюдения мер и весов, сопровождая это ссылкой на аллаха и на авторитет пророков, которые проповедовали еще до Мухаммеда. Коран требует от мусульман точности при оплате долгов, определяет процедуру заключения сделки и записи долгового обязательства. В случае тяжелой болезни каждый мусульманин, если он имеет какое-либо имущество, обязан составить завещание[6].

Коран неоднократно обращается к проблеме ростовщичества. Мухаммед всячески устрашал ростовщиков воздаянием от аллаха, запрещение брать высокий процент приписывал аллаху.

Экономическая политика Мухаммеда была направлена на обеспечение постоянных доходов государства и подчинение всех жителей Аравийского полуострова независимо от вероисповедания. В случае, когда христиане или иудеи принимали ислам, они получали покровительство и освобождались от поголовного обложения, а если отказывались от ислама, то должны были платить поголовную подать. Главным новшеством, введенным Мухаммедом, было изъятие земли из военной добычи. Земли захваченных областей не подлежали разделу среди участников похода. Были установлены налоги с торговли и ремесла, а также с поголовья скота. Мухаммед жаловал земли своим приближенным или любому человеку в расчете на его будущие заслуги перед государством. Владельцы земель могли продать, подарить или передать по наследству свои земли. Однако обязательными условиями владения были обеспечение обработки участков и уплата государственного поземельного налога.

2. Экономические концепции времени Арабского халифата

В результате завоеваний (632 — ок. 751) арабы создали обширную империю, в состав которой вошли различные земли и народы. Первоначальные установления, принятые при Мухаммеде и зафиксированные в Коране, стали основой дальнейшего развития правовых и экономических концепций. Кроме того, законоведы обращались к хадисам — преданиям о поступках и высказываниях Мухаммеда, чтобы его именем освящать свои действия или толкования. Собирание и толкование хадисов стало важным элементом развития как права, так и экономических концепций. Мусульманское право «шари'ат» (от слова «шар»— закон) сложилось на основе трех источников: Корана, хадисов и обычного права.

Одной из коренных проблем, разработанных мусульманским правом, была проблема собственности. Признание и декларирование божественного происхождения богатства и бедности не могло удовлетворить конкретные запросы социальной практики. Стало необходимым выработать универсальные и в то же время более детальные представления о предмете. Источником и основой собственности был признан труд. И это распространялось также на продукты земли. Для того чтобы придать весомость своей теории, арабские законоведы приписали Мухаммеду изречение, что «земля принадлежит всякому, кто оживит ее». Все школы законоведов согласились с тем, что немусульманин должен получить предварительное разрешение верховной власти на оживление мертвой земли. Право первого владения принадлежит тому, кто огородил пустующую мертвую землю. Однако он теряет свое право, если в течение трех лет не приступил к работам по оживлению. В таком случае власти могут отобрать землю, передав ее другому лицу с условием ее обработки[7].

Мусульманское право детально разработало правила обложения земель. Земли делились по видам налогообложения на две категории: ушурные и хараджные. К землям ушр относились земли арабов, к землям харадж — всех неарабов, независимо от того, приняли они ислам или нет. С ушурных земель взимали $^1/_{10}$, а с хараджных — от $^1/_3$ до $^1/_2$ урожая. Поголовной податью облагались все немусульмане — свободные мужчины. Женщины, дети и рабы не подлежали обложению. При раскладке подушной подати власти принимали во внимание степень состоя-

тельности и по традиции, существовавшей до арабских завоеваний, делили всех на 3 категории: богатых, со средним достатком и бедных.

В халифате примерно с IX в. возникло землевладение мусульманских благотворительных учреждений, мечетей, религиозных школ и т. д.— вакфы. Каждый мусульманин мог передать часть своих земель или другого имущества мечетям и учредить вакф. В окончательном варианте вакфы стали неотчуждаемыми и свободными от государственного налога.

В социальной структуре халифата одно из важных мест занимали рабы, хотя ни в земледелии, ни в ремесле их труд широко не применялся. Из рабов составляли крупные войсковые соединения, их труд иногда использовали при строительстве оросительных систем, добыче полезных ископаемых. Рабы выполняли работы по домашнему хозяйству у богатых людей. Сотни и тысячи невольников и невольниц обслуживали халифов, эмиров и знать. Это были слуги, певцы, танцовщики, конюшие и т. д. Дети рабыни, признанные отцом, могли наследовать отцу и занимать высокие посты. Мусульманскими законоведами была разработана целая система вольноотпущенничества и прав вольноотпущенников.

Мусульманское право признавало у товаров потребительную стоимость и торговлю считало полезным занятием. Золото и серебро выступали в качестве универсального показателя ценности товаров. Однако считалось, что не только золото и серебро в любом виде, но и все, что способно поддерживать жизнь, может служить платой за определенный предмет. Законоведы отличали акт простого обмена от акта купли-продажи. При обмене обе стороны признавались равными в своих правах и обязательствах, а при купле-продаже участники сделки функционально различались. В последнем случае, по мнению законоведов, личная оценка играет меньшую роль. Сама продаваемая вещь должна быть известна покупателю и быть полезной. Мусульманские законоведы считали, что при купле-продаже оба участника сделки оказывают друг другу взаимную услугу. Не подлежат продаже личные права человека (право преимущественной покупки, право на получение вознаграждения, пенсии и наследства).

Мусульманские законоведы признавали разницу между стоимостью товара и объявленной ценой. Было подробно разработано право преимущественной покупки недвижимого имущества, заключения договоров о залогах,

оформления торговых товариществ, основанных на доверии, и компаний. Объединения купцов для ведения крупных торговых операций были широко распространены во всем мусульманском мире. При заключении крупных сделок прибегали к чекам и векселям. Безналичная торговля была выгодна всем участникам сделки. По чекам можно было получать наличные деньги по всей территории халифата[8].

Крупнейшим мыслителем периода халифата, в работах которого трактовались различные экономические проблемы, был выдающийся законовед Абу Юсуф Якуб ибн Ибрахим аль-Ансари (731—798). Он являлся приверженцем ханифитской юридической школы. В 782 г. Абу Юсуф был назначен на должность кади (судьи) в Багдаде и первым получил титул верховного кади. Абу Юсуф написал несколько сочинений, однако до нашего времени сохранилась единственная книга «Китаб аль-Харадж» («Книга о подати»), которую он составил по желанию халифа Харуна ар-Рашида. Основная цель, которую преследовал Абу Юсуф,— дать халифу практическое руководство при решении различных вопросов, связанных с экономической политикой. Абу Юсуф оправдывал переход государства к новой системе налогообложения, отличной от времен завоеваний.

Арабские законоведы не дошли до признания двух различных видов собственности на землю — крестьянина-общинника и феодала, до определения социального характера собственности. Однако Абу Юсуф выделял категорию бедных земледельцев, живущих своим трудом, слабых издольщиков, «тех, кто занят трудом своими руками»[9], имея в виду ремесленников, которые не имели ни учеников, ни подмастерьев, ни наемных работников. Он считал, что пастбищная земля, ранее находившаяся в общинной собственности, в связи с обработкой и превращением ее в пахотную землю теряла признаки коллективной собственности и переходила в частную собственность.

Большое внимание в работе Абу Юсуфа уделено системам обложения и сбора налогов. Через все произведение проходит мысль о необходимости соблюдать меру в налогообложении подданных. Автор советовал, чтобы «не налагали на них выше их платежеспособности» и не наказывали за неуплату налога. Абу Юсуф считал невыгодным прибегать к откупу налога и говорил, что потери в налоге от таких сделок велики, ибо откупщик, имея

в контракте сумму, превосходящую сумму хараджа, притесняет плательщиков, требуя от них того, чего они не обязаны платить. Абу Юсуф проявлял большую заботу о доходах государства и своевременном поступлении налогов, о назначении сборщиками налогов сведущих, порядочных, богобоязненных и справедливых людей[10].

Хотя многие правоведы считали издольную аренду недозволенным, незаконным делом, Абу Юсуф заявлял, что все формы издольной аренды «дозволены и законны». Он обличал кадиев, которые сосредоточивают в своих руках большие земельные площади и превращают эти земли в источник «своего кормления». Абу Юсуф считал продажу излишков воды для орошения или для других целей недопустимой, ссылаясь при этом на хадис, согласно которому Мухаммед запретил продажу воды. Никто не имеет права отказывать кому-либо пользоваться источником воды для питья или для водопоя скота. Зато большая река принадлежит всем мусульманам.

Абу Юсуф отразил представления своего времени о ценах и ценообразовании, ссылаясь на мнение халифа Омара ибн Абу аль-Азиза, согласно которому «в этом деле от нас ничего не зависит, цены — дело Аллаха»[11]. Абу Юсуфу была знакома категория себестоимости товаров, ибо он учитывал соотношение расходов на добычу золота, серебра, железа и свинца и считал, что если расходы превосходят стоимость добытых металлов, то с них государство не должно брать пятую часть. Основная забота автора — исправное поступление налогов и сохранение платежеспособности податного населения. Фактически он выступал против чрезмерного фискального грабежа. Халиф, по мнению Абу Юсуфа, должен быть верен заключенным договорам и заботиться, чтобы в государстве все земли, пригодные к обработке, были переданы владельцам для обеспечения соответствующих налогов. Когда речь идет о фонде земель, принадлежащих казне, Абу Юсуф высказывает мысль о тождестве земель и денег, ибо земля —«то же самое, что и деньги», раз имам имеет право одаривать тем и другим[12].

Абу Юсуф выступал как выразитель интересов тех слоев господствующего класса, которые были заинтересованы в сильной центральной власти. Он призывал халифа создать такие условия в государстве, чтобы в казну поступали твердые и заранее предусмотренные суммы и в то же время сохранялась платежеспособность податного населения. Однако в условиях усиления феодальной эксплу-

атации многие рекомендации Абу Юсуфа были обречены на неудачу.

В Арабском халифате, как и в других феодальных государствах, трудящиеся вели постоянную борьбу против эксплуататоров, против имущественного неравенства. Еще при жизни Мухаммеда были случаи убийства сборщиков налогов и отказа от уплаты податей. После смерти Мухаммеда по Аравии прокатилась волна восстаний в племенах. Идеологическим лозунгом их был отказ от ислама, так как участникам восстаний казалось, что это автоматически освобождало их от необходимости платить налоги. Чаяния народных масс в последующий период находили отражение в учениях различных течений, сект и в ересях. Наибольшее влияние в первые века приобрели идеи хариджитов, требовавших правового и социального равенства всех мусульман независимо от их этнической принадлежности. Согласно их учению, халифом мог стать только избранник бога и народа, даже раб-негр.

На идеологию народных масс большое влияние оказал суфизм, возникший в VII — VIII вв. и превратившийся впоследствии в одно из крупнейших мистико-религиозных течений. Суфии осуждали богатство и роскошь власть имущих, призывали к добровольной бедности, которая якобы приближает человека к богу. Идеология умеренного суфизма, который в XII в. был признан «правоверным», наиболее полно разработана в трудах аль-Газали. Его экономические воззрения выражены в учении о бедности. Он считал, что, если у суфия есть все самое необходимое, он должен заниматься честным трудом, а не нищенствовать. При этом Газали отдавал предпочтение ремеслу перед другими занятиями. Если же у суфия нет самого необходимого, он должен собирать милостыню только на один день. По мнению Газали, принимать подаяние недозволено от ростовщиков, сборщиков налогов и т. д.[13]

В середине VIII в. против официального ислама выступила шиитская секта исмаилитов, в учении которых народные массы привлекали лозунги социального равенства и отрицания правомерности власти халифов. Исмаилиты проповедовали идею пришествия махди (мессии), который утвердит царство справедливости на земле. В VIII — X вв. произошло разделение исмаилитов на две ветви: собственно исмаилитов и карматов. В IX — X вв. проходили крупные восстания под лозунгами карматов. Повстанцы требовали социального и имущественного равенства. Главным лицом в обществе они признавали сво-

бодного крестьянина-общинника. В начале X в. бахрейнские карматы образовали свое государство с центром в Лахсе и обложили данью многие области халифата. Первоначально крестьяне и ремесленники были освобождены от налогов, а несостоятельные получали займы от государства. Однако карматы не устранили эксплуатации чужого труда. Общинникам раздавали рабов, и их свободная община была основана на рабском труде. Слабым местом в идеологии и в практической политике карматов было признание свободы и равенства только за своими приверженцами, сохранение эксплуатации рабов, фанатическая нетерпимость в отношении всех, кто не воспринимал их учения. Государство карматов просуществовало до конца XI в. Идеология карматизма сохранялась еще несколько веков.

Среди народных движений средневековья особое место занимает восстание чернокожих рабов — зинджей (869—883). Об их идеологии известно, что они испытали влияние прежних освободительных движений[14]. Вождь зинджей объявил себя халифом, чеканил монеты со своим именем, и его имя упоминалось в пятничной молитве. Повстанцы верили в справедливого халифа. Наиболее слабым местом идеологии и социальной практики зинджей было то, что они не отменили рабства.

3. Социально-экономические воззрения Ибн Хальдуна

Арабский мыслитель Ибн Хальдун (Абу Заид Абд ар-Рахман ибн Мухаммед аль-Хадрами) (1332—1406) родился в Тунисе, происходил из знатного рода. В 1382 г. он покинул Магриб, уехав в Египет, где в течение 20 лет принимал активное участие в научной и политической жизни, пытался бороться с коррупцией судебного аппарата, но безуспешно. Выступал против тех феодальных слоев, политика которых вела к общему упадку экономики, к застою общественной жизни.

Наследие Ибн Хальдуна изучается во всем мире, его называют арабским Монтескье, отмечают сходство его взглядов со взглядами Макиавелли. Вокруг него вплоть до настоящего времени ведется ожесточенная идеологическая борьба, что свидетельствует об огромном значении его концепций. Значение трудов Ибн Хальдуна заключается в том, что основу исторического процесса, по его мнению, составляет не деятельность пророков и царей, а раз-

витие человеческого общества. Речь должна идти «о дикости, о цивилизованном состоянии», «о том, что приобретают люди своими трудами и стараниями», «о различных видах превосходства, которого одни люди достигают над другими». Общественную жизнь Ибн Хальдун рассматривал прежде всего как совместную производительную деятельность. Основной направляющей силой в истории человечества он считал материальную необходимость. Признаки (свойства), отделившие людей от животных, по мнению Ибн Хальдуна, заключаются в общественной жизни, основой которой является склонность людей к объединению и совместное удовлетворение своих потребностей. Ибн Хальдун считал, что «человек отделился от остальных животных благодаря своим особенностям, среди которых [отметим] науки и ремесла»[15].

Ибн Хальдун выдвинул свою периодизацию истории. По его мнению, человеческое общество в своем развитии прошло три «состояния»: 1) дикость; 2) жизнь в сельской местности, «ибо она предшествует всему остальному»; 3) стадия, начавшаяся с возникновения городов. Формирование городов Ибн Хальдун ставил в прямую связь с развитием производства, когда люди стали добывать жизненных благ больше, чем им необходимо, и до высшей степени совершенствовать ремесла и искусства. Основным критерием он считал присутствие в нем различных ремесел, которые удовлетворяют растущие потребности людей, в том числе и в предметах роскоши[16]. Жизнеспособность городов Ибн Хальдун тесно связывал с наличием вблизи них сельского населения и переселением его в города.

По мнению Ибн Хальдуна, «различия в образе жизни людей зависят только от различия способа добывания ими жизненных средств», а «нравы складываются под влиянием тех условий, кои окружают человека». Ссылаясь на известное изречение Аристотеля «человек по природе есть существо общественное», Ибн Хальдун обосновывал свой тезис о необходимости объединения людей, выводя ее из производственных нужд в добывании средств к жизни. Вся общественная жизнь им рассматривается прежде всего как совместная производительная деятельность людей. Значение объединенного труда не ограничивается простой взаимопомощью, он дает большую массу совместного продукта. В учении Ибн Хальдуна имеется мысль о разграничении необходимого и прибавочного продукта, необходимого и прибавочного труда. По его мнению, «если жители какого-то города или области распределяют весь

свой труд соразмерно своим насущным потребностям, то им достаточно небольшой части этого труда; остальная часть труда является избыточной... Благодаря этому они достигают известного богатства»[17].

Ибн Хальдун строго различал предметы потребления и достояния. Главным источником доходов и богатства он считал человеческий труд, ибо «всякий доход равноценен стоимости [затраченного человеческого труда]». Особое внимание Ибн Хальдун уделил сложному труду, связанному с операциями различных видов, подчеркивая, что, «если не было бы труда, не было бы и предмета». Развитие ремесел, искусств и науки он непосредственно связывал с ростом производительности труда. Однако, «когда труд жителей города превышает (по количеству) труд, необходимый для [произведения] средств к жизни, они, эти жители, обращают свой взор на то, что̀ выходит за пределы забот о средствах к жизни и что̀ присуще исключительно человеку, а это — науки и искусства»[18].

Ибн Хальдун близко подошел к проблеме эксплуатации, когда писал, что знатные и богатые пользуются плодами чужого труда. Ведь знатному человеку люди помогают «своим трудом во всем, в чем он нуждается», а «стоимость всех произведений [труда] составляет его доход, ибо труд, который обычно оплачивается, люди исполняют [для него], не получая взамен чего-либо равноценного этому труду»[19].

Ибн Хальдуну было известно простое товарное производство, и он оставил интересные мысли о товаре, роли рынка, ценообразовании и т. д. Он придавал большое значение демографическому фактору в жизни городов, в росте производительности труда, в совершенствовании ремесел и, в частности, ценообразовании. Ибн Хальдун высказывал чрезвычайно интересную мысль о зависимости цены на съестные припасы от массы товара, вынесенной на рынок, утверждая, что «если бы люди их не заготовляли впрок, опасаясь бедствий, кои могут наступить, то они продавались бы ниже своей цены и обменивались бы неравноценно...». Автор указывает, что «иногда в цену средств питания включается еще (стоимость) налогов и поборов, кои взыскиваются в пользу правителя на рынках и у городских ворот или взыскиваются сборщиками налогов». Всякого рода «незаконные поборы также способствуют дороговизне, ибо все торговцы включают в цену своих товаров все, что̀ они расходуют, в том числе и рас-

ходы на средства своего существования, так что поборы входят в стоимость и цену товаров»[20].

Колебания цен на любой товар, по мысли Ибн Хальдуна, зависели от спроса и предложения. От низких цен терпят убыток те, кто занимается продажей дешевых товаров. Однако «из всех товаров хлеб есть тот товар, на который желательна низкая цена, ибо потребность в нем всеобщая». Такая цена на хлеб «везде способствует улучшению жизни». Развитие и совершенствование ремесла Ибн Хальдун ставил в зависимость от спроса на ремесленные изделия. Рынок у него выступает как стимулятор производительности труда и совершенствования ремесленного производства, ремесло он уподобляет товару, «который имеет сбыт на рынке и предлагается для купли».

Во всех своих высказываниях Ибн Хальдун высоко ценил труд и целенаправленную деятельность человека. Общество для него в первую очередь было коллективом производителей материальных ценностей. Все потребительные стоимости, по мнению Ибн Хальдуна, создаются человеческим трудом. Это представляло значительный шаг вперед в развитии экономической мысли. Для того времени его трактовка потребительной стоимости имела большое значение. Ибн Хальдун спорил с другими мыслителями, которые в экономические проблемы, в понимание потребительной стоимости привносили этические мотивы.

Важное значение имеют мысли Ибн Хальдуна о стоимости товара. В основе торговли, акта купли-продажи, должен лежать принцип равноценного обмена, когда приравниваются равновеликие количества затраченного труда[21].

Большая историческая заслуга Ибн Хальдуна заключается в том, что он выдвинул понятие стоимости, опередив всех мыслителей древности и своего времени. Для него все «бóльшая часть того, чтó человек накопляет и из чего извлекает непосредственную пользу, [равноценно] стоимости человеческого труда». Все, что человек «приобретает в виде богатства — если это [изделия] ремесла,— равноценно стоимости [вложенного в него] труда», а «стоимость дохода определяется затраченным трудом, местом, которое занимает данное изделие среди других видов изделий, и необходимостью его для людей». В данном случае для Ибн Хальдуна приравнивание товаров выступало как форма приравнивания труда. Однако он не установил разницу между стоимостью и ценой. В стоимость товара включалась также стоимость сырого мате-

риала, средств труда, стоимость труда производителей промежуточных товаров. Как писал Ибн Хальдун, некоторые ремесла «включают в себя [труд] других [ремесел]; так, плотничество использует изделия из дерева, ткачество — пряжу, и [,таким образом,] труда в обоих этих ремеслах больше, и его стоимость выше. Если предметы (создаются) не ремесленным трудом, то в их стоимость необходимо включать стоимость труда, благодаря [затрате] которого они были изготовлены, ибо, если не было бы труда, не было бы и предмета»[22]. Однако Ибн Хальдун не смог раскрыть механизма одновременного создания новой стоимости и включения в нее уже существующей стоимости, созданной трудом других людей.

Наряду с земледелием и ремеслом Ибн Хальдун считал торговлю естественным способом добывания средств к жизни. «Товарами могут быть рабы, хлеб, животные, орудия или ткани. Прибыли человек добивается или накопляя товары и ожидая повышения цен на них, или перевозя их в другую страну, где эти товары в большем спросе, чем в той стране, где он их купил». Мыслитель выступает против спекулятивной торговли, особенно гневно осуждая спекуляцию хлебом, так как на положение нуждающихся высокие хлебные цены оказывают пагубное влияние.

В работах Ибн Хальдуна проблема денег занимает важное место. Он подчеркивает, что деньги являются основой доходов, накоплений и сокровищ, выступают и как мера стоимости. Ибн Хальдун ратует за обращение в государстве полноценных денег и обличает алхимиков, которые пытались искусственным путем получить золото[23]. Он обличал не только фальшивомонетчиков, но выступал и против правителей, которые неоднократно официально снижали содержание золота и серебра в монетах.

Как мы видим, арабский ученый XIV в. высказал много догадок и интересных мыслей, имеющих значение для политической экономии. Ибн Хальдун по праву занимает почетное место в мировой истории экономических идей.

4. Арабская экономическая мысль XVI—первой половины XVII в.

XVI век ознаменовал важные изменения в политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Арабские области, за исключением Марокко и некоторых районов Аравийского полуострова, были завоеваны и включены в состав Османской империи в ка-

честве провинций с различным статусом. Прежние политические, экономические и культурные центры арабских стран стали терять свое былое значение.

При оценке положения арабских стран в XVI—XVII вв. необходимо иметь в виду, что в этот период произошли коренные изменения в соотношении сил на складывавшемся мировом рынке. До этого времени европейское купечество практически не выезжало за пределы своего континента. С развитием европейских городов, с расширением товарно-денежных отношений в европейских странах возникла необходимость непосредственной торговли с Востоком, открытия его рынков, поисков новых путей в Азию в обход венецианской и арабо-турецкой монополии. Открытие европейцами нового пути в Индию и на Дальний Восток, новых источников драгоценных металлов нанесло серьезный удар торговле, положило начало колониальному порабощению стран Востока. Ближайшим следствием открытия пути вокруг Африки был экономический упадок средиземноморского региона.

В Османской империи имела место недооценка значения и возможных последствий европейской экспансии. Эта недооценка была в известной степени обусловлена военными успехами и расширением территориальных захватов Порты. Официальная экономическая концепция в Османской империи была основана на признании преобладающего значения земледелия в экономике. Ремесло и торговля рассматривались главным образом как объекты налогообложения. Поступления дани и налогов с обширных владений заслонили важнейшую задачу, возникшую в связи с новой расстановкой сил,— принять охранительные меры по отношению к ремеслу и торговле перед лицом европейской экспансии.

«Революция цен» в Европе оказала также отрицательное влияние на экономическое состояние Османской империи. Ее последствиями были подорожание продовольствия, главным образом зерна, обесценение местной монеты, увеличение налогообложения податного населения, ухудшение в целом экономического положения империи.

В этих условиях развертывается деятельность крупного арабского мыслителя Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани (или Ша'равии) (1493—1565). Абд ал-Ваххаб изучал право и богословие, занимался у самых выдающихся правоведов своего времени, вступил на путь суфиев. В 1551 г. был учрежден вакф в пользу нового медресе, куда был приглашен Ша'рани. Доходами вакуфных земель мог

пользоваться сам Ша'рани и его потомство. Тем не менее Ша'рани отличался большой скромностью в пище и в одежде. При медресе жили его последователи, к нему стекались толпы нищих и калек, которых он одевал и кормил.

Недоброжелатели из богословских кругов обвиняли Ша'рани во введении новшеств, которые не согласуются с Кораном и Сунной. Однако Абд ал-Ваххабу Ша'рани удалось отвергнуть эти обвинения. Помимо проповеднической деятельности он занимался научно-литературным творчеством. Известно, что он написал свыше 70 сочинений, часть которых не сохранилась.

Жизнь и деятельность аш-Ша'рани была тесно связана с простым народом, с крестьянами, ремесленниками, странствующими суфиями. Это обстоятельство наложило отпечаток на все его творчество. Он обличал тех богословов, которые пользовались своим влиянием для получения доходных должностей или совмещения нескольких должностей не только в разных мечетях, но и в разных городах. Выступал против незаконных поборов, которыми правители облагали земледельцев, ремесленников, купцов, против установления круговой поруки в деревне, против грабительской политики в отношении крестьян, когда помимо налогов они вынуждены правительственным агентам-чиновникам отдавать все: молоко, сало, птицу, скот. И «дело доходит до того, что им приходится продавать даже пряжу своих жен». Ша'рани рисует неприглядную картину жизни и в городах. Он пишет, что «купцы по три дня и более сидят без почина и с трудом добывают пропитание себе и своим семьям. Обремененные всякими обязательствами по уплате внаем торгового помещения и поборами в пользу должностных лиц, они в большинстве случаев живут за счет своего основного капитала».

Ша'рани видит всю пагубность налоговой политики властей, которые доводят до нищеты сельское население и лишают государство главного источника доходов. «Ведь известно, что именно села являются источником средств для существования городов и все, что привозится в города, идет из деревень»[24].

Хотя Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани выступал с резкой критикой незаконных, на его взгляд, действий правительственных чиновников, он все же считал, что нужно с должным почтением относиться ко всяким представителям власти, так как признавал божественное происхождение власти.

Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани с большой симпатией относился к трудящимся, заявляя, что ремесленников и земледельцев ставит выше лицемерных и корыстолюбивых шейхов. Однако при всех своих симпатиях к угнетенным и обездоленным аш-Ша'рани косвенно выступает за неприкосновенность частной собственности, чужого имущества, в то же время считая грехом, если кто-либо желает улучшить свое экономическое положение.

Аш-Ша'рани проповедовал необходимость каждому человеку заниматься земледелием, ремеслом или торговлей, вместо того чтобы просить подаяние от богатых и знатных или домогаться доходных должностей. По его мнению, лучше заниматься ремеслом, чем науками, даже религиозными, если человек не в состоянии построить свою жизнь в соответствии с принципами, почерпнутыми из этих наук. Всех своих последователей аш-Ша'рани призывал заняться каким-либо трудом, чтобы иметь собственный честный заработок, чтобы не находиться ни от кого в материальной зависимости. Честный труд предписывался всем без исключения, включая и суфиев. Примером может служить жизнь самого аш-Ша'рани. Дед его — благочестивый шейх — был земледельцем, его учитель имел лавку на базаре и торговал самолично. Абд ал-Ваххаб сам занимался ремеслом, жена его пряла, он ткал. По его мнению, истинный аскетизм заключается не в том, чтобы руки человека были свободны от мирских благ, а в том, чтобы сердце к ним не привязывалось[25].

Несомненной заслугой аш-Ша'рани является то, что состояние культурной жизни он связывал с условиями экономического развития страны, считая, что в условиях тяжелого экономического гнета, злоупотреблений и низведения крестьян и ремесленников до нищенского уровня не могут в полной мере развиваться науки и литература. Ша'рани в своих сочинениях сравнивает положение в Египте при турецком господстве с предшествующим временем и подчеркивает, что именно османское завоевание положило конец благополучию и открыло двери всякому злу. По его словам, ремесленников облагают такими налогами, которые превосходят доходы от ремесла, с крестьян взимают непомерные подати. С любой собственности, с домов, с земель могут взыскать налоги за год вперед, и в конце концов человек бывает вынужден воскликнуть: «Как счастлив тот, у кого нет никакого имущества!» Аш-Ша'рани показывает объективную действи-

тельность, однако он не в состоянии объяснить глубинные причины бедственного положения трудящихся.

При всей своей враждебности к угнетению, при своей симпатии и любви к угнетенным аш-Ша'рани все же остается на позициях пассивного протеста, советуя массам терпеть притеснения в надежде на царство небесное.

Итак, экономическая мысль в арабском мире в средние века достигла высокого уровня развития. Ее особенность состоит в том, что многие экономические воззрения нашли отражение в религиозной литературе, и прежде всего в Коране, одной из основных экономических идей которого является обоснование права частной собственности. Идеология народных масс также часто принимала религиозную форму — различных ересей и сект. На религиозной почве оставался и выступавший против угнетения народа Абд ал-Ваххаб. Вершиной экономической мысли в средневековом арабском мире стали труды Ибн Хальдуна, сумевшего освободиться от религиозных догм и подняться до понимания роли труда в создании стоимости.

Глава 16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

1. Средняя Азия

Образование самостоятельных среднеазиатских государств, усиление связей со странами Ближнего и Среднего Востока дали серьезный толчок дальнейшему развитию их науки и культуры. Средняя Азия в X—XII вв. превратилась в один из крупных центров передовой общественной мысли на Востоке. В этот период выдвигаются такие ученые с мировым именем, как Фараби, Ибн Сина, Бируни, Юсуф Хас Ходжиб, Низам аль-Мульк и многие другие. В их произведениях нашли отражение и экономические идеи. Правда, они еще не отделились от философских и всей совокупности общественных знаний, но представляют значительный интерес.

В воззрениях Фараби и Ибн Сины центральное место занимало учение о потребностях человека. По мнению Фараби (873—950), ученого-энциклопедиста, последователя Аристотеля, потребности человека являются первопричиной формирования общества. «По природе своей

каждый человек устроен так, что для собственного существования и достижения совершенствования он нуждается во многих вещах, которые он не может доставать себе один и для достижения которых он нуждается в некоем сообществе людей, доставляющих ему каждый в отдельности какую-либо вещь из совокупности того, в чем он испытывает потребности. При этом каждый человек по отношению к другому находится точно в таком же положении»— этот тезис о значении материальных потребностей для формирования общества, безусловно, имел прогрессивное значение по сравнению с религиозными взглядами на происхождение людей, объединенных в общество единством предка или рода. Подчеркивая при этом роль труда и орудий труда в производстве материальных благ, наличие различных видов ремесла, он резко выступал против рабства.

Однако Фараби не понимал решающей роли трудовой деятельности человека в возникновении общества. Мечтая о будущем, он считал тот город идеальным, который существует благодаря взаимопомощи и дружбе, составляющих необходимое и первичное условие достижения счастья; высказывал мысль о возможности создания на земле единого общества на основе взаимной помощи всех народов, о справедливом распределении продуктов. Но тезис Фараби не смог раскрыть экономической основы этой взаимопомощи — необходимость обмена продуктами труда. Важно отметить, что Фараби отводил экономическим вопросам второстепенное место. Это особенно заметно в его трактовке государства, основными функциями которого признавались установление справедливости и просвещение народа.

Абу Али ибн Сина (Авиценна) (980—1037) — один из выдающихся мыслителей средневековой Средней Азии, величайший ученый-энциклопедист и гуманист — родился близ Бухары, жил и занимал должность врача и везира при различных правителях в Средней Азии и Иране. Он известен во всем мире прежде всего как гениальный ученый в области медицины. Однако его огромное научное наследие охватывает почти все отрасли знаний. Из 280 известных до сих пор его работ 185 трактатов — по философии, логике, психологии, этике и по социально-политическим наукам, в которых он продолжает традиции восточного аристотелизма. Ибн Сина интересовался и экономическими вопросами. Его экономические воззрения наряду с такими сочинениями, как «Трактат о домо-

водстве», «Психология», изложены во многих философских произведениях. Интересными являются рассуждения о человеческих потребностях, о значении труда и его решающей роли в материальном производстве. По мнению Ибн Сины, «животное довольствуется дарами природы, а человеку даров природы недостаточно, он нуждается в пище, одежде, жилище. Животное просто присваивает себе дары природы, а человек своим трудом производит себе пищу, одежду и жилище. Для этой цели человек должен заниматься земледелием и ремеслом. Животные хотя и живут стадами, но могут жить и в одиночку, люди же не могут в одиночку добыть себе все средства к жизни, поэтому люди нуждаются в общении и взаимопомощи; для общения людям служат язык и мышление»[1].

Ибн Сина интересовался многими вопросами экономики феодального общества. Предметом его особого внимания было ремесло, которое он считал основой существования общества. «Нужда человека,— писал он,— в поддержании своих сил и в пище обусловила стремление всех к приобретению ремесла». Он понимал ремесло в широком смысле. В «Трактате о домоводстве» Ибн Сина дает следующую классификацию ремесленников: 1) разумные ремесла (политики и правители); 2) ремесла высокого искусства (писатели, астрономы, врачи и т. д.); 3) художественные ремесла (живописцы, скульпторы и др.).

Особый интерес представляет его рассуждение о балансе доходов и расходов в рамках не только семьи, но и города, даже государства. По его мнению, необходимо достигнуть сбалансирования доходов и расходов с учетом выделения средств для образования резервов на случай стихийных бедствий или войны.

Взгляды Ибн Сины на идеальное государство характеризуются следующими признаками: 1) все обязаны трудиться для собственной пользы; 2) все материальные блага в этом государстве должны распределяться равномерно, таким образом, чтобы не было баснословного богатства и ужасающей нищеты; 3) поскольку все люди будут заниматься честным трудом и честно торговать, то некому и незачем будет воевать и войны исчезнут, а политические споры между государствами будут решаться мирным путем; 4) в идеальном же государстве люди будут всем обеспечены и поэтому перестанут противодействовать друг другу, возлюбят жизнерадостные песни и мелодии и долго не будут стареть.

Во взглядах Ибн Сины на идеальное государство много общего с высказываниями Платона в «Законах», Аристотеля в «Афинской Политии», Фараби в «Трактате о взглядах жителей добродетельного города». Однако внимательный анализ показывает, что Ибн Сина во многом преодолел влияние Платона и Аристотеля. Он отвергает рабовладельческий иерархический порядок государства Платона и не принимает рабовладельческой демократии Аристотеля. По своим государственно-правовым взглядам он ближе к Фараби. В то же время Ибн Сина недооценивал значение земледелия, придерживался метафизических взглядов относительно деления общества на слои и группы. «Различие по [имущественному] положению и по занимаемой должности,— писал он,— является причиной незыблемости [общественной] жизни людей»[2].

Бируни (973—1048) — современник Ибн Сины, один из крупнейших среднеазиатских ученых-энциклопедистов, родился в Хорезме, но бóльшую часть жизни провел в Газни. В своих трудах, исходя из объективного факта взаимодействия человека с окружающим его миром, он показал решающее значение труда для человека. Поэтому «цена каждому человеку в том, что он превосходно делает свое дело». Ведь именно при помощи «усердного труда» человек обеспечивает себя средствами существования, распределяет их в соответствии со своими потребностями и тем гарантирует определенную продолжительность жизни. Бируни развивал учение Фараби и Ибн Сины о факторах формирования общества. Необходимость объединения людей он объяснял тем, что только сообща они могут противостоять силам природы. Как писал Бируни, «человек вследствие множества его потребностей и малости воздержанности при лишении средств защиты и обилии врагов неизбежно был вынужден объединяться со своими сородичами в целях взаимоподдержания и выполнения каждым работ, которые обеспечили бы и его, и других». Однако не все в обществе занимают «одинаковое положение, хотя и работают друг на друга; существует принудительный труд, который осуществляется посредством насилия и найма». При этом он осуждает принудительный труд.

Заслуга Бируни в развитии экономической мысли народов Средней Азии заключается в том, что он впервые исследовал происхождение, функции и значение денег, считая, что происхождение их связано с увеличением и неодновременным возникновением потребностей в продуктах и работы производителей друг на друга. Это в свою

очередь обусловливает обмен между ними. Но обмен требовал установления общего мерила для определения цен и эквивалентности. Этим мерилом стало золото, потому что оно встречается редко, сохраняется долго, восхищает людей своим видом, поддается укрупнению и уменьшению, используется для изделий разного рода «при неизменности его материи и сущности». По мнению Бируни, роль денег состоит в том, чтобы выразить отношение между затраченным трудом и произведенным продуктом. Такое понимание роли денег (больше труда — больше денег) значительно превосходит суждения Аристотеля, который видел в них меру стоимости и средство обращения, но не замечал связи между трудом и стоимостью. Трактуя функции денег, Бируни особое внимание обращал на превращение их в сокровище, когда люди перестают ими пользоваться и они возвращаются к «их первоначальному положению в недра земли», что равносильно возвращению плода в материнское чрево[3].

В то же время Бируни признавал необходимыми накопления в государственной казне и использование ее средств для выполнения функций государства. Бируни считал, что с помощью золота может быть достигнута любая цель, но осуждал «неестественное» обращение с ним, его обоготворение. Интерес представляют его мысли о соотношении пропорций обмена золота и серебра, об определении цен драгоценных камней, по некоторым другим вопросам.

В развитии экономической мысли народов Средней Азии феодальной эпохи значительную роль сыграл Юсуф Хас Ходжиб (Юсуф Баласагуни) — видный поэт и мыслитель XI в., живший в период господства Караханидов. Свои экономические взгляды он изложил в произведении «Кутадгу-билиг» («Знание, дарующее счастье») (1069). Его взгляды во многом совпадали с идеями Бируни, хотя автор не был знаком с его сочинениями. Подчеркивая роль труда для развития общества, Ходжиб заявил, что «человек, не приносящий человеку пользы,— мертвый» и «не жалко прожитые годы, а жалко затраченный труд». Ходжиб не ограничивался характеристикой труда в целом, а обращал внимание на важность разделения труда, отмечая особенности и характер материальных благ, которые создаются земледельцами, скотоводами, ремесленниками. Подчеркивалось, что именно труд крестьянина кормит и одевает всех живых, которые в состоянии двигаться, а скотоводы хотя не располагают недвижимым имущест-

вом, но воспроизводят стада лошадей, верблюдов и других животных, которые используются для питания и одежды, в качестве средств транспорта. Вместе с тем ремесленники создают нужные для жизни вещи. Заслуживает высокой оценки труд ученых. Однако торговцы думают только о прибыли, их основная цель — увеличение личного богатства. Они, странствуя по отдельным странам, пекутся только о своей выгоде. Для торговцев самыми дорогими являются золото и серебро. Правда, с помощью золота можно превратить невоспитанного человека в вежливого, упрямого — в сознательного.

Ходжиб отмечал функции денег как меры стоимости, средства обращения, средства сокровища. По его мнению, сила государства не только в численности армии, но и в ресурсах казны. Но государи не должны увлекаться накоплением драгоценностей, следует расходовать казенные средства в интересах народа. Автор излагал своеобразный утопический проект создания идеального государства, в котором нет противоречий, каждый находится на своем месте, выполняет общественные обязанности. Для этого необходимо лишь вести государственные дела на должном уровне. Достигнуть этого возможно, если правитель обладает разумом, знаниями, рассудком[4].

Представителем экономической мысли народов Средней Азии этого периода был везир сельджукских султанов Низам аль-Мульк (1017—1092). Его сочинение «Сиасетнаме» («Книга о правлении») было посвящено вопросам государственного устройства и управления, обязанностям отдельных наместников и служащих. Но в нем трактовались также экономические вопросы. В частности, указывалось на расточительство государей, злоупотребление эмиров, чиновников и судей, на увеличение тяжести обложения, важность упорядочения хранения и использования государственных средств, ведения должной отчетности, осуждалось насилие над крестьянами и т. д. В «Сиасетнаме» давались рекомендации по устранению многих пороков феодального государства[5].

Ко второй половине XV в. относится деятельность Алишера Навои — великого узбекского поэта, мыслителя, ученого-энциклопедиста и государственного деятеля. Навои (1441—1501) жил в Герате, был везиром тимуридского султана Хорасана. Это был период обострения внутренних и внешних противоречий, хозяйственного упадка тимуридских владений. Из 22 произведений Алишера Навои, в которых содержатся его экономические идеи, осо-

бый интерес представляют «Вакфийя» (дарственная запись на построенные Навои общественные учреждения), «Муншаот» («Назидательное завещание наследнику престола о руководстве страной»), «Махбуб уль-кулуб» («Возлюбленная сердец»), а также поэмы, в том числе «Фархад и Ширин», в которых изложены основные мысли о социально-экономическом устройстве человеческого общества[6]. По мнению А. Навои, главный источник материального богатства — труд земледельца и ремесленника. При этом решающее значение он придавал труду крестьянина, ибо он «сеет зерно, разрывает землю, открывает путь хлебу насущному», а потому «процветание мира — от него, радость обитателей мира — от него». В художественном произведении «Фархад и Ширин» показывалось огромное значение ирригационных сооружений для процветания страны. Однако горные скалы создавали большие трудности при строительстве каналов. Описывая титанический труд Фархада, Навои мечтал о громадном повышении производительности труда в будущем, причем посредством усовершенствования орудий труда, изобретения механизмов[7].

Отмечая роль труда в создании богатства, Навои считал, что «богатство — это благо только в том случае, если им пользуется весь народ». Между тем преобладающей частью богатства владели представители феодальной знати.

По мнению Навои, источником обогащения царя являются налоги, но они разоряют народ. Он требовал установления справедливой налоговой системы. Навои обличал и клеймил купцов, чиновников, духовенство, показывал их паразитизм. Значительное место в произведениях Навои уделялось финансам феодального государства. Выступая против расточительства, он рекомендовал использовать финансовые ресурсы в интересах народа, в частности для строительства ирригационных сооружений, учебных заведений и благоустройства городов. Всего этого можно достичь, по мнению Навои, с помощью справедливого правителя в государстве, где действуют справедливые законы.

В это же время в Герате жил замечательный поэт, крупнейший мыслитель и классик персидско-таджикской литературы Абдурахман Джами (1414—1492). Он также мечтал о справедливом правителе, ошибочно полагая, что существующие в обществе добро и зло обусловлены лишь субъективными свойствами личности монарха. Поэтому

достаточно, чтобы во главе государства встал справедливый и просвещенный правитель с благоразумными советниками, и тогда будет положен конец социальной несправедливости и страна достигнет процветания. В то же время в своих произведениях А. Джами резко осуждал насилие, разоблачал нечестивые источники богатства господствующего класса.

Большой интерес представляет «Книга мудрости Искандера», где Абдурахман Джами излагает свои мечты о лучшем будущем, о появлении свободного и процветающего города.

То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легок, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война[8].

В историю экономической мысли народов Средней Азии вошли и произведения Бабура Захиреддина Мухаммеда (1483—1530) — известного государственного деятеля, талантливого поэта, историка, мыслителя. В своем автобиографическом произведении «Бабур-наме» он касается ряда экономических вопросов. Бабур стал автором экономического произведения «Мубайин», которое писалось как руководство по взиманию налогов, где в связи с недовольством народных масс и разорением Кабульского округа излагались принципы налоговой системы, определялись порядок взимания и размер каждого налога[9].

К числу среднеазиатских мыслителей, живших за пределами Средней Азии, относится Мирза Бедиль. Он родился в 1664 и умер в 1721 г. в Индии. Бедиль был философом и поэтом, но затрагивал и вопросы экономики. Свои экономические взгляды он изложил в поэме «Ифрон» («Познание»), где утверждалось, что потребность и необходимость заставили человека заняться земледелием, и эта отрасль стала первым занятием человека. Именно земледелие впервые сделало человека оседлым. Крестьянство признавалось самым благородным классом из всех общественных групп. Зато богачи третировались как жадные мошенники, сравнивались с вредителями сельскохозяйственных растений. В итоге крестьяне, «трудясь круглый год, не могут получить по своей воле не только зерна, но даже соломы».

Бедиль осуждал деспотизм правителей, поскольку государство служит интересам жадных и богатых людей. В сочинении «Комде и Модан» восхвалялась защита угнетенных. По мнению Бедиля, каждая профессия имеет свои достоинства и особенности, пренебрежение к любому ремеслу является низостью, а человек, не занятый трудом, так же бесполезен, как раковина без жемчуга[10]. Однако социальная ограниченность не позволила Бедилю подняться до понимания роли классовой борьбы. Он, как и его предшественники, мечтал о справедливом будущем, которое обеспечит просвещенный монарх, содействующий развитию экономики, науки и культуры, а на этой основе и благосостоянию народных масс.

Противоречия феодализма в Средней Азии особенно усилились после образования ханств в XVI в. В Бухарском ханстве повсюду процветали произвол, взяточничество и незаконные поборы. При правлении Субханкули-хана налоги и сборы взимались с населения за семь лет вперед, что приводило к постоянным народным восстаниям. Поэтому, выступая активно на стороне восставших, поэт Турды (живший во второй половине XVII в.) разоблачал социальные язвы Бухарского ханства. Вот что он писал о бухарском эмире:

Побором, воровством и тысячами бед
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет.
Есть деньги или нет, одет ты иль раздет,
Плати ему налог за много лет[11].

Состояние экономической мысли в Туркменистане получило отражение в произведениях Азади, Махтумкули и их последователей, которые жили в XVIII в., в условиях борьбы туркменских племен против агрессии иранского правителя Надир-хана. Основным произведением Азади (1700—1760) является «Вагзи Азад» («Публичные выступления Азади»), имеющее общественно-политическое, философское и экономическое значение. Анализируя нищенское положение большинства туркмен, Азади приходит к выводу о том, что выход из бедственного положения требует создания единого централизованного государства путем объединения туркменских племен во главе со справедливым царем. Только сильное государство может отстоять свою независимость, прекратить разорение со стороны врагов и создать необходимые условия для развития экономики. Однако он не понимал классового характера государства. Он полагал, что только установление спра-

ведливых порядков сверху может ликвидировать произвол богатых над бедными. Туркмены в основном занимались скотоводством. Тяга туркмен к оседлому образу жизни усиливается в XVII — XVIII вв. Азади в земледелии видел главный источник благополучия народа. По мнению Азади, важнейшей функцией государства должна быть забота о земледелии, которое является главным источником средств существования и основой экономики. Как полагал Азади, «эмир должен обязывать народ заниматься земледелием, от него получает пользу и бедный и богатый». Такое утверждение имело прогрессивное значение, так как на протяжении веков туркмены занимались только скотоводством, скот считался главным богатством. Одновременно государство должно поощрять внутреннюю и внешнюю торговлю. Азади выступал за справедливую налоговую политику и против ростовщичества, считая, что налоги должны взиматься с учетом благосостояния человека. Однако он не понимал, что осуществить эти мероприятия в рамках феодального общества невозможно.

Экономические воззрения Азади получили дальнейшее развитие в поэтических произведениях его сына Махтумкули (1733—1792), который по-новому ставил вопросы объединения туркмен, осуждал концентрацию богатства в руках господствующего класса, сопровождающуюся насилием над народными массами, разоблачал порочность и несправедливость феодальных порядков. Он резко осуждал стяжательство, накопление сокровищ, ростовщичество. В стихотворении «Будущее Туркменистана» Махтумкули выражал твердую уверенность в том, что народ своей борьбой и трудом добьется лучшей жизни, горы превратит в драгоценные камни, хозяйство обеспечит изобилием, не будет знать нужды и бедствий[12].

2. Азербайджан, Армения, Грузия

Азербайджан. В эпоху раннего средневековья и зарождения феодализма в конце V — начале VI в. Азербайджан был одним из центров крупного социального движения, возглавляемого Маздаком, в государстве Сасанидов. Маздак (50-е годы V в.— 528/529) — основоположник религиозно-философского учения, получившего название маздакизма, по происхождению иранец, к концу жизни, видимо, верховный жрец Ирана. Его учение, ставшее идеологической основой движения, доказывало, что «бог создал свои блага для того, чтобы люди поровну де-

лили их между собой. Но люди совершают несправедливость по отношению друг к другу. Поэтому имущество должно быть отнято у богатых и распределено между бедными».[13] Имущественное неравенство, по мнению Маздака, возникло вследствие насильственного захвата кучкой людей естественных благ — земли, воды, недр, являющихся общим достоянием. Маздак возглавил революционное движение против феодализирующейся знати, но оно было жестоко подавлено.

В Азербайджане, вошедшем в Арабский халифат и ставшем мусульманским (VII — VIII вв.), идеи маздакизма возродились в проповедях хуррамитов, боровшихся против арабского владычества и ислама. Основатели этого движения Джавидан и Бабек (ок. 798 или 800—838) главную причину всех социальных бедствий и несправедливостей видели в крупной земельной собственности, в господстве феодальных эксплуататоров. Поэтому хуррамиты призывали народ к борьбе за освобождение от феодального гнета, установление имущественного равенства и справедливое распределение земли между крестьянами.

В условиях начавшегося распада империи Сельджуков (XII — нач. XIII в.) в Азербайджане жили выдающиеся деятели в области культуры — философ Бахманяр, философ и филолог Хатиб Тебризи, поэты Низами, Хагани и др.

Примечательны экономические воззрения Низами Гянджеви (1141—1203). В своих произведениях он обличал пороки общества, богатство одних и нищету других, угнетение народных масс, несправедливость и насилие, чинимые над ними. Низами сочувствовал борьбе угнетенных масс против феодального гнета, презирал праздное богатство и роскошь, ненавидел поработителей и угнетателей, защищал бедных, угнетенных. Низами воспевал труд, его творческую силу, считал, что труд гарантирует человеку материальное благополучие, гордость и достоинство, ибо в труде все люди равны. Низами провозгласил идею борьбы за лучшее будущее, надеясь на «силы разума». В своей поэме «Искандер-наме», развивая идею социального равенства, он создал социальную утопию. В некой стране на севере, которую описал Низами, существует идеальный общественный строй, основанный на всеобщем равенстве, там нет знатных и низких, бедных и богатых. Все люди трудятся, существует уравнительное распределение средств потребления. Там нет войн и царит вечный мир.

Известный современник Низами, выдающийся азербайджанский поэт XII в. Афзаладдин Хагани Ширвани (1120—1199) в своих произведениях также сочувствует людям труда и с презрением относится к феодалам, называя окружающий его мир «домом угнетения», ибо «блага принадлежат подлым, а казна — ничтожным»; «у кого есть богатства, у того нет благородства, а у кого есть благородство, у того нет богатства». Он разоблачал вымогательство феодалов и их ставленников, позорные дела представителей духовенства и высших чиновников, называл шахов «угнетателями по профессии». Обращаясь к угнетателю, Хагани писал: «Остерегайся гнева угнетенных, льющих потоки кровавых слез; их кара застигнет тебя спящим на ложе. Ищи себе спасения от дурной судьбы, ибо тебя преследует угнетенный, от вздохов которого дрожат небеса». Обращаясь к угнетенным, автор восклицал: «Смой кровью кровь!» Хагани презирал культ богатства, ненавидел богачей, накопивших добро путем обмана других, призывал богатых к щедрости, к оказанию помощи бедным и обездоленным, высоко оценивал труд, ибо он облагораживает человека.

После распада государства Чингис-хана в 50-х годах XIII в. Азербайджан оказался в составе государства ильханов чингисидской династии Хулагуидов, в которое входили также Иран, Афганистан, страны Закавказья, Ирак и восточная часть Малой Азии. В Азербайджане тогда жил выдающийся ученый астроном и математик Мухаммед Насираддин Туси (1201—1274), перу которого принадлежит известный «Трактат о финансах», где дается полное изложение основ финансовой политики феодального государства. В нем автор высказывает ряд оригинальных идей, в частности о том, что при обложении крестьян налогами следует учитывать доходность земли и имущественное положение налогоплательщиков. Сам размер налога должен быть установлен заблаговременно, чтобы крестьянин мог знать, какая доля урожая подлежит отчуждению. Бедняки (с учетом прожиточного минимума) могли быть освобождены от налогов. Туси указывал на необходимость составления кадастра и его проверки, конфискации необработанных земель. Туси проводил разграничение доходов и расходов государя и доходов и расходов государства, допускал обложение наследства дальних родственников правящей династии, ратовал за выдачу государственных пособий бедным, вдовам, инвалидам. Туси

развивал идею своеобразной классификации государственных доходов и расходов.

Выдающийся ученый второй половины XIII — начала XIV в. Рашидаддин (1247—1318), бывший везиром у Газан-хана из династии Хулагуидов, известен как горячий сторонник социальных реформ в государстве. Принадлежащий перу этого ученого «Сборник летописей» содержит много ценного материала, характеризующего экономические отношения. Особенно интересным является содержание 40 рассказов о реформаторской деятельности Газан-хана (1295—1304), в частности о регулировании земельных отношений, упорядочении налогового дела. Автор дает критический анализ налоговой системы, говорит о страданиях народа, причиненных ему всякого рода вымогательством хакимамов (сборщиков податей), объясняет причины разорения массы населения и истощения государственной казны. По сообщению этого ученого, в конце XIII в. в силу нехватки средств для покрытия растущих государственных расходов ильханы начали выпускать бумажные деньги (чав), в связи с чем прекратилась чеканка серебряных и золотых монет. Но появление ничем не обеспеченных бумажных денег привело к инфляции и полному расстройству торговли. Цены возросли в 10 раз, так как торговцы отказывались продавать товары за бумажные деньги.

Экономические идеи Насираддина Туси и Рашидаддина отражали идеологию господствующего класса эпохи феодализма.

Армения. В средние века армянский народ был лишен самостоятельной государственности и боролся против ига иноземных поработителей. Доминировали идеи освободительной борьбы, но освещались и экономические явления. Так, армянские историки отмечали значение материальных благ, трудовую деятельность народа, важность сельского хозяйства, ремесла, строительного дела. В частности, Лазарь Парбеци (V в.) приводил интересные данные об отраслях экономики. Он начинал свою «Историю Армении» с описания природных богатств страны, условий развития сельского хозяйства и тех благ, которые создаются трудом крестьян, обрабатывающих плодородную землю Арарата. Автор «Истории Армении» Мовсес Каганкатваци (VIII в.) отмечал, что плодородные поля страны дают «много хлеба, вина, нефти и соли, шелка и хлопка, на них растет несметное число оливковых деревьев, а в горах добывают золото, серебро, медь и охру».

Важность сельскохозяйственного производства подчеркивается и Фавстосом Бузандом (V в.). Мовсес Хоренаци (V в.) высоко оценивал в «Истории Армении» роль ремесла в экономическом развитии страны. Он с восхищением говорил о предпринятом царицей Шимирам строительстве. В рукописных источниках раннего средневековья вопросы развития церковного хозяйства освещаются весьма широко. В работе «История Армении» Агатангел (V в.) восхвалял царя Трдата, благодаря которому христианская церковь вскоре стала одним из крупнейших землевладельцев Армении.

Для освещения вопросов экономического развития в период раннего феодализма важное значение имеют труды известного математика, географа Анании Ширакаци (VII в.). В своей работе «География» он обстоятельно характеризует отрасли производства и занятия населения Армении, основные виды продукции, вывоз значительной ее части.

О широком распространении ростовщичества в Армении свидетельствуют речи и статьи Иоанна Майраванеци (VII в.). Он считал ростовщичество противоестественным, антиобщественным явлением и полностью его отвергал, ибо ростовщики «столь безбожны, столь беспредельны взимаемые им проценты, что даже силой требуют дитя от бесплодной женщины, желают получить плоды от скал, урожай, не засеяв его, требуют приплода от самцов, желают выдоить молоко из камней и получить шерсть с тех же камней». В сочинении «О Вардане и войне армянской» Егише (V в.) осуждал и налоговую политику иноземных угнетателей, «ибо, с чего следовало брать в размере ста дахеканов, взимали вдвойне». «Кто же может хотя бы рассказать о тяжести мута и сака, бажа и хаса с гор, полей и лесов?! Они это взимали не так, как подобает царскому достоинству, а по-грабительски». Эти мысли развивал историк Гевонд (VII в.), указывая на грабежи арабских властей. В результате для того, чтобы избавиться от сборщиков налогов, «население пряталось в пещерах и ущельях страны, а некоторые бросались с круч и избавлялись от невыносимых бедствий».

Период развитого феодализма оставил интересные высказывания армянских историков об использовании орудий производства, разделении труда, развитии отраслей материального производства. По свидетельству армянских историков Ованеса Драсханакертци (889—931), Т. Арцруни (X в.), Степаноса Орбеляна (XIII — XIV вв.), Матево-

са Урхаеци (XII в.) и др., в крупных феодальных хозяйствах широко использовались усовершенствованные для того времени сельскохозяйственные орудия и большое число тягловых животных. В трудах армянских историков содержится богатый материал о развитии ремесленного производства. Считалось, что в подобных условиях становилось бессмысленным накопление сокровищ. Киракос Гандзакеци (1200—1271) в своей «Истории» отвергал накопление сокровищ богачом Шахнишахом, которому противопоставлял крупного торговца Умека, увеличивавшего свое богатство путем торговли. Армянские историки, будучи идеологами господствующих классов, в то же время выступали с критикой пороков феодального общества.

Изучение экономики периода расцвета феодализма большое место занимает в работе знаменитого правоведа Мхитара Гоша (XII в.). В его «Судебнике» обстоятельно освещаются вопросы рационального ведения церковного и светского помещичьего хозяйства; упоминаются все три формы феодальной ренты; господствующей признается продуктовая, поскольку барщинная система стала невыгодной для феодальных княжеств. Гош замечал, что развитие церковного и светского феодального хозяйства порождало социальные противоречия и классовую борьбу, считал это серьезным препятствием для нормального развития общества.

Значительное место в «Судебнике» уделено вопросам урегулирования трудовых отношений. Выделялись два главных вида работников — зависимые и свободные. Автора особенно интересовал уровень оплаты наемных работников. Он рекомендовал выдавать плату наемному работнику в конце дня, так как «нанялся он вследствие бедности, из-за нужды дня». Эта плата — единственный источник его существования, способный едва удовлетворить насущные потребности. Вместе с тем «присуждать плату следует, сообразуясь с изобилием или скудостью урожая». Гош подчеркивал необходимость общественного разделения труда, считая это важнейшим условием благосостояния общества, поскольку разделение труда обеспечивает производство большего количества материальных благ. К этому примыкала классификация отраслей общественного производства, занимающая в труде Гоша значительное место. Автор указывал на важность земледелия и ремесла как источников обогащения государства. Преимуществом земледелия он считал то, что им занимается мно-

жество людей. Среди ремесел предпочтение отдавалось обработке железа и дерева.

В богатой литературе, созданной в этот же период, центральное место занимают труды Григора Татеваци (1346—1409), философа и естествоиспытателя, носящие энциклопедический характер, в которых богословские проповеди сочетались с ценными толкованиями различных философских проблем и анализом социально-экономических явлений. Татеваци в своей «Книге проповедей» подчеркивал важность потребительной стоимости товара, потребности людей делил на две группы — по степени важности, различая потребности первой необходимости и «роскоши». Соответственно с этим и материальные блага делились им на две части. К благам первой необходимости относились огонь, вода и т. д., к предметам роскоши — те, от отсутствия которых человек не умрет (серебро, золото, драгоценные камни, жемчуг и т. д.).

Григор Татеваци столь активно выступал против власти денег, что даже пытался вообще отрицать потребительское значение серебра и золота. Но Татеваци понимал, что золото и серебро помимо удовлетворения потребностей в роскоши имеют и экономическое значение, ибо, «продавая серебро и золото, мы можем купить еду, питье и т. д.». Следовательно, эти благородные металлы нужны не только как украшения или как материал для их изготовления, но и как всеобщие ценности, на которые можно приобрести всевозможные товары. Категория меновой ценности для Татеваци существует лишь в золоте и серебре. В остальных товарах он отмечает только их потребительское значение.

При исследовании экономических вопросов отправной точкой для Татеваци во всех случаях являются потребности человека. По различным поводам подчеркивалась важность материальных благ и труда в жизни человека и общества. «Заниматься физическим трудом необходимо всем,— пишет Татеваци,— поскольку человек нуждается в пище и одежде. Без работы мы останемся голодными и неодетыми». Нужда является стимулом организации производства, разделения труда, развития искусства и науки. В сочинении «Книга, называемая Златым Чревом» говорилось, что стремление к творческой работе рождается вместе с человеком, который не может «скрыть это стремление в себе, оно всегда волнует его и вынуждает к труду». Общественный характер труда и его творческое значение подчеркиваются Татеваци, ибо труд человека

«осуществляется при помощи добровольных взаимоотношений множества людей», благодаря чему «создается и существует общество» («Книга проповедей»).

Как свидетельствует «Книга проповедей», Татеваци считал творческий труд свойством только человека, отличающим его от животного. Сравнивая труд человека с усилиями муравья, Татеваци выявляет ряд различий, указывая, что муравей —«неразумное насекомое, а человек — разумное и мудрое существо», стимулом деятельности муравья является лишь инстинкт самосохранения, а труд человека заранее обдуман с напряжением всех его нервных сил. О ремесленниках Татеваци писал, что они «сначала представляют мысленно то, что должны сделать, а потом осуществляют это». Так, «храм создается дважды — сперва в уме зодчего, а затем при сооружении храма». Кроме того, «муравей не имеет орудий труда — ни рук, ни волов, ни железа или других вещей, а человек имеет». Изготовление и использование орудий труда Татеваци правомерно считает большим достижением человека, которого животные лишены.

Третьей особенностью человеческого труда признавалось то, что он носит общественный характер, ибо «человек по своему строению не может быть изолированным. Он нуждается в помощи себе подобных. Известно, что в селах и городах люди объединяются и удовлетворяют нужды друг друга». Если для животных «труд» носит принудительный характер, ограничивается сохранением физического существования, то в человеческом труде Татеваци обнаруживал также нравственные и социальные элементы: «Нетрудящийся человек всегда тяжелеет, слабеет телом и теряет здоровье. Поэтому нам дается совет — мужаться в труде, который весьма полезен людям». Трудящегося человека Татеваци противопоставлял тунеядцу как социальному злу.

Труд он считал источником не только материальной, но и духовной жизни, так как «без труда мы не имели бы ни телесной, ни духовной пищи», причем, «если не будет телесного, не будет и духовного». Подчеркнутые нами слова показывают понимание мыслителем значения производства материальных благ для создания и развития общественной жизни, в том числе и духовной культуры общества.

По мнению Татеваци, все виды деятельности соизмеримы. Торговля, ремесло, наемный труд, ссуда могут осуществляться по справедливости и взаимной пользе в тех

мерах, которые видимы и ощутимы или обладают конкретной определенностью. Меры веса, объема и длины созданы для справедливого обмена. Хотя значительная часть сделок не может быть взвешена или измерена локтем, но эти сделки также имеют определенные единицы измерения, например цены, стоимость и «общественную таксу». Поэтому люди должны быть «справедливы во время торговли в размере и весе, ремесленники, работники и наниматели в своем деле также должны быть взаимно справедливы. При торговле нельзя повышать или понижать цены, а надо судить по их стоимости». Таким образом, при меновых сделках мера и вес используются для сохранения законности в определении качества товаров, а стоимость и цена выражают уже меновые отношения, необходимость измерения которых очевидна для Татеваци. Он требовал, чтобы товары продавались по своей стоимости, уровень цены товара ставил в зависимость «от высокого качества материала, дорогостоящего». Это означает, что им замечалась роль самой стоимости. В «Книге проповедей» Татеваци различает три источника прибыли — сельское хозяйство, промысел и торговлю, а среди получателей —«три группы: во-первых, земледельцы, садоводы, скотоводы и подобные им; во-вторых, ремесленники, работники, наемники; в-третьих, купцы. Первые имеют прибыль от результатов производственной деятельности, вторые — по своим достоинствам, третьи — по своим услугам. В первом случае прибыль — от честного труда, во втором — от дела, в третьем — от затраты времени». Деньги, вложенные в эти три области, возвращаются хозяину, увеличенные на сумму прибыли. Татеваци показывал, что источником прибыли является производство; в сельском хозяйстве «прибыль получается от продуктов», в промышленности —«от труда». Означает ли это, что в сельском хозяйстве отрицается роль труда как источника богатства? Отнюдь нет, но наряду с трудом действует природа. Поэтому «земледелие превосходит все другие занятия», земледельцы «дают больше продукции, чем другие люди» (Книга проповедей. Летний том. С. 112, 110).

Если торговая прибыль является результатом общеполезной деятельности торговцев, то она оценивается как справедливый и честный доход. В иных случаях прибыль торговцев вместе с ростовщическим процентом приравнивалась к грабежу, чинимому ворами и разбойниками.

Большинство экономических идей Татеваци получило дальнейшее развитие в рукописях его ученика Матевоса Джугаеци (XV в.). Развивая высказывания своего учителя об отличительных чертах человеческого труда, Джугаеци показывает роль труда в процессе происхождения человека. «Человек действует двумя способами — он ногами ходит, руками занимается мастерством; животные лишены рассудка, для того чтобы заниматься ремеслом, им руки не нужны. А человек владеет мудростью, знанием, ремеслом и делом, для которых нужны руки. Поэтому и возникла необходимость стать на две ноги». Трактуя вопросы организации производства материальных благ, Джугаеци отмечает наличие трех элементов производства, характеризует их назначение и подчеркивает главную роль личного фактора, самого человека, который, вооружившись орудием производства, изменяет предметы труда и производит нужные материальные блага. Ведь для приведения в действие орудий производства требуются «руки, глаза, уши и стойкие части тела, плюс к ним — совершенство знания дела».

Будучи идеологами феодального общества и выступая с позиций защиты интересов господствующих классов, передовые мыслители того времени, однако, критиковали наиболее вопиющие пороки этого строя. Джугаеци разоблачает, в частности, жадность эксплуататорских классов. Грабеж созданного трудящимися богатства совершается явно и открыто. Князья и прочие феодалы, пишет он, «грабят бедноту и притворяются, как будто они больше дают, а фактически они дают беднякам лишь часть созданного ими богатства, а остальное забирают себе». Так, «дневная оплата поденщика составляет один дехкан, и он не может что-либо сэкономить на завтра, так как на день еле хватает».

Значительной заслугой Джугаеци в области развития экономической мысли являются его идеи об уровне товарных цен и необходимости эквивалентного обмена. Джугаеци замечал различие между естественными благами и товарами, произведенными людьми, цены которых зависят от количества труда, затраченного на их производство. Поскольку естественные блага не являются продуктами труда, следовал вывод, что они не имеют цены (стоимости). Ведь «даром называется то, что не имеет цены, то, что каждый может найти; таковыми являются трава, дрова, камыш, земля, вода, которые не требуют много труда». Высказывания Джугаеци о трудовом происхож-

дении товаров не являются случайными замечаниями. Он считал, что источником всех материальных благ служит труд: «Всякое добро... приобретается трудом». Зато о благородных металлах и драгоценных камнях он часто говорил как о всеобщей форме богатства и всякий раз подчеркивал непосредственную связь между их высокими ценами и количеством труда, затраченного на их приобретение.

Социально-экономические явления с своеобразным их толкованием отражались в армянской исторической, юридической и публицистической литературе XV — XVIII вв. Если в раннем и зрелом средневековье социально-экономические явления анализировались на фоне освещения экономического прогресса страны, то историки и публицисты периода господства турецких и персидских поработителей уже преимущественно обсуждали обстоятельства, связанные с экономическим застоем страны, грабежом и истреблением народа. В произведениях армянских мыслителей Аракела Даврижеци, Томаса Мецонеци, Захара Саркавака, Хачатура Джугаеци, Григора Даранагци на основе анализа огромного исторического материала показано, что грабеж общественного богатства сделал невозможным общественное воспроизводство в Армении.

Грузия. Средневековая грузинская общественная мысль с элементами экономических воззрений представлена духовным и светским течениями. Духовное опиралось на догматические учения христианской морали и служило делу укрепления церкви, ее независимости от сильных феодалов и самого главы государства. Светское направление отражало идеи лучшего устройства земной жизни. В произведениях Я. Цуртавели (V в.), И. Сабанидзе (VIII в.), Г. Мерчуле (X в.), Е. Мтацминдели (955—1028), Г. Мтацминдели (1009—1065), Л. Мровели (XI в.), И. Петрици (XI — XII вв.) и других были развиты мысли, осуждавшие стяжательство, сребролюбие, накопление богатства, тунеядство, жизнь в роскоши, ростовщичество, обман в торговле. Но и при таких идеях они высоко ценили золото, серебро (в том числе украшения, разную посуду), драгоценные камни, шелковые ткани, художественные изделия, заморские одеяния, коллекции книг и большие земельные владения, в которых усматривали признак общественного и политического престижа представителей светской и духовной аристократии, стоящих на высшей ступени сословной иерархии[14].

Деньги (монета), определяемые как вещь, содержащая стоимость, выступают преимущественно как мерило стоимости, средство обмена и накопления сокровищ. Некоторые из этих авторов давали высокую оценку физическому труду, считая достойным приобретение имущества трудом. Частную собственность почти все они признают естественным явлением, основой общественной жизни. Так, Г. Мерчуле, глашатай национальной консолидации грузинского народа, главными компонентами производства называл землю, труд и орудия труда, посредством которых создаются средства производства и предметы потребления. Он считал, что богатство создается трудом. Физический труд не принижает достоинства человека. Земледелие, особенно уход за многолетними насаждениями, у него признавалось наиболее желательным и производительным, а труд создателя каменных построек — наиболее долговечным, непреходящим трудом. Г. Мерчуле классифицировал земельные угодья на пахотные, виноградные, огородные, сенокосные, пастбищные, лесные, охотничьи и др. При этом в прикреплении человека к определенной работе он усматривал упрочение сословной структуры феодального общества.

В агиографической литературе проповедовалось смирение, восхвалялась покорность и доказывалось, что только «терпением, трудом и страданием» достигается (добывается) счастье. А Георгий Мцире (вторая половина XI в.) подчеркивал, что Георгий Мтацминдели «неимущих (бедных) приучал к терпению». Иоанн Сабанидзе даже в частном письме к католикосу Симеону отстаивает официальное положение о том, что «не следует судить более сильных». Проповедовались христианские догмы, осуждающие самовозвеличение, стремление к богатству. Г. Мтацминдели требовал, чтобы верующие «не собирали злата и серебра», «а сжалились над нищими и немощными». Но все это, конечно, не мешало монастырям и духовенству обогащаться и эксплуатировать народ. Рабство, частная собственность, крепостническая зависимость трактовались как вечные и, следовательно, божественные установления, освященные естественными законами. В Житии Иоанна Зедазнели (VI — VII вв.), в других агиографических сочинениях[15] крестьяне-общинники, которые не хотят уступить свои угодья монастырям, характеризуются как «варвары, антихристы и разбойники», а цари, которые церковнослужителям, монастырям дали огромные состояния,— как боголюбы и верные сыны Христа. Почти

вся агиографическая и бóльшая часть светской литературы считали естественными сословные отношения, существующие формы феодального землевладения и землепользования, закрепощение крестьян, которых грабили помещики.

В X—XII вв. по мере формирования централизованной феодальной монархии хроникеры, летописцы, светская и духовная литература все более воздавали хвалу государственной экономической политике. Доказывалось, что благодаря деяниям того или иного царя — Давида (1073—1125), Георгия (годы царствования — 1156—1184), царицы Тамары (год рождения — 1160, год вступления на престол — 1184, 1213 — год смерти),— содействовавшего строительству ирригационных каналов и дорог, мостов и караван-сараев (рынков), поощрению внешней (караванной) торговли, упорядочению денежного обращения и кредита, изданию «человеколюбивых законов», «утверждению справедливости», регламентации взаимоотношений между сословиями, основанию академии и т. д., народ полюбил мирный труд, повысилось экономическое и культурное благосостояние страны. В таких условиях будто бы исчезли бедность и нищета, воровство и разбой, а крестьяне и ремесленники, стоящие на самой низкой ступени сословной иерархии, стали зажиточными и счастливыми, как нигде на свете. Вместе с тем четко различались личные доходы и расходы государя (царской семьи) и государственные, что свидетельствует о значительном развитии финансового (государственного) хозяйства и самой экономической мысли.

В гениальном произведении великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели (XII в.) «Витязь в тигровой шкуре» отражены прогрессивные, гуманистические экономические воззрения. Общественное (сословное) разделение труда, цеховой строй, развивающаяся внутренняя и внешняя торговля, денежное обращение, эксплуатация наемного труда, полностью регламентированное предпринимательство (в противоположность пиратской торговле) в условиях политической централизации, абсолютной монархии, частной собственности и натурального хозяйства должны были, по мысли поэта, содействовать обилию благ, подъему материальной и духовной культуры страны, упрочению всеобщего благополучия и сословного (классового) мира.

Авторитет античной философии, в особенности Платона и Аристотеля, весьма часто сказывается в сочинениях

средневековых грузинских писателей, касающихся социальных, экономических, нравственных и правовых проблем, когда делались попытки обосновать естественный характер существующих сословных отношений. Связь античной и средневековой экономической мысли в Грузии лучше всего прослеживается в воззрениях на торговлю и в особенности на ростовщичество. В Греции самыми честными считались те люди, которые «не берут в долг и не дают в рост...». Но и в Грузии хорошо знали, что «долг вынуждает родить до зачатия». Грузинская церковь на словах выступала не только против ростовщичества, но и против «неправильной» торговли. «Внутренний регламент» (1204—1234) Ваханского монастыря строго запрещал братьям производить торговые и ростовщические операции, «обогащаться за счет неимущих... ибо это означает большое беззаконие».

Историк времен царицы Тамары, перечисляя ее богоугодную деятельность, отмечал, что она «освободила должников от долга». Но ясно, что такое освобождение носило лишь паллиативный характер.

Для изучения производственных отношений и социально-экономических воззрений феодальной Грузии документом огромного значения является «Дастурламали» (1707—1709), составленный царем Вахтангом VI (1675—1737) с целью упорядочения царских владений, их более эффективного экономического использования. Много места отводилось в «Дастурламали» регламентации феодальных повинностей (барщины, оброка, разных натуральных и денежных платежей). Царь, как и любой феодал, единолично распоряжался в своих поместьях. «Дастурламали» имел силу закона для всего царства и государственного управления вообще. Тем самым он отчасти ограничивал крестьянские повинности, в известной степени сдерживал алчность феодального сословия, хотя в конечном счете служил укреплению крепостнического способа производства.

Видный грузинский ученый и дипломат, в качестве посла побывавший во многих странах Запада и Востока, Сулхан Саба Орбелиани (1658—1725) в своих многочисленных произведениях провозглашал необходимость содействия прогрессивным процессам экономического развития, проповедовал идеи просвещенного абсолютизма. Его взгляды на богатство как продукты сельского хозяйства и его источник — труд в земледелии и животноводст-

ве были сходны с идеями, выдвигавшимися позднее физиократами.

В сочинении Баграта Багратиони (1774—1841) «Сельская экономия» трактовались вопросы увеличения доходности помещичьего хозяйства, улучшения организации и повышения производительности труда крепостных крестьян, рационального ведения растениеводства и животноводства, создания предприятий по технической переработке сельскохозяйственных продуктов (шелковичных коконов, хлопка, шерсти, винограда и т. д.), отражались экономические и классовые противоречия феодальных производственных отношений.

Присоединение Грузии к России, объединение мелких княжеств, развитие между ними сообщения и обмена, развитие внутренней и внешней торговли, подъем городской жизни и промышленного производства, возникновение торгового земледелия способствовали экономическому и культурному развитию страны, дальнейшему разложению феодальных отношений и зарождению капиталистического способа производства.

Глава 17

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Феодальная эпоха в османской истории охватывает около пяти столетий и может быть разделена на несколько этапов. Начальный этап (1299—1453) отмечен возникновением типичного для раннефеодальных восточных обществ государства, существовавшего за счет внешней экспансии, захвата и ограбления территорий соседних стран. Следующий этап (1453 — первая половина XVI в.) характеризуется быстрым расширением владений Османской державы, выросшей в одну из крупнейших империй Старого Света. Государство сохранило свою военно-феодальную организацию, но характер завоеваний меняется: грабительские набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство в Европе и Азии. Отличительной чертой третьего этапа (вторая половина XVI — конец XVII в.) стало ослабление военного и политического могущества империи. В основе этого процесса лежали перемены в системе общественных отношений, связанные с переходом от раннефеодальных порядков

к более развитым. Начавшаяся перестройка как базисных, так и надстроечных структур происходила очень болезненно, сопровождаясь негативными явлениями в хозяйственной жизни (обеднение основной массы крестьянства, сокращение посевных площадей, некоторый упадок торговли и городского ремесла, истощение казны), резким обострением социально-классовых противоречий. На четвертом этапе (конец XVII — рубеж XVIII — XIX вв.) ускорилось складывание нового общественно-политического режима, отвечавшего уровню зрелых феодальных отношений. В то же время выявилось растущее отставание империи от быстро развивавшихся раннекапиталистических государств Западной Европы.

Состояние экономической мысли в османском феодальном обществе определялось рядом факторов. Во-первых, преимущественное внимание правящей верхушки к решению политических вопросов не благоприятствовало развитию экономических знаний, препятствуя их вычленению из общих политико-этических представлений. Во-вторых, все административно-правовые вопросы находились в руках улемов — высшего мусульманского духовенства, бóльшую часть которого составляли выходцы из Ирана, Египта, других стран мусульманского Востока. Вполне естественно, что они способствовали распространению не только богословских наук и норм шариата, но также утверждению бюрократических традиций и экономических представлений, характерных для исламского мира XI — XIII вв. (подробнее см. гл. 15). В-третьих, Османское государство возникло и утвердилось на стыке мусульманского Востока и христианского Запада. Установление османского господства на Балканах, выход завоевателей в Центральную Европу создавали возможности синтеза в османской экономической мысли представлений, присущих средневековым обществам Европы и Ближнего Востока.

Османская правящая верхушка, включившая немало представителей балканской феодальной аристократии, восприняла не только некоторые нормы и институты, существовавшие в Византии и в других государствах Юго-Восточной Европы (прония, цехи, саксонское горное право), но и многие представления об экономической политике государства, соотношении светской и религиозной власти. Во всяком случае утверждавшиеся в османском обществе экономические концепции, будучи исламскими по форме, не отличались столь же ортодоксальным содер-

жанием. Более того, некоторые принципы хозяйственного регулирования, принятые в империи, шли вразрез с установлениями ислама.

Основным источником для изучения экономической мысли на начальном этапе османской истории являются актовые документы — переписи населения, распоряжения, регламентировавшие хозяйственную жизнь, торговые договоры со странами Средиземноморья. Они дают представление о хозяйственной политике правителей государства, но косвенно позволяют судить и о принципах, которыми те руководствовались. Можно считать, что в этот период шел процесс постепенного освоения экономических норм и воззрений, свойственных таким, как Османское государство, военно-феодальным конгломератам. Эти представления лучше всего раскрывает концепция, которая еще с доисламских времен была известна в странах Ближнего и Среднего Востока под названием «круг справедливости». Суть ее выражала следующая формула: «Нет государства без армии, нет армии без оружия, нет оружия без казны, нет казны без райи, нет райи без справедливости»[1].

Приведенное определение допускает разные толкования в зависимости от того, какое содержание вкладывается в важнейшее с точки зрения функций государя понятие «справедливость» («адалет»— от арабского «адл»). Буржуазные историки, трактуя адалет как законность, рассматривают «круг справедливости» в качестве доказательства бесклассового, неэксплуататорского характера османского общества: ведь во имя соблюдения принципа «адалет» султан в первую очередь должен охранять податное население (райю) от произвола своих наместников, в частности от чрезмерного налогового обложения. Однако для средневековых восточных ученых и политиков «справедливость» означала иное — усилия по поддержанию традиционно существующего порядка в обществе. Этот порядок предполагал как четкое разделение всего населения на две страты — лиц, причастных к государственному управлению, и лиц, связанных с экономическим производством, так и соблюдение первыми определенных норм при изъятии прибавочного продукта, произведенного последними.

Пресечение произвола и установление налогов в соответствии с возможностями райи представляли лишь часть программы действий, направленных на обеспечение непрерывных поступлений в казну, а следовательно, и на со-

держание такой армии, которую можно было бы использовать для сохранения внутреннего спокойствия и продолжения завоевательной политики. Иными словами, «круг справедливости», утверждая идею абсолютной власти монарха как важнейшего условия нормального функционирования Османского государства, означал также курс на установление строго регламентированного контроля над всеми видами экономической активности населения во имя перераспределения основных доходов в пользу государственной казны.

Те же приоритеты определяли и аграрную политику первых османских султанов, их усилия по развитию тимарной системы. Она предполагала предоставление части ренты с казенных земель (мири) в качестве условных пожалований — тимаров. Их владельцы — сипахи — были обязаны нести определенную, чаще всего военную, службу. Одновременно им приходилось выступать в качестве представителей центрального правительства на местах, контролируя хозяйственную деятельность крестьян и исправное выполнение последними обязанностей перед государством. Утверждая статус крестьян как феодально-зависимого населения, тимарная система вместе с тем признавала за ними право на наследственное держание обрабатываемой земли, строго лимитировала права сипахов в отношении непосредственных производителей, приписанных к их служебным держаниям.

Быстрое увеличение фонда тимарных земель с конца XIV в. показывает, что османские правители рассматривали создаваемую систему условного землевладения в качестве важного инструмента для реализации идеи о деспотическом государстве. Вместе с тем необходимость консолидации сил внутри складывавшегося господствующего класса заставляла их в довольно широких масштабах раздавать завоеванные земли в виде частных владений (мюльков) или пожалований на религиозные нужды (вакфов).

Трудовые низы противопоставили насаждавшимся государственной властью порядкам свои идеалы социального и имущественного равенства, обобществленной собственности. Их взгляды отчетливо проявились в ходе народного выступления под руководством выдающегося мыслителя средневекового Востока шейха Бедреддина Симави в 1416 г. Его ближайшие ученики Мустафа Берклюдже и Торлак Кемаль, поднявшие восстание в Малой Азии, проповедовали общность пользования продуктами труда,

а также землей и рабочим скотом. Мустафе Берклюдже приписывают изречение: «Я такой же хозяин в твоем доме, как ты в своем, а ты в моем, как в своем, за исключением женской половины»[2].

Второй период существования османского феодального общества оказался временем наибольшего распространения и реализации экономических норм и представлений, свойственных военно-феодальному строю. Османские падишахи по-прежнему рассматривали свою державу как замкнутый, способный к самообеспечению экономический организм. Однако изменившиеся условия заставили их внести соответствующие коррективы в методы хозяйственной политики. В то время как на средневековом мусульманском Востоке преобладало убеждение, что страна должна управляться на основе норм шариата, правители империи пошли по пути издания собственных законов (канунов). Созданные в конце XV — начале XVI в. общие законодательные своды (канун-наме) рассматривались как обязательные руководства при решении государственных дел и в практике кадийских судов, хотя их положения иногда существенно расходились с догмами шариата.

Особенно заметными были расхождения в экономических вопросах. В отличие от большинства религиозных авторитетов, выступавших против каких-либо ограничений в формировании рыночных цен, османские правители весьма последовательно проводили курс на контроль за ценами, стремясь не допускать их чрезмерного роста. Не менее показательно и отношение к ростовщическому проценту (риба). Если в большинстве мусульманских стран заимодавцы были вынуждены изыскивать уловки, посредством которых можно было обойти запрет Корана на риба, то Порта, учитывая широкое распространение товарно-денежных отношений на Балканах и в Малой Азии, открыто признавала те ссуды, процент по которым не превышал 10—15 % годовых, и обязывала местных кадиев официально регистрировать такие сделки. «Истинными» были признаны и вакфы, создававшиеся за счет денежных средств (вакф-и нукуд), хотя их основным назначением было предоставление кредитов под процент.

Свидетельством обращения к наиболее действенным мерам регулирования экономической жизни можно считать так называемые бюджеты Порты — документы, содержавшие весьма детальные и полные сведения (с разбивкой по различным статьям и районам империи) о годовых доходах и расходах государственной казны, образцы

которых известны с начала правления Сулеймана Кануни (1520—1566).

Османские «бюджеты» и другие документы по экономической политике Порты показывают явное стремление правящей верхушки к увеличению доходов за счет развития внешней и внутренней торговли. Еще государственный деятель второй половины XV в. Синан-паша в своем наставлении для принцев османской династии писал: «С благосклонностью относись к торговцам в [наших] землях; всегда заботься о них, никому не позволяй беспокоить их или помыкать ими, потому что благодаря их торговле земля становится процветающей и благодаря их заботам дешевизна существует в мире, через них слава султана распространяется в окрестных землях и благодаря им увеличивается богатство земли»[3].

Усилия по развитию торговли, казалось, должны были бы подтолкнуть правителей империи к отказу от средневековых представлений о хозяйственной автаркии. Однако пересмотра экономической политики не произошло. Об этом свидетельствуют особенности торговых отношений Османской державы со странами Западной Европы. Их важнейшей чертой в XVI в. можно считать предоставление Портой в одностороннем порядке ряда льгот европейским купцам на основе особых договоров — капитуляций.

Историки обратили внимание на сходство капитуляций второй половины XVI в. с торговыми договорами, которые заключали ранее византийцы с генуэзцами и венецианцами. Византийские базилевсы и османские султаны основной упор в развитии торговых связей делали на максимальные размеры ввоза и минимальные — вывоза. Министров Порты мало заботило происхождение товаров, которые должны удовлетворить спрос на местных рынках. Ведь усилия властей по регламентации хозяйственной жизни не предполагали активного вмешательства государства в процесс производства, а были сосредоточены преимущественно в сфере распределения, что способствовало ее гипертрофии по сравнению со сферой обмена.

Привилегии, предоставляемые султанами европейскому купечеству, должны были способствовать поступлению товаров, которых явно не хватало для удовлетворения внутренних потребностей (железо, свинец, олово, шерстяные ткани, стекло, меха). Однако, поощряя ввоз европейских товаров, Порта пыталась не допустить расширения вывоза в Западную Европу сельскохозяйственной продукции, ибо это создавало трудности в обеспечении городско-

го населения продовольствием и сырьем для ремесленного производства. Поэтому она устанавливала ограничения или запреты на экспорт зерна, шелка-сырца и другой продукции.

История османского общества во второй половине XVI — XVII вв. отмечена постепенным падением военного могущества империи и разложением ее «классических» государственных институтов. Хаос в государственных финансах, полная дезорганизация хозяйственной жизни, обнищание крестьянства в результате усиления налогового гнета и попыток властей в принудительном порядке заменить продуктовую и отработочную ренту денежными сборами — все это усилило внимание к экономическим проблемам. Авторы исторических хроник, публицистических трактатов, сатир и аллегорий выступали с критикой действий султанского правительства и предлагали меры, которые должны были «исправить» ситуацию.

Родоначальником этой литературы считается один из везиров Сулеймана Кануни — Лютфи-паша (ум. после 1562), написавший в конце своей жизни трактат «Асаф-наме» («Книга Асафа»). Представляя по форме наставление автора своим преемникам на посту первого министра, «Асаф-наме» является самым ранним из известных специалистам сочинений, содержащих критический обзор положения Османской империи. В нем автор наряду с изложением принципов управления государством прозорливо очертил круг вопросов, ставших узловыми для османских общественных деятелей конца XVI — XVII вв. Это — рост дефицита государственного бюджета, кризис тимарной системы, укрепление позиций чиновно-бюрократической знати и торгово-ростовщических элементов, ухудшение положения райи в результате роста налогового бремени и произвола землевладельцев.

Тема, поднятая Лютфи-пашой, была продолжена и развита в произведениях историка и поэта Мустафы Али (1542—1599), хрониста Селяники (ум. ок. 1600), кадия из Боснии Хасана Кяфи Акхисари (ум. 1616). Трактат последнего «Усул-ал хикам фи низам-ал алам» («О мудрых принципах устройства мира») стал своеобразным образцом для многочисленных сочинений, дидактических по своему жанру и политико-экономических по содержанию.

Назначение своего трактата Акхисари видел в том, чтобы направить деятельность султана и его министров на «восстановление правил относительно порядка в мире», раскрыть им «секретные причины волнений и беспорядка»,

приведших к ослаблению Османской империи. Сам автор говорит не столько о причинах, сколько о внешних выражениях упадка государства. Он подчеркивает отсутствие справедливости при назначении на высокие посты, когда люди несведущие предпочитаются знающим и опытным, пренебрежение к вопросам увеличения боеспособности армии и обучения солдат. Он порицает вмешательство султанских фаворитов и обитательниц гарема в вопросы государственного управления. В основе всех этих негативных явлений лежит, по его убеждению, коррупция, широко укоренившаяся в государственном аппарате. Одним из наиболее опасных последствий нарушения «мудрых» принципов Акхисари считает экономический хаос, отражающийся прежде всего в разорении крестьянства.

Трактат, по замыслу автора, должен представить квинтэссенцию опыта мусульманского мира в искусстве государственного управления. Излагая важнейшие, на его взгляд, правила, кади из Боснии особо подчеркивает необходимость поддержания уже сложившегося порядка в обществе, где каждый человек должен знать свое место и выполнять свои функции. Возродить подобный «справедливый» порядок можно лишь с помощью сильного центрального правительства, и Акхисари выступает убежденным сторонником деспотической власти османских султанов.

В первой половине XVII в. количество таких сочинений увеличилось. Большую популярность получили написанные видным сановником Айни Али в начале XVII в. трактаты о тимарной системе и причинах ее упадка и появившиеся в те же годы поэмы Вейси (1561—1628) «Книга сновидений» и «Увещевание Стамбулу». Их автор поплатился жизнью за протест против беззакония, взяточничества и казнокрадства, за сатирическое изображение государственных неурядиц, из-за которых «мастерская мира из конца в конец опустошена и разрушена, а внутренность народа от огня разбойничьих смут изжарилась, как кебаб»[4].

В последующие десятилетия были созданы наиболее значимые работы, оказавшие особое влияние на османскую общественную мысль. Среди них — послания (рисале) Мустафы Кочибея, одно из которых автор представил в 1630 г. султану Мураду IV, а другое было написано в 1640 г. по указанию султана Ибрагима I. Следуя в основном уже сложившейся модели дидактического политико-экономического трактата, Кочибей усилил его не

только за счет новых сведений об экономических трудностях, переживавшихся империей на рубеже XVI — XVII вв., но и более глубоким осмыслением их причин. Он прямо связал ослабление военного могущества Османской державы и разорение райи с упадком тимарной системы, показав, как условное ненаследственное землевладение постепенно вытесняется наследственным и безусловным. Те же идеи пронизывают трактат крупнейшего турецкого ученого XVII в. Кятиба Челеби (1609—1658) «Дастур-ал амал фи ислах-ал халал» («Руководство по исправлению погрешностей»). Из более поздних сочинений такого же типа выделяется лишь труд историка Хусейна Хезарфенна (ум. 1691) «Телхис-ал беян» («Краткое сообщение о законах Дома османова»), написанный в 1669 г. Хотя традиция составления политико-экономических трактатов прослеживается до конца XVIII в., но сами работы теряют оригинальность, становятся компилятивными как с точки зрения идей, так и с точки зрения использования фактического материала.

Значимость литературы конца XVI — XVII вв. о недостатках в управлении Османской империи и царившем в ней произволе определяется прежде всего тем, что ее авторы были придворными чиновниками, главным образом из финансового ведомства (Мустафа Али, Селяники, Кятиб Челеби), и потому хорошо чувствовали глубину и остроту кризисной ситуации. Приводимый ими обширный фактический материал о росте налогов, злоупотреблениях властей, продажности судей делает их суждения весьма достоверными и убедительными. Однако рекомендации авторов ясно показывают, что сами советники не смогли понять подлинных причин упадка империи, оставаясь в плену концепций и представлений, утвердившихся в османском обществе в XV — XVI вв. Суть происходивших процессов обозначалась ими как «состояние беспорядка», как нарушение тех норм, на которых должна основываться общественная жизнь. Для избавления от экономического кризиса следовало возвращаться к политическим и моральным стандартам, обозначенным «кругом справедливости».

Осмысление перемен, вызванных изменившимися условиями общественной жизни, начинается в XVIII в., а завершается лишь в первые десятилетия XIX в. Состояние экономической мысли в это время можно представить по трактатам и запискам (ляиха) сторонников реформ в Османской империи, а также по свидетельствам и обо-

зрениям европейских дипломатов и ученых, побывавших там. Они позволяют говорить о заметном влиянии на османское общество взаимоотношений Порты с европейскими державами. Быстрый экономический, политический и военный прогресс последних заставлял образованных представителей верхушки общества задуматься над причинами все более заметного отставания империи. Угроза потери суверенитета и распада османских владений делала необходимым обращение к европейскому опыту.

В начале XVIII в. более реалистический подход к оценкам возможностей Османской империи и стран Европы разделялся лишь небольшой частью правящей верхушки, состоявшей из образованных и дальновидных людей. Их идеологом стал виднейший турецкий историк Мустафа Наима (1655—1716). В своем сочинении по истории Османского государства он много внимания уделил состоянию экономики страны и тем мерам, которые принимались для ее улучшения. Взгляды, высказанные в «Тарих-и Наима» («История Наимы»), по экономическим вопросам существенно отличались от представлений большинства османских государственных деятелей. Последние твердо придерживались мнения Ибн Хальдуна о том, что правители не должны искать увеличения своих доходов за счет прямого участия в торговле и сельскохозяйственном производстве, ибо лишь справедливое обращение с подданными способно умножить доходы казны. Наима отвергал традиционный подход, делавший ударение на увеличении эффективности системы распределения, и ратовал за активное вовлечение везиров и пашей в хозяйственную деятельность.

Знакомство с европейской литературой, контакты с европейскими дипломатами и учеными, опыт службы в финансовом ведомстве способствовали формированию у турецкого автора убеждения в необходимости преобразований в османском государстве по европейскому образцу. В частности, он предлагал такие меры для развития экономики, которые можно считать меркантилистскими. Призывая отказаться от традиционной несбалансированности внешней торговли, чтобы прекратить утечку ценных металлов, он писал: «Народ в нашей стране должен воздерживаться от употребления дорогих товаров из стран, враждебных Османской империи, и тем самым не допускать утечки монеты и товаров. Следует как можно больше пользоваться изделиями местного производства...»[5]

Лишь после сокрушительных поражений в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. идея реформ обретает поддержку столичной бюрократии и улемов. Об этом можно судить по докладным запискам с предложениями о желательных преобразованиях, представленным султану Селиму III (1789—1807). Основное внимание в них, как и следовало ожидать, было уделено реформам в армии, экономические же проблемы по-прежнему оставались на втором плане. Тем не менее вопрос финансирования новых заведений в армии и государственном аппарате вынуждал авторов ляиха довольно ясно формулировать и свои экономические взгляды.

Османские бюрократы выступали за подъем производительных сил, быстрейшую разработку нетронутых естественных богатств, за освобождение страны от дорогостоящего импорта европейских и восточных товаров, особенно предметов роскоши, за упорядочение налоговой системы. Ведущую роль в реализации этих представлений должно было сыграть государство. Отдельные рекомендации, изложенные в ляихе румелийского казаскера (высшего военного судьи) Татарджика Абдуллы и главного казначея Шериф-эфенди, были, как отмечают советские историки, близки взглядам, высказывавшимся в то время европейскими буржуазными экономистами[6]. Однако в целом соображения авторов ляиха не противоречили концепции средневековой хозяйственной автаркии, примата политики над экономикой, они не оспаривали право султана распоряжаться жизнью и имуществом каждого подданного. Да и осуществление таких проектов при Селиме III и его преемниках не подорвало бы феодальных основ османского общества.

Часть III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда, укрепление городов как центров ремесла и торговли, превращение ренты продуктами в денежную ренту постепенно подготовили новый качественный этап в развитии феодализма. До известных пределов эти и аналогичные им процессы были совместимы с экономической природой феодального строя. В то же время они создавали предпосылки для его разложения.

Города в Западной Европе были особым элементом феодальной системы. Здесь внедрялись технические открытия и рождались первичные формы капиталистического предпринимательства, ликвидировалась безграмотность и расшатывались основы средневековой схоластики, развивалось самоуправление и утилизировалось римское право. Неудовлетворенность феодальным строем, пробуждающееся аналитическое отношение к действительности, поиски героического и совершенного заставляют передовые умы обратиться к античному наследию, «возродить» его для современников. Такое обращение к прошлому стало своеобразной формой отрицания настоящего — феодальной системы ценностей, феодальных экономических представлений. Ученые эпохи Возрождения провозглашают высокие принципы гуманизма, утверждают веру в могущество человека, в его разум, язвительно смеются над предрассудками мрачного европейского средневековья (Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мигель де Сервантес Сааведра и др.). И хотя их произведения были обращены к достаточно узкому кругу интеллектуалов, а культура имела элитарный характер, тем не менее гуманисты сыграли важную роль в подготовке к восприятию новых идей более широкими слоями населения. Но

для этого необходима была коренная ломка феодального мировоззрения.

В условиях, когда христианство освящало существовавший феодальный строй, движение вперед было невозможно без реформы католической церкви. В борьбе с католицизмом теоретики Реформации (Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин) использовали антисословную направленность первоначального христианства. Идея равенства и справедливости в отношениях между людьми трансформировалась в идею эквивалентности обмена товаров, идея честного труда — в обоснование буржуазного предпринимательства и т. д. «Для общества товаропроизводителей... наиболее подходящей формой религии,— писал К. Маркс,— является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»[1].

Реформация сыграла важную роль в очищении массового сознания от слепой веры в Священное предание, в авторитет римско-католической церкви, освободила его от наиболее одиозных предрассудков и стереотипов мышления и тем самым повысила значение личного суждения. Это имело большое значение для развития обществознания вообще и экономической науки в частности.

Критика феодализма теоретиками Реформации была тесно связана с первыми попытками оправдания раннекапиталистического предпринимательства. Не случайно Лютер страстно борется с ростовщичеством, нападает на торгашеский феодализм, а Кальвин проповедует богоизбранность новых эксплуататоров — капиталистов.

В то же время в процессе разложения феодализма находят свое выражение экономические представления народных масс, которые более четко формулируются в ходе крестьянских восстаний (Великая крестьянская война в Германии, Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева и др.). Мечты об устройстве будущего справедливого общества отразились в социальных утопиях позднего средневековья (Томас Мор, Томмазо Кампанелла и др.). Однако для реализации этих проектов отсутствовали необходимые предпосылки. Они стали складываться лишь в процессе так называемого первоначального накопления капитала.

Содержанием первоначального накопления капитала является создание предпосылок капиталистических отношений, и прежде всего становление производителя нового типа, свободного как личность и лишенного средств про-

изводства и жизненных средств. Появление рабочей силы в качестве товара предполагало ликвидацию как личной, так и поземельной зависимости крестьян от феодала и освобождение ремесленников от господства цехового принуждения. Отмена наиболее тяжелых форм личной зависимости в большинстве стран Западной Европы произошла в XIV — XV вв., освобождение крестьян от поземельной зависимости — в XVI — XVIII вв.

Первоначальное накопление капитала составляет предысторию капитализма, оно происходило в недрах феодализма и методами, отличающимися от накопления капитала. Основой этого процесса является буржуазная аграрная революция, в ходе которой, с одной стороны, осуществляется массовая экспроприация земли у крестьянства, а с другой — феодальная собственность превращается «в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость общности [Gemeinwesen] и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»[2].

Классические формы первоначальное накопление капитала приняло в Англии. Частная собственность на землю здесь расширялась и укреплялась путем конфискации (секуляризации) церковных и монастырских владений католической церкви, захвата государственных и насильственной узурпации общинных земель, сгона крестьян с их участков в ходе огораживания дворянских имений. Созданные таким образом земельные комплексы сдавались в аренду капиталистическим предпринимателям — фермерам. Укреплению их положения способствовала «революция цен», результатом которой было обесценение производимых фермером денежных выплат (земельной ренты — лендлорду и заработной платы — рабочим). С конца XV до начала XVIII в. осуществляется кровавое законодательство против экспроприированных с целью снижения заработной платы и удлинения рабочего дня мануфактурных рабочих. Высвобождение значительной части сельского населения создало предпосылки для развития внутреннего рынка, однако узость его не была полностью преодолена в мануфактурный период (в Западной Европе середина XVI — последняя треть XVIII в.). Лишь разрушение сельских домашних промыслов в ходе промышленной революции создало устойчивый внутренний рынок, заложило прочные основы для развития капиталистического способа производства.

Генезис капитализма в Западной Европе был ускорен начавшимся в ходе Великих географических открытий процессом создания мирового рынка, завоеванием и ограблением добуржуазных обществ Америки, Азии и Африки. Развитие мировой торговли способствовало повышению роли купечества. Выразителем его интересов стала первая школа политической экономии — меркантилизм (XVI — XVIII вв.). Меркантилисты не были пассивными наблюдателями, они стремились активно воздействовать на экономическую жизнь с помощью абсолютистского государства. Абсолютизм, сформировавший обширную бюрократию и содержавший дорогостоящую регулярную армию, также искал источники для покрытия своих огромных расходов. Государство выплачивало жалованье военным, чиновникам и даже духовенству в денежной форме. «Абсолютная монархия,— писал К. Маркс,— нуждается... в материальном рычаге этой власти — во *всеобщем эквиваленте*, в богатстве в его постоянно готовой к бою форме, в которой оно совершенно не зависит от особых местных, натуральных, индивидуальных отношений. Абсолютная монархия нуждается в богатстве в форме денег»[3]. И хотя основным источником доходов абсолютной монархии была развитая налоговая система, дворянское государство отнюдь не было чуждо увеличению денежных средств за счет внешней торговли. Не случайно поэтому торговая буржуазия стремилась выдать свою точку зрения за национальный общегосударственный интерес. Протекционистская политика стала выражением временного союза дворянства с торговой буржуазией. «...*Абсолютная монархия*,— писал К. Маркс,— возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»[4].

Другой проблемой, которая активно обсуждалась в меркантилистской литературе, было денежное обращение. Меркантилисты постоянно жаловались на недостаток денег в стране. Такие жалобы отразили исторические условия и потребности эпохи первоначального накопления капитала. Они были связаны как с внутренними, так и с внешними условиями. Открытие золотых рудников в Новом Свете и прилив американского золота в Европу в XVII в. привели к уменьшению стоимости обращающегося золота (а в конечном счете к повышению производитель-

ности труда в золотодобывающей промышленности), что способствовало бурному росту товарных цен в Европе. Другой причиной роста товарных цен были обрезание и порча монеты абсолютистским государством. Отрывая денежное обращение от товарного производства, ранние меркантилисты считали главной причиной нехватки денег вывоз золота и серебра из страны. Кроме этого они неоднократно призывали правительство прекратить порчу монеты, критиковали номиналистическую теорию денег.

Однако меркантилисты не замечали всей глубины противоречивого развития капитализма и судили об этом процессе лишь по внешнему его проявлению в сфере обращения. К тому же и это проявление понимали односторонне. Критики меркантилизма — У. Петти, Дж. Локк, Д. Норс, Дж. Вандерлинт, Р. Кантильон, Д. Юм и др.— не только обратили внимание на изъяны в анализе сферы обращения, но и стремились показать взаимосвязь этой сферы со сферой производства. Не случайно Маркс характеризовал конец XVII — первую половину XVIII в. как «период, изобилующий оригинальными умами», как период, наиболее важный «для исследования постепенного генезиса политической экономии»[5]. Экономическая литература тех лет поражает обилием трактатов, в которых выражаются самые разнообразные представления и взгляды. Именно в это время философами и экономистами были заложены основы метода классической буржуазной политической экономии, сформулированы принципы анализа буржуазной частной собственности (Дж. Локк); обоснована свобода внешней и внутренней торговли (Д. Норс); показана зависимость нормы процента от нормы прибыли (Дж. Масси, Д. Юм). Но главным достижением было постепенное осознание роли труда в развитии общества, перенесение акцента из сферы обращения в сферу производства. Зачатки такого представления можно встретить уже у Локка, а в наиболее полной форме — у Юма, который систематизировал взгляды своих предшественников.

«...Каждое правительство,— пишет Д. Юм,— имеет веские основания заботиться о сохранении своего населения и своих мануфактур. А относительно денег оно может спокойно, без страха и зависти, положиться на обычный ход человеческих дел или, если оно обращает какое-нибудь внимание на этот предмет, должно делать это лишь настолько, насколько он влияет на население и трудолюбие»[6]. Однако окончательное перенесение предмета иссле-

дования из сферы обращения в сферу производства связано с именами классиков буржуазной политэкономии.

Временный союз дворянства и буржуазии, нашедший свое классическое выражение в меркантилистской политике абсолютизма, был недолговечен. Стремление к регламентации производства, нормативность и авторитарность абсолютизма все больше становились тормозом развития капитализма. Окрепшая мануфактурная буржуазия все меньше нуждалась в поддержке со стороны абсолютистского государства. Все чаще появляются работы, критикующие протекционизм и обосновывающие принципы свободной торговли.

Значительный вклад в развитие светского характера культуры внесло и Просвещение, идеологи которого выдвинули лозунг свободы, равенства и братства. Они рассматривали эти буржуазные права в универсальной, антисословной форме, считая их не порождением определенной исторической эпохи, а естественными (природными) свойствами любого нормального человека. Поэтому философы эпохи Просвещения апеллируют к «естественным потребностям», «естественному разуму», «естественным правам» человека. Интерес к его внутреннему миру способствует подъему чувства личности, еще не осознавшей антагонистический характер нового, рождающегося капиталистического общества. Развитие личности проявляется и в том, что человек на пороге Нового времени ставит перед собой более широкие и глубокие задачи в науке и творчестве. В истории экономической науки это проявилось в рождении классической буржуазной политической экономии.

«Политическая экономия... как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период...»[7] Ее первыми представителями были Уильям Петти (1623—1687) в Англии и Пьер Буагильбер (1646—1714) во Франции. Оба они предприняли попытку свести стоимость к труду и тем сделали решающий шаг в сторону научной политической экономии, открывшей источник капиталистического богатства в сфере производства. Во Франции ведущей отраслью оставалось земледелие. Поэтому представители французской классической буржуазной политической экономии — физиократы — источник прироста капитала искали в земледелии, а «чистый доход» рассматривали как дар природы. Глава школы физиократов Франсуа Кенэ заложил основы теории воспроизводства общественного капитала. «Политическая экономия,— отмечали К. Маркс и

Ф. Энгельс,— которая прежде разрабатывалась либо финансистами, банкирами и купцами, т. е. вообще лицами, непосредственно имевшими дело с экономическими отношениями, либо же людьми всестороннего образования, как Гоббс, Локк, Юм, для которых она имела значение одной из отраслей энциклопедического знания,— эта политическая экономия только благодаря физиократам превратилась в особую науку и с тех пор стала разрабатываться как таковая»[8].

Буржуазная политическая экономия сыграла важную роль в теоретической подготовке буржуазных революций. Особенно большое влияние оказало учение физиократов на Великую французскую революцию 1789—1794 гг. Не случайно поэтому К. Маркс высоко оценил творчество «Тюрго, который — в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции»[9].

Развитие производительных сил, капиталистического уклада неминуемо должно было вступать в непримиримое противоречие с феодальной системой производственных отношений, с абсолютной монархией. В середине XVII — XVIII в. создаются материальные предпосылки для буржуазных революций, в которых буржуазия выступает как передовой класс, стоящий во главе антифеодальной борьбы городского плебса и эксплуатируемого крестьянства.

Английская революция 1648 г. и французская 1789 г. имели общеевропейское значение. Они означали не только победу буржуазии, но и *«победу нового общественного строя*, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями»[10].

Революции — локомотивы истории. В ходе революций растет сознание народных масс, углубляется радикальная трактовка буржуазных лозунгов, накапливаются предпосылки для превращения социализма из утопии в науку. Поэтому генезис капитализма имеет важное значение для формирования не только буржуазной, но и социалистической мысли.

Иными путями проходил процесс разложения феодализма в Восточной Европе (Пруссии, Польше, России и некоторых других странах). Начиная с XVI в. наступает период феодальной реакции, расширения барщины и уси-

ления крепостничества (так называемое второе издание крепостничества). В XVII — XVIII вв. в Пруссии, Польше и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается усилением крепостничества. Тем самым формируется тенденция к превращению феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю — в монополию частной собственности на землю. На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма, подготовившие необходимость буржуазных реформ и решения аграрного вопроса. Эти проблемы становятся центральными в трудах дворянских революционеров России.

Раздел I

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 18

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Критика торгашеского феодализма и обоснование буржуазного предпринимательства. М. Лютер и Ж. Кальвин

В XIV — первой половине XV в. заметно оживилось развитие промышленности в Германии. Этому способствовали укрепление цехового строя, расширение торговли, увеличение добычи серебра. Германия занимала в то время первое место в Европе по добыче этого благородного металла. Однако факторы, способствовавшие ускорению ее социально-экономического развития, оказались недолговечными. В конце XV — XVI в. цеховой строй уже все больше тормозил развитие: шел процесс «замыкания цехов». Великие географические открытия привели к переориентации главных торговых путей. Усиливавшееся отставание немецкой промышленности по сравнению с промышленностью других европейских стран приводило ко все большему оттоку благородных металлов из Германии. В условиях феодальной раздробленности в стране не оказалось силы, способной защитить национальную промышленность от конкуренции иностранных товаров. Развитию как внешней, так и внутренней торговли препятствовало то, что германская империя состояла почти из тысячи княжеств и территорий. Процесс перехода к капитализму затянулся. Буржуазные тенденции оказались слабыми, а феодализм был еще достаточно силен и пытался своими феодальными методами приспособиться к меняющимся условиям. Дух наживы и жажда стяжательства проникают в среду феодалов. Их интересы все глубже, все теснее переплетаются с ростовщичеством, усиливая эксплуатацию крестьянства и бюргерства. «Ростовщичество не изменяет способа производства, но

присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»[1]. Возникает отвратительное явление позднего средневековья — торгашеский феодализм. Развивающиеся товарно-денежные отношения обостряют и обнажают социально-экономические противоречия, разрушая феодальные патриархальные формы, маскировавшие эксплуатацию в более ранний период. Перед идеологами бюргерства встают проблемы разграничения раннекапиталистического предпринимательства, с одной стороны, и позднефеодального стяжательства — с другой[2]. Появляется необходимость, во-первых, социально-экономического, политического и идеологического (морально-этического и даже религиозного) оправдания «честного» (основанного на законах капиталистической конкуренции) «делания денег» и, во-вторых, осуждения паразитического (основанного на насилии и грабеже, ростовщичестве и внеэкономическом принуждении) накопления богатств класса феодалов.

Положение осложнялось тем, что монополией на образование и культуру в этот период обладали церковные феодалы, католическая церковь. Она выступала, по меткому замечанию Ф. Энгельса, «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»[3]. В отличие от светских феодалов церковь опиралась на строгую иерархию и действовала как наднациональная, в известном смысле космополитическая, феодальная организация. В этих условиях выступить с критикой религиозного мировоззрения означало нанести удар не только по отдельному феодалу, но и по феодальной системе в целом. Положение, однако, облегчалось тем, что отношения торгашеского феодализма проникли и в церковную среду. Разложение католической церкви проявлялось в разложении не только церковных институтов, но и христианского мировоззрения. Все больше обнажалось противоречие между первоначальным христианством и римско-католической церковью позднего средневековья, которое проявлялось в форме противоречия между Священным писанием (Библией) и Священным преданием (декретами и постановлениями церковных соборов и римского папы).

Одними из первых, кто обратил внимание на это противоречие, были гуманисты Рудольф Агрикола (1444—1485), Якоб Вимфелинг (1450—1528), Себастьян

Брант (ок. 1458—1521), Иоганн Рейхлин (1455—1522), Эразм Роттердамский (1469—1536), Генрих Бебель (1472—1518), Ульрих фон Гуттен (1488—1523). Наиболее крупный из них — Эразм Роттердамский (Герхардт Герхардс) в 1517 г. издал греческий текст Нового завета и его латинский перевод, который сопроводил своим комментарием к евангелиям. Строго филологический подход к текстам Нового завета явился важной предпосылкой для последующей исторической критики Священного писания. В начале XVI в. такое издание создавало условия прежде всего для критики схоластического формализма и официальной философии господствующей католической церкви.

Наибольшую известность получило произведение Эразма Роттердамского, которое он назвал «Похвала Глупости». Используя форму пародии, Роттердамец издевается над порядками позднесредневекового общества. «...В человеческом обществе,— пишет он,— все полно глупости, все делается дураками и среди дураков»[4], поэтому, чтобы голос разума был услышан, он вынужден надевать на себя шутовской колпак.

Гуманисты подготовили Реформацию. Они так же, как позднее теоретики Реформации, обращались к раннему христианству первых веков нашей эры в борьбе со схоластическим формализмом, невежеством и продажностью римско-католической церкви, способствовали просвещению передовой, образованной части феодального общества. Тем не менее гуманизм носил элитарный характер, нуждался в поддержке меценатов, затронул лишь сравнительно небольшую часть интеллигенции. Необходимо было более демократическое учение, обращенное к более широкой аудитории, которое могло бы привести массы в движение. Оно должно было апеллировать не только к разуму человека, но и к его чувствам.

Как уже отмечалось, в силу господствующего положения католической церкви критика существующего строя не могла не принять форму богословской ереси — требования реформы церкви. Движение назад — обращение к первоисточнику — характерно для всякой религии. Однако в условиях становления капитализма критика разлагающейся католической церкви означала нападение на крупнейшего феодала, которому в Европе принадлежала треть земель. Требование реформы церкви превращалось, таким образом, в первый и сильнейший удар по феодальной системе в целом. Не случайно поэтому Ф. Энгельс назвал Реформацию первой буржуазной революцией. «Реформа-

ция,— лютеранская и кальвинистская,— писал он,— это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода»[5].

Рассмотрим экономические взгляды теоретиков Реформации Мартина Лютера и Жана Кальвина подробнее.

Доктор богословия, магистр свободных искусств, монах-августинец Мартин Лютер (1483—1546) родился и вырос в бюргерской среде. 31 октября 1517 г. на двери своей церкви в Виттенберге он вывесил 95 тезисов против индульгенций, что положило начало Реформации в Германии. Лютер развивал тезис о том, что спасение души (оправдание) возможно прежде всего не через церковь и ее формальные обряды (и уж тем более не через покупку индульгенций), а через истинную веру — веру в Священное писание, а не в Священное предание. Позднее, уже в ходе Реформации, Лютер и его последователи пришли к отрицанию церковной иерархии, культа святых, церковного богатства и монашества, что способствовало подчинению духовной власти светской, упрощению церковной догматики и богослужения, объективно оправдывало секуляризацию церковных земель, открывало путь к созданию необходимой для буржуазии дешевой церкви. Неудивительно, что «под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской* реформы объединились имущие элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи»[6].

Критика экономических основ торгашеского феодализма была органической составной частью взглядов Мартина Лютера. К. Маркс считал его старейшим немецким политико-экономом[7] и неоднократно цитировал его произведения в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», в «К критике политической экономии», в первом и третьем томах «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости». «Лютер,— пишет Маркс,— знает капитал, естественно, лишь в двух его допотопных [формах]: в форме капитала, приносящего проценты, и торгового капитала»[8]. М. Лютер различает внутреннюю и внешнюю торговлю, при этом одобряет первую и осуждает вторую. «Нельзя отрицать,— пишет он в книге «О торговле и ростовщичестве» (1524),— что купля и продажа — вещь нужная, без которой нельзя обойтись; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо

и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага... Но *внешняя торговля*, которая из Калькутты и Индии и т. д. привозит товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя»[9].

В критике внешней торговли слышатся не только натурально-хозяйственные, но и ранние меркантилистские мотивы. Лютер выступает прежде всего против торговли предметами роскоши, которая развивает «щегольство и обжорство». Он критикует и торговлю предметами первой необходимости (в частности, английским сукном), ибо такая торговля способствует оттоку из страны золота и серебра. Это происходит потому, что существует политическая раздробленность страны. Единое немецкое государство, по его мнению, препятствовало бы этому процессу. Утечка драгоценной монеты из страны способствует росту задолженности ростовщикам.

Лютер выступает против оправдания высокой купеческой прибыли риском, связанным с торговлей. К тому же на практике, считает он, торговля нередко сопровождается грабежом и разбоем. «Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, неправедно приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... Так он бьет одного злодея другим...»[10]

Однако наибольшую ненависть вызывает у Лютера ростовщичество. Его критике посвящена и другая специальная работа —«Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества», изданная в Виттенберге в 1540 г. Экономические взгляды Лютера тесно связаны с его религиозной концепцией, в частности с его теорией двух порядков. Понимая, что в современной ему действительности невозможны отношения между людьми в строгом соответствии со Священным писанием, он обосновывает необходимость светской власти. Главной задачей светской власти и церкви в этот период должна была стать, по мысли Лютера, борьба с ростовщичеством. Светская власть при этом должна действовать силой, а церковь — убеждением и советами. При этом, считает

Лютер, князья должны управлять разумно, т. е. не только опираться на писаные законы и рекомендации юристов, но прежде всего действовать на благо своих подданных. Поэтому Лютер оправдывает мелкое ростовщичество сирот, вдов и стариков, если оно вызвано бедностью. К тому же он считает необходимым законодательно ограничить норму процента. Лютер приводит, в частности, в качестве исторических примеров деятельность Солона в Афинах и Неемии в Иудее, ограничивших процент по ссудам 12 % в год, а также деятельность Александра Македонского и Юстиниана. Однако так как в раздробленной Германии «светская власть нерадива и ленива, а частично слишком слаба, чтобы защитить от такой беды (какой является ростовщичество.— *Авт.*), то священники,— считает Лютер,— должны учить народ и приучать его к тому, чтобы ростовщиков и скряг принимать за живых чертей...». Поэтому Лютер уделяет главное внимание разоблачению оснований для изъятия процента, учит распознавать замаскированные формы ростовщичества, различает ссуду и займ, кредит в товарной и денежной форме, т. е. по существу коммерческий и банковский кредит. Он гневно осуждает любые попытки оправдания взимания процента. Критикуя ростовщика, Лютер не только показывает страсть к накоплению, характерную для этой допотопной формы капитала, но и дает наглядный образ капитала вообще. «Язычники,— пишет Лютер,— могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик; и все же он сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице... Поэтому на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми... Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным...»[11] Лютер рассматривает ростовщический капитал как накопленный (или, точнее, капитализированный) процент. «Вообще наиболее сильным моментом в его полемике,— пишет К. Маркс,— является то, что

главным пунктом нападения он избирает *врастание процента в капитал*»[12].

Другой его сильной стороной была критика торгашеского феодализма — союза ростовщиков и дворян. «...Исполняется пророчество Исайи,— пишет он,— князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные воры расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасаюсь, что это уже на пороге»[13].

Критикуя представителей торгашеского феодализма, Лютер выступает на стороне предприимчивого и делового хозяина, бюргера, превращающегося в мелкого буржуа. Поэтому он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»[14]. Он отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека. Эти мотивы морального оправдания буржуазного предпринимательства получают еще большее развитие в учении о богоизбранности Жана Кальвина (1509—1564).

В своем главном сочинении «Наставление в христианской вере» (1536) он развил учение о божественном предопределении. Согласно его вероучению, одних бог предопределил к спасению и вечному блаженству (избранные), других — к осуждению и вечным мукам (осужденные). Хотя предопределение фатально, никто, однако, не знает, что ждет его лично: спасение или осуждение. Каждый христианин должен думать, что именно он — божий избранник, и в своей деятельности, своей профессии должен доказать свою избранность. В качестве показателя избранности Кальвин берет денежное богатство — эту абстрактно-всеобщую, универсальную форму выражения успеха в капиталистическом обществе.

В соответствии с потребностями буржуазии кальвинизм еще более упростил христианский культ, ориентируясь уже не только на Новый, но и на Ветхий завет. Новое вероучение, выражая интересы буржуазии эпохи перво-

начального накопления, пропагандировало мирской аскетизм. Бережливость и расчетливость, скопидомство и накопительство объявляются первейшими гражданскими обязанностями каждого представителя нарождающегося буржуазного класса. Кальвинизм стал идеологией наиболее передовой части буржуазии, теоретическим оружием Нидерландской и Английской буржуазных революций. «...Там, где Лютера постигла неудача,— писал Ф. Энгельс,— победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии»[15].

2. Экономическая программа крестьянских масс. Т. Мюнцер

Если М. Лютер и Ж. Кальвин выражали интересы буржуазии, то наиболее радикальным выразителем интересов широких крестьянских масс стал Томас Мюнцер (ок. 1490—1525). Вначале он поддерживал борьбу М. Лютера против католической церкви, но отвергал его тезис о необходимом пассивном смирении в светских делах. В 1521 г. Т. Мюнцер окончательно порвал с Лютером и стал развивать учение, связанное с активной борьбой

народных масс. Оно обращалось к революционным традициям чешских таборитов. В Цвиккау Т. Мюнцер устанавливает контакты с сектой анабаптистов, придерживавшейся хилиастических воззрений и руководимой Никласом Шторхом. Вынужденный в 1521 г. покинуть этот город, Мюнцер попадает в Прагу, где устанавливает связь с гуситами. Изгнанный и оттуда, он в 1522 г. обосновывается в Альштедте (Тюрингия), где развертывает реформаторскую деятельность. Мюнцер отменяет латинский язык в богослужении, предвосхищая мероприятия Лютера.

Вокруг Мюнцера стали возникать группы учеников и сторонников, широко распространявших его идеи. Установив связь с крестьянским движением, Мюнцер начал борьбу с князьями. Отмежевываясь от умеренного лютеранства, он заявлял, что с «наступлением жатвы следует вырывать сорняки из ветрограда божьего». Как отмечал Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии», «под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»[16]. В ходе революционных событий власти должны быть «низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство». Т. Мюнцер проектировал ради этого создать союз, но наивно предусматривал присоединение к нему дворян и даже князей. В случае отказа те и другие подлежали уничтожению. В проповедях они клеймились, как и попы. Бурная деятельность Т. Мюнцера в Альштедте сопровождалась выпуском брошюр, рассылкой пропагандистов, которые обещали «тысячелетнее царство» равенства и братства. Попав в замок саксонских князей (по вызову), Мюнцер потребовал истребления безбожных правителей, попов и монахов, третирующих Евангелие как ересь. Он грозил народным гневом, так как «сила меча принадлежит всей общине», а главными виновниками народных бедствий (ростовщичество, воровство, разбой) являются князья и дворяне, забирающие все плоды земли, рыбу в воде и птицу в воздухе, грабящие крестьян и ремесленников. Поэтому фальшиво звучит и заповедь «не укради». Мюнцер заявлял: «истинно говорю вам, я буду возмущать народ»[17]. Приняв активное участие в Крестьянской войне 1524—1526 гг., ее вдохновенный проповедник погиб в 1525 г. от руки княжеских палачей во Франкенгаузенском лагере (в Тюрингии).

Мюнцер был благородной личностью, глубоким мыслителем, страстным проповедником, восторженным мечтателем и беззаветным борцом против феодализма, за освобождение и счастье народных масс. Его проекты «тысячелетнего царства» были утопическими, но они отражали классовые интересы народных масс и общинные иллюзии крестьянства. Требования равенства и ликвидации налогового бремени, барщины и оброков прямо вытекали из антифеодальных настроений крестьянства. Следовательно, истоки революционного пафоса Мюнцера были объективны и реальны. Его критика феодального режима тоже носила реалистический характер и была прогрессивна. Утопичны были лишь проекты будущего, навеянные отчасти хилиастическими иллюзиями средневековья. Традиция Мюнцера состояла в том, что ликвидация феодализма, церковной иерархии и княжеского деспотизма казалась ему еще неразрывно связанной с торжеством равенства и братства, исчезновением всякой эксплуатации. Идеи Т. Мюнцера оказали большое влияние на развитие Крестьянской войны в Германии.

Именно в кругу Т. Мюнцера в конце 1524 г. была составлена первая программа революционного крестьянства, известная под названием «Статейное письмо». «Так как до настоящего времени,— говорилось в нем,— на бедных, простых людей городов и деревень... налагались большие тяготы духовными и светскими господами и властями, которых те и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом самого себя, свое потомство и потомство потомства». Задача объединившегося народа заключается в том, чтобы «освободиться совсем». По мнению авторов письма, «светскому отлучению» должны были быть подвергнуты все замки, монастыри и церкви, если только дворяне, попы и монахи не покинут их добровольно, не переселятся в обычные жилища, подобно остальным людям, и не примкнут к христианскому союзу. Как отмечал Ф. Энгельс, «в этом радикальном манифесте... речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги»[18].

Кроме такого радикального документа, каким было «Статейное письмо», в ходе Крестьянской войны выдвигались и более умеренные программы, включавшие конкретные требования восставших крестьян. В Швабии они были изложены в «XII статьях». Крестьяне требовали отмены малой десятины и расходования большой десятины на общественные нужды (после оплаты трудов священника), освобождения от крепостной зависимости, ограничения налогов, повинностей и барщины, возврата общинам пастбищ, лесов, прав на охоту и рыбную ловлю, ликвидации произвола судебного и административного. Хотя эта программа была умеренной, она также носила антифеодальный характер.

В мае 1525 г. во Франконии под руководством дворянина Гиплера была составлена Гейльброннская программа. Однако содержала она преимущественно политические требования бюргерства (отмена внутренних пошлин, создание единой монеты, унификация мер и весов, секуляризация церковных владений и т. д.). Правда, ставился вопрос о выкупе крестьянских повинностей за двадцатикратную цену.

Крестьянская война потерпела поражение. Причину этого Энгельс видел в разрозненности крестьянских выступлений и неумении всех слоев оппозиции возвыситься над местными и провинциальными интересами, в том, что даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий против княжеских войск, численность которых не достигала даже десятой части всей массы восставших[19].

3. Социальные утопии периода разложения феодализма

Важное значение для развития экономической мысли западного средневековья имели социальные утопии. Зарождение утопических идей можно найти у всех народов в легенде о прошлом «золотом веке», которая идеализировала общинный строй и господствовавшее в нем социальное равенство людей. В Древней Греции мыслители вели дискуссии об общественном неравенстве и «естественном» состоянии общества, о легендарных уравнительных реформах в Спарте и платоновской утопии кастового рабовладельческого коммунизма. На формирование идей утопического социализма большое влияние

оказало учение раннего христианства, проповедовавшее общественное человеческое равенство, братство и потребительский коммунизм.

В условиях классического средневековья утопические идеи находят отражение в ересях, в частности тех, в которых борьба народных масс против угнетения принимает форму хилиазма. Хилиастическое учение в XII в. развивал калабрийский монах Иоахим Флорский (ок. 1132—1202), который мечтал о «тысячелетнем царстве» будущего, не знающего частной собственности и свободного от рабства, нищеты, войн. Ему рисовалась фантастическая картина блаженства людей в новых условиях. Позднее, в начале XIV в., Дольчино ожидал тысячелетнего «царства божия», тоже не знающего частной собственности.

В позднем средневековье социальные утопии оказываются более многочисленными, излагаются более обстоятельно. Появляется немало специальных сочинений. Роль мистического элемента уменьшается, авторами рисуется более реалистическая картина общества будущего.

Утопические идеи социального равенства широко представлены в народных социально-религиозных учениях, ересях (табориты, анабаптисты). Своей вершины в условиях феодализма идеология социального равенства достигает в учении Томаса Мюнцера. Широкое распространение антиэксплуататорских идей в позднее средневековье объяснялось сильным обострением классовых противоречий в период перехода от феодализма к капитализму, когда народные массы часто оказывались под двойным гнетом — феодальным и капиталистическим. «При каждом крупном буржуазном движении,— писал Ф. Энгельс,— вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата... Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя»[20].

Выдающиеся мыслители и писатели-гуманисты англичанин Томас Мор и итальянец Томмазо Кампанелла дали глубокую критику общества того времени, основанного на частной собственности, и нарисовали картину общества социального равенства, опирающегося на «общность имуществ».

Утопия Томаса Мора (1478—1535) явилась прямым отражением острых классовых противоречий того време-

ни, вызванных аграрным переворотом в Англии. Мор занимал самые высокие государственные должности, в том числе главы правительства (лорд-канцлера). Однако великий утопист оказался в оппозиции к королю Генриху VIII, не признав его главой церкви, и был казнен.

Сочувствуя бедствиям английского народа, Мор в 1516 г. опубликовал сочинение под длинным названием «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Эта книга, известная под кратким названием «Утопия», приобрела необычайную популярность и обогатила общественную мысль. В ней были высказаны идеи утопического социализма, обнажены и ярко показаны социальные язвы Англии начала XVI в. Критика феодализма получилась красноречивой. Более того, она переносилась и на капитализм, рождающийся в муках аграрного переворота.

Фактически Т. Мор был не только утопистом. Анализ существующего строя был вполне реалистическим. Гуманизм Мора не мирился с жестокостью репрессий абсолютизма. Он считал, что власти действуют вроде плохих педагогов: «охотнее бьют учеников, чем их учат». Мор не отрицал, что воров порождает и бедность, но подчеркивал, что в этом повинны также королевские чиновники. Они доводят бедняков до воровства, а затем жестоко карают. Мор считал недостойным для короля править нищими, предварительно разорив их, в том числе с помощью порчи монеты ради пополнения королевских доходов. В его книге осуждались также захватнические войны, как порождающие склонность к разбою и наглости, нарушению законов, презрительному отношению к ним. С сарказмом высмеивал Мор паразитизм феодальной знати, которая окружает себя блестящей свитой, но, «подобно трутням, живет трудами других», своих арендаторов «стрижет до живого мяса».

Резкой критике подверглись огораживания общинных земель в пользу лордов и присвоения крестьянских наделов для расширения господских пастбищ. Обращаясь к лордам, Мор писал: «...ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города». Мора возмущало то, что аристократы и даже аббаты, слывущие за «святых людей», не довольствуются своей паразитической и бесполезной жизнью за счет доходов от имений, а пре-

вращают пашни в пастбища, «сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свиных стойл». В итоге «обращаются в пустыню» все деревни и каждый клочок земли. Мор гневно писал, что лорд-огораживатель — это «ненасытная и жестокая язва отечества», уничтожающая полевые межи, обносящая изгородью тысячи акров земли, сгоняющая арендаторов, вынуждающая их обманом или насилием к продаже своего достояния. Только ненасытная алчность превратила овцеводство в гибельное для народа занятие.

Корень зла Мор видел в частной собственности, в условиях господства которой человек обречен на голодную смерть, если «не позаботится о себе лично», нет даже следов «справедливости и беспристрастия». Многие ничего не делают или выполняют бесполезную работу (дворяне, ростовщики, ювелиры и т. д.), другие же обременены трудом, который едва «могут выдержать животные» (поденщики, извозчики, земледельцы, рабочие), но бедствуют и живут в условиях хуже скотских. Заработков хватает лишь на потребности того же дня, а общество не проявляет ни малейшей заботы об этих людях. Зато оно одаривает банкиров, ростовщиков и т. д. Даже государство оказывается «заговором богачей», под защитой которого «„омерзительные“ люди, в силу своей ненасытной алчности, поделили в своей среде все то, чего хватило бы на всех»[21].

Таким образом, Т. Мор красноречиво показал бедствия народных масс, гибельные последствия для них экспроприации крестьянства, превращения пашен в пастбища, развития аграрного капитализма. Автор «Утопии» выступал блестящим критиком феодализма, дворянского паразитизма, ростовщичества. Мор был также первым в истории критиком капитализма. Он проявлял заботу о наемных рабочих, считал частную собственность первоисточником всех зол. Маркс ссылался на Мора как на критика аграрного переворота в Англии XVI в.[22]

На «государство богатых» Мор не мог возлагать надежды. Поэтому он ограничился лишь изложением своей мечты о лучшем общественном устройстве, встал на путь социального утопизма, исключающего частную собственность и все бедствия, связанные с ней. Прообраз общества будущего Мор искал на неведомом острове, где население пользовалось благами республики, не знало частной собственности, жило в условиях равенства, достигло распределения продуктов по потребностям. Весьма важным

моментом организации общества у Т. Мора является коммунистическое преобразование не только сферы потребления, но и прежде всего самого производства. Хотя производство и размещается на мелких предприятиях, но является общественным. Его продукция поступает на общественные склады. Отсутствует социальный паразитизм, ибо участие в труде для всех обязательно[23]. Здесь нет денег. Рабочий день в Утопии длится не более шести часов. Семья — главная хозяйственная ячейка — организована на производственных началах. Граждане имеют время для занятий искусством, наукой. Обучение детей связано с потребностями производства.

Хотя Т. Мор высказывал гениальные догадки о возможности изобилия при общности благ, о гармоническом сочетании личных интересов с интересами общества без ущерба для свободы личности, в его трактовке материальных потребностей людей присутствуют элементы уравнительности и аскетизма. Потребности в еде и одежде ограничены до минимума. В Утопии всякая физическая работа остается «телесным рабством» и не доставляет гражданам никакого удовольствия. Поэтому есть специальные должностные лица, которые следят за тем, чтобы все усердно трудились.

Об ограниченности представлений Т. Мора об обществе будущего свидетельствует также то, что в Утопии сохраняется и рабство (правда, в смягченном виде), и своеобразная социальная иерархия, и власть верховного управителя (князя), что противоречит строю с подлинным равенством людей. Сам Мор не очень верил в возможность осуществления своих идей.

Тем не менее Т. Мор может рассматриваться как основоположник утопического социализма, сформулировавший его существенные идеи. Его взгляды оказали огромное влияние на развитие общественной мысли, а название его книги относят теперь ко всему домарксистскому периоду социалистических и коммунистических исканий и мечтаний.

Яркое отражение социальные утопии западноевропейского средневековья нашли в сочинениях Томмазо Кампанеллы (1568—1639) — итальянского революционера, выходца из среды крестьянской бедноты Калабрии, отличавшегося большой ученостью. В 1598—1599 гг. он возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества. Однако заговор был раскрыт предателями, и почти на 27 лет его организатор попал в тюрьму. Там он написал

свое знаменитое сочинение «Город Солнца», где осуждал феодальный режим и политический деспотизм, господство частной собственности как первоисточника эгоизма, зависти, лицемерия, грабительства, нищеты. Нищета приводит к тому, что бедные люди становятся ворами, негодяями, отверженными. Поэтому Кампанелла решительно осуждал паразитизм и роскошь знати и богатого купечества, предающихся праздности и распутству.

Для утешения угнетенных масс народа Кампанелла показал возможность другого общества весьма необычайным образом (как и Томас Мор). Город Солнца находится на далеком острове Тапробане (вероятно, Цейлон), где жители занимаются в основном сельским хозяйством в небольших общинах, ремесло не играет важной роли, а торговля разрешается лишь у городских ворот. Островитяне не знают частной собственности, индивидуальной семьи, недостатка продуктов. Невозможен и социальный паразитизм, поскольку все участвуют в труде. Наиболее тяжелую работу выполняют мужчины. Каждый получает ее с учетом способностей. Автор полемизировал с Аристотелем, доказывая, что частная собственность не является обязательным условием трудолюбия. Ведь при ее отсутствии у островитян остается «только любовь к свободе» и становится возможным сокращенный рабочий день (до 4 часов). В государстве соляриев нет нищеты, ибо уничтожение частной собственности приводит к изобилию продуктов. Рабство исключается, а пленников продают или используют на работах вне города. В таком обществе не люди «служат вещам, а вещи служат им». Потребление продуктов является общественным[24].

Как видим, и в сочинении Т. Кампанеллы было много реалистического, а не только утопического. Критика общественного строя феодальной Италии и испанского абсолютизма отличалась реализмом, ибо обнажала социальные пороки того времени, порождаемые господством дворянства, обогащением купечества. Эти пороки и классовые противоречия правомерно трактовались как порождение частной собственности, влекущей обогащение одних и обнищание других. Критика феодализма перерастала в критику капитализма. Но условий для ликвидации частной собственности еще не было. Поэтому Кампанелле приходилось переносить решение социальных проблем на далекий остров, подменять свои проекты описанием неведомого гармоничного общества. Гениально предсказывалось будущее торжество общественной собственности на

средства производства, исчезновение индивидуального производства. Правда, ошибочно предполагалось и уничтожение индивидуальной семьи, причем под влиянием, видимо, сочинений Платона. Как указывал Ф. Энгельс, коммунизм Т. Кампанеллы —«только вчерне обработанный», «грубый коммунизм». Он носит уравнительный характер. Кампанелла проектировал его не на базе ремесла и земледелия. Но его идеи, наряду с идеями Т. Мора, открывали путь к будущему.

Социальные утопии позднего средневековья не были только утопиями. Критика Т. Мором и Т. Кампанеллой феодализма и зарождающегося капитализма носила вполне реалистический характер, давала основание для революционно-демократических выводов. Борьба с социальным паразитизмом была благородна и прогрессивна.

Т. Мор и Т. Кампанелла в своих коммунистических утопиях сделали важный шаг вперед от идеи общности потребления к идее общественной собственности и организации хозяйственной жизни общества как единого целого; от идеала замкнутой патриархальной общины к идеалу крупного политического образования в виде города или федерации городов, к признанию важнейшей роли государственной власти в утверждении основ разумного социального строя.

Однако в силу исторической ограниченности утописты, разоблачая пороки эксплуататорского строя, не могли указать действительного пути для создания нового общества. Гуманизм утопистов был, по справедливому замечанию Ф. Энгельса, «первой формой буржуазного просвещения»[25].

Глава 19

МЕРКАНТИЛИЗМ

1. Предпосылки генезиса меркантилизма. Два этапа развития: монетаризм и теория «торгового баланса»

Первым проявлением идей буржуазной политэкономии стал меркантилизм. В Западной Европе он зародился уже в XVI в., но широкое распространение получил в XVII столетии. Главной предпосылкой генезиса меркантилизма было разложение феодализма и зарождение капитализма. Процесс разложения феодальной систе-

мы порождал острые экономические противоречия. Пытаясь преодолеть их, дворянский абсолютизм во Франции, России стремился форсировать торговлю и промышленность меркантилистскими методами, чтобы устранить экономическую ограниченность феодализма путем развития мануфактурной промышленности. Кольбертизм и экономическая политика Петра I дают об этом наглядное представление. Меркантилизм как политика оказывался на вооружении абсолютизма, в том числе и мелкокняжеского (в Германии).

Но меркантилизм был буржуазным течением экономической мысли по своему происхождению, природе и задачам. Он возник на базе обобщения опыта первоначального накопления капитала и решал практические вопросы ускорения этого процесса. Меркантилизм выражал интересы торговой буржуазии. Не случайно Голландия была объявлена идеалом меркантилизма: в XVII в. она достигла необычайного расцвета и обогащения, развивая судоходство, внешнюю торговлю и колониальную экспансию. Маленькая страна бросила вызов Испании, овладев морскими коммуникациями и став властелином огромной торговой империи. Золотой поток, обогащавший голландскую буржуазию, ослеплял меркантилистов. Они призывали учиться у Голландии. На подобный путь развития становились Англия, Франция, Испания и Португалия.

Следовательно, меркантилизм не был случайным явлением в истории экономической мысли Европы. Он имел реальную базу, отличался практицизмом и решал актуальные проблемы своего времени. Следует отметить, что А. Смит без всяких оснований высмеивал меркантилизм как разновидность суеверий средневековья (вроде католицизма), а последующие буржуазные экономисты вплоть до наших дней характеризуют воззрения меркантилистов как наивные и странные. Игнорируется тот факт, что они явились выразителями сокровенных вожделений буржуазии — ее жажды безграничного обогащения за счет торгового грабежа и колониального разбоя. Меркантилисты толковали об увеличении национального богатства, а фактически искали пути спекулятивного обогащения буржуазии, особенно за счет ограбления других стран и колоний.

Не случайным было и обоготворение золота. Шло оскудение дворянства, ускоренное «революцией цен», его титулы и звания теряли значение перед капиталом, который выступал в золотой оболочке. Меркантилисты уже

понимали, что капитал превращается в могущественную силу, играет роль «золотого тельца» в экономике развивающегося капитализма. Они и в этом отношении выражали взгляды буржуазии, ее преклонение перед золотом. Маркс писал 21 февраля 1849 г., что «золото и серебро во все времена являются ключом к сердцу буржуазии»[1].

В теоретическом отношении меркантилизм был весьма слаб, поскольку буржуазная политэкономия находилась в младенческом состоянии. Меркантилисты не дали и не могли дать развернутой теории капитализма, не анализировали его законов и категорий. Они трактовали преимущественно вопросы экономической политики и решали их конкретно, практически.

Концепция меркантилизма, как показал К. Маркс, прошла два этапа в своем историческом развитии. Для первого из них была характерна монетарная политика, направленная на решение проблемы накопления золота в национальном масштабе путем манипуляций в сфере денежного обращения, его регулирования.

В работе «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельс писал, что «политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения», которая «носит на своем челе печать самого отвратительного корыстолюбия». В эту пору «люди еще жили наивным представлением, что богатство заключается якобы в золоте и серебре», нужно только поскорее запретить вывоз благородных металлов, а нации «стояли друг против друга, как скряги, обхватив обеими руками дорогой им денежный мешок...»[2]. Энгельс вскрыл корни монетарной системы, показав ее связь с изменениями в экономике XVI в.: разложением натурального хозяйства, необычайным развитием торговли, быстрым формированием купечества, проявлением его хозяйственных и классовых интересов. Купцам потребовалась «наука обогащения», и ее пытались создать их идеологи — меркантилисты. Много позднее в «Капитале» К. Маркс приходит к выводу, что «монетарная система есть просто выражение иррациональной формы Д — Т — Д′, движения, протекающего исключительно в сфере обращения...»[3]. Это пристрастие к денежной форме накопления капитала явилось действительно специфической чертой монетаризма. Хотя эта черта была присуща всей меркантилистской системе,

в воззрениях монетаристов она выступала особенно ярко, приобретя даже уродливые формы.

Монетаризм был еще примитивной формой собственно меркантилизма, характерной для XVI в. и ориентировавшейся на запрет вывоза денег, ограничение импорта, усиление добычи золота и серебра, установление высоких пошлин на ввоз товаров, снижение ссудного процента. Такие запреты многократно устанавливались в Испании XVI столетия, но не дали нужных результатов. Монетаризм оказался экономически бесплодным. Он был архаической формой экономической политики, отчасти унаследованной от средневековья и приспособленной к условиям абсолютизма. На монетаризме сказывалось еще влияние натурального хозяйства, городской регламентации торговли и денежного обращения, ориентирующейся на замкнутость экономики каждого города.

Основоположники марксизма, подвергнув критике монетаризм, вскрыли причины его эволюции и неизбежность перехода к принципу «торгового баланса». Как отмечал Ф. Энгельс, монетаризм при последовательном его проведении убил бы торговлю. Кроме того, «стало ясно, что капитал, неподвижно лежащий в сундуке, мертв, тогда как в обращении он постоянно возрастает». Именно на этой основе и возникла теория «торгового баланса», допускающая широкое развитие внешней торговли, хотя упорно отстаивалось мнение, «будто богатство заключается в золоте и серебре». Прибыльными признавались лишь операции, приносящие стране «наличные деньги»[4].

Поскольку испанский монетаризм оказался несостоятельным (чисто административные методы накопления золота и серебра оказались бесплодными), начался пересмотр этой доктрины. Во второй половине XVI в. меркантилисты выдвинули теорию «торгового баланса», более зрелую и соответствующую новым условиям мировой торговли. Возникла, по выражению Маркса, меркантилистская система в собственном смысле слова, начался второй этап развития меркантилизма. Поздние меркантилисты центр тяжести переносили из сферы денежного обращения в сферу товарного обмена. Они отказались от запрета вывоза денег за границу, ограничений импорта иноземных товаров и ориентировались на форсирование экспорта национальной продукции, прежде всего промышленной, завоевание рынков, в том числе колониальных.

Идеи позднего меркантилизма усиленно проповедовали английские сторонники этого направления, предлагавшие

создать более благоприятные условия для развития торговли своей страны, с использованием преимущественно экономических факторов, путем достижения активного торгового баланса. Для этого английские меркантилисты предлагали ускорить развитие судоходства и экспортных отраслей промышленности. Они допускали свободное движение ссудного процента, осуждали накопление сокровищ, ибо деньги, по их мнению, все время должны находиться в обороте. Импорт товаров не исключался, если он не делал торговый баланс пассивным. Допускалось вмешательство государства в экономическую жизнь, но более ограниченное и преимущественно поощрительное (заключение торговых договоров, содействие судоходству, организация колониальных экспедиций и т. д.). Одобрялся сбор высоких налогов.

Значение теории «торгового баланса» состояло в том, что она давала более зрелое и эффективное решение экономических проблем периода первоначального накопления капитала и мануфактурного капитализма. Активное сальдо торгового баланса действительно являлось важным источником обогащения буржуазии, причем постоянным и надежным, не связанным со случайностями политической жизни и административной деятельности. Это значит, что поздние меркантилисты, открыв один из важных источников накопления капитала, правильно понимали экономические задачи своей эпохи, поскольку время промышленных переворотов еще не пришло. Приходилось ориентироваться на торговлю как на источник капиталистической прибыли.

Важно отметить, что меркантилизм (особенно на втором этапе) порывал с традициями экономической мысли средневековья, ее поисками «справедливой цены», осуждением ростовщичества, оправданием регламентации хозяйственной жизни, нормативизмом, ориентацией на натуральное хозяйство, связью с богословием, нравоучительными догмами и т. д. Меркантилизм был первой ступенью либерализации средневековой торговли, хотя позднее, на более зрелом этапе экономического развития, и подвергался острой критике со стороны фритредеров. На самом деле меркантилисты освобождали купца от «справедливых цен» и ограничений конкуренции, пытались реабилитировать его спекулятивные операции и барыши, разрешали торговать товарами любого качества, а тем более на мировом рынке. Они санкционировали ростов-

щичество, порывали с богословием, нравственными сентенциями, с натурально-хозяйственными воззрениями.

2. Роль меркантилизма в развитии экономических идей

К. Маркс разоблачил легенду А. Смита о беспочвенности и иллюзорности меркантилистских идей. На самом деле они были отражением незрелости капитализма XVI — XVII вв., господства торговли над промышленностью, когда в сфере обращения формировались крупные капиталы и шло их «первоначальное накопление». Именно это привело к идеализации денежной формы стоимости (золота и серебра).

К. Маркс блестяще раскрыл особенности методологии и теории меркантилизма, показал его слабые места и ограниченность. В работе «К критике политической экономии» Маркс писал, что, исследуя сферу обращения, меркантилисты «смешивали деньги с капиталом», но при этом выбалтывали «в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства, его полное подчинение меновой стоимости», что вызвало нападки последующих буржуазных экономистов, которые объявляли меркантилизм иллюзией, ложной теорией. По мнению Маркса, «эта система сохраняет не только историческое право, но так же в определенных сферах современной экономики... полное право гражданства», поскольку меновая стоимость и в ней принимает форму денег, а золото и серебро сохраняют «специфические функции» в качестве «денег в отличие от их функции средства обращения». Эти специфические функции только ограничиваются, продолжает существовать противоположность золота и серебра другим товарам[5].

Самым слабым местом в методологии меркантилизма являлось то, что он в силу исторических условий не мог выйти за рамки сферы обращения. Меркантилисты исходили из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, в каком они обособились в движении торгового капитала, схватывая только внешнюю видимость явлений. К. Маркс подчеркивал, что это происходило отчасти потому, что торговый капитал был первой свободной формой существования капитала вообще, отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое торговый капитал имел в первый период переворота в феодальном производстве — в период возникновения капиталистического производства.

К. Маркс пришел к выводу, что концепция меркантилизма по своему «грубому реализму являлась настоящей вульгарной политической экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план зачатки научного анализа у Петти и его последователей». Но это критическое замечание Маркс относил лишь к воззрениям меркантилистов на капитал и прибавочную стоимость. Он отмечал, что «производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства. В ее продолжении, в меркантилистской системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости,— но с бессодержательной [begriffslos] точки зрения сферы обращения — и притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в положительном сальдо торгового баланса»[6]. В первой главе I тома «Капитала» К. Маркс приходил к выводу, что стоимость и величина стоимости вовсе не вытекают из способа ее выражения как меновой стоимости вопреки мнению меркантилистов. Зато «меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах»[7].

Таким образом, можно отметить определенные достижения меркантилистов в освещении вопросов теории капитализма. Речь идет о признании товарных связей предпосылкой капитализма и условием его развития, о прикосновении к тайне буржуазного общества, призванного «делать деньги», и ее ярком выражении (хотя и в грубой форме), о поисках источника прибыли, склонности к анализу качественной стороны выражения стоимости (в виде меновой стоимости), эквивалентной форме товара. Это значит, что меркантилизм даже в своей монетарной форме имел значение для анализа кругооборота капитала в XIX в. Однако Маркс беспощадно и саркастически разоблачал методологические пороки теории меркантилизма, которая не стала истинной политэкономией. Она не вышла за пределы сферы обращения, отражала лишь исторически ограниченную роль купеческого капитала, предпочитала трактовку практических вопросов, не решая проблему первоисточника прибыли.

В методологии меркантилисты не вышли за рамки эмпиризма, оказавшись не способными к дедуктивным построениям и обобщениям. Они ограничивались проблемами сферы обращения, довольствовались описанием поверхностных явлений обмена, придерживались меновой концепции. Критика феодализма как строя у них отсутствовала. Вопросы теории товарного производства не были решены, отсутствовала теория стоимости, хотя цена и противопоставлялась издержкам производства. Сама идея экономического закона была чужда меркантилизму. Функции денег трактовались односторонне. Монетаристы сводили их к накоплению богатства, теоретики «торгового баланса» добавили функцию средства обращения. Первые склонялись к идеям будущего номинализма при трактовке стоимости денег, но оказывались в противоречии со своим учением. Теоретики «торгового баланса» высказывали идеи, созвучные количественной теории денег. Денежный фетишизм был характерен для меркантилизма. Отдавалась дань натурализму, поскольку всякое золото объявлялось деньгами. За ними не замечалось социальных отношений.

Для монетарной и меркантилистской концепций был характерен взгляд, «согласно которому продажа товаров выше их стоимости и возникающая отсюда прибыль создают прибавочную стоимость, положительное увеличение богатства» и «будто прибыль отдельного капитала есть не что иное, как этот избыток цены над стоимостью —„прибыль от отчуждения“». При этом монетарная теория находит источник прибыли «только в обмене с другими странами», а меркантилистская — в активном сальдо торгового баланса, не видя «дальше того, что эта стоимость представлена в деньгах (золоте и серебре)»[8]. К. Маркс подчеркивал, что, по мнению меркантилистов, в сфере всякого производства может создаваться прибавочная стоимость только посредством «прибыли от отчуждения», продажи товаров выше их стоимости, а что́ «выигрывает один, то теряет другой», и внутри страны нет «никакого образования прибавочной стоимости». Меркантилисты отрицали на деле образование абсолютной прибавочной стоимости, утверждая, что она «выступает как *деньги*»[9].

Постановка меркантилистами проблемы первоисточника капиталистических доходов и анализ прибыли от отчуждения свидетельствовали о том, что они нащупывали один из этих источников в сфере неэквивалентного обмена. Фактически у меркантилистов проблема сводилась

к перераспределению купеческой прибыли, а не к выявлению ее первоисточника. Они игнорировали прибыль, возникающую в сфере мануфактурного производства. Не понимали они и роли внутренней торговли, хотя она была важной сферой формирования купеческих доходов. Прибыльными меркантилисты объявили лишь экспортные отрасли производства, а простую наценку при продаже товаров наивно считали первоисточником прибыли. Хотя меркантилисты предпочитали неэквивалентный обмен, но своими рассуждениями о нем фактически ставили проблему эквивалентного обмена. Но именно попытки ее решения в дальнейшем привели классическую буржуазную политэкономию к поискам экономического закона товарного обращения, а затем и товарного производства.

Важно подчеркнуть, что меркантилисты рассматривали прибыль как самостоятельную категорию, не зависящую от ренты — феодальной или капиталистической.

Односторонний подход к анализу экономики сказывался у меркантилистов и при трактовке производительного труда. Как отмечал К. Маркс, у них труд производителен лишь в тех отраслях производства, продукты которых, будучи отправлены за границу, приносят стране бо́льшие деньги, чем они стоили. Меркантилисты выдвигали неосознанную идею о связи производительного труда с прибылью. Они видели, что в XVI — XVII вв. открытие новых месторождений золота и серебра вызвало огромный приток благородных металлов и быстрое обогащение предпринимателей. Они заметили выгодность ввоза товаров в страны, производящие благородные металлы, и заявляли, что производительным является только труд, занятый в экспортных отраслях, продажа товаров которых в обмен на серебро и золото приносит прибыль.

Как видим, у меркантилистов есть проблески зрелых идей, поскольку они производительность труда связывали с функционированием капитала, прибыльностью его применения. Но ограничение этого лишь немногими отраслями производства экспортного назначения было явно односторонним, ошибочным. По мнению Маркса, иллюзии монетарной системы возникают «из того, что она не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами»[10].

Меркантилистская экономическая политика сводилась к заботам об обмене и приливе золота[11]. Для идеологов

купцов и фабрикантов эпохи меркантилизма характерно некоторое понимание роли «ускоренного развития капитала» принудительными методами для перехода от феодализма к капитализму. Но этот переход своеобразен в каждой стране, и поэтому национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляли интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью политики государства. Но в то же время меркантилисты сознавали, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось основой национальной силы и национального превосходства. В статье «Положение во Франции» (1860) К. Маркс писал, что «отмена пошлин на сельскохозяйственное сырье составляет главный пункт доктрины меркантилистов XVIII века»[12]. Позднее в «Наброске доклада по ирландскому вопросу» (1867) он отмечал, что в 1698 г. английский парламент «обложил *огромной пошлиной* ввоз ирландских изделий» и «*запретил их вывоз в другие страны*»[13].

К. Маркс убедительно разоблачил классовый характер экономической программы меркантилизма, показав, что обогащение буржуазии выдавалось за умножение богатства нации.

В целом можно утверждать, что меркантилистами были сделаны некоторые шаги и в области экономической теории, поскольку ими трактовался капитализм как новый способ производства, выявлялись многие его черты. К. Маркс писал, что уже монетарная теория стояла «на страже у колыбели буржуазной экономии»[14]. Ведь меркантилизм ориентировался на мануфактурный капитализм и впервые в мировой истории делал его предметом исследования, хотя и поверхностно. Поиски источника торговой прибыли были невозможны без понимания отличий капитализма от феодализма, новых условий торговли и методов ее использования.

Меркантилизм открыл новый мир для экономических исследований, хотя смог осветить его только отчасти. Это была самодовлеющая стихия движения товарного обращения, свободная от попечительской регламентации — цеховой, муниципальной, королевской. Тем самым открывались невиданные возможности для экономического анализа, выяснения ряда закономерностей товарного рынка и денежного обращения. Перед экономической мыслью

последующих веков была поставлена грандиозная задача, которая породила новые теории стоимости. Получил признание эмпирический метод исследований меркантилистов, который в отличие от схоластического давал фактологическую базу для экономического анализа, хотя и был односторонним. Крупным шагом вперед стало частичное использование статистики. Она делала более надежными выводы. Меркантилизм породил специальную литературу экономического характера. В ней нашли отражение экономические интересы и требования нового класса — буржуазии, хотя и представленного только купцами и мануфактуристами. Для них была сформулирована невозможная в средние века экономическая программа торгового ограбления аграрных стран и колоний, вполне отвечающая условиям генезиса мануфактурного капитализма. Это была программа первоначального накопления капитала.

Поздний меркантилизм был прогрессивным. Он содействовал развитию торговли, судостроения, экспортной промышленности, международного разделения труда. Ведь это означало развитие производительных сил. Меркантилисты заметили грядущее величие капитала, его социальное значение, всевозрастающую экономическую роль. Святыням и титулам феодального мира был противопоставлен его величество капитал, да еще в золотой оболочке. Как предвестники нового, буржуазного мира, они наконец реабилитировали прибыль, признали ее правомерность, если даже она добывается грязными методами обмана, спекуляции, взвинчивания цен. Меркантилисты дали новую классификацию достоинств отдельных профессий и отраслей производства. Производительным был признан труд, содействующий получению прибыли, т. е. связанный с функционированием капитала, работой экспортных отраслей промышленности, внешней торговлей.

Появилось новое понимание богатства как скопления золота и серебра, чуждое эпохе феодализма, когда крупное землевладение олицетворяло богатство, толкуемое в натурально-хозяйственном смысле. В понимании меркантилистов богатство не связывалось с землей, оно сближалось с капиталом. Центр тяжести перемещался на движимое имущество. Меркантилисты ввели емкое понятие «национальное богатство», хотя и использовали его для реабилитации грабительской деятельности буржуазии.

Это понятие обогатило экономическую мысль XVI—XVII вв. и позднее широко использовалось экономистами.

Отрицая средневековую регламентацию хозяйственной жизни, меркантилисты в основном ориентировались на экономические факторы роста производства и торговли. Одобрялось стимулирование мануфактурного производства с помощью субсидий, раздачи земель, рудников, приглашения иностранных мастеров. Экономическая политика меркантилизма выходила за рамки сферы обращения. Важное значение придавалось росту населения, демографическим факторам. Само богатство теоретики «торгового баланса» начинали определять как «избыток продуктов» в стране, хотя и обмениваемый на иноземное золото. Они явно недооценивали роль внутренней торговли, оставаясь в плену своей фразеологии об умножении «национального богатства». Ведь фактически речь шла об ускорении обогащения буржуазии, а оно могло происходить и за счет внутренних ресурсов. Внешняя торговля была односторонне объявлена единственным источником накопления капитала, хотя она является лишь одним из них.

Меркантилисты возлагали свои надежды на государство, в том числе абсолютистское. Это было новым моментом в истории экономической мысли, не известным средневековью. Они ратовали за политику высоких налогов и ускорение с помощью их первоначального накопления капитала, за обогащение буржуазии. Меркантилизм поставил новую и важную проблему экономической роли государства, толкуя ее очень широко. Однако и в этом вопросе у меркантилистов проявлялась непоследовательность. Хотя ими провозглашалась свобода многих форм экономической деятельности, одновременно они уповали на таможенный протекционизм, монопольные компании (вроде Ост-Индской), колониальную систему, фискальный грабеж. Купцы стремились использовать абсолютизм, и это сказывалось на воззрениях теоретиков «торгового баланса».

Специфики капитализма меркантилисты не понимали. Не было дано анализа даже мануфактурного производства. Социальные проблемы капитализма игнорировались или оставались недоступными для понимания меркантилистов, интересовавшихся лишь коммерческим опытом.

Английский меркантилизм. В разных странах политика меркантилизма имела свои особенности. Наиболее развитым и типичным был английский меркантилизм. Это объяснялось тем, что Англия уже в XVI — XVII вв. значительно продвинулась вперед в экономическом развитии и два столетия (1651—1849) меркантилизм был официальной политикой государства (действовал Навигационный акт Кромвеля). О том, что в Англии был известен монетаризм, свидетельствуют «законы об истрачивании», издававшиеся в XV—XVI вв. и обязывавшие иноземных купцов тратить выручку за свои товары на покупку английских. Фактически это означало запрет вывоза монеты за границу. Монетаризм нашел отражение и в литературе, как показывает памфлет У. Стаффорда (1554—1612) «Краткое изложение некоторых обычных жалоб различных наших соотечественников»*— рыцаря, купца, богослова, ремесленника, фермера. В этом сочинении доказывался вред вывоза монеты за границу, ибо в итоге растут цены и ухудшается положение народа. Посему предлагалось запретить ввоз предметов роскоши и некоторых других товаров, регламентировать торговлю, ограничить вывоз монеты, расширить суконное производство.

Но практическое значение монетаризма было невелико, так как Тюдоры уже в XVI в. поощряли торговлю, судостроение, судоходство, поиски торговых путей и рынков. С конца этого же столетия Англия становится на путь колониальной политики. Революция 1642—1649 гг. привела к усилению политики меркантилизма. Навигационный акт Кромвеля декларировал монополию английских купцов на торговлю с колониями Англии, каботажное плавание вдоль ее берегов. Иностранным купцам разрешалось привозить в Англию лишь товары своей страны.

В XVII в. появилось много памфлетов, излагавших доктрину меркантилизма. Яркий пример дают сочинения Томаса Мена (1571—1641), одного из директоров Ост-Индской компании. Это весьма символично, ибо обоснование меркантилизма сочеталось с апологией колониализма. В 1621 г. Мен опубликовал памфлет «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией», опровергая в нем монетаризм и обосновывая теорию «торгового баланса». По

* Авторство У. Стаффорда, правда, оспаривается. Памфлет опубликован в 1581 г. под инициалами W. S.

его мнению, торговля является «пробным камнем процветания государства», когда достигается пропорциональность, ввозятся прежде всего сырье и предметы первой необходимости, материалы, нужные для войны, торговли, ремесла. Указывалось, что 10 шиллингов, затраченные в Индии на покупку товаров, превращаются в Лондоне при их продаже в 35 шиллингов. Мен заявлял, что «нет иных способов получить деньги, кроме торговли», а когда стоимость экспортных товаров будет «превышать стоимость ежегодного ввоза товаров, денежный фонд страны будет увеличиваться»[15]. Оправдывалась деятельность Ост-Индской компании, поскольку она усиливала флот и расширяла торговлю Англии.

Его второе сочинение носило весьма характерное название —«Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли, как регулятор нашего богатства» (1630). Это название очень точно выражало суть теории «торгового баланса». Здесь она получила классическую формулировку. Правда, работа была опубликована лишь в 1664 г., после смерти автора, но сыграла важную роль в развитии английского меркантилизма. Автор рекомендовал иностранцам «продавать... ежегодно на бóльшую сумму, чем мы покупаем у них», расширять сырьевую базу промышленности в сельском хозяйстве (распахивая пустыри), сокращать потребление иностранных товаров, активизировать конкуренцию с иностранными купцами (не останавливаясь даже перед снижением цен, «лишь бы не терять сбыта»), улучшать качество английской продукции. Роскошь правомерна только тогда, когда потребляются отечественные товары, когда «излишества богатых могут дать работу бедным».

Поучительным признавалось Меном обогащение Венеции, Генуи, Голландии. По его мнению, и Англия могла обогатиться, используя судоходство, внешнюю торговлю, приток денег, взимая пошлины и превратившись в склад иностранных товаров. Операции Ост-Индской компании автор называл «великим и благородным делом». Он считал допустимым вывоз денег, ибо «золото порождает торговлю, а торговля увеличивает деньги». Хранение денег в Англии не расширит ее экспорт, а их изобилие даже вредно, порождая вздорожание товаров. Полезной признавалась и убыточная внешняя торговля, поскольку она сохраняла рынки для английских товаров.

Регулирование стоимости денег Мен объявлял бесполезным, так как в торговом обороте учитывается лишь

«истинная ценность нашей монеты», а не ее название. Он осуждал порчу монеты и вмешательство государства в торговлю[16]. Т. Мен ярко выразил грабительские устремления английской буржуазии XVII в.

Меркантилистские идеи развивал и сын торговца Самуил Фортрей (1622—1681) в памфлете «Выгода и благосостояние Англии, заключающиеся в увеличении запасов и расширении торговли этого королевства»[17]. В целях поощрения развития промышленности он требовал обложения иностранных товаров высокими пошлинами. В результате цены на ввозимые в Англию товары возрастут, что приведет, по его мнению, к расширению сбыта товаров отечественного производства. Фортрей заявлял, что поэтому и роскошь богатых полезна для народа, и не беспокоился о том, что рост цен наносит ущерб народным массам.

Английские меркантилисты считали, что ради развития собственной промышленности и активного торгового баланса потребитель должен идти на жертвы. Антинародная сущность меркантилизма особенно ярко проявлялась в проповедовании необходимости трудящихся примириться с нуждой. С их точки зрения, бедность одних так же необходима, как богатство других, а доходы народа зависят якобы от роскоши господствующих классов.

Французский меркантилизм. Во Франции меркантилизм тоже сыграл очень важную роль в экономической политике абсолютизма, особенно в XVII в. Но буржуазия здесь была слабее, чем в Англии, а абсолютизм являлся дворянской диктатурой. Правда, меркантилизм во Франции приобрел отчасти и промышленный характер, поскольку абсолютизм усиленно насаждал мануфактурную промышленность, часто за счет казенных субсидий.

Политику меркантилизма взял на вооружение уже Генрих IV, всячески поощряя торговлю. Он заключил в 1606—1607 гг. ряд договоров с иностранными государствами, отказался от прав короны на выморочное имущество иностранных купцов, содействовал колонизации Канады, запретил ввоз текстильных товаров и вывоз ценного сырья — шелка, шерсти. В стране с помощью привилегий и субсидий насаждалось мануфактурное производство, особенно предметов роскоши (в чем сказывалась ограниченность дворянского меркантилизма). Ришелье продолжил эту политику в 1624—1642 гг.

Огромный размах политике меркантилизма придал министр Людовика XIV Кольбер в 1661—1683 гг. Он по-

лагал, что могущество государства определяется количеством денег в его распоряжении, а их может дать только торговля, которую нельзя увеличить, не сокрушив голландцев. Кольбер создал Ост-Индскую компанию (1664), поощрял развитие королевской мануфактурной промышленности, ввел протекционистский таможенный тариф. Его меркантилистская политика способствовала развитию товарно-денежных отношений во Франции.

Однако литература французского меркантилизма оказалась беднее его практики, к тому же она сохраняла пережитки воззрений средневековья. Некоторые меркантилистские идеи сформулировал Жан Боден (1530—1596), юрист и крупный общественный деятель, решительный сторонник абсолютизма. Его экономические воззрения были изложены в работе «Ответ на парадоксы г. Малеструа относительно вздорожания всех товаров и денег» (1568) и ее продолжении (1578). Боден отвергал средневековую регламентацию экономики (хотя и непоследовательно), ратовал за широкое развитие внешней торговли, осуждал паразитизм знати, одобрял взимание косвенных налогов. Но он не ставил вопроса о накоплении денег, о борьбе за активный торговый баланс. «Революция цен» XVI в. наивно объяснялась им изобилием денег и, следовательно, считалась вредной[18]. Он не понял, что эта революция была вызвана не простым увеличением количества золота и серебра, а их удешевлением, снижением издержек добычи благородных металлов.

Экономическая программа французского меркантилизма была подробно изложена лишь позднее Антуаном де Монкретьеном (ок. 1575—1621) в сочинении «Трактат политической экономии» (1615), давшем название целой науке. Но политическая экономия излагалась им как совокупность правил хозяйственной деятельности. Монкретьен утверждал, что «счастье людей — в богатстве, а богатство — в труде», роскошь правомерна лишь при потреблении местной продукции, когда ее производители получают работу и «прибыль остается внутри страны». Купцы «более чем полезны». Торговля —«главная цель различных ремесел»; торговая прибыль правомерна, она компенсирует риск; «золото оказалось могущественнее железа»[19]. Зато иностранцы сравнивались с насосом, выкачивающим богатство из Франции. Предлагались их изгнание, развитие промышленности, усовершенствование ее продукции. Одобрялись вмешательство государства в экономическую жизнь, взимание налогов и присвоение

даже торговой прибыли. Хотя Монкретьен не предлагал содействовать расширению внешней торговли, обоснования идеи «торгового баланса» у него не было. В его работе сохранились следы монетаризма (в крайне широком толковании прерогатив государства, в грубом решении вопроса борьбы с иностранцами). Проблема накопления капитала подменялась задачей возвышения Франции. Вопреки меркантилизму первостепенное значение придавалось «естественному богатству» (хлеб, соль, вино и т. д.), так как не количество золота и серебра делает государство богатым, а «наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды». Государство должно заботиться о крестьянах. Такие рекомендации были невозможны для английского меркантилизма.

Испанский меркантилизм. Для Испании XVI в. был характерен монетаризм. Существовала регламентация денежного обращения, вывоз из страны золота и серебра запрещался под угрозой смерти. Всякий корабль, покидающий порты Испании с грузом товаров, обязывался вернуть их стоимость в виде денег, а не товаров иностранного происхождения. Эти идеи проповедовал сторонник испанского монетаризма Мариана (1573—1624). Он заявлял, что государь должен покровительствовать торговле и земледелию, строительству мостов и дорог, хотя тот заботился лишь о военных походах, колониальных грабежах и обогащении королевского двора. Меркантилизм в Испании XVI — XVII вв. получил дворянскую направленность и оказался экономически бесплодным.

В XVIII в. в Испании появляются сторонники теории «торгового баланса». Об этом свидетельствует сочинение придворного Филиппа V Херонимо Устариса «Теория и практика торговли и мореплавания» (1724). Он доказывал, что полезна лишь торговля, делающая активным торговый баланс, а между тем Испания ежегодно теряет благородных металлов на сумму свыше 15 млн песо[20]. В сочинении указывалось на успехи Голландии и Англии, одобрялся Навигационный акт Кромвеля, рекомендовалось форсировать экспорт путем снижения пошлин и сдерживать импорт с помощью протекционизма, ускорять развитие мануфактурной промышленности, использовать иностранных мастеров, лимитировать экспорт. К. Маркс относил Устариса к «модифицированным меркантилистам»[21].

Видным представителем позднего меркантилизма был Бернардо Уллоа, который в своей работе «Восстановление

испанской промышленности и торговли» (1740) развивал теорию «торгового баланса». Среди разных видов торговли (взаимной, пассивной и активной) Уллоа отдавал предпочтение последней, как обеспечивающей приток денег в страну. Он разочаровался в экономической политике испанского абсолютизма. Он считал, что золото и серебро идут туда, куда их притягивают труд и прилежание, и поэтому рекомендовал развивать промышленность, создавать запасы сырья, снижать налоги, удешевлять рабочую силу и т. д. В испанском меркантилизме сказывалось усиление промышленных мотивов, что свидетельствовало о его теоретической зрелости в XVIII в.

Своеобразие меркантилизма в Италии. В Италии для практического меркантилизма не было экономических и политических условий. После Великих географических открытий при сохранении политической раздробленности стал неизбежен ее экономический упадок. Но итальянцы были активны в трактовке вопросов экономической теории. Особенно их интересовали вопросы денежного обращения, поскольку банковское дело и ростовщичество развивались с давних пор. Сами банкиры публиковали сочинения на эту тему. Так, банкир Гаспаро Скаруффи (1519—1584) написал «Рассуждение о монете и истинной пропорциональности между золотом и серебром» (1579), опубликованное в 1582 г., где развивались идеи, близкие к монетаризму: предлагался созыв международного съезда по вопросам денежного обращения и выпуска единой монеты для всех стран. Соотношение между золотом и серебром предполагалось установить 1:12. В этом проекте денежное обращение ставилось в зависимость от властей. Но в отличие от других монетаристов рекомендовалось ликвидировать национальные барьеры, ограничивающие обращение, золото и серебро трактовались как обычные товары. Работа Скаруффи была своеобразным произведением в меркантилистской литературе.

Флорентийский банкир Бернардо Даванцати (1529—1606) опубликовал в 1582 г. книгу «Чтение о монете», где высказывался за биметаллизм. Он осуждал хаос в денежном обращении, предлагал вернуться к беспошлинной чеканке монет и обращению слитков. Клеймо на монете считалось достаточным условием для того, чтобы деньги стали мерилом цены. Истинное богатство усматривалось в полезных вещах, а не в золоте. В данном случае автор явно расходился с фразеологией меркантилизма. Монета сравнивалась с кровью организма. Нор-

мальному обращению товаров требовалось нормальное количество денег.

Более зрелым представителем позднего итальянского меркантилизма был Антонио Серра, опубликовавший в 1613 г. «Краткий трактат о причинах, которые могут привести к изобилию золота и серебра в странах, не имеющих рудников, применительно к Неаполитанскому королевству». В трактате отвергалась концепция монетаризма. Серра придерживался теории «торгового баланса», недостаток денег в Неаполе объяснял слишком большим импортом разнообразных товаров. Он осуждал запреты вывоза денег и регламенты их обращения, вмешательство государства в экономическую жизнь. Завышение курса денег и покровительственные пошлины, по его мнению, не помогут неаполитанцам. В качестве примера им приводилась Венеция, которая имеет достаточно денег, так как развивает свою промышленность, ведет широкую торговлю. Наличие денег в государстве, лишенном рудников, ставилось в зависимость от развития ремесла, трудолюбия и изобретательности населения, размаха торговли, политики правительства[22]. Важно отметить интерес Серры к промышленному производству, что свидетельствует о его зрелости.

Камералистика и меркантилизм в Германии. В Германии позднего средневековья меркантилизм в силу экономической отсталости и особенно политической раздробленности принимал искаженные формы. Протекционизм мелких княжеств еще больше усиливал экономическую раздробленность страны. При княжеских дворах процветала камералистика (финансовая наука), представители которой изыскивали для своих господ все новые и новые доходы фискального характера. Княжеская роскошь расхваливалась как дело полезное даже для народных масс. Эту легенду распространял сам прусский король Фридрих II, как показывает его сочинение «Анти-Макиавелли» (1740). Представителем меркантилизма в Германии был Иоганн Бехер. В сочинении «Политические рассуждения» (1688) он утверждал, что «всегда лучше продавать товары другим, чем покупать их у последних». Он и восхвалял цеховую систему.

Меркантилизм в Австрии и других государствах империи Габсбургов. Меркантилистские идеи в Австрии развивал имперский секретарь, юрист Филип Горник (1638—1712), написавший памфлет «Австрия превыше всего» (1684), который переиздавался 12 раз. Для возвы-

шения Австрии и накопления в ней денег рекомендовалось разрабатывать рудники, стимулировать рост населения, привлекать иностранных мастеров, удерживать золото и серебро в обращении, ограничивать роскошь и потребление импортных товаров, форсировать экспорт. Предпочтительнее платить вдвое за плохой товар, чем покупать иноземный. Большие надежды возлагались на регламентацию производства, качество товаров.

Развитие капиталистических отношений в чешских землях в конце XVI — начале XVII в., чему способствовали обезземеливание барщинных крестьян и их вынужденный переход к кустарному производству, создало условия для возникновения там меркантилистских взглядов. В Моравии горожане из г. Брно Моргенталер и Маливский, представители молодой буржуазии, в XVII в. предложили австро-венгерскому правительству проекты, в которых нашла отражение экономическая платформа нарождающейся буржуазии. Они были владельцами мануфактур, и меркантилистская политика означала для них экономическое процветание.

Павел Гынек Моргенталер в своем проекте (1653) обратил внимание на большую утечку денежных средств в результате закупок иноземных товаров, которые могли быть изготовлены в чешских землях. Поэтому он предлагал решение — организовать найм ремесленников из других стран, занимающихся производством данных видов товара. Далее он рекомендовал провести определенную региональную специализацию так, чтобы в Чехии и Моравии изготавливались шерстяные ткани, в Силезии — полотно и кружева, а в австрийских областях — металлические инструменты. Моргенталер предлагал запретить ввоз иностранных товаров.

Адвокат Фабиан Маливский направил в 1663 г. императору большое письмо, в котором проанализировал практически все принципы меркантилизма, применяемые в габсбургской монархии. Он указал на большое количество денег, которое ежегодно уходит за границу в результате недостаточного производства товаров внутри страны. Он предлагал наряду с приглашением иностранных ремесленников начать обучение отечественных, использовать на мануфактурах бродяг, нищих и других лиц, которые в связи с процессом первоначального накопления покидали страну. При этом он подчеркивал пользу таких мероприятий для развития чешского производства. Маливский отмечал, что при развитии отечественного произ-

водства товаров значительно уменьшилось бы количество различных пошлин, связанных с ввозом товаров из-за границы. По его мнению, некоторые страны в результате реализации его проектов были бы экономически ослаблены, так как им перестали бы поступать большие доходы от государств габсбургской монархии. На примере своих собственных мануфактур в Иванчицах и Тишнове он доказывал реальность производства тех видов продуктов, которые раньше ввозились из-за границы. Хотя соображения Маливского вызвали в Вене большой интерес, после его смерти эти проекты были забыты.

Сторонником меркантилистских взглядов был также секретарь Чешской палаты Я. Боржек, который считал одним из важных препятствий на пути развития капиталистического производства цеховые регламентации. Боржек, как и другие сторонники меркантилизма, утверждал, что мануфактуры не могут экономически выжить до тех пор, пока цехи будут сохранять в своих руках привилегии. В 1699 г. он рекомендовал правительству Австро-Венгрии взять в свои руки ремонт и строительство дорог, а также отменить взимание частными лицами налогов за пользование дорогами, так как это затрудняло экономическое развитие страны. Однако его проект не был принят во внимание.

Меркантилизм в югославянских странах. Развитие капиталистических отношений создавало основу для развития меркантилизма в югославянских государствах. Не случайно одними из первых меркантилистов были жители Дубровника, который в XV — XVII вв. являлся важным центром торговли, ремесла, культуры и науки на Балканах («Славянские Афины»).

Уже в 1458 г. житель Дубровника, один из первых меркантилистов — Бенко Котрулич (1400—1468) написал на итальянском языке свой знаменитый труд «О торговле и идеальном купце». В этой работе впервые дано научное обоснование балансового счетоводства. Кроме того, Котрулич выступил против схоластической трактовки торговли как деятельности низшего порядка и подчеркнул ее значение, поскольку она обеспечивает население товарами и официально признана как род занятий. Автор критиковал ростовщичество, слишком высокий ссудный процент, особенно на кредиты, выдаваемые для приобретения товаров потребления, но оправдывал процент на капитал.

Сторонником раннего меркантилизма является также Матия Влачич (Флациус) (1520—1575) — протестант-

ский священник и литератор. В своей работе «О влиянии Римской империи на германцев» (1557) Влачич затрагивал экономические проблемы. Он указывал на необходимость постоянно заботиться о том, чтобы в стране всегда было достаточно денег, защищал кустарные промыслы. Влачич подчеркивал, что сила государства заключается в экономическом благосостоянии правителей и их подданных. Правитель должен защищать своих подданных, а те в свою очередь должны работать каждый в своей области. Влачич выступал против многочисленных феодальных податей и ждал поддержки своих начинаний торговой буржуазией. Из-за своих убеждений Влачич подвергался постоянным гонениям.

Видным и оригинальным представителем позднего модифицированного меркантилизма был хорват, католический священник Юрий Крижанич (ок. 1618—1683). С целью составления русской грамматики и словаря он дважды приезжал в Россию (в 1647 и 1659 гг.). Однако во второй приезд по неизвестным причинам он был арестован и в 1661 г. сослан в Сибирь, откуда только спустя 15 лет, после смерти царя Алексея Михайловича, ему удалось вернуться на родину. Находясь в ссылке, Крижанич разрабатывал проекты освобождения угнетенных славян и реформ в России ради ее возвышения и процветания.

В своем знаменитом труде «Политика и размышления о правлении» (1661—1664), известном под более кратким названием «Политика», опираясь на концепции итальянских меркантилистов и первых протекционистов в Германии, Крижанич разработал широкую программу экономических и политических реформ в России, которой отводил роль освободительницы всех славян. Для того чтобы Россия могла выполнить эту миссию, она должна быть достаточно сильной в экономическом и политическом отношении. Поэтому в своей «Политике» Крижанич предлагал меры, при помощи которых можно достичь этой цели. При этом он ориентировался на общественно-экономический порядок западноевропейских стран того времени. Первостепенное внимание он уделял развитию торговли, земледелия, ремесла и горного дела в России. Только в экономической мощи, в правильном законодательстве, развитых торговле, ремесле и флоте видел Крижанич силу России и гарантию того, что она выполнит те задачи, которые он возлагал на нее. Экономическая политика, по его мнению, должна учитывать интересы не только господ и государства, но и всего народа. Чтобы государство стало богаче,

необходимы государственные капиталовложения, хорошо обдуманные меры по развитию мануфактурного производства и ремесла. В «Политике» предприняты попытки определить «общественное богатство» как сумму материальных благ и выявить влияние производительности труда на его увеличение. Но эти вопросы остались неразработанными.

Крижанич выступал против свободной торговли для иностранных купцов, которые скупают по дешевке русские товары, увозят их «от нашего пота, кормятся и богатеют». Чтобы защитить и развить русскую торговлю, Крижанич предлагал радикальное средство — царскую монополию на внешнюю торговлю. Тогда «всему народу будет общая польза», окажется возможным посредничество между восточной торговлей (с Персией, Турцией) и западной. Он рекомендовал создание «торговищ» на Дону, в Путивле и т. д. Главную задачу Крижанич усматривал в том, чтобы нужные России товары не вывозились за рубеж, а на ее территорию ввозились только необходимые ей продукты и изделия. Для поощрения русских купцов он рекомендовал выдавать беспроцентные ссуды. Крижанич высоко ценил мастеров, умеющих выплавлять металлы и изготовлять из них разные вещи (в том числе оружие), а богатым признавал государство, имеющее золотые, серебряные и другие рудники[23]. Эти идеи Ю. Крижанича соответствовали принципам меркантилизма и приближались к теории «торгового баланса». Однако он не был последовательным меркантилистом. Он писал свои проекты для аграрной страны, какой была Россия XVII в., поэтому кроме рекомендаций по развитию отечественной промышленности и торговли большое значение придавал земледелию, считая последнее «основанием богатства».

4. Идеи меркантилизма в России

В России идеи меркантилизма получили развитие в XVII — XVIII вв. До XVII столетия для них не существовало условий, поскольку в ту пору господствовало натуральное хозяйство, торговля оставалась локальной и ограниченной. Она и в XVII в. развивалась в трудных условиях, когда усиливалось крепостничество, расширялась барщинная система. Это обусловливало развитие производительных сил на феодальной основе, выражавшееся прежде всего в расширении площади агрикультуры, освоении новых земель. Процесс колонизации постоянно

расширялся. Количество сельскохозяйственных продуктов возрастало, создавалась материальная база для развития торговых местечек и городов. Больше того, в XVII в. началось формирование всероссийского рынка. Как писал В. И. Ленин, это объяснялось «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок», а «создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»[24].

Натуральное хозяйство русских дворян подрывалось, хотя сохранялось господство феодализма. Шел процесс первоначального накопления капитала. Многие купцы сколачивали крупные суммы и вели по городам и селам «великие торги». В России XVII в. появились первые мануфактуры, возникали буржуазные производственные отношения.

Однако если в странах Западной Европы в связи с Великими географическими открытиями важную роль в переходе к капитализму играла внешняя торговля, то в России занять такое же место в этом процессе она не могла. Внешняя торговля имела для развития экономики значительно меньшее значение. До завоеваний Петра I Россия оставалась практически отрезанной от морской торговли. Все это предопределяло своеобразие меркантилизма в стране.

Впервые идеи меркантилизма высказывались на Руси выдающимся дипломатом 60-х годов XVII в. Афанасием Лаврентьевичем Ордин-Нащокиным (ок. 1605—1680). Он был псковским дворянином, крупным землевладельцем, и этим определялась классовая позиция первого русского меркантилиста, верно служившего абсолютизму.

Ордин-Нащокин был высокого мнения о торговле, считая ее «положительным делом», благородным. Подчеркивая важность перемирия с Польшей (1667), он писал, что в договоре предусмотрена статья о торговле, от которой России «прибытки неоценные будут». Речь шла о внешней торговле. Ордин-Нащокин полагал, что «торговыми промыслами государства богатеют». Став в 1665 г. воеводой Пскова, он предложил ввести купеческое самоуправление в этом городе, оставив за воеводой лишь функции общего надзора. Купцы освобождались, по проекту, от других «градских служб» и обязанностей по финансовому ведомству. Этот план был изложен в трех «Памятках» (письмах) купеческим старостам Пскова[25]. Ордин-Нащокин

предлагал установить две ярмарки в Пскове (январскую и майскую), во время которых торговля с иностранцами могла бы контролироваться надлежащим образом и вестись только в это время. На выборных администраторов Пскова возлагалось таксирование цен. Иноземцы обязывались платить $^1/_3$ цены закупленных ими товаров в казну, и непременно серебром, в иностранной валюте. Ставилась задача перевести мелких скупщиков, заготовлявших товары для иностранцев, на службу русским купцам (оптовикам), дабы только с ними имели дело иностранцы. Правда, реформа полностью не была реализована.

В 1667 г. Ордин-Нащокин составил Новоторговый устав, согласно которому иностранцы должны были платить пошлину в размере 6% продажной цены и проезжую пошлину в размере 10%. Некоторые товары (предметы роскоши) облагались еще выше (с вина 15%). Поскольку пошлинное серебро взималось по заниженной цене, то в целом платежи иностранцев оказывались на уровне 20%. Между тем с русских купцов взималась лишь «рублевая пошлина» в размере 5%. Розничная торговля иностранцам запрещалась. Не могли они торговать и между собой. Определялись места их оптовой торговли (Архангельск, Новгород, Псков). Лишь по специальным разрешениям допускались поездки иноземцев за пределы этих городов. Платить пошлины следовало серебряными ефимками (иоахимсталерами). Любопытно ограничение ввоза предметов роскоши. Русские купцы одобрили устав и поставили свои подписи[26].

Отмеченные проекты и мероприятия были разновидностью практического меркантилизма, который брался на вооружение русским абсолютизмом. Об этом свидетельствуют попытки усилить приток в Россию серебра, ограничить сферу деятельности иностранных купцов, усилить позиции русского купечества, дать ему некоторые «послабления», попридержать ввоз предметов роскоши, использовать пошлины в фискальных целях. В этом сказывались элементы теории «торгового баланса».

Вместе с тем, выступая за развитие торговли и кредитных отношений, Ордин-Нащокин обращал внимание на развитие отечественной промышленности. Он принимал активное участие в организации различных мануфактур: бумажных, стекольных, кожевенных, а также в создании металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Однако если западноевропейские меркантилисты рассматривали национальную промышленность только

с точки зрения экспорта, то Ордин-Нащокин связывал развитие промышленности с удовлетворением потребностей населения собственной страны, с уменьшением импорта товаров из-за границы. В стремлении расширить торговый оборот главным образом внутри страны — особенность идей его меркантилизма.

Видное место в истории русского меркантилизма занял Петр I (1682—1725). Правда, он не писал специальных сочинений, но решительно проводил политику меркантилистского характера. Она была несомненно прогрессивной и отвечала потребностям России начала XVIII в., имела много общего с кольбертизмом, но отличалась важными особенностями. Петр I не ограничивался поощрением торговли и промышленности, а принимал действенные меры для развития сельского хозяйства.

Большое значение Петр I придавал фискальной политике. Бюджет казны увеличился втрое, стала составляться его роспись. Вводились все новые и новые налоги. Использовались казенные монополии на торговлю вином, солью, табаком и другими товарами. Уже в этом сказывались меркантилистские тенденции. Как отмечалось, меркантилисты были сторонниками высоких налогов и вмешательства государства в экономику.

Еще более отчетливо эти тенденции обнаруживались в торговой политике русского реформатора, в запрете вывоза денег, во взимании пошлин ефимками, в предоставлении льгот русским купцам, в учреждении Бурмистерской палаты, Коммерц-коллегии, магистратов, которым следовало «пещись об умножении ярмарок и торгов», об организации бирж и т. д. В Петербурге был создан порт, и поощрение его торговли считалось важной задачей. В новую столицу переселялись купцы. Принимались действенные меры для строительства флота. Экспорт товаров через Петербург освобождался от пошлин. В ряде государств создавались консульства. Заключались торговые договоры. Русские экспортеры освобождались от импортных пошлин, если ввоз по стоимости превышал экспорт не более чем на 26%. Протекционизм принял весьма жесткий характер. По тарифу 1724 г. полагалось взимать пошлину в размере 75% с импорта железа, полотна, парусины, шелковых тканей, иголок, воска и т. д. Между тем импорт ценных видов сырья (шелк-сырец) объявлялся беспошлинным. Принимались меры для расширения торговли с Востоком. До 1714 г. внешняя торговля многими товарами (юфть, поташ, смола, пенька, икра и т. д.) остава-

лась монополией государства и отдавалась на откуп отдельным купцам. В 1703—1709 гг. был прорыт Вышневолоцкий канал для транспортировки в Петербург уральского железа и поволжского хлеба.

Особенно интересна промышленная политика Петра I, и в ней сказывались меркантилистские идеи. Указом 1712 г. предлагалось расширить продукцию Суконного двора (в Москве), чтобы через 5 лет стало возможно «не покупать мундира заморского». Поощрялось полотняное производство, поскольку парусина была нужна для флота. Ускоренно развивалось судостроение — в Воронеже, Лодейном Поле, Петербурге. Но больше всего забот проявлялось о горном деле. Стимулировалась разведка рудных месторождений, золота, серебра, меди, железа. В 1724 г. железо с казенных заводов приказано было продавать за границу.

Конечно, Петр I ставил перед собой задачу добиться экономической независимости России. Но эту задачу решал меркантилистски: путем привлечения в страну золота и серебра, форсирования экспорта, поощрения русского купечества, развития промышленности, в том числе экспортной, строительства каналов и портов. Примечательно, что Петр не останавливался даже перед ущемлением прав дворянства на земные недра и «крещеную собственность». Он хорошо понимал нужды страны и действовал решительно, как подлинно великий реформатор, хотя и оставался при этом крепостником.

Особого внимания заслуживает анализ экономических взглядов «купецкого человека» Ивана Тихоновича Посошкова (ок. 1652—1726). Он родился в селе Покровском (под Москвой) в семье серебряных дел мастера. Перебравшись затем в Новгород, он промышлял торгами и откупами, завел полотняную фабрику небольших размеров, купил даже имение с 72 душами. Это был умный и образованный человек, автор специальных сочинений «О ратном поведении», «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суемудрия раскольничьи», «Завещание отеческое к сыну». В них давались рекомендации по военному делу, велась полемика с раскольниками и протестантами, трактовались этические проблемы. Основное произведение Посошкова —«Книга о скудости и богатстве» (1724) — предназначалось для Петра I. Но неизвестно, получил ли он ее и читал или нет. На беду сочинителя царь умер в январе 1725 г., а через полгода Посошков был

арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где и скончался.

В своей книге Посошков выступает как оригинальный мыслитель. Он не был знаком с иностранной экономической литературой, но трактовал экономические проблемы весьма зрело. Сказывалось хорошее знание экономической жизни России начала XVIII в. Посошков проявлял значительный радикализм, поскольку осуждал подушную подать (как не учитывающую разницы в экономическом положении плательщиков), обилие внутренних пошлин, самоуправство дворян, их роскошь и разбой, рост оброков и барщины, проявлял интерес к аграрному вопросу, предлагал фиксировать повинности крепостных крестьян, наделить их землей. К этому добавлялись предложения о размежевании крестьянских и помещичьих земель, о снижении податей, обложении ими дворянских земель, установлении равного суда для всех сословий, составлении нового судебника с участием Земского собора или особой комиссии, включающей также представителей крестьян. Все это были весьма прогрессивные предложения, отличавшиеся известным демократизмом. Не за них ли он попал в тюрьму? Ведь делалось покушение на налоговые привилегии дворянства и его «священное право» обременять крепостных новыми оброками и барщинами. Подчеркивалось даже, что дворяне являются лишь временными господами крепостных.

Трактуя деньги, Посошков развивал номиналистическую концепцию, полагая, что их курс определяется всего лишь царским штампом. Номинализм Посошкова был связан с его убеждением в самодовлеющей роли государства в экономическом развитии страны. Такой же позиции в отношении государства придерживались и западноевропейские меркантилисты. По мнению Посошкова, если царь повелит на медной монете «положить рублевое начертание», то она будет приниматься в торгах за рубль «во веки веков неизменно».

В трактовке денег во внутреннем обращении автор был близок к монетаристам. Однако Посошков видел, что во внешней торговле деньги должны быть полноценными. В отношении этих денег он придерживался товарно-металлистической концепции, характерной для позднего меркантилизма. Меркантилизм Посошкова отчетливо проявлялся при характеристике торговли. Он полагал, что «торг — великое дело!», ибо «купечеством всякое царство богатитца», а без него и «малое государство быть не мо-

жет», прославлял любую торговлю, в том числе и внутреннюю. Для ее упорядочения предлагалось устанавливать твердые и единые цены на товары, контролировать ход торговли, освободить ее от множества внутренних пошлин (5%), а взимать одну пошлину «по гривне с рубля» (10%). Высказываясь против конкуренции, в том числе сословной, Посошков предлагал запретить торговлю дворянам и крестьянам. Он явно защищал специфические интересы купечества. Речь шла о его монополии на торговлю. Посошков предлагал регламентировать и внешнюю торговлю, повышать экспортные цены, ограничивать операции иностранцев лишь рядом портов, запрещать ввоз предметов роскоши (вина, шелка и т. д.), ибо они влекут «здравию повреждения» и мешают приросту богатства. Ставился вопрос о запрете импорта товаров, которые уже изготовляются в России, а также регламентации одежды для людей каждого «чина». Вместо вывоза льна и пеньки он рекомендовал «на всю Европу полотен наготовить» и экспортировать.

И. Т. Посошков выдвигал целый проект развития промышленности в России. Он предлагал вести разведку руд, субсидировать мануфактуристов (взимая 6% годовых), строить за казенный счет заводы (железные, стекольные) и фабрики (суконные, полотняные), а затем передавать их купцам. Тогда станет возможным «соблюдение денег» в стране[27]. Рекомендации Посошкова явно перекликались с промышленной политикой Петра I.

В своем сочинении Посошков говорит о том, что нельзя считать богатым государство, если там любыми средствами деньги собираются в казну. Необходимо, чтобы народ его был богатым. «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому»[28]. В отличие от западноевропейских меркантилистов у Посошкова богатство не отождествлялось с деньгами. Он считал более полезным увеличение материальных благ, чем денег.

Заслуга Посошкова состояла в том, что источник национального богатства он по существу видел в труде, при этом у него и сельскохозяйственный и промышленный труд одинаково важен. Ему было чуждо пренебрежение к сельскому хозяйству, характерное для большинства меркантилистов Запада. Посошков общественное значение труда видел в том, чтобы давать «прибыток». Фактически у него прибыль представляет собой разницу между ценой и издержками производства, к которым он относит расходы на

содержание рабочих и покупку сырья. Если западноевропейские меркантилисты связывали величину прибыли с неэквивалентным обменом, то Посошков ставил ее в зависимость от уровня заработной платы. По его мнению, более производительным является наемный труд, чем труд, затрачиваемый в порядке отбывания феодальных повинностей.

И. Т. Посошков был идеологом и защитником интересов купечества, вкладывающего капиталы в промышленное производство. Не будучи знакомым с идеями западных меркантилистов, передовыми для своего времени, он высказывал по многим вопросам мысли, сходные с ними. Но в ряде случаев он пошел дальше. Это касается, например, его рассуждений о соотношении богатства казны и народа. Он был чужд односторонности концепции «торгового баланса». Главное направление его экономической программы — всемерное развитие производительных сил, отечественной торговли, промышленности, сельского хозяйства, укрепление экономического могущества России и ее независимости от других стран.

Идеи меркантилизма нашли отражение в сочинениях и практической деятельности Василия Никитича Татищева (1686—1750), крупного государственного деятеля России. Выходец из знатного, но обедневшего дворянского рода, свою государственную деятельность В. Н. Татищев начинал при Петре I.

В истории общественной мысли России В. Н. Татищев известен прежде всего как автор первого большого труда по отечественной истории —«Истории Российской». Но в ряде работ, и прежде всего в записке «Например, представление о купечестве и ремеслах» (1748), он изложил свои взгляды и по экономическим вопросам.

По мнению Татищева, главным источником богатства является торговля (по терминологии того времени, «купечество»), и прежде всего внешняя. «Все доходы государственные,— писал Татищев,— какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят... Внешний за границы торг наибольшее богатство и ползу приносит»[29]. Татищев выступал за всемерное развитие экспорта и сокращение импорта, за активный торговый баланс. Он боролся с импортом тех промышленных изделий, которые производились в России, а также предметов роскоши. Стремясь активизировать торговый баланс страны, Татищев разработал и направил в Коммерц-коллегию (примерно в 1744) проект тарифа на товары, провозимые через

Астраханский порт, под названием «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта». Предлагаемые в этом документе меры должны были сдерживать экспорт сырья и продовольствия (особенно в неурожайные годы) и поощрять экспорт обработанных изделий. Татищев советовал также не допускать экспорта золота и серебра в слитках, а вывозить лишь изделия из них, если стоимость обработки в цене не менее половины. Импорт же этих благородных металлов в слитках, монетах и изделиях, по его мнению, следовало освободить от пошлин.

В своей практической деятельности, в частности в Астрахани, он уделял большое внимание организации предприятий, выпускающих продукцию для экспорта и для замещения импорта. Занимаясь развитием горнозаводской промышленности на Урале, он стремился довести производство продукции казенных и частных заводов до такого уровня, который бы не только обеспечивал внутренние потребности в металле, но и создавал излишки для экспорта.

Таким образом, в своих экономических взглядах Татищев придерживался теории «торгового баланса», характерной для развитого меркантилизма. Однако у Татищева, как и у Посошкова, нет обычного для западноевропейских меркантилистов утверждения, что богатство заключается только в деньгах — золоте и серебре, хотя Татищев и придавал большое значение притоку в страну денег и благородных металлов из-за границы. Для развития внутренней торговли он предлагал расширить ярмарочный торг, так как в условиях натурального хозяйства и преобладания сельского населения постоянная торговля в России того времени была затруднена. Представляет интерес предложение Татищева об учреждении в России банков, с помощью которых можно было бы использовать свободные денежные средства дворян-помещиков для кредитования промышленности и особенно торговли.

Выдвигая передовую для своего времени экономическую программу, Татищев в то же время оставался защитником феодального строя и монополии дворянства на эксплуатацию принудительного труда. В своем сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742) Татищев дает советы помещикам, как лучше управлять своими вотчинами, чтобы повысить их доходность. Меры, предлагаемые в этом сочинении, были направлены и на улучшение положения крестьянства, но в рамках крепостного строя и для его упрочения.

Определенные элементы меркантилизма, выражавшиеся в защите идеи активного торгового баланса, были присущи и экономическим взглядам великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765), хотя в целом они не были меркантилистскими. Выходец из крестьян Архангельской губернии, Ломоносов добился получения разностороннего образования и стал исключительно многогранным ученым. Его гениальные труды являются для своего времени вершиной не только русской, но и мировой науки. Известен огромный вклад Ломоносова в развитие естественных наук. Он доказал возможность использования Северного морского пути, был первым русским экономгеографом, возглавив Географический департамент Академии наук. Им составлена «Российская грамматика». Блестящие научные открытия были сделаны Ломоносовым на базе материалистического метода исследования.

М. В. Ломоносов не только выступил инициатором создания, но и разработал проект первого русского университета — Московского, носящего теперь его имя. Его научная и практическая деятельность была направлена на ускорение развития производительных сил России, ее науки и культуры.

Экономические воззрения Ломоносова, высказанные им в разных произведениях, занимают важное место в истории русской экономической мысли.

Сам Ломоносов проявлял большой интерес к истории экономической мысли, в том числе русской. По его поручению в 1752 г. была снята копия с рукописи Посошкова «Книга о скудости и богатстве». Характеризуя Петра I как основоположника и руководителя государственной политики, направленной на «благополучие, славу и цветущее состояние» горячо любимой им Родины, Ломоносов видел цель своей жизни «защитить труд Петра Великого», что и нашло отражение в его экономических взглядах.

По мнению Ломоносова, для обеспечения экономической независимости и политической самостоятельности России необходимо было развивать промышленность. Особое внимание он уделял металлургии, которая, по его словам, есть «предводительница к сему внутреннему богатству»[30]. Ломоносов приложил много сил для доказательства того, что недра России необычайно богаты полезными ископаемыми, разоблачая нелепые утверждения иностранцев об их бедности. Он стремился способствовать внедрению технических усовершенствований с целью за-

мены людей машинами, особенно на тяжелых и вредных работах. Ратуя за промышленное развитие России, Ломоносов боролся с теми, кто выступал за однобокое, аграрное развитие хозяйства страны. Он резко полемизировал с дворянским идеологом А. П. Сумароковым, который считал ненужным для России уже происходившее развитие мануфактуры и полагал, что «Россия паче всего на земледелие уповати должна»[31]. Вместе с тем Ломоносов поддерживал тех, кто выступал за развитие производительных сил страны.

Отстаивая необходимость промышленного развития страны, М. В. Ломоносов заботился и о сельском хозяйстве. Он внес крупный вклад в развитие русской сельскохозяйственной науки, будучи одним из авторов проекта создания в России Вольного экономического общества, сыгравшего большую роль в распространении в государстве научных знаний в области земледелия и промышленности[32].

Большая заслуга принадлежит Ломоносову и в разработке проблем народонаселения*. Он, как и меркантилисты, был сторонником роста населения. По его мнению, многочисленное трудоспособное население — необходимое условие экономического развития. Осуществление мероприятий по сохранению российского народа и увеличению его численности ученый возлагал на государство, при этом явно преувеличивая возможные последствия правительственных мер. Ломоносов не видел, что главным препятствием на пути предлагаемых им мер по росту народонаселения выступает крепостное право.

Наряду с развитием производства Ломоносов уделял большое внимание торговле. Одной из тем, намеченной в его плане экономического исследования, упоминается тема «О купечестве, особливо со внешними народами». Во внешней торговле он видел один из факторов богатства и благосостояния страны. В основе торговли должно лежать отечественное производство, которое должно не только удовлетворять внутренний спрос, но и создавать избыток продуктов для экспорта. Внутренняя торговля, по

* В письме к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. Ломоносов изложил план своей обобщающей работы по общественно-политическим и экономическим вопросам. Но при издании это письмо было озаглавлено так, как назывался у Ломоносова первый пункт этого плана: «О сохранении и размножении российского народа». Оно является первым русским трактатом о политике народонаселения (см.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 381—403).

мнению Ломоносова, должна развиваться свободно. Отмену внутренних таможен он считал одним из больших достижений во время царствования Елизаветы Петровны. В развитии внешней торговли должно активно участвовать государство, поощряя экспорт и ограничивая импорт. Ломоносов ставил в заслугу Петру I введение протекционистского таможенного тарифа и развитие морского судоходства в России, что создало условия для превращения страны в торговую державу.

Однако Ломоносов преувеличивал роль феодально-абсолютистского государства в развитии производства и рынка, значение внешней торговли и активной внешнеторговой политики. Но в отличие от меркантилистов богатство страны он видел не в накоплении денег и благородных металлов, а в изобилии «нужных вещей», т. е. в удовлетворении материальных потребностей населения. Он выступал прежде всего за развитие добывающей промышленности и металлургии, удовлетворение внутренних потребностей страны и считал, что экспорт должен развиваться при наличии «избытков». Таким образом, М. В. Ломоносов в понимании экономических проблем шел дальше меркантилистов.

Хотя Ломоносов и предлагал некоторые меры, направленные на улучшение положения крестьянства, вместе с тем он не видел, что главным тормозом развития производительных сил страны, коренной причиной ужасающего положения основной массы населения является крепостничество. В этом сказывается историческая ограниченность экономических взглядов великого русского ученого, хотя по многим вопросам его идеи были прогрессивны и имели своей целью ускорить экономический подъем России.

В заключение отметим особенности проявления отдельных элементов русского меркантилизма, отличающие его от западноевропейского. Некоторые идеи меркантилизма в России развивались в условиях расцвета феодализма и жестокого крепостничества. Поэтому стимулирование мануфактурной промышленности велось отчасти за счет экономических ресурсов феодального режима. Кроме того, в России не было чистого монетаризма. Его элементы перемешивались с более зрелыми принципами «торгового баланса». Идеи меркантилизма в России возникли с запозданием, лишь во второй половине XVII в.

Петровская политика имела много общего с кольбертизмом, но отличалась от него, поскольку была подчинена

борьбе за экономическую независимость своей страны. Русские ученые, в трудах которых высказывались некоторые идеи меркантилизма (И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов), выдвигали широкую программу развития мануфактурной промышленности. В их трудах нет отождествления богатства с деньгами и благородными металлами. Хотя они и считали необходимым развивать внешнюю торговлю, в центре их внимания было развитие отечественного производства, расширение внутренней торговли. По своему содержанию русский меркантилизм отличался от западноевропейского и тем, что затрагивал также аграрный вопрос. Проблемы колониализма в нем не заняли того места, которое они занимали в западноевропейском меркантилизме. Вместе с тем экономическая роль государства трактовалась русскими учеными-экономистами более широко. В России довольно сильно сказывалась дворянская ограниченность практического меркантилизма.

Представляет интерес рассмотрение развития идей меркантилизма в странах Прибалтики, бóльшая часть территории которых после войны Петра I со Швецией (Северная война) вошла в состав России.

Как и в России, меркантилизм в Латвии использовался дворянством для укрепления феодального режима, развития промышленности и торговли. Начало первого этапа меркантилизма, так называемый монетаризм, в Латвии относится еще к XV — XVI вв. и характеризовалось борьбой за увеличение выпуска денег. Отзвуки монетаризма заметны в высказываниях против излишеств в потреблении, которые влекли за собой вывоз драгоценных металлов и ввоз иностранных предметов роскоши. Монетарная линия меркантилизма в Латвии отчетливо прослеживается и в XVII — XVIII вв., когда в Западной Европе он вступил уже в новую фазу. Монетаризм влиял на установление высоких пошлин, выражался в требованиях понижения процента на ссудный капитал, в надзоре за иностранными купцами, в попытках административного решения экономических проблем. Но в то же время в Латвии создавался морской флот, широко развернулось строительство судов в Курляндском герцогстве (только на Вентспилсском судостроительном заводе были построены 123 судна). Был взят курс на организацию мануфактур по переработке продукции сельского хозяйства, добыче полезных ископаемых и использованию леса. Эти предприятия интенсивно развивались с середины XVII в.

В это же время в Лифляндии шведское правительство также стремилось проводить меркантилистскую хозяйственную политику. Меркантилизм выражал требования не только нарождающейся буржуазии, но отчасти дворянства, стремившегося модифицировать натуральное хозяйство в имениях. Особенно ярко принципы меркантилизма проявляются в экономике Курляндского герцогства в XVII в. Политику создания мануфактур и развития торговли здесь осуществляли дворяне, используя крепостных крестьян.

В XVII в. выдающимся меркантилистом в Эстонии был воспитанник Тартуского университета Иохан Ризинг. Со времени его студенчества сохранилось печатное произведение «Речь о городе Тарту», которая была произнесена 12 января 1637 г. Примерно с 1650 г. Ризинг начал исследовать проблемы экономического развития, приступил к написанию «Трактата о торговле», который предполагал опубликовать как трехтомную торговую энциклопедию. К сожалению, была закончена только одна его часть, которая вышла в 1669 г. В этом произведении приводятся интереснейшие данные о торговле того времени, ставятся в пример Голландия и Англия.

Во второй стадии развития, в XVIII в., меркантилизм в Латвии и Эстонии приобрел некоторые новые черты. В этот период выдвигалось требование еще большего расширения экспорта, рекомендовалось поощрять мануфактурную промышленность, особенно ее экспортные отрасли, мирясь со свободным взиманием процентов. Включение Латвии и Эстонии в состав России способствовало расширению их торговли, особенно с русскими городами, в частности с Петербургом. К концу XVIII в. отменяется таможенная граница прибалтийских губерний. В Прибалтике наблюдается рост товарного сельского хозяйства и развитие мануфактурной промышленности.

Идеи, близкие меркантилизму, высказывались и в Грузии. Во второй половине XVIII в. авторы проектов и рекомендаций по ускорению экономического развития Грузии наряду с проведением административных и судебных реформ указывали на необходимость регламентации финансового хозяйства, доходов и расходов государственной казны и предприятий, совершенствования учета, с тем чтобы «все хранилось и продавалось с расчетом и накоплялось в серебре (деньгах)». Эти авторы рекомендовали (наряду с государственной розничной торговлей) дать больший простор предпринимательству, развитию ману-

фактурного производства и т. д., ибо, как заявлял видный писатель и общественный деятель Иоанн Батонишвили (1768—1830), «когда экономия придет в свой порядок», все будет направлено на развитие. Экономические взгляды И. Батонишвили, А. Амилахвари и других публицистов конца XVIII— начала XIX в. отчасти созвучны меркантилизму. Так, они утверждали, что государство должно регулировать основные отрасли общественного материального производства, покровительствовать внутренней и особенно внешней торговле как главному средству получения прибыли и накопления денег (золота и серебра).

Итак, меркантилизм был закономерным явлением в истории экономической мысли, важным рубежом в ее развитии. Он отражал экономические требования купцов и мануфактуристов XVI — XVII вв. Меркантилистами была сформулирована программа первоначального накопления капитала, торговой экспансии, колониализма. Великой заслугой меркантилистов стал их разрыв с экономическими традициями средневековья. Меркантилизм был предысторией буржуазной политической экономии.

Практический меркантилизм оказался значительно сильнее теоретического. В ряде стран он был взят на вооружение дворянским абсолютизмом. Большая историческая роль меркантилизма в развитии экономики и экономической мысли Европы неоспорима.

Глава 20

КРИТИКИ МЕРКАНТИЛИЗМА

Критика меркантилизма появилась одновременно с его возникновением. Меркантилистскую политику критиковали как дворяне, так и нарождавшиеся промышленные капиталисты. Критика существовала и в рамках самого меркантилизма. Это происходило потому, что меркантилистская литература носила главным образом практический характер, была посвящена решению частных, волновавших в данное время вопросов. Представители меркантилизма отнюдь не были кабинетными учеными, они, как правило, были купцами, имели собственное коммерческое дело или служили по торговой или таможенной части. Естественно, что эти люди нередко расходились между собой во мнениях относительно тех или иных мер, способов и путей обогащения государства за счет внешних

источников. Не существовало единства среди меркантилистов еще и потому, что отсутствовала единая теория. Да и поздние меркантилисты, сторонники активного торгового баланса, критиковали своих ранних предшественников, сторонников активного денежного баланса, которых К. Маркс назвал представителями монетарной системы.

Шел сложный процесс становления классической буржуазной политической экономии. Создавали новую науку люди разных профессий: философы и медики, купцы и коммерсанты, чиновники и священники. «Первоначально политической экономией,— писал К. Маркс,— занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлли, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ»[1].

Целью данной главы является не выяснение всех подробностей этой многообразной бурно протекавшей критики, а лишь выявление таких направлений, которые подготавливали рождение и способствовали становлению классической буржуазной политической экономии. Здесь сознательно опущена критика меркантилизма со стороны тех представителей классической буржуазной политической экономии, которым посвящены специальные главы и разделы (У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, А. Тюрго). Ученые, представленные в данной главе, сумели преодолеть в тех или иных вопросах меркантилистские представления и тем способствовали становлению классической буржуазной политической экономии, а в трактовке отдельных вопросов выступают уже с позиций классиков буржуазной экономической науки. Рассматривается попытка защиты меркантилизма, предпринятая в 1767 г. Джеймсом Стюартом, который во многом перерос меркантилизм, однако в главном и основном — в вопросе об источнике прибавочной стоимости — остался меркантилистом.

1. Теоретические основы критики меркантилизма. Дж. Локк

Меркантилистская литература, как уже отмечалось, носила главным образом эмпирический, практический характер. Поэтому для того, чтобы преодолеть поверхностно-описательный характер, необходимо было

выработать новый, более глубокий теоретический метод. Важную роль в этом сыграл английский философ и экономист Джон Локк (1632—1704). Занятия естествознанием позволили ему, опираясь на достижения естественных наук, создать эмпирическую философию. Она основывалась на внешнем и внутреннем опыте. Локк, по меткому замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса, «обосновал философию bon sens, здравого человеческого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств»[2].

Естественные науки накопили в XVII в. новые факты и наблюдения, которые нуждались в первичном осмыслении и группировке. Концепция Локка отвечала требованиям эпохи. Он стремился свести сложное к простому, открыть такие положения и идеи, через которые можно понять всю совокупность явлений.

В качестве главного его метода выступает анализ.

Однако Локк создал предпосылки для преодоления меркантилизма не только своей теорией познания, но и своей социальной философией, а также своими экономическими сочинениями.

В произведениях Локка были заложены основы правовых представлений теоретиков буржуазного общества, методологические предпосылки подхода к человеку как к освобожденному от многочисленных личных связей, опутывавших его в эпоху средневековья, как к экономическому индивиду, который позднее станет главным действующим лицом в произведениях А. Смита и Д. Рикардо. «Взгляды Локка,— писал К. Маркс,— имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений»[3].

Так, для развития политической экономии важное значение имело обоснование частной собственности как неотъемлемого атрибута самого человека. Оно получило свое развитие в «Двух трактатах о государственном правлении» (1690). В этом произведении Локк исходит из того, что первоначально существовало естественное состояние людей, для которого была характерна общая собственность человечества на продукты, «и никто первоначально не имел частной собственности на что-либо из них, исключающей остальную часть человечества». Благодаря свое-

му труду люди приспосабливают данное природой для удовлетворения своих потребностей. Но тем самым они делают продукт труда своей собственностью. «...Труд (человека.— *Авт.*),— пишет Дж. Локк,— создал разницу между этими вещами и общим; он прибавил к ним нечто большее, чем то, что природа, общая мать всего, сотворила; и, таким образом, они стали его частной собственностью». Поэтому Локк считает, что «именно труд создает различия стоимости всех вещей» и что «если мы будем правильно оценивать вещи, которые мы используем, и распределим, из чего складывается их стоимость, что в них непосредственно от природы и что от труда, то мы увидим, что в большинстве из них девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда»[4].

Таким образом, теория частной собственности у Локка тесно связана с трудом, который не только является первоначальным источником собственности, но и лежит в основе стоимости произведенных человеком продуктов. Правда, как справедливо отмечал К. Маркс, под стоимостью (value) Локк понимает не меновую, а потребительную стоимость, ее источником служит не абстрактный, а конкретный труд[5]. Избыток стоимости, который не есть результат труда, рассматривается Локком как дар природы и является первоначально общей собственностью. Однако с возникновением денег появляется возможность нарушить первоначальное равенство, основанное на индивидуальной собственности. Таким образом, деньги — это фактор, который позволяет расширить рамки собственности, основанной на личном труде. «Деньги,— говорит Локк,— бесплодны и ничего не производят; вся польза, которая из них извлекается, заключается в том, что в силу взаимного соглашения они переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого»[6].

Таким образом, деньги, по мысли Локка, приобретают способность приносить процент так же, как и земля приносит ренту. Однако в этом единстве он видит и различие. Оно заключается в том, что если «земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества», то деньги лишь служат основанием для «перенесения», перераспределения прибыли «из кармана одного в карман другого». И в том и в другом случае источником прибавочной стоимости выступает у Локка чужой неоплаченный труд, присваиваемый собственниками земли и капитала. Этот вывод знаменует значительный шаг впе-

ред по сравнению с меркантилистами, видевшими источник прибавочной стоимости в сфере обращения. Более того, согласно Локку, такое положение является политическим изобретением, отрицающим первоначальное естественное состояние, когда чистая собственность покоится на собственном труде. Здесь содержатся зачатки принципиального различия, существующего между капиталистической частной собственностью и частной собственностью мелкого товаропроизводителя. И это специально выделяет К. Маркс. «Если общее воззрение Локка на труд,— пишет он в «Теориях прибавочной стоимости»,— сопоставить с его воззрением на *происхождение процента* и *ренты*,— ибо прибавочная стоимость выступает у него только в этих определенных формах,— то прибавочная стоимость оказывается не чем иным, как *чужим трудом,* прибавочным трудом, присваивать который дают возможность своим собственникам земля и капитал, эти условия труда. А собственность на большее количество условий труда, чем то количество их, которое человек может использовать своим собственным трудом, представляет собой, по Локку, *политическое* изобретение, находящееся в противоречии с естественноправовой основой частной собственности»[7].

Мы видим, что политические и правовые взгляды Дж. Локка тесно связаны с его экономическими воззрениями, а они в свою очередь посвящены актуальным проблемам экономической теории. Характерно в этом плане название специального экономического сочинения Дж. Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством» (1691). Оно прямо и непосредственно связано с теми проблемами, которые волновали в это время меркантилистов.

Обоснование принципов индивидуализма позволило Локку выдвинуть на первый план идею стихийной, свободной закономерности рынка, сформулировать зачатки теории спроса и предложения. В отличие от меркантилистов, апеллировавших к правительству, к государственному регулированию товарного и денежного обращения, Локк утверждает стихию рынка, рассматривает соотношение покупателей и продавцов как главную причину образования рыночной цены.

Исследуя природу денег, Локк пытался преодолеть металлистические представления о сущности денег. Он высказывался в духе номиналистской теории, хотя и непоследовательно. Но даже эти колебания означают определенный шаг вперед по сравнению с меркантилистами, сле-

по разделявшими металлистические иллюзии. «Уже Локк говорил, что золото и серебро имеют якобы только воображаемую или условную стоимость;— пишет К. Маркс в «К критике политической экономии»,— это — первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость»[8].

Творчество Дж. Локка носило в целом прогрессивный характер. Локк «представлял новую буржуазию во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников...»[9].

2. Требование свободной торговли. Д. Норс

Если Дж. Локк заложил методологические и теоретические основы критики меркантилизма, то Дадли Норс (1641—1691) критиковал меркантилистов прежде всего как практик. Будучи английским купцом и прекрасно зная тонкости торгового дела, Норс сумел обобщить и осмыслить свои наблюдения в памфлете «Рассуждения о торговле, преимущественно о проценте, монетной системе, сокращении и увеличении денег» (1691), опубликованном уже после его смерти. Эту работу высоко оценил Д. Рикардо, а К. Маркс назвал Норса «одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени»[10]. Норс выступает против вмешательства государства в экономику, и прежде всего против ограничения правительством условий развития внешней торговли и промышленности, против законодательного ограничения ставки процента. По существу это была открытая критика меркантилистской политики, всецело опиравшейся на государственную власть. В 1701 г. выходят его «Соображения об Ост-Индской торговле». В этой работе Норс критиковал ранних меркантилистов с позиции позднего меркантилизма. Он отстаивал экономическую выгодность покупки товаров в Индии с целью перепродажи другим странам, т. е. выступал как сторонник активного торгового баланса.

Главными теоретическими проблемами, в разработку которых Д. Норс внес наибольший вклад, являются обоснование свободной торговли и характеристика денежного обращения и обращения капитала, в частности вопрос об уровне ссудного процента.

Большое внимание к вопросам денежного обращения было вызвано «революцией цен». В XVII в., как уже отмечалось в главе 19, рост цен на товары в связи с увеличением добычи и снижением стоимости производства драгоценных металлов поставил так называемую проблему недостатка денег, с которой связывался застой в торговле. Поэтому так обостренно дискутировался вопрос о вывозе денег из Англии в Голландию, Индию и другие страны. Ранние меркантилисты, сторонники монетарной системы, искали ответа на вопрос в самом денежном обращении, связывали недостаток денег с порчей монеты государством, всячески препятствовали вывозу золота и серебра в другие страны. Поздние меркантилисты ищут ответа на этот вопрос во взаимосвязи торгового и денежного обращения, в государственной политике, которая способствует активному торговому балансу и в конечном итоге приводит к увеличению денег в стране. Шаг вперед по сравнению с поздними меркантилистами делает Д. Норс.

Исследуя вопрос о недостатке денег в стране, Норс рассматривает различные классы. «Чего желают те люди, которые нуждаются в деньгах?— спрашивает он.— Я начну с нищего... Ему нужны не деньги, а хлеб и другие необходимые вещи... Фермер жалуется на недостаток денег... Он думает, что, если бы в стране было больше денег, он получал бы лучшие цены за свои товары. Тогда, значит, не деньги... ему нужны, но хорошие цены на его зерно и скот, которые он хотел бы продать, но не может... Купец и лавочник одинаково нуждаются в деньгах, вернее, нуждаются в сбыте товаров, которыми они торгуют...»[11] Таким образом, Норс показывает, что главная причина недостатка денег коренится не в деньгах как таковых.

В условиях золотомонетного стандарта не может быть избытка или недостатка денег. Когда деньги (золото и серебро), считает Норс, имеются в большем количестве, чем это нужно для торговли, они переплавляются в предметы роскоши; когда их не хватает в обращении, золотые и серебряные вещи превращаются в звонкую монету. «Эти отливы и приливы денег,— язвительно замечает Норс,— регулируются сами по себе, без помощи со стороны политиков»[12]. Преодоление абсолютизации денег как главной цели обмена приводит Норса к обоснованию требования свободной торговли, как внешней, так и внутренней.

Трудолюбивая нация, считает Норс, не только удовлетворяет свои потребности, но и обогащается за счет торговли, ввозя сырье и вывозя готовую продукцию. «При

таком ходе торговли,— пишет Норс,— золото и серебро ничем не отличаются от других товаров, но берутся у тех, кто имеет их много, и передаются тем, кто в них нуждается и желает иметь их, что приносит такой же барыш, как и другие товары. Таким образом деятельная благоразумная нация богатеет, а медлительные лентяи беднеют»[13].

Норс по существу формулирует положение о саморегулировании денежного обращения в соответствии с обращением товаров, утверждая, что недостатка денег нет и что государственные меры по увеличению количества денег в стране не только бесполезны, но даже вредны, так как тормозят развитие торговли. «Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики,— пишет Норс,— лишь мир, труд и свобода приносят торговлю и богатство, и больше ничего». Это очевидное, с его точки зрения, положение и не понимают меркантилисты, против которых направлен его памфлет. «...Это положение, такое простое и единственно правильное,— пишет Норс,— редко настолько хорошо понимается, чтобы быть принятым большинством человечества. Люди думают силою законов удержать в своей стране все золото и серебро, которые приносит торговля, и таким путем надеются разбогатеть немедленно. Все это глубоко ошибочно и является лишь препятствием росту богатства во многих странах»[14].

Норс резко выступает против законодательного регулирования цен и условий торговли. Такое регулирование, по его мнению, «может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выиграет ничего...». Норс последовательно доказывает, что «никакие законы не могут устанавливать цены на товары, размеры которых... будут устанавливаться сами. Но если такие законы издаются и действуют, то они служат препятствием к торговле, а потому пагубны»[15].

У Норса имеется понимание различия между образованием сокровищ и самовозрастанием денег, т. е. между деньгами в качестве денег и деньгами в качестве капитала. «Хотя каждый желает иметь их (деньги.— *Авт.*), все же почти никто или очень немногие хранят их, но сейчас же находят способ избавиться от них, зная, что от денег, которые лежат мертвым капиталом, не приходится ожидать пользы, но лишь определенную потерю»[16]. Норс справедливо считает, что деньги становятся капиталом только в движении, в обращении, поэтому он выступает против задержки денег в стране, так как эта задержка

превращает их в сокровища, между тем как, пустив их в обращение, можно получить прибыль.

«*Норс* и *Локк* писали свои работы одновременно, по одному и тому же поводу: *снижение процентной ставки и повышение достоинства денег государством*,— читаем мы в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса.— Но развивают они самые противоположные взгляды. По Локку, *недостаток денег* в обращении является причиной высокой процентной ставки и вообще причиной того, что вещи не продаются по их действительным ценам и что они не приносят всех тех доходов, которые должны получаться из выручки, доставляемой этими вещами. Норс, наоборот, показывает, что причиной этого является не недостаток денег в обращении, а недостаток капитала или дохода. У него впервые появляется определенное понятие о *stock* (запас, фонд, капитал.—*Авт.*), или *капитале*, или вернее о *деньгах* в качестве всего лишь *формы капитала*, поскольку они не служат средством обращения. *У сэра Дадли Норса* мы имеем первое правильное понятие о проценте в противоположность представлению Локка»[17].

Как и Локк, Норс пытается представить процент на капитал по аналогии с рентой, получаемой с земли. «Тогда,— пишет К. Маркс,— для ходячего представления земельная собственность была еще первоначальной и респектабельной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дадли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму, аналогичную земельной ренте,— совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента»[18]. Однако Норс, не останавливаясь на этом, ратует за развитие торговли, за производительное использование денег. Норс констатирует, что бóльшая часть ($^{9}/_{10}$) денег используется для поддержания роскоши земельных собственников, которые живут не по средствам, закладывают свои имения и разоряются. Производительное же использование денег для развития торговли, считает Норс, является главным фактором, способствующим снижению нормы процента. А такое снижение приведет к дальнейшему развитию торговли. Поэтому Норс выступает за понижение ставки ссудного процента.

3. Критика меркантилистской теории денег. Дж. Вандерлинт и Д. Юм

В критику меркантилизма большой вклад внес английский экономист Джейкоб Вандерлинт (ум. в 1740). Важную роль в развитии политической экономии сыграла вышедшая в 1734 г. в Лондоне его книга со звонким названием «Деньги соответствуют всем вещам, или Опыт о том, как сделать, чтобы у всех слоев населения было достаточно денег». В этой работе получили дальнейшее развитие многие выдвинутые Норсом положения. В частности, Вандерлинт продолжает начатую Норсом критику учения меркантилистов о торговом балансе. В отличие от меркантилистов, видевших в торговле надувательство одних наций за счет других, Вандерлинт доказывает, что пользу от торговли могут получить все участвующие в ней стороны. Торгующие страны не могут продавать свои товары, не покупая продуктов других стран. Равновесие торговых балансов устанавливается естественным путем, отражая достигнутый странами уровень экономического развития.

Сочинение Вандерлинта оказало большое воздействие на взгляды Дэвида Юма (1711—1776), которому принадлежит окончательная формулировка многих выдвинутых ранее идей о торговле, денежном обращении и проценте. «...Юм... остается и в области политической экономии почтенной величиной,— писал К. Маркс,— но здесь он менее всего может быть признан оригинальным исследователем... Влияние его экономических очерков на тогдашние образованные круги объясняется не только их превосходной формой изложения, но в еще гораздо большей степени тем, что они являлись прогрессивно-оптимистическим дифирамбом расцветавшим тогда промышленности и торговле...»[19]

В 1752 г. Юм издает «Опыты», посвященные актуальным проблемам политической экономии. В них вошли очерки «О торговле», «О деньгах», «О проценте», «О торговом балансе», «О зависти в торговле», «О налогах», «О государственном кредите» и выдержки из писем по экономическим вопросам.

Как и Вандерлинт, Юм выступает за свободу международной торговли, рассматривая ее как взаимный обмен товаров одной нации на товары другой. «Если наши соседи не имеют ни искусств, ни культуры,— пишет Юм в очерке «О зависти в торговле»,— то они ничего не могут

покупать у нас, потому что ничего не могут дать нам взамен». Поэтому «увеличение богатств и торговли какой-нибудь одной нации не только не вредит, но обыкновенно способствует развитию богатств и торговли всех ее соседей...»[20].

В отличие от меркантилистов, которые видели цель торговли в ввозе в страну драгоценных металлов, Вандерлинт и Юм считали, что страна выигрывает не только от ввоза продуктов, но и от их вывоза. «При помощи ввоза внешняя торговля доставляет материалы для новых мануфактур,— писал Юм в очерке «О торговле»,— а при помощи вывоза питает производство известных товаров, которые не могут быть целиком употреблены внутри страны. Одним словом, страна с развитым ввозом и вывозом должна обладать бóльшим количеством промыслов — притом направленных на изготовление предметов роскоши и изящества,— чем государство, которое довольствуется своими туземными продуктами...»[21]

В очерке «О проценте» Юм развивает взгляды английского экономиста Джозефа Масси (ум. 1784), сформулированные в его книге «Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента, где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и господина Локка по этому вопросу» (1750). В этой работе Масси пришел к выводу о том, что ставка процента регулируется не количеством денег в стране, а нормой прибыли. Вслед за Масси Юм считает, что процент составляет часть прибыли. «Высокая такса процентов,— пишет он,— обусловливается тремя причинами: большим спросом на ссуды, недостатком богатств для удовлетворения этого спроса и большой прибыльностью торговли, и эти причины свидетельствуют не о редкости золота и серебра, а о малом развитии торговли и промышленности»[22].

С развитием торговли и промышленности ставка процента и норма прибыли понижаются, а низкий уровень процента в свою очередь способствует дальнейшему росту торговли и промышленности. Поэтому Юм считает, «что процент есть барометр государства и что низкая норма его почти безошибочно свидетельствует о цветущем состоянии нации»[23].

В теории денег Юм является последователем Вандерлинта. Критикуя меркантилистов, Вандерлинт и Юм отводят деньгам роль скромных посредников обращения. Деньги, по мнению Юма, «суть только орудие, которое люди, по общему соглашению, употребляют для того, что-

бы облегчить обмен одного товара на другой. Это — не одно из колес торговли, а масло, благодаря которому движение колес становится плавным и свободным». Богатство страны, считает Юм, составляют не деньги, а продукты и труд. «Деньги суть не что иное, как представители труда и товаров, и... они являются только средством вычисления и оценки последних. Так как при изобилии денег требуется большее количество их для представления того же количества товаров, то для нации, взятой в ней самой, это изобилие не может быть ни полезно, ни вредно,— все равно как ничего не изменилось бы в торговых книгах, если бы вместо арабских цифр, которые требуют небольшого числа знаков, стали употреблять римские, состоящие из большого количества знаков. Мало того: изобилие денег, подобно римским цифрам, даже стеснительно и неудобно, так как затрудняет перевозку и хранение денег»[24]. Развивая это положение, Дэвид Юм впадает в крайность, приходит к количественной теории денег. Не случайно К. Маркс считает, что теория денег Юма — это «абстрактная противоположность монетарной системы»[25].

Действительно, теория Юма прямо направлена против меркантилистов. Если меркантилисты считали, что, чем больше денег в стране, тем лучше, так как это обусловливает рост торговли и промышленности, то Юм стремится доказать, что увеличение количества денег в обращении не означает роста богатства страны, но способствует лишь росту цен товаров. Поэтому он считает, что стоимость денег определяется их количеством, находящимся в обращении, и представляет собой совершенно фиктивную величину. Более того, такой рост цен наносит вред внешней торговле данной страны, так как делает нацию менее конкурентоспособной. «Дороговизна всякого рода товаров,— пишет Юм в очерке «О деньгах»,— обусловленная изобилием денег, есть вредное последствие установившейся торговли и во всех странах останавливает ее развитие, давая возможность более бедным государствам продавать свои товары на всех иностранных рынках дешевле, чем могут продавать богатые»[26].

Объективной основой возникновения теории денег Юма явилась «революция цен» в Европе в XVI и XVII вв. Ввоз в Европу дешевого американского золота и серебра и понижение стоимости его добычи способствовали быстрому росту цен товаров. Эти исключительные условия Юм рассматривает как типичные, между тем как научный анализ требует прямо противоположного подхода[27]. Это

не могло не вызвать критику Юма со стороны меркантилистов, к числу которых К. Маркс относил Джеймса Стюарта.

4. Попытка защиты меркантилизма. Дж. Стюарт

Джеймс Стюарт (1712—1780) является последним меркантилистом. В своей работе «Исследование о началах политической экономии» (1767) он предпринял попытку систематизации взглядов меркантилистов. Поэтому К. Маркс начал с анализа его учения «Теории прибавочной стоимости». Заслугой Джеймса Стюарта является систематизация разбросанных по многочисленным произведениям идей меркантилистов. Вышедшая всего за девять лет до издания «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита, книга Дж. Стюарта отражала взгляды прошлого, XVII в. Однако именно приверженность меркантилизму спасла Дж. Стюарта от номинализма и количественной теории денег. Он начинает свой анализ денег с развернутой критики взглядов Юма и Монтескье. Стюарт показывает, что именно товарные цены определяют количество обращающихся денег. Заслугу его К. Маркс видит в том, что, несмотря на меркантилистские предрассудки, он выводит функции денег из самого товарного обмена. «Хотя его изложение,— пишет К. Маркс,— затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена»[28].

Что же касается источника прибыли, Стюарт видит его в сфере обращения. В цене товаров он различает два элемента: их «действительную стоимость» и «прибыль от отчуждения». Последнее появляется в результате того, что товары продаются выше их стоимости. Он понимает, однако, что капиталисты выступают не только в качестве продавцов, но и в качестве покупателей. То, что они выигрывают как продавцы, они проигрывают как покупатели. И хотя Стюарт в отличие от меркантилистов не разделяет иллюзии о том, что прибыль, получаемая из сферы обращения, является «положительным увеличением богатст-

ва», все же он не сумел найти источник прибыли вне сферы обмена. Прибыль, по мнению Стюарта, «лишь *относительна*, так как выигрышу на одной стороне соответствует потеря на другой и поэтому движение прибыли сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами»»[29]. В этом главном вопросе Стюарт не вышел за рамки меркантилистской системы. Для того чтобы преодолеть меркантилистские представления, необходимо было осуществить анализ сферы производства, перенести вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу производства. Однако это открытие связано с именами классиков буржуазной политической экономии. Становление их учения было уже подготовлено критикой меркантилизма.

Раздел II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Глава 21

ГЕНЕЗИС КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Научное направление в буржуазной политической экономии, известное как классическое, возникло в период зарождения и утверждения капиталистического способа производства. С XVI в. в Англии феодальный строй вступил в стадию разложения, в его недрах стали бурно развиваться капиталистические отношения. В результате грабительского процесса экспроприации крестьянство лишалось земли и пополняло армию наемного труда. Происходило обуржуазивание землевладельцев, появлялось «новое дворянство», которое ориентировалось на фермерское хозяйство капиталистического типа, рассматривая его как источник денежных доходов, коммерческой ренты.

Капиталистические отношения развивались и в промышленности. Мануфактурное производство распространилось в суконном и горном деле, кораблестроении, металлургии и хлопчатобумажной промышленности. Важной сферой приложения капитала стала внешняя торговля. Англия, оттеснив Испанию, Голландию и Францию на внешних рынках, начинает создавать свою колониальную империю. Колониальный грабеж стал важным источником обогащения английской буржуазии.

Маркс отмечал, что победа буржуазии в Английской революции XVII в. была победой нового строя. Капитал подчиняет себе экономику, преобразует все общественные отношения. В торговой политике господствовал меркантилизм. С развитием мануфактурного капитализма возникли новые источники прибыли. В XVIII в. обнаружилось противоречие между теорией и практикой. Подчинение торгового капитала промышленному требовало замены доктрины меркантилизма, идеализировавшей сферу обращения и доказывавшей, что прибыль приносит лишь внешняя торговля, а единственным видом богатства является золо-

то и серебро. Промышленной буржуазии нужны были свои идеологи, обосновывающие превосходство капиталистического производства перед феодальным. Эту миссию выполнила классическая буржуазная политическая экономия. К. Маркс писал, что задача этой школы состояла «лишь в том, чтобы показать, каким образом богатство приобретается в рамках отношений буржуазного производства, сформулировать эти отношения в виде категорий и законов и доказать, что эти законы и категории гораздо удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества»[1].

В отличие от меркантилистов, которые занимались обобщением поверхностных явлений, происходящих в сфере обращения, экономисты классической школы изучали внутренние экономические связи пришедшего на смену феодализму капитализма. Объектом их исследования стало материальное производство. «Подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»,— писал К. Маркс. Он подчеркивал: «Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства»[2].

Экономисты-классики внесли существенный вклад в развитие экономической науки. Их учение явилось одним из источников идей марксизма.

1. Экономические взгляды У. Петти

Родоначальником классической буржуазной политической экономии в Англии был Уильям (Вильям) Петти (1623—1687). К. Маркс очень высоко ценил его заслуги в развитии экономической науки, называя его гениальнейшим и оригинальнейшим исследователем-экономистом[3].

Формирование и развитие экономических воззрений У. Петти проходило в условиях быстрого расширения капиталистических отношений в Англии, более быстрого роста торговли, денежного обращения, чем во Франции. Именно этим объясняется живучесть идей меркантилизма у Петти. Но вместе с тем Англия обогнала по уровню промышленного производства другие европейские страны, что создавало благоприятные условия для теоретического анализа

экономики капитализма. Это позволило У. Петти стать родоначальником новой науки.

Уильям Петти был выходцем из семьи ремесленника-сукнодела, прошел путь от моряка до основателя богатого рода английских лендлордов. Маркс образно охарактеризовал сложность, гениальность и противоречивость У. Петти, когда писал о нем, что это «смелый мыслитель, но совершенно фривольный армейский хирург, который одинаково был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и, пресмыкаясь, вымаливать у Карла II титул баронета за этот грабеж»[4]. Перу Петти принадлежит целый ряд работ: «Трактат о налогах и сборах» (1662), «Слово мудрым» (1664), «Политическая анатомия Ирландии» (1672), «Политическая арифметика» (1676) и «Разное о деньгах» (1682). В последней работе Петти, по словам Маркса, окончательно порвал с меркантилизмом.

Первые его работы были посвящены главным образом обоснованию экономической политики. В них он развивал идею активного торгового баланса. В работах «Слово мудрым» и «Политическая арифметика» У. Петти характеризовал богатство с меркантилистских позиций, утверждая, что богатство каждой страны заключается главным образом в той доле, которую она имеет во внешней торговле, а «производство таких товаров и ведение такой торговли, которые способствуют накоплению в стране золота, серебра, драгоценных камней и т. п., являются более выгодными, чем другие виды производства и торговли»[5].

Как меркантилист У. Петти был сторонником государственного вмешательства в экономику, но добавлял, что это вмешательство должно способствовать развитию производства.

Естественно, что особенно отчетливо классовая сущность и историческая обусловленность взглядов У. Петти проявились в трактовке противоположности богатства и бедности. Он заявлял, что это вечный и неумолимый закон жизни, если «одни люди более бедны, чем другие, это всегда было и всегда будет». Однако Петти предостерегал против излишней роскоши, предупреждая, что контраст между голодом и роскошью может привести к гражданской войне.

Решая практические, конкретные задачи с позиций меркантилизма, У. Петти в своих работах отводил значительное место описанию экономических процессов. Но когда он исследовал их, то использовал новый метод —

стремился проникать в глубь явлений, пытался перейти от описания явлений к анализу их сущности. Он акцентировал внимание на том, что все зависящее от мнений, желаний и страстей отдельных людей следует игнорировать, стремился показать причинную зависимость экономических явлений. Тем самым Петти положил начало разработке научного абстрактного метода в политической экономии.

Уильям Петти ставил проблему экономического закона, доказывая необходимость точного количественного анализа экономических явлений. Но, понимая, что нельзя ограничиться исследованием только сферы обращения, основой хозяйства считал производство. Богатство создается в сфере материального производства, а сфера обращения обеспечивает его распределение. Купцы «не доставляют никакого продукта,— писал Петти,— а играют лишь роль вен и артерий, распределяющих туда и назад кровь и питательные соки государственного тела, а именно продукцию сельского хозяйства и промышленности»[6].

Петти, исследуя возникающее капиталистическое производство, не мог создать цельной научной системы политической экономии, однако по многим ее проблемам он делал очень важные теоретические обобщения. Он стал основателем трудовой теории стоимости. Петти первым в Европе пришел к выводу, что источником стоимости является труд. Обоснованию этого положения посвящено его учение о «естественной цене». Отдавая дань меркантилизму, самым важным Петти считал вопрос о цене товара. Однако он исследовал не случайные рыночные цены, а среднюю или «естественную цену», под которой понимал стоимость, считая, что если бушель хлеба обменивается на унцию серебра, то последняя является «естественной ценой» такого количества хлеба. В «Трактате о налогах и сборах» Петти объяснял это тем, что на производство данного количества хлеба и серебра затрачено одно и то же количество труда. Далее следовал вывод, что товары равны друг другу, так как в них содержится одинаковое количество труда[7]. Различие видов труда не имеет значения, стоимость товара измеряется рабочим временем, затраченным на их производство.

Как видим, У. Петти сделал открытие в политической экономии. Он заложил основы трудовой теории стоимости, но в этой его концепции содержится ряд заблуждений. Рассматривая капиталистическое производство как вечное, в котором царит якобы «естественный» порядок, Пет-

ти не смог понять природы стоимости труда, создающего ее. Он не приблизился к пониманию той специфической общественной формы, в которой труд становится источником стоимости. Более того, он смешивал меновую и потребительную стоимость, абстрактный и конкретный труд. Стоимость Петти не выделял как внутреннее свойство товара, отождествляя ее с количеством денег, получаемых за товар, а затем приходил к выводу, что стоимость создает не всякий труд, а только тот, который затрачен на производство золота и серебра (т. е. денежного материала). Стоимость продуктов труда в других отраслях производства определялась, по его мнению, лишь в результате их обмена на благородные металлы. В этом варианте его учения о стоимости отчетливо обнаруживается серьезное влияние меркантилизма. Поэтому Маркс подчеркивал, что Петти, «опутанный представлениями монетарной системы... объявляет тот особенный вид реального труда, которым добывается золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосредственную потребительную стоимость, а товар,— потребительную стоимость, которая способна путем своего отчуждения в процессе обмена представляться в виде золота и серебра, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд»[8].

В поисках правильного толкования закона стоимости и его применения к реальной экономической жизни Петти выдвинул известную формулу «Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля — его мать»[9], которую можно считать еще одним вариантом его учения об источнике стоимости. В этой концепции, которую К. Маркс характеризовал как гениальное заблуждение, подмечено участие природного фактора в создании потребительных стоимостей. Но поскольку Петти, как уже отмечалось, не видел различия между потребительной стоимостью и стоимостью, между конкретным и абстрактным трудом, то в его формуле земля выступает наряду с трудом источником стоимости. Сказывалось явное непонимание как двойственной природы самого товара, так и двойственного характера труда.

К. Маркс, анализируя различные варианты учения Уильяма Петти о стоимости, замечал, что «у Петти беспорядочно переплетаются троякого рода определения:

a) Величина стоимости, которая определяется равным рабочим временем, причем *труд* рассматривается *как источник стоимости.*

b) Стоимость как форма общественного труда. Поэтому деньги выступают как *истинная форма стоимости*, хотя в других местах Петти опрокидывает все иллюзии монетарной системы. Здесь у него, стало быть, намечается *определение понятия.*

c) Смешение труда как источника меновой стоимости с трудом как источником потребительной стоимости, где труд предполагает вещество природы (землю)»[10].

Однако, несмотря на ограниченность, противоречия и ошибки, гениальные догадки У. Петти приобрели важное значение в истории классической буржуазной политэкономии для поисков решения проблемы стоимости.

Заработную плату он определял как цену труда. Не зная категории рабочей силы, Петти не смог раскрыть сущности заработной платы, поскольку не понял, что труд, являясь источником стоимости, сам не имеет стоимости и цены. Ведь труд — это процесс, и его нельзя продать. Рабочий же продает капиталисту не труд, а способность к труду, т. е. рабочую силу.

Решая вопрос о том, чему же должна равняться стоимость труда, или заработная плата, У. Петти делал важное открытие, утверждая, что уровень заработной платы определяется объективными факторами, а не субъективным решением законодателя. «...Закон должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем он мог бы работать и стал бы работать, а это для общества означает потерю такого же количества труда»[11].

Рассматривая это положение, Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» приходил к выводу, что Петти правильно определял заработную плату необходимыми средствами к жизни работника. Ошибочным было мнение, будто бы уровень заработной платы должен обеспечивать только физиологический прожиточный минимум. Из определения заработной платы минимумом средств существования Петти делает вывод о том, что рабочий в виде заработной платы получает лишь часть стоимости, которую он создает. Вторую часть стоимости присваивает собственник.

У. Петти высказывал мысль, что прибавочная стоимость — это та часть продукта, которая остается после

вычета издержек производства, куда он включал затраты на семена. Маркс отмечал, что у него «можно увидеть догадку о природе *прибавочной стоимости*, хотя он рассматривает ее только в форме земельной ренты»[12]. Петти утверждал, что если «какой-нибудь человек своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб собственный участок земли», то «этот человек вычтет из полученного им урожая свои семена», и то, что нужно «в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей». Тогда «остаток хлеба составляет естественную и истинную ренту этого года»[13]. В отличие от меркантилистов Петти показал, что рост богатства реализуется за счет прибавочного труда, который овеществляется в прибавочном продукте, в данном случае совпадающем с земельной рентой. Петти трактует ренту и как всеобщую форму прибавочной стоимости, и как собственно земельную ренту.

По мнению Маркса, Петти дал первое понятие дифференциальной ренты, утверждая, что она возникает в сельском хозяйстве в связи с различным плодородием участков и различным местоположением их по отношению к рынку. Он считал ренту не даром земли как таковой, а созданием труда, поскольку труд на разных участках обладает разной производительностью.

После того как Петти определил ренту как чистый доход с земли, он ставит вопрос о цене земли. По его мнению, стоимость, или цена, земли представляет собой сумму определенного числа годичных рент. Обосновывается это правильное определение цены земли довольно оригинально. Если цена земли, рассуждал Петти, равна сумме годичных рент, следовательно, можно допустить, что число этих рент должно равняться обычной продолжительности совместной жизни трех поколений (деда, отца, сына), т. е. 21 году. Однако такое количество годичных рент, определяющих стоимость земли, может изменяться. К. Маркс, отмечая заслуги Петти в решении проблемы ренты и цены земли, писал: «Во-первых, *рента*, как выражение совокупной *сельскохозяйственной прибавочной стоимости*, выводится не из земли, а из труда и определяется как созданный трудом избыток над тем, что необходимо для поддержания жизни работника... во-вторых, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как наперед закупленной на определенное число лет рентой, такой *превращенной* формой самой ренты, в которой прибавочная стоимость (или прибавочный труд) стольких-то лет (например, 21 года)

выступает как *стоимость земли*; короче говоря, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как *капитализированной рентой*»[14].

В тесной связи с теорией ренты у Петти находится вопрос о ссудном проценте, который он называл «денежной рентой» и заявлял, что процент является доходом, производным от земельной ренты. В работе «Разное о деньгах» процент он приравнивал к арендной плате и отвергал законодательное его регулирование. Такая трактовка процента, даваемая Петти, имеет свою логику, поскольку ренту он считал всеобщей формой капиталистического дохода, а источник процента соответственно искал в ней. Он, в силу неразвитости капиталистических отношений в Англии того времени, не смог противопоставить ссудный процент предпринимательскому доходу и рассмотреть его как обособившуюся часть прибыли.

Анализ экономических взглядов У. Петти позволяет сделать вывод о том, что наряду с научными положениями в его работах соседствуют ошибочные концепции, причем анализ экономических категорий растворяется в проблемах экономической политики, экономической статистики. Эти категории трактовались им внеисторически, как естественные, капитализм же считался вечным строем. В этом ярко проявилась буржуазная ограниченность Петти.

Однако, несмотря на незрелость и противоречивость экономического учения Петти, оно занимает видное место в истории экономической мысли. У. Петти заложил основы трудовой теории стоимости, искал единый источник капиталистических доходов, поставил проблему экономического закона. Научные идеи, выдвинутые им, были восприняты и развиты представителями классической школы буржуазной политической экономии.

2. Экономические взгляды П. Буагильбера

Генезис классической школы буржуазной политической экономии во Франции протекал в иных исторических условиях, чем в Англии. Франция до конца XVIII в. оставалась феодальной страной, где продолжало господствовать дворянство. Дворянство и феодальная монархия существовали за счет жестокой эксплуатации крестьян. Ее результатом было нищенское положение крестьянства, плативщего оброки и непомерные налоги. Низкие урожаи свидетельствовали о кризисном состоянии

французского сельского хозяйства. Промышленность Франции была слабо развита. В городах сохранялись ремесленные цехи, которые строго регламентировали и ограничивали производство. На этом фоне шло резкое усиление абсолютизма. Королевская власть, пытаясь найти выход, стремилась к расширению внешней торговли, к поощрению промышленности, работающей на экспорт. Однако с середины XVIII в. проявилась ограниченность такой экономической политики. Промышленность Франции не могла успешно развиваться, так как в стране преобладало крестьянское население, разоренное многочисленными феодальными оброками и налогами. Мануфактуры, которые организовал Кольбер, пришли в упадок. К тому времени Англия одержала над Францией полную победу в борьбе за внешние рынки.

Все это привело к тому, что меркантилизм во Франции обанкротился. Идеологи буржуазии во Франции выступили с критикой меркантилистской политики, подчеркивая несостоятельность кольбертизма.

Родоначальником буржуазной политической экономии во Франции стал Пьер Лепезан де Буагильбер (1646—1714). Особенность развития французского капитализма существенным образом повлияла на формирование экономических взглядов Буагильбера. Он был потомком дворянской семьи. Получив прекрасное образование, он увлекся литературной деятельностью, много занимался переводами научных трактатов с древних языков, опубликовал историческое исследование о Марии Стюарт, но затем оставил литературное поприще и занял место судьи округа Руана. В своей судебной деятельности Буагильбер специализировался по крестьянским делам, воочию наблюдал бедственное положение деревни и стал, по его словам, «адвокатом сельского хозяйства».

Как писал Маркс, классическая политическая экономия начинается во Франции с Буагильбера[15]. В 1696 г. вышла его первая книга —«Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или Как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население». В 1707 г. было опубликовано другое его произведение —«Обвинение Франции». В этих работах красочно показывалось бедственное положение Франции, осуждалась меркантилистская политика абсолютизма.

Буагильбер создал также несколько теоретических исследований: «Трактат о природе, возделывании и пользе зерна», «Рассуждение о природе богатства, денег и налогов», «Исследование о редкости денег». Особенностью этих работ является враждебность к меркантилизму. Главной причиной упадка народного хозяйства Буагильбер считал экономическую политику кольбертизма. Он выступал в защиту интересов сельского хозяйства, за отмену запрещения вывоза хлеба. Буагильбер писал о необходимости улучшения положения крестьян, порицал одностороннее поощрение королевской властью развития промышленности. Много внимания уделял анализу налоговой политики, отчетливо проводя мысль о необходимости реформы налоговой системы, с тем чтобы устранить препятствия, которые она ставит естественному ходу хозяйственной жизни. «Чтобы удовлетворить все потребности государства и вернуть всему народу древнее изобилие,— заявлял Буагильбер,— не нужно никаких чудес, достаточно перестать совершать насилие над природой»[16].

Он считал, что целесообразны только те налоги, которые способствуют развитию хозяйства и не противоречат его природе. Здесь проскальзывает идея о том, что экономика развивается по законам, которые нельзя нарушать. Ссылаясь на естественные законы экономики, Буагильбер отрицал неразумное вмешательство государства в экономическую жизнь и требовал свободы торговли, которая обеспечит гармонию интересов людей. В отличие от меркантилистов экономические закономерности он искал не в сфере обращения, а в сфере материального производства, основой которого считал сельское хозяйство. Он выступал за экономическую свободу, богатством объявлял не деньги, а материальные блага в виде товаров, создаваемых в процессе производства.

Особая заслуга Буагильбера состоит в том, что он является, наряду с У. Петти, основателем трудовой теории стоимости. Буагильбер утверждал, что «истинная стоимость» товара определяется трудом, а мерой стоимости является рабочее время. Экономической жизни общества, писал он, необходим был обмен продуктами труда уже в самые древние времена, когда произошло отделение скотоводства от земледелия. С развитием общества разделение труда углубляется, экономические связи усложняются, но обмен, по мнению Буагильбера, все же должен происходить в соответствии с затратами труда. «Первое требование состоит в том, чтобы все люди жили в достатке

за счет своего труда или труда своих предков», а «каждое ремесло должно кормить своего мастера». Поэтому предметы и все товары «должны находиться постоянно в равновесии и сохранять цену пропорционально отношениям между ними и соответственно затратам, которые необходимо произвести для их производства»[17]. Буагильбер считал, что распределение труда между отраслями должно происходить в результате свободной конкуренции.

Анализируя воззрения Буагильбера, Маркс писал, что он сводил если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени, определяя ««истинную стоимость»... правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов разделяется между отдельными отраслями производства, и представляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию»[18]. Однако ошибкой Буагильбера было то, что он смешивал труд, овеществленный в товаре, т. е. труд, создающий стоимость, с естественной деятельностью человека, не видя двойственного характера труда.

Целью товарного производства Буагильбер неправильно объявлял потребление, обращая внимание только на вещественное содержание богатства, на потребительную стоимость, на потребление. Совершенно очевидно, что Буагильбер не понял природы товарного производства, а это в свою очередь не позволило ему дать правильную характеристику сущности денег и их функций. В противоположность Петти Буагильбер ополчился против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие, или гармонию, товарного обмена и требуют себе в жертву все естественное богатство. Французский экономист выступил против меркантилистского обожествления денег, критикуя утверждение, что истинным богатством являются только золото и серебро. В деньгах Буагильбер видел основное зло. Объявляя их «всеобщим палачом», он указывал, что цель денег — служить залогом при обмене. Буагильбер считал, что деньги должны находиться в непрерывном движении; как только они становятся неподвижными — все погибает. О роли денег он писал: «Совершенно несомненно, что сами по себе они не являются благом и их количество не увеличивает изобилия страны, лишь бы их количество было достаточно для поддержания цен, сложившихся на средства существования»[19].

Единственной функцией денег Буагильбер признавал функцию средства обмена. Полагая, что ее может выполнить любой товар, а не обязательно золото и серебро, он делал вывод, что металлические деньги могут быть заменены бумажными. Не понимая, что деньги являются необходимым порождением товарного обмена, Буагильбер не замечал того, что деньги — это прежде всего всеобщий эквивалент, в роли которого могут выступать товары, которые сами обладают стоимостью. В работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин писал, что Буагильбер хотел бы уничтожить деньги, сохранив товарное производство, ибо «не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что противополагает, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда»»[20].

Критика меркантилизма в целом и в особенности по вопросу о деньгах в работах Буагильбера велась с позиций французского крестьянства, страдавшего от роста денежных налогов и развития денежных отношений. Он обрушивался на кольбертизм, боялся буржуазной ломки экономических отношений, отражая страх мелкой буржуазии перед лицом бурного развития мануфактурного капитализма.

Провозвестники классической буржуазной политической экономии У. Петти в Англии и П. Буагильбер во Франции разрабатывали свои экономические концепции почти одновременно и независимо друг от друга. Особенности экономического развития этих стран наложили отпечаток и на генезис классической школы буржуазной политической экономии в той и другой стране.

Различия в развитии капитализма в Англии и во Франции предопределили различия в формировании и развитии в этих странах политической экономии. Карл Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» отмечал, что контраст между английской и французской классической школой наглядно виден в работах родоначальников этого направления буржуазной политической экономии Петти и Буагильбера.

Контраст проявился прежде всего в отношении к меркантилизму. У. Петти сам долгое время исповедовал меркантилистские догмы и хотя в конце жизни отошел от меркантилизма, но не стал его активным противником. Буагильбер своей задачей объявил показ несостоятельности и вредности меркантилистской теории и политики. Все работы Буагильбера подчинены этой идее. Кроме того,

Петти был сторонником развития промышленного производства. Буагильбер же защищал интересы крестьянства и был поклонником развития сельскохозяйственного производства. Если Петти деньги трактовал как стимул экономического развития, то Буагильбер относился к ним как к основе всех бед. Петти ориентировался на меновую стоимость, а Буагильбер — на потребительную и целью производства объявил потребление, не поняв прогрессивной роли капитализма. Петти же, критикуя феодализм, отмечал, что его падение создает более благоприятные условия для развития производства.

3. Учение о стоимости Б. Франклина

Определенную роль в формировании трудовой теории стоимости сыграл известный американский государственный деятель XVIII в. Бенджамин Франклин (1706—1790). В 1729 г. он написал свое основное сочинение «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег», в котором защищается трудовая теория стоимости У. Петти. В этом сочинении, как отметил К. Маркс, содержался «первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени»[21]. Франклин не разделял взглядов меркантилистов, отождествлявших богатство с деньгами. Он исходил из того, что единственным мерилом богатства является труд, которым «можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других вещей... Поэтому богатство страны должно оцениваться по тому *количеству труда*, которое ее жители способны купить»[22].

Определив меновую стоимость трудом, Франклин, однако, не понял содержания, общественной природы этой экономической категории. Стоимость для него — такое же естественное свойство вещи, как, например, вес тела. Он видел задачу лишь в том, чтобы найти наиболее точный способ измерения ее величины. Франклин принимает рабочее время в качестве меры стоимости, не уяснив, как отметил К. Маркс, что, «оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда,— следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду»[23].

Проблема труда, создающего товар, оказалась неразрешимой для Франклина. Не уяснив общественной природы, характера труда, образующего стоимость, он не заметил внутренней связи между товарной и денежной формой

стоимости, закономерности появления денег. Поэтому у него деньги и труд, создающий меновую стоимость, не находятся ни в какой внутренней связи, деньги у него трактуются как орудие, привнесенное в обмен извне ради технического удобства. Труд как внутренняя мера стоимости оказался отождествленным с деньгами как внешней мерой стоимости. Функцию меры стоимости, по мнению Франклина, выполняет сам труд, а не деньги.

Поскольку Франклин не видел внутренней связи между трудом, создающим стоимость, и деньгами, это не позволило ему окончательно отмежеваться от меркантилизма. В его работе воспроизводится и меркантилистская концепция, по которой главным фактором богатства объявляется рост количества денег.

Высказав гениальную догадку об источнике меновой стоимости, Франклин не создал на ее основе стройной теории. «Анализ меновой стоимости, данный Франклином,— отметил К. Маркс,— не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он занимался только отдельными вопросами политической экономии в связи с определенными практическими задачами»[24]. В последующих работах («Совет молодому торговцу», «О роскоши, праздности и индустрии», «О работающих бедняках», «О цене на хлеб и руководстве бедняками» и т. д.) трактовались и другие экономические категории. Однако связь с основным принципом определения меновой стоимости трудом теряется, и эти трактовки вступают в явное противоречие с ним. Франклин исходит, например, из того, что деньги способны к саморазмножению, ибо они «могут производить деньги, и эти новые деньги могут тоже рождать деньги и т. д.»[25]. Прибыль Франклин специально не анализировал, он отождествлял ее с процентом, который рассматривался как результат самовозрастания денег. Он выдвинул по существу вульгарное положение о ренте, объясняя ее порождением земли и не пытаясь установить ее действительный источник. Связь категорий прибыли и ренты со стоимостью им не выяснялась.

Известно, что особенностью становления буржуазной политической экономии в США было то, что свое существование она начала как вульгарная школа, задачей которой была апология капитализма, а не исследование его экономических законов. И хотя американские буржуазные экономисты часто ссылались на работы Франклина, однако не использовали трудовую теорию стоимости, а заимствовали его ненаучную концепцию капиталистического на-

копления. Особенно восхвалялся тезис Франклина о том, что исходным пунктом капиталистического накопления, создания крупных богатств является не эксплуатация, а сбережения трудолюбивых людей. Идеализируя американский капитализм, Франклин утверждал, что экономия, бережливость, трудолюбие — основной путь улучшения положения трудящихся.

Из сказанного видно, что Франклин занимает своеобразное место в буржуазной политической экономии и, несмотря на защиту трудовой теории стоимости, в трактовке остальных проблем политической экономии отходит от классической школы.

Глава 22

ФИЗИОКРАТЫ

Физиократы — экономисты XVIII в., представители классической буржуазной политэкономии во Франции. Школа физиократов возникла и развивалась в переходный период от феодализма к капитализму, когда во Франции наблюдался кризис феодализма, назревала антифеодальная революция, широко развивался мануфактурный капитализм.

Основоположником физиократизма, главой этой школы был Франсуа Кенэ (1694—1774). Он не только заложил основы физиократизма, но и сформулировал его экономическую и политическую программу. Продолжил его изыскания государственный деятель Франции второй половины XVIII в.— генеральный контролер финансов Анн Робер Жак Тюрго (1727—1781). Пропагандистами идей физиократизма (особенно Кенэ) были П. Дюпон де Немур, Д'Аламбер, Виктор Мирабо, П. Мерсье де ла Ривьер, Г. Летрон. Таким образом, сложилась настоящая школа физиократов, или «экономистов», как их тогда называли. Ее расцвет относится к 60—70-м годам XVIII столетия.

Если в середине XVIII в. в Англии начался уже промышленный переворот, то Франция, хотя в ней и укрепился мануфактурный капитализм, вплоть до конца XVIII в. оставалась феодальной, аграрной страной. Феодальная монархия Франции опутала крестьянство сетью тяжелых налогов. Мощная система абсолютизма, феодальная иерархия препятствовали развитию капитализма в сельском хозяйстве, заводили его в тупик. Почти вся пахотная

земля и 80 % лугов и лесов принадлежали дворянам. Закабаленный французский крестьянин, лишенный земли и скота, вынужден был обрабатывать землю архаическими способами, часто вручную, урожаи были чрезвычайно низкими. Во Франции того времени преобладающей формой феодальной эксплуатации была оброчная система, сохранялись поземельная кабала, разные формы личного крепостничества. Оброк выплачивался и деньгами и натурой. К концу XVIII в. доля денежного оброка резко возросла. Распространилась испольщина. Малоземельные и безземельные крестьяне, арендуя землю у помещиков, вынуждены были отдавать им половину урожая. Сельское хозяйство предреволюционной Франции деградировало, к 1789 г. насчитывалось до 2 млн разорившихся крестьян. Кроме того, сельское хозяйство подрывалось политикой меркантилизма. Цены на хлеб удерживались на самом низком уровне. Наряду с этим запрещался вывоз хлеба за границу, а ввоз дешевого хлеба всячески поощрялся. Нищая французская деревня не могла быть емким рынком для сбыта промышленной продукции.

Совершенно очевидно, что сельское хозяйство Франции было центром экономических противоречий. Игнорируя задачи развития сельского хозяйства, протекционистская политика абсолютизма поощряла развитие внешней торговли, судоходства и промышленности. С середины XVIII в., когда Англия завоевала господство на мировом рынке, мелочная регламентация французской промышленности, введенная еще во времена Кольбера, стала преградой техническому прогрессу, препятствовала свободной конкуренции и превратилась в тормоз роста капиталистической промышленности. К середине XVIII в. банкротство экономической политики меркантилизма стало очевидным.

Как уже отмечалось, центр экономических противоречий находился в сельском хозяйстве. Аграрный вопрос стал главным, наиболее острым. Решением этого вопроса и занялись физиократы, усматривая причины упадка экономики Франции в тяжелом положении сельского хозяйства. Они объявили сельское хозяйство единственной производительной отраслью, создающей богатство страны, и начали исследование с той отрасли производства, которую вообще «можно мыслить обособленно, независимо от обращения, от обмена»[1]. Промышленность же физиократы считали непроизводительной сферой, где не создается прибавочный продукт, и неправомерно ограничили сферу производства рамками сельского хозяйства.

Значение физиократов в истории буржуазной политической экономии определяется тем, что они в отличие от меркантилистов вслед за Петти и Буагильбером перенесли исследование из сферы обращения в сферу производства и этим заложили основу для дальнейшего научного анализа капиталистического способа производства. Маркс высоко ценил вклад физиократов в экономическую теорию, назвав их «настоящими отцами современной политической экономии»; их заслуга состояла в том, что «они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*»[2].

1. Экономические взгляды Ф. Кенэ

Основатель школы физиократов Франсуа Кенэ родился в 1694 г. недалеко от Версаля в семье бедного крестьянина, занимавшегося мелкой торговлей, чтобы сводить концы с концами. Родители не могли дать ему никакого образования, но он, будучи чрезвычайно любознательным, освоил сам грамоту, даже изучил латинский и греческий языки. Кенэ довольно рано увлекся медициной. Обучение он начал у сельского хирурга, затем слушал лекции в медицинской школе в Париже. Медицинская практика принесла ему славу великолепного лекаря. Кенэ издал несколько медицинских сочинений, что еще более упрочило его положение талантливого медика. В 1749 г. он стал личным врачом маркизы де Помпадур, а в 1752 г.— лейб-медиком Людовика XV. В награду Кенэ получает дворянское звание, переселяется в Версальский дворец, а затем приобретает крупное поместье. Кенэ прославился не только как искусный медик, но и как крупный ученый-биолог. Медицина и биология не были единственным увлечением Кенэ. Он серьезно занимался философией, штудировал произведения Мальбранша и Декарта.

Занимаясь философией, общаясь с философами-просветителями, Кенэ не стал материалистом. Человеческое общество он рассматривал как часть мироздания, подчиненную законам природы. Изучая законы природы, он считал, что не только в природе, но и в обществе обмен осуществляется по принципу эквивалентности. Эта идея была плодотворно использована в его экономических исследованиях.

Как экономист Кенэ сформировался довольно поздно, в 50-х годах XVIII в., на пороге своего 60-летия. В 1756 г. Дидро привлекает его к участию в Энциклопедии. Это со-

бытие сыграло очень существенную роль в жизни Кенэ. В Версале у него собирались для дискуссий философы, писатели-просветители, сплотившиеся в 50-е годы вокруг Энциклопедии (Дидро, Гельвеций, Тюрго, Мирабо). О них Ф. Энгельс писал: «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»[3].

Будучи выходцем из народа, Кенэ хорошо знал его тяготы и нужды, видел бедственное положение французских крестьян и городских тружеников, а живя при королевском дворе, наблюдал расточительную роскошь аристократии. Связи самого Кенэ с аристократами, дворянами были очень тесными. Эта двойственность отразилась на экономической платформе Кенэ и проявилась в первых экономических статьях, которые он написал для Энциклопедии в 1756—1757 гг.,—«Фермеры», «Зерно», «Население» и «Налоги». Оригинальные статьи Кенэ по вопросам сельского хозяйства вызвали большой интерес. У него появились ученики, последователи.

Кенэ был сторонником всеобъемлющего господства официальной религии, идеалистом. Но в Энциклопедии благодаря философам-просветителям утвердилось материалистическое мировоззрение. Испугавшись этого, Кенэ прекратил сотрудничество с Энциклопедией. Он стоял за просвещенный абсолютизм, был монархистом, назревшей буржуазной революции противопоставлял реформы, которые, по его мнению, должен был осуществлять король. И хотя Кенэ сам объявлял себя идеологом феодализма, выступая под флагом абсолютизма и улучшения феодального строя, в своей экономической теории он впервые попытался выявить экономические закономерности капиталистического способа производства. Поскольку физиократы, и прежде всего Кенэ, выступали в период зарождения капитализма в недрах феодализма, постольку их буржуазное мировоззрение имело феодальную оболочку. К. Маркс, характеризуя классовое значение учения физиократов, писал в «Капитале»: «Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили

в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши ученые-педанты верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства»[4].

В своих статьях «Фермеры» и «Зерно» Кенэ отразил противоречия, присущие сельскому хозяйству Франции и экономической политике, проводимой Людовиком XV. На большом фактическом материале им была показана отсталость существующей системы земледелия, необходимость перестройки организации и методов ведения сельскохозяйственного производства. Кенэ считал необходимой замену натурального хозяйства, базирующегося на примитивной технике, крупным фермерским хозяйством, работающим на рынок, основанным на значительных вложениях капитала, применяющим наемный труд, повышающим агрикультуру. Подчеркивалось, что Франция должна отказаться от мелкого, непродуктивного производства и испольщины, которые приводят к потере огромного богатства и постоянно угрожают голодом. Таким образом, Кенэ по существу предлагал ликвидировать пережитки феодализма и перейти к крупному капиталистическому земледелию, когда писал, что «мелкое хозяйство и крупное хозяйство требуют... во многих отношениях расходов, которые непропорциональны прибылям, получаемым этими хозяйствами. В связи с этим богатые земледельцы пользуются несколькими плугами с гораздо большею выгодою и для себя и для государства, чем те, кто ограничивается применением одного плуга, ибо в первом случае имеет место экономия рабочей силы и различных затрат, а в результате всего этого получается большая прибыль. Производимые расходы и затрачиваемый труд выгодны для государства только в той мере, в какой они обновляют и увеличивают богатство нации»[5].

В статье «Зерно» Кенэ привел таблицу, в которой сельское хозяйство трактовалось как единое производство и проводилось сравнение продукции, полученной при современной системе сельского хозяйства, с продукцией, производимой при рациональной его системе[6]. Анализ таблицы показал, что при рациональном ведении хозяйства его эффективность возрастает в 2—4 раза. Более того, в этой таблице Кенэ исчислил издержки производства и определил разницу между стоимостью произведенной продукции и другими издержками. Это в истории политэкономии была первая попытка исчислить чистый продукт (прибавочный продукт). Он выдвигал идею взимания подоходного

налога, т. е. чисто капиталистической формы налога. Кенэ при этом подчеркивал, что налоги должны взиматься только с тех классов, которые присваивают чистый продукт. По этому поводу Маркс писал: «Кажущееся превознесение земельной собственности переходит в ее экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства», поскольку «все налоги переносятся на земельную ренту, или, другими словами, земельная собственность подвергается частичной конфискации»[7].

В обобщенном виде экономическая программа Кенэ была изложена в работе «Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам» (1758).

В отличие от английской классической буржуазной политической экономии, которая в первую очередь анализирует промышленное производство, Кенэ анализировал сельское хозяйство, объявив его единственной производительной сферой. Только в земледелии, по утверждению Кенэ, создается новое богатство, а бóльшая производительность земледельческого труда обусловлена самой природой. Кенэ заявлял, что экономическая политика должна стимулировать лишь производительные издержки (в сельском хозяйстве), а бесплодные издержки (в промышленности) предоставить самим себе. Это ошибочное положение поддерживали и другие физиократы.

Физиократическая школа развивалась в борьбе с меркантилизмом. В статье «Население» Кенэ выступал против меркантилистской политики Людовика XV, против торговых войн. Особенно широкую полемику против меркантилизма Кенэ развернул в сочинении «О торговле» (1765). В противовес меркантилизму физиократы выдвинули идею эквивалентности обмена. Кенэ считал, что товары вступают в обращение с заранее заданной ценой. Но научно объяснить, почему у товаров существует данная цена до вступления их в процесс обращения, он не смог. Исходя из положения об эквивалентности обмена, Кенэ критиковал тезис меркантилистов, будто бы богатство порождается обменом, и подчеркивал, что покупки уравновешиваются с обеих сторон, их действие сводится к обмену ценности на равную ценность и обмен в действительности ничего не производит.

В статье «Ответ на мемуар г-на М. Х. (о пользе промышленности и торговли, о производительности так называемого бесплодного класса и т. д.)» (1765) Кенэ утверждал также, что «главными причинами, образующими ры-

ночную цену произведений, являются их редкость или изобилие и более или менее сильная конкуренция продавцов и покупателей»[8]. Совершенно очевидно, что Кенэ не подошел к пониманию сущности и основы закона стоимости. Но идея эквивалентности обмена была неотъемлемой составной частью всей физиократической системы и очень плодотворной.

В отличие от меркантилистов Кенэ деньги трактовал как бесполезное богатство, объявлял их только посредником в обмене. Он выступал против меркантилистских требований накопления денег, поскольку это не будет способствовать воспроизводству богатства страны, и заявлял, разоблачая меркантилистов, которые искали источник богатства во внешней торговле, что эффективные методы обогащения страны связаны с материальным производством — именно с сельским хозяйством. Указывалось, что внешняя торговля выравнивает цены на товары в разных странах, но, устанавливая равенство цен, не дает никакой прибавки. К тому же доход торговцев не является прибылью страны, исчезает с прекращением воспроизводства. Если меркантилисты объявляли купца хозяином рынка, который устанавливает по желанию цены на свои товары, то Кенэ говорил, что выгода от продажи повлечет за собой потери при покупке. Положительно оценивая критику меркантилизма физиократами в целом, следует отметить, что Кенэ неправомерно отрицал реальность и значение торговой прибыли. Более того, Кенэ в отличие от меркантилистов вообще не понял сущности эпохи первоначального накопления капитала, роли торговли и торгового капитала, значения мануфактурной промышленности, торговой экспансии и формирования крупных капиталов в зарождении капиталистического способа производства.

В основу теоретических изысканий физиократов было положено учение о «естественном порядке». Эту концепцию Кенэ подробно изложил в работе «Естественное право» (1765), которая дает представление о его мировоззрении и философских корнях физиократизма. Кенэ считал, что общественные законы являются законами «естественного порядка», которые выгодны человеческому обществу, установлены богом для воспроизводства и распределения материальных благ. Эта идея развивалась и в работе «Китайский деспотизм»* (1767), где он писал, что «физи-

* Работу «Китайский деспотизм» нельзя считать историческим трудом. В ней излагались идеи, не связанные с китайской действительностью.

ческие законы, которые устанавливают естественный порядок, наиболее выгодный для человеческого рода, и с точностью определяют естественное право всех людей, являются вечными, неизменными и несомненно лучшими законами, какие только могут существовать»[9]. Право собственности, по мнению Кенэ,— основа естественного права. По существу под «естественным порядком» понимался буржуазный порядок. Под маркой обоснования «естественного порядка» защищался капитализм, развивающийся на базе господства частной собственности и свободной конкуренции. Кенэ заявлял, что «*естественное право* человека может быть определено приблизительно как *право человека на вещи, пригодные для его пользования*». Но чтобы не дать повод для радикальных выводов, Кенэ утверждал, что «естественное право» всех на все является абстрактной идеей и в действительности очень ограничено, остается пустым софизмом, ибо это «*право на все* походит на право каждой ласточки на всех летающих по воздуху мошек»[10].

Однако, несмотря на буржуазную ограниченность, учение физиократов о «естественном праве» и «естественном порядке» имело прогрессивное значение. Оно выдвигало идею объективности и закономерности общественного развития. Физиократы рассматривали общество как живой общественный организм, а экономическую жизнь — как естественный процесс, имеющий внутренние закономерности. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали общественные «формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества»[11].

Одно из центральных мест в экономической теории физиократов занимает учение о «чистом», или прибавочном, продукте. В противоположность меркантилистам физиократы вопрос о происхождении прибавочного продукта перенесли из сферы обращения в сферу материального производства и таким образом заложили основу для анализа капиталистического производства. В «Ответе на мемуар г-на М. Х.» Кенэ давал обоснование исключительной производительности земледелия, утверждая, что торговля всего лишь «обмен вещей, которые уже существуют

и имеют соответствующую продажную ценность по отношению друг к другу». Поэтому «торговля не порождает богатств»[12].

Под «чистым продуктом» физиократы понимали избыток продукции, полученной в земледелии, над издержками производства. «Чистый продукт», писал Кенэ в статье «Налоги»,— это «ежегодно создаваемые богатства, которые образуют доходы нации, представляют продукт, составляющий после изъятия всех издержек прибыли, извлекаемые из земельных владений». Таким образом, физиократы считали, что «чистый продукт» возникает только в земледелии. Кенэ утверждал, что в промышленности существует лишь потребление и потому там не создается «чистого продукта», а «богатства, созидаемые промышленным трудом, возникают при помощи доходов, даваемых землей, и являются сами по себе богатствами бесплодными, которые воспроизводятся только при помощи доходов от земельных угодий»[13]. Промышленность объявлялась бесплодной отраслью, поскольку там придается только новая форма сырому материалу, рабочий зарабатывает средства существования, а не производит их.

Эту идею подробно Кенэ развивал в сочинении «О ремесленном труде» (1766), которое является дополнением к диалогу «О торговле». Он писал, что производство богатства означает его возобновление, а потребление ведет к уничтожению материальных благ. Правда, в работе «О ремесленном труде» Кенэ признавал, что ремесленник увеличивает ценность сырья, но сразу же оговаривался, будто действительное богатство производится только в земледелии. Следует обратить внимание на то, что у Кенэ наряду с натуралистической трактовкой прибавочного продукта как дара природы есть попытка рассматривать «чистый продукт» и как стоимостную величину. Если в работе «Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам» утверждалось, что «земля есть единственный источник богатства», то в сочинении «Китайский деспотизм» давалось более широкое определение «чистого продукта» и указывалось, что «излишек, полученный за вычетом этих издержек* из добытого с их помощью продукта, представляет собой чистый продукт (le surplus est produit net), образующий доход государства и доход собственников»[14].

* Под издержками Кенэ понимал «издержки труда, затраченного на культуру, и издержки на другие затраты, необходимые для применения этой культуры» (*Кенэ Ф.* Указ. соч. С. 519).

Анализируя физиократическое учение о «чистом продукте», Маркс показал в «Теориях прибавочной стоимости», что на основе этого учения физиократы пытались найти первоисточник капиталистических доходов, ибо «чистый продукт» считался остатком богатства после вычета издержек его производства, т. е. затрат капитала на средства производства и рабочую силу. Величина «чистого продукта» ставилась в зависимость от вложений капитала, и этот продукт выступал как результат движения капитала. Маркс считал, что физиократы в учении о «чистом продукте» содействовали раскрытию тайны прибавочной стоимости. Поскольку осью их учения являлась концепция о минимуме заработной платы, физиократы пришли к правильному выводу, что производителен только такой труд, который создает прибавочную стоимость. Они, рассматривая сельское хозяйство, правильно понимали прибавочную стоимость как продукт труда наемного работника и усматривали сущность капитализма в производстве прибавочной стоимости.

Однако, несмотря на большой вклад физиократов в разработку проблемы прибавочной стоимости, их учение о «чистом продукте» страдало ограниченностью и противоречивостью. Отдавая дань феодальным представлениям, они не могли решить эту проблему, показать, что прибавочная стоимость является приростом стоимости, а не только продукта. Между тем Кенэ рассматривал «чистый продукт», с одной стороны, как продукт самой земли, дар природы, а с другой — характеризовал его как порождение прибавочного труда наемного работника. Этот дуализм вытекал из непонимания сущности стоимости.

Для подлинного решения этих проблем у физиократов не было теоретических предпосылок, так как не анализировалась природа товара и стоимости. Ошибка их проистекала от того, что они отождествляли увеличение материальных благ, которое в земледелии и скотоводстве происходит благодаря естественному произрастанию и размножению, с увеличением меновой стоимости. Превратно толковался тот факт, что в сельском хозяйстве прирост богатства, избыток потребительных стоимостей над потребительными стоимостями, израсходованными в процессе производства, выступает наиболее ощутимо и осязательно. Поэтому, по мнению Кенэ, сельское хозяйство оказалось единственной сферой, приносящей «чистый продукт». В связи с этим он прибавочную стоимость отождествлял с рентой. Следовательно, земельная рента ока-

зывалась у него единственной формой «чистого продукта», прибавочной стоимости. В промышленности же прибавочный продукт, по его мнению, не создается, а прибыль на капитал там вообще не существует. Доход капиталиста ошибочно рассматривался как своеобразная, лишь более высокая заработная плата. Считалось, что этот доход и заработная плата рабочего входят в издержки производства. Выходило, что в промышленности стоимость произведенной продукции равняется издержкам ее производства. Таким образом, физиократы игнорировали категорию прибыли не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве и в торговле.

Торговую прибыль Кенэ считал внеэкономической категорией и рассматривал ее как результат обсчета. Игнорирование категории прибыли в целом выражалось и в утверждении, что «чистый продукт» полностью поступает земельным собственникам, а фермеры якобы никакой доли чистого продукта не получают, они будто бы, как и их наемные работники, получают только заработную плату, которая входит в издержки производства. Из этого утверждения вытекал абсурдный вывод, что капиталистические фермеры сами себе выплачивают заработную плату. Фактически это означало отождествление фермера-капиталиста с наемным рабочим в сельском хозяйстве. Следовательно, учение о «чистом продукте» физиократов дает прообраз прибавочной стоимости, однако страдает противоречивостью. Маркс по этому поводу писал, что у физиократов «жгучим спорным вопросом являлось не то, какой труд создает *стоимость*, а то, какой труд создает *прибавочную стоимость*»[15].

С учением о «чистом продукте» у физиократов неразрывно связана их концепция о производительном и «бесплодном» труде. Заслуга физиократов в решении этой проблемы заключается в том, что они впервые в политической экономии определили признак производительного труда. Они правильно заявляли, что производительный труд — это труд, который создает прибавочную стоимость, «чистый продукт». Но из ошибок в концепции «чистого продукта» вытекала ограниченность трактовки производительного труда как труда, занятого лишь в сельском хозяйстве. Следовательно, физиократы считали, что труд, занятый в промышленности, является трудом непроизводительным, или «бесплодным».

В разработку других категорий политической экономии физиократы не внесли чего-либо существенно нового. Они

не поняли сущности категории стоимости. Кенэ фактически сводил стоимость к издержкам производства, а в работе «Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам» заявлял, что ценность продукта есть мерило богатства. Это слишком общее заявление, не раскрывающее сущности стоимости. Как уже отмечалось, учение об эквивалентности обмена у физиократов было важной составной частью их системы. Из их тезиса о том, что товары вступают в обращение с заранее «данной ценой», логически вытекал вывод, что стоимость создается в производстве. Но сам тезис о наличии у товаров «данной цены» не получил у Кенэ научного развития, поскольку он отождествлял стоимость с издержками производства. Не решив проблемы стоимости, Кенэ все же первым сделал попытку различить потребительную и меновую стоимость товара. Он считал, что в каждом государстве следует отличать блага, которые имеют потребительную ценность, не имея продажной, от богатств, имеющих и потребительную и продажную ценность. Но Кенэ, лишь отчасти улавливая специфику меновой стоимости, которая связана с определенным этапом исторического развития товарно-денежных отношений, природу меновой стоимости проанализировать не смог. В работе «О ремесленном труде» он заявлял, как уже отмечалось, что главными причинами, которые образуют рыночную ценность благ, являются их редкость или изобилие и конкуренция между продавцами и покупателями. Следовательно, физиократы не понимали того, что в основе рыночной цены лежит стоимость. Они довольствовались разговорами о соотношении спроса и предложения при характеристике рыночной цены.

Совершенно очевидно, что физиократы не создали теории стоимости. В этом вопросе они сделали шаг назад по сравнению с У. Петти и П. Буагильбером, игнорируя их учение о труде как основе стоимости и сводя стоимость к массе вещества, которая дается землей, природой.

Не было достижений у физиократов и в разработке теории денег. В диалогах «О торговле» и «О ремесленном труде», а также в работе «Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам» Кенэ утверждал, что деньги являются средством, облегчающим обмен, а богатством становятся, как и товары, лишь в силу своей продажной ценности, причем остаются видом «бесплодного» богатства. Он был противником накопления денег, превращения их

в сокровище. «Деньги сами по себе,— писал Кенэ,— не удовлетворяют потребностей людей и не порождают денег. Без реальных богатств денежные богатства оставались бы богатствами бесплодными и бесполезными». Деньги «не потребляются и не воспроизводятся, но всегда служат обмену богатств таких, которые годны только для потребления»[16]. Из этого Кенэ делал вывод о том, что поскольку деньги не являются конечной целью обмена, то при анализе распределения общественного продукта от них можно абстрагироваться.

По вопросу заработной платы физиократы по существу воспроизводили концепцию меркантилистов, вслед за которыми они сводили заработную плату к физическому прожиточному минимуму. По мнению Кенэ, заработная плата должна обеспечить самые элементарные потребности, оставаясь неподвижной на самом низком уровне. Кенэ не понял сущности заработной платы как цены рабочей силы наемного рабочего, отождествляя ее с доходом ремесленника.

Большое научное значение имеет учение физиократов о капитале. В отличие от меркантилистов, которые отождествляли капитал с его денежной формой, они сосредоточили свой анализ на вещественных формах состава капитала. Исследование издержек производства позволило Кенэ дать разграничение составных частей капитала. Затраты, которые производятся ежегодно на земледельческие работы (семена, рабочая сила), он называл ежегодными авансами. Затраты на сельскохозяйственные машины, постройки, скот, т. е. функционирующие несколько лет, Кенэ называл первоначальными авансами. Это деление он относил к производительному капиталу, а не к капиталу обращения, что фактически соответствует делению капитала на оборотный и основной. Разница между этими двумя частями капитала правильно была связана с различием способов, какими эти части входят в стоимость готового продукта, как показал позднее Маркс. По утверждению Кенэ, ежегодные авансы входят в издержки полностью, а первоначальные — частично. Но это различие между ежегодными и первоначальными авансами Кенэ находил только в капитале, применяемом в земледелии, который он считал единственно производительной формой капитала. Указывалось, что оба этих вида авансов противостоят деньгам и товарам, находящимся на рынке. Денежной формы капитала Кенэ не знал, не понимал значения экономических функций денежной фазы движения

капитала, поскольку отождествлял капитал с запасами средств производства, применяемыми в земледелии. Игнорировал он и промышленный капитал, который считал «бесплодным». Давая анализ экономической структуры капитала, Кенэ не подошел к выяснению общественной природы капитала. Не учитывая общественно-исторических условий капиталистического производства, физиократы объявили капитал внеисторической категорией, присущей всем эпохам.

2. «Экономическая таблица» Ф. Кенэ

Учение о составе капитала явилось в работах Кенэ исходным пунктом для анализа процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Впервые в политической экономии он ввел и использовал понятие «воспроизводство» как постоянное повторение производства и сбыта. Описание процесса воспроизводства он дал в знаменитой «Экономической таблице» (1758), которая впоследствии неоднократно комментировалась в работах самого Кенэ и его последователей. Математические расчеты, использованные в этой работе, позволили ему показать, как создаваемый в земледелии валовой и чистый продукт Франции обращается в натуральной и денежной форме. В 1766 г. Кенэ опубликовал «Анализ арифметической формулы Экономической таблицы, показывающий распределение ежегодных издержек земледельческой нации». В том же году он издал и комментарии к названной работе —«Существенные замечания к анализу Экономической таблицы». Именно вторым вариантом «Экономической таблицы» (1766) пользовался К. Маркс при анализе учения о воспроизводстве Ф. Кенэ.

В «Экономической таблице» общество рассматривается как единый организм, объединяющий три основных класса. Описание классовой структуры общества было необходимо Кенэ, поскольку в его «Таблице» совокупный продукт распределяется посредством процесса обращения между тремя классами. «Нация,— писал Кенэ,— состоит из трех классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного*»[17]. К производительному классу, или классу фермеров, он отнес всех, кто обрабатывает землю, кто делает затраты на обработку земли. Таким образом, в производительный класс включены крестьяне, фермеры и сельскохозяйственные наемные рабочие, т. е. все, кто занят в сельском хозяйстве. Класс

собственников — это те, кто получает ежегодно «чистый продукт», созданный в земледелии. К собственникам Кенэ относил короля, землевладельцев, церковников. Все люди, занятые в промышленности, объявлялись «бесплодным», или непроизводительным, классом. В этот класс им включались наемные рабочие, ремесленники, капиталисты, купцы и мелкие торговцы. «Бесплодный» класс, так же как и класс собственников, не создает «чистого продукта», но в отличие от последнего этот класс работает и своим трудом создает столько, сколько потребляет.

Свою задачу Кенэ видел в том, чтобы доказать, что король и землевладельцы являются основой общества. Однако поставить класс собственников на первое место он не мог: это противоречило бы его физиократической концепции о примате земледелия. Поэтому землевладельцы у него оказались в особом классе, помещенном между производительным и «бесплодным» классами. Совершенно очевидно, что теория классов Кенэ ошибочна. По его схеме рабочие и капиталисты как в промышленности, так и в сельском хозяйстве оказались объединенными в один класс. Кенэ игнорировал при разделении общества на классы главный признак — отношение класса к средствам производства, существование эксплуатации.

Однако эта классовая ограниченность учения Кенэ объясняется историческими условиями. Во Франции того времени рабочий класс еще только формировался, а капиталистические противоречия были в зачаточном состоянии, поскольку капитализм оставался мануфактурным и развивался в недрах феодализма. Деление общества на фермеров, собственников и промышленников фактически соответствовало делению общества в средние века (на крестьян, дворян, горожан). Из существующей зависимости промышленности от сельскохозяйственного производства физиократы делали вывод, что промышленность якобы не производит «чистого дохода» и является непроизводительной отраслью, а класс промышленников оказывается бесплодным. Правильное положение, что сами капиталисты не производят «чистого дохода», распространялось на промышленных рабочих, хотя они не только видоизменяют потребительные стоимости в процессе труда, но и создают «чистый продукт» (прибавочный продукт). Рассматривая учение Кенэ о «чистом продукте» и классах общества, Маркс показывает, что объявление сельского хозяйства единственно производительной отраслью, а класса фермеров — единственно производительным

классом имело свою подоплеку. Ведь земельная рента как прибавочный продукт, созданный в сельском хозяйстве, выступает в наиболее осязаемом виде[18].

Хотя в целом учение Кенэ о классах тенденциозно и ненаучно, важным было то, что он одним из первых разделил общество на классы с учетом экономической основы и это дало возможность показать в «Экономической таблице», как годовой продукт распределяется между классами посредством обращения. Это распределение обеспечивает условия возобновления производства, или простого воспроизводства. Более того, в «Таблице» бесчисленные индивидуальные акты обращения объединяются в массовое движение годового продукта между экономическими классами общества.

Главной проблемой, которую решал Кенэ в «Экономической таблице», является выявление основных народнохозяйственных пропорций, обеспечивающих развитие экономики страны. «Экономическая таблица»— это схема, которая показывает, как происходит реализация годового продукта общества и как формируются предпосылки воспроизводства. Для того чтобы показать возможность простого воспроизводства в национальном масштабе и экономические связи между классами, Кенэ вполне закономерно упрощал процесс реализации, абстрагируясь от ряда моментов. Он исключил из анализа процесс накопления и рассматривал простое воспроизводство. В «Таблице» предполагаются неизменная стоимость денег, стабильность товарных цен, исключается влияние внешней торговли на процесс реализации. Впоследствии К. Маркс, используя такой подход при анализе простого воспроизводства, так же как и Кенэ, будет абстрагироваться от колебания цен и влияния внешнего рынка.

К. Маркс раскрыл гениальность «Экономической таблицы» Кенэ, дав всесторонний анализ этой работы. Он писал, что «это была попытка представить весь процесс производства капитала как *процесс воспроизводства*, а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства... вместе с тем это была попытка включить в этот процесс воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом, отношение между воспроизводительным и окончательным потреблением, а в обращение капитала включить обращение между производителями и потребителями (в действительности — между капиталом и доходом); наконец, это была попытка представить в качестве моментов процесса воспроизвод-

ства обращение между двумя большими подразделениями производительного труда — между производством сырья и промышленностью,— и все это в одной *«Таблице»*... Эта попытка, сделанная во второй трети XVIII века, в период детства политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия»[19].

Исходным пунктом процесса воспроизводства в «Таблице» является годовой урожай. Кенэ, опираясь на статистические расчеты, оценил стоимость валового продукта земледелия Франции в 5 млрд ливров (продовольствие составило 4 млрд ливров, сырье — 1 млрд ливров). Кроме этого продукта фермеры за реализацию прошлогоднего урожая имеют деньги — 2 млрд ливров, которые будут выплачены собственникам в качестве арендной платы за землю. Непроизводительный, или «бесплодный», класс имеет промышленную продукцию на 2 млрд ливров. Совокупный общественный продукт, по подсчетам Кенэ, составлял 7 млрд ливров. Собственники (землевладельцы) после уборки урожая получали от фермеров арендную плату в 2 млрд ливров.

По схеме Кенэ толчок реализации дают землевладельцы, которые покупают у фермеров продукты питания на 1 млрд ливров. Эти деньги оседают у фермеров. Дальнейшая реализация происходит при помощи второго миллиарда ливров, на который землевладельцы приобретают промышленные товары. На этом участие землевладельцев в процессе реализации общественного продукта заканчивается. Они обеспечили себя продуктами питания и промышленными товарами, т. е. средствами существования, на весь год, выполнив свою миссию в процессе воспроизводства.

Последующий обмен общественного продукта происходит только между классами промышленников и фермеров. Поскольку за промышленные товары, проданные землевладельцам, промышленники получили 1 млрд ливров, они на эти деньги покупают у фермеров сельскохозяйственные продукты. 1 млрд ливров вновь возвратился к фермерам, которые приобретают у промышленного класса средства производства. Промышленники на 1 млрд ливров, полученный от этой продажи, покупают сельскохозяйственное сырье у фермеров, к которым вернулся второй миллиард ливров. На этом процесс реализации по «Таблице» Кенэ заканчивается, поскольку после описан-

ного перемещения товаров и денег созданы необходимые условия для возобновления процесса производства и воспроизводства в неизменном масштабе. Землевладельцы обеспечены продовольствием и промышленными товарами на 2 млрд ливров, а фермеры реализовали на 3 млрд ливров сельскохозяйственной продукции (1 млрд — землевладельцам, 2 млрд — промышленникам). У них из 5 млрд ливров сельскохозяйственного продукта осталось продукции стоимостью 2 млрд ливров для собственного потребления (1 млрд — продукты питания, 1 млрд — семена). Кроме того, к фермерам вернулись 2 млрд ливров, которые они выплатят землевладельцам за аренду земли. Промышленники по схеме Кенэ полностью продали свою продукцию и обеспечили себя продовольствием (1 млрд) и сырьем (1 млрд).

Следовательно, в «Экономической таблице» Кенэ предпринял попытку впервые в истории политической экономии показать основные пути реализации общественного продукта, объединив многочисленные акты обмена в массовое движение денег и товаров. Это привело к открытию того положения, что процесс воспроизводства и реализации может проходить бесперебойно только в том случае, когда соблюдаются определенные пропорции развития народного хозяйства.

Однако учение о воспроизводстве Кенэ страдало целым рядом существенных недостатков. «Экономическая таблица» была построена на ненаучном, ошибочном делении общества на классы. Оставив промышленников без орудий производства (они полностью продали свою продукцию), Кенэ лишил их возможности начать новый процесс производства. В центре процесса реализации ошибочно оказался класс земельных собственников.

«Таблица» Кенэ не полностью раскрывает размещение общественного продукта, в ней не была показана реализация сельскохозяйственной продукции внутри класса фермеров. Сказывалось влияние традиций натурального хозяйства, в условиях которого продаются только излишки. Все это не позволило Кенэ полностью раскрыть механизм капиталистического воспроизводства. Но научная ограниченность «Экономической таблицы» не перечеркивает ее достоинств. Ее значение в политической экономии отметил В. С. Немчинов, назвав «Экономическую таблицу» Кенэ гениальным взлетом человеческой мысли. «Если охарактеризовать таблицу Кенэ в современных экономических терминах,— писал он,— то ее можно считать пер-

вым опытом макроэкономического анализа, в котором центральное место занимает понятие о совокупном общественном продукте... «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ — это первая в истории политической экономии макроэкономическая сетка натуральных (товарных) и денежных потоков материальных ценностей. Заложенные в ней идеи — это зародыш будущих экономических моделей. В частности, создавая схему расширенного воспроизводства, К. Маркс отдал должное гениальному творению Франсуа Кенэ»[20].

Буржуазные экономисты, обращаясь к наследию Ф. Кенэ, пытаются представить его экономические взгляды в неверном свете. Причисляя Кенэ к французским национальным гениям, называя его великим экономистом, буржуазные теоретики сосредоточивают главное внимание на анализе некоторых внешних технико-экономических, количественных связей в «Экономической таблице». Самой большой заслугой Ф. Кенэ объявляется разработка так называемого табличного метода. Из анализа теоретических достижений Кенэ исключается важнейшее — воспроизводство производственных отношений.

3. Экономические воззрения А. Тюрго

Анн Робер Жак Тюрго (1727—1781) занимает среди физиократов особое место. Он не был простым пропагандистом идей Кенэ. Его физиократическая система дает более глубокий анализ капиталистических отношений, представляя собой дальнейшее развитие идей физиократизма. По словам Маркса, «у *Тюрго* физиократическая система приняла наиболее развитый вид»[21]. Его экономическая теория глубже отражает процесс зарождения капиталистического общества в рамках феодализма.

Тюрго родился в обуржуазившейся дворянской семье. Его готовили к духовной карьере. Он с отличием закончил семинарию и, поступив в Сорбонну, продолжал изучение богословия. Тюрго был всесторонне образованным человеком, увлекался философией, филологией, географией и экономическими проблемами. Вопреки желанию семьи он порвал с богословием и в 1752 г. занял место судебного чиновника в парламенте. В это время он усиленно занимался самообразованием, стал сближаться с энциклопедистами. По просьбе Дидро Тюрго написал ряд статей для Энциклопедии, трактуя в них вопросы экономики и фило-

софии. Он с удовольствием участвовал в дискуссиях, которые проходили в квартире доктора Кенэ в Версале. Идеи физиократизма увлекли Тюрго. В 1761 г. он был назначен интендантом в Лимож. Здесь Тюрго проявил себя талантливым государственным деятелем, провел в Лиможской провинции некоторое упрощение налоговой системы, дорожную повинность крестьян заменил вольнонаемным трудом и т. д. Но, несмотря на большую занятость, Тюрго не прекращал заниматься наукой. В 1766 г. он закончил работу над своим главным экономическим сочинением «Размышления о создании и распределении богатств»[22]. Это произведение вышло самостоятельным изданием только через 10 лет (1776), когда Тюрго был уже генеральным контролером финансов. На этот пост он был назначен в 1774 г. Людовиком XVI.

Тюрго, по словам Маркса, являлся радикальным буржуазным министром, деятельность которого была «введением к французской революции»[23]. Будучи генеральным контролером финансов, он предпринял попытку проведения прогрессивных экономических реформ, собираясь осуществить буржуазные преобразования от имени феодальной монархии. В 1776 г. Тюрго опубликовал шесть законов (эдиктов), одобренных королем, в которых осуждались злоупотребления феодалов, устранялись феодальные ограничения в торговле и производстве. В первом эдикте провозглашалось, что натуральные дорожные повинности превращаются в денежные сборы, которые должны выплачиваться землевладельцами. Второй эдикт запрещал сборы с хлебной торговли, третий — уничтожал все другие налоги с торговцев. Особое значение имел четвертый эдикт, по которому упразднялись ремесленные цехи и гильдии. Он прямо был направлен на ликвидацию средневековой регламентации промышленности. Последние два закона отменяли пошлины на сало, ввозимое во Францию, и всякие сборы с мясной торговли. Эти прогрессивные начинания вызвали протест со стороны феодальной знати, и 12 мая 1776 г. король подписал указ об отставке Тюрго. Эдикты были отменены.

Таким образом, реформаторская деятельность одного из выдающихся физиократов закончилась крахом. Рухнули надежды на проведение прогрессивных начинаний при покровительстве просвещенного монарха. Но научная и государственная деятельность Тюрго не прошла даром, она отражала историческую необходимость дальнейшего развития капиталистического производства. Маркс очень

высоко ценил Тюрго, заявляя, что «он был одним из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим»[24].

Тюрго был не только самым способным учеником Кенэ, он пошел дальше своего учителя, изложив экономическую доктрину физиократизма в работе «Размышления о создании и распределении богатств» (1766) с существенными поправками и дополнениями. Работа была написана в тезисообразной форме, кратко и лаконично. Она состоит из 100 тезисов. В первой части (1—30-й тезисы) Тюрго изложил физиократическую систему, подчеркивая, что «чистый продукт»— не просто дар природы, а результат особой производительности труда работника в земледелии, получаемый земельными собственниками. Второй раздел (31—48-й тезисы) посвящен проблемам цены, стоимости и денег. В последнем разделе книги рассматривается классовая структура, дается анализ капитала и доходов капиталистического общества.

В понимании производственных отношений Тюрго был сделан шаг вперед по сравнению с Кенэ. Хотя Тюрго и принял трехклассовую структуру общества, выдвинутую Кенэ, но в классах фермеров и промышленников разграничивал работников и капиталистов. Указывалось, что предприниматели-капиталисты являются частью промышленного класса, но обладают большими капиталами, применяемыми для приобретения прибыли. Рабочие же в отличие от капиталистов ничего не имеют, кроме своих рабочих рук. Они за свой ежедневный труд получают только заработную плату. Класс фермеров он делил «на два разряда людей: на предпринимателей, или капиталистов, дающих авансы, и на простых рабочих, получающих заработную плату»[25].

Большим достижением Тюрго был анализ генезиса наемного труда. Появление последнего он правильно объяснял отделением работника от средств производства. Тюрго отмечал, что постепенно все земли становятся достоянием собственников и продукты, полученные в земледелии, начинают делиться между собственником земли и земледельцем; появляется чистый доход, который присваивает собственник, а земледелец начинает получать минимум жизненных средств в виде заработной платы.

Минимум средств существования, к которому тяготеет заработная плата, становится законом, регулирующим обмен между рабочим и собственником средств производства. В этой схеме Тюрго не раскрывает причин новых общественных явлений, хотя в ней довольно отчетливо

проявляется их буржуазная сущность. Маркс отмечал, что у Тюрго иногда «„чистый дар природы" представлен даже как *прибавочный труд*, а с другой стороны, существующая для рабочего необходимость отдавать то, что превышает потребную для жизни заработную плату, объясняется отделением работника от условий труда, которые противостоят ему как собственность класса, превратившего их в предмет купли-продажи»[26].

В отличие от Кенэ Тюрго выделял прибыль как самостоятельный вид дохода, получаемый предпринимателем-капиталистом, хотя и трактовал ее как часть «чистого продукта», т. е. ренты. Это происходило потому, что единственно производительным трудом, который создает больше того, что составляет оплату труда, он считал труд в земледелии. Прибыль Тюрго выводил из процента, а последний связывал с рентой. Необходимость дохода ссудного капитала в виде процента объяснялась им тем, что банкир на свои деньги всегда может приобрести землю и стать получателем ренты. Это будет выгодно, если даже деньги, затраченные на покупку земель, окажутся наименее доходными, ибо обладание землей ограждает ее владельцев от разных случайностей. Деньги, по мнению Тюрго, отданные взаем, должны приносить бóльшую сумму, чем доход от земель, приобретенных за эти деньги. Ведь несостоятельность должника может привести его кредитора к потере своего капитала. Тюрго, следовательно, видел, что прибыль распадается на ссудный процент и предпринимательский доход, но объяснить этот процесс правильно не смог. Он лишь утверждал, что деньги, затраченные на покупку фабрики или фермы, должны дать больший доход, чем деньги, отданные взаймы, поскольку предприниматель должен получить прибыль как вознаграждение за свои заботы, труд, за свои таланты, свой риск. Очевидно, Тюрго в этом объяснении происхождения прибыли склонялся к мнению Кенэ, считавшего прибыль своеобразной формой заработной платы капиталиста.

Тюрго выдвигал проблему сравнительной доходности денег, затраченных на покупку земли, на ведение промышленного производства или отданных в ссуду, высказывая мысль, что различные виды доходов имеют тяготение к равновесию, хотя различное употребление капиталов приносит, таким образом, весьма неравные (по количеству) продукты; но это неравенство не мешает им оказывать взаимное влияние друг на друга, так что между ними устанавливается своего рода равновесие. Идея интерес-

ная, но ее развитию мешало ошибочное учение физиократов о «чистом доходе», который якобы производится только в сельском хозяйстве. Ведь этот «чистый доход» объявлялся первоисточником накопления, а каждый собственник земли становился капиталистом, ибо всякая земля, по мнению Тюрго, была равноценна определенному капиталу. Здесь совершенно отчетливо проявляются феодальные традиции и классовая ограниченность Тюрго.

Проблема капитала в работе «Размышления о создании и распределении богатств» занимает одно из центральных мест[27]. Если Кенэ рассматривал капитал как авансы в натуральной форме, которые приносят чистый доход, и не связывал капитал с проблемой распределения доходов, то Тюрго определял капитал как «накопленную ценность» и пытался выявить, чем определяется способность самовозрастания капитала. Первым употреблением капиталов считалась покупка земли (которая обеспечит получение ренты), вторым — приобретение промышленных предприятий (которые дают прибыль), третьим — организация крупного сельскохозяйственного производства (гарантирующего фермерскую прибыль), четвертым — торговля (обещающая торговую прибыль). Пятым применением капитала Тюрго называл кредитные операции ради получения ссудного процента. Он различал деньги и капитал и подчеркивал, что деньги, поступающие на рынок, не дают взаймы. В кредит отдаются деньги, которые были отложены про запас, или капиталы. Тюрго, выявляя факторы образования капиталов, акцентировал внимание на бережливости, накоплении «чистого продукта», который объявлялся первоисточником накопления. Он понимал возможность существования промышленной и торговой прибыли, а также процента, но выявить их реальный источник не мог. И в данном случае физиократизм брал верх. Основной формой капитала считался земледельческий капитал, а главной формой дохода — земельная рента.

В работе «Размышления о создании и распределении богатств» представлено учение о стоимости и деньгах. Тюрго не смог подойти к пониманию трудовой теории стоимости. Начиная исследование ценности, как Тюрго называл стоимость, он заявлял, что доход, получаемый от денежного капитала, делает возможным обогащение без применения труда и земли. Тюрго выделял субъективную ценность и объективную. Под субъективной ценностью он понимал оценку вещи ее владельцем. Объективная же

ценность устанавливается на рынке в зависимости от спроса и предложения, ряда других причин. Он писал, что относительная ценность товара зависит от тысячи причин. Однако ценность каждой из обмениваемых вещей не имеет другого измерителя, кроме потребностей, желаний и средств договаривающихся. Таким образом, основой стоимости товара, по мнению Тюрго, являлась потребительная стоимость, или полезность вещи, субъективно оцениваемая продавцами и покупателями. Эти субъективные оценки под влиянием конкуренции «превращались» в цены на рынке, которые принимали и покупатели и продавцы. В этой концепции закладываются основы субъективистской ненаучной теории полезности, которая в последующем получила большое распространение в буржуазной политической экономии. Несостоятельность этой теории полезности показал еще А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», который был первым критиком субъективистской концепции. Смит подчеркивал, что субъективные оценки полезности вещи, которая удовлетворяет различные потребности, не могут быть критерием ценности. Он убедительно доказал, что вещи приобретают ценность только тогда, когда на их производство затрачен труд, что только труд может быть мерилом стоимости. Эта важная идея потом была развита Д. Рикардо и особенно К. Марксом в его гениальном творении «Капитал».

Не понял Тюрго и сущности денег. Выводя обмен товаров из «взаимности потребности», он рассматривал деньги как обычные товары и даже утверждал, что всякий товар обладает качеством монеты, поскольку им измеряется ценность других товаров. Считалось, что золото и серебро сделались деньгами просто по своей природе. Маркс, выявляя сущность денег, обращал внимание, что трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а выяснить, как и почему товар становится деньгами. Вот этого-то и не сумел понять и показать Тюрго, поскольку не видел, что необходимость денег вытекала из внутренних противоречий товара, рассматривал деньги лишь как техническое средство, облегчающее обмен. Подобная трактовка стоимости и денег исключала возможность использования важнейшей идеи физиократов об эквивалентности обмена. На основе субъективной теории полезности невозможно было дать анализ общественного производства, который предпринял Кенэ.

В буржуазной историко-экономической литературе

физиократическое направление отождествляется с именем Франсуа Кенэ и не заслуженно принижается роль в развитии этого направления А. Тюрго. Это не случайно. Тюрго принадлежал к материалистам XVIII в., его экономическая теория дает более глубокий, чем у Кенэ, анализ капиталистических отношений. Тюрго, по мнению Маркса и Энгельса, был «великим человеком, ибо он соответствовал своему времени»[28].

Глава 23

РАЗВИТИЕ МЕТОДА И СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В XVII — XVIII ВВ.

Как показано в предшествующих главах, в период первоначального накопления капитала развитие экономической мысли ускоряется. Начинается формирование политической экономии как науки. В предлагаемой главе подводятся итоги развития политической экономии от меркантилизма до физиократов.

1. Эмпиризм меркантилистов

Начало политической экономии как науки К. Маркс связывал с меркантилизмом, давшим первую теоретическую разработку капиталистического способа производства. Однако в полном смысле слова меркантилизм не был научной системой.

Под системой может подразумеваться та или иная теоретическая концепция. В этом смысле о меркантилизме говорят как об определенной системе экономической политики, ограждавшей национальный капитализм в период его зарождения от проникновения зарубежного торгового капитала. Все это — различные смысловые оттенки термина «система меркантилизма».

Как было показано, меркантилизм исследовал торговый капитал и сферу обращения. Внутренние связи, законы производства оставались для него «книгой за семью печатями». Но где нет изучения объективных отношений и законов производства, там нет и подлинной экономической теории, нет и ее высшей формы — научной системы.

В работах меркантилистов элементы теории были рассеяны среди массы рассуждений о конкретных мероприя-

тиях экономической политики. Они не были сведены в единую систему. Меркантилизм и не мог создать научной системы, поскольку сам объект — капитализм — еще оставался по существу укладом внутри феодального общества, а описательно-эмпирический метод, которым пользовались в своих фрагментарных теоретических разработках меркантилисты, исключал проникновение в глубь экономических процессов. Движение капитала Д — Т — Д′ ими толкуется так, как показывает внешняя видимость явлений: деньги, претерпев в сфере обращения определенную метаморфозу, возвращаются к их владельцу в увеличенном размере.

Маркс, как известно, анализ собственно капитала тоже начинает с Д — Т — Д′. Но для Маркса это лишь начало, своеобразный переходный мост от эмпирии к внутренним связям, скрывающимся за внешней оболочкой[1]. Меркантилисты же, кроме поверхностных явлений, не видели ничего. Для них не существовало противоречий всеобщей формулы капитала. Самое большее, чего достигли так называемые поздние меркантилисты,— это рассмотрение производства как фактора увеличения выгод от торговли.

Меркантилисты делали некоторые обобщения, позволявшие им судить о ряде внешних, эмпирических закономерностей (зависимость цен на товары от цены на золото или серебро, связь между уровнем цен и конкурентоспособностью товаров на рынке и др.). В известной мере они прибегали к анализу. Но это был, как назвал его К. Маркс, односторонний анализ, т. е. анализ, не дополненный синтезом и не служащий в конечном счете систематизации выводов. Такой анализ по самой своей природе может дать лишь сумму отдельных абстракций (категорий), внутренне не связанных друг с другом. Целостный предмет как бы расщепляется на части, каждая из которых не координируется с другой. Односторонний анализ ни при каких условиях не может привести к созданию научной системы.

При своем возникновении политическая экономия шла, таким образом, односторонне аналитическим путем. Как правило, экономические работы XVII в. начинаются, по выражению К. Маркса, с «хаотического представления о целом». «Экономисты XVII столетия, например,— писал К. Маркс,— всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют

некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.»[2]. Это нерасчлененное представление о целом рождалось из первичного восприятия предмета, т. е. из отражения конкретной действительности в первом приближении к ней. Это еще, собственно, и не анализ, а простое описание поверхностных явлений. Анализ начинается с целого и расчленяет его, вырабатывая простейшие абстракции, отражающие отдельные стороны и элементы целого. Таков его позитивный результат. Он, стало быть, представляет собой путь исследования от конкретного, каким оно видится и воспринимается непосредственно, от целого к абстрактному, к простейшим категориям, отражающим его отдельные моменты. Знание, достигаемое на этом пути, «абстрактно»; абстрактно в том смысле, что не дает представления о целом как сочленении многообразных сторон, не выражает его внутренней структуры. Это — фрагментарное, отрывочное, несистематизированное знание. И в этом его недостаток.

Применяя односторонне аналитический метод, экономисты XVII в. стихийно становились на материалистические позиции. В этом, безусловно, их заслуга. Но, ограничиваясь анализом, они дальше выработки некоторых абстракций не шли. Так, книга выдающегося представителя меркантилизма Томаса Мена «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства», которая, по характеристике К. Маркса, оставалась в течение 100 лет евангелием меркантилизма, открывается главой, в которой речь идет о внешней торговле как регуляторе количества денег в государстве и как средстве увеличения его богатства. Тому же предмету посвящаются и следующие главы. И только в VIII главе Мен рассуждает о такой простейшей категории, как деньги, пытаясь рассмотреть вопрос о «повышении или понижении стоимости наших денег». В последующих главах описываются другие факторы роста богатства страны. Никакой системы в этой книге нет. Каждая глава представляет по существу отдельное сочинение. При наличии весьма ценных и интересных соображений книга в целом выступает как конгломерат идей.

Однако труды меркантилистов не являются образцом использования даже одностороннего анализа. Меркантилисты применяли анализ стихийно, не руководствуясь никакими методологическими принципами. В своей литературной работе они исходили из чисто прагматических со-

ображений. Достижения естественных наук и философии, в первую очередь английского материализма с его естественнонаучным подходом к исследованию явлений, стали привлекать широкое внимание экономической литературы лишь в середине XVIII в., когда в условиях прогрессирующего развития промышленного капитализма началось разложение меркантилизма. Первая попытка систематизации меркантилистских взглядов дана в вышедшей в 1767 г. книге «Исследование принципов политической экономии» Джеймса Стюарта, первого британца, выработавшего некоторую систему буржуазной политической экономии[3].

Стюарт выступил с защитой меркантилизма и внес в него ряд новых положений. Представляет интерес, например, его теория денег. Но в данной главе он интересует нас как систематик, а с этой точки зрения его вклад нельзя признать сколько-нибудь значительным. Он не стал создателем научной политико-экономической системы и стоит гораздо ниже физиократа Тюрго. Главная причина этого — меркантилистский подход к явлениям. Торговля, причем только внешняя, и то не всегда, а лишь в случае благоприятного торгового баланса, является источником богатства. Этот центральный догмат меркантилизма стал основным принципом систематического изложения, принятого Стюартом за 10 лет до появления «Исследования о природе и причинах богатства народов» Смита. Описательный эмпирический метод, при посредстве которого выведен этот догмат, обусловил и то, что Стюарт начинает свое сочинение с общего описания, с общей характеристики народного хозяйства страны в целом. В данном случае он поступает по аналогии со своими английскими предшественниками. Но очевидно, какое-то влияние на него оказали и физиократические идеи, поскольку первый из двух томов его книги рассказывает о населении и сельском хозяйстве, а второй том, где изложено его кредо,— о торговле и промышленности. Внимание Стюарта к сфере производства — не более как меркантилистское *.

---

* Каждый из томов начинается в духе экономистов XVII в. Например, первый том открывается главами о государстве и правительстве, о духе народа, о принципах увеличения населения, о влиянии сельского хозяйства на население и т. д., а завершается выделением проблемы разделения труда — типичный признак одностороннего анализа и отсутствия логической системы! Второй том сочинения Стюарта начинается с описа-

Система Стюарта — это не система в научном смысле этого слова. Это в лучшем случае обычная систематизация ранее разрозненных и разбросанных идей. Меркантилизм, на какой бы исторической стадии он ни трактовался, по самой своей сути не способен принять форму научной системы.

2. Противоречия метода У. Петти

Главная заслуга Петти состоит, как известно, в попытках объяснить меновую стоимость товара трудом, что фактически означало стремление выйти за пределы внешней видимости явлений и обнажить скрывающуюся за ней сущность. Само обращение к труду как основе цен наносило удар меркантилизму, хотя сам Петти далеко еще не порвал с ним.

Пробить брешь в меркантилизме, проникнуть за кулисы сферы обращения помог У. Петти естественнонаучный метод, провозглашенный философом-материалистом Ф. Бэконом как единственно истинный метод толкования природы. К такому методу Бэкон относил индукцию. Только этим путем, полагал Бэкон, можно познать силы природы и овладеть ими. Исследователь должен «рассекать», анатомировать предмет, иначе невозможно его познать. Бэкон считал непригодными для естественнонаучных исследований силлогизмы Аристотелевой формальной логики. Они могут принести пользу лишь тогда, когда их исходные посылки будут выведены на основе предварительной индукции, анализа фактов *.

Благодаря аналитическому, индуктивному методу У. Петти связал политическую экономию с философией и естествознанием и тем самым впервые дал политической экономии методологическое орудие исследования. При помощи этого метода он пытался преодолеть чисто описательный подход к изучению экономических процессов, ха-

ния взаимосвязи торговли и промышленности, затем рассматриваются спрос на товары и торговля, установление цен, внешняя торговля, издержки затрат и прибыль, баланс между трудом и спросом и т. д. Книга в ущерб теоретическому анализу переполнена критическими рассуждениями и советами правительству в проведении той или иной экономической политики. Так, в конце второго тома речь идет о методах понижения цены на промышленные товары с целью увеличения их конкурентной способности на рынке, о том, что если баланс внешней торговли оборачивается против нее, то торговлю следует прекратить.

* Петти находился под большим влиянием философии Бэкона. Об этом, в частности, свидетельствует его предисловие к «Политической анатомии Ирландии» (1672). «Сэр Фрэнсис Бэкон,— пишет он,— в своей работе «Advancement of Learning» [«О преуспеянии наук»] провел весьма пра-

рактерных для меркантилистов. «Петти,— отмечает К. Маркс,— чувствует себя основателем новой науки. Его метод, как он говорит, «не традиционный». Вместо набора целого ряда слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он решил говорить посредством terms of number, weight or measure [чисел, весов и мер], пользоваться исключительно аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, as have visible foundations in nature [которые имеют видимое основание в природе]»[4].

Тем не менее Петти не оставил истории цельной экономической системы. И повинен в этом, в частности, тот же самый метод, применение которого принесло ему славу. (Разумеется, общей причиной того или иного состояния экономической науки остаются всегда в конечном счете реальные условия экономической жизни общества, потребности его поступательного движения вперед.) Культ индукции, провозглашенный Бэконом и его последователем Гоббсом, с которым Петти был лично знаком, ограничил теоретические возможности Петти.

Сама задача одностороннего анализа такова, что исследователь не видит необходимости систематического изображения предмета, не сознает необходимости отыскания связей между его сторонами. Это вытекает из ложного положения индуктивного метода, будто все свойства сложного предмета без остатка сводятся к его отдельным простейшим свойствам, что стоит лишь «рассечь» предмет на части и исследовать каждую часть, как задача его изучения исчерпывается. Индуктивно-аналитический метод проявляет безразличие к внутренней структуре предмета и полную беспомощность раскрыть ее. Добытые этим методом абстракции выражают не структуру, а лишь ее элементы, взятые изолированно друг от друга. Поэтому, с одной стороны, он не дает возможности связать воедино все категории на основе какого-то общего принципа, а

вильную во многих отношениях параллель между *физическим телом* и *телом политическим* и между искусством поддержания здоровья как для того, так и для другого. Столь же справедливо и то, что анатомия является наилучшей основой как одного, так и другого и что воздействие на политическое тело без знания его симметрии, структуры и соотношения его частей столь же ненадежно, как и лечебная практика старых женщин и знахарей. Итак, поскольку знание *анатомии* необходимо не только врачам, но и полезно каждому лицу, занимающемуся философией какого бы то ни было рода, я... попытался из любопытства набросать в общих чертах *первый очерк политической анатомии*» (*Петти В.* Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 90).

с другой стороны, не позволяет продвинуться дальше в постижении самой сущности, которая при изолированном рассмотрении категорий обнаруживается лишь однобоко, неполно, поскольку отношения между сущностями выпадают из поля зрения.

Определив стоимость трудом, У. Петти не делает это положение основой своей теории, не создает системы. Следуя аналитическому методу, он идет от целого к частному. Его крупнейшие работы начинаются с описания территории страны, распределения земельной площади или характеристики населения, а завершаются в большинстве случаев анализом простейших категорий*. Отсутствие системы у Петти свидетельствует о незавершенности разработки теории. Само определение стоимости трудом оказывается эпизодом в его разнотемных рассуждениях. У. Петти при всех его заслугах перед теорией не выбрался из цепких объятий эмпиризма.

Отсутствие системы в любой науке — верный признак того, что наука еще переживает утробную стадию своего развития и не преодолела сугубо эмпирического подхода к изучаемым явлениям. Об этом же говорит и односторонне-аналитический метод.

3. Первая экономическая система буржуазной политической экономии (физиократизм)

Появление первых систем буржуазной политической экономии в XVIII в. органически связано с преодолением односторонне-аналитического метода, приведшего к выработке простейших, изолированных друг от друга экономических абстракций. «Как только эти отдельные моменты,— говорит К. Маркс,— были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость — к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, *пра-*

---

* Так, «Политическую анатомию Ирландии» Петти начинает с описания земельных угодий, приводит данные о составе населения и количестве домов и домовых труб, о церкви и ее доходах, о правительстве, о милиции, даже о небесах и почве Ирландии. И только в X главе он пишет о деньгах. Структура его «Политической арифметики» в принципе та же. В 1 главе доказывается, что небольшая страна с малочисленным населением может быть по богатству эквивалентна стране со значительно бо́льшими населением и территорией. Последние главы этой книги посвящены деньгам и капиталу.

вильный в научном отношении... На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»[5] (курсив наш.— *Авт.*). Историческую веху на этом (втором) пути поставило «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Но у Смита были предтечи, сделавшие небезуспешные шаги в направлении выработки научных экономических систем. Первым, кто сделал такой шаг, был Франсуа Кенэ.

Выработка общего принципа науки. Как отмечалось в предшествующей главе, учение физиократов было, по образному определению К. Маркса, первой систематической концепцией капиталистического производства. В этой концепции центральное место занимает «Экономическая таблица» Кенэ, в которой предпринята гениальная попытка разработать теорию общественного воспроизводства в целом как единого процесса, рассматриваемого с единой точки зрения.

Кенэ в известном смысле продолжает дело У. Петти, расширяя и углубляя применение бэконовского и гоббсовского методов исследования в экономической науке. Он рассматривает общество как живой организм, который может находиться в здоровом и болезненном состоянии, и видит задачу в том, чтобы найти условия для его нормальной жизнедеятельности. Здоровое, или естественное, состояние — это равновесие производства, когда весь произведенный продукт обеспечивает существование всех классов буржуазного общества и продолжение процесса производства в следующем периоде, т. е. воспроизводство. Однако уже в самой этой задаче сказывается большое различие между Петти и Кенэ.

Кенэ фактически признавал объективный характер законов производства, руководствуясь идеей «естественного порядка» и «естественного права», пропагандируемой французскими просветителями XVIII в. (Монтескье, Руссо и др.). Отсюда вытекало иное отношение к государству, чем у Петти. Последний сохранял меркантилистские взгляды, согласно которым богатство страны определяется экономической политикой. Кенэ отводил государству роль лекаря, исцеляющего общество от болезни и приводящего его в идеальное, «естественное» состояние, принципы которого не зависят от государства. При такой постановке вопроса возникала проблема отыскания этих принципов, относящихся не к отдельным частям

общественного производства (ведь речь идет о нормальном, естественном состоянии всего общества), а к общественному производству в целом. Подобной проблемы Петти не видел.

Мы уже говорили, что метод Бэкона и Гоббса не различает вообще специфической проблемы целого в отличие от его частей. Односторонне-аналитический метод срастается с эмпиризмом и третирует дедукцию, идущую от общих понятий к частным. С таким методом нельзя подойти к проблеме целого как синтезу его отдельных сторон. Здесь нужна дедукция, нужно восхождение от абстрактного (общего) к конкретному (частному). Так или иначе Кенэ совершает это восхождение*.

В предыдущей главе было показано, что заслуга физиократов заключается в перенесении анализа из сферы обращения в сферу производства, в область скрытых пружин экономической жизни общества. Не обращение, а «земледелие — источник всех богатств государства и граждан»,— заявлял Кенэ, а вслед за ним и все его последователи. Производство физиократы объявили создателем продуктов и их стоимости (хотя они и не проводили четких различий между натуральной и стоимостной формами товара), а земледельческое производство — единственным создателем «чистого продукта» (прибавочной стоимости). Эта идея была центральной в физиократизме. Она была высказана не эпизодически и не была растворена в массе суждений, не имеющих друг с другом связи. Напротив, именно идея создания «чистого продукта» в земледелии явилась исходным принципом всего учения, объединяющим его в одно целое. Этот принцип положен и в основание «Экономической таблицы». Кенэ исходит из предположения, что «чистый продукт» создается только

* Прежде всего он упрощает задачу, допуская ряд абстракций. «Бесчисленные индивидуальные акты обращения,— говорит К. Маркс о «Таблице» Кенэ,— с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение,— в обращение между крупными функционально определенными экономическими классами общества». В результате возникает, выражаясь современной терминологией, экономическая модель совокупного продукта, отражающая связь между сельским хозяйством и промышленностью в единстве с классовой структурой буржуазного общества. «Кенэ,— отмечает Маркс,— в своей «Tableau économique» («Экономической таблице») немногими крупными штрихами показывает, каким образом годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы, при прочих неизменных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т. е. воспроизводство в прежнем масштабе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 404).

в одном пункте — в земледелии, и показывает, каким образом из этого пункта «чистый продукт» движется к потреблению.

Без общего принципа нет монистической научной системы. У физиократов такой принцип был. И именно это дало право Марксу назвать физиократизм первой систематической концепцией капиталистического производства.

Волею обстоятельств «Экономическая таблица» Кенэ не оказала никакого влияния на все последующее развитие политической экономии в течение более чем 100 лет. Вплоть до выхода в свет второго тома «Капитала» К. Маркса, где гениальность Кенэ была должным образом оценена, «Экономическая таблица» была совершенно вне поля зрения экономистов. О ней не упоминается даже в главном труде завершителя физиократизма А. Тюрго «Размышления о создании и распределении богатств». Поэтому ее еще нельзя признать фактической отправной точкой развития политической экономии как научной системы.

Исходный же принцип физиократизма, открытый Кенэ, имел для развития системы политической экономии несравненно большее значение. В 1767 г. вышли два произведения: Дюпон де Немур выпустил сборник «Физиократия, или Естественное устройство правительства, наиболее выгодное для человеческого рода», а Мерсье де ла Ривьер издал книгу «Естественный порядок и сущность политических союзов». Однако «наиболее развитой вид», по определению Маркса, физиократическая система приняла у Тюрго. В книге «Размышления о создании и распределении богатств» она получила полное и логически стройное систематическое изложение. С этой точки зрения книга Тюрго представляет большой интерес. По ней можно составить представление о структуре и логике физиократической системы.

Дедукция А. Тюрго. Метод Тюрго — дедуктивный. Он шел путем восхождения от абстрактного к конкретному, от общего к частному, от простого к сложному, опираясь на исходный общий принцип, согласно которому только земледелие является производительной отраслью. Тюрго начинает не с описания населения, территории страны в целом, как это делает, например, Петти, а с земледелия, причем рассматривает его прежде всего с точки зрения распределения земли между членами общества, т. е., иными словами, с земельной собственности.

В этом сказалось влияние неразвитости экономических

условий Франции того времени. В развитом капиталистическом обществе земельная собственность преобразована капиталом и превращена в зависимую от него экономическую форму. Поэтому исследование экономической системы капитализма, как показал Маркс, неверно начинать с земельной собственности и соответствующей ей формы прибавочного продукта — земельной ренты. «...Ничто не кажется более естественным,— писал К. Маркс, имея в виду, конечно, физиократов, и в первую очередь Тюрго,— как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, этой первоначальной формой производства во всех более или менее прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного»[6]. Это было бы верно в отношении докапиталистических формаций. Но в буржуазном обществе «земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Точно так же и земельная рента»[7]. Поэтому капитал должен рассматриваться раньше земельной собственности. Тюрго же начинает с земледелия и земельной собственности. Но, несмотря на это, с методологической точки зрения, если иметь в виду теорию как систему, он стоит выше Петти, который со своим аналитическим методом не мог создать экономические системы вообще.

Характерно и то, что земледелие и земельную собственность Тюрго рассматривает не вообще, не описывает их в целом, а стремится сразу же найти в них элементарные, простейшие моменты, из которых затем он последовательно развивает всю систему.

Такое изложение свидетельствует о глубоком научном мышлении и историческом чутье Тюрго. Он понимает, что завязка буржуазной формы производства начинается с товарных отношений между самостоятельными частными производителями, работающими в системе разделения труда. И он берет эти элементы в качестве отправных, правда не выходя сначала за пределы земледелия. Можно полагать, что А. Смит идет в анализе системы разделения труда по стопам Тюрго, разорвав лишь (и то не до конца) узы физиократического поклонения земледельческому труду.

Недостатки индуктивно-аналитического анализа постепенно преодолевались самими создателями этого метода, например Гоббсом, пытавшимся дополнить индукцию

дедукцией. Дедукция неумолимо проникала в естественнонаучные исследования вместе с распространением математики. Во Франции линию Бэкона продолжал Декарт, создатель аналитической геометрии. Он перенес дедуктивный метод в естественные науки. Одно из правил, которые он провозгласил, таково: «...мыслить по порядку, начиная с предметов наиболее простых и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания более сложных»[8]. Что же касается опытных данных (анализа), то они, по Декарту, служат предпосылками для восхождения от простого к сложному, предварительными условиями дедукции. Главное же — сама дедукция. Идеи Декарта оставили большой след в развитии французского естествознания и, видимо, оказали влияние на экономистов. Физиократы, впервые в политической экономии решая проблему научного синтеза, применили дедуктивный метод исследования.

Но с чего начинать дедукцию в экономической теории? Тюрго указывает на предысторию буржуазного общества, на отношения простых товаропроизводителей — земледельцев*. Это скорее заслуга Тюрго, чем его недостаток[9]. Научная система должна отразить генезис капитализ-

---

* Начав с простых элементов капиталистического земледелия, Тюрго постепенно усложняет предмет исследования, вводя все новые и новые моменты. При этом все последующие рассуждения его покоятся на предыдущих. Разделение труда в земледелии расширяется до общественных масштабов, появляется ремесло, которое дает занятия тем, кому не досталась ограниченная в своих размерах земля. Земледельцы — производительный, ремесленники — содержащийся за счет других класс. Между ними совершается обмен продуктов на труд. По Тюрго, это наемный труд, поскольку он находится на содержании земледельцев. Затем возникает отделение земельной собственности от земледельческого труда, появляется наемный труд в самом земледелии. В § 29 Тюрго впервые ведет речь о капиталах вообще и о доходах от денег, а затем анализирует цену и стоимость товаров, накопление денег и авансирование капиталов с целью прибыли в промышленности.

Затем показывается разделение промышленного наемного класса на предпринимателей-капиталистов и простых рабочих. После этого Тюрго рассматривает употребление капиталов на авансирование земледельческих предприятий, замечая при этом, что, исследуя сначала виды употребления капиталов в промышленности, он нарушил «естественный порядок»— ему следовало бы начать с земледельческих предприятий. Класс земледельцев подразделяется на предпринимателей, или фермеров, и на простых наемных рабочих, слуг, или поденщиков. Так вырисовывается полная классовая структура буржуазного общества.

Но Тюрго идет дальше. Он членит капитал, выделяя торговый и ссудный капиталы и соответственно их персонификацию — купцов и ссудных капиталистов. И только в § 98 в книге появляется государство,

ма — таков методологический вывод из книги Тюрго *. То, что сам этот генезис в изображении Тюрго страдает серьезными изъянами, вопрос другой.

Система изложения в «Размышлениях о создании и распределении богатств» отличается логической стройностью и выдержанностью. Книга доставляет эстетическое наслаждение. Но ограниченность физиократизма не проходит безнаказанно. Логичность книги Тюрго внешняя, формальная, так как неверен исходный пункт, положенный в основание системы. Ошибочность исходного пункта не только в том, что предмет замыкается рамками земледелия. Ошибочность его имеет более глубокие методологические корни. Решая вопрос о том, какой труд создает прибавочную стоимость, «чистый продукт», физиократы обращались к земледелию, которое якобы только и способно увеличивать количество материальных благ. Но их не интересовал вопрос о стоимости вообще, о том, какой труд создает стоимость. Поэтому исходные простейшие элементы системы Тюрго на самом деле являются сложными, поскольку проблема прибавочной стоимости более сложная, чем проблема стоимости. Не решив последнюю, нельзя решить и первую. Физиократы же, писал К. Маркс, «рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме... В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»[10].

Итак, научная система отражает предмет в целом, в единстве и взаимодействии его частей, в единстве многообразия, и, следовательно, воплощает органическую связь анализа и синтеза. Она глубже и полнее выражает конкретную действительность, дает о ней представление не просто как о бесформенном, хаотическом целом, которое видится в первом приближении, и не об отдельных ее моментах, изолированных друг от друга, а как о расчленен-

---

идет речь о его доходе, которым, по Тюрго, может быть только «чистый продукт» (см.: *Тюрго А. Р.* Указ. соч. С. 94—158).

* В первом параграфе (книга состоит из 100 параграфов) Тюрго выдвигает предположение, что если бы земля была распределена так, что ее хватило бы для пропитания каждому, то не было бы обмена продуктами труда. Но «*всякая земля производит далеко не все*». Разные участки земли производят различные виды продуктов, т. е. неодинаковые потребительные стоимости. Поэтому между земледельцами возникает обмен. Причем вначале, согласно Тюрго, земледельцы были собственниками земли (см.: *Тюрго А.* Указ. соч. С. 95).

ном целом, о предмете, в котором вскрыта его внутренняя структура. Такое конкретное знание всегда является результатом синтеза простейших элементов, выделенных посредством анализа. Самый значительный вклад в создание научной системы буржуазной политической экономии внесли английские экономисты А. Смит и Д. Рикардо.

Глава 24

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК (ДО КОНЦА XVIII В.)

1. Бухгалтерский учет

Хозяйственный учет существует минимум 6 тыс. лет. Его возникновение стало возможным лишь тогда, когда люди смогли фиксировать хозяйственные данные на каких-то внешних материальных носителях. Для функционирования учета как системы необходимо наличие письменности и элементарной арифметики. Не случайно многие исследователи считают, что потребности хозяйственного учета дали мощный толчок развитию письменности и математики.

В древнем мире практика различала системы учета только по материальным носителям данных: папирус (Древний Египет), глиняные таблицы (Ассирия и Вавилон), восковые таблички (Древний Рим). Факты хозяйственной жизни, изменяющие состав средств, являлись предметом учета. Они регистрировались или путем хронологической записи (Древний Египет), или путем систематической (Ассирия и Вавилон), или же путем совмещения этих двух видов записи (Древний Рим). Эти виды записи выступали как формы отражения по определенным учетным рубрикам (счетам) движения хозяйственных средств, а инвентаризационная опись — как отражение запаса хозяйственных средств. Из инвентаризационной описи родилась отчетиость.

Основной целью учета на протяжении многих столетий оставалось стремление с максимально возможной полнотой и точностью отразить в учетных регистрах факты и ценности, выступающие как объект учета. Такой натурализм в учете возник со времени появления у человека потребности записать то, что происходит в его хозяйстве. В инвентаризационных описях перечислялись все входя-

щие в хозяйство предметы в натуральном измерении. Но счетные работники и юристы, составлявшие описи, заметили, что вещи, входящие в инвентарь, могут иметь такие индивидуальные признаки, по которым их относительно легко описать и записать, и такие родовые признаки, по которым их можно записать только единой массой, сгруппировав по единому родовому признаку. Выделение родовых признаков, использование условных и счетных единиц для группировки средств и операций привели к созданию счетов. Это было новым шагом по сравнению с чисто натуралистической учетной концепцией.

История Древнего Египта свидетельствует о том, что за тысячелетия до нашей эры египтяне уже знали учет, фараоны имели придворных учетчиков, которых называли писцами. В Египте и Месопотамии имелись специальные школы для подготовки учетчиков.

Еще более развит был хозяйственный учет в Древней Греции и античном Риме. Развитие ремесла и торговли оказало свое влияние и на развитие учета. Особенно был развит учет в хозяйствах контор трапезитов — банкиров Греции. Трапезиты выполняли различные операции, по которым они вели учетные книги. Некоторые приемы хозяйственного учета были известны и всему населению: государство требовало от граждан составления инвентаря их имущества для взыскания налогов. В последние годы Римской империи каждый гражданин входил пайщиком в ассоциацию для кредитных оборотов. Деньги относились к банкиру, который делал записи в книгах и обязывался их выплачивать по требованию вкладчика. Вместо звонких монет имели хождение платежные требования, по которым банкир производил платеж. Счетное искусство в Древнем Риме достигло значительного уровня, и его состояние представляет большой интерес для истории развития бухгалтерского учета. Можно сказать, что все существующие ныне кредитные операции в какой-то степени были известны и практиковались римлянами.

Развитие учета в период средневековья резко замедляется. Натуральный характер сельского хозяйства, цеховой строй ремесленного производства, неразвитость внутренней торговли — таковы условия, препятствовавшие распространению и совершенствованию учета. На развитие бухгалтерского учета отрицательное влияние первоначально оказала церковь. Но постепенно сама церковь превращается в крупное кредитное учреждение: уже в X — XI столетиях она выступает в качестве кредитора, выдавая

ссуды крестьянам под залог земель; кредитовала она и императоров. Развитию учета в эпоху средневековья способствовали возникновение компаний, расширение кредита и посредничества. Капиталы участников компании складываются в один, обособленный от владельцев капитал фирмы. Появилась необходимость следить за изменениями доли участников в результате новых вложений или изъятий капиталов и разработать систему определения дохода, чтобы распределять его среди партнеров.

Бухгалтерские счета как группировочные признаки появились с первых шагов хозяйственного учета. Но они долго представляли собой не единую систему, а лишь совокупность регистров, в которых отражались те или иные стороны хозяйственной жизни. С развитием товарно-денежных отношений возникла возможность измерить всю учитываемую хозяйственную массу. Были созданы условия для объединения ранее автономных имущественных и личных счетов (учет регистров) в единую систему так называемой простой бухгалтерии, с помощью которой устанавливалось сплошное и систематическое наблюдение за хозяйственной жизнью.

Первый случай применения двойной записи обнаружен в счетах генуэзской компании за 1340 г. В книгах дебетовые и кредитовые записи размещены рядом, каждая сделка записана дважды — по одному разу на соответствующей стороне. Дебет обозначался латинскими словами, имеющими значение «они должны нам», кредит начинался словами «мы получили от». Учет с применением двойной записи получил название двойной бухгалтерии. Бухгалтерский учет зародился не в XIII в. вместе с двойной записью, а возник вместе с товарным хозяйством. Слово «бухгалтер»— книгодержатель — родилось в самом конце средневековья. В 1498 г. император Священной Римской империи Максимилиан I назначил первым бухгалтером делопроизводителя Инсбрукской счетной палаты Христофора Шлехера.

Впервые практические книги по двойной бухгалтерии появились в Италии в конце XIII в.; вот почему выражение «итальянская бухгалтерия» стало синонимом двойной бухгалтерии. Двойная запись превратила весь учет в стройную систему, облегчающую контроль за сохранностью ценностей и осуществлением процессов управления хозяйственной деятельностью. Логически простая бухгалтерия предшествовала двойной, но исторически они очень долго существовали одновременно. Разновидностью

простой бухгалтерии в средневековой и буржуазной Европе считалась камеральная бухгалтерия, которая делала упор на учете денежных средств и сметы. В камеральной бухгалтерии проявлялись начала современного бюджетного учета. Это был развернутый учет кассы с выделением счетов, открываемых по каждому виду поступлений и выплат в соответствии с намеченными ассигнованиями[1].

Вторая половина XV столетия стала переломным моментом в истории бухгалтерского учета: в это время появились первые посвященные ему печатные труды. Теоретиками в области бухгалтерского учета были житель Дубровника Бенко Котрулич, о котором уже шла речь в гл. 19, и Лука Пачоли (ок. 1445— ум. позже 1509) — известный ученый-математик.

В своей книге «О торговле и идеальном купце», написанной в 1458 г. (опубликована в 1573 г.), Котрулич не упоминает о двойной бухгалтерии, но уже излагает способ записей по ее принципам.

Л. Пачоли занимал кафедру математики во многих университетах (Милан, Венеция, Рим). Будучи учителем в доме богатого венецианского купца, он изучил торговлю. В 1494 г. Пачоли издал книгу «Совокупность арифметики, геометрии, пропорций и отношений». В трактате «О счетах и записях» этой книги изложены основы двойной бухгалтерии, техника записей по счетам и книгам.

Двойная бухгалтерия сложилась в период средневековья, однако свое развитие и теоретическое обоснование получила в условиях генезиса капитализма. Первые авторы книг по бухгалтерскому учету явились родоначальниками двух теоретических направлений. Первое, основывающееся на идеях Котрулича, рассматривало бухгалтерский учет как орудие управления отдельным предприятием. Продолжателями этого направления были Жак Савари (1622—1690) и Даниель Дефо (ок. 1660—1731), автор всемирно известного романа «Робинзон Крузо». Другое направление развивало идеи Л. Пачоли и рассматривало бухгалтерский учет как универсальную методологическую науку. Представителями этого направления являлись: Джероламо Кардано (XVI в.) — математик, врач и астролог, писавший, что бухгалтерская методология находится на стыке математики и черной магии; Вольфганг Швайкер (XVI в.) — немецкий автор, впервые четко определивший двойную запись как метод бухгалтерского учета; Симон Стевин (XVII в.) — голландский математик, впервые классифицировавший бухгалтерский учет как науку; Джузеп-

пе Форни (XVIII в.) — итальянский автор, давший алгебраическое описание основных бухгалтерских процедур.

Значительная сложность и разнообразие хозяйственных операций развивающегося капитализма требовали новых приемов работы, ускоряющих выполнение счетных записей. В XVII — XVIII столетиях возникают новые, более рациональные формы бухгалтерского учета. Форма, предложенная Л. Пачоли,— ведение только основных книг — мемориала (памятная книга), журнала и главной книги — стала называться старой итальянской формой. Она была приемлема на начальной стадии развития капитализма, а в дальнейшем стал ощущаться ее недостаток — централизация всех счетов в главной книге (а количество счетов доходило до нескольких сот).

В 1675 г. французский ученый Жак Савари выпускает книгу «Совершенный купец», где рекомендует вести не только три основные книги, а также ряд вспомогательных: покупная, журнал для записи товаров, купленных в кредит, деловая, кассовая и т. д. Ж. Савари является первым из авторов, указавших на необходимость ведения аналитического учета. Итальянец Ф. Гаратти впервые предложил синтетические счета. Он рекомендовал вместо частных счетов для отдельных сортов товаров открывать в главной книге единый счет товаров, в дополнение к которому вести особую книгу «покупок и продаж». Таким образом, благодаря идеям Ж. Савари и Ф. Гаратти была создана новая форма бухгалтерского учета, при которой в главной книге открывались исключительно синтетические счета, а в дополнение к ней велись книги аналитического учета. Эта форма получила название новой итальянской.

Кроме старой и новой итальянских форм бухгалтерского учета в условиях капитализма получают развитие американская, немецкая и французская формы. Американская форма (Э. Дегранж-отец, 1797) имеет распространение до сих пор. Основным ее достоинством является то, что все многообразие хозяйственных операций в синтетическом учете укладывается в единой книге (журнал) главной, где сосредоточены хронологическая и синтетическая записи.

Запросы развивающегося капитализма более полно удовлетворяет немецкая форма учета, основателем которой был Фридрих Гельвиг. Он описал ее в своей работе, вышедшей в 1774 г. Один журнал уже разделен на два, что значительно совершенствует технику учета. Во фран-

цузской форме (Ж. Б. Дюмарше) вместо одного или двух существовал целый ряд журналов.

Во всех разобранных выше книжных формах бухгалтерского учета записи производятся первоначально в книгу хронологической записи (журнал), затем во вспомогательные книги по дебету и кредиту и, наконец, в главную книгу (за исключением американской формы, где журнал соединен с главной книгой). Общая черта новых форм бухгалтерского учета сводится к тому, что все они преследуют цель добиться возможно большей точности в записях, иметь ясные сведения об имущественном положении хозяйства и достигнутых результатах, что полностью соответствует цели капиталистического производства.

Развитие науки о бухгалтерском учете приводит к переоценке целей учета. Если раньше основной задачей являлось обеспечение контроля за сохранностью ценностей, то к началу XIX в. формируется новая цель — выявление эффективности хозяйственной деятельности. Учет теперь понимается как орудие управления и контроля.

Сначала бухгалтерский учет рассматривался как юридическая наука. Теория, созданная еще Л. Пачоли, называется правовой. Первым автором, давшим юридическую трактовку бухгалтерского учета, был Эдмон Дегранж (1797). Он ввел понятие хозяйственной операции и утверждал, что за каждой операцией стоят минимум два лица. Одновременно с юридическим возникает и экономическое толкование бухгалтерского учета. В 1790 г. Джузеппе Форни трактовал в качестве предмета бухгалтерского учета не физические и юридические лица, субъекты прав и обязательств, а предметы, вещи, ценности, «в своей совокупности составляющие имущество хозяйства»[2]. В России экономическое направление берет начало с трудов К. И. Арнольда (1809) и И. Ахматова (1809). Но и в России хозяйственным учетом пройден значительный исторический путь развития. Уже с IX в. в древнем Новгороде и в Киевской Руси учет использовался князьями, боярами и купцами в связи с развитием торговли с греками и другими народами. Государственное и монастырское хозяйство предполагало использование инвентарей, которые были основой всего учета.

Особый интерес в истории бухгалтерского учета представляет период, связанный с реформами Петра I. Первым законодательным актом, указавшим на необходимость ведения учетных записей, является отдел Воинского устава «О купеческих книгах и грамотах» (1716). Первым рус-

ским бухгалтером был Тиммерман, который представлял образцы ведения бухгалтерского учета по примеру заграничных купцов и приказом от 11 сентября 1732 г. был назначен главным бухгалтером Санкт-Петербургской таможни.

В народном хозяйстве России XVIII в. повсеместно преобладала концепция натуралистического учета в форме простой бухгалтерии. Еще не использовалась двойная запись. Она вначале появляется в учете торговли и впервые описана в работах «Торг амстердамский, содержащий все то, что должно знать купцам и банкирам, как в Амстердаме живущим, так и иностранцам» (1762—1763) и «Ключ коммерции или торговли, т. е. наука бухгалтерии, изъявляющая содержание книг и произвождение щетов купеческих» (1783). В первой половине XIX в. уже и в сельскохозяйственном и промышленном учете была распространена двойная запись, вытеснившая натуралистическую концепцию бухгалтерского учета.

Таким образом, развитие хозяйственного учета тесно связано с потребностями производства, и темпы этого развития все более ускорялись по мере перехода от одних способов производства к другим. К. Маркс подчеркивал, что «ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом»[3].

2. Статистика

Формирование статистики как науки было обусловлено необходимостью решения практических задач, связанных со сбором и обработкой соответствующих данных и получением на этой основе числовых характеристик изучаемых явлений и процессов. На протяжении всей истории становления и развития статистики постоянно взаимодействовали две ее функции — как науки и как средства решения практических задач.

Элементарными статистическими операциями человечество пользовалось еще в глубокой древности. При первых двух общественно-экономических формациях, а также в период раннего феодализма основной статистической операцией было проведение единовременного учета наличных объектов. В этом плане особый интерес представляет развитие учета в Древнем Риме. Налоговая политика

государства требовала, как уже отмечалось, тщательиого учета доходов свободиых граждаи. Учреждеиие иовой провинции или присоединеиие иовой области к существующей провинции со времени Августа (63 до и. э.—14 и. э.) сопровождалось переписью иаселения и имущественным цеизом.

В эпоху феодализма существование примитивиой системы статистического учета было обусловлеио иуждами отдельиых церковиых и феодальиых хозяйств. В рамках этих хозяйств учитывался размер земельиых владеиий, доходы, наличиый хозяйственный иивеитарь, скот и т. п. История упомииает об описи владеиий франкского короля Карла Великого (742—814), во время которой проводился тщательиый учет не только земель и имущества, но и иаселения, способного носить оружие.

Примеров существоваиия общегосударственной системы статистики в средиие века истории известио мало. Следует отметить лишь «Киигу Страшиого суда», которая является статистическим памятииком Аиглии XI в. и содержит даиные о размерах пашии и численности иаселения аиглийских графств в период завоеваиия страиы иормаииами. Земельиый кадастр составлялся королевскими чиновииками в течеиие трех лет (1083—1086). Они объезжали графства, опрашивали землевладельцев, приходских священиików, местных жителей и фиксировали сообщаемые ими сведеиия о размере и структуре земельиых участков в округе. Но даиные таких переписей были иеполны и иеточны, так как не соблюдался ряд важиейших прииципов организации едииовремеиного статистического иаблюдеиия: ие было едииообразия в программах работ, сроки работ затягивались, в осиове записей лежали лишь субъективиые показаиия землевладельцев. Аналогичные недостатки присущи и писцовым киигам Московского государства, которые появились в конце XV в. для взимания налогов и податей.

Развитие товарио-деиежиых отиошеиий, виутренней и виешией торговли в период возникиовеиия капитализма послужило толчком для прогресса учета и статистики. В XVI в. в Италии иачинают появляться сборники сведеиий о различиых государствах, с которыми велась торговля. Примечательно, что в этих сборниках отдельиые факты ие просто приводятся, а систематизируются и обобщаются, т. е. осуществляется первый этап статистического исследования.

В XVII — XVIII вв. статистические вопросы разраба-

тывались в рамках двух основных теоретических направлений: описательной школы и политической арифметики. Во второй половине XVII столетия стали появляться труды, в которых сводка и обработка данных об отдельных государствах подчинялись определенным теоретическим целям. Первые попытки систематизации материала, описывающего состояние отдельных государств, были предприняты в Германии и получили название государствоведения, или описательной школы. Предметом государствоведения являлись «государственные достопримечательности», т. е. факты, относящиеся к государству в целом. Представители этого направления занимались не только экономикой страны, но и географией, историей, государственным правом, культурой.

Основателем описательной школы был немецкий ученый Г. Конринг (1606—1681). Его последователь Г. Ахенваль (1719—1772) — профессор философии и права Геттингенского университета — назвал данное направление статистикой. В предисловии к своей работе «Очерк государственной науки европейских государств» (1749), которое он назвал «Общее введение в статистику», Ахенваль объявляет предметом статистики такие явления, которые обязательно имеют место и относятся к благосостоянию государства. Государствоведы не отрицали необходимости использования числовых характеристик в своих работах, но на деле осуществить это было трудно, так как в XVIII в. административная статистика в европейских странах не получила еще достаточного развития. Государствоведы стремились привести в своих работах как можно больше описательного материала по экономике, истории, географии отдельных стран без глубокого его научного анализа.

В середине XVIII в. возникла идея сравнительного описания разных стран с целью облегчения международных сопоставлений. Это направление, примыкающее к описательной школе, получило название табличной статистики. В 1741 г. датский историк и филолог И. П. Анхерсен (1700—1765) опубликовал работу «Описание культурных государств в таблицах», в которой данные о территории, населении, религии, финансах и другие по 15 европейским странам сведены в единую таблицу. Хотя эту таблицу с точки зрения современной науки нельзя признать в полном смысле слова статистической, но попытка использования табличного метода для систематизации и наглядного представления имеющегося материала, безусловно, имела большое значение.

Однако наибольший вклад в развитие статистической науки внесли представители другого направления — политической арифметики. С политической арифметики начинается история подлинной статистики как науки. Данное направление оказало большое влияние на формирование главных составляющих современной статистической науки: общей теории и отраслевых статистик, в первую очередь демографической статистики. Представители этой школы впервые поставили вопрос о роли закона больших чисел, об использовании в экономических исследованиях выборочного метода, о необходимости разработки методов причинного изучения массовых явлений.

Возникновение нового направления в экономической науке было обусловлено потребностями капиталистического государства в количественной оценке явлений и процессов общественной жизни. В условиях скудости статистических данных ученым приходилось разрабатывать методы косвенного определения величины тех или иных показателей. Они доставляли правительству страны необходимые сведения о населении, народном богатстве и доходе, их динамике не на основе прямого сбора статистических данных, а путем проведения косвенных расчетов. Таким образом, потребности практики стимулировали развитие научных исследований.

Школа политической арифметики зародилась в Англии почти одновременно с государствоведением в Германии. В последней трети XVII в. идею использования статистики в социально-экономических исследованиях высказал выдающийся английский экономист У. Петти. Его труды («Трактат о налогах и сборах», 1662; «Слово мудрым», 1664; «Политическая арифметика», 1676; «Разное о деньгах», 1682) являются в истории экономической науки первыми образцами анализа конкретной экономической ситуации на основе широкого использования статистических данных. Не зря Петти называют «отцом» статистики. Он не только использовал числовые сведения в качестве описательного материала, но и развивал сам статистический метод исследования, применяя его для выявления закономерностей общественной жизни. В предисловии к «Политической арифметике» Петти следующим образом характеризует метод, которым он пользуется в своих работах: «...вместо того, чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер...»[4]

Труды Петти оказали большое влияние на формирование экономической статистики. В его работах много внимания уделяется статистике народного богатства и дохода, исчислению количества населения, его распределению по разным группам, определению экономической ценности населения. Часто количественная оценка явлений и процессов дается им в условиях полного отсутствия необходимых статистических данных, т. е. на основе использования косвенных методов. Петти высказал ряд интересных мыслей по организации статистического наблюдения, в частности пытался разработать программу переписи населения. Однако вопросы демографической статистики интересовали его лишь постольку, поскольку численность населения и его распределение по занятиям определяют экономическое положение страны и военную мощь государства.

В трудах Петти содержится целая система методов косвенного расчета ряда экономических показателей. Особого внимания заслуживают методы определения численности избыточного населения, которые позволили ему рассчитать потребные обществу контингенты трудящихся разных профессий, в частности необходимую численность медицинского персонала. Кроме того, на основе этих методов было подсчитано, сколько студентов должно обучаться разным специальностям в двух английских университетах. Им проведено также исчисление количества лиц, недостаточно занятых, и доказано, что если бы все, кто способен трудиться, работали, то накопление капитала в стране было бы в 5 раз больше. Петти широко использовал категорию средних величин: например, стоимость он определял, исходя из средних затрат труда, ренту изображал как среднюю за ряд лет. Статистический метод служил Петти основанием для политэкономических выводов. Чтобы опровергнуть эти выводы, надо было использовать статистическую методологию. Распространив статистический метод на существовавшие в то время отрасли экономики, он теснейшим образом увязал качественный и количественный аспекты изучения экономических явлений и процессов. В этом большая заслуга Петти перед экономической наукой.

В трудах политических арифметиков XVII в. отчетливо прослеживается и второе направление — демографическое. Современник Петти Дж. Граунт (1620—1674) опубликовал в 1662 г. небольшую книгу «Естественные и политические наблюдения, перечисленные в прила-

гаемом оглавлении и сделанные над бюллетенями смертности...». В ней на основе анализа данных о естественном движении населения он установил ряд статистических закономерностей, присущих демографическим явлениям, в частности что мальчиков рождается больше, чем девочек (14 к 13), мужчин умирает больше, чем женщин, а смертность больше в начале жизни человека и ряд других. Граунт построил первую в истории таблицу смертности для Лондона, открыв таким образом лучший метод изучения смертности, и высказал идею об исчислении возрастной структуры населения по таблице смертности. Он неоднократно был на грани открытия закона больших чисел — основополагающего закона статистики, но сформулировать этот закон ему не удалось, и числовые различия разных совокупностей одних и тех же явлений он объяснял особыми причинами.

Идеи Граунта послужили исходным пунктом для дальнейшего развития исследований в области демографической статистики. В частности, их развивает в своих трудах знаменитый английский астроном Э. Галлей (1656—1742). Э. Галлей составил таблицу смертности для 90-х годов XVII в. для Бреславля. Он высказал важную идею о построении таблиц смертности для стационарного населения и применил в анализе принцип исчисления средней продолжительности жизни в зависимости от возраста.

Зародившись в Англии, идеи политической арифметики получили широкое распространение в других европейских странах. Ученые ряда стран внесли в XVIII в. свой вклад в дальнейшее развитие и совершенствование методов демографической статистики. В Голландии для 30—40-х годов XVIII в. таблица смертности была составлена В. Керсебумом (1691—1771). Она отражала смертность состоятельной части населения страны. Во Франции составлением таблиц смертности занимались Дюпре де Сен-Мор (1695—1774) и А. Депарсье (1703—1768). Таблица смертности Дюпре де Сен-Мора была составлена для Парижа. В середине XVIII в. появились работы крупнейшего французского теоретика-демографа А. Депарсье, который изучал смертность разных групп населения и при этом механически не переносил закономерности, присущие одной совокупности, на другую. Анализируя уровень смертности для отдельных групп населения, он справедливо пришел к выводу, что самой существенной причиной различий в смертности является социальное положение. Депарсье

построил отдельные таблицы смертности для мужчин и женщин, не состоящих в браке. Особого внимания заслуживает его анализ причин и уровня детской смертности.

Интерес к статистике естественного движения населения, и в частности к составлению таблиц смертности, в XVIII в. был не случаен. Он объясняется главным образом задачами, которые выдвигала практика страхования жизни, и служит наглядным примером того, как запросы практики стимулируют научные разработки.

Говоря об истории становления статистики населения, нельзя не отметить, что впервые на государственном уровне она была создана в Швеции в середине XVIII в. В 1748 г. был учрежден специальный статистический орган — Табельная комиссия, которая послужила прообразом статистических организаций других государств. В результате деятельности этой комиссии в Швеции были собраны, научно разработаны и опубликованы данные о численности и составе населения целой страны и его естественном движении. Только в начале XIX в. в европейских странах возникают специальные учреждения, систематически занимающиеся сбором и обработкой статистических сведений.

Развитие теоретической статистики неразрывно связано с возникновением науки о вероятностях. Представители политической арифметики (Дж. Граунт, И. Зюсмильх) неоднократно интуитивно были очень близки к открытию закона больших чисел, однако лишь открытие Б. Паскалем арифметического треугольника и доказательство Я. Бернулли простейшего случая закона больших чисел (1713) позволили французскому математику С. Д. Пуассону (1781—1840) сформулировать закон больших чисел, ставший краеугольным камнем статистической науки.

В 30-х годах XVIII в. английским математиком де Муавром (1667—1754) был открыт закон нормального распределения, который в дальнейшем стал играть в математической статистике не меньшую роль, чем закон биномиального распределения. Но в то время это открытие осталось незамеченным, и в XIX в. оно было заново сделано К. Гауссом и П. Лапласом.

XVIII век в истории статистической науки был ознаменован также началом разработки теории индексов. Индексный метод со временем стал важнейшим инструментом анализа динамики социально-экономических явлений и процессов. В конце 30-х годов XVIII в. во Франции Дюто была предпринята попытка исчислить индекс, который ха-

рактеризовал бы изменение цен со времени Людовика XII до времен Людовика XIV. Индекс Дюто представлял собой простое сравнение сумм цен. Хотя для изучения изменения цен такая форма индекса и не является удачной, в практике анализа динамики других экономических показателей эта форма индекса используется и в настоящее время.

Начало методологии исчисления индексов было положено итальянским ученым Карли в 60-х годах XVIII в. Он анализировал с помощью индексного метода изменение цен на зерно, вино и растительное масло в 1750 г. по сравнению с 1500 г., с тем чтобы показать, как изменилась покупательная способность денег в связи с открытием Америки. Индекс Карли был основан на сравнении простых средних арифметических, т. е. является простейшей формулой индекса цен.

Более совершенной методологией исчисления индекса цен пользовался английский купец Т. Манн с целью доказательства большей выгодности для Англии торговли с Индией, чем с Турцией. Он сопоставлял стоимость индийских товаров со стоимостью тех же товаров, но по турецким ценам, т. е. по существу использовал агрегатный индекс цен с отчетными весами, формула которого была предложена и обоснована лишь в конце XIX в. немецким статистиком Г. Пааше. Т. Манн не только рассчитал индекс цен, но и на основе сопоставления стоимостей товаров, оцененных в разных ценах, определил экономию, получаемую Англией от торговли с Индией. Хотя свои расчеты Т. Манн проводил значительно раньше, чем Карли, но они в то время остались незамеченными.

Таким образом, в течение XVII — XVIII вв. в европейских странах были заложены методологические основы для дальнейшего развития статистической науки.

Особенности исторического развития обусловили своеобразие формирования и распространения основных идей статистической науки в России. Систематическое использование данных статистики и учета началось здесь с XV в. Более развитой была статистическая система крупных вотчин, поместий, владений монастырей, которая являлась для помещиков одним из главных средств укрепления власти и всех форм принуждения. Достаточно полное представление о статистической системе крупного феодального владения дают наказы вотчинников XVII в. и инструкции управителям и приказчикам XVIII в. Наказы XVII в. еще не охватывают всей хозяйственной жизни во-

тчины. Инструкции XVIII в. значительно отличаются от наказов более детальной регламентацией всех сторон жизни крупного владения. Примером наказов второй половины XVII в. являются «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», свидетельствующие о том, что в хозяйстве велась текущая сельскохозяйственная статистика (собирались сведения относительно земли, распределения угодий, о поголовье скота), проводился учет крестьянских дворов и их населения.

В первой четверти XVIII в. предпринимаются попытки создания общей статистики крупного поместья с ежегодной подворной переписью крестьянских хозяйств, их населения, промыслов, податей, повинностей и т. д. Примером довольно полной системы частнохозяйственной статистики феодального владения является «Инструкция дворецкому Немчинову», разработанная в 1724 г. крупным государственным деятелем того времени А. П. Волынским. Значительный интерес представляет «Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г.», регламентировавшая управление дворцовыми крестьянами на всей территории России. Управитель обязан был описывать строения, принадлежащие дворцовому ведомству, собирать сведения о населении, переписывать скот, описывать садоводство, ежегодно учитывать урожай. В инструкции содержатся детальные указания о применении выборочного метода для учета вероятного урожая и наличия запасов хлеба.

Основы общегосударственной системы статистики в России были заложены при Петре I. Одна из первых научных работ по статистике того времени —«Цветущее состояние Всероссийского государства», написанная И. К. Кириловым (1689—1737) в 1727 г., посвящена статистическому описанию положения государства в конце царствования Петра I. Кириловым были собраны все наличные статистические материалы, характеризующие страну в разных отношениях, и составлено полное и детальное описание России, которого не имело ни одно государство даже значительно позже конца первой четверти XVIII в.

Следует отметить, что единого статистического органа в России в то время не было. Некоторые функции центрального статистического органа выполнял организованный при Петре I Сенат. Туда поступали отчетные статистические сведения, им было организовано проведение ряда единовременных обследований, например первой государственной съемки России (по указу от 9 декабря 1720 г.).

Еще в начале XIII в. в России возникла важная отрасль общей статистической системы — государственная статистика естественного движения населения. При Петре I на православное духовенство была возложена обязанность вести церковные записи актов естественного движения населения. По указу от 14 апреля 1702 г. приходские церкви Москвы должны были еженедельно представлять ведомости о новорожденных и умерших в Патриарший духовный приказ. Первые такие ведомости были составлены за 1703 г. Второй указ (1722) требовал не только регистрации актов естественного движения населения, но и составления за каждую треть года сводок сведений. Однако такие сводки в Синод не поступали, и указ был повторен 20 февраля 1724 г., причем этот указ требовал особенно тщательного учета фактов смерти с указанием ее причин, пола и возраста умершего.

В связи с введением подушных податей в России систематически, начиная с 1718 г., проводились переписи податного населения, за которыми утвердилось название ревизий. В XVIII в. было проведено пять таких ревизий (1718, 1742, 1761, 1781, 1794). Такие переписи продолжались до 1860 г. При первых двух ревизиях переписывалось только мужское население, облагаемое подушной податью. Затем переписывать стали и женщин. Но точных данных о численности населения государства не было ни в XVIII в., ни даже к концу XIX в., так как не платили подати и не вносились в ревизии дворяне, чиновники, военные и некоторые другие группы населения.

В XVIII в. вопросам совершенствования статистики населения был посвящен ряд научных работ. В частности, нельзя не отметить работу В. Н. Татищева «Рассуждение о ревизии поголовной и касающейся до оной», написанную по случаю проведения второй ревизии (1742). В ней впервые был поставлен вопрос о едином текущем учете населения и содержался проект организации текущей статистики населения в России. Ряд предложений Татищева был принят при проведении последующих ревизий.

Первая попытка доказать большую пользу для государства статистического изучения естественного движения населения принадлежит Л. Ю. Крафту (1743—1814). Им было написано пять мемуаров по статистике населения, четыре из которых посвящены разработке данных по естественному движению населения Петербурга. Крафт большое внимание уделил роли закона больших чисел для выявления закономерностей массовых общественных яв-

лений. Особое теоретическое и практическое значение он придавал изучению средних величин и причин отклонений от них. Для характеристики естественного движения населения Крафт предложил использовать три вида показателей: 1) плодовитости; 2) смертности; 3) роста, или прогресса, населения. Однако отсутствие некоторых данных, необходимых для расчета названных показателей, и неточность имеющихся не позволили Крафту в ряде случаев сделать правильные выводы относительно закономерностей изучаемых им явлений. Обширную программу экономико-географического описания России, в частности по вопросам народонаселения, составил великий русский ученый М. В. Ломоносов (см. гл. 19, § 5). Ценные предложения в области судебной статистики сформулировал один из выдающихся деятелей XVIII в.— А. Н. Радищев. Следует отметить также предпринятую Радищевым попытку исчисления дохода страны.

Таким образом, в XVIII в. в России получают распространение идеи политической арифметики, в рамках которой происходило становление статистической науки.

3. Финансовая наука

Зарождение финансовой науки относится к XV — XVI вв., когда в различных странах феодальной Европы появились первые сочинения, в которых предметом научного анализа стала экономическая основа существования государства. Ранней предпосылкой становления науки было накопление опыта развития финансовых отношений в средневековых европейских городах, обладавших вольным статусом и собственной материальной базой. На этой основе появились сочинения с элементами финансового анализа в XV в. в Италии. Но настоящим фундаментом науки стало развитие финансовых отношений в ходе образования централизованных государств — абсолютных монархий. Для обозначения науки, изучающей систему денежных отношений, обусловленных существованием и функционированием государства, термин «финансы» (от латинского financia — денежный платеж) впервые начал широко применяться во Франции в XVI в. Именно в этот период феодальные монархии оказались перед лицом крупных финансовых проблем из-за роста расходов на армию, содержание королевского (царского) двора, государственного аппарата.

Практика определила главную функцию финансовой

науки — изыскать и теоретически обосновать новые источники государственных доходов. С первого дня своего возникновения финансовая наука носила ярко выраженный классовый характер: или она представляла точку зрения правящего класса и эксплуататорского государства, или защищала налогоплательщиков.

В своем развитии финансовая наука прошла ряд этапов. Начиная с XV и до середины XVII в. в процессе зарождения финансовой науки развивались учения о государственных доходах с выделением доходов от домена и регалий, исследовались бюджеты феодальных государств. Со второй половины XVII и до конца XVIII в. предпринимаются первые попытки анализа государственных расходов, идет интенсивная разработка принципов налогообложения и идей налоговой справедливости, появляются первые учебные пособия по финансам.

Генезис науки связан с такими именами, как Д. Карафа (Италия, XV в.), И. Пересветов и Ермолай-Еразм (Россия, первая половина XVI в.), Жан Боден и Григорий Тулузский (Франция, вторая половина XVI в.). На первых этапах в развитии науки о финансах важную роль играли крупные государственные и хозяйственные деятели, например французские сюринтенданты и генеральные контролеры финансов — от М. Сюлли до Ж. Неккера.

Произведением, пользующимся европейской известностью, стал труд Ж. Бодена «О государстве», вышедший в свет в 1577 г. на французском языке, а в 1586 г. переведенный на латынь[5]. Финансовые сведения содержит вторая глава шестой книги указанного сочинения. В ней дана классификация государственных доходов (названы семь главных источников).

Исследование доходов было характерным для всей ранней финансовой литературы. Это внимание к одному из разделов науки объясняется теми финансовыми проблемами, с которыми столкнулись европейские государства в ходе централизации политической власти. Нехватка обычных для средневековья источников доходов — от домена (королевского и государственного имущества) и регалий (привилегий на получение определенных видов государственных доходов) — сделала актуальным вопрос об отношении к такому финансовому институту, как налоги.

Ж. Боден и вся средневековая финансовая наука вплоть до эпохи ранних буржуазных революций высказывались за осторожное отношение к налогам. К ним следует прибегать только в крайних случаях — бедствий и войн.

Рекомендация финансовой науки — максимально увеличить доходы от домена. Они предпочтительны с фискальной и юридической точек зрения, как наиболее законный вид государственных доходов. Финансовая наука выработала средство и на случай непредвиденных расходов — накапливание сокровищ. Проблема доходов от домена и накапливания сокровищ для ведения войн не стала историческим достоянием XVI в. Эти финансовые рецепты, являющиеся попыткой повернуть экономическую историю вспять — в раннее средневековье, разрабатывались и впоследствии: во французской финансовой литературе первой половины XVII в. (М. Сюлли и А. Ришелье) и германской литературе второй половины XVIII в. (И. Юсти и И. Зонненфельс). Заслугой Ж. Бодена было требование всеобщности налогов и недопустимости налоговых иммунитетов правящего класса. Эта прогрессивная идея стала лейтмотивом налоговой литературы вплоть до буржуазной революции 1789—1794 гг.

Внимание к государственным доходам было характерно и для русской литературы XVI в. Но акцент в произведениях И. Пересветова и Ермолая-Еразма делался на необходимости централизации финансов страны (в конкретно-историческом случае России — отмене кормлений). Как и у многих исследователей XVI в., у Ермолая-Еразма в произведении «Благохотящим царем правительница и землемерие» есть и архаичные финансовые проекты: перейти от денежных налогов к натуральным.

В первой половине XVII в. наряду с анализом традиционных источников доходной базы государства разрабатывалась (особенно во Франции) категория экстраординарных доходов от рентных займов. Изучались способы их конверсии. Исторически появление такой темы объяснимо огромным увеличением расходов казны в связи с серией гражданских войн и международных конфликтов конца XVI — первой половины XVII в.

В этой связи представляют интерес труды французского сюринтенданта финансов М. Сюлли. Этот крупный государственный деятель стоял во главе финансового хозяйства Франции в конце XVI — начале XVII в. Им разрабатывались в теории и осуществлены на практике такие мероприятия, как аннулирование государственных займов, их конверсии, реорганизация откупной системы. Последняя вызвала появление во Франции социальной прослойки «финансистов»— государственных кредиторов и чиновников налогового аппарата. С 1598 г. во Франции под эгидой

М. Сюлли началось регулярное составление росписи государственных доходов и расходов, т. е. были заложены основы бюджетного дела[6].

В «Политическом завещании» кардинала А. Ришелье финансам посвящен седьмой раздел девятой главы. В самом названии главы —«Здесь показано, что золото и серебро являются одной из главных и наиболее необходимых сторон могущества государства»— ощущается влияние меркантилизма. Общие соображения А. Ришелье по проблемам финансов вошли в литературу под названием финансовых максим кардинала. Он сравнивает финансы с нервами государства и Архимедовой точкой опоры. Сформулированы принципы налогообложения: «Необходимо, чтобы деньги, извлекаемые государем от своих подданных, находились в соответствии с их возможностями, и не только не разоряли, но и не наносили имуществу значительного ущерба. Но если не следует отягощать излишне, то не следует также и требовать меньше, чем это необходимо для государства»[7]. В «Завещании» А. Ришелье представляет и анализирует два проекта бюджетной реформы, причем он выбирает тот из них, где снижение государственных расходов предусмотрено за счет конверсии рентных займов и уменьшения жалованья чиновникам, т. е. он отдает предпочтение устоявшимся со времен М. Сюлли методам оздоровления финансов (во второй половине XVII в. эту линию продолжил Ж. Кольбер). Второй (радикальный) проект реформы, связанный с такими изменениями доходной базы бюджета, которые включали переход от сословных поземельно-поимущественных налогов (тальи) и регалий к косвенным налогам, кардинал Ришелье отвергает, по опыту зная, что рост косвенных налогов вызывает народные волнения.

Примечательно выделение трех типов государственного бюджета: мирного, военного и послевоенного. Для мирного времени А. Ришелье предусматривает уравновешенность доходов и расходов; для военного — увеличение экстраординарных доходов от продажи государственных рент и должностей; для послевоенного основная цель финансовой политики — ликвидация бюджетного дефицита и выплата государственного долга. К государственному кредиту и кредиторам он относится как к необходимому злу[8]. Для мирного времени экстраординарные займы и высокие налоги им осуждены.

М. Сюлли и А. Ришелье разрабатывали вопросы фи-

нансовой теории с точки зрения фискальных интересов государства. В политэкономическом трактате их современника А. Монкретьена выдвигается один из первых в истории науки проектов налоговой реформы, исходя из интересов народного хозяйства и налогоплательщиков[9]. Им предложена ликвидация сословных изъятий, замена соляной регалии (габели) подоходным налогом на основе имущественного кадастра. Эта прогрессивная линия развития налоговой теории в полной мере была воспринята в XVIII в., в то время как трезвое и сбалансированное отношение М. Сюлли, А. Ришелье и Ж. Кольбера к источникам государственных доходов и ограничению государственных расходов было предано забвению феодальными властями.

После Нидерландской и Английской буржуазных революций появились первые с буржуазной точки зрения теоретические разработки финансовых проблем. Это направление развития науки хорошо представлено в трудах У. Петти «Трактат о налогах и сборах» (1662), «Слово мудрым» (1664), «Политическая арифметика» (1676). Пятнадцать глав «Трактата о налогах и сборах»— это система финансовых знаний по таким разделам, как учение о государственных расходах и доходах. Вкладом У. Петти в формирование финансовой науки является разработка проблем государственных расходов. Для Англии второй половины XVII в. появление сочинения о расходах (I глава «Трактата») закономерно. После революции буржуазия добилась права вотировать, контролировать и обсуждать государственные расходы. В феодальных государствах Европы становление этой части финансовой науки сдерживалось тем, что расходы являлись прерогативой королевской (царской) власти и научному исследованию не подлежали. В России в отдельных трудах даже начала XX в. в учении о финансах раздел о государственных расходах отсутствовал.

У. Петти дает прогрессивную трактовку государственных расходов, указывая, что сокращению подлежат расходы на содержание армии, государственного аппарата, двора, суда и церкви, а увеличению — социальные расходы (на богадельни, госпитали и сиротские дома). У. Петти был сторонником усиления экономических функций буржуазного государства. В «Трактате» указываются направления этой деятельности: общественные работы и государственные предприятия в добывающей промышленности. Представляет интерес и обоснование необходимости увеличения расходов по этой статье: они могут ре-

шить проблемы нищенства, воровства и эмиграции. В «Трактате» содержатся элементы теории переложения налогов. Отличие носителя налога от субъекта рассмотрено на примере обложения землевладельцев, перелагающих налог на ренту на арендную плату (т. е. фермеров) и на цены сельскохозяйственной продукции. Петти пишет: «...поземельный налог становится неравномерно взимаемым акцизом на потребление, который в большей мере несут те, кто меньше жалуется»[10]. Исторически верно им охарактеризованы два вида подушной подати (поголовная и классно-разрядная), причем обоснована обратная пропорциональность поголовных налогов. В XI главе поставлен важный вопрос об отношении финансовой науки к государственным регалиям. Он удачно разобран на примере французской соляной регалии. Верно отмечены последствия габели для беднейших слоев населения. Сделан вывод о том, что чем беднее плательщик, тем тяжелее для него соляная регалия и подушная подать[11].

Сочинение У. Петти, отличающееся прогрессивной трактовкой большинства проблем финансовой науки XVII в., в связи с классовой и национальной ограниченностью мировоззрения автора содержало и неверные положения. Так, Петти рекомендует усиление доходной базы английского бюджета за счет обложения иностранцев и еврейских общин. Причины недостатков налоговой системы и неравномерности налогообложения он видел в деятельности отдельных чиновников и несовершенстве финансовой статистики. Но в целом вклад У. Петти в разработку финансовой теории значителен.

Иные проблемы исследовались в финансовой литературе феодальных государств. Для них были характерны, как указывалось, интенсивная разработка принципов налогообложения и налоговой справедливости, выработка проектов реформ. Такое направление научного поиска было вызвано кризисным состоянием феодальных финансов, переобременявших народное хозяйство налогами, сборами и пошлинами, расточительством феодальной аристократии и феодальным милитаризмом. Ярким примером развития указанного направления науки являются проекты налоговых реформ во Франции от П. Буагильбера (конец XVII в.) до Ж. Неккера (третья четверть XVIII в.). Финансовая мысль в определенной степени подготовила появление теории физиократов, а последняя в свою очередь оказала влияние на разработку принципов организации системы реальных налогов.

Методологический фундамент общей теории налогов во Франции составляли финансовые идеи, содержавшиеся в трудах ее просветителей XVIII в. В них утверждалась недопустимость налогового иммунитета дворянства и духовенства, выдвигалось требование участия народных представителей в установлении налогов и регулировании государственных расходов.

Серию сочинений, посвященных анализу, критике и разработке новых налоговых систем, открывало сочинение П. Буагильбера «Подробное описание Франции в современное правление» (1697). К ним принадлежали еще два труда указанного автора, а также «Королевская десятина» маршала С. Вобана (1707), «Исследование и размышление о финансах Франции в период с 1596 по 1721 г.» Ф. Форбоннэ (1758), циклы произведений А. Тюрго и Ж. Неккера. Все работы отличает резкое критическое отношение к налогам и структуре государственного бюджета. В них предлагались различные варианты реформ с целью преобразования сословных налогов в чисто поимущественные. Рекомендовалась отмена внутренних таможенных пошлин. Среди принципов налогообложения были выделены всеобщность и пропорциональность (соответствие имуществу или доходу плательщика). Предусматривалось также соединение различных видов налогов (поимущественных, подоходных и косвенных) в налоговую систему[12].

XVIII век выдвинул и обосновал теории единого налога: «королевскую десятину» Вобана и единого поземельного налога физиократов. Десятина Вобана являлась 10 %-ным налогом на все виды собственности и доходов. Примечательно, что предлагаемый налог предусматривал для рабочих и поденщиков скидку в размере до $^{1}/_{30}$ доходов[13].

Огромное влияние на развитие финансовой теории оказало учение физиократов. На основе концепции переложения налогов они первыми подразделили все налоги на прямые и косвенные, причем понятие «прямые» означало «неперелагаемые», а «косвенные»—«перелагаемые» налоги. Физиократы считали неперелагаемым во всей системе французских налогов поземельный, поэтому предлагали его в качестве единственного. Учреждение единого поземельного налога означало бы включение дворянства и духовенства в податные сословия. Физиократы устами своих лучших представителей четко сформулировали идею классового характера финансов и финансовой

политики, отрицательное отношение к косвенным налогам. Они показали антагонизм финансовых институтов с действительными интересами развития промышленности и торговли страны[14].

Классический анализ 29 доходных статей бюджета Франции дан одним из последних генеральных контролеров финансов — Ж. Неккером в работе «Об управлении государственных доходов Французского королевства». Он показал архаизм налоговой системы, ее нерациональность, тяжесть для налогоплательщиков и недостаточность в качестве базы государственного бюджета[15]. Человек, возглавлявший финансовую систему страны, осудил структуру управления финансами и отдельные звенья, заставляющие тратить огромные средства на содержание налогового аппарата.

Финансовые идеи и попытки их осуществления на практике дорого стоили авторам. За свои труды были подвергнуты опале П. Буагильбер и маршал Вобан, отстранены от занимаемых постов А. Тюрго и Ж. Неккер. Финансовые основы феодальной Франции уже не могли быть изменены путем реформ. Только Великая французская революция утвердила новый финансовый строй государства. В значительной степени он сложился под влиянием податных теорий XVIII в. В этом был главный итог развития финансовой науки во Франции от П. Буагильбера до Ж. Неккера.

Сходным путем развивалась финансовая теория в России. В XVIII в. основные финансовые сочинения посвящались анализу существующих налогов и проектов реформ. В произведении И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (1724) рассматривались недостатки подворной и подушной систем обложения. Им был предложен вариант налоговой реформы, в котором поземельный налог становился основным (причем его должны были платить и дворяне). Предусматривалась замена различных сборов с торговли единым 10 %-ным сбором с цены. Как и во Франции, выдвигалось требование отмены государственной монополии на торговлю солью[16].

Вся Петровская эпоха дала значительный импульс развитию финансовой литературы. Многие современники И. Т. Посошкова (Ф. Салтыков, А. Курбатов, А. Нестеров и др.) писали сочинения, посвященные финансовым вопросам[17]. Но отличие их трудов от сочинения И. Т. Посошкова состояло в том, что целью реформ ставилось увеличение доходов казны.

Свидетельством роста финансовых знаний стало появление первых учебников финансовой дисциплины. Наиболее известные среди них принадлежали немецким авторам И. Юсти и И. Зонненфельсу. И у того и у другого финансовая наука входит в триумвират государственного домоводства, состоящего из благочиния (государственного права), торговли и финансов. Предметом финансов, по мнению авторов, служат государственные доходы[18]. Достоинством работ И. Юсти и И. Зонненфельса, получивших европейское признание, являлось систематизированное изложение финансового права и истории финансовой политики. Серьезными недостатками — невысокий (для второй половины XVIII в.) теоретический уровень, монархическая направленность сочинений и ощутимое влияние меркантилистской теории.

С научной точки зрения вряд ли правомерен вопрос о приоритете какой-либо национальной школы в развитии финансов. Тем не менее такие попытки делались, особенно часто в германской литературе. Со ссылкой на труды И. Юсти[19] и И. Зонненфельса уже в первой половине XIX в. Германия провозглашалась родиной финансовой науки[20]. Эту точку зрения, имеющую отголоски в современной литературе, следует отвергнуть. Труды И. Юсти и И. Зонненфельса действительно являются систематизацией финансовых знаний. Но развитие науки в рамках германской камералистики, теоретическая скудость и политическая реакционность указанных трудов не позволяют говорить о приоритете их авторов (и германской школы в целом).

4. Наука об управлении хозяйством

Уже на ранних этапах развития человеческого общества в экономической мысли существенную роль играют взгляды на организацию и управление хозяйством и производством. В большинстве работ, содержащих экономические идеи, рассматриваются вопросы организации управления хозяйством и производством. В то же время уже в древности появляются и специальные работы по организации управления различного рода объектами (иногда содержащими хозяйственную часть): государством (в целом), аппаратом государственных служащих, войском, внешней и внутренней торговлей, образованием и т. д. В этих работах, являющихся часто сборником советов по эффективной и рациональной организации управления, обсуждались различные вопросы управления, технология и процессы управления.

Начальный, наиболее длительный этап в развитии управленческой мысли, продолжавшийся до конца XVIII в., связан с выдвинутой впервые в Древнем Китае (VI в. до н. э.) социальной, политической и правовой теорией «естественного права». Согласно этой теории и развившемуся позже в Древней Греции учению эвдемонизма (учение о счастье), цель государства заключалась в «общем благе, счастье и совершенствовании общества». Прикрываясь подобного рода идеалистическими лозунгами, господствующий класс вмешивался практически во все дела общественной, хозяйственной и других сфер деятельности государства, а также личной жизни граждан. Указанные методологические основания породили концепцию так называемого полицейского государства: от древнегреческого понятия Πολιτεία, означавшего искусство городского (затем и государственного) управления и охватывавшего всю совокупность государственных мероприятий, осуществляемых в рабовладельческих и феодально-абсолютистских государствах.

В этот период большинство монархов отождествляли себя с государством и поэтому не было ни одной сферы жизнедеятельности, которой бы не коснулось (прямо или косвенно) вмешательство государственных чиновников, за которыми скрывались (в разные времена и в разных странах) фараоны, цари, богдыханы и т. п. По сути дела именно последние распоряжались экономическими ресурсами своих стран и претендовали даже на роль собственников всей земли, что приводило к многочисленным классовым конфликтам. Деспотическое вмешательство в экономическую жизнь нарушало ее нормальное развитие, ущемляло интересы даже господствующего класса, а тем более широких слоев населения, подвергавшихся невыносимому налоговому гнету.

В трактатах, появившихся за много веков до нашей эры, содержатся отдельные взгляды, мысли, а иногда и стройные системы взглядов на управление государственным хозяйством. В сочинениях древних мыслителей излагаются требования, наставления, пожелания правителям, реализация которых (в совокупности) обеспечит, по мнению их авторов, «процветание государств, благосостояние и безопасность всех граждан государств». Чтобы умело править, царю предписывалось изучать науку и искусство управления.

Развивалась управленческая мысль и в эпоху феодализма в Западной Европе (V — XVII вв.). Весь этот пери-

од характеризуется борьбой между крестьянской общиной и феодальным поместьем. Несмотря на то что само феодальное производство оставалось ручным и примитивным, многие проблемы и принципы рациональной организации и управления поместным хозяйством занимали ученых, мыслителей, религиозных деятелей, правителей, владельцев поместий и т. д.

В классическом средневековье (XI — XV вв.) усложняются вопросы организации и управления феодальным производством. Благодаря политике фиксации определенных повинностей (барщины и оброчных платежей) организация такого производства принимала устойчивый характер. В то же время пунктуальная система повинностей и платежей делала феодальное производство слишком громоздким, недостаточно эластичным и приспособленным к сезонным колебаниям. С целью маневрирования в управлении производством проводилась и другая политика — политика феодального произвола, гарантировавшая феодалам неограниченное право распоряжаться трудом крепостного крестьянина.

В начале XVII в. появились первые трактаты по государственному управлению (в духе полицейской деятельности) в Германии. Они имели откровенно теолого-библейское содержание. В этом смысле в них много общего с древнекитайскими работами, считавшимн императора наместником всевышнего. Однако в работах немецких ученых и практических деятелей есть специфика, обусловленная прежде всего экономическим базисом мелких государств Германии.

В XVIII в. наиболее известными «полицеистами» были француз де ла Мар[21] и уже упоминавшиеся И. Юсти[22] и И. Зонненфельс. В своих работах эти авторы пишут о причинах благосостояния государств, функциях государственного управления и мероприятиях по увеличению благосостояния и обеспечению безопасности государства. Все они являлись представителями меркантилизма.

Автор наиболее известного и обширного трактата И. Юсти полагал, например, что причины благосостояния кроются в естественных и экономических условиях государства, а также в духовном развитии его граждан. Следовательно, на это и должна быть обращена прежде всего деятельность государства (точнее, вниманне его правительства). Исходя из этого, Юсти перечисляет в первых трех частях своего трактата меры «по приспособлению земной поверхности к проведению каналов», строительст-

ву плотин, развитию лесного хозяйства, хлебопашества, скотоводства и т. п., по увеличению населения государства, по строительству дорог и развитию транспортных средств; меры по основанию различных промыслов, «рукодельных и заводских работ», по управлению сельским хозяйством, ремеслами, торговлей; рассуждает о деньгах, ценообразовании и финансовом «попечении народных промыслов»; оценивает связь науки с благосостоянием государства; характеризует «споспешествующие приращению наук учреждения»; предлагает меры по воспитанию и образованию детей и т. д. Эти вопросы составляют, по выражению Юсти, «умозрительное познание» науки благочиния. А для практического осуществления предлагаемых мер необходима еще IV часть —«деятельная», в которую Юсти включает вопросы исполнения и управления, государственного благочиния и благоустройства. В этой части излагаются требования к соответствующему законодательству, способы наблюдения за исполнением законов благочиния, организации «управления благочинных дел», вопросы организации административных органов и их функции.

В целом большинство первых трактатов, содержавших различного рода идеи и мысли по управлению, авторы которых стремились во всем разнообразии осветить полицейскую деятельность государства, не затрагивая его эксплуататорских основ, представляли собой механический набор сведений из политических, естественно-технических, экономических, юридических и других наук.

Одновременно с широкой трактовкой термина «полиция»— искусство государственного управления — существовали и более узкие по содержанию определения, разрабатываемые учеными разных стран. Причем из более чем 100 определений этого термина, известных к началу XIX в.[23], встречаются очень краткие, такие, как «полицейская деятельность (или благочиние) — это управление различными промыслами, согласно видам и намерениям государства»[24], и довольно пространные, такие, как «полиция есть женщина. Хотя еще ни один профессор не изъяснил существо ее, но она есть настоящая и единственная хозяйка государства. Лучшею хозяйкою почитается та, о коей никто не говорит, которую никто не видит и не замечает. То же самое бывает и с хозяйкою государства. Впрочем, она не должна смотреть на пересуды людские. Иному может казаться, что слишком много порядка, другому — что слишком мало оного; и какая хозяйка мо-

жет всем равно угодить, мужу, детям, служителю и соседям»[25].

В таком виде — чисто практической и эмпирической дисциплины — наука о полиции, содержащая своей частью «управление государственным хозяйством», находилась до конца XVIII в., когда начинается второй этап ее развития. Он был порожден прежде всего противоречиями жесткой деятельности полицейского государства. Ученые-государствоведы, опираясь на реальные факты и результаты исследований других наук (в первую очередь на философию и политэкономию), начали формулировать и отстаивать естественные права человека. От государства стали требовать, чтобы оно перестало рассматривать общество как пассивную массу людей, а признало неприкосновенным личное достоинство гражданина, его права и т. д. Прежнему «полицейскому государству» было противопоставлено «правовое государство». В качестве основного средства борьбы против полицейского государства буржуазия выбрала внеклассовое «догматическое право», которому должно подчиняться государство и которое гарантировало бы полную свободу личности от произвола администрации.

Влияние изменений в государственном управлении, а также указанных учений и доктрин на науку о полиции сказалось в том, что предмет этой науки существенно сузился, изменились ее категории. Прежде всего прежние названия полиции вообще и полиции благосостояния в частности утратили свое первоначальное значение. Полиция перестала охватывать все внутренние функции государства, а для обозначения всей совокупности последних стал употребляться термин «административная деятельность», или «внутреннее управление». Термин «полиция» сохраняется только для обозначения деятельности государства по обеспечению безопасности граждан и имуществ. Часто эта деятельность государства в научных трактатах о государственном управлении называется отрицательной деятельностью внутреннего управления, а положительная деятельность по своему содержанию стала соответствовать прежнему понятию полиции благосостояния.

Таким образом, наряду с формированием политической экономии начали складываться и конкретные экономические науки. Уже к концу XVIII в. бухгалтерский учет, статистика и финансы представляли собой в известном смысле системы знаний. Идет систематизация знаний и

в области управления хозяйством. Развитие конкретно-экономических наук было тесно связано с практическими потребностями хозяйствования. Генезис капиталистических отношений, который вел к усложнению экономических процессов на уровне не только отдельных предприятий, но и национальных хозяйств, требовал улучшения учета и организации производства. Вместе с тем на конкретно-экономические науки оказывали влияние и теоретические взгляды, развиваемые буржуазной политической экономией, особенно формирующейся классической политической экономией.

Раздел III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНТИФЕОДАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ДВИЖЕНИЙ

Глава 25

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Экономическая идеология крупной буржуазии

Определенное влияние на развитие экономической мысли оказали буржуазные революции. Революция в Англии в середине XVII в. была по своему значению первой буржуазной революцией «европейского масштаба»[1]. Ее можно считать началом Новой истории. Английская революция была вызвана быстрым разложением феодализма в условиях аграрного переворота. Перерождение части дворянства на буржуазной основе зашло настолько далеко, что в союзе с буржуазией она выступила против реакционного абсолютизма. В ходе революции буржуазия не проявила достаточного радикализма, открыто стремясь к компромиссу с земельными собственниками.

Английская буржуазия выступала под знаменем политики меркантилизма. В 1647 г. была разрешена беспошлинная торговля с колониями, если товары доставлялись туда на английских судах. В 1651 г. был издан Навигационный акт. Он запрещал каботажное плавание иностранных судов вдоль берегов Англии, а иноземные купцы могли прибывать в ее порты лишь с товарами своей страны. Закон укреплял монополию Англии на торговлю со своими колониями и ослаблял торговые позиции Голландии.

Блокируясь с дворянством, буржуазия уклонялась от решения аграрного вопроса. Партия индепендентов, руководимая Кромвелем, отказалась удовлетворить требования крестьянства о ликвидации наследственных держаний (копигольдов), прекращении огораживаний общинных земель и сгона крестьян с наделов. Был принят закон о распродаже земель архиепископа и епископов (1646), но при условии, что «старые и обычные ренты остаются в силе». Держателям таких земель давался (в случае продажи их) лишь 30-дневный срок на преимущественное их приобретение, причем с немедленной уплатой половины цены. В 1649 г. была декретирована распродажа церков-

ных земель ради пополнения казны. Тогда же последовал закон о распродаже королевских земель. С 1645 г. распродавались земли и сторонников короля. Однако все эти меры не затрагивали основных земельных владений лордов, в том числе и огораживателей.

Огораживания земель находили защиту Долгого парламента, который в 1641—1643 гг. издал специальные постановления об охране изгородей в ряде графств. Кромвель защищал лордов еще более решительно.

Английская буржуазия мирилась с сохранением дворянской собственности. Буржуазная революция не дала крестьянам земли, по существу взяв под охрану аграрный переворот. В Англии складывалась система лендлордизма с ее старым землевладением и свободной капиталистической арендой земли. В этом проявилась ограниченность Английской буржуазной революции.

Не желая бороться с феодальной собственностью, буржуазия все силы прилагала для охраны своих богатств. Деление на «мое и твое» признавалось священным, а частная собственность объявлялась «кормилицей трудолюбия и матерью доблести». Накануне революции буржуазные круги требовали от правительства свободы торговли и предпринимательства. В индепендентском проекте конституции («Пункты предложений, выдвинутые армией», 1647 г.) также имелись статьи об отмене монополий, устранении всех ограничений торговли, проведении реформы налоговой системы, упорядочении сбора десятины.

Защитником частной собственности выступал английский философ-материалист Томас Гоббс (1588—1679). В своей трилогии «Основы философии» («О теле», «О человеке», «О гражданине»), а также в сочинении «Левиафан» Гоббс утверждал, что государство — результат договора между людьми, которые до этого находились в «состоянии войны всех против всех». Но отдельные граждане добровольно ограничили свои права и свободу в пользу государства, задача которого — обеспечение мира и безопасности. Мыслитель превозносил роль государства, в котором видел абсолютного суверена. Гоббс считал частную собственность, установленную государством, благодетельной для общества, а производимый им раздел земель —«справедливостью и общим благом». Напротив, общинная собственность, по его мнению, порождает взаимную борьбу людей. Гоббс выводил причину конкурентной борьбы из эгоистической природы человека.

В трактате Гоббса «О гражданине» впервые в западноевропейской мысли появляется идея о заработанности и правомерности всякого частного богатства. Это представление содержит в себе элементы трудовой теории стоимости. Гоббс уже в первой половине XVII в. обратил внимание на внутреннюю связь стоимости и труда. Труд у него, заметил К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», есть «единственный источник всякого богатства, если не считать тех даров природы, которые существуют в годной для немедленного потребления форме»[2].

Большинство деятелей Английской революции выступали против какого-либо ограничения частной собственности. К ним принадлежал и Генри Айртон (1611—1651), один из лидеров буржуазно-дворянского блока, близкий соратник Оливера Кромвеля. Он был непримиримым противником общности имущества. Как и другие умеренные индепенденты, Айртон боялся радикального изменения государственного строя Англии. Начавшаяся революция представлялась ему лишь борьбой против произвола короля. Кромвель, Айртон и другие лидеры революции всячески защищали тезис о том, что любая форма государственной власти имеет право на существование, если она обеспечивает безопасность свободы и собственность подданных.

Идеологическим оружием индепендентов стали и многие произведения великого английского поэта Джона Мильтона (1608—1674). В истории общественной мысли Мильтон известен как сторонник теории «народного суверенитета». С ее помощью он стремился обосновать борьбу с абсолютизмом и необходимость казни короля. Отражая интересы буржуазии и нового дворянства (джентри), Мильтон находился на умеренных позициях в отношении крупной земельной собственности. Он был обеспокоен ростом последней в годы революции. Но Мильтон не поддержал идею ограничения роста земельных владений буквально накануне реставрации монархии Стюартов.

Одним из крупнейших мыслителей периода буржуазной революции был Джеймс Гаррингтон (1611—1677). В начале революции, подобно деятелям парламентского лагеря, Гаррингтон верил в возможность превращения абсолютистской монархии в буржуазную. Но после 1649 г. его политические взгляды изменились: он становится республиканцем, противником восстановления монархии. Среди республиканских друзей Гаррингтона был и будущий великий экономист и статистик Уильям Петти.

В своем главном сочинении «Республика Океания» (1656) Гаррингтон отстаивал идею, что именно собственность является основой государственности. Гаррингтон пытался доказать зависимость существующих государственных форм (монархии, аристократии, демократии), законов, морали, церкви от соответствующего распределения собственности между королем, знатью и народом, которое он назвал «балансом собственности». До XVI в. в Англии господствовал «готический (т. е. феодальный) баланс собственности». Но затем в результате перемещения земельной собственности в руки джентри и зажиточных крестьян — йоменов появился «народный баланс собственности», которому соответствует республиканская форма правления.

Чтобы обеспечить «народный баланс собственности», Гаррингтон предлагал провести аграрный закон, ограничивающий крупную земельную аристократию — с годовым доходом более 2 тыс. ф. ст. Предлагая государственную регламентацию лендлордизма, Гаррингтон одновременно выступил противником уравнения собственности, общности имущества. Последнее превратило бы государство в воздушный замок. Он считал трудолюбие важным средством накопления богатства, а «накопление ненавидит уравнение».

2. Экономические взгляды мелкобуржуазных кругов и социальных низов. Утопический социализм Дж. Уинстэнли

В ходе революции выделилось буржуазно-демократическое течение левеллеров (или «уравнителей»). Лидером этого движения был Джон Лилберн (ок. 1614—1657), вышедший из среды мелкопоместных дворян, но ставший на сторону народа, активный участник революции и гражданских войн. Его соратниками были Ричард Овертон, Уильям Уолвин, Томас Принс, Джон Уайльдмани и др. Их программа излагалась в ряде коллективных документов. К ним относятся петиция Долгому парламенту (15 марта 1647 г.), ее уточнение под названием «Дело армии, правильно обоснованное» (15 октября 1647 г.), проект демократической конституции, или «Народное соглашение» (осень 1647 г.), памфлет «Кнут для существующей палаты лордов», новая петиция 16 сентября 1648 г., «Манифест» (14 апреля 1649 г.), брошюра «Соглашение свободного народа Англии» (1 мая 1649 г.). Лилберн

опубликовал также целый ряд острополитических памфлетов, в том числе «Защиту прирожденного права Англии» (1645), «Разоблачение новых цепей Англии» (февраль — март 1649 г.).

Левеллеры представляли интересы части крестьянства (йоменов), ремесленников, мелких буржуа, а также отдельных мелкопоместных представителей нового дворянства. Лилберн и его сторонники выступали за «народное соглашение», согласно которому волеизъявление всего народа должно стать источником образования государства. Они требовали полного равенства мужского населения Англии в избирательных правах независимо от имущественного положения. Но левеллеры подчеркивали свою приверженность частной собственности. Они поддержали распродажу епископских, церковных и королевских земель, но не покушались на земли лордов, поскольку считали их обычной формой частной собственности. Левеллеры требовали отмены взимания церковной десятины, снижения налогов, ликвидации акцизов и долговых тюрем, провозглашения свободы торговли и уничтожения монополий.

В 1647—1649 гг. в лагере левеллеров произошел раскол, обособились «истинные левеллеры», или диггеры («копатели»). Это были идеологи безземельных, пролетарских слоев города и деревни, выдвинувшие наиболее радикальную программу преобразования английского общества. Диггеры решительно выступили против огораживаний, отстаивали общинные земли. В апреле 1649 г. около одной из деревушек графства Суррей они заняли обширную пустошь и начали ее распашку. Колония, которую возглавлял Дж. Уинстэнли, просуществовала около года.

Джерард Уинстэнли (1609 — после 1652) родился в семье торговца, сам занимался мелкой коммерцией, а разорившись около 1643 г., стал работать по найму. С середины 40-х годов он начал проповедническую деятельность, стал идеологом диггеров. В конце 40-х годов появился целый ряд программных документов и памфлетов, где излагались требования диггеров.

Диггеры, обращаясь «ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии», выражали недовольство чисто политическими преобразованиями и требовали удовлетворить экономические нужды социальных низов. Уинстэнли выдвигал тезис о первоначальном равенстве и исконной свободе людского рода, историческом приоритете общин-

ной собственности на землю над частной. Частная собственность была, по его мнению, причиной рабства. Мыслитель считал неправомерными привилегии, полученные лордами от Вильгельма Завоевателя (XI в.), резко критиковал политику огораживаний. Диггеры призывали бедноту совместно обрабатывать общинные выгоны и пустоши, отказываться от покупки или аренды земель лордов, работы по найму и даже покупки продуктов.

Содержание памфлетов Уинстэнли и других документов диггеров 1649 г. показывает, что их идеи выходили за рамки антифеодальной борьбы за землю. Лидер движения прямо требовал «заложить основание превращению земли в общую сокровищницу для всех, для богатого, как и для бедного, чтобы каждый родившийся в стране мог бы кормиться от своей матери-земли, которая вырастила его согласно с разумом, правящим во творении, не вкладывая какую-либо часть в чью-либо одну руку, но все, как один, работая вместе и питаясь совместно, как сыновья одного отца, как члены одной семьи, и ни один не будет господствовать над другим»[3].

Диггеры отражали интересы деревенской бедноты и пролетарских слоев, пострадавших от потери общинных земель. Они требовали углубления революции, возрождения общинной собственности на землю, отрицали частное землевладение и эксплуатацию человека человеком, пытались на практике осуществить свои проекты. Однако в платформе диггеров имелось много противоречий. Выступая за углубление революции, они обращались к мирным средствам, настаивали на возврате общинных земель. Между тем свободная сельская община давно распалась, а аграрный переворот уничтожал и принципы общинного землепользования. Эгалитарные идеи диггеров в условиях роста капитализма делали их позитивную программу утопической. Но программа борьбы с феодализмом под знаменем социального равенства и «божьей земли» содержала реальные требования. Как писал В. И. Ленин, «крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма»[4].

Особого внимания заслуживает книга Дж. Уинстэнли «Закон свободы, изложенный в виде программы, или Восстановление истинной системы правления», изданная в 1652 г., где обстоятельно излагался проект будущего общества, в условиях которого все материальные богатства (включая землю) станут общим достоянием «всех се-

мейств», продукты будут храниться на общественных складах и выдаваться каждой семье. В этом обществе сохранялось индивидуальное жилище, гарантировалось личное имущество. Сырье можно получать с общественных складов, но и продукцию следовало сдавать туда. Для надзора над производством и управлением предусматривалось создание администрации. Изобретательство должно было поощряться наградами. Праздность в таком обществе осуждалась и даже наказывалась. Молодежь необходимо было обучать ремеслу и выполнению сельскохозяйственных работ. Рабство допускалось лишь в качестве наказания для преступников. Осуществить все это предлагалось с помощью парламента, который должен отменить старое законодательство, «разбить узы тирана», освободить народ от тягот, отменить все сделки купли-продажи земель, конфискованных во времена революции, объявить продавцов и покупателей «врагами мира и свободы». Парламент должен пригрозить казнью тем, кто будет продавать или покупать земельные участки или плоды с них, а тем, кто называет землю своей собственностью,— рабством на год и позорным столбом. Предусматривался запрет и наемного труда, чеканки монеты, всякой купли-продажи, частной торговли с иностранцами. Только само общество могло вести внешнюю торговлю. Уинстэнли предсказывал изобилие продуктов, уменьшение затрат труда. Тогда всякий «сможет наполнять свой дом, как он пожелает», отпадет нужда в ссудах. Новое общество заставит «ленивых людей быть трудолюбивыми... не будет ни нищих, ни тунеядцев»[5].

В условиях ломки феодализма и формирования капитализма проекты Уинстэнли были утопическими. Однако в отличие от более ранних утопистов (Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы) Джерард Уинстэнли выступает как практический реформатор, видящий в создании «общества равных» конечную цель революции. Обращаясь к Кромвелю, он пишет: «Поскольку власть над землею находится в Ваших руках, Вы должны сделать одно из двух: либо, первое, освободить землю для угнетенного простого люда... Либо, второе, Вы должны только изъять власть завоевателя из рук короля и передать ее в руки других лиц, по-прежнему соблюдающих древние законы, и тогда Ваша мудрость и честь будут утрачены навсегда и Вы либо погубите себя, либо положите основание величайшему рабству для потомства, какое Вы когда-либо знали»[6]. Уинстэнли добивается углубления происходящего в стране

революционного процесса, хочет распространить его и на отношения собственности. Являясь одним из ранних социалистов-утопистов, Уинстэнли в своем «Законе свободы» связывает коммунистические идеалы с обществом, свободным от нужды.

Глава 26

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Выдающуюся роль в истории общественной мысли сыграла буржуазная революция во Франции конца XVIII в. Ее грандиозные события (1789—1794) не только сокрушили феодальный строй в самой Франции, но и потрясли его основы в других странах Европы. Ф. Энгельс подчеркивал, что во Франции «философская революция предшествовала политическому перевороту»[1]. В период идеологической подготовки Великой революции и в ходе ее интенсивно развивалась экономическая мысль Франции, вершиной которой стала теория физиократов. Однако в ходе исторических событий сформировалось и выдвинулось на первый план революционно-демократическое направление общественной мысли, которое упорно игнорируется буржуазными авторами. В рамках этого направления оформилась и идеология французского утопического коммунизма.

1. Уравнительный коммунизм Мелье, Морелли и Мабли

Одним из наиболее ярких представителей революционно-демократического направления общественной мысли Франции предреволюционного периода был Мелье.

Жан Мелье (1664—1729) родился в семье деревенского ткача в провинции Шампань. С 1689 г. и до конца своих дней он исполнял обязанности кюре. Мелье стал автором знаменитого «Завещания», которое было адресовано крестьянам его прихода, французскому народу. В этом обширном произведении мыслитель выступил как непримиримый критик феодализма.

Первым злом Мелье считал неравенство между различными сословиями, в результате чего одни люди как бы специально родились для господства, а другие — для рабства, нищенства, тяжелого труда. Мелье считал, что «все люди равны от природы», имеют одинаковое право жить, пользоваться свободой и долей в земных благах, но все они должны трудиться. Второе зло, по мнению Мелье,— это существование бесполезных людей в лице нищих и богатых бездельников. Третьим злом он считал то, что «люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах»[2].

Как критик старого режима Мелье оказался на голову выше физиократов, которые мирились с абсолютизмом и стремились спасти дворянское землевладение. Отрицая монополию дворян на землю, мыслитель негативно относился ко всякой собственности вообще. Предстоящее крушение феодализма он воспринимал как торжество всеобщего равенства и братства. На мировоззрение Мелье оказали влияние патриархальные идеи равенства крестьянства. Он представлял идеальное общество как добровольный союз сельских общин и городских приходов, в которых люди сообща трудятся, питаются, воспитывают подрастающее поколение. Основной ячейкой такого общества должна была быть небольшая патриархальная сельская община.

Революционно-демократические идеи предреволюционной Франции нашли отражение и в сочинениях Морелли. К сожалению, биография мыслителя неизвестна. В 1753 г. он опубликовал под псевдонимом большую поэму «Крушение плавающих островов, или Базилиада Пильнайская», а в 1755 г. Морелли опять аионимно издал в Амстердаме любопытное сочинение —«Кодекс природы, или Истинный дух ее законов».

Морелли утверждал, что мудрая природа заставляет людей (в силу одинаковости чувств и потребностей) «понять равенство их состояний и прав», необходимость общего труда. Отсюда тяготение людей к обществу, их склонность к оказанию взаимопомощи. Задача должна состоять лишь в том, чтобы «сообразовать правила искусства с процессами природы», регулировать права и обязанности каждого соответственно принципу равновесия, соотношения частей и целого. Представлению Морелли об обществе как ассоциации людей предстояло большое будущее во многих концепциях утопического социализма.

Морелли считал, что для равного распределения продуктов необходима перепись населения. Все продукты проектировалось хранить в общественных магазинах и ежедневно распределять среди всех граждан, а скоропортящиеся отправлять на общественные рынки и проводить с ними ту же операцию. В случае недостатка продуктов рекомендовалось приостанавливать их распределение, а при избытке направлять туда, где наблюдалась нехватка, или откладывать в запас для будущего. Купля-продажа исключалась. Допускалась только внешняя торговля, но с достаточным соблюдением предосторожностей, чтобы такая торговля «не занесла бы в республику ни малейшей собственности»[3].

Морелли планировал выделение для каждого города определенной территорин и создание корпуса молодежи (в возрасте от 20 до 25 лет) для занятия земледелием. Он предлагал регламентировать жизнь человека: до 5 лет ребенок должен жить в семье, затем воспитываться в детском доме, а с 10 лет каждому подростку необходимо обучаться избранной профессии, в 15—18 лет — жениться, в 20—25 лет — работать в земледелии, и только в 26 лет он может претендовать на звание мастера, а при перемене профессии — лишь в 30 лет. По достижении 40-летнего возраста всякий мог избрать любую профессию. Только изобретатель имел право получить звание мастера в любое время. Организация труда становилась бы делом мастеров, каждый из них должен был руководить 5—10 товарищамн по работе, но общее распределение работ рекомендовалось передать старшинам каждой профессии. Больные и старики освобождались от работы, получая содержание за счет общества. Морелли предусматривал введение четырехдневной рабочей недели[4].

Мыслитель выступал за отмену частной собственности на землю, но предполагал сохранение собственности на предметы личного потребления и даже частной собственности на орудия ручного труда: молотки, лопаты, топоры, пилы и т. д. Однако Морелли полагал, что общество должно со временем искоренить частнособственнические инстинкты граждан. Священным законом нового строя должно стать право всех граждан на труд. С этим тесно связан другой социалистический принцип Морелли — обязанность всех членов общества трудиться и приносить общественную пользу в соответствии со своими знаниями и способностями.

Идеи уравнительного социализма нашли отражение и в трудах Габриэля де Бонно де Мабли (1704—1785). Аббат Мабли был выходцем из дворянской семьи. О его экономических взглядах можно судить уже по его трактату «О правах и обязанностях граждан», написанному в 1758 г., а также полемическому сочинению против физиократов под названием «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ» (1768).

В 1776 г. появилось главное сочинение Мабли «О законодательстве, или Принципы законов», написанное в форме диалога. В нем англичанин защищал доктрину меркантилизма, а швед отстаивал взгляды Мабли. Двойник мыслителя заявлял, что счастье не бывает печальным или утомительным, его следует искать не в банках и в магазинах заграничных товаров, а у спартанцев, гордых своей бедностью, умеренностью и храбростью. Ведь философ счастливее владельца богатого дворца. Пагубно накапливать богатства и подчинять себе соседей, спасать эти богатства с помощью долгов и войн. Мабли подчеркивал, что торговля доставляет англичанам много богатства, но делает их жадными и несправедливыми, порождает коррупцию и тиранию. Только в условиях бедности можно воспитать граждан.

По мнению Мабли, земля дает лишь ограниченное количество богатств и претензии богачей на удовлетворение неограниченных потребностей неправомерны. Природа «не создавала ни богатых, ни бедных», из ее рук люди вышли в состоянии «совершенного равенства», она дала всем им одинаковые потребности. Поэтому предоставляемые ею блага принадлежат всем. Между тем «труд, удручающий земледельца, был бы лишь сладостным развлечением, если бы его разделяли все люди». Если «плоды земли принадлежат только тем, кто их выращивает», то это, по мнению Мабли, лучшее средство врачевать общественные недуги[5]. Мабли предлагал обуздать две господствующие страсти: жадность и тщеславие. Он стремился сохранить частную собственность, но советовал постепенно уменьшить имущественное неравенство с помощью ограничения производства и торговли, установления максимума земельных владений, введения законодательства против роскоши, устранения неравномерного раздела имущества по завещаниям. Мыслитель предлагал перейти к натуральным налогам и ввести трудовую повинность.

Мелье, Морелли и Мабли были идеологами класса — предшественника современного пролетариата. «Аскетически суровый, спартанский коммунизм,— подчеркивал Ф. Энгельс,— был первой формой проявления нового учения»[6]. Мыслители предлагали конкретные формы наделения трудящихся землей: либо путем введения общей собственности с предоставлением равного землепользования, либо посредством ее перераспределения. Не случайно, характеризуя определенную стадию в развитии социалистической мысли до постановки проблемы о коллективном общественном производстве, В. И. Ленин ввел понятие «социализм равенства»[7].

2. Французские просветители и энциклопедисты

Предреволюционный период во Франции помимо идеологов уравнительного коммунизма выдвинул целую плеяду мыслителей, представлявших интересы буржуазии. Просветители жили в эпоху, когда все общественные вопросы сводились к борьбе с феодализмом. Капиталистические отношения во Франции «были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось... они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»[8].

Видным представителем французского Просвещения был Шарль Луи Монтескье (1689—1755), родившийся в дворянской семье в Бреде, близ Бордо. Его главный труд «О духе законов» (1748) представляет собой своеобразное энциклопедическое сочинение, над которым он работал более 20 лет.

Монтескье очень своеобразно трактовал роль экономического фактора общественного развития. Производство — один из факторов, определяющих развитие общества. Огромную роль в истории человечества играл географический фактор. В труде «О духе законов» ему посвящен ряд книг и глав. «Власть климата сильнее всех властей»,— подчеркивал мыслитель. Естественная среда формирует нравы и законы конкретного общества. «От различия в потребностях, порождаемого различием в климатах,— утверждал Монтескье,— происходит различие в образе жизни; а от различия в образе жизни происходит различие в законах»[9]. Монтескье заметно переоценивал

роль географического фактора. Свойства естественной среды оказывают определенное воздействие на общество лишь в той степени, в какой они оказывают влияние на развитие производительных сил.

Монтескье высказывал замечательную идею о том, что «законы находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых народ добывает себе средства к жизни»[10]. Но под «способами» он подразумевал охоту, скотоводство, земледелие, торговлю, а конкретно-исторический способ производства считал по существу порождением географической среды. Монтескье критиковал идеи физиократов о том, что богатство страны целиком зависит от богатства ее природных условий. В XVIII книге «О духе законов» мыслитель отмечал, что плодородие почвы не дает еще высокоразвитого земледелия: для этого необходимо трудолюбие.

Монтескье выступал за развитие промышленности и торговли, против феодальной замкнутости. Он разделял многие идеи меркантилизма, уделяя главное внимание проблемам обращения. Так, источником прибыли Монтескье считал продажу товаров по более высоким ценам. Если Франция, по его мнению, будет больше продавать товаров, то она превратится в самую богатую страну. Рост количества благородных металлов в стране — одна из главных задач цивилизации, а это обеспечивается развитием внешней торговли. В этой связи мыслитель восхвалял Англию, политика которой определялась интересами внешней торговли. Он видел в торговле могучий фактор общения между народами, фактор, склоняющий людей к миру.

Монтескье являлся одним из создателей количественной теории денег, согласно которой величина стоимости определяется количеством денег, находящихся в сфере обращения. Критикуя эту концепцию, К. Маркс подчеркивал, что она исходит из абсурдного предположения, что «товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответственную часть металлической груды»[11].

Одним из видных деятелей французского Просвещения был Вольтер (1694—1778). Франсуа Мари Аруэ, с 1718 г. именовавший себя Вольтером, родился в семье чиновника казначейства, купившего себе дворянский титул.

В центре этической доктрины Вольтера был человек. Но любовь человека к самому себе не должна превращать

его в эгоиста. «Любовь к нам самим,— подчеркивал мыслитель,— это основа любви к другим; мы полезны роду человеческому через наши взаимные потребности — это основание всякого общения, это вечная связь людей»[12]. Вольтер утверждал, что без этого не было бы изобретено ни одного ремесла и не образовалось бы человеческое общество.

Придерживаясь традиционного разделения зла на физическое (болезни, увечье, смерть) и моральное, Вольтер включал в понятие последнего насилие, жестокость, несправедливость, угнетение. Высшим моральным злом мыслитель считал войну. Главный герой философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) долго гонялся за миражем благополучия. Но в конце истории Кандид встретил трудолюбивого турецкого крестьянина, который выразил свое жизненное кредо так: «Работа гонит от нас три великих зла: скуку, порок и нужду»[13]. И Кандид приходит к выводу, что надо возделывать свой сад. Так Вольтер выдвинул принцип активной деятельности человека по улучшению условий своей жизни — меморизм. Не случайно он подчеркивал, что подлинное богатство страны — «в изобилии товаров, в производстве и труде»[14].

Вольтер отрицал правомерность существования феодальной собственности, зато защищал частную собственность буржуазии как естественную и справедливую форму владения результатами труда людей. По мнению Вольтера, отсутствие частной собственности — свидетельство неразвитости производства. Мыслитель не видел связи между институтом частной собственности и социальными антагонизмами. Ему представлялось, что в будущем люди «будут свободно продавать свой труд тому, кто лучше заплатит. Эта свобода заменит им собственность. Их будет поддерживать прочная уверенность в справедливой заработной плате»[15].

Особое место в истории Просвещения занимает Жан-Жак Руссо (1712—1778), ставший идейным отцом многих французских революционеров. В поисках заработка сын женевского ремесленника скитался по Швейцарии и Франции, был слугой, музыкантом, переписчиком нот... Огромное влияние на формирование идей этого гениального самоучки оказала окружающая его действительность, мир сословного неравенства и эксплуатации, нужды и бедствий народа. Отсюда антифеодальная и антибуржуазная направленность мировоззрения мыслителя.

В теоретическом наследии Руссо экономическим идеям принадлежит значительное место. Его занимали многие вопросы, но центральной была проблема неравенства людей. Отсюда его огромный интерес к частной собственности.

В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) Руссо рассматривал развитие общества как процесс возникновения и разрешения его внутренних противоречий. В условиях первобытного «естественного состояния» общество не знало неравенства и социальных противоречий. Пришедшее ему на смену гражданское общество было полным отрицанием предшествующего этапа эволюции. В новом обществе появились бедные и богатые, меньшинство получило возможность жить за счет труда угнетенного народа.

«Первый, кто, огородив участок земли,— отмечал Руссо,— придумал заявить: «Это мое!»— и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества»[16]. Но эти слова не более как литературный прием. Объективные причины возникновения частной собственности были более глубокими. «Нужно было достигнуть немалых успехов,— подчеркивал Руссо,— приобрести много навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния». Более того, в поиске причин возникновения неравенства мыслитель по существу указывал на прогрессивное развитие производительных сил. «Искусство добывания и обработки металлов и земледелие,— отмечал Руссо,— явились теми двумя искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот. Золото и серебро — на взгляд поэта, железо и хлеб — на взгляд философа — вот что цивилизовало людей и погубило человеческий род»[17]. В этом можно увидеть первую, пусть даже несколько примитивную, попытку материалистического толкования общественных явлений. Руссо четко выразил идею социально-экономического прогресса. При всех своих симпатиях к первобытности мыслитель осознавал невозможность обратного развития. С другой стороны, гражданское общество с его неравенством и противоречиями лишь необходимый этап в развитии человечества. Не случайно в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс отметил, что «учение Руссо в первом своем изложении почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалекти-

ческого происхождения»[18]. Энгельс подчеркивал, что в самом возникновении неравенства Руссо видел прогресс, понимая его антагонистический характер. Руссо писал, что на радующей глаз ниве «были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета»[19].

Каков же социальный идеал Руссо? Прежде всего мыслитель сделал вывод о необходимости переворота, вооруженного выступления народа против своих поработителей. На такую постановку проблемы обратил внимание Ф. Энгельс: «Таким образом, уже у Руссо имеется... рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале»...»[20]. Однако диалектическая идея Руссо об уничтожении социального неравенства и возрождении равенства осталась неразвитой. Мыслитель так и не пришел к идее преодоления частной собственности — основы неравенства. Как бы отступая от своих главных методологических принципов, Руссо заявил, что «право собственности — это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода». Он считал, что сложившиеся формы собственности преодолеть трудно, но их можно регулировать.

Руссо полагал, что новое государство «общественного договора» связано с определенными утратами и приобретениями гражданина. При этом индивид имеет естественное право на все то, что он лично заработал и что ему необходимо. Поэтому «все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере», но таким образом, что «ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один — быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать». В чем же суть «одинаковой меры» эгалитаризма Руссо? Мыслитель не был сторонником полного равенства, поскольку «существование такого равенства нельзя допустить даже в порядке предположения, ибо оно не заключается в природе вещей...»[21]. Эгалитарное общество Руссо не может и не должно до конца преодолеть неравенство. Дело в том, что мыслитель понимал равенство как некое выравнивание неравенств, при котором сами по себе отомрут и эксплуатация и бедность. Так в концепции Руссо мы видим стремление санкционировать любую буржуазную собственность, но при условии сохранения (и даже реставрации) мелкобуржуазного уклада. Здесь отчетливо проступают иллюзии Руссо относительно возможности спасти мелкого буржуа от пролетаризации за счет ограничения крупного

капитала, а также стабилизации дофабричных форм производства.

В эгалитарном обществе Руссо возможна и государственная собственность. В отличие от чисто буржуазных мыслителей он рассматривал собственность как право, объем пользования которым должен регулироваться демократическим государством. В «Проекте конституции для Корсики» (1765) он советовал заключать частную собственность «в более тесные пределы, дать ей меру, принципы, узду, которая бы ее сдерживала, направляла, ограничивала ее рост и которая бы держала ее всегда в подчинении к общественному достоянию». Стремление Руссо подчинить собственность граждан «общему благу», всячески ограничивая ее частный характер,— другая существенная черта его концепции эгалитаризма. Он хотел, «чтобы право собственности государства было сколь возможно большим и сколь возможно незыблемым, а право собственности граждан сколь возможно малым и непрочным»[22]. Руссо продолжал защищать мелкую трудовую земельную собственность, стремясь предотвратить ее рост или разложение. В связи с этим он предлагал принять аграрные законы, ограничивающие размер земельных участков. Помимо регламентации земельной собственности Руссо проектировал свести до минимума торговлю, налоги заменить трудовыми повинностями и т. д. и т. п. Но он подчеркивал: что возможно для Корсики, может оказаться неприемлемым для крупного государства.

Одним из ярких представителей французского Просвещения был Дени Дидро (1713—1784) — философ, писатель, прославленный редактор и издатель «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», в которой приняли участие крупнейшие прогрессивные мыслители и ученые тогдашней Франции. Он родился в г. Лангр в семье зажиточного ремесленника, окончил Парижский университет (1732), получив звание магистра искусств.

«Всякая экономия человеческого общества,— подчеркивал Дидро,— опирается на следующий простой и общий принцип: я хочу быть счастливым, но я живу с другими людьми, которые, как и я, каждый со своей стороны хотят быть счастливыми...»[23] Личный интерес индивида — основа всех его действий на пути к счастью. Чтобы интересы личности не сталкивались с интересами общества, необходимы перестройка системы управления и издание новых законов. В новых условиях эгоизм, совпадающий с общественным интересом, станет великим началом.

Дидро полагал, что беды людей не от цивилизации, а от ее извращений. «Мы получаем от природы,— полагал мыслитель,— лишь одинаковую с другими существами организацию, те же самые потребности, что и у других, стремление к тем же самым удовольствиям и боязнь тех же самых страданий: вот что делает человека тем, что он есть...»[24] Именно общий интерес всех людей к удовольствию — во всех его проявлениях — основа совершенствования цивилизованного общества.

В поисках социального идеала Дидро «увлекся» обществами, не знающими господства частной собственности и сословного неравенства. Так, в статье «Законодатель» он с восхищением описывал общественный строй Перу с его общностью имуществ. Лучшими в стране были дни, «когда обрабатывалось общественное поле, поле старика или сироты: каждый гражданин трудился для всех граждан, вносил плоды своего труда в государственные амбары и в награду получал плоды трудов других граждан». В «Добавлениях к «Путешествию Бугенвилля»» Дидро с симпатией отнесся к порядкам на острове Таити. «Знаешь ли ты,— спрашивал Дидро устами таитянина,— более надежное правило, чем общее благо и частная выгода?» Мыслитель подчеркивал, что на острове «работа и жатва производились... сообща. Слово «собственность» имело там ограниченный смысл»[25]. Смелые выпады Дидро против частнособственнического общества не помешали ему выступить сторонником свободной торговли.

Дидро занимали и политэкономические проблемы. По его мнению, существуют два истинных богатства — человек и земля. Богатство общества определяется не только численностью населения, но и его нравами. Дидро полагал, что способности людей раскроются, если они станут свободными. Мыслитель советовал беречь и охранять детство. Он отдал дань физиократической теории, ставя труд земледельца на первое место. Дидро предлагал уменьшить число слуг и рабочих, занятых производством роскоши. Однако он не разделял концепцию физиократов о «чистом продукте». Мыслитель считал, что наемный труд тогда эффективен, когда «прибыль превосходит затраты на заработную плату». Дидро ошибочно сводил издержки производства к оплате труда. Но он все же полагал, что «богатство нации — это доход от суммы ее трудов сверх затрат на заработную плату», т. е. не сводил это понятие к «чистому продукту» в земледелии. При этом мыслитель оговаривался, что если в стране есть пустующие земли, то

«человек не может быть без убытка занят в мануфактуре». Несмотря на определенные уступки физиократам, Дидро считал, что промышленность все же имеет «чистый доход», но в условиях развитого сельского хозяйства. «Чем более велик чистый доход,— подчеркивал мыслитель,— и чем более равно он поделен, тем лучше управление»[26]. Таким образом, Дидро поставил проблему регулирования доходов. Мыслитель не только приветствовал идеи равенства имуществ, но и выступил за равное распределение прибавочного продукта. Эгалитарные идеи Дидро, а также Руссо оказали влияние на формирование идей утопического социализма.

Видным деятелем французского Просвещения был Клод Адриан Гельвеций (1715—1771) — один из крупнейших представителей утилитаризма XVIII в. Он утверждал, «что удовольствие и страдание суть единственные двигатели мира», а «самолюбие есть единственное основание, на котором можно построить фундамент полезной морали». Мыслитель считал, что человек любит в добродетели только доставляемые ею богатства и уважение. Отсюда стремление соединить добродетель с личным интересом, но таким образом, чтобы она стала выгодна личности. С другой стороны, «если хочешь поступать честно, принимай в расчет и верь только общественному интересу»[27]. Во имя общественной пользы можно подавить интересы отдельных лиц и сообществ. Утилитаристские идеалы Гельвеция разделял Поль Анри Гольбах (1723—1789). По его мнению, существенной особенностью поведения человека является стремление к самосохранению, личному благу, удовлетворению эгоистических интересов.

Подчеркивая заслуги французских просветителей, К. Маркс отмечал, что «принцип полезности не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века»[28].

3. Экономические воззрения якобинцев

Всю тяжесть революционной борьбы вынесли на своих плечах народные массы. Возглавляли ее в 1793—1794 гг. якобинцы. В. И. Ленин говорил, что якобинский Конвент был «именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты», в нем господствовала всецело и безраздельно не крупная или

средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат и крестьянство»[29].

Якобинцы выдвинули целую плеяду выдающихся политических деятелей революции (Робеспьер, Марат, Сен-Жюст, Дантон и др.), под руководством которых были нанесены решающие удары внешним и внутренним врагам революции. 17 июля 1793 г. якобинский Конвент издал декрет о безвозмездном и полном уничтожении феодальных прав дворянства, ускорил распродажу эмигрантских земель и значительно демократизировал ее. Следуя заветам Руссо, якобинцы допускали широкое вторжение в буржуазную собственность. Не покушаясь на сам принцип частной собственности, они шли весьма далеко в его ограничении. Так, якобинцы таксировали цены и казнили спекулянтов, а 11 сентября 1793 г. они декретировали второй «максимум цен» на продовольствие. Все зерно, остающееся после покрытия личных потребностей семьи земледельца, подлежало конфискации. Наконец, 29 сентября 1793 г. Конвент издал декрет о «всеобщем максимуме», распространив таксацию на все предметы первой необходимости. Чтобы переложить государственные расходы на богатых, якобинцы добились 20 марта 1793 г. принципиального решения Конвента о принудительном займе, который рассматривался как «прогрессивный и пропорциональный налог на роскошь и имущество» (движимое и недвижимое). С другой стороны, создавались «революционные классы благотворительности» для бедных санкюлотов[30].

Лидером якобинцев был Максимилиан Робеспьер (1758—1794), родившийся в семье адвоката, принадлежащего к «дворянам мантии». Позднее он сам стал заниматься адвокатской деятельностью.

Считая, что равенство имуществ — химера, Робеспьер проявил большой радикализм в вопросе о буржуазной собственности. Он допускал далеко идущее ее ограничение в интересах народа и особенно революции. Право собственности «не может наносить ущерба безопасности, свободе, существованию собственности других людей». Робеспьер осуждал тех защитников собственности, которые понимали под ней право разорять и душить своих ближних, а любую регламентацию торговли изображали посягательством на собственность. Он призывал не отнимать у богачей «честной прибыли» и «законной собственности», а стремиться уничтожить «не торговлю, а грабеж монополиста», спекулянта или перекупщика. «Если богатые фер-

меры хотят быть пиявками народа,— заявлял якобинец,— мы их выдадим самому народу»[31].

К левому крылу якобинцев принадлежал Жан-Поль Марат (1743—1793), родившийся в Швейцарии в семье учителя. Выступая за уничтожение нищенства, Марат в 1790 г. предложил муниципалитету Парижа организовать мастерские и даже крупные мануфактуры с применением новейших английских машин. С 1793 г. выступления Марата становятся еще более радикальными. Он печатает статьи, отражающие борьбу парижской бедноты за таксацию цен и углубление революции. В одной из них Марат доказывал, что капиталисты, скупщики, монополисты, торговцы предметами роскоши, бывшие дворяне и т. п. не в состоянии «добросовестно содействовать установлению царства свободы и равенства», а потому нет другого способа, как очищение «страны от этой преступной породы». В то же время Марат предлагал за счет состоятельных граждан сделать закупки продовольствия за границей и, сбывая его по закупочным ценам, нанести удар по спекуляции. Но в стране, где господствуют плуты, это невозможно. «Народ поймет, наконец, великую истину, что он всегда должен сам спасать себя»[32].

Якобинцы встретили резкую оппозицию так называемых «бешеных», которые под руководством красноречивого священника Жака Ру требовали от революционного правительства более решительных мер для пресечения спекуляции и улучшения продовольственного снабжения городской бедноты. Но главное, что плебейские революционеры были недовольны Конституцией 1793 г., мотивируя это тем, что она провозглашала неограниченное право частной собственности. «Необходимо, чтобы серп равенства прошел по головам богатых!»— заявлял Жак Ру.

Якобинцы потерпели поражение из-за мелкобуржуазной ограниченности. Насущные потребности парижской бедноты не были удовлетворены. Максимум цен распространился и на заработную плату рабочих. Антирабочий закон Ле Шапелье, запрещавший профсоюзы и стачки, не был отменен. Крестьяне, получив в собственность землю, были недовольны твердыми ценами и реквизициями хлеба. Против якобинской диктатуры выступила окрепшая в годы революции буржуазия.

4. Социалистические идеи бабувистов

События Великой французской революции развенчали теории утопического социализма, связанные с планами реставрации самодовлеющих крестьянских общин. В ходе революционной практики родились представления о национальном хозяйстве, о государственном контроле над распределением продуктов. Но особый интерес представляет идея централизованного регулирования экономики со стороны революционного правительства. Падение якобинской диктатуры привело к резкой поляризации сил. В период термидорианской реакции оформилось движение бабувистов, выступивших за революционный переворот и создание нового общества.

Лидером бабувистов был Гракх Бабёф (настоящее имя — Франсуа Ноэль) (1760—1797) — оригинальный мыслитель, коммунист-утопист. Критически пересмотрев ряд идей предшественников, он выдвинул свою концепцию «общества совершенного равенства». Франсуа Ноэль Бабёф (позднее принявший имя Гракха) родился в 1760 г. в Сент-Кантене и уже в детстве испытал, что значит нужда.

Еще до революции Бабёф выступил как критик феодализма, а его идея «коллективных ферм» станет важным этапом в формировании коммунистической концепции мыслителя. Проектируя организацию крупного производства, Бабёф ставил вопрос о преимуществах «объединенного труда». В годы революции он требовал равного распределения земли между крестьянами. Он считал, что социальное неравенство — результат концентрации собственности[33].

В годы термидорианской реакции начинается переход Бабёфа на позиции утопического коммунизма. Созревал план социального переворота. В письме к Шарлю Жермену (от 23 июля 1795 г.) Бабёф излагал не только план восстания, но и характер устройства будущего общества, с учетом того, что торговля — тончайший яд, порождающий роскошь и портящий нравы. Он подчеркивал, что подлежат уничтожению только злоупотребления торговли, сама она останется и будет усовершенствована благодаря новой организации производства, основные черты которого следующие: все агенты производства «будут работать для общественных складов, и каждый из них станет посылать туда в натуральном виде продукт своего личного труда», далее «агенты распределения, работающие отныне

не ради собственной выгоды, а ради блага всего общества (всей коммуны — grande famille), направят каждому гражданину его равную часть всей массы продуктов, произведенных всей ассоциацией, в обмен на то, что он сделает либо для увеличения количества этих продуктов, либо для улучшения их качества»[34]. Торговцы будут выполнять роль агентов распределения и принесут пользу обществу. Регулирование производства строится через общественные склады посредством продуктообмена.

Бабёф полагал, что в новом обществе сохранится промышленность, а «земледелец останется земледельцем», и все будут работать на пользу республике. В отличие от Мора и Морелли он не проводил резкой грани между промышленностью и сельским хозяйством. Бабёф исходил из идеи равноценности для общества любого общественно полезного труда. Каждый станет работать «свободно и спокойно», ибо сможет получать все необходимое для семьи, исчезнет тунеядство, поскольку равное распределение продуктов будет основываться «на обязательном равенстве вкладов», бездельники «не смогут безнаказанно существовать», закон объявит посягательство на равенство тяжким преступлением. «Никому не будет позволено жить за счет других, в республике не будет трутней». Выступая против роскоши, за равенство в распределении материальных благ, Бабёф ставил вопрос об удовлетворении реальных, разумных потребностей каждого гражданина нового общества, о социальном обеспечении человека в детстве, старости и по болезни[35].

Весной 1796 г. под руководством Бабёфа возник «заговор равных» с участием Буонаротти, Дартэ, Марешаля, Жермена и др. Они считали, что лишь установление общности имуществ может привести к действительному равенству людей. Среди документов, подготовленных бабувистами, особый интерес представляет проект «Экономического декрета», в котором изложен план переустройства капиталистического общества. Декрет предусматривал создание во Франции «национальной общины», состоящей из отдельных коммун. Членами общины признавались лишь те, кто передал ей свою собственность и готов был работать вместе с другими. Имуществом коммунистической общины могли пользоваться все трудоспособные ее члены, но только сообща. Она должна была содержать всех «в одинаковом и честном среднем достатке», доставляя им «все, в чем они нуждаются». Но каждый член «национальной общины» «обязан ей своим трудом в области

сельского хозяйства, полезных ремесел, на которые он способен». Декрет предусматривал группировку людей на классы профессионального характера, во главе которых стояли бы должностные лица, руководящие организацией работ и обеспечивающие сдачу продуктов в хранилища. На верховную администрацию возлагались обязанности совершенствовать производство посредством машин и новых методов организации труда. Бабёф и его сторонники видели в машинах могучее средство прогресса и совершенствования нового общества. Однако «национальная община» гарантировала каждому своему члену «умеренный и скромный достаток»[36].

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс правомерно относили произведения Бабёфа к «той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата»[37]. Его программа предусматривала объявление земли общим достоянием, отмену частной собственности и права наследования, установление равенства в оплате физического и умственного труда, устранение привилегий в деле воспитания и образования.

Глава 27

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В АМЕРИКЕ

1. Американская буржуазная революция

Большое значение в истории капитализма имела война за независимость североамериканских колоний, которая привела к образованию США. Эти события приобрели характер буржуазной революции. Ф. Энгельс, отмечая буржуазное происхождение США, подчеркивал, что «они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество»[1]. При английской колонизации Северной Америки доминировала буржуазная тенденция. Однако элементы феодализма существовали в форме крупного землевладения, но в условиях большого фонда свободных земель оно было в определенной мере условным. Лишь колониальная политика запрета движения колонистов на Запад искусственно «охраняла» феодальные порядки.

Главным тормозом развития молодого американского капитализма было господство Англии. Североамериканские колонии стали важным источником так называемого первоначального накопления капитала метрополии. Политика Англии была направлена на превращение американских бизнесменов в младших партнеров английских буржуа, а часто — просто на ухудшение молодого конкурента. При этом экономическая политика Англии в колониях основывалась на формах и методах, типичных для абсолютизма. «Умеренная» монархия Англии, представляющая интересы блока земельной аристократии и торгово-промышленных элементов, проводила в отношении американских колоний агрессивную меркантилистскую политику. Элементы феодализма в американских колониях переплетались с рабовладением. В сложном узле противоречий борьба с английским колониализмом сблизила интересы торгово-промышленной буржуазии и рабовладельцев.

В этих условиях происходило формирование «освободительной» идеологии американских буржуа, получили распространение идеи европейских просветителей и философов. Наиболее радикальные позиции занимали широкие трудящиеся массы колоний. Они требовали не только ликвидации колониального гнета, но и получения права свободного доступа к земле. Их интересы представляли буржуазно-демократические деятели, такие, как Т. Джефферсон и Т. Пейн. С другой стороны, интересы крупной буржуазии отстаивали С. Адамс, А. Гамильтон и др. Были и открытые противники освобождения колоний — сторонники английского присутствия. Это — крупные земельные собственники, связанные с английским капиталом, купечество, чиновничество и духовенство.

В начале 1776 г. появился знаменитый памфлет Т. Пейна (1737—1809) «Здравый смысл», призывавший к вооруженной борьбе за полное освобождение колоний от британского ига, к созданию в них демократического строя, свободного от феодальных порядков. Памфлет Пейна имел большой успех. Он сыграл значительную роль в формировании революционного сознания народных масс, их стремления к свободе. Идеи памфлета Пейна нашли отражение в Декларации независимости (1776). В работе «Аграрная справедливость» (1797) он критиковал буржуазные имущественные отношения и высказывал мысль о труде рабочих как источнике капиталистической прибыли. Пейн выдвигал утопический проект государст-

венного обеспечения неимущих за счет налогообложения состоятельных классов и национализации земли за выкуп.

В числе идеологов Американской буржуазной революции видное место принадлежит Бенджамину Франклину (1706—1790) — известному ученому-естествоиспытателю, активному участнику освободительной борьбы, государственному деятелю. Это был буржуазный демократ, сторонник республики, призывавший к отмене рабства негров. Франклин был первым наиболее крупным американским буржуазным экономистом (см. § 3 гл. 21). Он выдвинул проект объединения колоний, а затем активно участвовал в создании Соединенных Штатов Америки.

Заметную роль в идейном и теоретическом развитии Американской буржуазной революции сыграл Томас Джефферсон (1743—1826), возглавлявший буржуазно-демократическое крыло освободительного движения. Он выражал прежде всего интересы мелкого фермерства. Как отметил Уильям З. Фостер, Джефферсон, опираясь в основном «на мелких фермеров, ремесленников и рабочих», вел борьбу «против реакционных промышленников, монархистов и иноземных угнетателей, за демократическое капиталистическое общество, опорой которого были бы в первую очередь мелкие фермеры»[2]. Провозгласив программу борьбы за освобождение колоний, он в начале 70-х годов XVIII в. в обращении к королю Георгу III категорически осудил феодальное землевладение, заявив, что земля должна принадлежать тем, кто полил ее своей кровью и возделывает ее своими руками. В годы революционной освободительной борьбы Джефферсон настойчиво добивался отмены феодальных порядков в землевладении. Под влиянием идей Руссо он выступал за государственное регламентирование частной земельной собственности. Став президентом США (1800—1808), Джефферсон провел земельный закон, облегчивший приобретение земли фермерами, выступал за отмену рабства негров, считая, однако, что после освобождения они не могут быть уравнены в правах с белыми.

Радикальная экономическая программа Джефферсона получила воплощение в разработанном им проекте Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 г. на континентальном конгрессе в Филадельфии. Формулируя положение Декларации независимости, Джефферсон исходил из идеи «естественного права». Провозгласив жизнь, свободу и право на счастье основными буржуазно-демократическими свободами, Декларация имела антиколони-

альную и антифеодальную направленность. Но не все положения проекта Джефферсона были утверждены конгрессом. В проекте осуждались рабство и работорговля, которые квалифицировались автором как противоречащие «человеческой природе». Однако под давлением рабовладельцев этот пункт был исключен из текста Декларации.

Будучи сторонником утверждения буржуазно-демократических порядков, Джефферсон полагал их основой частную собственность, но не считал ее вечной категорией. Поэтому в 1789 г., внося коррекции в проект французской Декларации прав человека и гражданина, Джефферсон взял в скобки одно из «естественных прав»— обладание частной собственностью. Обосновывая необходимость частной собственности, Джефферсон выступал против чрезмерного наращивания богатств, их «аристократизации». Он был сторонником «золотой середины», идеализировал умеренное богатство, «демократизм» и «доступность» частной собственности, способные якобы обеспечить подлинные свободы.

Экономическая концепция Джефферсона в период своего становления испытала заметное влияние физиократов. Джефферсон не скрывал своих симпатий к сельскохозяйственному производству, преувеличивая его роль в создании общественного богатства. Идеальным обществом он считал общество, основу которого составляли бы фермерские хозяйства. Джефферсон выступал в то время против промышленного развития США, которое подрывало, по его мнению, моральные устои общества, способствовало распространению коррупции и прочих негативных явлений. Однако со временем он изменил свое негативное отношение к промышленному производству, которое стал ставить «в один ряд с земледелием», но Джефферсон считал необходимостью установление равновесия между сельскохозяйственным производством, промышленностью, торговлей и банками. Эта концепция получила отражение в его статье «Проспект политической экономии» (1816). Экономическая программа Джефферсона была достаточно радикальной и демократической, сыграв прогрессивную роль в закреплении завоеваний Американской буржуазной революции.

Выразителем интересов крупной американской промышленной буржуазии и купечества являлся Александр Гамильтон (1757—1804). Участник войны за освобождение колоний, он после победы революции и образования Соединенных Штатов стал активным политическим и го-

сударственным деятелем, с 1789 г. возглавил партию федералистов и занял пост министра финансов. Гамильтон оказал большое влияние на становление и последующее развитие американской буржуазной политэкономии. В отличие от Джефферсона Гамильтон боролся за создание централизованного государства, требовал ликвидации самоуправления штатов. Он допускал создание «аристократической республики» с пожизненным президентом.

Экономические идеи Гамильтона были направлены прежде всего на создание крупной промышленности в США как основы обеспечения независимости и экономического могущества нового государства. Исходя из этого, Гамильтон выдвинул программу поощрения национальной промышленности, возлагая большие задачи на государство. Это была программа развития капиталистического промышленного производства. Главным стимулом в развитии промышленности, по мнению Гамильтона, должна стать неуклонно растущая прибыль, а всякое ее ограничение рассматривалось как ошибочное и даже преступное действие. Главные препятствия на пути индустриального развития США автор усматривал в недостатке капиталов и рабочей силы. Гамильтон ратовал за поощрение иммиграции и проведение в жизнь жесткого законодательства, затруднявшего рабочим доступ к земле, создание ими фермерских хозяйств. Вместе с тем он не отвергал использования труда рабов.

Будучи министром финансов, А. Гамильтон добился создания Национального банка (1791). Он наделил финансовый гигант функциями кредитования государственных и частных предприятий и выпуска бумажных знаков государства. Гамильтон считал, что банк станет источником роста капиталов и богатства страны. По его мнению, банк не только сможет осуществлять кредитные операции за счет имеющихся фондов, но и станет осуществлять эмиссию банкнот, превышающую запасы благородных металлов. Интересно, что в годы войны за независимость Гамильтон был ярым противником безудержной инфляции и одним из основоположников теории капиталотворческой роли кредита.

С целью ликвидации недостатка капиталов Гамильтон предусматривал повышение налогов. Это означало переложение финансового бремени на плечи трудящихся. Для привлечения капиталов могла быть использована система государственного долга, а также иностранные инвестиции. В области внешнеэкономических связей Гамильтон актив-

но отстаивал протекционистскую политику, которая смогла бы оградить молодую американскую промышленность и торговлю от опасной конкуренции.

2. Антиколониальная революция в Латинской Америке (1810—1826)

Вскоре после провозглашения независимости США освободительное движение охватило обширные территории Латинской Америки. После открытия Нового Света Колумбом этот регион почти целиком подпал под власть абсолютистской Испании. Единственной крупной территорией, не вошедшей в испанские владения, была Бразилия (колония Португалии). Поскольку Испания и к началу XIX в. оставалась феодальной страной, постольку и в своих заморских владениях она стремилась сохранить феодальные формы эксплуатации.

Крепостничество и рабство, изнурительный труд на рудниках и в латифундиях стали проклятием трудящегося населения. Экономический и политический гнет дополнялся самыми грубыми формами расовой дискриминации коренного населения — индейцев, а также метисов, мулатов и негров. Порабощенное население испанских колоний не раз поднимало восстания против заморских властителей. Достаточно вспомнить о массовом движении 1780—1782 гг. в Перу во главе с Кондорканги, принявшим имя легендарного вождя инков Тупака Амару. Большое значение для всей Латинской Америки имела победоносная революция негров-рабов в бывшей французской колонии Гаити (1790—1803), руководимая талантливым военачальником Туссеном-Лувертюром.

Под влиянием грабительской политики метрополий, направленной на увековечение социально-экономической отсталости Латинской Америки, постепенно сложился антиколониальный союз неоднородных в классовом отношении сил. Входившие в него радикальные и умеренные группировки существенно различались в проектах решения аграрного вопроса, в отношениях к латифундиям, к социально-экономическим правам зависимого населения. Глубокие противоречия между этими силами нашли отражение в экономических воззрениях вождей войны за независимость испанских колоний (1810—1826).

Наиболее последовательно радикальные, революционные идеи были высказаны в ходе национально-освободительного движения в Мексике, возглавлявшегося Мигелем

Идальго (1753—1811) и Хосе Мария Морелосом (1765—1815). В их войсках сражались в основном крестьяне-индейцы, негры-рабы, городская беднота, рабочие рудников, ремесленники. Отражая интересы этих слоев населения, Идальго уже после первых военных успехов, завершившихся взятием г. Гвадалахары, издал в ноябре — декабре 1810 г. ряд декретов, предусматривавших упразднение рабской зависимости, ликвидацию подушной подати, отмену монополии на производство и продажу ряда товаров. Большой заслугой Идальго была постановка вопроса о собственности на землю и решение его в интересах трудящихся. Так, декрет от 5 декабря 1810 г. предусматривал возвращение земель индейским общинам и запрет сдавать эти земли в аренду, «чтобы ими пользовались только индейцы соответствующих селений»[3]. Призывая «отнять у европейцев управление и власть», Идальго обращался к повстанцам с вопросом: «Согласны ли вы попытаться вернуть себе земли, украденные триста лет тому назад у ваших предков ненавистными испанцами?»[4] По существу это была программа антифеодального аграрного переворота.

После гибели Идальго руководство революционным движением перешло в руки Морелоса. Сельский священник, как и Идальго, Морелос был родом из семьи индейца-ремесленника и хорошо знал нужды и чаяния трудового люда. В начальный период своей деятельности он еще не терял надежды объединиться с верхушкой креольской аристократии. Так, в изданном им 13 октября 1811 г. декрете запрещалось захватывать собственность креольских помещиков. Однако в ходе войны за независимость в связи с отказом латифундистов присоединиться к повстанцам радикализм Морелоса усиливался. В соответствии с составленным им «Проектом конфискации имущества европейцев и американцев, верных испанскому правительству» (1812—1813) одна половина земель и имущества указанных лиц должна была распределяться между бедняками, а другая использоваться для военных нужд. Конфискации подлежали и владения церкви. «Проект» предусматривал раздел тех латифундий, которые фактически не обрабатывались владельцами, поощрял мелкое землевладение[5]. В приписываемом ему документе «Политические меры» Морелос шел еще дальше, защищая конфискацию всякой собственности, принадлежащей богатым, будь то мирские или духовные лица, креолы или европейцы. Он провозглашал также, что землей должны владеть те, кто ее обраба-

тывает, и крестьяне должны распоряжаться доходами от этой земли[6]. В освобожденных районах Морелос не только декретировал отмену рабства и подушных податей с индейцев, но и выступил с предложением ввести социальное равенство путем отмены расовых различий.

Эти идеи нашли отражение и в программном документе «Чувства нации», подготовленном им для Верховного национального конгресса Америки в Чильпансинго (сентябрь 1813 г.). В целом с именем Морелоса связана, несомненно, самая радикальная программа социально-экономических преобразований в истории революции 1810—1826 гг. Другие документы освободительного движения Мексики — Апацингская конституция (1814) и особенно «план Игуала» (1821) — в основном выражали интересы привилегированных слоев и потому ограничивались декларацией национальной независимости, оставляя социально-экономический строй без существенных изменений. Умеренные элементы одержали победу. В 1821 г. Мексика стала независимым государством, но в ее экономике сохранились значительные пережитки добуржуазных отношений.

Большой остротой отличалась идейная борьба на юге континента, в бассейне Ла-Платы, где центром революционных событий был Буэнос-Айрес. После «майской революции» 1810 г. к власти здесь пришла Патриотическая хунта, проведшая ряд прогрессивных мероприятий. Идейной основой внешнеторговой политики хунты стал составленный адвокатом Мариано Морено (1778—1811) «Меморандум скотоводов», предусматривавший снижение или полную отмену пошлин и провозглашавший принцип сочетания свободы торговли с выгодой для страны. Автор «Меморандума» решительно высказывался против какой бы то ни было политической и экономической зависимости от иностранных государств[7].

Патриотическая хунта Буэнос-Айреса объединяла представителей различных сословий. Консервативное крыло во главе с К. Сааведрой защищало интересы крупных латифундистов и упорно противилось проведению социально-экономических преобразований. Радикальное же крыло (М. Морено, М. Бельграно, Х. Х. Кастельи), представлявшее интересы купечества, либеральных помещиков и мелких собственников, добивалось не только политической независимости, но и ликвидации феодальных отношений. Партия Морено выступила против латифундизма. Об этом свидетельствуют проекты аграрной реформы

в провинции Буэнос-Айрес, изложенные Морено в «Плане действий», возврат земель индейцам, проведенный Кастельи во время освободительного похода в Верхнее Перу и Бельграно в Парагвай. Тем не менее окончательная победа консервативных элементов после Тукуманского конгресса (1816) не позволила покончить с латифундизмом.

Передовые деятели освободительной борьбы на Ла-Плате понимали, что Буэнос-Айрес и подвластные ему территории не смогут укрепить свою независимость без оказания помощи народам, остающимся под игом Испании. Душой новых освободительных походов стал главнокомандующий Андской армией Хосе де Сан-Мартин (1778—1850). Его смелые рейды в Чили и Перу привели к полному освобождению этих территорий. Назначенный в 1821 г. временным протектором Перу, Сан-Мартин сразу же занялся внутренними проблемами молодого государства. В соответствии с изданными им декретами свободу получали рабы — участники войны за независимость, дети всех рабов объявлялись свободными, отменялась подушная подать и принудительный труд индейцев (мита). Отныне индейцы должны были именоваться перуанцами, как раньше назывались только потомки испанцев. По новому законодательству были сняты всякие ограничения во внешней и внутренней торговле. Испанцы, не принявшие перуанского гражданства, изгонялись из страны, а их имущество конфисковывалось.

Вместе с тем реформы Сан-Мартина носили половинчатый характер. Так, отмена феодальных повинностей не сопровождалась наделением крестьян землей. Были сохранены дворянские титулы[8].

Непоследовательность реформ Сан-Мартина вызвала недовольство в армии и в обществе. Креольская верхушка считала его слишком радикальным, демократические круги — приверженцем плутократии. В дальнейшем, не желая служить препятствием независимости всей Латинской Америки, освободитель Юга Сан-Мартин уехал из Перу в Европу, уступив добровольно первенство освободителю Севера Латиноамериканского континента — Боливару.

Симон Боливар (1783—1830) происходил из семьи богатых креолов. Образование он получил в Европе, где близко познакомился с идеями французского буржуазного Просвещения. Многие из просветителей, особенно Ж.-Ж. Руссо, оказали решающее воздействие на его мировоззрение.

С 1812 г. Боливар возглавлял борьбу против испанцев в Венесуэле. Первоначально в его воззваниях наряду с решительными призывами к войне за независимость превалировали весьма умеренные настроения. В частности, в своем Картахенском манифесте (ноябрь 1812 г.) Боливар хотя и назвал рабство «гангреной, поражающей все тело», однако разумел под ним лишь колониальную зависимость от испанцев. Возглавляемая им Ассамблея в Каракасе не решилась предоставить землю представителям угнетенных классов и не освободила их от помещичьей кабалы. Этим не замедлили воспользоваться испанцы. С помощью ложных посулов и демагогии они натравили на освободительную армию отряды пастухов-льянерос, объявив Боливара ставленником латифундистов и аристократов. С помощью льянерос, которыми командовал жестокий Бовес, испанцам удалось восстановить контроль над Венесуэлой. Боливар вынужден был бежать на о. Ямайку.

Время, проведенное в эмиграции, не прошло для него даром. Внимательно проанализировав социально-политическую обстановку в Латинской Америке, Боливар пришел к выводу, что новый революционный взрыв не далек. В одном из «Писем с Ямайки» (1815) он писал: «Мы видим, что те же солдаты — бывшие рабы, которые, хотя и насильно, оказывали помощь испанским властям, сейчас поддерживают партию независимости. Таким образом, нынешними защитниками независимости являются бывшие солдаты Бовеса и белые креолы, всегда боровшиеся за благородное дело свободы. Объединение этих сил может породить социальную революцию».

Идея социальной революции и анализ участвующих в ней сил, несомненно, явились крупным достижением Боливара как мыслителя. Во время второго этапа войны за независимость (1816—1826) он направляет все усилия на создание широкого антиколониального союза, объединяющего все силы, заинтересованные в изгнании испанцев. Уже в июне 1816 г. Боливар впервые провозгласил отмену рабства. В сентябре 1817 г. им был обнародован декрет «О конфискации имений лиц, последовавших за врагом...», а в декабре — декрет о распределении этих земель среди участников борьбы за независимость. Эти декреты были подтверждены национальным конгрессом в Агностуре (февраль 1819 г.). На этом форуме Боливар показал себя решительным республиканцем, выступив за обеспечение гражданских свобод, отмену сословных привилегий. Об-

ращаясь к депутатам, он сказал: «Я молю подтвердить абсолютную свободу рабам, как если бы молил о своей собственной жизни или о жизни республики»[9].

Выдвигая идею сословного и национального равенства, полной отмены рабства, Боливар был на голову выше тех деятелей революции в США, которые выступали в защиту рабовладения и работорговли. В речи на Агностурском конгрессе он заявлял: «Организуя наши политические институты, следует учитывать наши традиции, наши обычаи, наши условия. Вот чем мы должны руководствоваться, а не копировать Вашингтон»[10].

Боливар уже в начале XIX в. сумел распознать в экспансионизме США будущего врага латиноамериканских народов. В одной из бесед с адъютантом О'Лири он сказал: «Посмотрите внимательно на карту. На севере вы увидите США, нашего могучего соседа, дружба которого к нам основана на арифметике: даю тебе столько-то, а взамен хочу вдвое больше. Соединенные Штаты захватили Флориду... они зарятся на Кубу и Пуэрто-Рико. Если мексиканцы позволят им, то они проглотят Техас да, пожалуй, и всю Мексику»[11]. Прогноз Боливара оказался довольно точным, а рассуждения о политике США делают честь его проницательности. Гарантию от территориальных аннексий Боливар искал в государственном объединении всех латиноамериканских территорий, но для этого не было ни экономических, ни политических условий.

Во время освободительных походов по территориям нынешней Колумбии, Эквадора, Боливии и Перу Симон Боливар обнародовал несколько весьма важных документов, свидетельствующих об усилении его радикализма. Так, перуанскими декретами 1824 г. была отменена подушная подать с индейцев, в их личную собственность переданы общинные земли, чтобы «ни один индеец не остался без соответствующего земельного участка». Декрет в Куско запрещал принудительный труд индейцев на рудниках и в строительстве, а также использование их в качестве крепостных. Декрет обязывал хозяев выплачивать заработки деньгами при обязательном составлении предварительного договора, запрещал произвольно завышать цены. Со времени решений Агностурского конгресса это была самая крупная попытка улучшить положение народных масс.

Выдающаяся заслуга Боливара заключается в том, что он сумел объединить под знаменем освободительной борьбы самые широкие слои латиноамериканского общества.

Напуганные революцией, крупные землевладельцы не посмели выступить против его власти, хотя всячески пытались затормозить реализацию провозглашенных реформ. Под влиянием латифундистов конгресс в Кукуте (1821) объявил свободными лишь детей рабов, родившихся после этого события. Латифундисты одержали верх и в аграрном вопросе. Пользуясь запутанностью и сложностью процедуры наделения солдат и крестьян землей, они скупали за бесценок правительственные боны на получение участков. В результате владения землевладельцев-креолов даже увеличились. Значительные угодья перешли в руки новых латифундистов, главным образом из числа командного состава армии Боливара.

Освободительная война 1810—1826 гг. завершилась крушением Испанской колониальной империи на Американском континенте. Эта война сыграла роль буржуазной революции, но непоследовательной, незавершенной, не уничтожившей пережитков феодализма.

Глава 28

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

1. Экономические требования восставшего крестьянства под предводительством Пугачева. Их влияние на развитие экономической мысли

В истории России вторая половина XVIII в. характеризовалась дальнейшим усилением эксплуатации народных масс, расширением крепостничества на национальных окраинах, обострением противоречий между растущим уровнем развития производительных сил и крепостническими производственными отношениями. Россия вступила в период начала разложения феодального строя и становления капиталистического уклада. Рост внутреннего рынка, место и роль России в экономических связях со странами Западной Европы и Азии объективно требовали увеличения производства сельскохозяйственной товарной продукции, расширения металлургической промышленности Урала, хлопчатобумажных и суконных мануфактур. Но абсолютистское государство, во главе которого стояла Екатерина II (1762—1796), решало назревшие проблемы экономического развития страны в интере-

сах дворян-крепостников за счет усиления эксплуатации крестьянства, расширения помещичьего землевладения, раздачи государственных земель и колонизации окраин, использования труда крепостных не только в помещичьих хозяйствах, но и в отдельных отраслях промышленности.

Стремясь укрепить материальную основу господства помещичьего класса, Екатерина II щедро раздавала государственных крестьян с землями своим фаворитам (примерно 800 тыс. душ). К концу ее царствования в России было зарегистрировано 5,7 млн крепостных крестьян. Это составляло около 53,7 % всего крестьянства. В периоды посевов и уборки урожая барщина доходила до 5 дней в неделю. Помещики нечерноземных губерний переводили крестьян на оброк, размер которого к концу XVIII в. вырос до 7 рублей с тягла. Рост денежных доходов от оброков стимулировал помещиков к развитию отхожих промыслов крестьян, продававших свою рабочую силу капиталистическим предпринимателям. Отходничество позволяло оброчным крестьянам уплачивать феодальную ренту помещику и подати государству. В горнорудной промышленности Урала применялся преимущественно принудительный труд. В 60-х годах XVIII в. уральские горно-металлургические заводы использовали около 40 тыс. душ государственных крестьян. Формирование «работных людей» происходило за счет «казенных мастеров», купленных заводами крепостных и притока оброчных крестьян. Если в среднем на крепостнических мануфактурах России XVIII в. наемных рабочих было примерно 47 %, то в металлургической промышленности — только 14 %[1]. На Урале классовые противоречия обострились.

Движение окраинных народов России, вызванное великодержавной политикой дворянской и чиновничьей аристократии, усиливало классовые и национальные противоречия в стране. В этих условиях и возникло крестьянское восстание (1773—1775) под руководством донского казака Емельяна Ивановича Пугачева (1740 или 1742—1775). Оно охватило Южный Урал, Башкирию, Поволжье, Татарию, районы Малой Орды (современная территория Казахстана), Западную Сибирь, районы Дона, заселенные казаками. Волнения крепостных крестьян затронули также Тамбовскую и Воронежскую губернии. Основной социальной силой пугачевского восстания были крестьяне, но значительную роль играли и «работные люди» горно-металлургических заводов Южного Урала. Повстанческая армия Пугачева состояла из отрядов башкир, татар, чу-

вашей, мордвинов, киргизов, калмыков и других народностей, страдавших от грабительской политики царизма.

Социально-экономические требования восставшего крестьянства были сформулированы в манифестах и указах Е. И. Пугачева, выдававшего себя за императора Петра III, убитого мужа Екатерины II. Эти документы писались не только самим руководителем восстания, но и его сподвижниками, а при переводе на языки народов национальных окраин еще уточнялись в соответствии с их экономическим положением. Поэтому содержание таких документов было результатом коллективного творчества народных масс, отражением крестьянских требований.

В своих манифестах и указах (с 17 сентября 1773 по 31 июля 1774 г.) Пугачев и его сподвижники неоднократно обращались к населению восставших районов. Анализ этих обращений показывает, что главное требование крестьян сводилось к уничтожению крепостной зависимости и помещичьей собственности на землю. В указах Пугачева понятия «свобода», «вольность» и «земля» не разделялись. Считалось, что помещичья земля, как и «казенная» (государственная), не может быть передана в собственность крестьян, если они не получат свободу, сохранится крепостная зависимость крестьян от помещиков, а государственных крестьян — от феодально-абсолютистского государства и «приписных крестьян»— от заводов. Требования о предоставлении крепостным свободы и земли повторялись в разных вариантах и в каждом обращении. Однако наиболее полно они были сформулированы в указе от 31 июля 1774 г. Там провозглашалось: «Жалуем сим имянным Указом... всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков... волностию и свободою... владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без аброку и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощениев».

В указе декларировалось, что крестьяне не будут больше вносить в государственную казну «подушных и протчих денежных податей» и освобождаются от «рекрутских наборов». Стремясь подчеркнуть необходимость удовлетворения требований всех слоев восставших (в том числе раскольников и старообрядцев), в своем указе Пугачев жаловал их «древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностию и свободою и вечно козаками...».

Составители указа понимали, что эти экономические и политические мероприятия нельзя осуществить без вооруженной борьбы со «злодеями-дворянами», и потому призывали восставших крестьян к физическому истреблению дворян-помещиков и их ставленников на местах — губернаторов и чиновников. Этих врагов и «раззорителей крестьян» предлагалось «ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они... чинили с вами, крестьянами». Лишь тогда «всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатця будет»[2].

Сформулированные в пугачевских документах мероприятия нельзя, конечно, рассматривать как осознанную и продуманную программу антифеодальной революции, способную объединить всех крестьян для уничтожения помещичьего строя. Но призывы Пугачева содержали главные требования крестьян и стали мощными стимуляторами разрушения феодально-абсолютистского государства. Об этом отчетливо свидетельствуют указы, требующие уничтожения феодальной зависимости крестьян, ликвидации помещичьей собственности на землю, леса и воды, обещающие безвозмездное наделение крестьян землей, освобождение крестьян от рекрутчины и подушной подати, конфискацию имущества дворян. Все это свидетельствовало о том, что противоречия феодализма достигли такого уровня, когда для их разрешения требовалась антифеодальная революция. Но в России XVIII в. еще не было социальных и политических сил, которые были бы способны организовать и возглавить такую революцию. Обнаруживалась политическая слабость восставших. Они наивно полагали, что нужно уничтожить «плохую» царицу и посадить на ее место «хорошего», «справедливого», «мужицкого» царя. Пугачев рядился в тогу царя под именем Петра III и требовал, чтобы все находившиеся «прежде в крестьянстве и в подданстве у помещиков» теперь были «верноподданными рабами собственной нашей короне»[3]. Так в требованиях Пугачева нашли яркое отражение патриархальные иллюзии русского крестьянства.

Сохранив прежнюю форму правления, пугачевцы вкладывали в нее совершенно иное содержание, собираясь уничтожить эксплуатацию крестьянства и предоставить ему возможность свободного хлебопашества. Но как практически это осуществить после победы, какой должен быть установлен политический строй, на какой форме собственности он должен основываться, каковы должны

быть принципы и методы распределения земли, в указах ничего не говорилось. Вряд ли реально можно было выполнить обещание об отмене всех налогов, поскольку нужны будут ресурсы для содержания государственного аппарата, армии и удовлетворения других общественных потребностей и т. д.

Ведение войны потребовало от руководителей пугачевского движения немедленной организации центральной (высшей) власти. Такую функцию выполняла Военная коллегия. На местах создавались «земские избы». В последние избирались наиболее доверенные люди, отвечавшие за снабжение армии, пополнение войск людьми, за организацию мелкого производства и пр.

Попытки наладить производство горно-металлургических и оружейных заводов, централизованное снабжение рабочих и семей погибших в войне, организовать почтовую связь не имели большого успеха. Стихийно возникшее крестьянское движение было трудноуправляемым, не было четкого централизованного руководства. Снабжение армии продовольствием осуществлялось стихийно, путем конфискации помещичьего хлеба или реквизиции его у населения. Оружием и боеприпасами пугачевцы снабжали себя за счет захваченных арсеналов оружия в городах и гарнизонах. Казна пугачевской Военной коллегии не имела постоянных источников дохода. Средства поступали спорадически от продажи конфискованного барского имущества или государственных запасов, захвата имущества (трофеев) у противника, а также путем обложения особым налогом имущей части населения. Никакой системы экономической политики у Военной коллегии не было. Зато все, что делалось ею, ориентировалось на интересы крестьянства.

Уже летом 1774 г. обнаружились все слабости крестьянского восстания: стихийность, локальность, отсутствие последовательно разработанной экономической и политической программы, изоляция от городов. Однако выдвигаемые крестьянами требования об уничтожении крепостничества и феодальной собственности на землю были смелыми и революционными. Но крестьянам трудно было их осуществить на практике. Поражение Крестьянской войны 1773—1775 гг. было объективно неизбежным. Сказалась классовая солидарность дворянства, прочность абсолютизма. Но неправильно было бы недооценивать историческое значение этого восстания. Оно сильно поколебало устои феодализма в стране, отчетливо показало глубокие

классовые противоречия крепостной России. Восстание крестьян под руководством Е. И. Пугачева не прошло бесследно. Социально-экономические идеи, стихийно выработанные в ходе его, стали толчком для возникновения в России антикрепостнической идеологии, отразившейся в трудах ученых-просветителей (И. А. Третьякова, С. Е. Десницкого, Н. И. Новикова, Я. П. Козельского) и выдающегося дворянского революционера, теоретика-экономиста А. Н. Радищева. Восстание насторожило вельможное и столбовое дворянство. Вплоть до реформы 1861 г. оно опасалось появления нового Пугачева.

2. Социально-экономические взгляды А. Н. Радищева

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) — выдающийся революционный мыслитель второй половины XVIII в. Он был первым в России дворянским революционером, возвысившим свой голос в защиту угнетенного крестьянства и осудившим крепостничество.

А. Н. Радищев явился родоначальником антикрепостнической идеологии, создателем оригинальной системы экономических взглядов. Русский гуманист, опиравшийся на материалистическую философию, он был на голову выше многих западноевропейских просветителей, апеллировавших к разуму, справедливости и призывавших к уяснению путем просвещения законов «естественного права», к реализации их норм методом реформ. Анализируя законы развития помещичьего хозяйства, основанного на крепостном труде, А. Н. Радищев установил внеэкономический, насильственный характер связи между помещичьими и крестьянскими хозяйствами, выявил антагонизм противоречий между ними, разоблачил классовую сущность абсолютистского государства, решительно стоящего на защите экономических и политических интересов дворянства. В итоге следовал вывод, что радикальное изменение феодальных производственных отношений невозможно осуществить путем постепенных реформ. Необходимы революционные меры, классовая борьба порабощенного крестьянства с дворянством и его государством. Антифеодальная революция получала известное обоснование.

Окончив в 1771 г. Лейпцигский университет, А. Н. Радищев работал затем в Сенате (где познакомился с обвинительными материалами на участников пугачевского восстания), в Коммерц-коллегии, в Петербургской та-

можне. Уже в студенческие годы Радищев осознал несправедливость крепостного строя в России. В 1767 г. молодой Радищев принял участие в обсуждении конкурсной задачи Вольного экономического общества, полезнее ли для «общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение», и дал следующее решение: «...лучше иметь крестьянину в собственности землю»[4].

В 1772 г. Радищев перевел книгу Мабли «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастия греков», сопроводив ее своими комментариями, в которых резко осудил самодержавие, деспотию, тиранию, считая, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»[5]. В том же году Радищев написал «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», в котором называл помещиков «жестокосердными» тиранами, повинными в нищете и разорении крепостного крестьянства. Он подчеркивал, что «бедность и рабство повсюду встречалися со мною в образе крестьян», а «помещики их сами тому были виною»[6].

Антикрепостнические взгляды Радищева в дальнейшем переросли в революционную идеологию. Во всех его работах — публицистических, философских, экономико-географических и государственно-правовых — находила то или иное отражение радикальная идея о необходимости уничтожения путем крестьянской революции феодального строя в России. В период наивысшего расцвета крепостничества в стране это требование Радищева имело огромное революционизирующее значение и свидетельствовало о зарождении в то время русской революционной мысли. А. Н. Радищев был образованнейшим человеком своего времени. Круг его интересов был весьма широк — философия, история, юриспруденция, политическая экономия, финансы, внешняя торговля, сельское хозяйство, промышленность, экономическая история России и западноевропейских стран, политика, литература.

В области экономической теории Радищева интересовали проблемы крепостничества, феодальной собственности, аграрных отношений, внутренней и внешней торговли, а также пошлины, цены, денежное обращение, кредит и процент, налоги и повинности крестьян в пользу государства и помещиков. Он оказался одним из первых русских экономистов, обратившихся к изучению экономики крестьянского хозяйства, оброчной и барщинной форм феодальной ренты. Вопросы мелкой кустарной промыш-

ленности его интересовали с точки зрения возможности занять мелких земледельцев в производстве и дать им дополнительный источник средств существования[7].

Все эти проблемы с различной глубиной и широтой освещены были Радищевым в ряде работ 70-х, но особенно 80—90-х годов. Главным его сочинением, посвященным критике крепостнической системы хозяйства и крепостного права в России, стало «Путешествие из Петербурга в Москву». С приложением к нему оды «Вольность» оно было тайно напечатано Радищевым в 1790 г. в собственной типографии (тиражом 650 экземпляров). Антикрепостнические идеи этого сочинения сразу заметила Екатерина II. Прочитав книгу, она заявила, что сочинитель ее —«бунтовщик хуже Пугачева», и отправила автора в Сибирь в ссылку.

Нарисовав яркую картину нищеты, безысходности, полного бесправия и рабского существования помещичьих крестьян, Радищев в главе «Городня» восклицает: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?»

Если в конце 60-х годов Радищев установил факт глубокого противоречия между помещиками и крестьянами и не видел еще путей его разрешения, то спустя 20 лет он указывал на необходимость народной революции.

Убежденность Радищева в неизбежиости устранения феодализма проистекала из его понимания несоответствия крепостнических отношений задачам прогрессивного развития общества.

А. Н. Радищев считал, что крепостнические отношения строятся на насилии, все богатство помещиков является результатом труда крепостных крестьян, безвозмездно присваиваемого помещиками — собственниками земли. «Звери алчные, пиявицы ненасытные,— гневно восклицал Радищев,— что крестьянину мы оставляем: то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли хлеб и воду, но и самый свет»[8]. Анализируя формы эксплуатации крепостных, Радищев особенно осуждал месячину и барщину как наиболее тяжелые, «скотские» виды крестьянских повинностей. Он яркими красками рисовал положение крепостных, лишенных права на землю, продукт своего труда, на жилище, создание семьи по своему желанию.

А. Н. Радищев указывал, что размеры барщинных работ законом не устанавливались. Летом они доходили до 5—6 дней в неделю. Поэтому «состояние крестьян, отправляющих земледелие на щет господской или, попросту сказать, состоящих на пашне, есть наитягчайшее»[9]. Особенно тяжелым для крестьян было лишение их собственного хозяйства, перевод в дворовые люди на месячину, когда приходилось все рабочее время трудиться на барской пашне или в хозяйстве помещика, а минимум средств существования получать с господского двора. Радищев таких крестьян называл «узниками», поскольку они были на положении рабов, «говорящих» орудий труда.

Тяжесть крепостного гнета усиливалась налоговой политикой абсолютистского государства. Свои размышления по этому вопросу Радищев изложил в ряде работ —«Записка о податях Петербургской губернии», «О тарифе 1766 года и пошлинах по нему» и др. Основной налог в пользу государства тогда собирался с народных масс в виде подушной подати, установленной еще Петром I. Дворяне и духовенство от подушной подати освобождались. Анализируя состояние экономики крестьянских дворов, Радищев доказывал несправедливость такого поголовного обложения всех крестьян, ибо по своему экономическому положению они не были однородны. В деревне выделялась верхушка зажиточного слоя, доходы крестьянства зависели от близости рынков сбыта, плодородия почв. Поэтому «уравнительность» в обложении обусловливает «неуравнительность» фактической тяжести этого налога для различных прослоек населения деревни. Крепостные крестьяне облагались дополнительными поборами в пользу помещика. Тягость налогов крепостных поселян, писал Радищев, «живущих на нивах помещичьих... исчислить неможно»[10].

Революционер-мыслитель впервые в истории русской экономической мысли подверг тщательному исследованию налоговую политику дворянского государства и пришел к выводу, что все формы личных налогов и повинностей несправедливы, что они должны быть заменены подоходно-имущественными.

Радищев предсказывал неизбежность антифеодальной революции, исходя из анализа объективных противоречий крепостнического строя. Он верил, что народная революция неизбежна и «не мечта сие»; когда «взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую, я зрю сквозь целое столетие»[11]. Но вместе с тем он

понимал, что реальных условий для совершения крестьянской революции в современной ему России еще не было. Однако «приидет вожделенно время» и «избраннейший всех дней»— так с неугасимой верой в будущую революцию писал революционер-поэт.

Радищев был убежденным противником феодализма, но его представления о будущем общественном строе не были лишены утопизма. Он полагал, что в обществе, которое основано на господстве собственности мелких производителей на средства производства и на личном труде, не будет экономических и классовых противоречий, утвердится имущественное равенство и станет возможным экономическое и политическое равноправие граждан. Радищев не понимал, что мелкая частная собственность на средства производства, в том числе и на землю, сняла бы все преграды для развития буржуазных отношений, для мобилизации земли и капитала в руках немногих и пролетаризации разорившихся собственников, превращения их в наемных рабочих. Зато страстный призыв Радищева к уничтожению крепостничества и феодальной собственности был, несомненно, смелым лозунгом для антифеодальной революции, звал к борьбе.

После воцарения Александра I Радищев был «прощен» и определен на службу в Комиссию о составлении законов. В своих юридических работах и проектах законов 1801—1802 гг. он отстаивал прежние идеи, внося предложения об уничтожении крепостного права и сословных привилегий. В ответ на угрозу новой ссылки в ночь на 12 сентября 1802 г. Радищев принял яд и скончался. «Заветы мои пребудут до лучших времен...— писал он незадолго до своей смерти,— потомство отомстит за меня»[12]. Так ушел из жизни великий гуманист и революционер России конца XVIII в., полный веры в грядущую победу крестьянства.

В своих теоретических работах по вопросам экономики он стремился обосновать необходимость защиты экономических и политических интересов крестьянства и эксплуатируемого народа в целом. Хотя Радищев считал земледелие основной отраслью народного хозяйства, тем не менее он придавал большое значение и развитию промышленности. Высоко оценивая преобразования Петра I, направленные на развитие промышленности, торговли, денежного обращения, Радищев, однако, полагал, что эти мероприятия имели бы значительно больший успех и раз-

мах, если бы реформатор не сохранил без изменения крепостничество[13].

Взгляды на развитие промышленности были высказаны Радищевым в таких работах, как «Письмо о Китайском торге», «Описание моего владения» и др. Радищев не разделял ошибки меркантилистов в трактовке источника народного богатства, видевших его лишь в торговле и притоке благородных металлов. Таким источником он считал производительный труд в хозяйстве страны и утверждал, что лишь то государство богатеет, которое изобилует «своими произведениями», и сам «корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытчества»[14]. Им подчеркивалась необходимость иметь такое производство, которое давало бы товарную продукцию для удовлетворения внутренних потребностей и экспорта. Между тем Россия являлась страной отсталой в промышленном отношении, о чем свидетельствовал незначительный вывоз товаров, являющихся результатом ее «собственного рукоделия или настоящего общественного упражнения»[15]. Он выступал за то, чтобы Россия в короткое время достигла значительных успехов в расширении и совершенствовании промышленного производства. В русском государстве, указывал Радищев, бóльшую часть года население свободно от земледельческих работ. Оно может быть занято в кустарных промыслах, ткацком деле, в прядении шерсти, льна и др.

Радищев был сторонником мелкого кустарного производства потому, что оно занимало много людей и давало им дополнительный, а порой и основной источник существования. Он не отрицал необходимости и возможности создания крупных мануфактур. Однако он не видел его преимуществ перед мелким, не понимал, что мелкое производство, основанное на частной собственности, под воздействием объективных экономических законов простого товарного производства перерастет в капиталистическое, породив новую форму эксплуатации трудящихся.

Радищев, понимая важность для России развития промышленного производства, требовал проведения политики протекционизма как политики, защищающей молодую русскую промышленность от иностранной конкуренции. Его взгляды на этот счет отличались от воззрения меркантилистов. Если последние видели в протекционизме способ содействия развитию промышленности, экспортирующей свою продукцию, в целях притока в страну де-

нежного металла, то Радищев считал, что протекционизм даст возможность развить собственную промышленность для увеличения внутреннего потребления. Следовательно, богатство страны Радищев видел в товарах, удовлетворяющих потребности народа, произведенных и промышленностью.

Вопросам товарного производства и товарно-денежного обращения Радищев уделял значительное внимание. Так, он считал, что, «чем больше торговля будет расширяться, тем больше людей она богатит». Основу возникновения торговли он находил в общественном разделении труда. Радищев связывал его с развитием производства, указывая, что именно «изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на таковыя, в коих был недостаток. Сие произвело торговлю»[16]. По Радищеву, тот продукт, который предназначался для обмена, для продажи (товар), должен обладать определенным свойством — удовлетворять потребности людей.

Радищев близко подходил к пониманию роли потребительной стоимости товара. Основными агентами товарного обращения он считал производителя, купца (покупателя и продавца товара) и покупателя-потребителя. Они и принимают участие в ценообразовании и распределении «прибыли».

Проблему стоимости товара Радищев рассматривал сквозь призму цен и факторов ценообразования, различая «истинную цену» товара и «прибавочную» (или «прирастающую»). Под «истинной ценой» он понимал по существу издержки производства, в которые включал «задатки», т. е. затраты на средства производства, транспортировку товаров, их хранение и т. д. «Истинная цена» поэтому «никому в прибыток быть не может», т. е. она не содержит в себе прибыли. Под «прибавочной» («прирастающей») ценой понималась вся надбавка к «истинной цене», состоящая из «прибытка» (прибыли) мелкого производителя или капиталиста. Как писал Радищев, «вся прибавочная цена товара есть прибыль всем тем, чрез чьи руки оной проходил». В итоге «прирастающая цена товара обращается в прибыток...»[17].

Важно отметить, что Радищев первый ввел в русскую экономическую литературу термин «прибавочная цена». Им выдвигался тезис, что «вся цена товара», т. е. стоимость товара, представляет собой сумму «истинной цены» и «прибавочной цены». Но этот оригинальный вариант теории стоимости предназначался Радищевым не для

характеристики стоимости как экономической категории, а для показа того, что крепостное хозяйство ведется нерационально, оно не учитывает и не может учитывать расходов и соизмерять их с доходами, так как лежащий в основе стоимости труд крепостных крестьян ничего не стоит помещику.

А. Н. Радищев неправильно считал, что «прирастающая цена» тем больше, чем длиннее путь товара от производителя к потребителю. Эта идея была связана с ошибочным мнением, будто все те, кто прямо или косвенно соприкасается с производством товара, его хранением, транспортировкой и продажей, получают от этого «довольствие» и «пропитание». Радищев видел в этом возможность иметь постоянный доход «большему числу людей» России, а это для него было главным. Купеческий барыш не столь важен. Критикуя меркантилистов и отрицая исключительное значение внешней торговли для обогащения стран, Радищев правильно указывал, что обмен во внешней торговле осуществляется на основе эквивалента, стоимости («цены»). Когда же он рассматривал движение товара внутри страны, то ошибочно полагал, что прибыль может возникать и в сфере обращения.

А. Н. Радищев много внимания уделял вопросам внутренней и внешней торговли. Он собирал материал о рынках, товарах, ценах, о перемещении товарной массы по стране, о дорогах, каналах, о крупных центрах ярмарочной торговли. Он выступал сторонником свободной торговли внутри страны и требовал, чтобы экономическая политика государства способствовала этому, чтобы власти заботились о хорошем состоянии дорог, мостов, рек, каналов, торговых амбаров и др. По его мнению, торговля содействует развитию ремесла и промышленности, распространению культуры. Национальный рынок объединяет вокруг себя различные экономические районы страны, уравнивает цены на аналогичные товары. Торговля будет способствовать вовлечению Сибири в торгово-промышленный оборот России. Главным видом народного богатства Радищев считал не деньги, а товары, потребительные стоимости.

В основе идей Радищева о пользе высоких тарифов лежат не фискальные доходы в пользу государства, а забота о защите интересов мелких производителей и крестьянства[18]. Но в целом внешнюю торговлю он оценивал положительно, когда она содействовала развитию внутренней торговли.

А. Н. Радищев создал оригинальную теорию денег и денежного обращения. Деньги, по его мнению, сами выступают как товар. Единственное их преимущество перед остальным товарным миром в том, что они сами «всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно». «На что же их предпочитать в торгу другим произведениям,— спрашивает Радищев,— почто их почитать истинными богатствами... Или кусок золота или серебра драгоценнее сока винограда и тростника сладкого?..»[19] Одним из первых в истории русской экономической мысли Радищев анализировал различные функции денег, особенно функцию средств обращения. Из этой функции он ошибочно и выводил «изобретение» денег. Он трактовал их как «мерило всех вещей, в торгу обращающихся». В ходе анализа вексельного обращения и кредита Радищев отмечал еще одну функцию денег — как средства платежа. При расчете в международной торговле монеты «снимают» свой национальный костюм и выступают в весовых количествах. Фактически здесь речь шла о функции мировых денег. И наконец, указывая на возможность превращения золота и серебра в деньги, Радищев отмечал стремление людей к безграничному накоплению этих металлов. Отсюда «страсть к богатствам, которая, яко пламень, все пожирающий, усиливается, получая пищу»[20]. В этой функции деньги выступают как сокровища, как средства накопления.

А. Н. Радищев, излагая теорию бумажно-денежного обращения, впервые высказал идею, что бумажные деньги — представители золота, знаки стоимости[21]. Между тем А. Смит считал бумажные деньги всего лишь дешевым орудием обращения. Чрезмерная эмиссия бумажных денег вызывает повышение цены товаров, утечку золота и серебра, падение курса ассигнационного рубля, увеличение внешнего государственного долга и т. д. Все эти явления были вскрыты Радищевым на примере истории развития бумажно-денежного обращения в России во второй половине XVIII в. Верным источником доходов государственной казны он считал земледелие и промышленность.

Указывая на деньги как на товар и капитал, приносящий доход, Радищев делал правильное заключение о возникновении кредита и процента. Деньги, писал Радищев, «подобно всякой другой собственности... можно менять или продать», дать взаем, а «заем с платежом за них процентов есть истинной наем...». Он считал, что в стране, где ощущается недостаток капиталов, кредит будет способст-

вовать развитию промышленности и торговли, а взимание процента не является преступным. Его величина зависит от спроса и предложения на денежном рынке. Радищев был против ростовщических процентов, но вместе с тем утверждал, что законом установленные нормы процента соблюдаться не будут. Правда, лучше было бы, «если бы деньги были дешевы и проценты низки. Но не закон может назначить им цену, где чего много, там то и дешево»[22]. Обосновывая неизбежность ликвидации крепостничества в России, Радищев выдвинул идею создания народной республики, во главе которой встанут мужи из народа.

В истории русской и мировой экономической мысли А. Н. Радищев занимает выдающееся место. Будучи революционером, Радищев критически относился к многим общественным течениям XVIII в. Он поднялся на высокую ступень революционного мышления. По уровню теоретической зрелости социально-экономические взгляды А. Н. Радищева были выше взглядов его современников и оказали воздействие на них. По времени он был предшественником декабристов, а по революционной идеологии во многом предвосхитил воззрения российских разночинцев-демократов (революционных демократов) середины XIX в.

3. Экономические идеи декабристов

Для дворянского этапа освободительного движения в России характерными были экономические идеи декабристов. В. И. Ленин неоднократно обращался к вопросу дворянской революционности декабристов. Он отмечал, что в эпоху крепостничества в освободительном движении преобладало дворянство: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ»[23].

Появление декабризма как первого этапа освободительного движения в России было обусловлено рядом объективных причин. Среди них важнейшее место занимают разложение крепостничества под воздействием роста производительных сил, расширение товарно-денежных отношений, обострение классовых противоречий между помещиками и крепостными крестьянами. Пугачевское восстание обнажило всю глубину этих противоречий. Известную роль в обострении идеологической борьбы внутри господствующего класса сыграла Отечественная война 1812 г., когда передовые офицеры и солдаты, пройдя Ев-

ропу, познакомились с жизнью народов западных стран, с элементарными нормами буржуазной демократии, с идеями французской революции конца XVIII в. Как писал И. Д. Якушкин, «пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи»[24]. Большое влияние на усиление недовольства передового русского офицерства оказала консервативная политика императора Александра I, оставившего в стране все без изменения и после окончания Отечественной войны 1812 г.

Важную роль в формировании идеологии декабризма сыграли сочинения российских просветителей конца XVIII в. (Н. И. Новикова, И. А. Третьякова, С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского и др.), но особенно революционные идеи А. Н. Радищева. Экономические взгляды декабристов были порождены сложными экономическими и политическими противоречиями крепостнической России, критически осмысленными представителями революционного дворянства. Основную свою задачу революционно настроенные декабристы видели в уничтожении крепостничества, предоставлении личной свободы крестьянам, ликвидации абсолютистской монархии, установлении демократических порядков в России. Это была революционная программа слома феодального строя, осуществление которой способствовало бы развитию России по буржуазному пути.

Антифеодальное движение в России должна была возглавить буржуазия, но в начале XIX в. она была еще слаба. Поэтому роль руководителя освободительного движения выпала на долю революционного дворянства. Внутри движения декабристов обнаружились различные течения. Наиболее последовательные дворянские революционеры группировались вокруг П. И. Пестеля (Южное общество), а умеренные организовали Северное общество во главе с Н. М. Муравьевым.

Наиболее ярким литературным источником, позволяющим судить о программе декабристов, является «Русская Правда», написанная П. И. Пестелем в период после окончания войны с Наполеоном. П. И. Пестель (1793—1826) был высокообразованным человеком, серьезно занимавшимся политическими науками. Он хорошо знал сочинения классиков буржуазной политической экономии, работы мелкобуржуазных и вульгарных экономистов Запада. Пестель был идейным вождем декабрист-

ского движения, теоретиком и пропагандистом радикального пути утверждения нового строя, убежденным сторонником республики. «Русская Правда» бескомпромиссно провозглашала уничтожение самодержавия, крепостничества, установление республиканского строя и обеспечение «благоденствия народа». В само понятие «благоденствие», слишком широкое и столь же неконкретное, Пестель пытался вложить две главные идеи — благосостояние и безопасность. Для их обеспечения Пестель считал необходимым осуществить систему экономических и политических мероприятий.

Политические законы должны основываться на «естественном праве», на него должна ориентироваться и политическая экономия. Учение о «естественном праве» Пестель понимал весьма широко. Он считал, что «естественное право» должно быть исходной нормой в установлении как политических прав граждан общества, так и их прав на собственность, на средства производства. Отсюда основную цель «Русской Правды» автор видел в том, чтобы изложить «верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления», указать пути и методы достижения цели общественного благоденствия, под которым понималось «благоденствие совокупности народа». При этом «благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного»[25].

Декабристы ставили вопрос об уничтожении монархии. В составленном еще до восстания сподвижником Пестеля С. И. Муравьевым-Апостолом при участии М. П. Бестужева-Рюмина и широко распространенном среди солдат «Православном катехизисе» на вопрос, что же «подобает делать... российскому воинству», чтобы освободиться от тирании царей, давался недвусмысленный ответ: «Ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России»[26].

Однако среди декабристов не было единства по вопросу о республиканском строе. Руководитель Северного общества Н. М. Муравьев (1796—1843) в 1820—1821 гг. составил проект Конституции (три варианта), в котором решительно выступил против самодержавия и крепостничества, считая, что «власть самодержавия равно гибельна для правителей и для обществ». В главе III проекта Конституции декларировалось, что «крепостное состояние и рабство отменяются»[27]. Однако в отличие от Пестеля Муравьев склонялся к сохранению конституционной мо-

нархии, хотя и ограниченной Народным Вече, состоящим из Верховной Думы и Палаты народных представителей.

Декабристы были едины в методах свержения самодержавия. Все они разделяли идею о военном перевороте без участия народных масс. Это объясняется дворянской ограниченностью и непониманием роли народа в уничтожении феодализма. Декабристы собирались создать такой общественный строй, при котором наряду со свободным крестьянством, капиталистическими предприятиями в промышленности, торговли были бы и помещики, владеющие землей как источником средств их существования.

Декабристы, борясь за «благоденствие народа», в то же время отстраняли его от участия в этой борьбе, обоснованно опасаясь, что крестьянство не ограничится дворянской программой в решении вопроса о земле. Этим и объясняется, почему В. И. Ленин, высоко оценивая программу декабристов ликвидации самодержавного строя в России, вместе с тем отмечал, что они были слишком «далеки от народа» и потому их практические возможности для совершения военного переворота были незначительны. Это в конечном счете и предопределило их поражение. Указывая на классовую ограниченность экономической программы декабристов, тем не менее надо подчеркнуть, что в исторических условиях крепостничества в России требование освобождения крестьян и попытка практически осуществить это путем военного переворота были выдающимся революционным событием.

По предварительному плану восстания, разработанному С. П. Трубецким, в случае победы восставших Сенат должен был опубликовать «Манифест» к народу. В нем объявлялось об уничтожении бывшего правления (самодержавия), крепостничества, об «уравнении прав всех сословий», о праве любому гражданину «приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах». Это дополнялось отменой «подушных податей и недоимок по оным»[28].

Таковы в общем принципиальные установки декабристов, руководствуясь которыми они начали борьбу с самодержавием. При этом опорные позиции своих программных требований они видели не только в учении о «естественном праве», но и в истории Руси. Как писал декабрист М. А. Фонвизин, «Древняя Русь не знала ни рабства политического, ни рабства гражданского: то и другое привилось к ней постепенно и насильственно...»[29].

Один из центральных вопросов, волновавших декабристов,— аграрный. Он долго обсуждался в их кругах. Как освобождать крестьян — с землей или без земли? Автор «Русской Правды» занимал наиболее радикальную позицию, утверждая, что реальное освобождение крестьян от экономической и политической зависимости от помещиков возможно лишь тогда, когда крестьяне (наряду с личной свободой) будут наделены и землей. Пестель решительно отрицал право дворян держать в личной зависимости крестьян. «...Право обладать другими людьми, как собственностью своею,— писал он,— продавать, закладывать, дарить... есть дело постыдное, противное человечеству, законам естественным»[30]. Исходя из этого общего положения, Пестель доказывал, что освобождение крестьян с землей есть единственное и важнейшее условие обеспечения общественного благосостояния.

Идейный вождь декабристов П. И. Пестель не мыслил революционных преобразований в России без изменений аграрных отношений. Земледелие он рассматривал как основную отрасль народного хозяйства, а источником народного богатства в основном считал труд в земледельческом производстве. Если одной из задач нового общественного устройства признавалось уничтожение нищеты и бедности народных масс, то ближайший путь достижения этого виделся в предоставлении возможности всем гражданам новой России трудиться на земле, находящейся либо в общественной собственности и предоставленной в пользование крестьян, либо в их частной собственности. Общественной собственности на землю Пестель отдавал предпочтение перед частной, поскольку пользование землей из общественного фонда должно быть бесплатным, каждый сможет получить ее в распоряжение независимо от имущественного положения. Такое право Пестель мыслил предоставить всем жителям деревни и города, чтобы всех граждан России поставить в равное положение по отношению к земле. Это было оригинальное решение сложного вопроса.

Какие земли должны были быть использованы для создания общественного фонда? Это главным образом земли помещиков и казны. Таких земель вполне достаточно, чтобы наделить всех нуждающихся. Сама идея посягательства на помещичью землю была обоснована в новой конституции («Государственном завете»), где указывалось, что «весь российский народ» составит «одно сословие — гражданское», поскольку все нынешние сословия уничто-

жаются. Такова постановка Пестелем вопроса о земле и пользовании ею, о новой форме собственности на землю. Практическое воплощение этой идеи он видел в разделении всей земли в каждой волости «на две части: на волостную и частную. Первая принадлежит всему обществу, вторая — частным людям. Первая составляет собственность общественную, вторая — собственность частную»[31].

Пестель разработал и условия, на основании которых отбирается часть помещичьих земель в пользу общества. У помещиков, имеющих 10 тыс. десятин и более, проектировалось отбирать половину ее безвозмездно. Если помещик имел от 5 до 9 тыс. десятин, то половина отобранной земли должна быть возмещена за счет казенных владений либо компенсирована деньгами за счет казны[32]. Это позволяло бы помещику вести хозяйство с помощью наемной силы и постепенно переводить его на капиталистические начала. Таким образом, по проекту Пестеля собственность помещичьих хозяйств сохранялась, хотя и значительно урезывалась в крупных имениях. В этом, несомненно, сказалась ограниченность взглядов Пестеля. Но подлинная революционность его аграрной программы заключалась в том, что он всех крестьян предлагал наделять землей и тем самым упразднял хозяйственную зависимость крестьян от помещиков.

Аграрный проект Пестеля не был поддержан всеми членами тайного общества декабристов. Его радикальное содержание выходило за рамки освободительных преобразований, допускаемых умеренно настроенными членами общества. Например, видный декабрист и экономист Н. И. Тургенев (1789—1871), боровшийся за освобождение крестьян от личной крепостной зависимости, вместе с тем допускал их освобождение без земли либо с землей (по две десятины на мужскую душу), но за выкуп. Тургенев прилагал немало усилий, чтобы убедить помещиков в том, что освобождение крестьян от личной зависимости не будет причиной расстройства их хозяйства. Из наемного труда крестьян можно «выжимать» доходов не меньше, чем при крепостном праве. Н. И. Тургенев, написавший ряд работ: «Опыт теории налогов» (1818), «Нечто о барщине» (1818), «Нечто о крепостном состоянии в России» (1819), «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян» (1819) и др., рисовал яркую картину бедственного положения крестьян, особенно барщинных и дворовых. Однако выход из этого положения он все же видел в решениях «сверху», а не в революционном уничтожении

крепостничества. Автор записки «Нечто о крепостном состоянии в России» уверял, что «одно только правительство может приступить к улучшению жребия крестьян»[33].

Но известно, что помещики не только в период разложения крепостничества (конец XVIII — начало XIX в.), но и в период кризиса крепостного хозяйства (середина XIX в.) выступали решительными противниками освобождения крестьян, и лишь объективные причины принудили правительство в 1861 г. встать на путь реформы. Помещичью собственность на землю Тургенев ошибочно рассматривал как условие экономического прогресса России, ратовал за перевод дворянских латифундий на капиталистический путь развития. Крестьянским хозяйствам отводилась подчиненная роль источника дешевой рабочей силы для помещичьих имений. В отличие от Пестеля Тургенев видел будущее России в капиталистическом развитии земледелия во главе с крупными капиталистическими хозяйствами помещиков. Взгляды Тургенева на крепостничество и земельный вопрос были отражением дворянской ограниченности.

К аграрному проекту Пестеля высказал свое отрицательное отношение и Н. М. Муравьев, не скрывавший этого еще до восстания, а после поражения его на следствии открыто заявлявший: «...весь план Пестеля был противен моему рассудку и образу мыслей»[34]. В своем проекте Конституции Муравьев оставлял всю землю за помещиками, сохраняя экономическую основу господства дворянства. В первом варианте по этому вопросу он выразился так: «Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно».

В период господства крепостного права в России правом собственности были наделены только дворянство и свободное торгово-промышленное сословие. Поэтому, когда Н. М. Муравьев декларировал неприкосновенность и священность собственности, это относилось только к господствующему классу — дворянам. В проекте Конституции говорилось, что «земли помещиков остаются за ними». После прочтения первого варианта проекта Конституции отдельными членами тайного общества декабристов Н. М. Муравьев дополнил этот тезис примечанием, что «дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим». И. И. Пущин сделал приписку на полях: «Ежели огород, то земля» [35].

Сторонниками безземельного освобождения крестьян были также С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, И. Д. Якушкин, М. Ф. Орлов и др. Взгляды умеренно настроенных декабристов вступали в явное противоречие с главной целью движения. Освобождение крестьян от личной зависимости помещиков без земли или с мизерным клочком ее не решало вопроса о ликвидации зависимости крестьян от земельных собственников. Замена внеэкономического принуждения экономической кабалой не исключала антагонистического, классового противоречия между крестьянами и помещиками.

«Русская Правда» не содержит разработанной программы развития промышленности, торговли и финансов. Но об отношении декабристов к этим вопросам можно судить по сочинениям Тургенева, Бестужева и Орлова. Пестель, придавая решающее значение земледелию, не отрицал важной роли развития промышленности и торговли. Пестель, например, считал, что экономическая политика государства должна активно содействовать развитию промышленности, торговли, установлению правильной налоговой системы, а ради защиты отсталой отечественной промышленности поддерживал протекционистскую политику. Некоторые декабристы южных районов России (И. И. Горбачевский (1800—1869) и др.) отдавали промышленности приоритет перед земледелием, утверждая, что проблему уничтожения нищеты и бедности можно успешнее решить путем активного развития промышленности. «...Народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным»[36],— писал Горбачевский.

Пестель указывал, что развитию промышленности должна способствовать торговля, как внешняя, так и внутренняя, но ее росту препятствовало существование купеческих гильдий, которые обеспечивали привилегии крупным купцам. Декабристы всех направлений считали, что эти привилегии должны быть отменены, так как они тормозили рост торговли.

По мнению Пестеля, должна быть изменена и налоговая политика. После провозглашения равенства всех граждан России и уничтожения сословных привилегий налоги должны платить все члены Российского государства, в том числе и дворяне. Пестель предлагал даже отменить подушные подати, все натуральные и личные повинности, установить прямые, дифференцированные имущественные и подоходные налоги, которые не были бы ра-

зорительны для малоимущих слоев населения. Он был противником налогов косвенных, особенно на предметы первой необходимости. В целях оказания помощи мелкому производству деревни и города автор «Русской Правды» предлагал расширить деятельность банковской системы, создать банки в каждой волости и выдавать беспроцентные ссуды на длительные сроки крестьянам и горожанам для содействия развитию их хозяйств или промыслов. Все эти предложения Пестеля по существу вели к созданию новой финансовой системы, целью которой было бы содействие населению в развитии хозяйства, а не решение фискальных задач государства. Не было у декабристов единства взглядов и на эти вопросы.

Представителями умеренного крыла были созданы важные работы, как свидетельствуют произведения Н. И. Тургенева («Опыт теории налогов», 1818), Н. А. Бестужева («О свободе торговли и вообще промышленности», 1831) и М. Ф. Орлова («О государственном кредите», 1833). Содержание этих работ выходит за рамки обозначенных в названии проблем. Они поднимают общие вопросы крепостного хозяйства, экономической политики государства в области торговли, налогового обложения, финансов и кредита. В «Опыте теории налогов» Тургенев анализирует историю налогов в различных странах, источники платежа налогов, формы их сбора, значение налоговой политики для населения, развития промышленности, торговли, государственных финансов и т. д. Но свою главную задачу автор видел в анализе русской истории, в критике крепостничества, в защите идеи свободы. Как позднее вспоминал Тургенев в работе «La Russie et les Russes» («Россия и русские», 1847), «в этом произведении (т. е. в «Опыте теории налогов».— *Авт.*) я позволил себе целый ряд экскурсов в более высокие области политики. Подушная подать дала мне случай говорить о рабстве... Эти побочные пункты имели в моих глазах гораздо большее значение, чем основное содержание моей работы»[37].

Рассматривая Россию как экономически отсталую страну, Тургенев в противоположность Пестелю считал фритредерство политикой, содействующей росту промышленности. Здесь, безусловно, сказывалось не только влияние модного в то время учения А. Смита, но и забота об интересах помещиков. Из всех социальных слоев русского общества дворянство наиболее тесно было связано с внешней торговлей как поставщик на зарубежный рынок

хлеба, пеньки, сала, кожи и покупатель тонкого сукна, шелка, вина, пряностей, предметов роскоши и др. Тургенев одобрительно отзывался о новом тарифе 1810 г., разрушившем таможенные барьеры для иностранных товаров. Однако исторические ссылки его на пример Англии, установившей политику свободной торговли, неудачны. Нельзя было механически переносить на российскую действительность, где была слабо развита промышленность, принципы фритредерства. Тургенев игнорировал тот факт, что сама Англия и почти все страны Западной Европы строили свою промышленность под защитой политики протекционизма.

Не понимал значения политики протекционизма для развития промышленности в России и видный декабрист П. Г. Каховский (1797—1826). В своих письмах к царю Николаю I он заявил, что «много способствовала к упадку торговли и ко всеобщему разорению в государстве запретительная система, которая нигде не может быть полезна, тем более вредна в отечестве нашем»[38]. Негативное отношение к протекционизму проявляли Н. М. Муравьев, Н. А. Бестужев и др.

В работе «О свободе торговли и вообще промышленности» (1831) Н. А. Бестужев (1791—1855) высказывал ошибочное суждение об отрицательных последствиях запретительных тарифов. Известную формулу «laissez faire, laissez passer» («свобода действий, свобода торговли») он воспринимал некритически, не учитывая исторических условий каждого государства. Бестужев рассматривал протекционизм как запоздалое отражение устаревшей политики меркантилизма. По его убеждению, страны, богатые плодородными землями и обширными территориями, должны производить преимущественно сельскохозяйственную продукцию и быть поставщиком ее на внешние рынки. Малые страны вынуждены развивать промышленность и выступать на рынках с промышленными товарами. В этом случае между государствами должен осуществляться свободный обмен. Свободные действия частных предпринимателей не должны лимитироваться государственными ограничениями, в том числе и тарифной политикой. Бестужев не выступал противником развития промышленности, но более склонялся к развитию промышленности перерабатывающей, находящейся в руках дворянства[39].

Н. И. Тургенев утверждал, что система налогов хотя и косвенно, но отражает характер государства республи-

канского или деспотического, и подчеркивал, что правильная организация налогового обложения может строиться лишь на основательном знании экономии политической и «всякое правительство, которое не будет понимать правил сей науки... необходимо должно погибнуть» от расстройства финансов[40]. Давая идеалистическое объяснение происхождению налогов на основе теории «общественного договора» Ж.-Ж. Руссо и считая взимание их в принципе правильным, Тургенев выступил противником привилегий дворян и духовенства, ибо налоги должны платить все слои общества в соответствии с доходами. Хотя примеры несправедливого обложения налогами он брал из истории Франции, но достаточно прозрачно критиковал российские порядки, требовал уничтожения подушных податей и замены их налогом на «рабочие силы и землю». Автор особенно выступал против личных повинностей, считая целесообразным заменить их денежными оброками. В деспотических странах налоги носят тяжелый, обременительный характер, но они не должны быть разорительны для народа. Поэтому «правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных, а не столько, сколько народ дать в состоянии»[41]. Предлагалось налоги взимать только с чистого дохода, не затрагивая основной капитал, налог с помещичьего хозяйства устанавливать один раз в 100 лет. Это логически вытекало из его представления о роли помещичьих хозяйств в развитии капиталистических аграрных отношений. Следует подчеркнуть прогрессивность взглядов Тургенева на налоговую политику, направленную против крепостничества, царского произвола.

Представляют известный интерес высказывания Тургенева о бумажных деньгах, банках и кредите. Использование бумажных денег в функции средства обращения он рассматривал как рациональное явление, поскольку они заменяли движение металлических денег. Тургенев подчеркивал, что количество бумажных денег, функционирующих в сфере обращения, должно соответствовать размерам товарооборота. Если это условие нарушается, то лишние бумажные деньги ведут к обесценению «чистых денег», т. е. полноценных, что является как бы дополнительным налогом на трудящихся. Тургенев подвергал критике правительство, которое использовало политику покрытия бюджетного дефицита за счет эмиссии денег, считая, что экономически рациональнее прибегать к госу-

дарственному кредиту. Он подчеркивал, что «все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государственного... Век бумажных денег прошел для теории — и прошел безвозвратно. Век кредита наступает для всей Европы»[42].

Более глубокий систематический анализ государственного кредита дал декабрист генерал М. Ф. Орлов (1788—1842). Его книга «О государственном кредите» (1833) явилась одной из первых в мировой литературе, в которой излагалась буржуазная теория государственного кредита. Орлов был сторонником крупной капиталистической промышленности и крупной частной собственности на средства производства. До конца дней своих он придерживался идеи неприкосновенности частной собственности. В отличие от других декабристов Орлов связывал прогресс в экономическом развитии России с организацией крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но такое развитие тормозилось отсутствием крупных капиталов. Для решения этих задач Орлов предлагал расширить государственный кредит (кстати, известными противниками этой идеи были А. Смит, Д. Рикардо, русские министры финансов Гурьев, Канкрин и др.). Декабрист переоценивал роль государственного кредита, фетишизировал его, усматривая в нем источник так называемого первоначального накопления, и предлагал сочетать это с умеренной системой налогового обложения. Он отмечал, что «ежели хорошая система налогов есть первое основание кредита, то употребление кредита есть побудительная причина к устройству системы налогов»[43].

Оригинальным было предложение Орлова сделать государственные займы источником государственного кредита. При этом имелось в виду займы не возвращать, а оплачивать их сумму в виде процента в течение длительного времени. Эта идея легла в основу теории государственного кредита. Развитая система государственного кредита потребует создания обширной сети банков, что отвечало тенденции в развитии капитализма. Написав эту книгу, М. Ф. Орлов заявил о себе как о серьезном теоретике в области государственного кредита не только в русской, но и в мировой экономической литературе. Ссылки на его работу имеются в немецкой литературе.

Таким образом, декабристы не только выступили революционными борцами против крепостничества и самодержавия, но и оставили серьезный след в истории экономи-

ческой мысли. В их работах глубокое освещение получили аграрные проблемы, вопросы экономической политики государства, особенно внешнеэкономической и налоговой, проблемы государственного долга, кредита и др. Их взгляды, будучи по существу буржуазными, оказали огромное влияние на развитие общественно-экономической мысли в России.

В. И. Ленин дал диалектическое определение исторического места декабристского периода освободительного движения в России: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»[44].

ИСТОЧНИКИ

Часть I (с. 28—35)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 184.
[3] Там же. С. 185.
[4] *Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 28.
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 379.
[6] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.
[7] Там же. Т. 1. С. 347.

Глава 1 (с. 36—51)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 132.
[2] Цит. по: Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 52.
[3] Цит. по: *Богословский Е. С.* Древнеегипетские мастера: По материалам из Дер-эль-Медина. М., 1983. С. 271.
[4] Хрестоматия по истории древнего мира. Саратов, 1973. С. 11, 12.
[5] Там же. С. 17, 19.
[6] *Gardiner A. H.* The Wilbour Papyrus. Vol. I—III. L., 1941—1948.
[7] Цит. по: *Стучёвский И. А.* Земледельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982. С. 239.
[8] См.: Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 11.
[9] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 31, 32, 34.
[10] Там же. С. 77.
[11] Там же. С. 21, 23.
[12] См. там же. С. 105, 106.
[13] Там же. С. 43, 47, 46.
[14] Там же. С. 48.
[15] Там же. С. 102.
[16] См.: *Богословский Е. С.* Указ. соч. С. 269.
[17] См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 93—96.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.
[19] Цит. по: *Лурье И. М.* Юридическне документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства//Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 274.
[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.

Глава 2 (с. 51—70)

[1] См.: *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. С. 256—257.
[2] Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963. С. 190.
[3] Подробнее см.: *Клочков И. С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: Очерки. М., 1983. С. 47—59.

[4] О структуре законов Хаммурапи см.: *Кечекьян С. Ф.* Всеобщая история государства и права. Ч. I. Древний мир. Вып. 1. Древний Восток и Древняя Греция. М., 1944. С. 83—85; *Дьяконов И. М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства// Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 262—263; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983. С. 372—374.

[5] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 152, 156.

[6] Там же. С. 161.

[7] Там же. С. 276.

[8] См.: Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984. С. 163—164.

[9] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 209.

[10] Пример такого рода документов см. там же. С. 209—210.

[11] Цит. по: *Садаев Д. Ч.* История Древней Ассирии. М., 1979. С. 185.

[12] См. там же. С. 97.

[13] Примеры контрактов такого рода см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 229.

[14] Там же. С. 232.

[15] Подробнее см.: *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 144—154.

[16] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 251.

[17] Там же. С. 252.

[18] Там же. С. 260.

Глава 3 (с. 70—76)

[1] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. М., 1980. С. 61—64.

[2] См.: Мифологии древнего мира / Пер. с англ. М., 1975. С. 350—351.

[3] См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. С. 65—67, 64.

[4] Цит. по: Литература древнего Востока. М., 1971. С. 125.

[5] См.: Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай. Тексты. М., 1984. С. 7—8.

[6] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. С. 68, 69, 70.

[7] Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай. Тексты. С. 9.

[8] Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. С. 70.

[9] См. там же. С. 24—32.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 56.

[11] Цит. по: Литература древнего Востока. С. 129.

[12] Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973. С. 533.

[13] Цит. по: *Брагинский И.* 12 миниатюр. М., 1976. С. 23.

Глава 4 (с. 76—94)

[1] *Романов В. Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 30.

[2] *Breloer B.* Kautalīya-Studien III//Staatsverwaltung im alten Indien. Leipzig, 1934.

[3] *Ritschl E., Schetelich M.* Studien zum Kautilīya Arthaśastra. Berlin, 1973; *Scharfe H.* Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kautalya. Wiesbaden, 1968.

Глава 5 (с. 94—110)

[1] Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972. С. 140, 149, 152, 149.
[2] Там же. С. 145, 141, 162, 169, 150.
[3] Там же. С. 247, 238.
[4] См. там же. С. 234—235, 330, 331.
[5] Там же. С. 240.
[6] *Феоктистов В. Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исследование и перевод. М., 1976. С. 256.
[7] Там же. С. 202—203.
[8] Там же. С. 204.
[9] См. там же. С. 203—205.
[10] Книга правителя области Шан. М., 1965. С. 148.
[11] Там же. С. 143, 144.
[12] См. там же. С. 147, 145—146, 151, 157, 172, 159.
[13] *Штейн В. М.* Гуань-цзы: Исследование и перевод. М., 1959. С. 258, 303.
[14] Там же. С. 282, 278, 284, 287, 295, 296.
[15] Древнекитайская философия. Т. 1. С. 128.
[16] См. там же. С. 116, 134, 136—137.
[17] Там же. С. 267, 268.
[18] Там же. С. 197, 180, 193.
[19] Там же. С. 237.

Глава 6 (с. 111—135)

[1] См.: *Гомер.* Илиада. М.; Л., 1949. С. 421, 247, 408—411; *Он же.* Одиссея. М.; Л., 1935. С. 65, 103, 107, 139, 361, 414—416.
[2] См.: *Гесиод.* Труды и дни. М., 1927. С. 40, 42—46, 48—50, 52, 60—61.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 116.
[4] См.: *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли. М., 1929. С. 103, 104.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 21.
[6] Античный способ производства в источниках. Л., 1933. С. 515, 516.
[7] *Ксенофонт.* Киропедия. М., 1976. С. 214.
[8] *Ксенофонт.* Соч. Вып. V. Митава, 1880. С. 45—62.
[9] См.: *Ксенофонт.* Киропедия. С. 257—267.
[10] *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. М.; Л., 1935. С. 269, 298.
[11] *Ксенофонт.* Соч. Вып. V. С. 226.
[12] *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. С. 263—269, 301, 315.
[13] *Ксенофонт.* Киропедия. С. 190.
[14] *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. С. 256—262, 270, 280.
[15] *Ксенофонт.* Киропедия. С. 187—188.
[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 379.
[17] *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. С. 252, 254.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 119.
[19] *Ксенофонт Афинский.* Соч. Вып. V. Ревель, 1896. С. 185.
[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 378—379.
[21] Там же. Т. 20. С. 238.
[22] Там же. Т. 23. С. 378—379.
[23] Там же. Т. 20. С. 239.
[24] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 471, 472.

[25] *Платон.* Государство//Соч. Т. 3. Ч. I. М., 1971. С. 285, 151, 152, 251, 260, 263.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 379.
[27] *Платон.* Законы//Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 211, 214, 215, 423, 339, 439, 410.
[28] См.: *Аристотель.* Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 236, 377, 380, 381, 384, 386, 608.
[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 68.
[30] Там же. С. 69.
[31] Там же.
[32] *Аристотель.* Соч. Т. 4. С. 157.
[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 163.
[34] *Аристотель.* Политика. М., 1911. С. 20—31; Этика Аристотеля. СПб., 1908. С. 7, 86—89, 91—95.
[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 239.
[36] Там же. Т. 23. С. 70.

Глава 7 (с. 135—157)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 368.
[2] Там же. Т. 21. С. 129.
[3] *Катон Марк Порций.* Земледелие. М.; Л., 1950. С. 8.
[4] Там же. С. 8, 9, 14.
[5] Там же. С. 11, 12, 39, 40, 15—17.
[6] См.: *Варрон.* Сельское хозяйство/Пер. с лат. М.; Л., 1963. С. 32, 33, 63, 35.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 44.
[8] См.: *Варрон.* Указ. соч. С. 42.
[9] Там же. С. 43, 63, 44, 46, 47.
[10] *Катон, Варрон, Колумелла, Плиний.* О сельском хозяйстве. М., 1957. С. 157.
[11] См. там же. С. 168, 162, 163, 169, 193, 268, 269, 271, 272, 273.
[12] *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 22.
[13] *Цицерон.* Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 65.
[14] Там же. С. 53.
[15] *Цицерон.* О старости. С. 63, 65, 69.
[16] *Сенека Луций Анней.* Письма к Луцилию. М., 1977. С. 77—79.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 314.
[18] Подробнее об этом см.: История древнего мира. Кн. II. М., 1982. С. 399—406; *Амусин И. Д.* Кумранская община. М., 1983; *Свенцицкая И. С.* От общины к церкви: О формировании христианской церкви. М., 1985. С. 54—62.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 105.

Часть II (с. 158—166)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч I. С. 473.
[2] Там же. Т. 23. С. 87.
[3] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 147.
[4] Там же. Т. 48. С. 8.
[5] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 365.
[6] См. там же. Т. 9. С. 130—136, 224—230; Т. 12. С. 497—500; Т. 13. С. 7; Т. 20. С. 152, 166, 183—185, 647 и др.

Глава 8 (с. 167—187)

[1] См.: *Чупров А. И.* История политической экономии. М., 1892. С. 3—4.

[2] История средних веков (V — XV века): Хрестоматия. Ч. I. М., 1980. С. 39.

[3] Там же. С. 35, 37.

[4] Lex Sal., IX, XVI, XXVII, XXXIV.

[5] Lex Sal., XLI, 1; XL1,3; LIV, 1.

[6] Cap. de vil., 1.

[7] История средних веков: Хрестоматия. С. 64, 66; Cap. de vil. 18, 19, 21, 23, 34, 37, 38, 40, 43, 45, 48, 62, 64, 70.

[8] История средних веков: Хрестоматия. С. 67.

[9] Cap. de vil., 63.

[10] Ibid., 8, 32, 39, 65; Цит. по: *Петрушевский Д. М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928. С. 195.

[11] Цит. по: Книга для чтения по истории средних веков. Вып. I. М., 1913. С. 429.

[12] Цит. по: *Эспинас А.* История политико-экономических доктрин/Пер. с франц. СПб., б. г. С. 48—49.

[13] Isid. Etymol.,IX,4,36.

[14] Conc. Hisp., II, сап. 3.

[15] Цит. по: *Соколова А. М.* Варварские правды. Чита, 1969. С. 111.

[16] Aelfred, 43; Ine, 3, § 2, 67, 68; 74, § 2; *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 39; *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937. С. 31—43; Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 91.

[17] См.: *Савело К. Ф.* Указ. соч. С. 59—62.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 350.

[19] Там же. Т. 22. С. 306.

[20] См.: *Онкен А.* История политической экономии до Адама Смита/Пер. с нем. СПб., 1908. С. 95—96.

[21] Thomae Aquinatis Summa theologiae. Roma, 1894. Pars II, 2, quaest. 77, 78.

[22] Цит. по: *Онкен А.* Указ. соч. С. 132, 133.

[23] De regimine principum, lib. II, cap. 13.

[24] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. С. 106.

[25] Саксонское зерцало. М., 1985. С. 95—96.

[26] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. С. 107.

[27] История средних веков: Хрестоматия. С. 75.

[28] Там же. С. 76, 77.

[29] Cartularium Monasterii de Rameseia. Vol. I. L., 1884. P. 336, 337, 365—369, 414—416, 431—433, 443, 446, 460—463, 469, 475—477, 484, 487—490; Vol. II. P. 28, 29, 37—40; *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954. С. 242—253; *он же.* Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969. С. 130—265; *он же.* Вопросы политической экономии феодализма. М., 1980. С. 139—202.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 476.

[31] The Moneta of Nickolas Oresme. L., 1956. P. 4—48.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 361.

[33] Там же. С. 362.
[34] См.: *Сказкин С. Д.* Исторические условия восстания Дольчино. М., 1955. С. 29—31.

Глава 9 (с. 187—195)

[1] *Lopez R. S.* The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century//Dumbarton Oaks Papers, 1959. Vol. 13. P. 67—85.
[2] Византийская Книга Эпарха/Вступит. статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 82 (IX, § 5), 83 (X, § 4).
[3] *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI//Византийский временник. 1959. Т. 15. С. 47.
[4] О Феодоре Метохите и Фоме Магистре см.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV — XV вв. Л., 1976. С. 140—141.
[5] *Прохоров Г. М.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.//Литературные связи древних славян. Л., 1968. С. 98—99.
[6] Византийский земледельческий закон/Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. С. 120—121.
[7] *Laiou A. E.* A Note on the Farmer's Law-Chapter 67//Byzantion. 1971. Vol. 41. P. 197—204.
[8] *Zachariae* von *Lingenthal C. E.* Collectio librorum Juris Graeco-Romani Ineditorum. Leipzig, 1852. Cap. 28. § 2; Cf. Cap. 28, § 8.
[9] *Поляковская М. А.* Этнические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы//Античная древность и средние века. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 77—84.
[10] *Медведев И. П.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона//Византийский временник. 1973. Т. 34. С. 88—96.
[11] *Spentzas S. P.* Ai oikonomikai kai demosionomikai apopseis tou Plethonos. Athenai, 1964. P. 11, 47, 59, 82, 102.
[12] Ibid. P. 103.
[13] *Lambros Sp.* Palaiologeia kai Peloponnesiaka. T. 3. Athenai, 1926. P. 260.
[14] Критический разбор литературы по этому вопросу см.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.
[15] *Spentzas S. P.* Op. cit. P. 70.
[16] Ibid. P. 88, 93.
[17] *Lambros Sp.* Palaiologeia kai Peloponnesiaka. T. 4. Athenai, 1930. P. 43—44.
[18] *Keller A. G.* A Byzantine Admirer of «Western» Progress: Cardinal Bessarion//The Cambridge Historical Journal. 1955. Vol. 11. P. 343—348.

Глава 10 (с. 195—233)

[1] См.: Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962. С. 777, 843, 739.
[2] См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных/Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. VII — VIII.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 361.
[4] Послание многословное. Сочинение инока Зиновия//Чтения в Обществе истории древностей российских. Кн. 2. М., 1980. С. XVII.
[5] См.: Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого. Казань, 1855.
[6] Произведения Пересветова помещены в приложении к кн.: *В. Ф. Ржига.* И. С. Пересветов, публицист XVI века. М., 1908. Изданы отдель-

ной книгой: *Пересветов И. С.* Сочинения. М.; Л., 1956; см. о нем: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

[7] См.: *Ржига В. Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 194—197.

[8] См.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.

[9] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.

[10] См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М., 1951; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. Т. I. М., 1954.

[11] См.: *Розов В.* Южнорусские грамоты. Т. 1. Киев, 1917. С. 138.

[12] *Шевалье П.* Історія війни козаків проти Польщі. Пер. с франц. изд. 1663 г. Київ, 1960. С. 45—46.

[13] См.: *Штерн І.* Суспільно-економічні погляди Івана Вишенського//Нариси з історії економічної думки на Україні. Київ, 1956. С. 67—84.

[14] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 10. СПб., 1878. С. 448.

[15] Там же. С. 450.

[16] Там же. Т. 7. СПб., 1872. С. 206—207.

[17] Літопис самовидця. Київ, 1971. С. 99—100.

[18] Источники малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 5, 11, 16.

[19] Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. Изд. 2. Чернигов, 1865. С. 17.

[20] *Зіновіїв К.* Вірши. Приповісті посполиті. Київ, 1971. С. 96.

[21] *Полоцкий С.* Избранные сочинения. М., Л., 1953. С. 12—13.

[22] *Olisarovijs A.* De politika hominum societate. Dantisci, 1651.

Глава 11 (с. 233—270)

[1] См.: *Ангелов Д.* Богомильство в Болгарии. М., 1954. С. 201.

[2] См.: *Натан Жак, Беров Л., Цонев Ст., Горов К. Ж.* История на икономиката мисъл в България. Т. I. София, 1971. С. 26—28.

[3] Umanistul Nicolaus Olahus (Nicolaie Românul) (1493—1568). Texte alese. Bucureşti, 1986, P. 106, 109.

[4] См.: *Урсул Д. Т.* Н. Г. Милеску-Спафарий. М., 1980. С. 174.

[5] Istoria doctrinelor economice. Bucureşti, 1970. P. 330.

[6] Dicţionar de economia politică. Bucureşti, 1974. P. 339.

[7] Istoria Românieі. V. III. Bucureşti, 1964. P. 947—948.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 249.

[9] История Румынии. 1848—1917 гг. М., 1971. С. 11.

[10] Istoria doctrinelor economice. P. 336.

[11] Texte din literatura economică a Românieі. Bucureşti, 1960. P. 5, 6.

[12] Ibid. P. 19.

[13] *Constantinescu O.* Critica teoriei // România-ţară eminamente agricolă. Bucureşti, 1973. P. 24, 25, 27.

[14] *Suţu N.* Opere economice. Bucureşti, 1957. P. 32.

[15] См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 708—710.

[16] Там же. С. 713, 724, 732, 717.

[17] См.: *Борецкий-Бергфельд Н.* История Венгрии в средние века и новое время. СПб., 1908. С. 116, 118.

[18] Цит. по: *Борецкий-Бергфельд Н.* Указ. соч. С. 115.

[19] *Guzicki L., Zurawicki S.* Historia myśli społeczno-ekonomicznej do roku 1914. Warszawa, 1969. S. 21—22.

[20] *Czech Z. j in,* Historia myśli ekonomicznej. Wroclaw, 1979. S. 401.

[21] *Górski J.* Poglagy merkantylistyczne y polskiej myśli ekonomicznej XVI i XVII wieku. Wrocław, 1958. S. 46.
[22] Filozofia i myśl społeczna XVI wieku. Warszawa, 1978. S. 527—534.
[23] *Modrzewski A.* Dzieła wszystkie. T. I. Warszawa, 1953. S. 155, 158, 159, 161; T. II. 1954. S. 82.
[24] *Gostomski A.* Gospodarstwo. Wrocław, 1953. S. 18, 16, 101, 92, 80.
[25] *Górski J.* Op. cit. S. 58.
[26] Merkantylistyczna myśl ekonomiczna w Polsce XVI i XVII wieku. Wybor pism. Warszawa, 1958. S. 17, 75.
[27] Ibid. S. 300.
[28] Ibid. S. 344.
[29] Ibid. S. 376.
[30] Ibid. S. 432, 429—430.
[31] См.: Законик царa Стефана Душана. Београд. 1960. § 59, 64, 68, 118—119, 121—123, 168—170, 189.
[32] См. там же. С. 176.
[33] *Padojruh H.* Закон орудницима деспота Стефана Лазаревича. Београд, 1962.
[34] *Костренчић М.* Винодолски закон. Загреб, 1923. С. 227.
[35] *Чулиновић Ф.* Статут города Сеня. Београд, 1934. § 1, 4, 22, 25, 101, 116, 119, 121, 126, 134 и др.
[36] *Башескіе М.* Летопис. Сараево, 1968. С. 488.

Глава 13 (с. 281—291)

[1] Чжицзян ли сяньшэн вэньцзи (Собрание сочинений учителя Ли, состоявшего в должности чжицзян) в серии «Сы бу цункань». Шанхай, [1930-е годы], цзюань 16. Л. 1б.
[2] Цит. по: *Бокщанин А. А.* Императорский Китай в начале XV века. М., 1976. С. 204.
[3] См.: Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 39, 80, 81, 143, 190. Наиболее полное развитие этот принцип получил в трудах Ли Гоу (см.: Чжицзян ли сяньшэн вэньцзи. Цзюань 16. Л. 12б — 13б) и в деятельности Ван Аньши (см.: Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. С. 53—54).
[4] См.: Чжицзян ли сяньшэн вэньцзи. Цзюань 16. Л. 18а; Тин-линь ши вэньцзи (Собрание поэтических и прозаических сочинений Гу Яньу), т. 2. Тайбэй, 1970. Цзюань 6. Л. 7а.
[5] Чжицзян *ли* сяньшэн вэньцзи. Цзюань 16. Л. 18а — 23а; см. также: Установления о соли и чае. М., 1975. С. 52.
[6] См., например: Чжицзян ли сяньшэн вэньцзи. Цзюань 16. Л. 1а — 3а.

Глава 14 (с. 291—303)

[1] *Миёси Киёюки.* Икэн дзюникадзё (памятная записка из 12 статей): Нихон сэйсин бунка тайкэй (серия памятников духовной культуры Японии). Токио, 1934. Т. 3. С. 3, 9, 10, 14, 18, 19, 34, 40, 43, 44.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 44. С. 149.
[3] Собрание сочинений Хонда Тосиаки (Очерки социально-экономических теорий периода Токугава). Токио, 1935. С. 38, 182, 317.
[4] См.: *Тадуль-Затуловский Л. Б.* Андо Сёэки. М., 1961. С. 133, 157, 140, 162, 163, 132, 155.

Глава 15 (с. 303—320)

[1] См.: Коран /Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963. В главе цитаты даны по этому переводу.

[2] См.: *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. I, II (1), II (2), II (3). СПб., 1897.

[3] Коран. Гл. 16. Стих 73. С. 214—215; Гл. 4. Стих 62. С. 76.

[4] Там же. Гл. 2. Стих 184, 185. С. 35; Гл. 5. Стих 42. С. 94; Гл. 24. Стих 27—29. С. 279; Гл. 17. Стих 28. С. 222.

[5] Там же. Гл. 9. Стих 60. С. 155; Гл. 8. Стих 1. С. 141; Стих 42. С. 145.

[6] Там же. Гл. 2. Стих 176. С. 33—34.

[7] О мертвых землях см.: *Аль-Маргинани (Бурхан ад-Дин Али ибн-Абу Бекр,* ум. в 1197 г.). Аль-Хидайя, араб. яз. (руководство по мусульманскому праву). Ч. IV. Казань, 1887. С. 549—554; *Он же.* Хидая: Комментарии мусульманского права/Пер. с англ./Под ред. Н. И. Гродекова. Т. IV. Ташкент, 1893 (перевод осуществлен со значительными пропусками.— *Авт.*). С. 102—126; *Nauphal I.* Cours de Droit Musulman, présenté à l'institut de langues orientales du Ministére des affaires étrangéres de l'année 1884/85. Premier fascicule. La propriété St. Pétérsbourg, 1886. P. 8—21 (имеется русский перевод).

[8] См.: *Аль-Маргинани.* Т. II. С. 163—322; Т. III. С. 175—212 (араб. яз.).

[9] Хрестоматия по истории халифата. М., 1968. С. 19, 21, 52.

[10] Там же. С. 21, 22, 49, 51.

[11] Там же. С. 123.

[12] Там же. С. 151.

[13] См.: *Абу Хамид аль-Газали.* Воскрешение наук о вере/Пер. с араб./Исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980; *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966.

[14] Сиасет-наме: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька/Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера. М., 1949. С. 220—223.

[15] Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX — XIV вв. М., 1961. С. 562.

[16] Там же. С. 569.

[17] Там же. С. 563—564, 568, 576, 580, 584—585.

[18] Там же. С. 599, 600, 601, 621—622.

[19] Там же. С. 604.

[20] Там же. С. 587, 593.

[21] Там же. С. 609—611, 599.

[22] Там же. С. 601, 605.

[23] Там же. С. 587—588, 593, 603, 608, 600—601, 625.

[24] *Шмидт А. Э.* Абд-ал-Ваххаб-аш-Ша'рани (973/1565 г.) и его Книга рассыпанных жемчужин. СПб., 1914. С. 8; *Kremer A. de.* Notice sur Sha'rany // Journal Asiatique. Ser. 6. T. X. 1868. P. 253—271.

[25] См. там же. С. 211, 224—225, 173, 199.

Глава 16 (с. 320—343)

[1] Цит. по: *Болтаев М. Н.* Абу Али Ибн Сина — великий мыслитель, ученый-энциклопедист средневекового Востока. Ташкент, 1980. С. 143—144.

[2] См. там же. С. 144—145; Ибн Сина Рисоло тадбири манзил. Тегеран. 1319. С. 6.

[3] См.: *Абу Райхан Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия. М., 1963. С. 12, 14; *Он же.* Избранные произведения. Ч. III. Геодезия. М., 1963. С. 88, 83.

[4] См.: *Юсуп Хас Ходжиб.* Кутадгу-билиг. Ташкент, 1972.

[5] См.: *Низам аль-Мульк.* Сиасет-наме. М., 1949.

[6] См.: *Юсупов И. А.* Об экономических воззрениях Алишера Навои // Из истории экономической мысли народов СССР. М., 1961. С. 79.

[7] См.: *Алишер Навои.* Пять поэм. М., 1948. С. 204.

[8] *Абдурахман Джами.* Избранное из книги поэм. М., 1964. С. 338.

[9] См.: Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV — XVI вв. Ташкент, 1960. С. 90, 115.

[10] См.: *Муминов И.* Избранные произведения. Ташкент, 1976. С. 367, 371, 372.

[11] Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1957. С. 254—255.

[12] См.: *Бакасова Р. Х.* Экономическая мысль Туркменистана в XVIII в. // Из истории экономической мысли народов СССР. С. 178—199.

[13] Цит. по: *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 295—296.

[14] *Цуртавели Иакоб.* Мученичество Шушаники. Юбилейное издание на древнегрузинском, грузинском, русском, латинском, английском, французском, испанском и немецком языках. Тбилиси, 1983.

[15] Хрестоматия по древнегрузинской литературе/Сост. С. Кубанейшвили. Т. I. Тбилиси, 1946. С. 32—394 (на груз. яз.).

Глава 17 (с. 343—353)

[1] *Berkes N.* Türkiye iktisat tarihi. Cilt 2. Istanbul, 1972. P. 325.

[2] Цит. по: Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 40.

[3] Цит. по: *Inalcik H.* The turkish Impact on the Development of Modern Europe // The Ottoman State and Its Place in World History. Leiden, 1974. P. 55.

[4] *Вейси.* Хаб-наме («Книга сновидений»). М., 1976. С. 57—58.

[5] Studies in the Economic History of the Middle East. L., 1970. P. 215.

[6] *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 89.

Часть III (с. 354—361)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 89.

[2] Там же. Т. 3. С. 62.

[3] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 410.

[4] Там же. Т. 4. С. 306.

[5] См. там же. Т. 20. С. 246.

[6] *Юм Д.* Опыты. М., 1896. С. 74.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 377.

[8] Там же. Т. 3. С. 413.

[9] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 346.

[10] Там же. Т. 6. С. 115.

Глава 18 (с. 362—378)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145—146.

[2] Подробнее см.: *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40—44, 85—88.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 361.
[4] *Эразм Роттердамский.* Похвала Глупости. М., 1983. С. 83.
[5] Архив Маркса и Энгельса. Т. X. М., 1948. С. 356. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 85.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 364.
[7] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 430.
[8] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 555.
[9] Цит. по: Там же. Т. 46. Ч. II. С. 430.
[10] Цит. по: Там же. Т. 25. Ч. I. С. 364.
[11] *Luther Martin.* An die Pfarrherren, wider den Wucher zu predigen. Vermahnung. 1540 // *Fabinnke G.* Luther als Nationalökonom. Berlin, 1963. S. 220, 205, 219.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 555.
[13] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 556.
[14] *Лютер М.* К христианскому дворянству немецкой нации // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 308.
[16] Там же. Т. 7. С. 371.
[17] Там же. С. 368—376, 424; *Смирин М. М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. С. 251—292.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 402—403.
[19] См. там же. С. 435.
[20] Там же. Т. 20. С. 17—18.
[21] *Мор Томас.* Утопия. М., 1953. С. 58—66.
[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 730, 731, 746.
[23] См.: *Мор Томас.* Указ. соч. С. 97, 110—126, 129—134, 136—140, 167, 168.
[24] См.: *Кампанелла Т.* Город Солнца. М., 1954. С. 45, 56—58, 69—71, 84, 85.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 21.

Глава 19 (с. 378—414)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 332.
[2] Там же. Т. 1. С. 544.
[3] Там же. Т. 24. С. 71.
[4] См. там же. Т. 1. С. 544, 545.
[5] См. там же. Т. 13. С. 140.
[6] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 347.
[7] Там же. Т. 23. С. 70.
[8] См. там же. Т. 26. Ч. I. С. 11.
[9] См. там же. С. 35, 39, 156.
[10] Там же. Т. 23. С. 92.
[11] См. там же. Т. 28. С. 177, 178.
[12] Там же. Т. 15. С. 5.
[13] Там же. Т. 16. С. 468.
[14] Там же. Т. 13. С. 149.
[15] См.: Меркантилизм. Л., 1935. С. 122, 123, 125, 127, 130, 132, 138.
[16] См. там же. С. 155—164, 168, 170.
[17] См. там же. С. 185—202.
[18] См.: История экономической мысли. Ч. 1. М., 1961. С. 177—179.
[19] Там же. С. 180.
[20] Там же. С. 172.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 41.
[22] См.: Меркантилизм. С. 91—100.
[23] См : Русское государство во второй половине XVII века. М., 1859.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 154.
[25] См.: Дополнение к Актам историческим. Т. V. СПб., 1853. № 1.
[26] ПСЗ. Изд. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 408.
[27] См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 34, 113—138, 192, 194, 195, 200, 203, 205—207, 213, 217—220, 223—226, 242, 253—259, 312, 313.
[28] Там же. С. 77.
[29] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 392, 396.
[30] *Ломоносов М. В.* Первые основания металлургии или рудных дел // Полн. собр. соч. Т. V. М.; Л., 1954. С. 402.
[31] *Сумароков А. П.* О домостроительстве//Полн. собр. соч. Ч. X. М., 1787. С. 161.
[32] См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 600—602; *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. М., 1963. С. 14—16.

Глава 20 (с. 414—427)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 630.
[2] Там же. Т. 2. С. 144.
[3] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 371.
[4] *Локк Дж.* Избранные философские произведения в двух томах. Т. II. М., 1960. С. 18, 19, 26.
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 369.
[6] Там же. С. 68.
[7] Там же. С. 368.
[8] Там же. Т. 13. С. 145.
[9] Там же. С. 62.
[10] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 161.
[11] *Норс Д.* Очерки о торговле, трактующие главным образом вопросы о процентах, чеканке, обрезе, увеличении денег//Меркантилизм. Л., 1935. С. 307—308.
[12] Там же. С. 316.
[13] Там же. С. 308.
[14] Там же. С. 317, 308, 309.
[15] Там же. С. 300.
[16] Там же. С. 314.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 367.
[18] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 171.
[19] Там же. Т. 20. С. 250.
[20] *Юм Д.* Опыты. М., 1896. С. 82, 80.
[21] Там же. С. 13.
[22] Там же. С. 38.
[23] Там же. С. 47.
[24] Там же. С. 20, 24.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 165.
[26] См.: *Юм Д.* Указ. соч. С. 22.
[27] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 141—142.
[28] Там же. С. 146.
[29] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 11.

Глава 21 (с. 428—442)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 145.
[2] Там же. Т. 25. Ч. I. С. 370; Т. 23. С. 91.
[3] См. там же. Т. 20. С. 243.

[4] Там же. Т. 13. С. 40.
[5] *Петти В.* Экономические и статистические работы/Пер. с франц. М., 1940. С. 165.
[6] Там же. С. 156, 22.
[7] Там же. С. 40.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 40.
[9] *Петти В.* Указ. соч. С. 55.
[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 364.
[11] *Петти В.* Указ. соч. С. 70—71.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 164.
[13] *Петти В.* Указ. соч. С. 33—34.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 361.
[15] См. там же. Т. 13. С. 39.
[16] *Boisquillebert P.* Le détail de la France, économistes financiérs du XVIII siècle. P., 1843. P. 255.
[17] *Boisquillebert P.* Dissertation sur la nature des riches, économistes financiérs du XVIII siècle. P., 1843. P. 409.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 40.
[19] *Boisquillebert P.* Le détail de la France. P. 209.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 193.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 42.
[22] См. там же.
[23] Там же. Т. 23. С. 60.
[24] Там же. Т. 13. С. 43.
[25] *Франклин Б.* Избранные произведения. М., 1956. С. 82.

Глава 22 (с. 442—466)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 20.
[2] Там же. С. 12.
[3] Там же. Соч. Т. 20. С. 16.
[4] Там же. Т. 24. С. 405.
[5] *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения/Пер. с франц. М., 1960. С. 101.
[6] См. там же. С. 95, 96.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 23—24.
[8] *Кенэ Ф.* Указ. соч. С. 351.
[9] Там же. С. 512.
[10] Там же. С. 329, 333.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 12.
[12] *Кенэ Ф.* Указ. соч. С. 359.
[13] Там же. С. 223, 225.
[14] Там же. С. 519.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 43.
[16] *Кенэ Ф.* Указ. соч. С. 226.
[17] Там же. С. 360.
[18] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 18—22.
[19] Там же. С. 345.
[20] *Немчинов В. С.* Экономико-математические методы и модели. М., 1965. С. 175, 177.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 25.
[22] См.: *Тюрго А. Р.* Избранные экономические произведения/Пер. с франц. М., 1961.
[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 38.
[24] Там же. Т. 15. С. 384.
[25] *Тюрго А.* Указ. соч. С. 131.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 25.
[27] См.: *Тюрго А.* Указ. соч. С. 146—147.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 530.

Глава 23 (с. 466—479)

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. I. С. 370.
[2] Там же. Т. 12. С. 726—727.
[3] См. там же. Т. 13. С. 44.
[4] Там же. Т. 13. С. 39.
[5] Там же. Т. 12. С. 727.
[6] Там же. С. 733.
[7] Там же.
[8] *Декарт Р.* Рассуждения о методе//Новая Москва, 1925. С. 48.
[9] «...Буржуазные отношения у него,— писал Д. Розенберг,— возникают одновременно с возникновением общественных отношений вообще» (История политической экономии. Ч. I. М., Институт экономики Комакадемии, 1934. С. 135). Это, конечно, верно. Но в то же время нельзя не видеть того, что с точки зрения исследования капитализма такая абстракция весьма плодотворна.
[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 43.

Глава 24 (с. 479—508)

[1] См.: О порядке в содержании приходов и расходов, и счетов о деньгах, и каким образом книги весть и в том поступать надлежит в губерниях, провинциях и городах. СПб., 1776.
[2] См.: *Галаган А. М.* Счетоводство в его историческом развитии. М.; Л., 1927. С. 110.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 153.
[4] *Петти В.* Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 156.
[5] *Bodin J.* De la Rèpublique. Lyon, 1580.
[6] *Sully M.* Mémoires des sages et royalles oeconomies d'Estat. Amsterdam, 1638; *Sully M.* Les papiers de Sully aux Archives Nationales. Inventaire par R. H. Bautier et A. Vallée-Karcher. Paris, 1959; *Mallet M.* Comptes-rendus de l'administration des finances du royaume de France pendent les onzes dernierès années du regne Henri IV, le regne de Louis XIII et soixante cinq années de celui de Louis XIV. Londres; Paris, 1789.
[7] «Политическое завещание» А. Ришелье было впервые переведено на русский язык в 1766 г. Здесь приведена цитата по наиболее точному переводу А. Д. Люблинской в ее книге «Франция при Ришелье. Французский абсолютизм» (Л., 1982. С. 117).
[8] *Richelieu A. J. du Plessis,* Cardinal de. Testament Politique. Paris, 1947. P. 250.
[9] *Montchretien A. de.* Traitè de l'oeconomie politique dédie en 1615 an roy et à la reyne mère. Paris, 1889.
[10] *Петти В.* Указ. соч. С. 31.
[11] См. там же. С. 50, 60.
[12] См., например: *Буагильбер П.* Рассужденне о природе богатства, денег и налогов или об обнаружении ошибочности того суждения, которое господствует в мире относительно этих трех предметов. Пер. с франц. // *Червонная Т. М.* Из истории экономической мысли во Франции XVII — XVIII вв. (учебное пособие). Горький, 1973. С. 39—41.
[13] См.: *Бржесский Н.* Податная реформа: Французская теория XVIII столетия. СПб., 1888. С. 38—46.

[14] См.: *Тюрго А. Р.* Избранные произведения/Пер. с франц. М., 1961. С. 154—155, 163—164.
[15] См.: *Неккер Ж.* Об управлении государственных доходов Французского королевства. Ч. I. СПб., 1786. С. 4—25.
[16] См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочиеиия. М., 1951. С. 179—182, 200—210.
[17] См.: *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
[18] *Зонненфельс И.* Начальные основания полиции или благочиния/Пер. с нем. М., 1787. С. 19.
[19] *Iusti G. H.* System des Finanswesens. Halle, 1766.
[20] См.: *Рау К. Г.* Основные начала финансовой науки. Т. 1. СПб., 1867. С. 13—14.
[21] *Mare de la.* Traité de la police. I—IV. Paris, 1722—1738.
[22] См.: *Юсти Г. Г.* Основание силы и благосостояния царств, или Подробиое иачертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. Ч. I — IV. СПб., 1772.
[23] См., например: *Zimmerman.* Die deutsche Polizei des neuzehnten Yahr hunderts. Bd I. 1848. P. 117; *Платонов И.* Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государствеиием. Харьков, 1856.
[24] *Платонов И.* Указ. соч. С. 11.
[25] *Брекер Э. Г.* Мнения о полиции, науке полицейской и полицейском праве//Северный архив (СПб.). 1828. № 5. С. 41—42.

Глава 25 (с. 509—516)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 115.
[2] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 368.
[3] *Уинстэнли Дж.* Избраииые памфлеты. М.; Л., 1950. С. 65—66.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 340.
[5] Утопический социализм. М., 1982. С. 113.
[6] Там же. С. 111.

Глава 26 (с. 516—532)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 273.
[2] *Мелье Ж.* Завещание. М., 1954. Т. I. С. 61—78; Т. II. С. 158—270.
[3] *Морелли.* Кодекс природы. М.; Л., 1957. С. 53—153.
[4] Там же. С. 202—225.
[5] *Мабли Г.* Избранные произведения. М., 1950. С. 73—154.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 18.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 226.
[8] Там же. Т. 2. С. 520.
[9] *Монтескье Ш.* О духе законов. СПб., 1900. С. 306, 233.
[10] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. С. 396.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 134.
[12] *Voltaire.* Oeuvres complètes. Garniers-frères (V. 1—52. P., 1877—1882). V. 22. P. 36.
[13] *Вольтер.* Философские повести. М., 1978. С. 234.
[14] *Voltaire.* Oeuvres complètes. V. 23. P. 502.
[15] Ibid. V. 20. P. 293.
[16] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 72.
[17] Там же. С. 72, 79.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 143.
[19] *Руссо Ж.-Ж.* Указ. соч. С. 78.
[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 144.

[21] *Руссо Ж.-Ж.* Указ. соч. С. 128, 188, 439.
[22] Там же. С. 284.
[23] История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 64.
[24] *Дидро Д.* Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1936—1947. С. 75.
[25] Там же. С. 248, 67, 73.
[26] История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 88.
[27] *Гельвеций К. А.* Сочинения. Т. 1. М., 1974. С. 311, 208.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 623.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 54.
[30] См.: Французская буржуазная революция. М.; Л., 1941. С. 389—402, 431—432; Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента. М., 1927. С. 186—205, 209—226, 231—242.
[31] *Робеспьер М.* Избранные произведения. М., 1965. Т. 2. С. 125—132, 324; Т. 3. С. 47.
[32] *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 142—146; Т. 3. С. 254—255; *Он же.* Памфлеты. М., 1934. С. 449—458.
[33] *Бабёф Гракх.* Сочинения в четырех томах. Т. I. М., 1975. С. 63—67, 97, 293—304.
[34] Цит. по: *Черткова Г. С.* Гракх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980. С. 139—140.
[35] *Бабёф Гракх.* Указ. соч. Т. 3. С. 403—405.
[36] *Буонаротти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый Заговором Бабёфа. В двух томах. Т. II. М.; Л., 1948. С. 140—146, 307—321.
[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 455.

Глава 27 (с. 532—543)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 128.
[2] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955. С. 448.
[3] *Альперович М. С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971. С. 108.
[4] *Фостер У.* Указ. соч. С. 221.
[5] См.: *Альперович М. С.* Указ. соч. С. 112.
[6] См.: *Линч Дж.* Революция в Испанской Америке, 1808—1826 гг. М., 1979. С. 324.
[7] Цит. по: Очерки истории Аргентины. М., 1968. С. 88—89.
[8] Цит. по: *Лаврецкий И.* Боливар. М., 1966. С. 128.
[9] Там же. С. 76, 97.
[10] Там же. С. 97.
[11] Там же. С. 151.

Глава 28 (с. 543—569)

[1] См.: *Вяткин М. П.* Емельян Пугачев. Л., 1956. С. 6.
[2] См.: Пугачевщина. Т. I. Центрархив. М.; Л. 1926. С. 40, 41.
[3] См. там же.
[4] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 401, л. 214. См. также: *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. М., 1963. С. 73—81.
[5] *Радищев А. Н.* Размышления о греческой истории//Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 282. Примечание.
[6] *Радищев А. Н.* Отрывок из путешествия//Полн. собр. соч. Т. 2. С. 347.

[7] См.: *Радищев А. Н.* Записка о податях Петербургской губерии // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 105.

[8] См.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 368, 322, 378.

[9] *Радищев А. Н.* Описание Петербургской губернии // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 131.

[10] *Радищев А. Н.* Записка о податях Петербургской губернии // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 118.

[11] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 368—369.

[12] См.: *Кашин Н.* Новый список биографии А. Н. Радищева. М., 1912. С. 21.

[13] См.: *Радищев А. Н.* Ранние труды по законодательству. Разрозненные заметки// Полн. собр. соч. Т. 3. С. 42.

[14] *Радищев А. Н.* Письмо о Китайском торге//Полн. собр. соч. Т. 2. С. 5.

[15] Там же. С. 10.

[16] Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Рукопись Радищева «Торговля». Собрание Воронцова, д. 398, л. 140; *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 383.

[17] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву//Полн. собр. соч. Т. 1. С. 8.

[18] См.: *Радищев А. Н.* Таможенные проекты и отзывы//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 51—96.

[19] *Радищев А. Н.* Письмо о Китайском торге//Полн. собр. соч. Т. 2. С. 32.

[20] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву//Полн. собр. соч. Т. 1. С. 383.

[21] См.: Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Рукопись Радищева «Торговля». Собрание Воронцова, д. 398, л. 141.

[22] *Радищев А. Н.* Проект Гражданского уложения//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 230, 231, 232.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 398.

[24] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. М., 1951. С. 38.

[25] См. там же. Т. II. С. 73, 79.

[26] Там же. С. 193.

[27] Там же. Т. I. С. 295, 298, 301.

[28] Там же. С. 363, 364.

[29] Там же. С. 367.

[30] Там же. Т. II. С. 120.

[31] ЦГИАМ, ф. декабристов, д. 10, л. 230.

[32] См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. II. С. 158—159.

[33] Там же. Т. I. С. 220.

[34] Восстание декабристов: Материалы и документы. Т. I. М.; Л., 1925. С. 324.

[35] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. С. 299, 302, 684.

[36] Там же. Т. III. С. 23.

[37] *Тургенев Н. И.* Опыт теории налогов. Предисловие. М., 1937. С. V.

[38] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. С. 508.

[39] См.: *Бестужев Н. А.* Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 93—172.
[40] *Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 147.
[41] Там же. С. 13.
[42] Там же. С. 147, 13, 171.
[43] *Орлов М. Ф.* О государственном кредите. М., 1933. С. 52.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Гл. I // Соч. Т. 3; *Они же.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4; *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Там же. Т. 1; *Он же.* Британское владычество в Индии // Там же. Т. 9; *Он же.* Будущие результаты британского владычества в Индии // Там же; *Он же.* К критике политической экономии // Там же. Т. 13; *Он же.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19; *Он же.* Капитал. Т. 1—3 // Там же. Т. 23, 24, 25. Ч. I, II; *Он же.* Теории прибавочной стоимости. Ч. I, II, III // Там же. Т. 26. Ч. I, II, III; *Он же.* Экономические рукописи 1857—1858 годов // Там же. Т. 46. Ч. I, II; *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Там же. Т. 6; *Он же.* Крестьянская война в Германии // Там же. Т. 7; *Он же.* Заметки о Германии // Там же. Т. 18; *Он же.* Марка // Там же. Т. 19; *Он же.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Там же; *Он же.* Франкский период // Там же; *Он же.* Анти-Дюринг. Отдел II. Гл. I, II, IV // Там же. Т. 20; *Он же.* Книга откровения // Там же. Т. 21; *Он же.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Там же; *Он же.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же; *Он же.* К истории первоначального христианства // Там же. Т. 22; *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся // Полн. собр. соч. Т. 2; *Он же.* Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3; *Он же.* Рецензия. *А. Богданов.* Краткий курс экономической науки // Там же. Т. 4; *Он же.* Три источника и три составных части марксизма // Там же. Т. 23; *Он же.* О национальной гордости великороссов // Там же. Т. 26; *Он же.* О государстве // Там же. Т. 39; Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986; Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

Общие работы

Аникин А. В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей — экономистов до Маркса. 4 изд. М., 1985; *Афанасьев В. С.* Этапы развития буржуазной политической экономии: Очерк теории. 2 изд. М., 1985. Гл. 1—2; *Бланки Ад.* История политической экономии. Т. 1. СПб., 1869; *Бреусенко Д.* Некоторые вопросы методологии истории экономической мысли. М., 1963; Всемирная история. Т. I—V. М., 1955—1958; *Замятин В. Н.* История экономических учений. М., 1964; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1—3. М., 1985—1986; История политических и правовых учений: Древний мир. М., 1985; История политических и правовых учений:

* В библиографию не включены работы, указанные в источниках.

Средние века и Возрождение. М., 1986; История русской экономической мысли/ Под ред. А. И. Пашкова. Т. 1. Ч. I, II. М., 1955, 1958; История средних веков: В 2 т./Под общей ред. С. Д. Сказкина. 2 изд. Т. I—II. М., 1977; История экономической мысли: Курс лекций / Под ред. И. Д. Удальцова и Ф. Я. Полянского. Ч. I. М., 1961; История экономических учений/ Отв. ред. П. И. Заррин. М., 1963; История экономических учений. М., 1983; История экономических учений: Сб. статей/ Отв. ред. С. Л. Выгодский. М., 1965; *Каратаев Н. К.* Очерки по истории экономических наук в России XVIII в. М., 1960; *Каратаев Н. К., Степанов И. Г.* История экономических учений Западной Европы и России. М., 1959; *Лященко П.* История экономических учений. 3 изд. Л., 1926; *Мордухович Л. М.* Главные этапы истории экономических учений. М., 1970; *Он же.* История экономических учений: От античных мыслителей до Д. Рикардо включительно. М., 1957; *Он же.* Очерки истории экономических учений: От античных мыслителей до родоначальников буржуазной классической политической экономии. М., 1957; *Научитель М. В.* История экономических учений: Учебно-методическое пособие. Гомель, 1980; *Он же.* История экономических учений: Учебное пособие. Гомель, 1982; Политические учения: История и современность: Домарксистская политическая мысль. М., 1976; Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968; Развитие метода политической экономии/ Под общей ред. А. К. Покрытана. М., 1986; Развитие политической экономии в СССР и ее актуальные задачи на современном этапе/ Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1981. Гл. XIII; *Реуэль А. Л.* История экономических учений: От древних мыслителей до К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972; *Розенберг Д. И.* История политической экономии. Т. 1. М., 1940; *Рубин И. И.* История экономической мысли: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. М.; Л., 1926; Художественная культура в докапиталистических формациях: Структурно-типологическое исследование / Под ред. М. С. Кагана. Л., 1984; *Штейн В. М.* Развитие экономической мысли. Л., 1924; Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства/ Под ред. Ю. М. Рачинского. М., 1979. Разд. I; *Эйдельнант А. Б.* Очерки из истории денежных теорий: Предшественники новейшего номинализма. М.; Л., 1929; *Behrens F.* Grundriß der Geschichte der politischen Ökonomie. Bd I: Die politischen Ökonomie bis zur bürgerlichen Klassik. Berlin, 1962; *Bell J. F.* A History of Economic Thought. New York, 1953; *Bertrand M.* Histoire et théories économiques. Paris, 1978; *Fabiunke G., Thal P.* Geschichte der politischen Ökonomie: Leitfaden. 2. über Auf. Berlin, 1981; Geschichte der politischen Ökonomie: Grundriß / Hrsg. von H. Meißner. Berlin, 1978; Geschichte der Volkswirtschaftslehre/ Hrsg. von Antonio Montaner. Köln; Berlin, 1967; *Haney L.* History of Economic Thought. 4th ed. New York, 1955; *Heimann E.* Geschichte der volkswirtschaftlichen Lehrmeinungen: Eine Einl. in die nationalökonomische Theorie. Frankfurt am Main, 1949; *Hillebrecht A.* Geschichte der volkswirtschaftlichen Lehrmeinungen. Stuttgart, 1955; Istoria doctrinelor economice. Bucureşti, 1970; *Kruse A.* Geschichte der volkswirtschaftlichen Theorien. Berlin/ W., 1960; *Lekachman R. A.* Histoire des doctrines économiques de l'antiquité a no jours. Paris, 1960; *Meek R. L.* Economics and Ideology and other Essays: Studies in the Development of Economic Thought. London, 1967; *Monroe A. E.* Early Economic Thought. The 3rd ed. Cambridge, 1930; *Roll E. A* History of Economic Thought. The 3rd ed. New York, 1956; *Schmölders G.* Geschichte der Volkswirtschaftslehre: Überblick und Leseproben. Reinbek bei Hamburg, 1962; *Schumpeter J.* History of Economic Analysis. New York, 1954; *Spiegel H.* The Development of Economic Thought. New York, 1952; *Stavenhagen G.* Geschichte der Wirtschaftstheorie/Von Gerhard Stavenhagen. 2völ-

lig neuarb. Aufl. Göttingen, 1957; *Whittaker E.* Schools and Streams of Economic Thought. The 2nd ed. Chicago, 1961.

ЧАСТЬ I

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. 2 изд. М., 1984; Cambridge Ancient History. The 2nd rev. ed. Vol. I—II. Cambridge, 1962—1967; Premiéres sociétés de classes et mode de production asiatique, Recherches internationales á la lumiére du marxisme. Paris, 1967. N 57—58; *Tökei F.* Essays on the Asiatic Mode of Production. Budapest, 1979.

Раздел 1

Артхашастра, или Наука политики. М.; Л., 1959; Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967; *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. Т. 1: История персидско-таджикской литературы. М., 1960; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. 2 изд. М., 1985; *Васильев Л. С.* История религий Востока. М., 1983; *Он же.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970; *Вейнберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986; *Вигасин А. А., Самозванцев А. М.* «Артхашастра»: Проблемы социальной структуры и права. М., 1984; *Гиоргадзе Г. Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973; *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э.: 626—331 гг. М., 1974; *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980; *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране. М., 1982; Индия в литературных памятниках III—VII веков/ Составитель Е. М. Медведев. М., 1984; История древнего Востока: Учебник/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979; История таджикского народа. Т. 1. М., 1963; Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблемы социальной мобильности. М., 1986; Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР: Памятники письменности Востока. Т. XIV. М., 1968; *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. М., 1962; *Лурье И. и др.* Очерки по истории техники древнего Востока. М.; Л., 1940; *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э.: Памятники и исследования. Л., 1960; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987; *Менабде Э. А.* Хеттское общество: Экономика, собственность, семья и наследование. Тбилиси, 1965; *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; *Перепелкин Ю. Я.* Частная собственность в представлении египтян Старого царства// Палестинский сборник 16/79/. М.; Л., 1966; *Савельева Т. Н.* Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962; *Самозванцев А. М.* Теория собственности в Древней Индии. М., 1978; *Струве В. В.* История древнего Востока. 2 изд. М., 1941; *Стучевский И. А.* Зависимое население Древнего Египта. М., 1967; *Он же.* Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962; *Титаренко М. Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985; *Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом завете. 2 изд. М., 1986; *Чанана Д. Р.* Рабство в Древней Индии: По палийским и санскритским источникам. М., 1964; *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950; Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. The 2nd ed./Ed. by Pritchard J. B. Princeton, 1955; *Gardiner A. H.* Ramesside Administrative Documents. London, 1948; *Gelb G. J.* From Freedom to Slavery//Bayerische Akademie der Wissenschaften. München, 1972; *Jans-*

sen Jac. G. Commodity Prices from the Ramessid Period: An Economic Study of the Village of Necropolis Workmen at Thebes. Leiden, 1975; *Kane P.* History of Dharmas'-astra. Vol. 1—5. Poona, 1930—1958; *Rau W.* Staat und Gesellschaft im alten Indien. Wiesbaden, 1957; *Ruben W.* Die gesellschaftliche Entwicklung im alten Indien. Bd I—VI. Berlin, 1967—1973; *Seidl E. et al.* Orientalisches Recht. Leiden; Köln, 1964//Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Erg.-Bd III; *Sharma R. S.* Light on Early Indian Society and Economy. Bombay, 1966; *Stein O.* Kleine Schriften. Stuttgart, 1985; *Thapar R.* Ancient Indian Social History. Delhi, 1978.

Раздел 2

Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1, 2. М., 1983; Античная литература/Под ред. А. А. Тахо-Годи. 4 изд. М., 1986; *Асмус В. Ф.* Античная философия. 2 изд. М., 1976; *Богомолов А. С.* Античная философия. М., 1985; *Бокщанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима: Учебное пособие. М., 1981; *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975; *Демосфен.* Речи. М., 1954. *Железнов В. Я.* Экономическое мировоззрение древних греков. М., 1916; *Зейпель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913; *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960; *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969; Историография античной истории/ Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980; История Древней Греции/ Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986; История Древнего Рима/ Под ред. В. И. Кузищина. 2 изд. М., 1981; Источниковедение Древней Греции: Эпоха эллинизма/ Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982; *Ковалев С. И.* История Рима. 2 изд. Л., 1986; *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985; *Кубланов М. М.* Новый завет: Поиски и находки. М., 1968; *Кузищин В. И* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1976; *Он же.* Римское рабовладельческое поместье. II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1973; Культура Древнего Рима: В 2 т. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985; *Лисий.* Речи. М.; Л., 1933; *Нерсесянц В. С.* Политические учения Древней Грецни. М., 1979; *Пикус Н. Н.* Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э.: Исследования социально-экономических отношений. М., 1972; *Полянский Ф. Я.* Экономическая мысль Древней Греции: Курс лекций. М., 1974; *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1933; *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии М.; Л., 1958; Тексты Кумрана. Вып. 1/Пер. с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амусина//Памятники письменности Востока XXXIII, I. М., 1971; *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима. III—I вв. до н. э. М., 1977; *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров. Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984; Хрестоматия по истории Древнего Рима /Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987; Хрестоматия по истории Древнего Рима/ Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962; *Цицерон.* Философские трактаты. М., 1985; *Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978; *Austin M. M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley; Los Angeles, 1977; Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd 1—31. Berlin; New York. 1972—1981; *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Lelden, 1958; *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1972; *Crook J.* Law and Life of Rome. Ithaca, 1967; *Duncan-Jones R.* The

Economy of the Roman Empire: Quantitative Studies. London, 1974; *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, 1973; *Frank T.* An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. I—V. Baltimore, 1933—1940; *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire romain. Paris, 1964; *Kolendo J.* Postęp techniczny a problem siły roboczej w rolnictwie starozytnej Italii. Wroclaw, 1968; *Martin R.* Recherches sur les agronomes latins et leur conceptions économiques et sociales. Paris, 1971; *Rémondon R.* Le monde romain // Histoire générale du travail. T. 1: Préhistoire et antiquité. Paris, 1959; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellonistic World. Vol. I—III. The 2nd ed. Oxford, 1953—1959; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1962; *Sirago V. A.* L'agricultura italiana nel IV sec A. C. Napoli; Liguri, 1972; *Sirago V. A.* L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958; Slavery in Classical Antiquity: Views and Controversies/Ed. by M. I. Finley Hefler. Cambridge, 1960; *Westermann W. L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

ЧАСТЬ II

Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; *Соколов В. В.* Средневековая философия. М., 1979; *Brunner O.* Feudalism: Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. Mainz, 1959; *Boutruche R.* Seignerie et féodalité. T. I. Paris, 1968; *Duby G.* Les trois ordres on L'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978.

Раздел 1

Агрикультура в памятниках западного средневековья. М.; Л., 1936; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. I. М., 1951; *Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства/ Пер. с венг. Е. Н. Елеонской. М., 1956; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962; *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв.: (По северофранцузским и западногерманским материалам). М., 1969; *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. 2 изд. М., 1986; *Он же.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; Вестминстерские статуты/ Пер. с лат. и старофр. Е. В. Гутновой. М., 1948; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949; *Он же.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII в. Кн. I. 2 изд. М., 1952; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2 изд. М., 1984; История Белорусской ССР. 2 изд. Минск, 1977; История Венгрии. Т. I / Под ред. В. П. Шушарина и др. М., 1971; История Византии. Т. 1—3. М., 1967; История Латвийской ССР. 2 изд. Рига, 1971; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978; История Литовской ССР. Т. 1. Вильнюс, 1986 (на лит. яз.); История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. 2 изд./ Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1983; Книга для чтения по истории средних веков. Вып. I/ Под ред. П. Г. Виноградова. М., 1913; *Ключевский В. О.* А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в. Кн. 3. М., 1904; *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984; *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947; *Косминский Е. А.* Историография средних веков. V в.— середина XIX в.: Лекции. М., 1963; *Котляр М. Ф.* Галицька Русь у другій половині XIX —

першій чверті XV ст. Київ, 1968; Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984; *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв.: Историко-юридические этюды. Л., 1981; *Она же.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977; *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. М., 1862; Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XIV вв. Ч. I, II. М., 1953; Очерки истории экономической мысли Венгрии. М., 1962; Памятники истории Англии XI—XIII вв./ Пер. и введение Д. М. Петрушевского. М., 1936; *Пичета В. А.* Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958; *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли // Собр. соч. Т. XX—XXII. М.; Л., 1925; Повесть Временных лет. Ч. I, II. М.; Л., 1950; *Поляковская М. А.* Общественно-политическая мысль Византии. 40—60-е гг. XIV в. Свердловск, 1981; *Полянский Ф. Я.* Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII—XV вв. М., 1952; Российское законодательство X—XX веков: в десяти томах. Т. 1—4. М., 1984—1986; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897; *Ругенбург В. И.* Народные движения в городах Италии, XIV—XV вв. М.; Л., 1958; Салическая правда/ Пер. Н. П. Грацианского // Ученые записки МГПИ. Т. XII. М., 1950; *Святловский В. В.* История экономических идей в России. Т. 1. Пг., 1923; *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973; Сочинения князя Курбского. Т. 1. СПб., 1914; Средневековье в его памятниках/ Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913; Статут Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. Вильнюс, 1983; Уложение государя, царя и Великого князя Алексея Михайловича (1649). СПб., 1913; Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия: Документы. М.; Л., 1935; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. I. Л., 1933; Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986; Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы/ Под ред. В. М. Корецкого. М., 1961; Хрестоматия по истории средних веков. Т. I—II/ Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959; *Эшли У. Дж.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897; *Ahrweiler A.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975; *Bloch M.* La société féodale. Vol. 1—2. Paris, 1939—1940; The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1966. Vol. 1; *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age: Temps, travail, et culture en Occidant. Paris, 1979; *Cuillou A.* La civilisation byzantine. Paris, 1974; *Lipiński E.* Historia polskiej myśli społeczno-ekonomicznej do konca XVIII wieku. Wrocław, 1975.

Раздел 2

Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.: Документы и материалы/ Состав., пер. и коммент. А. С. Тверитиновой. М., 1963; *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М., 1981; *Аль-Бируни Абу-Райхан Мухаммед ибн-Ахмед.* Собрание сведений для познания драгоценностей. Л., 1963; Антология узбекской поэзии. М., 1950; *Антонова К. А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара. 1556—1605 гг. М., 1952; *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии: Особенности и этапы развития. М., 1977; *Иванов А. И.* Ван Ань-ши и его реформы XI в. СПб., 1903; Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбе-

кистане в XV — XVI вв. Ташкент, 1960, *Искендеров А. А.* Тоётоми Хидэёси. М., 1984; История Грузии: в 3 т. Т. 1. Тбилиси, 1962; *Лапина З. Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985; *Нуцубидзе Ш. И.* История грузинской философии. Тбилиси, 1960; Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1977; *Раджабов М. Р.* Абдурахман Джами и таджикская философия XV века. Душанбе, 1968; *Салимзянова Ф. А.* Лютфи-паша и его трактат Асафнаме // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. 1974. М., 1981; *Свистунова Н. П.* Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966; Свод законов: «Тайхорё» 702—718 гг.: В 2 кн. М., 1985; *Симоновская Л. В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966; *Смирнов В. Д.* Кучибей Гомюрджинский и другие турецкие писатели XVIII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873; *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X— первой четверти XII в. М., 1974; Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984; *Стужина Э. П.* Китайский город XI—XIII вв.: Экономическая и социальная жизнь. М., 1979; *Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980; *Тягай Г. Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971; *Фараджев А. С.* Зарождение и развитие экономической мысли в Азербайджане в эпоху феодализма. Баку, 1986; *Хайруллаев М. М.* Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. Ташкент, 1967; *Хидашели Ш. В.* Основные мировоззренческие направления в феодальной Грузии. IV—XIII вв. Тбилиси. 1962; *Abu-l-Fas'l ibn-Mubarak.* The Ain-i-Akbari. Vol. I—III. Calcutta, 1939—1949; A Comprehensive History of India. Vol. V // The Delhi Saltanate (A. D. 1206—1526). Delhi, 1970; *Chen Huan-Chang.* The Economic Principles of Confucius and His School. Vol. 1—2. London, 1911; *Hall J. W.* Januma Okitsugu. Cambridge (Mass.), 1955; *Inalcik H.* Studies in Ottoman Social and Economic History. London, 1985; *Mantran R.* Limpit Ottoman du XVI au XVII siècle: Administration, économie, société. London, 1984; *Sharma S. R.* Mughal Government and Administration. Bombay, 1951; *Кимура Мотои.* Нихон хокэн сякай кэнкю си-История изучения японского феодального общества. Токио, 1958; *Нарамото Тацуя, Андо Сёэки.* Нихон но сисока-Японские мыслители. Токио, 1954; *Ху Цаинчуан.* Чжунго цзицзи сысяи ши-История экономической мысли Китая. Т. 1. Шанхай, 1962; Т. 2. Шанхай, 1963; *Ци Ся.* Ван Аньшибяньфа-Реформы Ван-Ань-ши. Шанхай, 1959.

Часть III

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV— XVIII вв. Т. 1. М., 1986; *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986; *Застенкер Н. Е.* Очерки истории социалистической мысли. М., 1985; Коммунистический идеал в истории домарксистской общественной мысли. Л., 1985; *Кузнецов В. Н., Мееровский Б. В., Грязнов А. Ф.* Западноевропейская философия XVIII века. М., 1986; *Миклашевский А. Н.* Деньги: Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895; Проблемы генезиса капитализма: Сборник статей. М., 1978; *Соколов В. В.* Европейская философия XV—XVII веков. М., 1984; *Сунягин Г. Ф.* Промышленный труд и культура Возрождения. Л., 1987; Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982; Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983; *Чистозвонов А. Н.* Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.

Раздел 1

Вопросы всеобщей истории. Тула, 1974; *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980; *Локк Д.* Сочинения: В трех томах. Т. 1, 2. М., 1985; Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972; *Роттердамский Эразм.* Философские произведения. М., 1986; *Смирин М. М.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962; *Черковец В. Н.* О методологических принципах политической экономии как научной системы. Гл. 1. М., 1965; *Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. Гл. 1. М., 1973; *Штекли А.* Томас Мюнцер. М., 1961; *Arcila F. E.* El pensamiento economico hispanoamericano en Baguijano y Carrillo. Caracas, 1976; Marthin Luther in der deutschen bürgerlichen Philosophie (1517—1845): Eine Textsammlung/ Hrsg. von W. Schuffenhauer und K. Steiner. Berlin, 1983; *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Economy // The Works of Sir James Steuart, Collected by General, Sir James Steuart, His Son, in Six Volumes. Vol. 1. London, 1805.

Раздел 2

Аникин А. В., Аникин В. А. Уильям Петти. М., 1986; *Афанасьев В. С.* Возникновение классической буржуазной политической экономии: Вильям Петти. М., 1960; *Афанасьев Г. Е.* Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1984; *Бём-Баверк Е.* Капитал и прибыль. СПб., 1909; *Гиггс Г.* Физиократы: Французские экономисты XVIII в. СПб., 1899; *Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики. М., 1972; *Дружинин Н. К.* Развитие основных идей статистической науки. М., 1979; *Журавский Д. П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1946; *Иванов А. И.* Материалы по китайской философии: Введение. Школа Фа. Хань Фэй Цзы. СПб., 1912; *Иофа Л. Е.* Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев: Географы первой половины XVIII в. М., 1949; *Казинец Л. С.* Теория индексов: Основные вопросы. М., 1963. *Кулишер И. М.* Очерки финансовой науки. Выпуск первый. Пг., 1919; *Либкнехт В.* История теории стоимости в Англии и учение Маркса. М., 1924; *Люблинская А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965; Методологические вопросы в экономической статистике: Аспекты исторического анализа // Ученые записки по статистике. Т. 28. М., 1976; Очерки по истории статистики СССР. М., 1955; *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945; *Он же.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1, 2. М., 1955; *Рубин И. И.* Физиократы. Б. м., 1925; *Рябушкин Т. В., Симчера В. М., Машихин Е. А.* Развитие статистической науки в СССР. М., 1985; *Слуцкий Е. Е.* Сэр Уильям Петти: Краткий очерк его экономических воззрений с приложением нескольких важнейших отрывков из его произведений. Киев, 1914; *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950; *Топер С.* Вильям Петти. М., 1929; *Федорович Л. В.* История и теория статистики. Одесса, 1894; *Фор Э.* Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979; Хрестоматия по истории русской статистики: История теоретических взглядов/ Сост. проф. Н. К. Дружинин. М., 1963; *Чантладзе В. Г.* Вопросы теории финансов. Тбилиси, 1979; *Чупров А. А.* Вопросы статистики. М., 1960; *Он же.* Очерки по теории статистики. М., 1959; *Юсти И. Г.* Основание силы и благосостояния царств. Ч. I—IV. СПб., 1772—1778; *Янжул И. И.* Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. СПб., 1904; *Letwin W.* The

Origins of Scientific Economics in English Economic Thought, 1660—1776. Methuen, 1963; *Perelman M.* Classical Political Economy. Totowa. New Jersey, 1984.

Раздел 3

Английская буржуазная революция XVII в. Т. 2. М., 1954; Восстание Емельяна Пугачева: Сборник документов/ Подготовлен к печати М. Мартыновым. Л., 1935; *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. 1—3. СПб., 1884; *Елеонский С. Ф.* Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». М., 1952; *Жижка М. В.* Емельян Пугачев. М., 1950; *Замятнин В. Н.* Социально-экономические взгляды А. Н. Радищева. Воронеж, 1949; История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978; *Кузнецов В. Н.* Французский материализм XVIII в. М., 1981; *Момджян Х. Н.* Французское просвещение XVIII в. М., 1983; *Приказчикова Е. В.* Экономические взгляды А. Н. Радищева. 2 изд. М.; Л., 1949.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани (Ша'равни) 317—320
Абу-л-Фазл 275, 277—279
Абу Юсуф 309—311
Авиценна *см.* Ибн Сина
Агатангел 333
Агрикола Р. 363
Адам Даниил из Велеславина 269
Адамс С. 533
Азади Д. 328, 329
Айртон Г. 511
Акбар (правитель Могольской империи в Индии) 277, 278
Ала-уд-дин Хильджи 277, 280
Александр I (рос. император) 552, 558
Александр Македонский 127, 367
Александр Невский 198
Алексей Михайлович (рус. царь) 209—211, 399
Али Айни 350
Али Мустафа 349, 351
Амвросий (епископ) 178—179
Аменемопет 43
Аменхотеп 40
Аменхотеп III (егип. фараон) 49
Амилахвари А. 414
Анания Ширакаци 333
Андо Сёэки 301—303
Антифонт 116
Анхерсен И. П. 487
Араи Хакусэки 299
Аристотель 10, 13, 18, 19, 25, 34, 35, 118, 127—135, 174—177, 188, 225, 313, 320, 323, 324, 341, 377
Арнольд Брешианский 185
Арнольд К. И. 484
Арцруни Т. 333
Аурангзеб 275, 277
Ахенваль Г. 487
Ахматов И. 484

Бабек П. 330
Бабёф Гракх (наст. имя Франсуа Ноэль) 530—532
Бабур З. 327
Багратиони Б. 343
Баласагуни Юсуф (Хас Ходжиб) 320, 324, 325
Баранович Л. 218
Батонишвили И. 414
Бахманяр А. Г. М. 330
Башкин М. С. 203
Бебель Г. 364
Беда Достопочтенный 173
Бедиль Мирза 327, 328
Бельграно М. 539, 540
Бем-Баверк Э. 121
Берзевицы Г. 249
Берклюдже М. 346, 347
Бернулли Я. 491
Берченьи М. 248, 249
Бестужев Н. А. 564—566
Бестужев-Рюмин М. П. 559
Бехер И. 396
Бируни Абу Рейхан Мухаммед 320, 323, 324
Бовес 541
Боден Ж. 190, 393, 496, 497
Боливар С. 540—543
Болл Дж. 186, 187
Болотников И. И. 212
Бомануар Ф. 179—181
Борецкий И. А. 216
Боржек Я. 398
Борил (болг. царь) 235, 236
Брактон Г. де 181
Брант С. 363, 364
Брелер Б. 85
Брюховецкий И. М. 217
Буагильбер П. 9, 20, 359, 415, 435—440, 444, 453, 500—502
Будный С. 220, 225
Бундос 75
Буонаротти Ф. М. 531
Бэкон Ф. 21, 470, 471, 474, 477

Ван Аньши 282, 287, 289
Вандерлинт Дж. 358, 423—424
Ван Чуаньшань 282
Варнеке И. 233
Варрон М. Т. 34, 141—145
Василий III Иванович 204
Василий IV Шуйский 209
Вассиан Патрикеев (Косой) 204
Ватсьяяна 81
Вахтанг VI 342
Вейси 350
Вербёци И. 246, 247
Вергилий М. П. 138
Виджнянешвара 274
Вильгельм I Завоеватель 514
Вимфелинг Я. 363
Виссарион Никейский 164, 193, 194

Витаутас В. (вел. князь литовский) 222
Вишенский И. 216
Владимир I Святославич 197
Владимир II Мономах 196
Влачич М. (Флациус) 398, 399
Вобан С. 501—502
Волынский А. П. 493
Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) 521, 522

Газали (аль-Газали) М. 311
Галлей Э. 490
Гамильтон А. 533, 535, 536
Гандзакеци К. 334
Гаратти Ф. 483
Гаррингтон Дж. 511, 512
Гарчиньский С. 256
Гассенди П. 21
Гаусс К. Ф. 491
Гевонд 333
Гедиминас (вел. князь литовский) 222
Гельвеций К. А. 445, 527
Гельвиг Ф. 483
Генрих IV 392
Генрих VIII 374
Георг III 534
Георгий (царь Грузии) 341
Григорий Нисский 178
Геснод 112
Гиплер В. 372
Гиппий 116
Гоббс Т. 21, 360, 415, 471, 474, 476, 510, 511
Голеску Д. 242
Гольбах П. А. 527
Гомер 111
Гонезий П. 225
Горбачевский И. И. 564
Горгий 116
Горник Ф. 396
Гостковский В. 254
Гостомский А. 253, 254
Гош М. 334
Грабовский П. А. 254
Гракх Т. и Г. 34, 137
Грациан (монах) 174
Граунт Дж. 489—491
Григорий Палама 188, 189
Григорий Тулузский 496
Григорий Цамблак 235
Гродвагнер Я. 255
Губерти С. 231
Гус Я. 162, 185, 264—266
Гуттен У. фон 364
Гу Яньу 282, 287

Даванцатн Б. 395
Давид (царь Изр.-Иуд. гос-ва) 67
Давид (царь Грузии) 341
Даврижеци А. 339
Д'Аламбер Ж. Л. 442
Дантои Ж. 528
Даранагци Г. 339
Дарий I 74
Дартэ О. А. 531
Дегранж-отец Э. 483—484
Декарт Р. 21, 444, 477
Демокрит 115, 116
Депарсье А. 490
Десницкий С. Е. 548, 558
Дефо Д. 482
Джами А. 326, 327
Джефферсон Т. 533—536
Джугаецн М. 338
Джугаеци Х. 339
Дидро Д. 444, 445, 460, 525—527
Дожа Д. 162, 247, 248
Дольчино 23, 162, 186, 373
Донелайтис К. 226
Драсханакертци О. 333
Дун Чжуншу 286
Дюмарше Ж. Б. 484
Дюпон де Немур П. С. 442, 475
Дюпре Сен-Мор де 490
Дюто 491, 492

Еврипид 117
Евфимий Тырновский 235, 236
Егише 333
Екатерина II Алексеевна 543—545, 550
Ермолай-Еразм 205—207, 496, 497
Е Ши 282

Жермен Ш. 530, 531
Жигимонт Август (вел. князь литовский) 223, 224
Заремба С. 255
Зедазнели И. 340
Зизаний С. 216
Зиновий Отенский 203
Зиновиев К. 218, 219
Зия-уд-дин Барани 280
Зонненфельс И. 497, 503, 505—506
Зюсмильх И. 491
Ибн Сина (Авиценна) 320—323
Ибн Хальдун 19, 25, 166, 312—316, 320, 352

Иван III Васильевич 199, 201
Иван IV Грозный 199, 200, 205, 207—209, 211
Иван Калита 199
Идальго М. 538
Иоахим Флорский (калабр. монах) 373
Исида Байган 299

Йиржи из Подебрад (чеш. король) 269

Каблубек В. 250
Каганкатваци М. 332
Калиньский В. 226
Калхана 275, 277
Каль Г. 186
Кальвин Ж. 21, 252, 355, 362, 365, 368, 369
Кампанелла Т. 23, 355, 373, 376—378, 515
Кантемир Д. К. 240
Кантильон Р. 358, 415
Кануии С. 348, 349
Карафа Д. 496
Кардано Дж. 482
Карл I 262, 263
Карл II 430
Карл Великий 170—172, 486
Карли 492
Карпович М. 226
Кастельи Х. Х. 539, 540
Катарджиу Б. 241
Катон М. П. 34, 138—142, 145, 368
Катырев-Ростовский И. М. 211
Каутилья 81, 84
Каховский П. Г. 566
Кельх К. 231
Кемаль Т. 346
Кенэ Ф. 22, 25, 190, 359, 415, 442, 444—466, 473—475
Керсебум В. 490
Кет Р. 186
Киммэй 292
Киприан (митрополит) 235
Кир 68, 118, 119, 120
Кирилов И. К. 493
Клёнович С. Ф. 253
Княжевич Т. 226
Козельский Я. П. 548, 558
Козьма (пресвитер) 234, 236
Колумб Х. 537
Колумелла Ю. М. 34, 144—147
Кольбер Ж.-Б. 190, 392, 393, 436, 443, 498, 499
Конарский С. 256
Кондорканги Х. Г. (Тупак Амару) 537
Конисский Г. 220, 221
Конринг Г. 487
Константин Костенчский 235
Константин Палеолог 193, 194
Конфуций (Куи-цзы) 95—97, 99, 103, 107
Коперник Н. 251, 252
Копыстенский З. 216
Корнелиус Викторин 268
Косой Ф. 203, 204
Котрулич Б. 398, 482
Кочибей М. 350
Кошут Л. 249
Крафт Л. Ю. 494—495
Крижанич Ю. 399, 400
Кромвель О. 390, 394, 430, 509—511, 515
Крузиус Ф. 232
Ксенофонт 18, 25, 34, 115, 117—122, 148
Куллуки 274
Кумадзава Бандзан 299
Кун Т. 13, 14
Курбатов А. А. 502
Курбский А. М. 208
Куспиниан И. 248

Лакшмидхара 274
Лалитадитья 277
Лао-цзы 107, 108
Лаплас П. С. 491
Лев VI Мудрый 188
Ленин В. И. 5—7, 9, 12, 29, 127, 401, 439, 514, 520, 527, 557, 560, 569
Летрон Г. Ф. 442
Лещинский С. 256
Ли Бань 290
Ли Гоу 282, 283, 285, 287
Лиетувис М. 225
Ли Куй 100, 101
Ликург 33, 112, 113, 118
Лилберн Дж. 512, 513
Локк Дж. 22, 358, 360, 415—419, 422, 424
Ломоносов М. В. 231, 409—412, 495
Лунин М. С. 564
Людовик XII 492
Людовик XIV 392, 492
Людовик XV 444, 446, 447
Людовик Благочестивый 170
Лютер М. 21, 355, 362, 365—370

Лютфи-паша 349

Мабли Г. 23, 516, 519, 520, 549
Маздак 75, 329, 330
Мазепа И. С. 218
Майор П. 241
Майраванеци И. 333
Максим Грек 204
Маливский Ф. 397, 398
Мани 75, 76
Манн Т. 492
Мануил II Палеолог 190
Марат Ж. П. 528, 529
Марешаль П. С. 531
Мариана 394
Марини А. 269
Маркс К. 5, 6, 9, 11, 15, 19—21, 32, 33, 35, 49, 50, 121, 122, 124, 127, 131—133, 135, 136, 141, 159, 160, 164, 241, 300, 355, 357—360, 365, 367, 375, 380, 381, 383—387, 394, 415—419, 422, 423, 425, 426, 428—430, 432—434, 436, 438—441, 444, 445, 447, 451, 452, 454—457, 460, 461, 463, 465—468, 471—476, 478, 485, 511, 521, 524, 527, 532
Масси Дж. 358, 424
Матвеев А. С. 210, 211
Махтумкули 328, 329
Мацудайра Саданобу 298
Малик Амбар 278
Мелье Ж. 23, 516, 517, 520
Мен Т. 390—392, 468
Менгден Э. фон 232
Мерсье де ла Ривьер П. 442, 475
Мерчуле Г. 339, 340
Мецонеци Т. 339
Миёси Киеюки (Киёцура) 293—296
Мику И. 240, 241
Мику С. 241
Милич Я. 263
Милутин С. 257
Мильтон Дж. 511
Минамото Ёритомо 296
Мирабо В. 442, 445
Многогрешный Д. 218
Моджевский А. 252, 253
Мо Ди (Мо-цзы) 108, 109
Могила П. 216
Монкретьен А. 393, 394, 499
Монтескье Ш. Л. 426, 473, 520, 521
Мор Т. 23, 225, 355, 373—378, 415, 515, 531
Моргенталер П. Г. 397
Морелли 23, 516—518, 520, 531
Морелос Х. М. 538—539
Морено М. 539, 540
Морозов Б. И. 210, 211, 493
Мровели Л. 339
Мтацминдели Г. 339, 340
Мтацминдели Е. 339
Муавр А. де 491
Муравьев Н. М. 558, 559, 563, 566
Муравьев-Апостол С. И. 559
Мурад IV 350
Мустафа Шефка Башеския 262
Мухаммед 304—307, 310, 311
Мцире Г. 340
Мэн-цзы 97, 98
Мюнстер С. 230
Мюнцер Т. 23, 369—371, 373

Навои А. 325—326
Навуходоносор II 68
Наима М. 352
Наполеон 558
Нейденбург И. Х. 231
Неккер Ж. 496, 500—502
Немчинов В. С. 459
Нестеров А. 502
Низам аль-Мульк 320, 325
Низами Гянджеви 330, 331
Никитин А. 202
Никифор Фока 188
Николай Кавасила 189, 190
Николай I 566
Нил Сорский 204
Новиков Н. И. 548, 558
Норс Д. 21, 358, 415, 419—423

Овертон Р. 512
Олахус Н. 239
Олизаровиюс А. 225
О'Лири 542
Омар ибн Абу аль-Азиз 310
Опалиньский К. 255
Орбелиани С. 342
Орбелян С. 333
Ордин-Нащокин А. Л. 164, 210, 211, 254, 401—403
Орем (Оресм) Никола́ 183, 184
Орлов М. Ф. 564—565, 568
Ортолог Ф. 216
Осторог Ян 251
Оуэн Р. 24
Оуян Сю 282, 285

Пааше Г. 492
Палицын Авраамий 211

Парбеци Л. 332
Паскаль Б. 491
Пачоли Л. 482—484
Пейн Т. 533
Пересветов И. С. 164, 205, 496, 497
Перикл 115, 119
Пестель П. И. 558—559, 561—565
Петр (болг. царь) 236
Петр I Великий (рус. царь) 221, 240, 379, 403, 404, 406, 407, 411, 412, 484, 493, 494, 551, 552
Петрици И. 339
Петрыцы С. 253
Петти Уильям (Вильям) 9, 20, 22, 25, 358, 359, 384, 401, 403, 404, 407, 415, 424, 429—435, 437—440, 444, 453, 470—476, 488, 489, 499—501, 511
Пильховский Д. 226
Платон 10, 13, 18, 25, 32, 34, 117, 118, 122—127, 323, 341, 378
Плиний Старший Г. 34, 146, 147
Плифон Г. 164, 190—194
Плутарх 225
Полоцкий С. 220
Посошков И. Т. 404—408, 412, 502
Принс Т. 512
Протагор 116
Пуассон С. Д. 491
Пугачев Е. И. 355, 543—546, 548, 550
Пущин И. И. 563

Рабле Ф. 354
Радищев А. Н. 495, 548—558
Раду Л. 242
Разин С. 162, 212
Рамсес V 40
Рамсес IX 40
Ракоци II 248, 249
Рашидаддин 332
Рейхлин И. 364
Реннер И. 229
Рёпков Э. фон 179, 180
Ризинг И. 413
Рикардо Д. 9, 10, 416, 419, 465, 479, 568
Рильский И. 234, 235
Ричард II 186
Ришелье А. (кардинал) 392, 497—499
Робеспьер М. 528
Ротундас А. 225
Ру Ж. 529
Руссо Ж.-Ж. 473, 522—525, 527, 528, 534, 540, 567
Руссов (Рюссов) Б. 229, 230, 231
Руставели Ш. 341

Сааведра К. 539
Сабанидзе И. 339, 340
Савари Ж. 482—483
Салтыков Ф. С. 502
Сан-Мартин Х. 540
Саркавак З. 339
Саул (царь Изр.-Иуд. гос-ва) 67
Селим III 353
Селяники 349, 351
Сенека Л. А. 25, 148, 151, 152
Сен-Жюст Л. А. 528
Сен-Симон А. К. 24
Сервантес Сааведра М. де 354
Сервий Туллий 29, 136
Серра А. 396
Сеченьи И. 249
Симави Б. 346
Синан-паша 348
Скарга П. 226
Скаруффи Г. 395
Скорина Ф. 220
Смиглецкий М. 225, 226
Смит А. 9, 10, 190, 379, 383, 416, 426, 465, 469, 473, 476, 479, 556, 565, 568
Смотрицкий Г. 216
Снядецкий Я. 226
Сократ 116—118
Солон 29, 33, 113, 114, 367
Спартак 22, 142
Спафарий Н. Г. (Милеску Н.) 239
Спиноза Б. 21
Стаффорд У. 390
Стевин С. 482
Стефан Душан 257—260
Стефан Лазаревич 261
Стефан Неманя 257, 260
Стефан Первовенчанный 257
Стопиус З. 231
Струве П. 12
Стучевский И. А. 41
Стюарт Дж. 415, 416, 426, 427, 469
Сугавара Митидзанэ 293
Сумароков А. П. 410
Суцу Н. 243, 244
Су Ши 282
Сыма Цянь 100
Сэй Ж.-Б. 244

Сюлли М. 415, 496—499
Сюй Син 109
Сюнь-цзы 98—100

Тайлер У. 162, 186
Тамара (царица Грузии) 341, 342
Танума Окицугу 298
Тан Юйчжи 290
Татарджик А. 353
Татеваци Г. 335—338
Татищев В. Н. 407, 408, 412, 494
Тебризи Х. 330
Теодорих Великий 172
Тнглатпаласар III 64
Тиммерман 485
Тимофеев И. 211
Тоётоми Хидэеси 297—298
Токугава Иэясу 298, 299
Тотт Г. 232
Третьяков И. А. 548, 558
Тромба Н. 250
Трубецкой С. П. 560, 564
Тургенев Н. И. 562—567
Турды 328
Туси Н. М. 331, 332
Туссен-Лувертюр Ф. 537
Тюменев А. И. 54
Тюрго А. 25, 360, 415, 442, 460—466, 469, 475—478, 501, 502

Уайльдмани Дж. 512
Уиклиф Дж. 185
Уинстэнли Д. 23, 512—516
Уллоа Б. 394, 395
Уна 43
Уолвин У. 512
Урош I 257
Урхаеци М. 333—334
Ус Василий 212
Усер 43
Устарис Х. 394

Фавстос Бузанд 333
Фан Ла 290
Фань Чжунъянь 282, 289
Фараби 320, 321, 323
Феодор Метохит 188
Феодор Палеолог 190
Фируз-шах Туглак 276
Фома Аквинский (Аквинат) 8, 13, 19, 25, 164, 174—179
Фома Магистр 188
Фонвизин М. А. 560
Форбоннэ Ф. 501
Форни Д. 482—484
Фортрей С. 392
Фостер У. 534
Фотий (патриарх) 189
Фотино Д. 242
Франклин Б. 415, 440—442, 534
Фредро А. М. 256
Фурье Ш. 24

Хагани Ширвани 330, 331
Хаммурапи 32, 55—59, 62, 70
Хань Фэй 103
Харун ар-Рашид 309
Хасан Кяфи Аххисари 349, 350
Хаяси Сихэй 299
Хезарфенн Х. 351
Хельчицкий П. 266—268
Хлодвиг 168
Хмельницкий Б. 216, 217
Хмельницкий Ю. 217
Хонда Тосиаки 300, 301
Хоремхеб 46
Хоренаци М. 333
Хуан Цзунси 282

Цвингли У. 355
Цзы Чань 100
Цзя Шань 288
Цесельский А. 254
Цицерон М. Т. 25, 148—150
Цуртавели Я. 339

Челеби Кятиб 351
Чехович М. 225
Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) 108
Чжун Сян 290
Чингис-хан 331

Шан Ян (Гунсунь Ян) 101—103
Швайкер В. 482
Шевалье П. 215
Ле Шапелье 529
Шериф-эфенди 353
Шер-шах 278
Шинкаи Г. 241
Ширкевич И. 218
Шкерлец М. 249
Шлехер Х. 481
Штитны Т. 264
Шторх Н. 370
Шувалов И. И. 410
Шэнь Ко 282

Энгельс Ф. 5, 6, 9, 11, 15, 29, 74, 114, 127, 155, 156, 174, 202, 360, 363, 364, 369—373, 378, 380, 381, 416, 445, 466, 516, 520,

523, 524, 532
Эндре II 245, 246
Эразм Роттердамский (иаст. имя Герхард Герхардс) 225, 239, 354, 364
Эсе Т. 248
Этельберт 173

Юм Д. 358, 360, 415, 423—426
Юсти И. 497, 503, 505, 506
Юстиниаи 367
Юсуф Хас Ходжиб *см.* Баласагуни

Якушкин И. Д. 558, 564
Яманоэ Окура 293
Ямасита Конан 298
Янсен Й. 49
Ян Яо 290
Ярослав Мудрый 196

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 5

Введение к первому тому 18

Часть I. **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ РАБОВЛАДЕНИЯ** 28

Раздел I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ 36

Глава 1. **Древний Египет** . . . . . —

1. Материальные предпосылки возникновения и развития экономической мысли 36

2. Вопросы организации и управления государственным хозяйством 38

3. Представления египтян о частной собственности, товарно-денежных отношениях и рабстве 47

Глава 2. **Передняя Азия** 51

1. Древний Шумер: учет как основа организации государственного хозяйства . . . . . —

2. Старовавилонское царство: формы государственного контроля экономической деятельности населения 54

3. Хеттское общество: государственная регламентация экономической жизни страны 59

4. Ассирия: вопросы управления военной державой 62

5. Нововавилонское царство: рождение первых банков 65

6. Ветхий завет: борьба с ростовщичеством и долговым рабством 67

Глава 3. **Зарождение экономической мысли в Древнем Иране** 70

Глава 4. **Древняя Индия** 76

1. Древнейший период. Зарождение экономических взглядов —

2. Собственность и социальная структура в произведениях буддизма и брахманизма (середина I тыс. до н. э.) 78

3. Учение об управлении и государственных доходах в «Артхашастре» 84

Глава 5. **Древний Китай** 94

1. Экономические воззрения древнего конфуцианства 95

2. Экономические идеи легизма 100

3. Трактат «Гуань-цзы» о государственном регулировании экономики 104

4. Социальные утопии 107

Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АНТИЧНОСТИ . . . 111

Глава 6. **Древняя Греция** . . . . . —

1. Экономические воззрения раннего рабовладельческого общества 111

2. Экономическая мысль классического периода 115

3. Экономическая мысль периода кризиса полисной системы. Ксенофонт и Платон 117

4. Экономические взгляды Аристотеля 127

Глава 7. **Древний Рим** 135
1. Социально-экономические проблемы античного полиса . . . 136
2. Об организации рабовладельческого хозяйства 138
3. Цицерон и Сенека о рабовладельческом строе 148
4. Экономическая политика римских императоров 152
5. Экономические идеи первоначального христианства 153

Часть II. **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА** 158

Раздел I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 167

Глава 8. **Западная Европа** . . . . . —
1. Раннее средневековье 167
2. Классическое средневековье 174
3. Экономические идеи народных масс и экономические требования крестьянских восстаний 184

Глава 9. **Византия** 187

Глава 10. **Экономическая мысль народов России (IX—XVII вв.)** 195
1. Период Древней Руси . . . . . —
2. Экономическая мысль на этапе образования централизованного Русского государства 199
3. Экономическая мысль Украины 213
4. Экономическая мысль Белоруссии 219
5. Экономическая мысль народов Прибалтики 222

Глава 11. **Экономическая мысль Восточной и Юго-Восточной Европы** 233
1. Болгария 234
2. Валахия, Молдова и Трансильвания 238
3. Венгрия 244
4. Польша 249
5. Сербия, Хорватия, другие югославянские страны 257
6. Чехия 262

Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА 271

Глава 12. **Индия** . . . . . —

Глава 13. **Китай** 281

Глава 14. **Экономическая мысль феодальной Японии** 291

Глава 15. **Экономическая мысль арабов в средние века** 303
1. Экономические представления арабов до образования халифата. Коран 304
2. Экономические концепции времен Арабского халифата . . . 307
3. Социально-экономические воззрения Ибн Хальдуна 312
4. Арабская экономическая мысль XVI— первой половины XVII в. 316

Глава 16. **Экономическая мысль народов Средней Азии и Закавказья в эпоху феодализма** 320
1. Средняя Азия . . . . . —
2. Азербайджан, Армения, Грузия 329
Глава 17. **Османская империя** 343

Часть III. **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА** 354

Раздел I. ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 362

Глава 18. **Кризис феодального мировоззрения и его влияние на экономическую мысль позднего средневековья** . . . . . —
1. Критика торгашеского феодализма и обоснование буржуазного предпринимательства. М. Лютер и Ж. Кальвин 362
2. Экономическая программа крестьянских масс. Т. Мюнцер . . . 369
3. Социальные утопии периода разложения феодализма 372

Глава 19. **Меркантилизм** 378
1. Предпосылки генезиса меркантилизма. Два этапа развития: монетаризм и теория «торгового баланса» . . . . . —
2. Роль меркантилизма в развитии экономических идей 383
3. Западноевропейский меркантилизм 390
4. Иден меркантилизма в России 400

Глава 20. **Критики меркантилизма** 414
1. Теоретические основы критики меркантилизма. Дж. Локк 415
2. Требование свободной торговли. Д. Норс 419
3. Критика меркантилистской теории денег. Дж. Вандерлинт и Д. Юм 423
4. Попытка защиты меркантилизма. Дж. Стюарт 426

Раздел II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ 428

Глава 21. **Генезис классической школы буржуазной политической экономии** . . . . . —
1. Экономические взгляды У. Петти 429
2. Экономические взгляды П. Буагильбера 435
3. Учение о стоимости Б. Франклина 440

Глава 22. **Физиократы** 442
1. Экономические взгляды Ф. Кенэ 444
2. «Экономическая таблица» Ф. Кенэ 455
3. Экономические воззрения А. Тюрго 460

Глава 23. **Развитие метода и системы политической экономии в XVII—XVIII вв.** 466
1. Эмпиризм меркантилистов . . . . . —
2. Противоречия метода У. Петти 470
3. Первая экономическая система буржуазной политической экономии (физиократизм) 472

Глава 24. **Начало формирования конкретных экономических наук (до конца XVIII в.)** 479
1. Бухгалтерский учет . . . . . —
2. Статистика 485
3. Финансовая наука 495
4. Наука об управлении хозяйством 503

Раздел III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНТИФЕОДАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ДВИЖЕНИЙ 509

Глава 25. **Английская буржуазиая революция** . . . . . —
1. Экономическая идеология крупной буржуазии 509
2. Экономические взгляды мелкобуржуазных кругов и социальных низов. Утопический социализм Дж. Уинстэнли 512

Глава 26. **Идеологическая подготовка и экономические идеи Великой французской революции** 516
1. Уравнительный коммунизм Мелье, Морелли и Мабли . . . . —
2. Французские просветители и энциклопедисты 520
3. Экономические воззрения якобинцев 527
4. Социалистические идеи бабувистов 530

Глава 27. **Экономические платформы антиколониальных революций в Америке** 532
1. Американская буржуазная революция . . . . . —
2. Антиколониальная революция в Латинской Америке (1810—1826) 537

Глава 28. **Возникновеиие антифеодального направления в экономической мысли России** 543
1. Экономические требования восставшего крестьянства под предводительством Пугачева. Их влияние на развитие экономической мысли . . . . . —
2. Социально-экономические взгляды А. Н. Радищева 548
3. Экономические идеи декабристов 557

Источники 570
Краткая библиография 588
Именной указатель 597

Всемирная история экономической мысли. В 6 т.
В84 Т. I/МГУ им. М. В. Ломоносова; Гл. редкол.: В. Н. Черковец (гл. ред.) и др.— М.: Мысль, 1987.— 606, [1] с.

Том открывает шеститомное издание «Всемирной истории экономической мысли». В нем представлена экономическая мысль эпохи рабовладения (древний Восток, античный мир), феодализма (Западная и Восточная Европа, народы России, Индия, Китай, Япония, Арабский Восток), периода разложения феодализма и генезиса капитализма (меркантилизм, физиократы, экономические идеи буржуазных революций).

В $\frac{0603000000\text{-}028}{004(01)\text{—}87}$ подписное **ББК 65.02**

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

том 1

Заведующая редакцией Т. А. Воскресенская
Редактор О. С. Рябухина
Младшие редакторы И. Л. Дзыза, Л. Е. Карина
Оформление художника О. В. Чарнолусской
Художественный редактор А. И. Ольденбургер
Технический редактор Т. В. Лячина
Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 3210

Сдано в набор 23.01.87. Подписано в печать 14.10.87. А09189. Формат 84 × × 108$^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 31,92. Усл. кр.-отт. 31,92. Учетно-издательских листов 36,83. Тираж 20 000 экз. Заказ № 828. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.